

Walter H. H. H.

ТРУДЫ

РУССКИХЪ УЧЕНЫХЪ ЗА-ГРАНИЦЕЙ

СБОРНИКЪ
АКАДЕМИЧЕСКОЙ ГРУППЫ ВЪ БЕРЛИНѢ
ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ
ПРОФЕССОРА А. И. КАМИНКА

ТОМЪ II

1 9 2 3

К Н И Г О И З Д А Т Е Л Ъ С Т В О « С Л О В О »

Оглавление

	Стр
А. Каминка. Памяти В. Д. Набокова	1
Н. Арсеньевъ. Образъ страждущаго Христа въ религиозныхъ переживаніяхъ среднихъ вѣковъ	11
Л. Багровъ. Чертежъ Украинскимъ и Черкасскимъ городамъ XVII вѣка	30
Д. Гриммъ. Проблема вещныхъ и личныхъ правъ въ древне-Римскомъ правѣ	44
Г. Ландау. О преодолѣніи зла (къ систематикѣ общественныхъ явленій и къ теоріи идеала)	69
А. Маклецовъ. Уголовное право послѣ войны.	88
Я. Мордухъ. О связанныхъ испытаніяхъ, отвѣчающихъ условію стохастической коммутативности	102
Б. Нольде. Исторія русскаго коллизіоннаго права	126
А. Погодинъ. Опытъ языческой реставраціи при Владимірѣ	149
П. Савицкій. Матеріалы по сельско-хозяйственной эволюціи Россіи	158
П. Струве. Замѣтки о плюрализмѣ	196
Ө. Тарановскій. О періодизаціи въ исторіи права	204
Н. Тимашевъ. Право какъ коллективно-психологическая реальность	212
С. Тимошенко. Расчетъ листовъ, ослабленныхъ отверстиями	231
С. Тимошенко. Изгибъ кривой трубки прямоугольнаго поперечнаго сѣченія	238
М. Чубинскій. Реформа уголовного права и процесса въ королевствѣ С. Х. С.	244
А. Чупровъ. Исходная задача математической теоріи приѣмовъ статистическаго изслѣдованія связи между двумя случайными переменными	279
С. Штейнъ. Натуральное хозяйство	309
Библиографія: Отзывъ П. Струве о книгѣ: «А. Н. Закъ. — Разверстка государственныхъ долговъ»	319
Отчетъ о съѣздѣ Академическихъ Организаций въ Прагѣ	324

Памяти В. Д. Набокова

А. И. Каминка

Съ тѣхъ поръ, какъ значительная часть русскихъ общественныхъ дѣятелей и представителей науки и литературы оказалась за рубежемъ, въ томительномъ ожиданіи той счастливой минуты, когда будетъ возможно, не поступаясь своимъ человѣческимъ достоинствомъ и не отрекаясь отъ своихъ взглядовъ, вернуться къ себѣ на родину, погибло не мало русскихъ людей, которыми можетъ гордиться родина, которые могли бы принести ей громадную пользу въ ту тяжелую переходную эпоху, которую она еще не изжила. Но ни одна смерть не вызвала такого глубокаго и искренняго чувства сожалѣнія, какъ смерть Владиміра Дмитриевича Набокова.

Конечно, на первомъ мѣстѣ оплакивали большого общественнаго дѣятеля, блестящаго публициста. Но Русская Академическая Группа въ Берлинѣ, въ которой Владиміръ Дмитриевичъ былъ товарищемъ предсѣдателя со дня ея возникновенія и до трагической своей смерти, справедливо оплакиваетъ въ лицѣ Владиміра Дмитриевича и крупнаго русскаго ученаго, и прекраснаго профессора, и превосходнаго сотрудника и товарища во всѣхъ научныхъ работахъ.

Въ сознаніи широкихъ круговъ Набоковъ ученый отодвигается далеко на задній планъ Набоковымъ политическимъ дѣтелемъ и публицистомъ. Но это не потому, что въ Набоковѣ ученый въ дѣйствительности въ такой мѣрѣ подавляется другими его качествами. Такое затѣненіе въ Набоковѣ его выдающихся свойствъ ученаго обуславливается частью особенностями научной дѣятельности вообще, частью особенностями русскаго жизни.

Для большой публики, для массъ всегда особенно дорога фигура смѣлаго и талантливаго политическаго дѣятеля, въ особенности въ критическія минуты государственной жизни. На нее устремляются всѣ взоры, отъ нея ждутъ спасенія. Подобно ударамъ рѣзца по мраморной глыбѣ запечатлѣвается въ памяти современниковъ каждое выступленіе большого политическаго вождя, часто передаваясь за сямъ изъ поколѣнія въ поколѣніе, образуя порой легенду. Понятна и доступна массамъ и дѣятельность выдающагося публициста, голосъ котораго особенно отчетливо раздастся въ минуты тяжелыхъ замѣшательствъ, оставляя въ широкихъ кругахъ читателей представленіе о публицистѣ какъ крупномъ общественномъ дѣятелѣ, какъ блестящемъ служителѣ слова.

Въ совершенно иныхъ условіяхъ находится челоѣкъ науки. За очень немногими исключеніями ученыхъ, пролагающихъ свои совершенно новые пути, открывающихъ предъ челоѣчествомъ новыя перспективы или создаю-

щихъ ему новыя возможности, ученый остается мало извѣстнымъ за предѣлами круга своихъ товарищей, такихъ же далекихъ отъ житейскаго шума работниковъ науки. Поэтому, когда въ одномъ лицѣ соединяются свойства ученаго, политическаго дѣятеля и публициста, то неизбежно слава политическаго дѣятеля и публициста заглушаетъ репутацію ученаго. Но долгъ Академической Группы возстановить значеніе Набокова какъ ученаго. Это будетъ справедливымъ дополненіемъ къ тѣмъ восторженнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ вполне заслуженнымъ характеристикамъ Набокова какъ публициста и общественнаго дѣятеля, которыя съ такимъ единодушіемъ были сдѣланы всѣми органами печати, всѣми общественными дѣятелями, почти безъ различія партій. И только въ связи съ такой характеристикой многогранная личность этого исключительно одареннаго отъ природы человѣка возстанетъ предъ нами во всей своей полнотѣ и намъ сдѣлается понятнымъ то исключительное обаяніе, которымъ въ теченіе всей своей дѣятельности пользовался Владиміръ Дмитріевичъ.

Набоковъ не случайно занялся научной работой. Окончивъ блестяще курсъ юридическаго факультета Петербургскаго Университета, Владиміръ Дмитріевичъ имѣлъ полную возможность сдѣлать самую блестящую карьеру. Можно даже сказать, что онъ былъ лишенъ возможности не сдѣлать такую карьеру. Сынъ министра юстиціи, членъ семьи съ самыми обширными въ теченіе многихъ поколѣній сложившимися связями въ сановномъ и придворномъ мірѣ, талантливый, широко образованный, гармонически сочетавшій въ себѣ вѣщій блескъ съ богатымъ внутреннимъ содержаніемъ, строгій и аккуратный, органически аккуратный, при исполненіи всѣхъ своихъ обязанностей, и снисходительный къ другимъ, онъ былъ желаннымъ гостемъ въ любомъ министерствѣ, любимцемъ и бальвономъ въ любомъ обществѣ. И, вѣрный семейнымъ традиціямъ, онъ дѣйствительно вступилъ на службу въ Государственный Совѣтъ и получилъ званіе камеръ-юнкера.

Но это блестящее начало, залогъ неизбежныхъ успѣховъ, совершенно не удовлетворяло Владимира Дмитріевича. Оно не отвѣчало тѣмъ внутреннимъ импульсамъ къ сосредоточенной кабинетной научной работѣ, къ болѣе широкой общественной дѣятельности, которые были глубоко въ немъ заложены, которые были незамѣтны просто потому, что сравнительно второстепенныя вѣщія достоинства заслоняли собой его болѣе глубокія и цѣнныя свойства. Его служебныя занятія, тѣсно съ ними связанныя многочисленные свѣтскія обязанности, любовь къ искусству, которое онъ глубоко понималъ, любовь къ театру, которому онъ отдавалъ свои досуги, который онъ нѣжно любилъ и тонко цѣнилъ, все это не помѣшало юношѣ Набокову горячо отдаться строго научнымъ занятіямъ. Владиміръ Дмитріевичъ былъ тогда очень далекъ отъ русскихъ общественныхъ круговъ. Семейныя традиціи окружали его такимъ тѣснымъ кольцомъ, что, казалось, никакое враждебное этому замкнутому міру вѣяніе не могло сюда проникнуть. Въ этомъ кругу и сама наука была лишь случайнымъ гостемъ, всѣмъ болѣе или менѣе чуждымъ, но все же терпимымъ. И стремясь выйти за предѣлы среды, слишкомъ для него тѣсной, отнюдь однако съ нею не порывая, Владиміръ Дмитріевичъ еще юношей съ жаромъ набросился на научныя занятія правомъ. Онъ посвятилъ себя изученію уголовного права. Въ то время это былъ самый трудный предметъ для ученой „дарьеры“. Профессора уголовного права Петербургскаго Университета Таганцевъ и Фойницкій были извѣстны какъ исключительно требовательные препода-

даватели, какъ исключительно „свирѣпые“ экзаменаторы. И все же, какъ всегда, Набоковъ блестяще сдалъ магистерскій экзаменъ и обратилъ на себя особое вниманіе своихъ строгихъ учителей.

Занятія въ Петроградскомъ Университетѣ не удовлетворили Набокова. Онъ дополнилъ свою научную подготовку въ Германскихъ университетахъ. Свои первыя поѣздки въ Европу, гдѣ было столько интереснаго для широко образованнаго и всеѣмъ интересовавшагося Набокова, съ его изысканными художественными вкусами, онъ посвятилъ по преимуществу изученію права. Въмѣсто веселыхъ и шумныхъ столицъ онъ избралъ мѣстомъ своего болѣе длительного пребыванія небольшой провинціальныи университетскій городъ, въ которомъ преподавалъ знаменитый Листъ. Здѣсь онъ обратилъ на себя вниманіе европейски извѣстныхъ криминалистовъ, которымъ не приходилось жаловаться на недостатокъ хорошихъ учениковъ. Эти свои связи съ европейской наукой, съ европейскими учеными онъ сохранилъ въ теченіе всей своей жизни. Онъ былъ всегда желаннымъ членомъ всѣхъ международныхъ съѣздовъ криминалистовъ, въ которыхъ вполнѣ неизмѣнно принималъ участіе въ качествѣ предѣлителя Русской Группы Международнаго Союза Криминалистовъ. Его солидная эрудиція, блестящія знанія языковъ, которыми онъ поражалъ даже и образованнѣйшихъ иностранныхъ ученыхъ, его выдающіеся діалектическія способности, умѣніе отдѣлять существенное отъ второстепеннаго, умѣніе въ полемикѣ выдвигать существо дѣла и отстранять все случайное и личное — все это дѣлало его однимъ изъ наиболѣе цѣнныхъ представителей науки въ любомъ съѣздѣ ученыхъ. Украшая своимъ участіемъ международные научные съѣзды, онъ вносилъ и свою лепту въ международную научную работу, поднимая вмѣстѣ съ тѣмъ престижъ русскихъ ученыхъ, русской науки въ глазахъ всего міра. Самъ Владиміръ Дмитріевичъ никогда не говорилъ о своихъ успѣхахъ на этихъ международныхъ съѣздахъ криминалистовъ. Если онъ ихъ и касался въ частной бесѣдѣ, онъ ограничивался передачей вѣщнаго хода работъ, да развѣ иногда упоминалъ о томъ впечатлѣніи, которое производило его умѣніе объясняться совершенно свободно на трехъ языкахъ. Но его русскіе товарищи по этимъ Съездамъ охотно говорили о той цѣнной работѣ, которую дѣлалъ Набоковъ на этихъ съѣздахъ, о томъ, съ какой силой и съ какимъ авторитетомъ онъ выступалъ на нихъ въ тѣ минуты, когда, какъ ему справедливо казалось, съѣздъ направлялся по невѣрному пути, уклонялся отъ тѣхъ новыхъ гуманныхъ теченій, въ особенности въ вопросахъ о преступности и наказаніи, коими было проникнуто все міросозерцаніе Владиміра Дмитріевича, остававшагося одинаково гуманнымъ и благороднымъ во всѣхъ областяхъ своей многосторонней дѣятельности.

Въ Галле среди усиленныхъ занятій, въ студенческой обстановкѣ, его совершенно неожиданно застигло письмо его учителя Н. С. Таганцева, предлагавшаго ему, еще только начинающему ученому, раздѣлить съ первымъ русскимъ криминалистомъ труды по кафедрѣ уголовного права въ Училищѣ Правовѣдѣнія. Письмо это, написанное хорошо извѣстными всему Петербургу іероглифами нашего ученаго, осталось для Набокова на всю жизнь однимъ изъ цѣннѣйшихъ, бережно хранимыхъ документовъ. Много лѣтъ спустя онъ съ гордостью его показывалъ, съ комизмомъ рассказывая, какихъ неумовѣрныхъ трудовъ стоило ему расшифрованіе этого письма, въ каждое слово котораго онъ вкладывалъ особое содержаніе.

Онъ съ радостью принялъ сдѣланное ему предложеніе, хотя задача была далеко не легкая. Каждый специалистъ отлично знаетъ, какихъ громаднѣхъ трудовъ стоитъ въ молодые годы чтеніе общаго курса. Къ тому же на долю Владиміра Дмитріевича выпало чтеніе менѣе разработанной части уголовного права, именно его особенной части. Какъ извѣстно, русскіе ученые-профессора по преимуществу и съ особой любовью останавливаются на изученіи введенія въ свою дисциплину и общихъ ея вопросовъ. Наоборотъ, особія части оставляются въ сравнительномъ пренебреженіи. Многие профессора поэтому даже и не дочитываютъ до конца преподаваемыя имъ дисциплины. Несмотря на всѣ трудности, Владиміръ Дмитріевичъ съ честью справился со своей сложной задачей. Ему даже удалось сдѣлать то, что довольно рѣдко удавалось сдѣлать его значительно болѣе старшимъ товарищамъ: онъ сравнительно скоро издалъ для облегченія занятій студентовъ слатый конспектъ своихъ лекцій, который долженъ быть признанъ цѣннымъ пособіемъ по уголовному праву. Уже въ этомъ конспективномъ курсѣ проявились основныя черты Набокова какъ ученаго: чрезвычайная добросовѣстность при изученіи предмета, точность научной мысли и ясность въ ея формулировкѣ. Съ любовью къ догмѣ (отсюда его глубокая связь съ Классической Школой въ уголовномъ правѣ) онъ умѣло сочеталъ пониманіе новыхъ, проникнутыхъ чувствомъ гуманности теченій въ уголовномъ правѣ. Онъ сознавалъ необходимость въ преступникѣ почувствовать слабаго человѣка, не только заслуживающаго кару, но и нуждающагося въ исправленіи. Этимъ сознаніемъ были проникнуты всѣ труды Набокова по уголовному праву. Признаніемъ важности этого момента въ его наукѣ обуславливался часто у Набокова и самый выборъ темъ. Его статьи по вопросу о смертной казни останутся навсегда въ русскомъ уголовномъ правѣ цѣннымъ памятникомъ зрѣлой научной мысли, согрѣтой искреннимъ чувствомъ любви къ человѣчеству.

Въ этотъ періодъ научной работы Набокова, его начинающейся профессорской дѣятельности, въ Петербургѣ образовался кружокъ молодыхъ ученыхъ, поставившій своей задачей изученіе русскаго права. Однимъ изъ дѣятѣльнѣйшихъ участниковъ этого кружка, почти съ момента его образованія и до самаго прекращенія изданія основаннаго имъ журнала „Право“, былъ Набоковъ.

Задача этого журнала была очерчена чрезвычайно широко. Это не было обычное литературно-издательское предпріятіе. Основатели поставили себѣ большую научно-общественную задачу: видреніе въ населеніе любви къ законности, усвоеніе всей важности этого принципа сознаніемъ русскаго общества, аппаратомъ правительственной власти и въ особенности той его частью, которая имѣетъ своей спеціальной задачей быть хранителемъ права, защитникомъ противъ его нарушителей, т. е. судомъ.

Это было тогда въ Россіи новымъ и по условіямъ того времени смѣлымъ теченіемъ научной и общественной мысли. Оно нашло себѣ выдающагося выразителя въ лицѣ профессора Л. І. Петражицкаго, тогда еще только начинающаго ученаго, пріобрѣтшаго скоро европейскую извѣстность. Въ Петражицкомъ удивительно сочеталась глубина мысли, всегда стремившейся, порой съ болѣзненной настойчивостью фанатика, къ пониманію самаго существа вопроса, — съ поразительной силой діалектическаго таланта. Считаая принципъ законности краеугольнымъ камнемъ правового государства, онъ съ этой точки

зрѣнія признавалъ слѣдованіе этому принципу одинаково обязательнымъ и для власти, и для гражданъ. Представленія о желательномъ должны проявляться въ правотворческой дѣятельности, а не при примѣненіи права. Этотъ принципъ законности, какъ то новое слово, которое надо смѣло и послѣдовательно ввѣдрить въ сознаніе русскаго общества, былъ девизомъ редакціи „Права.“

Положеніе, которое занялъ этотъ журналъ, а вмѣстѣ съ нимъ и Набоковъ, было трудное. Надо было идти противъ господствующихъ кругомъ взглядовъ. Усмотрѣніе, у однихъ представителей власти благожелательное по отношенію къ населенію, у другихъ враждебное къ нему, но во всякомъ случаѣ усмотрѣніе, было однимъ изъ краеугольныхъ камней абсолютскаго режима. Правительственный аппаратъ, опираясь на явно отсталое и вообще несовершенное законодательство, не былъ въ состояніи справляться съ все осложнявшимися задачами государственнаго управленія. Поэтому для правительства требованіе примѣненія принциповъ законности было совершенно неприемлемымъ требованіемъ, настойчивая проповѣдь этого принципа было чѣмъ то нетерпимымъ. И „Праву“ съ первыхъ шаговъ своей дѣятельности пришлось столкнуться съ недоброжелательностью органовъ государственной власти, часто переходившей въ мѣры репрессіи. Но и господствующія теченія независимой общественной мысли были весьма мало расположены воспріять и бороться за принципъ законности, за дальнѣйшую правотворческую дѣятельность на основѣ здороваго правового чувства. Прогрессивные общественные круги, безъ различія направленія и степени крайности своихъ ученій, исходили изъ убѣжденія, что представители государственной власти преисполнены сознанія собственнаго величія и безпѣльности, а б. м. даже и опасности какихъ бы то ни было уступокъ обществу. Въ естественномъ нетерпѣніи, созданномъ такимъ въ теченіе многихъ поколѣній сложившимся положеніемъ, общество потеряло вѣру въ спасительное значеніе даже и культурной работы. Ему казалось, что разрушительныя силы правительства будутъ дѣйствовать быстрѣй и вѣрнѣй, нежели созидательная сила культурной работы. На почвѣ такого міросозерцанія складывалось враждебное отношеніе не только къ даннымъ представителямъ власти, не только къ даннымъ формамъ ея дѣятельности, но къ власти вообще, сложилось болѣе нежели равнодушное отношеніе къ самой идеѣ государственности.

Среди такихъ теченій общественной мысли основной идеѣ молодой редакціи журнала „Право“ было трудно расчитывать на широкое сочувствіе общества. Редакціи пришлось занять позицію одинаково независимую и направо, и налево, и по отношенію къ правительству, и по отношенію къ обществу. Набоковъ охотно отзывался на призывъ принять ближайшее участіе въ этой работѣ, дѣйствительный характеръ которой былъ для него совершенно ясенъ. Работа эта въ полной мѣрѣ отвѣчала и тѣмъ основнымъ взглядамъ классической школы въ уголовномъ правѣ, къ которой Набоковъ чувствовалъ тяготѣніе съ самаго начала своихъ научныхъ занятій. Такимъ образомъ вступленіе Набокова въ редакцію журнала „Право“ было для него лишь продолженіемъ его научной работы и въ томъ направленіи, въ которомъ онъ и до того работалъ. Вступивъ въ составъ редакціоннаго комитета журнала „Право“, Набоковъ остался однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ его членовъ до момента прекращенія журнала. И это совершенно отвѣчало характеру Набокова. Раз-

носторонне одаренный от природы, он был незаменим в любой области деятельности. Быть может это сознание своей пригодности для работы в самых разнообразных сферах, умение всюду находить подходящее для себя дело наложили на него ту благородную печать глубокой внутренней независимости, чуждой всякого искательства, которая так выгодно отличала Набокова среди других общественных деятелей. Для него вопрос сводился только к тому, чему он должен посвятить свои силы. Все остальное отодвигалось для него на задний план. Он был уверен, что сумеет справиться с своей задачей, а вопрос о том, каково будет при этом его положение, в каком качестве, под каким титулом он будет работать, имело для него лишь второстепенное значение. Припоминается при этом и в свое время мало кому известный, а теперь вероятно совершенно забытый эпизод, относящийся к дням начала работы первой государственной думы. Когда намечался ее президиум, кандидатура Набокова на должность товарища председателя была чрезвычайно популярна далеко не в одних только рядах тогда рвущейся в Думу конституционно-демократической партии. Возражений против этой кандидатуры в сущности не было, она была для всех совершенно приемлемой. Но среди Трудовой Партии чувствовалось стремление выдвинуть какого либо более „демократического“ кандидата в противовес первому товарищу председателя Думы — князю Долгорукову. Трудовая Группа признала таким более подходящим кандидатом, таким более стойким хранителем демократических идеалов только что вернувшегося из ссылки проф. Гредескула. Набоков не только без всякого сопротивления уступил ему место, но и с такой же благородной готовностью согласился занять менее почетный пост секретаря Государственной Думы. И никто из ближайших друзей Набокова никогда не услышал от него ни одной жалобы по поводу такого предпочтения кандидата, главное достоинство которого было то, что он вернулся только что из ссылки.

Это сознание необходимости сделать все, что нужно, и так, как нужно, в какое бы положение ни поставила его судьба, проникало собой все существо Владимира Дмитриевича, придавая ему характер полной законченности и цельности. Это одинаково проявлялось у него и в важном, и в пустяках. Отправляясь в тюрьму, где он отбывал свое наказание за Выборгское воззвание, он говорил провожавшим его до ступеней тюрьмы друзьям: не беспокойтесь о том, как я проведу время своего заключения. Я всегда всюду был на месте, всюду легко справлялся со всеми трудностями и даже неприятностями положения. Я превосходно всегда выдерживал все экзамены, был прекрасным гимназистом и студентом, превосходным вольноопределяющимся и буду прекрасным заключенным...

Вступив в редакцию „Правда“, Набоков отдался работам со всей энергией своей деловой натуры, с привычкой крайне добросовестно выполнять все принимаемые им на себя обязанности. И это он делал тем охотнее, что вся его деятельность в „Правде“ была лишь продолжением той научной работы, которую он и до того уже вел, повинувшись своим внутренним потребностям. В этой работе проявились все свойства Набокова, как научного работника. Тонкий юридический анализ действующего права, совершенная объективность в его оценке, понимание жизни при рассмотрении вопросов реформирования права, солидная научная подготовка, знание за-

падно-европейской литературы, безпристрастие въ оцѣнкѣ чужихъ трудовъ и различныхъ направленій въ наукѣ, все это дѣлало Набокова чрезвычайно цѣннымъ руководителемъ отдѣла уголовного права въ журналѣ. И вмѣстѣ съ тѣмъ, эта работа была превосходнѣйшей высшей школой для молодого ученаго. Работая одновременно надъ вопросами и теоріи, и практики права, онъ научился въ строго научныхъ своихъ построеніяхъ сохранить пониманіе требованій жизни, охраняющее ученаго отъ узости и схоластичности догматическихъ построеній. А въ своихъ многочисленныхъ работахъ, частью подписанныхъ имъ, по большей части анонимныхъ, посвященныхъ вопросамъ толкованія дѣйствующаго права, онъ оставался на той научной высотѣ, которая спасаетъ комментатора отъ слѣпота подчиненія буквѣ закона, традиционному толкованію, слѣдованію примѣрному дѣлу. Для непосвященнаго эта внутренняя сила толкованія ученаго въ отличіе отъ пріемовъ даже и талантливаго начетчика можетъ быть и непонятной. Онъ склоненъ явныя и для него преимущества перваго объяснять превосходствомъ таланта. Но для специалиста совершенно очевидно, что дѣло не въ одномъ только превосходствѣ таланта, но въ равной мѣрѣ и въ превосходствѣ методовъ научной работы надъ кабинетнымъ словоупотребленіемъ.

Въ этой научной работѣ въ „Правѣ“ Набоковъ не могъ замкнуться въ рамки одного уголовного права. Работа въ журналѣ, имѣвшемъ своей задачей охватить всѣ области права, была коллективной въ подлинномъ смыслѣ этого слова. Еженедѣльно съ аккуратностью хронометра собиралась редакціонная семья въ квартирѣ несмѣннаго главнаго редактора „Права“ І. В. Гессена, одного изъ самыхъ убѣжденныхъ и горячихъ сторонниковъ идеи законности какъ основнаго начала при толкованіи вопросовъ права, которое должно быть положено и въ основу правотворческой дѣятельности. Здѣсь обсуждался ближайшій номеръ журнала, читались статьи, не разосланныя членамъ редакціи въ корректурахъ и внушавшія какія либо сомнѣнія. Внимательно останавливаясь на толкованіи какого либо вопроса, редакція совершенно не руководилась соображеніями о томъ, въ какой мѣрѣ вопросъ представляется интереснымъ для широкихъ круговъ юристовъ, въ какой мѣрѣ онъ практически важенъ. Основная задача толкованія права — было строгое слѣдованіе идеѣ законности, и, если съ этой точки зрѣнія толкованіе статьи возбуждало какія либо сомнѣнія, въ средѣ редакціи завязывался самый горячій споръ. Вопросъ толкованія какого либо мало замѣтнаго постановленія гербоваго устава (такіе случаи были отнюдь не исключеніемъ) возбуждалъ самый горячій споръ, въ которомъ, напр., далекіе отъ пракческаго примѣненія гербоваго устава Набоковъ и Петражицкій принимали такое же горячее участіе, какъ первоклассный знатокъ нашего дѣйствующаго права, тонкій юристъ, превосходный теоретикъ, звѣрски убитый большевиками Н. И. Лазаревскій. И какъ ни великъ былъ авторитетъ Лазаревскаго, въ особенностяхъ въ вопросахъ толкованія нашего административнаго и финансоваго права, и Набоковъ, и Петражицкій, отъ этого права очень далекіе, горячо и упорно спорили съ нимъ, когда имъ казалось, что въ пріемахъ толкованія Лазаревскій погрѣшилъ противъ научныхъ пріемовъ, не въ достаточной мѣрѣ охранилъ идею законности.

Эти условія редакціонной работы заставили Набокова въ его научныхъ трудахъ выйти далеко за предѣлы его узкой специальности уголовного права. Ему приходилось принимать участіе въ разработкѣ самыхъ сложныхъ и труд-

ных вопросов государственного права. И это темъ болѣе, что одной изъ особенностей — и при томъ въ высшей степени привлекательной — характера Владимира Дмитриевича была готовность взять на себя исполненіе любого порученія при коллективной работѣ. И это одинаково въ важномъ и въ мелочахъ. Припоминаю при этомъ его праздничныя „Звѣзды“ въ „Рѣчи“. Ему было тяжело изъ году въ годъ возвращаться къ этой темѣ. Но друзья его совершенно справедливо указывали ему, что онъ лучше другихъ можетъ справиться съ этой задачей, что именно у него искренность чувствъ удивительно сочетается съ благородной простотой и изяществомъ формы. И онъ съ благородной покорностью брался за перо, изъ подъ котораго выливались его превосходныя праздничныя стихотворенія въ прозѣ, въ которыхъ естественный нафосъ чувствъ никогда не переходилъ въ тривиальную аффектацію, и свѣжесть мысли никогда не подмѣнивалась шаблонной фразой.

И для Набокова было совершенно очевидно, что его личнымъ интересамъ несравненно болѣе соответствуетъ сосредоточенная работа надъ вопросами уголовного права въ связи съ его преподаваніемъ, нежели разбросанность занятій въ разнообразнѣйшихъ областяхъ права. Но характеръ редакціонной работы, условія русской жизни, предъявляющія столь большія требованія къ каждому выдающемуся человѣку, постоянно отрывали его отъ его специальности. Особенно часто приходилось Набокову заниматься вопросами государственнаго права, и это несмотря на то, что въ средѣ редакціоннаго комитета было два такихъ выдающихся государствовѣда какъ В. М. Гессенъ и Н. И. Лазаревскій, оба теперь, увы, мертвые, одинъ убитый въ подлинномъ смыслѣ этого слова большевиками, другой жертва того хаоса, который былъ созданъ большевиками и среди ужасовъ котораго погибали и погибаютъ лучшіе люди, не имѣвшіе дара приспособленія къ окружающей обстановкѣ. Не вопросы толкованія дѣйствующаго государственнаго права привлекли къ себѣ вниманіе Набокова, для этого были совершенно достаточны силы тѣхъ специалистовъ государственниковъ, которые украшали собой ряды редакціоннаго комитета „Права“. Но постепенно вопросы толкованія русскаго государственнаго права отодвигались въ второй планъ предъ другой задачей — протеста противъ систематическаго нарушенія права, противъ послѣдовательнаго произвола, проникавшаго во всѣ сферы государственнаго управленія, предъ настоячивой необходимостью въ виду этого требовать коренной реформы самого аппарата государственной власти. Это было несомнѣннымъ расширеніемъ первоначальныхъ задачъ „Права“, оставшимся на первыхъ порахъ не безъ протеста со стороны нѣкоторыхъ лицъ, до того относившихся съ полнымъ сочувствіемъ къ задачамъ журнала и оказавшихъ весьма цѣнное содѣйствіе въ процессѣ обезпеченія возможности его существованія. Но выдвигая на первый планъ идею законности, не мысли безъ нея никакое государственное строительство, редакція „Права“ не понимала законность какъ самоцѣль. Какъ совершенно справедливо сказалъ въ своей первой руководящей статьѣ В. М. Гессенъ, отлично формулируя настроенія редакціи, не человѣкъ для субботы, но суббота для человѣка. Произволь власти, нарушавшей порой элементарныя права человѣка и гражданина, не желавшей знать радикальныхъ реформъ путемъ правомѣрнаго законодательнаго творчества, не могло не вызвать протестовъ со стороны тѣхъ, кто мечтали о царствѣ законности не для того, чтобы укрѣпить санкціонированный правомъ режимъ произвола. И

по мѣрѣ того какъ реакція все болѣе и болѣе крѣпла, принимая все менѣе и менѣе терпимыя для пробуждавшагося отъ состоянія пассивной покорности населенія формы, людямъ истинной науки права приходилось поневолѣ все чаще и чаще поднимать свой голосъ протеста противъ его нарушителей. Приходилось все больше и больше останавливаться на вопросѣ о томъ, какъ создать гарантіи противъ этого систематическаго нарушенія права, которое обращаетъ въ ничто самую проповѣдь идеи законности. Не защита идеи законности, но протестъ противъ узаконеннаго ея попиранія и требованія коренныхъ реформъ стали постепенно основными мотивами дѣятельности „Права“. И редакціонный комитетъ журнала все чаще и чаще сталъ возлагать на Набокова разработку вопросовъ государственнаго права. Въ его многочисленныхъ статьяхъ, посвященныхъ вопросамъ публичнаго права, проявились на ряду съ свойствами ученаго и выдающіяся свойства публициста: глубина мысли, никогда не развивающейся въ ущербъ ея ясности, искренность чувства и мастерство изложенія при простотѣ его формы. Казалось, сама мысль облекалась у Набокова въ столь законченныя формы, что процессъ писанія уже не составлялъ для него никакого труда. Особое благородство отличало все труды Набокова, быть можетъ, въ значительной степени благодаря тому, что источникомъ его негодованія была всегда не столько ненависть къ насильникамъ, сколько глубокое отвращеніе къ насилію и угнетенію. И призывъ къ протесту противъ угнетенія находилъ въ душѣ его всегда живой отзвукъ, столь же рѣшительный, сколь и искренній.

Эта широкая и нашедшая себѣ живой откликъ въ странѣ публицистическая дѣятельность Набокова все болѣе и болѣе отодвигала въ Набоковѣ на второй планъ ученаго. Мало того, она въ конечномъ результатѣ крайне сузила рамки возможной для него научной дѣятельности. Его статьи на страницахъ „Права“, а за сѣмъ и въ общей печати привлекли на себя вниманіе не только общества, но и правительства. Въ результатѣ онъ былъ удаленъ изъ Училища Правовѣдѣнія и само собой для него были окончательно закрыты и двери университета. Онъ не былъ допущенъ къ преподаванію даже и на Высшіе Женскіе Курсы въ скромномъ званіи доцента, до такой степени онъ казался опаснымъ правительству. Каждый, кто знаетъ, какое громадное значеніе имѣетъ для ученаго преподавательская дѣятельность, отлично пойметъ, въ какой мѣрѣ устраненіе отъ нея должно было помѣшать Набокову въ его дальнѣйшихъ научныхъ занятіяхъ. А затѣмъ призывъ населенія къ участию въ законодательной дѣятельности далъ возможность, а для такихъ людей, какъ Набоковъ, и сдѣлалъ необходимымъ участіе въ политической жизни страны. Дальнѣйшая работа Набокова протекала между публицистикой и общественной дѣятельностью, и здѣсь, и тамъ онъ занялъ одинаково видное положеніе, оставаясь образцомъ благороднаго исполненія своего долга предъ родиной.

Отвлеченный отъ науки обязанностью выполненія другихъ болѣе злободневныхъ задачъ, онъ успѣлъ въ тотъ недолгій промежутокъ времени, который ему удалось посвятить научнымъ работамъ, сдѣлать въ этой области столько, что это могло бы заполнить жизнь человѣка, посвятившаго себя исключительно научной дѣятельности. Но и въ своей публицистической и общественной дѣятельности, здѣсь частью въ качествѣ члена законодательнаго собранія, онъ проявилъ тѣ свойства научно-образованнаго специалиста, которыя онъ приобрѣлъ въ теченіе немногихъ лѣтъ своей чисто научной работы.

Въ мрачные дни русской реакціи, когда темныя силы изъ чайныхъ „Союза русскаго народа“ угрожали смертью каждому независимо мыслителю обществу, Набоковъ неоднократно получалъ угрожающія письма. Его друзья убивали его быть осторожнымъ, но онъ рѣшительно отклонялъ эти совѣты, говоря шуточно: я вѣрю въ свою счастливую звѣзду! Эти слова могли бы показаться горькой насмѣшкой въ тотъ моментъ, когда онъ палъ случайной жертвой направленной безсмысленной и жестокой рукой пули. Но въ этихъ словахъ Владиміра Дмитріевича все же много правды. Да, онъ былъ счастливъ въ теченіе всей своей жизни. Въ самыхъ разнообразныхъ сферахъ человѣческой дѣятельности онъ успѣлъ сдѣлать столько, сколько рѣдко достается на долю одного человѣка, и онъ успѣлъ это, несмотря на то, что смерть застала его сравнительно молодымъ человѣкомъ. Къ чему бы онъ ни прилагалъ своихъ силъ, ему все удавалось. И самое большее его счастье заключалось въ томъ, что этотъ успѣхъ, неизмѣнно сопровождавшій его въ теченіе всей жизни, былъ вполне заслуженный успѣхъ.

Онъ сдѣлалъ совершенно достаточно для того, чтобы благодарная память о немъ сохранилась не только среди его друзей и всѣхъ тѣхъ, съ которыми и на глазахъ которыхъ онъ работалъ. Онъ сдѣлалъ достаточно для того, чтобы память о немъ сохранилась въ странѣ, какъ память о человѣкѣ, который въ тяжелые годы, пережитые родиной, сумѣлъ отдать всю силу своего большого таланта и всю мощь своей выдающейся личности на служеніе своему народу. Но онъ умеръ такъ рано, что горькое чувство, всегда испытываемое предъ могилой человѣка, значительно усугубляется сознаніемъ, что онъ могъ сдѣлать еще такъ много для родины. Случайная смерть прервала слишкомъ рано эту прекрасную жизнь.

Образъ страждущаго Христа въ религіозныхъ переживаніяхъ Среднихъ Вѣковъ

Николай Арсеньевъ

I

Quantus tremor est futurus,
Quando iudex est venturus,
Cuncta stricte discussurus!

Страшнымъ грядущимъ Судіей, грознымъ въ блистающемъ величіи, часто представлялся Христосъ воспаленному воображенію средневѣковаго человѣка, устремленному временами къ неминуемому и столь близкому, какъ это нѣрѣдко казалось, концу міра.¹ Но не это представленіе о Христѣ доминируетъ даже и въ Средніе Вѣка. Средневѣковое религіозное міросозерцаніе не сводится всецѣло къ мрачному фону религіознаго трепета и ужаса, къ ожиданію конца, къ отрицанію природы и міра, къ ощущенію повсюду дѣйствія и присутствія зловѣщихъ дьявольскихъ силъ, заполняющихъ природу и ежемгновенно, насильственнымъ и страшнымъ призракомъ — или вѣрище страшной реальности — врывающихся въ жизнь человѣка, и къ представленію о Богѣ только какъ о грозномъ Владыкѣ и Судьѣ², требующемъ лишь самоотязаній, самобичеваній и безрадостной аскезы. Если бы въ этомъ состояла вся религіозная вѣра Среднихъ Вѣковъ, то съ такой вѣрой тяжело было бы жить и творить жизнь; во всякомъ случаѣ, это уже не было бы христіанствомъ, а лишь видоизмѣненіемъ манихейскаго, катарскаго дуализма (получившаго, какъ извѣстно, довольно значительное распространеніе въ рядѣ странъ средневѣковаго Запада).

¹ Какъ извѣстно, конецъ міра усиленно ожидался, напр., около 1000-го года. Позднѣе, св. Хильдегардъ въ видѣніяхъ было открыто, что конецъ міра наступитъ непосредственно послѣ 1180-го года; аббатъ Иоакимъ де Фиори, „одаренный духомъ пророческимъ“ („di spirito profetico dotato“ — Dante, Par. XII, 140—1), ожидалъ его вскорѣ послѣ 1200-го года и т. д., и т. д. Объ этихъ эсхатологическихъ настроеніяхъ Ср. Вѣковъ см. напр. E. Wadstein, Die eschatologische Ideengruppe... 1896, даже E. Bernheim, Mittelalterliche Zeitan-schauungen... 1918 (гл. II: Die eschatologischen Anschauungen). Краснорѣчивый подборъ латинскихъ гимновъ, посвященныхъ ужасу конца міра и проходящихъ чрезъ все Средневѣковыя, даетъ напр. Dreves-Blume, Ein Jahrtausend lateinischer Hymnendichtung 1909, во II томѣ. Срв. Rémy de Gourmont, Le latin mystique... 1913, стр. 321 сл.

² Объ иконографіи Христа, какъ могучаго Владыки и Судьи, см. напр. A. Hauck, Die Entstehung des Christustypus in d. abendländ. Kunst (въ посмертномъ сборникѣ его статей подъ заглавіемъ: „Jesus“, 1921), стр. 170 сл.

Центромъ религіозной жизни, правда, иногда какъ бы затемненнымъ, затмуннымъ на время, остается и для средневѣковаго христіанства, какъ и для ранняго, по прежнему личность Богочеловѣка, близкаго, полнаго любви, сострадающаго и спасающаго, умирающаго за міръ на Голгоѣѣ. Особенно ярко этотъ человѣческій, смиренный образъ Христа, близкій, понятный, захватывающій душу, выступаетъ въ средневѣковой религіозности по мѣрѣ ея углубленія, эмоціонизаціи, т. е. преимущественно съ 12-го вѣка¹, хотя корни этихъ переживаній уходятъ, конечно, далеко вглубь — къ самымъ истокамъ христіанской традиціи и христіанскаго чувства, никогда не замиравшаго вполнѣ и раньше, напр., и въ раннее Средневѣковье.² Такимъ образомъ и въ Средніе Вѣка сохраняли для христіанскаго сознанія свою силу прощальныя слова — обѣтованіе Иисуса къ своимъ послѣдователямъ: „Се Я съ вами во все дни до скончанія вѣка“. Эта близость ощущалась въ благодатной жизни Церкви (особенно реально въ таинствѣ Евхаристіи), а для просвѣтленнаго звора — всегда и повсюду.

„Ubique daemon! — Дьяволъ повсюду!“ восклицаетъ съ ужасомъ уже Сальвианъ, марсельскій священникъ 5-го вѣка³, и эти слова его глубоко характерны и для настроеній послѣдующихъ вѣковъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ, тотъ же самый Сальвианъ живо ощущаетъ повсюду — и въ исторіи, и въ окружающей жизни близость Божію⁴. Точно такъ же много вѣковъ спустя — въ 12-омъ вѣкѣ, малоизвѣстный монахъ Клервосскаго обители, которому, какъ повѣствуетъ намъ собраніе Клервосскихъ легендъ, дважды во время молитвы явился Господь Иисусъ, ощущаетъ повсюду божественную близость — *felici doctus experimento, credidit ubique divinam esse praesentiam*.⁵ Такъ и Францискъ повсюду, во всемъ мірѣ, въ красотѣ всей твари, чувствуетъ присутствіе Возлюбленнаго своей души⁶; а вдохновленный его духомъ, вышедшій изъ францисканской среды провансальскій трактатъ „*Scala divini amoris*“ („лѣстница божественной любви“) „во всей красотѣ, что есть въ твари“ видитъ „сіяющій образъ Иисуса Христа что сіяетъ и улыбается намъ въ красотѣ твореній“.⁷

II

Еще болѣе явственно и осязательно реально раскрывается близость Христа — униженнаго и страдающаго — въ твореніи дѣлъ милосердія! „Алкаль Я“ — такъ скажетъ, согласно словамъ Иисуса, Царь Правды, Сынъ Человѣческій, къ милостивымъ въ день суда — „и вы дали Мнѣ ѣсть; жаждалъ и вы напоили Меня; былъ странникомъ и вы приняли Меня. Былъ

¹ См. объ этомъ напр. Taylor, *The mediaeval mind*, 1914, vol. I, стр. 362; Карсавинъ, *Культура среднихъ вѣковъ*, 1918 г. 167.

² Срв. напр. „*Vita Romualdi*“, с. XXXI (Migne, *Patrol. lat.* t. 144 col. 983).

³ *Salviani Massiliensis presbyteri „De gubernatione Dei“*, lib. VI, с. 11 (Migne, *Patrol. lat.* t. 53, col. 120).

⁴ *ibid.*, l. II с. 2 (coll. 50—51) и *passim*.

⁵ *Exordium magnum ordinis Cisterciensis* (памятникъ конца 12-го в.), *Dist. IV*, cap. 8 (Migne, *Patrol. lat.* t. 185, col. 1103).

⁶ Срв. напр. Fr. Thoma de Celano. *Legenda secunda beati Francisci*, с. 124 (Roma, 1906, recensuit P. Eduardus Alenconiensis, стр. 293) и *passim*.

⁷ „la cara resplendent de Ghesu Christ qui resplandis eri ins la beutat de las creaturas“ — *Scala divini amoris* (провансальскій трактатъ, XIV в.), hrsgb. von De La Motte 1902г.

нагъ и вы одѣли Меня; былъ боленъ и вы посѣтили Меня; въ темницѣ былъ и вы пришли ко Мнѣ“... Ибо „истинно говорю вамъ: такъ какъ вы сдѣлали сіе одному изъ братьевъ Моихъ меньшихъ, то сдѣлали Мнѣ“.¹ Эти слова Иисуса нашли могучій отзвукъ въ сердцахъ христіанства, въ частности въ Средніе Вѣка. Средніе Вѣка восприняли эти слова съ дѣтски вѣрующимъ, яркимъ, подъ часъ наивнымъ, реализмомъ. Не нищій только, убогій или больной принимаетъ нашу милостыню, наше служеніе любви, а собственно самъ Христосъ въ образѣ бѣднаго и больного. Объ этомъ говорятъ многочисленные видѣнія и легенды. Христосъ здѣсь, Онъ близко, Онъ предстоитъ намъ на каждомъ шагу въ образѣ „одного изъ братьевъ Своихъ меньшихъ“, въ образѣ страждущаго, и ждетъ, проситъ, требуетъ отъ насъ состраданія, дѣла любви, вызываетъ насъ, приглашаетъ на то, чтобы любовно послужить Ему и ощутить Его духовную близость.² А иногда Его мистическое присутствіе раскрывается при этомъ яркимъ и чудеснымъ образомъ. Извѣстна легенда о св. Христофорѣ, который перенесъ на своихъ плечахъ черезъ бурную и стремительную рѣку подъ видомъ мальчика самого Христа.³ Или вотъ, наприм., благочестивый монахъ Алеквинъ изъ Клервосскаго монастыря, обладавшій искусствомъ врачеванія. Съ особой любовью посвящалъ онъ себя уходу за бѣдными и немощными. „И не только лечилъ онъ ихъ болѣзни или ушибы, но и гниющую плоть страждущихъ, и гной источающіе ихъ члены онъ перевязывалъ собственными руками съ такой заботой и вниманіемъ, какъ будто бы онъ обслуживалъ раны Христа. И по истинѣ такъ оно и было. Ибо все онъ дѣлалъ ради Христа, и все сіе Христосъ относилъ къ себѣ“, и однажды Онъ открылся ему въ чудесномъ видѣніи.⁴

Предметомъ наибольшаго физическаго отвращенія и ужаса для общества⁵, отщепенцами отъ прочаго міра были весьма распространенные въ Средніе Вѣка и въ Зап. Европѣ прокаженные, носители этого страшнаго и заразительнаго, занесеннаго съ Востока недуга, заживо разѣдаващаго ихъ плоть, покрывавшаго ихъ тѣло зловонными струпами. Они жили внѣ городовъ и селеній, изолированно отъ прочаго міра, и издали просили милостыни на дорогахъ; проявленіе активнаго милосердія къ нимъ было не только дѣломъ любви, но и актомъ мужества. И вотъ особенно часто Христосъ чудесно раскрывается своимъ избраннымъ въ образѣ этихъ, всѣми заброшенныхъ отщепенцевъ, въ образѣ прокаженныхъ. Такъ прокаженный, которому Францискъ Ассизскій, уже на порогѣ своей новой возрожденной жизни, подаетъ милостыню, одновременно лобызая его, вдругъ чудесно исчезаетъ. И Францискъ исполняется изумленіемъ и радостью духовной.⁶ Сходное происходитъ и съ блаженнымъ Джіованни Коломбини изъ Сіенны (въ 14-омъ в.), какъ повѣствуетъ

¹ Матѳ., гл. 25, ст. 35 сл. Срв. уже ранее неканоническое слово, приписывавшееся Христу: „Ты видѣлъ твоего брата, такъ ты видѣлъ твоего Бога“ (у Ropes, Die Sprüche Jesu, Texte und Untersuchungen zur Gesch. d. altchristl. Literat. XIV, 2, 1896, № 40).

² Срв. слова Франциска Ассизскаго къ ученикамъ, приведенныя у Томи Челанскаго *Legenda secunda*, с. 52) и у Бонавентуры (*Legenda Sct. Francisci*, с. 8).

³ м. напр. *Jacopus de Voragine, Legenda aurea*, cap. 100 (ed. Th. Graesse, 1850, стр. 432).

⁴ *Exordium magnum ordinis Cisterciensis*, Dist. IV, cap. 1 (Migne, t. 185, col. 1095).

⁵ ... *inter omnia infelicia monstra mundi Franciscus naturaliter leprosos abhorrens*“... читаемъ напр. объ юношескихъ годахъ Франциска во „Второй легендѣ“ Томи Челанскаго (гл. 5).

⁶ *Thoma de Celano, Leg. Secunda*, cap. 5; *Bonaventura, Leg. Sti. Francisci*, cap. I.

намъ его биографъ: онъ ввелъ прокаженного къ себѣ въ домъ, положилъ его на лучшую постель, обмылъ его раны и съ любовью служилъ ему; черезъ нѣкоторое время прокаженный чудеснымъ образомъ исчезаетъ изъ запертой комнаты, и вся горница исполняется дивнаго благоуханія.⁵ А вотъ, что рассказываетъ Цезарій Гейсгербахскій въ своемъ „Dialogus miraculorum“ (начала 13-го вѣка) про графа Тибо Шампанскаго: „Графъ обладалъ столь великимъ смиреніемъ, что нерѣдко лично посѣщалъ хижины прокаженныхъ... Передъ однимъ изъ замковъ его жилъ какъ разъ нѣкій прокаженный. Каждый разъ, что графу приходилось проѣзжать мимо его хижины, графъ слѣзалъ съ коня, и, взойдя къ прокаженному, онъ обмывалъ ему ноги, подавалъ ему милостыню, и затѣмъ уже ѣхалъ дальше. По прошествіи нѣкотораго времени прокаженный этотъ умеръ, и былъ похороненъ; но это не дошло до свѣдѣнія графа. И вотъ, однажды, проѣзжая опять по этой дорогѣ, графъ, какъ только поравнялся съ знакомой ему хижинкой, соскочилъ опять съ коня, говоря: „Слѣдуетъ мнѣ навѣстить отца моего.“ И взойдя внутрь, увидѣлъ онъ не прокаженного, но въ образѣ прокаженного и въ его одеждѣ — Господа. Совершивъ по отношенію къ нему свое обычное дѣло милосердія... онъ радостно вышелъ. И вотъ, когда онъ говорилъ своимъ приближеннымъ: „Я радъ, что видѣлъ моего прокаженного“, ему нѣкоторые изъ нихъ отвѣтили: „Господинъ, знайте за вполне достоверное, что онъ давно уже умеръ и погребенъ въ такомъ то мѣстѣ“. Услыхавъ это, благочестивѣйшій графъ возрадовался духомъ: что удостоился онъ узрѣть и личнымъ служеніемъ почтить Того, Кому онъ уже долгое время служилъ въ лицѣ Его собратьевъ — членовъ Его тѣла.“¹

III

Но особенно дѣйственно ощущалась близость Христа, Его безмѣрная любовь и благодатная сила искупленія при созерцаніи, умомъ и сердцемъ, Его страданій и крестной смерти. Это внутреннее созерцаніе страдающаго Иисуса, памятованіе о Немъ, духовное добровольное участіе въ Его крестномъ подвигѣ и чувство глубокой любви и безмѣрнаго преклоненія и живого общенія съ Голгофскимъ Страдальцемъ, вотъ — основная и центральная струя всей религиозной жизни и Среднихъ Вѣковъ, тамъ, гдѣ она проявляется въ повышенномъ и углубленномъ видѣ. Интересно остановиться на этомъ созерцаніи душою мукъ распятаго Богочеловѣка, въ нѣкоторыхъ наиболее яркихъ, наиболее опутительныхъ и повышенныхъ его проявленіяхъ.

Постоянное сосредоточеніе мысли и сердцемъ на мукахъ Христа переходило нерѣдко въ прочувствованное и ярко-конкретное переживание

⁵ „... senti si gran fragranza di soavissimo odore, che tutte le spezie delle cose odorifere parevano ivi ragunate — Feo Belcari, Vita del beato Giovanni Colombini da Sienna (памятникъ 15-го вѣка), гл. 5, стр. 28 (въ серіи Scrittori nostri, № 43, Lanciano, 1914 г.).

¹ *Caesarius Heisterbacensis*, Dialogus miraculorum, dist. VIII, cap. 31. Можно бы привести еще изъ автографической литературы какъ христіанскаго Запада, такъ и христіанскаго Востока, безчисленное количество примѣровъ этихъ видѣній Христа въ образѣ бѣднаго, больного или странника. Укажу лишь хотя бы на сходные рассказы въ рядѣ хроникъ южно-германскихъ женскихъ монастырей позднѣйшаго Средневѣковья (см. р. Н. Wilnes, Das Beten der Mystikerinnen dargestellt nach den Chroniken der Dominikanerinnen-Klöster... 1916, стр. 139), даже напр. въ житіи провансальской святой 13-го вѣка Ste. Douceline. (La vie de Sainte Douceline... publiée par l'abbé Albanès, 1879, стр. 7—9, 66—68.) И т. д. Изъ житій подобные рассказы перешли и въ фольклоръ; такъ въ русскомъ фольклорѣ они весьма многочисленны.

ихъ заново (иногда даже физически — реально), порождало рядъ образовъ и видѣній. Высшую фиксацію этихъ переживаній имѣемъ въ рядѣ благочестивыхъ средневѣковыхъ легендъ и разсказовъ. Приведу лишь нѣкоторые случайные примѣры.¹ Такъ Цезарій Гейстербахскій знаетъ нѣкую благочестивую дѣвственницу, которая „часто видала Спасителя висящимъ на крестѣ съ окровавленными ранами“. Когда, побуждаемая состраданіемъ и скорбью, она закрывала глаза, то она тѣмъ не менѣе продолжала Его видѣть. Въ связи съ этими видѣніями, „она не могла уже ни думать ни говорить о страданіяхъ Господа безъ слезъ и сокрушенія“.² Такъ и священникъ нѣкой обители Даніиль видитъ распятаго Христа и получаетъ отъ Него чудесный даръ слезъ: „всякій разъ, что начиналъ онъ размысливать или говорить о страданіи Христа, тотчасъ изливались у него слезы“.³ Нѣкій престарѣлый Клервосскій инокъ видитъ въ день Великой Пятницы Господа Иисуса Христа, съ руками и ногами распостертыми на крестѣ, какъ будто бы Онъ только что былъ распятъ. „Это блаженнѣйшее видѣніе, хотя было оно краткимъ и почти мгновеннымъ, явилось однако столь ощутительнымъ и дѣйственнымъ, что благоговѣйная память о немъ не могла уже изгладиться изъ сердца видѣвшаго. „Какъ если кто — такъ продолжаетъ благочестивый составитель сборника Клервосскихъ легендъ — подливая въ пылающую печь масла, заставляетъ ее сразу вспыхнуть огнемъ, такъ и благодать сего откровенія озарила еще болѣе яркимъ и совершеннымъ пламенемъ устремленія къ Господу сердце старца, уже давно распаленное небесной любовью.“⁴ Послушникъ Конрадъ Гейстербахскаго монастыря слышитъ даже, въ экстазѣ, обращенныя къ нему слова Распятаго: „Конрадъ, видишь ты, сколько Я перенесъ ради тебя?“⁵ Два другихъ по-

¹ Весьма богатый матеріалъ въ этомъ отношеніи даютъ намъ напр. хотя бы записи ряда южно-германскихъ женскихъ монастырей: Adelhausen, Diessenhofen, Kirchberg, Oetenbach, Töb, Unterlinden, изъ позднѣйшаго Средневѣковья. Обработка этого матеріала въ значительной степени произведена въ цитированной уже весьма обстоятельной монографіи бенедиктинскаго патера Н. Wilms'a (Das Beten der Mystikerinnen... стр. 116 сл., 146, 161, 169), специально посвященной переживаніямъ этихъ монахинь. Всѣмъ интересующимся этой стороной религіозной психологіи Ср. Вѣковъ стоитъ познакомиться съ произведенной тамъ сводкой матеріала, заново обрабатывать или пересказывать который считаю поэтому безцѣльнымъ. Но интересно лишь здѣсь отмѣтить, какъ отъ описаній внутренняго состраданія подвижницъ мукамъ Христовымъ мы часто переходимъ къ разсказамъ о пережитыхъ ими видѣніяхъ божественнаго Страдальца, взявшаго на бичуемого, ведомаго на смерть, висящаго на крестѣ, и иногда даже о физическомъ переживаніи или Его страданій, на подобіе Франциска Ассизскаго. Особенно яркіе примѣры видѣній имѣемъ напр. въ древнемъ жизнеописаніи сестры Тѣской обители — именно въ житіяхъ сестеръ Magret'и, Willin и Adelheit von Frauenberg (гл. IV и XXII); тамъ же въ гл. XXIV повѣствуется о стигматизаціи сестры Mechthild'и von Stans („Das Leben der Schwestern zu Töb beschrieben von Elsbet Stigel. Hrsgb. von Ferd. Vetter — Deutsche Texte des Mittelalters, Bd. IV. 1906, стр. 26, 54, 62, 64—66). А въ Kirchberg'ской монастырской хроникѣ повѣствуется напр. о томъ, какъ сестра Adelheit von Hiltegarthausen удостоивается, послѣ усердныхъ молитвъ о томъ, претерпѣть муки терновата вѣнца (Aufzeichnungen über das mystische Leben der Nonnen von Kirchberg... während des XIV. u. XV. Jahrhunderts, hrsg. von F. W. E. Roth — Alemannia, 1898, стр. 126—7). Срв. еще „Die Nonnen von St. Katharinental bei Dießenhofen“ hrsgb. von A. Birlinger („Alemannia“ 1887 г.), стр. 155, 157, 160, 162 и т. д.

² Caesarius Heisterbac. dist. VIII c. 10.

³ ibid. c. 11.

⁴ Exordium magnum... dist. IV c. V (Herberti, De miraculis, lib. I, c. 23 — Migne, t. 185, col. 1299).

⁵ Caesarius, dist. VIII, c. 20.

слушника одного изъ германскихъ монастырей видять зимнимъ вечеромъ на темномъ уже небѣ огромный сіяющій крестъ съ распятымъ на немъ Господомъ, и склоняются передъ Нимъ въ безмолвной молитвѣ.¹ У одного, еще совсѣмъ юнаго, но достигшаго высокой святости жизни монаха Клервосской обители его созерцанія и видѣнія все возрастаютъ въ ощутительности и реализмѣ. Сначала онъ видитъ ночью во снѣ, что ангель Господень „ввелъ его въ нѣкій славный чертогъ, въ которомъ онъ узрѣлъ Господа Иисуса Христа висящимъ на крестѣ, а пречистую Матерь Его Дѣву Марію стоящей у креста вмѣстѣ съ блаженнымъ евангелистомъ Іоанномъ. И когда онъ взошелъ туда, то ощутилъ благоуханіе столь великой сладости, какъ если бы покой тотъ былъ окропленъ всевозможными благоуханіями“. И прижавъ лицомъ къ землѣ, онъ всѣми силами, всѣмъ устремленіемъ сердца своего сталъ молить Распятаго преподать ему благословеніе. И получивъ благословеніе, онъ просыпается, но еще долго послѣ этого видѣнія чувствовалъ онъ „всего внутренняго своего человѣка преисполненнымъ дивной сладостью благоуханія“, чувствовалъ себя обновленнымъ и озареннымъ благословеніемъ Христа. Въ другой разъ — то было уже на яву — стоялъ онъ вмѣстѣ съ братіей за торжественной службой пасхальной ночи . . . „Началь онъ, предавшись внутреннему созерцанію, съ особымъ вниманіемъ размышлять о страданіяхъ и воскресеніи Господа, такъ что отъ пылающаго чувства благоговѣнія и состраданія онъ весь изливался въ слезахъ. И вотъ, по прочтеніи уже второй пареміи, когда братія пѣла антифонъ (респонсорій): „Ангель Господень“, вдругъ Тотъ, Кто въ сердцѣ его возжегъ огонь устремленія — Господь Иисусъ Христосъ явился ему бодрствующему и плачущему, и сталъ передъ нимъ по срединѣ хора, распростирая руки Свои и какъ бы показывалъ ихъ ему. И на пречистыхъ ладоняхъ Его явственно видѣлись слѣды гвоздей, и видно было, какъ изъ этихъ свѣжихъ язвъ сочилась кровь. И узрѣвъ Господа, братъ тотъ возрадовался радостью весьма великою, но, пораженный и какъ бы приди видѣ себя, не зналъ въ данный мигъ, что ему дѣлать. Ибо хотѣлъ онъ броситься на средину и припасть къ ногамъ Спасителя, но удерживали его стыдъ и почтеніе передъ собранной братіей — какъ бы не сочли его за безумнаго. Ибо онъ и того не зналъ, является ли Господь видимымъ лишь для него одного или также и для остальныхъ. И весьма обильно плакалъ онъ при семъ, и сердце его растошилось въ себѣ самомъ жалостью отъ безмѣрной сладости любви къ Тому, Кого онъ зрѣлъ. А длительно это явленіе Господа все то время, пока въ праздничномъ антифонѣ пѣлись слѣдующія слова: „Онъ возсталъ отъ мертвыхъ, придите и видите“ . . .²

Еще ярче, еще болѣе конкретно ощутительнымъ было видѣніе, котораго удостоился другой Клервосскій монахъ — благочестивый врачъ Альквинъ.³ Ему казалось, будто вѣстники небесные громко возглашаютъ: „Вотъ грядетъ Господь, возстаньте и выходите навстрѣчу Ему“. Онъ скорѣе выбѣжалъ навстрѣчу, и сталъ у вратъ обители, въ ожиданіи Господа, и вотъ дѣйствительно-взошелъ чрезъ нихъ Господь. „И когда входилъ Господь, онъ приблизился къ Нему и поклонился Ему, умоляя, чтобы Онъ его благословилъ.“⁴

¹ *ibid*, с. 17.

² *Exordium magnum* . . . dist. III с. 16.

³ *ibid*, dist. IV, с. 1. Срв. выше стр. 13.

⁴ Это, повидимому, излюбленный мотивъ многихъ видѣній. Срв. рассказъ въ *Exordium magnum* (dist. III, с. 16), цитированный выше, и тамъ же кн. III гл. 9 и 10.

И получивъ благословеніе, сталъ онъ пристально вѣзирать на Него, и дивнымъ чувствомъ состраданія онъ сострадалъ съ Нимъ. Ибо Господь представлялся ему какъ страдающій и немощный, пронзенный гвоздьми и прободенный кошемъ, какъ будто бы Онъ только что снятъ былъ со креста, такъ что кровь весьма обильно струилась изъ раскрытыхъ язвъ. Къ язвамъ Своимъ Господь прижималъ чистые куски полотна, держа ихъ словно погребальныя повязки, и, оттеревъ кровь, Онъ бросалъ ихъ на землю. А братъ тотъ съ величайшимъ благоговѣніемъ подбиралъ ихъ, и, лобызая ихъ съ великою любовью, сохранилъ ихъ сокрытыми на груди своей словно залогъ искупленія своей души“ . . .

Въ этомъ разсказѣ стремленіе къ внѣшней оцутительности такъ велико, что даже говорится о вещественной реликвіи (не ясно, однако, изъ текста, осталась ли она и послѣ видѣнія или же исчезла вмѣстѣ съ нимъ) — о повязкѣ, напитанной кровью Спасителя. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ легендъ — мы видѣли — даетъ себѣ просторъ страсть къ чудесному: такъ, напр., въ разсказѣ объ огромномъ сіяющемъ распятіи на потемнѣвшемъ уже вечернемъ небѣ.¹ Другіе же разсказы просты, односложны, безыскусственны, часто весьма сходны между собой. Въ общемъ же скудно сравнительно представлена внутренняя психологическая сторона процесса, встрѣчаемъ скорѣе рядъ общихъ фразъ, лишь намѣчающихъ эти переживанія, и къ тому же эти бѣглыя характеристики, какъ и весь разсказъ, не являются уже непосредственными изліяніями, свидѣльствами самого того лица, что пережило эти душевныя состоянія и видѣнія, а принадлежать перу составителя сборника. Однимъ словомъ, здѣсь мы имѣемъ въ значительной степени лишь внѣшнюю, поверхностную фиксацию этихъ часто глубокихъ переживаній. Нерѣдко господствуетъ уже нѣкоторый стереотипный легендарный стиль, при чемъ слабо затрагиваются глубины внутренней жизни.

IV

Больше гораздо дадутъ намъ въ психологическомъ отношеніи тѣ памятники средневѣковой религіозности, гдѣ непосредственно запечатлѣны изліянія души, пережившей въ чувствіи своемъ страданія Христовы и оцутившей духовно Его близость. Сюда относятся благочестивыя, захватывающія сердце созерцанія Голговецкой драмы — въ мистическихъ или нѣкоторыхъ популярно-религіозныхъ трактатахъ и проповѣдяхъ, и особенно въ пѣсняхъ, гимнахъ, богослужебныхъ или внѣ-богослужебныхъ, изъ которыхъ нѣкоторыя сдѣлались излюбленными носителями и коллективной религіозности общины.

Душа шагъ за шагомъ слѣдитъ за драмой Голговецкаго Страдалца. Она въ мысляхъ переживаетъ заново Евангельскій разсказъ, конкретизируетъ его себѣ, восполняетъ новыми подробностями. Она созерцаетъ бичеваніе Іисуса и издѣвательства надъ Нимъ, непосильное несеніе Имъ Своего креста на

¹ Еще шагомъ дальше въ той же плоскости, плодомъ уже литературной амплификаціи, являются, напр., нѣкоторыя пластически-яркія и драматически-живыя сцены романовъ о св. Граалѣ, изображающія чудесныя видѣнія Распятаго, съ котораго напр. кровь обильно стекаетъ въ стоящій у подножія креста священный сосудъ — видѣнія, что внезапно развертываются предъ взоромъ отдѣльныхъ избранныхъ при созерцаніи ими Граля (см. напр. „Lestoire del Saint Graal“, The vulgate version of the Arthurian Romanus, edited by H. Oscar Sommer. Vol. I, 1909, стр. 32—33). Подробнѣе этого касаюсь въ работѣ: „Евхаристическія видѣнія ср. Вѣковъ и повѣсть о св. Граалѣ“, которую готовлю къ печати.

пути къ Голгоѣ, послѣдовательно развертывающуюся картину процесса распятія и мучительную агонію на крестѣ.¹ Иногда она переносится въ чувствованія, въ скорбную, охваченную смятеніемъ и болью душу близкихъ Иисуса, созерцающихъ Его муки, и сама созерцаетъ, видитъ эти муки очами Его матери и прочихъ, что остались вѣрными Ему до конца.

Св. Бригиттѣ, шведской созерцательницѣ, въ концѣ 14-го в., Пречистая Дѣва, явившись, сама повѣствуетъ о мукахъ Своего Сына, какъ она ихъ въ тотъ страшный день созерцала:

„... Подведенный къ столпу, Онъ самъ снялъ съ себя одежды, Самъ приложилъ Онъ къ столпу руки Свои, которыя враги Его затѣмъ привязали немилосердно... Враги Его... стояли со всѣхъ сторонъ и бичевали тѣло Его... И вотъ при первомъ же ударѣ, я, которая стояла вблизи, упала безъ чувствъ, какъ мертвая; и придя въ себя, увидѣла я тѣло Его исполосованнымъ и израненнымъ плетми вплоть до ребръ, такъ что можно было видѣть ребра Его. И что было еще горше: тѣло живое захватывали съ собой плети, куски плоти Его висѣли на бичахъ... Слыш мой стоялъ весь окровавленный, весь до того истерзанный, что въ немъ не было уже цѣлаго мѣста и нечего было уже бичевать...

Затѣмъ Сынъ мой облекся опять въ одежды Свои; тогда увидѣла я то мѣсто, гдѣ стояли ноги Сына моего, все залитымъ кровью... И куда Онъ ни шелъ, земля подъ нимъ обагралась кровью. Когда же повели Его, какъ разбойника, то Сынъ мой самъ вытеръ кровь изъ очей Своихъ“.²

И вотъ — Голгова, гдѣ все уже приготовлено для послѣдней крестной муки. Стена пригвожденія Христа ко кресту изображается при этомъ различно: то представляютъ лѣстницы къ водруженному уже кресту — двѣ по бокамъ, къ правому и лѣвому концу верхней перекладины, а одну малую спереди — къ мѣсту, гдѣ должны быть пригвождены ноги. По этой малой лѣстницѣ Христосъ и подымается на крестъ; затѣмъ мучители пригвождаютъ Ему ноги и руки Его.³ А то изображается, какъ Христа яростно повергаютъ на землю, на лежащій еще крестъ, прибавляютъ Его гвоздями къ крестному дереву, а затѣмъ уже подымаютъ и водружаютъ крестъ вмѣстѣ съ пригвожденнымъ къ нему Страдальцемъ. Отъ страшнаго мучительнаго натяженія при этомъ порываются жилы Его.⁴

„Вотъ распять Господь Иисусъ (читаемъ въ „Созерцаніяхъ жизни Христа“, приписывавшихся Бонавентурѣ⁵), и такъ растянуть Онъ на крестѣ, что можно

¹ Съ этими западными средневѣковыми созерцаніями и описаніями мукъ Христовыхъ можно сопоставить и сходныя произведенія Восточной Церкви. Въ частности, Русская Церковь имѣетъ, напр., въ „Благодарственномъ страстей Христовыхъ воспоминаніи“ Дмитрія Ростовскаго произведеніе необычайной пластичности и яркости, а вмѣстѣ съ тѣмъ и огромной религиозной силы (помѣщено въ I-омъ томѣ кievскаго изданія Сочиненій Дмитрія Ростовскаго, 1895 г., стр. 226).

² *Beatae Birgittae, Revelationes celestes, lib. I c. 10* (цитирую по изданію 1517-го г.)

³ *Meditationes vitae Christi*, с. 78 (въ *Sancti Bonaventurae Opera* — въ томѣ VI томъ изданія 1668 г., въ томѣ X томъ новаго изданія 1902 го года).

⁴ *ibid*, Срв. *Beatae Birgittae Revelationes, l. I c. 10*.

⁵ Эти „*Meditationes*“ (произведеніе итальянскаго францисканца конца 13-го вѣка, но, повидимому, не принадлежащее Бонавентурѣ) были одной изъ излюблѣннѣйшихъ, и распространеннѣйшихъ книгъ въ 14-омъ и 15-омъ вв., причемъ, благодаря необычайной яркости и картинной конкретности своего изложенія, они, какъ установилъ Emile Mâle (*L'art religieux de la fin du Moyen Age en France, 1908, стр. 10 сл.*) имѣть огромное, рѣшающее

было бы пересчитать все кости Его... Изъ глубокихъ Его ранъ струятся потоки пречистой крови. Такъ жестоко Онъ прикованъ, что не можетъ шевельнуться, какъ только головой. Три эти гвоздя выносятъ всю тяжесть Его тѣла, и терпятъ Онъ жесточайшую боль“.¹

Одна за другой развертываются фазы агоніи, слышатся со креста прощальныя слова — страданія, прощенья, любви. Но вотъ Иисусъ возглашаетъ: „Совершилось!“ — „Съ этого мгновенія началъ Онъ слабѣть, какъ это бываетъ съ умирающими, то закрывая глаза, то опять раскрывая ихъ, и склоняетъ голову то въ одну, то въ другую сторону, ибо силы Его все ушли.“

„Наконецъ, прибавилъ Онъ еще седьмое слово, съ громкимъ воплемъ и слезами обращая къ Отцу: „Отче, въ руки Твои предаю духъ Мой“. И сіе сказавъ, Онъ испустилъ духъ, и склонилъ голову на грудь передъ Отцомъ Своимъ, какъ бы благодаря Отца, что Тотъ отзывалъ Его къ Себѣ, и предалъ Ему духъ Свой. При громкомъ возгласѣ семъ, увѣровалъ бывшій тутъ центуріонъ и сказалъ: „Вонетину Вожій Сынъ былъ Сей“, услышавши, какъ Онъ съ воплемъ испустилъ духъ. Ибо прочіе люди не могутъ вопить (clamare) умирая, и поэтому онъ и увѣровалъ въ Него“.² Въ моментъ же смерти „все члены Его задрожали... Уста Его были раскрыты и видѣлся весь налившійся кровью языкъ. Руки Его свисли внизъ отъ мѣста пригвожденія, и почти вся тяжесть тѣла покоилась на ногахъ“.³

И когда сняли Его со креста, то лежалъ Онъ на колѣняхъ Матери Своей весь въ язвахъ, „подобно прокаженному и совершенно омертвѣлый. Ибо очи Его были мертвыя и полны крови. Уста холодны какъ снѣгъ. Борода какъ сухія волокна. Лицо сведено судорогой. Руки же такъ заоченѣли, что согнуть ихъ было невозможно.“ „Какимъ Онъ былъ на крестѣ, такимъ приняла я Его на свое лоно, подобнымъ человѣку, застывшему во всехъ своихъ членахъ“ — говорить, стелая, скорбящая Матерь Его.⁴

V

Ибо съ драмой Сына тѣснѣйшимъ, неразрывнымъ образомъ переплетается драма Матери. На ней, какъ извѣстно, останавливается уже евангельское повѣствованіе. „Тебѣ самой оружіе пройдетъ душу“, такъ (у Луки) предсказывалъ Маріи эту грядущую нравственную муку еще старецъ Симеонъ, когда молодая мать принесла въ храмъ 40-дневнаго младенца.⁵ Теперь же, на Голгоѣ „стояли“, какъ рассказываетъ намъ Іоаннъ, „при крестѣ Иисуса Матерь Его и сестра Матери Его, Марія Клеопова, и Марія Магдалина.“ И слѣдуетъ краткій эпизодъ потрясающей трогательности: распятый Иисусъ, уже близящійся къ смерти, поручаетъ заботу о Своей матери любимому ученику. „Иисусъ, увидѣвъ Матерь и ученика тутъ стоящаго, котораго любилъ, говорить Матери Своей:

значение на развитіе французской религіозной драмы („мистерій“) конца Средневѣковья. (Срв. впрочемъ уже Ed: Wechsler, *Die romanischen Marienklagen* 1893, стр. 28). Точно также весьма сильно было вліяніе „Meditationes“ и на развитіе итальянской религіозной драмы (см. D'Ancona, *Origini del Teatro italiano* I, 1891 г. стр. 124).

¹ *Meditationes vitae Christi*, с. 78.

² *ibid.*, с. 79.

³ *Birgittae Revelationes* l. c.

⁴ *ibid.*

⁵ Луки 2, 35.

„Жено, се сынъ твой! Потомъ говорить ученику: се, матеръ твою! И съ этого времени ученикъ сей взять ее къ себѣ“.¹

Христіанское чувство многократно и длительно останавливалось на этой сценѣ, на переживаніяхъ Матери, стоящей у креста Сына или же держащей на рукахъ Его бездыханное, снятое со креста тѣло, или въ безмолвной, невыразимой скорби созерцающей Его погребеніе.²

Бригиттѣ, мы видѣли, сама Св. Дѣва повѣствуетъ о томъ, какъ она лицезрѣла и переживала истязанія и смерть Сына. „Когда“, говорить она, „первый изъ гвоздей пробивали черезъ тѣло Его, я при первомъ же ударѣ упала безъ чувствъ какъ мертвая; въ глазахъ у меня потемнѣло, руки тряслись, дрожали колѣна. И отъ великой горечи не могла я взглянуть на Него, пока не былъ Онъ всецѣло пригвожденъ. И когда я встала, увидѣла я Сына Моего мучительно повѣшеннаго. А я, матеръ Его печальнѣйшая . . . еле могла держаться на ногахъ отъ скорби“ . . .

Близится конецъ. „Тогда отъ чрезмѣрнаго тѣлеснаго страданія изъ глубины человѣчества Своего возопилъ Онъ ко Отцу: „Отче, въ руки Твои предаю духъ мой.“ Когда услышала я этотъ вопль, я, Его скорбнѣйшая Матерь, то задрожали всѣ члены мои отъ жестокой боли сердца. И сколько разъ потомъ я ни помышляла объ этомъ воплѣ, онъ какъ будто все еще звучалъ въ моихъ ушахъ“.³

Недаромъ, пока Онъ еще мучился на крестѣ, состраданіе Его къ матери Своей на много увеличивало Его муки, какъ говорить намъ авторъ книги „Созерцаній“. (*Meditationes vitae Christi*.) „Она по истинѣ вмѣстѣ съ Сыномъ висѣла на крестѣ, и предпочла бы умереть вмѣстѣ съ Нимъ, чѣмъ дольше жить.“ Она молить о Страдалцѣ — Сынѣ небеснаго Отца — пусть Онъ по крайней мѣрѣ облечитъ муки Его: „Отецъ, поручаю Тебѣ моего Сына“. А Сынъ въ это время молча молился за Мать: „Отецъ Мой, видишь, какъ страждетъ Мать Моя. Я долженъ быть распятымъ, а не она; а между тѣмъ она со Мною на крестѣ. Достаточно Моего Распятія, ибо Я понесъ на Себѣ грѣхи всего народа . . . Видишь ея отчаяніе. Отецъ, поручаю ее Тебѣ; сдѣлай посильными, выносимыми страданія ея“.⁴

А вотъ сцена снятія со креста. Свѣсившую, освобожденную отъ гвоздя правую руку Его „Владычица подхватила съ благоговѣніемъ и прижимаетъ къ своему лицу. Она взираетъ на Него и цѣлуетъ Его съ обильными слезами и горестными вздохами“.⁵ „А когда тѣло со креста было спущено на землю“ — рассказываетъ намъ авторъ „Книги о страданіяхъ Христа и о скорбяхъ и плачѣ Его Матери“ (изъ рукописи 13-го вѣка) — „то она, устремившись на Него, припавъ къ Нему (*Super ipsum ruens*), отъ безмѣрной скорби и безграничной любви пребывала какъ бы мертвой — *prae incontinentia doloris et immensitate amoris quasi mortua stabat*.

¹ Іоаннъ, 19, 25—27.

² Первый извѣстный намъ „плачъ Богоматери“ содержится въ одной изъ греческихъ редакцій ново-завѣтнаго апокрифа „Дѣянія Пилата“ (*Acta Pilati*, 13), написаннаго не позднѣе начала 5-го вѣка (с. XI, 5 Tischendorf, *Evangelia apocrypha* 1-ое изд. 1853, стр. 292, 2-ое изд. 1876, стр. 287 сл. Срв. S. Wechsler, *Die romanischen Marienklagen*, стр. 8 сл. K. P. Wülcker, *Das Evangelium Nicodemi in der abendländischen Literatur*, Marburger Diss. 1872).

³ *Birgittae Revelationes*, 1 с.

⁴ *Meditationes vitae Christi*, с. 78.

⁵ *ibid.* с. 81.

Стояла въ головахъ умершаго Сына своего мать Марія, слезами орошая Его лицо; многообразными степеніями терзалась она изнутри; неустанно лобызала она чело Его и щеки, и глаза, и носъ, и все тѣло, и плакала съ такимъ обиліемъ слезъ, что казалось, будто вся плоть ея вмѣстѣ съ душою всецѣло растворялась въ слезы. Слезами омывала она безжизненное тѣло Сына“...¹

Эти сцены, эти переживанія мукъ Иисуса и скорби Его Матери вдохновляютъ и церковное изобразительное искусство, внося въ него (съ особой силой во второй половинѣ Ср. Вѣковъ) струю глубокаго, хватающаго за сердце патетизма², вдохновляютъ они, уже съ раннихъ временъ, и религиозную лирику и въ частности церковную, богослужебную пѣснь.

Мы знаемъ, что и Восточная Церковь въ своихъ пѣснопѣніяхъ плачетъ и скорбитъ, созерцая умственнымъ взоромъ страданія Богочеловѣка. Она плачетъ и вмѣстѣ со Скорбящей Матерью, повторяя ея сѣтованія, созерцая и переживая ея материнскую скорбь. Приведу хорошо извѣстныя по „Постной Тріодѣ“ нѣкоторыя изъ пѣснопѣній Іосифа Пѣснотворца (*Ἰωσήφ ὁ Ῥιπνογράφος*), жившаго въ IX-омъ вѣкѣ — изъ канона, что поется въ пятницу четвертой недѣли Великаго Поста. Мы слышимъ здѣсь возгласы и рыданія самой безутѣшной Матери и Дѣвы:

„Егда Ты, чадо неизреченно родишь, болѣзней избѣгохъ, и како нынѣ вся болѣзней исполняюся? Вижду бо Ты висима яко злодѣя на дрѣвѣ, землю неодохранно повѣсившаго, глаголаше Всечистая плачущи“... .

„Умерщвлену жизнь на крестѣ зряще, и не терпѣнцы болѣзни утробѣ, рыдаше чистая Дѣва зывающе: Увы, Сынъ мой, что Тебѣ народъ беззаконный воздаде“... .

„Нынѣ яко агнца незлобиваго зрю ты висѣща и отъ беззаконныхъ кресту пригвождаема, Сыне мой перебезначальный рыданіи терзаюся, и матерскими одержима есмь болѣзнями, Всечистая вопіюще“...³

А вотъ изъ канона Симеона Логовѣта, читаемаго въ Бел. Пятницу:

„Обѣшена яко видѣ на крестѣ Сына и Господа, Дѣва чистая терзающися вопіюще горцѣ, со другими женами стѣнающе глаголаше“... .

„О страшномъ Твоемъ рождествѣ, и страшномъ, Сыне мой, паче всѣхъ матерей возвеличена быхъ азъ: но увы мнѣ, нынѣ Ты видѣнъ на дрѣвѣ, распалаюся утробою“... .

„Се свѣтъ мой сладкій, надежда и животь мой благій, Богъ мой угасѣ на крестѣ, распалаюся утробою, Дѣва стѣнюще глаголаше“... .

„Уязвена ты видѣнъ и безъ славы, нага на дрѣвѣ, чадо мое, утробою распалаюся, рыдающе яко мати, Дѣва провѣщаваше“... .

Но вотъ тѣло умершаго Страдальца снято съ позорнаго древа и покоится на колѣняхъ Матери:

„Пріемши Его съ плачемъ мать неискусомужная, положи на колѣну, молицы Его со слезами, и облобызающи, горцѣ же рыдающе и восклицающи:

¹ „Liber de passione Christi et doloribus et planctibus matris eius“ (приписывалось Бернарду Клервосскому — Migne, t. 182, col. 1139). Ярко изображаетъ намъ плачь Богоматери и великій германскій мистикъ Seuse (см. въ изд. Diederichs'a, т. II, стр. 63 сл., 205 сл., 107, 109).

² См. объ этомъ Е. Mâle, *L'art religieux de la fin du Moyen Age en France*, 1908, Гл. I и II.

³ Греческій текстъ у Migne'a, *Patrologia, Series graeca*, t. 105, coll. 1372—1374.

„Едину надежду и животь, Владыко Сыне мой и Боже, во очю свѣтъ раба Твоя имѣхъ, сладкое мое чадо и любимое“ ...

„Не изглаголеши ли рабѣ Твоей слова, Слове Божій? Не ущедриши ли, Владыко, Тебе рождшную? — глаголаше Чистая, рыдающи и плачуци, облобызающе тѣло Господа своего.

„Помышляю, Владыко, яко кому сладкаго Твоего не услышу гласа, ни доброты лица Твоего узрю, якоже прежде, раба Твоя: ибо зашелъ еси, Сыне мой, отъ очю моею“ ...

И все снова и снова раздаются эти рыданія, эти сѣтованія Матери:

„Избавляяи болѣзни, нынѣ прими мя съ Собою, Сыне мой и Боже, да сниду, Владыко, во адъ съ Тобою и азъ, не остави меня едину: уже бо жити не терплю, не видяци Тебя, сладкаго моего свѣта.“

„Со другими женами мироносицами рыдающи Непорочная горѣхъ и носима видяща Христа, глаголаше: Увы мнѣ, что вижу! Камо идеши нынѣ, Сынъ мой, а мене едину оставляеши?“ ...

Точно также и въ религиозной лирикѣ средневѣковаго Запада встрѣчаемъ рядъ „плачей“ Богоматери надъ тѣломъ умершаго Сына. Весьма распространены они въ нѣмецкой средневѣковой литературѣ. „Увы дитя мое“ восклицаетъ въ одномъ изъ нихъ Марія, „побѣднѣли совершенно Твои щеки. Совершенно исчезла вся Твоя сила, все Твое могущество“:

ôwê kint, din wengel sint
dir sô gar erblichen;
al din kraft, al din maht
ist dir sô gar entwichen.

tôt, ôwê tôt
tôt, nû nim uns beide,
daz er alsô eine niht
von mir werde gescheiden ...

(„Смерть, увы смерть!
Смерть! возьми теперь насъ обоихъ,
что бы Онъ не былъ такимъ одинокимъ,
разлученнымъ отъ меня!“).

Herzi brich! Kint nû sprich
und lâ mich mit dir sterben,
ode ich muoz hie under dir
sô jaemerlich verderben ...

(„Разорвись, мое сердце! Дитя мое, молви мнѣ хоть одно слово
И дай мнѣ умереть вмѣстѣ съ Тобою.
Или мнѣ придется здѣсь подъ Твоимъ крестомъ
Погибнуть отъ скорби“)¹

Въ Италіи 13-го вѣка широкія народныя массы охватываются религиознымъ порывомъ. Изъ глубинъ народной жизни вырастаетъ это религиозное движеніе, органически связанное съ дѣятельностью и проповѣдью св. Франциска изъ Ассизи. Яркое и стихійное (хотя уже болѣе вѣдшее) проявленіе этого

¹ см. Dr. Ant. Schönbach, Über die Marienklagen, 1874, стр. 3—4.

подъема имѣемъ, напр., въ движеніи флагеллантовъ, когда десятки тысячъ людей неудержимымъ потокамъ въ теченіе мѣсяцевъ переходили изъ города въ городъ, изъ селенія въ селеніе, громко каясь въ грѣхахъ, призывая милосердіе Божіе и воспѣвая страданія Христа и муки Его матери

Ео Maria dolorosa
Vego lo mio fiolo pennare
Oymè, fiolo glorioso,
Lassa mi, che doe fare?

(„Я скорбная Марія, вижу, какъ страждетъ мой Сынъ. Увы! Сынъ мой преславный! Несчастливая я, что мнѣ дѣлать?“) — такъ, напр., звучитъ все снова и снова возвращающийся припѣвъ (въ сборникѣ флагеллантскихъ гимновъ, правда зафиксированномъ уже въ 14-омъ в.).¹

Оплодотворенная этимъ духовнымъ подъемомъ 13-го столѣтія, въ нѣдрахъ въ первую очередь Францисканства зародилась, какъ извѣстно, итальянская религиозная лирика, полная простоты, народности и глубины безраздѣльно захватывающаго чувства. О характерѣ исполненія этихъ гимновъ — *laude*, нерѣдко страстно-напряженномъ, имѣемъ интересныя указанія въ статутахъ нѣкоторыхъ религиозныхъ (флагеллантскихъ) братствъ того времени. Такъ въ статутахъ „Братства Распятаго“ (*Statuti della compagnia del Crocifisso*) въ Губбіо читаемъ, что члены ея должны собираться въ церкви въ ночь съ Великаго Четверга на Пятницу, „для слушанія страстей Христовыхъ, одѣтые во власяныя вретипа. Въ этой церкви да будутъ съ благоговѣніемъ воспроизведены передъ народомъ слезныя „лауды“ и жалостныя пѣснопѣнія и горестныя сѣтованія Дѣвы и Матери, осиротѣлой, лишенной родного Сына; при семъ больше вниманія слѣдуетъ обращать на слезы, чѣмъ на слова“...²

У великаго францисканскаго мистика и поэта Якопоне да Тоди, въ творчествѣ котораго имѣемъ вѣнецъ религиозной пѣсни итальянскаго средневѣковья, сочетается въ его итальянскомъ „плачѣ“ Богоматери изумительная свѣжесть и народность выражений съ потрясающимъ патетизмомъ чувства. Дѣва Марія („*Donna del Paradiso*“) переживаетъ здѣсь на нашихъ глазахъ шагъ за шагомъ всѣ фазы послѣдней драмы своего Сына. Его предали и схватили, Его влекутъ, Его отдали на истязаніе. Напрасно молить она мучителей о пощадѣ, напрасно взываетъ она къ Нему, уже распятому:

¹ *Il laudario dei battuti di Modena* (издано въ *Beihfte zur Zeitschrift für romanische Philologie*, Heft 20, 1909 г., гимны 37, 38; ср. еще гимны 36 и 41). Обзоръ ряда другихъ итальянскихъ „*laudi*“ посвященныхъ „плачу“ Богоматери данъ у *Wechssler'a* I. c. стр. 30 сл. (У него же обзоръ и другихъ романскихъ и латинскихъ средневѣковыхъ плачей Богоматери. Ср. также *W. Musshacke, Altprovenzalische Marienklage des 13. Jahrhunderts, Romanische Bibliothek* № 3 Halle 1890). Объ итальянскихъ средневѣковыхъ гимнахъ въ связи съ религиозными движеніями 13-го вѣка см. напр. *D'Ancona* I. c. I, 106; *Thode, Franz von Assisi u. die Anfänge der Kultur d. Renaissance in Italien*, 1885 г., стр. 37; *Gaspary, Gesch. d. italien. Liter.* I, 141. О флагеллантахъ см. напр. *Л. П. Карсавина, Очерки...* 1912.

² „... *audituri passionem Christi, induti vestibus disciplinae. In qua ecclesia lacrimosas laudes et cantus dolorosos et amara lamenta Virginis matris viduae proprio orbate filio cum reverentia populo representant magis ad lacrimas attententes quam ad verba. Peractis vero laudibus revertant ad locum suum.*“ (у *Wechssler'a*, I. c. стр. 32—33. Ср. *D'Ancona* I. c. I, стр. 164).

„O figlio, figlio, figlio! — figlio, amoroso giglio,
figlio, chi da consiglio — al cor mio angustiato?
Figlio, occhi giocondi, — figlio, co non respondi?
figlio, perché t'ascondi — dal petto ove sé lattato?“

(„О, сынъ мой, сынъ мой, сынъ мой! — сынъ мой, прекрасный, какъ лилія, — сынъ мой, кто дастъ утѣшеніе — моему скорбному сердцу? Сынъ мой съ радостными глазами, — сынъ мой, что Ты не отвѣчаешь? — сынъ мой, что Ты скрываешься — отъ груди, что Тебя вскормила?“)
Когда Онъ испустилъ послѣднее дыханіе на крестѣ, она начинаетъ свои полныя безмѣрной скорби сѣтованія:

„Figlio, l'alma t'è uscita, — figlio de la smarrita,
figlio de la sparita — figlio attossicato!
Figlio bianco e vermiglio, — figlio senza simiglio,
figlio, a chi m'apiglio? — figlio, pur m'hai lassato.
Figlio bianco e biondo, — figlio, volto iocondo,
figlio, perché t'ha el mondo, — figlio, cosi sprezzato?
Figlio, dolce e piacente, — figlio de la dolente,
figlio, hatte la gente — malamente trattato!“ . . .

(„Сынъ мой, душа Твоя отлегла, — сынъ скорбящей Матери, — сынъ покинутой Матери, — сынъ мой, отравленный ядомъ! Сынъ мой бѣлый и румяный, — сынъ мой, которому нѣтъ равнаго, — сынъ мой, къ кому мнѣ обратиться? — сынъ мой, вѣдь Ты покинуть меня!“ и т. д.)¹

Впрочемъ, излюбленное и наиболѣе яркое и законченное выраженіе нашель себѣ въ Ср. Вѣка образъ Матери, сострадающей распятому Сыну, въ латинской религиозной лирикѣ и въ латинскихъ пѣснопѣніяхъ церкви.

Плачьте всѣ вмѣстѣ со скорбной Матерью! Такъ сама она обращается къ вѣрующимъ, проходящимъ мимо креста:

Qui per viam pergitis,
Hic mecum sedete,
Si est dolor similis,
Ut meus, videte:
Meum dulcem filium
Pariter lugete.

Videte spectaculum
In cruce pendentis,
More damnatitii
Crimina luentis,
Pro peccato populi
Mortem patientis.

(„Вы, что проходите по дорогѣ, посидите здѣсь со мною: посмотрите, есть ли мука равная Моей. Плачьте вмѣстѣ со Мною надъ моимъ сладостнымъ Сыномъ. Вотъ — Онъ виситъ на крестѣ, искупая грѣхи, подобно осужденному преступнику, вотъ Онъ терпитъ смерть за грѣхи народа“ . . .)²

¹ Jacopone da Todi, Le laude (въ серіи Scrittori d'Italia, 1915 г. — перепечатка перваго флорентійскаго изданія 1490 года), стр. 230: „Pianto della Madonna“. Срв. также другой стихотворный итальянскій плачъ Богоматери, приписанный тому же Якопоне въ венеціанскомъ изданіи: Le poesie spirituali del B. Jacopone da Todi . . . 1617 г., стр. 309—312, Oda XIII. Объ Якопоне см. напр. D'Ancona, Jacopone da Todi, il giullare di Dio del secolo XIII. Todi 1914 и новую большую книгу Evelyn Underhill, Jacopone da Todi: Poet and Mystic. 1228—1306. Lond. Dent (1919 или 1920 г.), которую мнѣ, къ сожалѣнію, не удалось видѣть, но которая должна быть весьма интересна, судя по другимъ работамъ этой выдающейся изслѣдовательницы.

² Analecta hymnica medii aevi, t. X стр. 79 (Dreves-Blume, Ein Jahrtausend lateinischer Hymnendichtung, 1909 г., II стр. 249).

Часто, впрочемъ, гимны эти не вкладываются въ уста самой Богоматери, а созерцаютъ ея скорбь у подножія креста глазами вѣрующей души, благоговѣнно устремленными на Матеръ и Сына. И между прочимъ встрѣчаемъ здѣсь напр. тотъ же мотивъ, что въ приведенныхъ выше пѣснопѣніяхъ Восточной Церкви: противоположеніе безболѣаннаго рожденія Сына мукамъ материнскаго сердца при созерцаніи Его страданій и кончины. Природа вернула себѣ свое съ лихвою: теперь полностью познала Марія всю боль материнства, за безболѣзненность родовъ заплатила она душевной пыткой на Голгофѣ:

Tempus nacta trux natura
Nunc exposcit sua jura
Nunc dolores acuit,
Nunc extorquet cum usura
Gemitus, quos paritura
Naturae detinuit.

Nunc, nunc parit, nunc scit vere,
Quam maternum sit dolere,
Quam amarum parere;
Nunc se dolor orbitati,
Dilatatus in partu nati
Praesentat in funere.

(„Улучивъ время, злодѣйка Природа теперь предъявляетъ свои права, теперь умножаетъ она страданія, теперь съ лихвою вырываетъ она у Матери тѣ, стоны, въ которыхъ та ей отказала при родахъ.“

„Теперь, теперь рождаетъ она снова, теперь знаетъ она по себѣ, сколь присущи матери скорби, и какъ тяжело бываетъ рождать, теперь тѣ муки, что не извѣдала она при рожденіи Сына, охватили осиротѣлую при Его смерти“).¹

Мать, съ душой прозенной мечемъ страданія, скорбящая у подножія креста, на которомъ виситъ ея Сынъ, вотъ — одинъ изъ наиболѣе потрясающихъ сюжетовъ, какіе можно себѣ представить, въ частности — въ церковной пѣснѣ средневѣковаго Запада. Все снова и снова мысль вѣрующей возвращается къ этому образу, и они длительно останавливаются на немъ, съ смятенной и соболѣзнующей душой, плача и благоговѣя. Можно намѣтить цѣлую цѣпь непрерывнаго, преемственнаго развитія въ процессъ воплощенія этого образа въ церковной пѣснѣ, особенно съ XI-го вѣка²; предвосхищаются при этомъ уже цѣляя выраженія, стихи, даже группы стиховъ, вошедшіе, воспріятыя потомъ (въ концѣ XIII-го в.) въ классическое, высочайшее по законченности и силѣ воплощеніе этого плача Западной Церкви, плача вмѣстѣ со скорбной Матерью надъ распятымъ Единороднымъ — именно въ „Stabat“ Якопоне да Тоди:

Мать стояла, въ день рыданій
У креста, полна страданій.
Пока Сынъ висѣлъ на немъ,
И душа ея больная,
Содрогаясь и стеная,
Прободалась остріемъ.

О сколь скорбной, сколь печальной
Была Мать въ сей мигъ прощальный,
Мать родившая Его!
Какъ страдала и рыдала.
И, рыдая, созерцала
Муки Сына Своего!...³

¹ Anal. Hymnica VIII 55 (Dreves-Blume II 248)

² См. объ этомъ Rémy de Gourmont, Le latin mystique 1913, стр. 345 сл.

³
Stabat mater dolorosa
Iuxta crucem lacrimosa,
Dum pendebat filius;
Cuius animam gementem
Contristantem ac dolentem
Pertransivit gladius...

VI

Рядъ другихъ лирическихъ гимновъ и пѣснопѣній Церкви сосредоточиваетъ свое преимущественное вниманіе на самомъ страждущемъ Иисусѣ.

Plange, Sion filia,

— такъ читаемъ въ одномъ рукописномъ сборникѣ гимновъ 14-го — 15-го в. —

Leva supercilia,
Vide Christum Jesum
Per pectus et ilia
Per membra gracilia,
Vulneratum, laesum
Graviterque caesum.

Cuspis arundinea
Cum corona spinea
Sacra membra forat,
Fundatori vinea
Vina dat sanguinea,
Naturaque plorat
Dum Jesus laborat.

(„Плачь, дщери Сіона, подыми вѣжды свои: узри Христа Іисуса раненаго, прободеннаго черезъ грудь и внутренности, черезъ вѣжное тѣло Его, покрытаго тяжкими ударами . . .

Остріе и вѣнецъ терновый пронзаютъ пречистые члены. Лоза виноградная приноситъ Насадителю своему кровавое вино, и плачетъ природа, пока Іисусъ тершитъ предсмертныя муки“).¹

Взоръ всецѣло прикованъ къ образу униженнаго, страждущаго Іисуса:

„Нынѣ я вижу Тебя, Іисуса Христа, страждущаго, оплеваннаго, заушеннаго, обезображеннаго язвами . . .

Про Тебя взываетъ Іеремія: о вы всѣ, что проходите по дорогамъ, взгляните, есть ли мука, равная этой Моей мукѣ!“²

„Эти пречистые глаза“, пость Бонавентура „на крестѣ потускнѣли и поблѣднѣло лицо; у Его обнаженнаго тѣла не осталось ни красоты, ни вида, ни доброты . . . Члены Его растянуты для страшныхъ пытокъ; Онъ исполосованъ ударами“ . . .³

Съ благоговѣйной скорбью поклоняется вѣрующая душа язвамъ Распятаго, склоняется передъ израненными членами Его тѣла:

„На этомъ древѣ, словно преступникъ, виситъ истинный Богъ и человѣкъ, дрожа обезсиленными колѣнами.

О сколь бѣднымъ, о сколь обнаженнымъ явился Ты на крестѣ какъ предметъ насмѣшекъ и поруганія . . . и при томъ добровольно, безъ принужденія, изъязвленный во всѣхъ членахъ Твоихъ!

. . . Весь залитой кровью, Ты недвижимъ въ Твоей скорби, подпоясанный жалкимъ вретичемъ: о безконечное величіе, о неслыханная бѣдность!“

¹ Anal. Hymn. II 139 (= Dreves-Blume, II, 65).

² Anal. Hymn. XV, 37 (= Dreves-Blume, II, 72—73).

³ Bonaventura Laudismus Sanctae Crucis — Anal. Hymn., I, 571 сл.

„Привѣтъ тебѣ, окровавленная глава, вѣнчанная терніемъ, израненая, избитая тростью, съ лицомъ, покрытымъ плевками!“ . . .

Такъ поютъ гимны, обращенные къ отдѣльнымъ членамъ тѣла Страдальца.¹

„Для сего именно и былъ произненъ бокъ Твой“ читаемъ въ другомъ мѣстѣ (въ трактатѣ „Мистическая Лоза“), „чтобы намъ открытъ былъ входъ. Для сего то и ранено было Твое сердце . . . чтобы намъ обитать въ немъ. А и также для того, чтобы чрезъ видимую его рану могли мы видѣть невидимую рану любви“.²

„Все мое знаніе, всю мою мудрость заключи въ Твои язвы“, — такъ восклицаетъ одинъ пѣмецкій мистикъ 14-го вѣка: „чтобы мнѣ всецѣло погружаться въ Тебя, истинную книгу любви и въ смерть Твою“.³

Религиозное чувство ищетъ яркихъ образовъ и символовъ, чтобы украсить предметъ своей любви. Страждущій Христосъ, это — чудесная гроздь виноградная, крестъ, это — точило, кровь, изливающаяся изъ раны, — это цѣлебное вино, напоющее міръ. (Ибо уже самъ Иисусъ называетъ себя въ четвертомъ Евангеліи истинной виноградной Лозой⁴; а образы грозди и точила, встрѣчающіеся въ Библии, уже ранними отцами были отнесены къ Голгоетской драмѣ.⁵) Или еще: распятый Иисусъ — источникъ жизни (*fontana vitae*), въ потокахъ Его крови омываются вѣрные. „Благословенны Отцомъ Моимъ вы, состраждущіе мнѣ“ восклицаетъ Иисусъ, въ видѣніи, бывшемъ Ангелѣ изъ Фолины . . . „Удостоились вы въ крови Моей омыть одежды свои“.⁶ Такъ уже въ „Откровеніяхъ“ Іоанна громко возглашается объ избранныхъ „οὗτοι εἰσὶν οἱ ἐρχόμενοι ἐξ τῆς θλίψεως τῆς μεγάλης, καὶ ἔπλυναν τὰς στολάς αὐτῶν καὶ ἐλεύσαναν αὐτὰς ἐν τῷ αἵματι τοῦ ἀρνίου“.⁷ Изобразительное искусство Церкви, равно какъ и пѣсня, многократно съ любовью останавливается на этихъ образахъ, освященныхъ традиціей: креста — точила и неизсякающихъ потоковъ очистительной крови.⁸

Или иногда Христосъ уподобляется чудесной розѣ.⁹ Церковная пѣсня и нѣкоторыя благочестивыя средневѣковыя писанія говорятъ объ ярко-красной

1

. . . In hoc ligno tamquem reus

Pendet verus homo-deus,

Caducis nutans genibus . . . и т. д.

Стихотвореніе это принадлежит Ариульфъ Лёвенскому, бывшему аббату одного изъ Брабантскихъ монастырей († 1250) и имѣло огромное распространеніе. См. *Dreves-Blume*, I, 323 сл. Объ этихъ лирическихъ обращеніяхъ къ изъязвленнымъ частямъ тѣла Христова, срв. *Rémy de Gourmont*, I, с. 235 сл. Срв. знаменитый гимнъ протестантской Церкви: „O Haupt voll Blut und Wunden!“

² „*Vitis mystica, seu tractatus de passione Domini*“ (приписывалось — невѣрно — Бернарду Клервоскому; *Migne*, t. 184, col. 643).

³ „*Minnebüchlein*“ (Этотъ трактатъ иногда приписывается *Seuse* — см. творенія *Seuse* въ изд. *Dieterich's'a*, II томъ.)

⁴ Іоаннъ XV, 1 сл.

⁵ Книга Чисель, XIII, 24; Исаія LXIII, 2—3 Срв. толкованія Іеронима на 63 гл. Исаія; *S. Augustin*, *Comment. in Psal IV*, *Patr.* t. 36, col. 649. Приведено у *Mâle*, *L'art religieux* . . . стр. 111.

⁶ Откровенія блж. Ангела (русск. перев. проф. Л. Карсавина, Библиот. мистиковъ, 1918 г.), гл. VI § 192, стр. 142. Срв. еще гл. IX, § 127, стр. 163—4 и гл. I § 23, стр. 75—6.

⁷ „Сіе суть пришедшіе изъ великой скорби, и они омыли ризы свой и убѣлили ихъ въ крови Агнца“ — Апокал. 7, 14.

⁸ Рядъ прижворъ и изображеній у *Mâle*, I, с. стр. 103—117.

⁹ „*Floret in vite nostra, benigno Jesu, nihilominus rosa rubens et ardens: rubens sanguine passionis, ardens igne charitatis, roscida effusione lacrymarum dulcissimi Jesu*“ *Vitis mystica cap. XXXIII*, 121 (*Migne*, t. 184 col. 708).

розѣ крови Христовой, о розѣ извѣ Его. „На нашей Лозѣ, которая есть бла-
гостный Иисусъ, цвѣтетъ тѣмъ не менѣ Роза, рдѣющая и плакающая: она
рдѣеть отъ крови страданія, она пылаетъ — огнемъ любви, окроплена она
росою слезъ сладчайшаго Иисуса“.¹

Ave rosa sanguinis
Fusi more fluminis
De carne Salvatoris!

(„Радуйся, роза крови, излившейся подобно потоку изъ плоти Спасителя!“²)

Конечно, всѣ эти образы неадекватны недостаточны, вѣдшии, они не
могутъ передать невыразимой высоты Голговецкой тайны, они безсильны также
изобразить объединеніе души съ ея распятымъ Богомъ. Ибо Иисусъ, и при-
томъ страждущій, заполняетъ душу. Онъ — основной фонъ ея бытія, единст-
венное, что цѣнно, всеохватывающая стихія духовной жизни. Ощущая это,
душа въ состояніи лишь твердить имя Иисуса, что какъ руководящій основной
мотивъ проходить черезъ всѣ переживанія, отъ скорби до радости: „Иисусъ,
рожденный изъ Бога“, такъ поетъ Бонавентура, „Иисусъ, предсказанный въ
прообразахъ, Иисусъ, сошедшій съ небесъ, Иисусъ — Сынъ Маріи . . .

„Иисусъ — Пастырь добрый, Иисусъ, орошенный слезами, Иисусъ — Царь,
нами не признанный, Иисусъ — хлѣбъ жизни.

„Иисусъ, измѣнически преданный, Иисусъ, распростертый въ молитвѣ, Иисусъ,
окруженный толпою, Иисусъ связанный оковами.

„Иисусъ, насыщенный позоромъ, Иисусъ, заушенный . . . Иисусъ, преданный
Пилатомъ, Иисусъ, осужденный на смерть.

„Иисусъ, всѣми презрѣнный, Иисусъ, притвожденный ко кресту, Иисусъ, со-
причисленный къ разбойникамъ, Иисусъ, напоенный желчью.

„Иисусъ — солнце помраченное смертью, Иисусъ, пронзенный копьемъ,
Иисусъ, залитый кровію, Иисусъ погребенный.

„Иисусъ, торжествующій черезъ смерть Свою, Иисусъ, радостно воскресшій,
Иисусъ — наша слава, Иисусъ, владычествующій надъ міромъ.

„Иисусъ — побѣдитель величественный, Иисусъ — женихъ украшенный . . .
Иисусъ — наша желанная цѣль!“³

Ибо изъ страданій вытекала радость — побѣда надъ смертью! А изъ
тѣснаго общенія съ этимъ страдающимъ Богомъ вытекала возможность ду-
ховнаго обновленія, духовнаго переворота. Интересно было бы прослѣдить,
какъ дѣйствительно изъ подобныхъ настроеній и переживаній зарождалась
иногда новая, могучая и просвѣтленная духовная жизнь — повышенная и
торжествующая, полная силы и творчества жизнь великихъ мистиковъ.

VII

Страждущій Христосъ въ переживаніяхъ великихъ мистиковъ Средневѣ-
ковья! Это — центральный пунктъ всей ихъ духовной жизни, въ Немъ
все ихъ богатство, вся ихъ мудрость, все ихъ знаніе, вся радость ихъ, весь

¹ Bernardus Homeliae in Evangelia, lib. II c. 38, приведено у Mgr. de la Bouillerie, Etude sur le symbolisme chrétien de la nature, Paris, 1866, 2e edit p. 267, IV: „Jésus Christ assimilé à la rose à cause de sa passion“. Срв. Ch. Joret, La rose dans l'anti-
quité et au M. Age 1892, стр. 243.

² приведено у Ch. Joret, La Rose . . . стр. 242.

³ Analecta hymnica med. aevi t. L, стр. 559 сл.

смыслъ ихъ существованія. Они живутъ для Него, думаю о Немъ, любовью къ Нему... Non pluribus indigeo, fili: scio Christum pauperum crucifixum¹ — вотъ вся мудрость Франциска Ассизскаго, красной нитью проходящая чрезъ всю его жизнь отъ видѣннй Распятаго въ часовнѣ Санъ Даміано² до стигматизаціи на Альвернской горѣ... „Нѣтъ другого пути Божьяго“, восклицаетъ Анджеа изъ Фолиньо, „кромѣ пути и жизни и смерти Богочеловѣка Страдальца“³. Центромъ всѣхъ „Откровеній божественной любви“, бывшихъ Юліаніи изъ Норвича, явилось созерцаніе агоніи распятаго Страдальца.⁴ „Ты не можешь достигнуть Моего Божества, если не пройдеши сначала черезъ Мое страждущее человечество“; такъ слышитъ Seuse голосъ Вѣчной Премудрости — Исуса.⁵ Здѣсь мы стоимъ передъ неисчерпаемой областью, передъ неизмѣримымъ богатствомъ тоновъ и переживаній, отъ острой боли до просвѣтленной, ликующей радости — радости общенія съ Нимъ.

На этихъ высотахъ духовной жизни Среднихъ Вѣковъ Исусъ царитъ безраздѣльно какъ Центръ и Источникъ устремленія, какъ Путь, Истина и Жизнь.

Психологіей великихъ мистиковъ Средневѣковья и ориентаціей всей ихъ внутренней жизни на Христа, и при томъ распятаго, я думалъ бы заняться въ специальной работѣ. Здѣсь же хотѣлось бы только указать, что это — черта, не специально свойственная только мистикѣ средневѣковаго Запада: это — основная черта всего мистическаго опыта христіанства съ первыхъ же его временъ; въ этомъ нѣтъ основного различія между⁶ христіанскимъ Западомъ и христіанскимъ Востокомъ. Здѣсь, въ этихъ переживаніяхъ, въ этой внутренней жизни мистиковъ, звучатъ еще отзвуки горящей проповѣди Павла: „Я рѣшилъ ничего не знать, кромѣ Исуса Христа, и при томъ распятаго“.⁷

¹ Мнѣ большаго не нужно, сынъ мой: я знаю Христа бѣднаго и распятаго“ — Celano, Vita sec., с. LXXI“. Срв. съ этимъ слѣдующія слова одного древне-восточнаго старца — нѣкоего Стефана (конца 6го в.; у Иоанна Мосха, Луть духовный, гл. 64). Пришедшей къ нему ради поученія братія онъ послѣ долгаго молчанія, наконецъ, сказалъ: „... Что знаю, то скажу вамъ. Днемъ и ночью я ни на что болѣе не взираю, кромѣ Господа нашего Исуса Христа, пригвожденнаго къ древу крестному“.

² „Ab illa itaque hora, ita vulneratum et liquefactum est cor eius ad memoriam Dominicae passionis, quod semper dum vixit, stigmata Domini Jesu in corde suo portavit“ говорить „Legenda trium Sociorum“, cap. V (La Leggenda di San Francesco scritta da tre Suoi Compagni... Roma 1899, стр. 30). Срв. Celano, Leg. sec. с. 11. Далѣе напр. Celano, Leg. prima, P. II с. 2, 3, 8, 9; Leg. sec. с. 52, 90, 151; Speculum perfectionis, с. 91, 92, 93. И т. д.

³ B. Angelae de Fulginio, Visionum et instructionum liber (Coloniae 1851), с. 3. Срв. с. 10 и с. 14.

⁴ „Comfortable words for Christ's Lovers“ being the visions and voices vouch safed to Lady Julian recluse at Norwich in 1373. Edit by Rev. Dundas Harford, 2nd edit, Lo. 1912 ch X—XI и passim (Другая болѣе полная редакція того же памятника озаглавлена: „Revelations of Divine Love“).

⁵ Seuse's Leben, с. 13; срв. его же, Büchlein der Ewigen Weisheit, с. 3 срв. Caterina da Sienna, Dialogo с. 84 и passim и т. д.!

⁶ Различіе есть безусловно въ способѣ проявленія: католическій Западъ даетъ просторъ — иногда безудержный, безмѣрный просторъ — религиозной фантазій, принимающей иногда ярко чувственную окраску. Православный Востокъ строго-трезвень и сдержанно цѣломудренъ въ проявленіи своего чувства.

⁷ I. Кор. 2, 2.

Чертежъ украинскимъ и черкасскимъ городамъ 17-го вѣка

Л. С. Багрова

Первыя письменныя указанія на знакомство русскаго народа съ картографическимъ искусствомъ относятся къ концу 15-го вѣка, когда при досмотрѣ владѣній одного монастыря, дьякъ — представитель официальной власти — протекавшую въ этихъ владѣніяхъ рѣку досмотрѣлъ и „на дубъ начертилъ“, а послѣ по этому дубу свои разсужденія повелъ. Это указаніе позволяетъ прийти къ тому заключенію, что власти на Руси считали карты — „чертежи“ необходимымъ документомъ на земельное владѣніе. Матеріаломъ, на который наносились чертежи, служилъ лубокъ — кора березы. Лубокъ, какъ матеріалъ для черченія картъ, засталъ еще въ Сибири и Витсенъ, на что онъ указываетъ въ своемъ трудѣ „Noord en Oost Tartaryen“, вышедшемъ въ 1687 г.

На протяженіи слѣдующаго 16-го вѣка указанія на существованіе чертежей встрѣчаются все чаще и чаще. Чертежи хранились въ Царскомъ архивѣ, посылались къ нему „на верхъ“, за составленіе ихъ посылались государями грамоты „съ милостивымъ словомъ“. Выбѣтъ съ дѣломъ о пріѣздѣ литовскихъ посланцевъ къ великому князю Василю, посланныхъ Максимилианомъ (Герберштейнъ въ 1517 г.) находятся и чертежи Смоленска и границы Смоленскихъ земель. Въ царствованіе Іоанна Грознаго, повидимому, была составлена первая официальная карта всего Россійскаго Царства — Большой Чертежъ. Матеріалами для этой работы могли служить чертежи пограничныхъ оборонительныхъ сооруженій, расположенія полковъ, монастырскихъ и частныхъ земельныхъ владѣній. Извѣстны чертежи различныхъ участковъ засѣчной черты — оборонительныхъ сооруженій противъ набѣговъ кочевниковъ, заповѣдныхъ лѣсовъ, предложенія къ различнымъ „сказкамъ“, т. е. донесеніямъ посланцевъ въ мало извѣстныя области нынѣшней Россіи — на сѣверъ или въ Сибирь. „Большой Чертежъ“ охватывалъ всю Россію съ сѣверомъ, Туркестаномъ, Кавказомъ, Западной Сибирью. Кромѣ того для Сибири имѣлся также цѣлый рядъ картъ. Генеральными картами для послѣдней слѣдуетъ считать Чертежъ Сибири, составленный по указу Алексѣя Михайловича въ 1667 году стольникомъ и воеводой Семеномъ Годуновымъ и другой „Чертежъ всей Сибири“ 1672 г. Большой Чертежъ, къ царствованію Михаила Федоровича сталъ „ветхъ, впредь по немъ урочищъ смотрѣть не можно, избился весь и развалился — сдѣланъ былъ тотъ чертежъ давно при прежнихъ Государяхъ. И въ Розрядѣ дьяки думной Федоръ Лихачевъ да Михайло Даниловъ велѣли, примѣряся къ тому старому чертежу, въ тосжъ мѣру сдѣлать новой чертежъ всему Московскому

государству, по всё окрестныя государства“. Это было въ 135 году, т. е. въ 1627 по нашему лѣтосчисленію. И этотъ чертежъ пришелъ въ свое время очевидно въ негодность или же подобрался новый матеріаль, но въ царствованіе Федора Алексѣевича новый „чертежъ писанъ въ царствующемъ градѣ Москвѣ въ лѣто отъ созданія міра 7188, а отъ Рождества Христова 1680“.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что понадобилось составить новый чертежъ. Матеріалы все время прибавлялись. Напримѣръ, уже въ 145 г. Строельная Книга Усерда сообщаетъ, что воевода Савва Потаповичъ Нарбѣжковъ „по р. по Соснѣ вверхъ до р. до Оскола и внизъ по Дону“ осмотрѣлъ всё сакмы, и остроги, и города, „а досмотру и мѣрѣ росписи и чертежъ послалъ къ Государю“. Только Книга этого новаго Большого Чертежа ничего не сообщаетъ объ этихъ матеріалахъ, какъ это имѣло мѣсто въ Книгѣ 135-го года, открыто ссылавшейся на чертежъ сдѣланный при „прежнихъ Государяхъ“. Вообще, Книга Большому Чертежу носила характеръ географическаго описанія Россіи и служила указателемъ разстояній между различными пунктами. Повидимому впервые она была составлена одновременно съ Чертежомъ 135 года. Въ 1680 году она была также повторена; въ это время уже вошло въ обыкновеніе Чертежи сопровождать подобными Книгами, какъ напримѣръ, это имѣло мѣсто и при составленіи Чертежа Сибири 1672 г., которому сопутствовалъ „Списокъ съ чертежа Сибирскія земли“.

Одновременно съ Большимъ Чертежомъ въ 135 году „другой чертежъ велѣли сдѣлать отъ Царствующаго града Москвы, Резанскимъ и Сѣверскимъ и Польскимъ городамъ и отъ Ливень отъ города тремя дорогами до Перекоши: дорогою Муравскимъ шляхомъ, дорогою Калмыскою среднею, дорогою Изюмскою“. Чертежъ этотъ, повидимому былъ исполненъ тогда впервые, т. к. въ концѣ предисловія Книги Большому Чертежу 135 г. упоминается „а другой чертежъ (т. е. именно этотъ) . . . новой сдѣланъ“. Въ концѣ самой Книги приложенъ масштабъ обоимъ чертежамъ и передъ этимъ сообщается: „А сдѣланъ чертежъ примѣряясь къ верстамъ, въ какову мѣру версты положены въ старомъ чертежѣ. Положена мѣра верстамъ, въ которую мѣру дѣланъ чертежъ большой“. Такимъ образомъ явствуется, что этотъ чертежъ составленъ вновь, а не скопированъ съ другого готоваго.

Авторы чертежей не всегда поддаются опредѣленію. Было бы ошибочно считать авторами Большого Чертежа 135 года дяковъ Лихачева и Данилова. Впрочемъ тутъ они уже въ Книгѣ къ Чертежу указаны, какъ отдавшіе приказъ приступить къ изготовленію Чертежа. Вообще, почти всё сохранившіеся чертежи не носятъ подписи авторовъ. Приложение къ какому либо донесенію чертежа еще не указываетъ на то, что авторомъ этого чертежа является подпавшій донесенію. Наоборотъ, донесенію подписывается старшій, какъ это напримѣръ имѣло мѣсто въ досмотрѣ подъячего Любима Судейкина городовъ Ахтырскаго полка. Ему было приказано „росписи въ тетратехъ и чертежъ за своею рукою подать въ Розрядъ“ и въ то же время въ этой „Смогрѣнной книгѣ“ сообщалось, что „для чертежнаго дѣла данъ былъ изъ Рыльска иконникъ Федоръ Яковлевъ“ (чертежъ не сохранился).

Въ настоящее время въ русскихъ архивахъ сохраняется сравнительно не большое число чертежей 17-го вѣка. Отъ 16-го вѣка не дошло до насъ ни одного чертежа. Но дошедшія до насъ описи различныхъ архивовъ указываютъ на значительное число существовавшихъ картъ. Отдѣльныя карты, вѣрнѣе

межевые планы, относятся къ эпохѣ не ранѣе 30-хъ годовъ 17-го вѣка. Изъ генеральныхъ картъ этого времени можно лишь указать на вышеупомянутые чертежи Сибири 1667 и 1672 года, на многочисленныя работы Ремезова, на чертежи, захватывающіе отдѣльныя провинціи Россіи, напримѣръ, Смоленскія земли и земли лежачія между Дономъ и Волгой.

Тѣмъ болѣе цѣнной является моя находка въ Стокгольмѣ въ Государственномъ Архивѣ (Riksarchivet) такой карты, каковой является „Чертежь украинскимъ и черкасскимъ городамъ отъ Москвы до Крыма“. Шведскіе архивы уже не впервые даютъ намъ матеріалы для исторіи русской картографіи. Въ 1887 г. извѣстный изслѣдователь А. Е. Норденшельдъ нашелъ въ томъ же архивѣ копію съ неизвѣстнаго еще въ то время Чертежа Сибири Годунова. Эта копія была снята состоявшимъ при шведскомъ посольствѣ Крюнемана въ Москву въ 1668—69 году Прютцемъ и самимъ Крюнеманомъ. Въ 1673 году, состоявшій при новомъ посольствѣ — Эрикъ Пальмквистъ привезъ въ Стокгольмъ новыя копіи этой карты и только что составленной къ тому времени карты Сибири 1672 года. Альбомъ съ копіями этихъ картъ, гдѣ также помѣщены еще карты: Каспійскаго моря (объ этомъ будетъ нѣсколько словъ ниже), Волги, побережья сѣвернаго Ледовитаго океана, также хранится въ томъ же Архивѣ.

Вновь найденный Чертежь Украинскимъ городамъ вывезенъ навѣрное какимъ нибудь шведскимъ посольствомъ, весьма возможно тѣмъ же Пальмквистомъ. За послѣднее говоритъ нѣкоторое сходство почерковъ его атласа и надписей на этой картѣ, противъ него говоритъ — отсутствіе копіи этой карты въ альбомѣ. Впрочемъ, можетъ быть, присутствіе подлинной карты позволило Пальмквисту выпустить ее изъ своего альбома, можетъ быть онъ намѣревался ее помѣстить позже, оставивъ для этого чистую страницу.

Прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію этой карты, остановимся на короткое время на исторіи того края, который охватываетъ эта карта.

Территорія нынѣшняго Россійскаго Государства создавалась постепенно, не только путемъ захвата силой оружія, но и колонизаціонной дѣятельностью. Постепенно расширялись границы, центръ политической жизни передвигался и, наконецъ укрѣпившись въ Москвѣ, отсюда завершилъ образованіе единаго царства изъ разрозненныхъ княжествъ. Старыя владѣнія за этотъ періодъ образованія неоднократно утрачивались Государствомъ и ихъ приходилось вновь завоевывать, что облегчалось въ томъ случаѣ, если оставалось на мѣстахъ прежнее населеніе.

Та территория, которую охватываетъ наша карта, ко времени составленія ея, очутилась подъ скипетромъ русскихъ царей путемъ громадной колонизаціонной работы. Эта колонизаціонная дѣятельность наступала тремя колоннами: западная изъ-за Днѣпра, изъ Польши, Холмской Руси и Волыни, восточная — изъ Рязани, потомъ Москвы, и, наконецъ, центральная — заполнявшая пространство между этими крайними колоннами. Заполнивъ, въ началѣ своего поселенія всю южную Россію, славяне вынуждены были сжаться подъ давленіемъ степныхъ кочевниковъ. Образовавъ сильное Кіевское княжество, славянскія племена, благодаря неудачной удѣльной политикѣ своихъ князей, утратили эту силу и постепенно уступали свои владѣнія, покидая ихъ. Удалившись за естественныя или искусственныя прикрытія, эти народы снова получили возможность развиваться, употребляя свои силы не на бесплодную борьбу, а на созидательную работу.

По ту сторону Днѣпра и далѣ къ сѣверу образовались Польша и Литва. Усиленіе крупнаго дворянства, старавшагося закрѣпить народъ, и господство іезуитовъ, распространявшихъ католичество и унию въ православномъ населеніи, послужили поводомъ къ выселенію недовольныхъ малоруссовъ въ пограничныя съ Днѣпромъ степи, теперь опустѣвшія и отъ татаръ. Здѣсь начали образовываться поселки украинскихъ казаковъ, которые постепенно распространялись все далѣе и далѣе на востокъ, двигаясь къ Дону на соединеніе съ поселками, основанными тамъ восточной колонизаціонной колонной.

Первоначальные колонизаціонные шаги на Донъ были предприняты Рязанскимъ княжествомъ еще въ 14 вѣкѣ, когда были выдвинуты первые сторожевые посты на р. Ворону. Еще ранѣе было замѣчено стремленіе княжескихъ дружинъ къ Дону въ степи „испить шеломамъ Дону“. Впослѣдствіи, когда отдѣльныя княжества присоединились къ Москвѣ, эта оборонительная и въ то же время колонизаціонная политика стала обязанностью московскихъ князей и царей. Постепенно начинается создаваться рядъ укрѣпленій — засѣчная черта — противъ набѣговъ татаръ, и въ то же время впереди этой черты начинаютъ образовываться сторожевые поселки. Первая оборонительная черта — Тульская черта — шла отъ Путивля и Рыльска на Сеймъ на Трубчевскъ, Тулу, Пронскъ, и Старую Рязань. Во второй половинѣ 16-го вѣка эта черта подвинулась южнѣе на Елифанъ, Данковъ, Рязкскъ и Шацкъ. Движеніе этой центральной колонны на нѣкоторое время приостановилось, пока восточная колонна не создала сильной донской вольницы, опиравшейся на Донъ. Тогда уже русскіе цари продвинули снова впередъ засѣчную черту на двѣ линіи укрѣпленій — Бѣлгородскую и Симбирскую. Но все же, надо отдать справедливость, западная колонна — малорусская, двигаясь впередъ не волею своихъ правителей, а собственнымъ стремленіемъ, двинулась навстрѣчу Сѣверской Украинѣ и впереди Бѣлгородской черты создала Слободскую Украину. Города этой Слободской Украины вскорѣ совершенно заслонили Бѣлгородскую черту и уничтожили ея значеніе. Въ царствованіе Бориса Годунова образовался здѣсь цѣлый рядъ новыхъ городовъ, какъ напримѣръ, Царевборисовъ, Чугуевъ, Вольный. Въ царствованіе послѣдующихъ царей число городовъ еще болѣе увеличилось. Послѣ Алексея Михайловича, когда выдвинулись впередъ города: Валки, Алешня, Ахтырка, Бобрикъ, Каменное, Торъ и, наконецъ, Харьковъ, засѣчная черта потеряла всякое значеніе и болѣе уже не возстановлялась.

Но еще до того момента, когда засѣчная черта утратила всякое значеніе, эта восточная и центральная систематическая колонизація степей правительствомъ и западная колонизація степей тѣснымъ народомъ — вызвала цѣлый рядъ мѣръ со стороны Москвы, шедшей на помощь своимъ окраинамъ. Въ степи устраивались засады, укрѣпленія, дороги. Изъ послѣднихъ наиболѣе извѣстными и проторенными были: Муравскій шляхъ („шляхъ“ — по татарски „сагма“ — дорога) или Царева дорога шла отъ Перекопа къ Тулѣ водораздѣломъ рѣкъ Днѣпровскаго и Донскаго бассейновъ; болѣе восточный Калміусскій шляхъ, отходившій отъ Муравскаго на Калміусъ, пересѣкалъ Тихую Сосну шель на р. Алымъ и черезъ р. Быструю Сосну на соединеніе снова съ Муравскимъ шляхомъ. Между ними пролегалъ Изюмскій шляхъ. Къ западу отъ Муравскаго шляха отходилъ Крымскій или Чумацкій шляхъ, пролегалъ не по степи, а вдоль лѣваго берега Днѣпра и соединявшійся у верховьевъ Сейма съ Му-

равскимъ шляхомъ. Кромѣ этихъ главныхъ шляховъ, было много второстепенныхъ, напримѣръ Бакаевъ шляхъ, который по находкамъ вдоль него римскихъ монетъ долженъ быть отнесенъ къ старымъ торговымъ путямъ; онъ шелъ отъ Сѣвернаго Донца черезъ верховья Ворсклы, Псела на Курскъ и далѣе на Болховъ. Въ такомъ состояніи находились южно-русскія земли къ моменту составленія нашей карты.

Судя по описанію Большого Чертежа, дошедшаго до насъ въ различныхъ спискахъ въ видѣ Книги Большого Чертежа, и разсматривая найденный Чертежъ мы должны прійти къ тому заключенію, что нашъ Чертежъ украинскимъ и черкасскимъ городамъ повидимому является тѣмъ дополнительнымъ къ Большому Чертежу чертежомъ, который составлялся въ 135 году одновременно съ копированіемъ прежняго ветхаго Большого Чертежа отъ времени прежнихъ Государей.

Чертежъ украинскимъ городамъ исполненъ на бумагѣ. Размѣръ его 80 × 94 см. Вырисованъ тушью и раскрашенъ акварелью. Рамка обведена желтой краской, города и другіе пункты въ красныхъ обводахъ, кромѣ Москвы и Кіева, особенно тщательно вырисованныхъ. Рѣки зеленого цвѣта, а нѣкоторыя отгнены еще и желтымъ, какъ и Иванъ Озеро и морской берегъ. Дороги обозначены: простыя — красной линіей, болѣе важнаго значенія — двойной красной линіей и, наконецъ, Посольская и другія первостепенныя — двойной красной линіей, причемъ промежутки между линіями закрашены желтымъ.

Если годъ составленія Большого Чертежа вызываетъ нѣкоторыя сомнѣнія (Татищевъ называетъ 1552 г., Лербергъ 1599 г., Карамзинъ царствованіе Федора Ивановича 1584—1598), то эта карта Украины не вызываетъ никакихъ споровъ объ ея датѣ: она впервые была составлена въ 135 г., т. е. 1627, „противъ старыя Розрядныя росписи, что сдѣлана роспись въ Розрядѣ при прежнихъ Государяхъ“. Интересно было бы установить годъ тѣхъ Розрядныхъ описей, сдѣланныхъ при прежнихъ Государяхъ, которыя послужили главнымъ матеріаломъ для чертежа Украины. Не является ли таковою „роспись польскимъ дорогамъ“ времени Федора Ивановича, приведенная Д. И. Багалъемъ въ его Матеріалахъ для исторіи колонизаціи Степной окраины (Харьковъ, 1886 г. № 1). Эта роспись вкратцѣ повторяетъ все тѣ же шляхи, что и Книга Большому Чертежу. Если эта роспись и есть первоисточникъ Украинскаго Чертежа, то это даетъ лишній аргументъ считать временемъ составленія Большого Чертежа царствованіе Федора Ивановича, когда была составлена и Роспись Польскимъ дорогамъ.

Авторы Книги Большого Чертежа начали составленіе своей пояснительной къ картѣ работы съ той части, которая ихъ интересовала болѣе, т. е. съ описанія именно этого дополнительнаго Чертежа. Здѣсь они являлись авторами не только Книги, но и самаго Чертежа. Книга 135 года начинается съ описанія трехъ дорогъ отъ Москвы къ Крыму: Муравскаго, Изюмскаго и Калміусскаго шляховъ. Лишь описавъ эти дороги, авторы переходятъ къ описанію Большого Чертежа, располагая здѣсь матеріалы въ порядкѣ рѣкъ и ихъ бассейновъ. Это послѣднее дало поводъ Н. Новикову, которому попалъ въ руки одинъ изъ позднѣйшихъ списковъ Книги В. Ч., озаглавить этотъ списокъ „Древняя Россійская Идрографія“.

Чертежъ Украинскимъ и Черкасскимъ городамъ охватываетъ бассейны восточныхъ притоковъ Днѣпра, западныхъ притоковъ Дона и верховья Оки. На

этой картѣ нанесены всѣ важнѣйшіе притоки этихъ рѣкъ и, какъ мы уже говорили выше, важнѣйшія дороги — шляхи. Изъ шляховъ мы видимъ здѣсь Муравскій шляхъ или Цареву дорогу, проходящую по водораздѣлу Днѣпровскаго и Донскаго бассейновъ. Этотъ шляхъ названъ здѣсь — „дорога степная отъ Тулы до Крыма“. Повидимому эта дорога ко времени составленія карты еще не приобрѣла такого значенія, чтобы называться — Царевой, какъ ее величали позже. Пока еще было опасно ѣздить по степи, гдѣ кочевали татары или разбѣжались украинскіе — черкасскіе казаки. Большая дорога — „посольская дорога въ Крымъ“ пролегла черезъ Донецкій бассейнъ. Это Калміусскій шляхъ. Видимъ здѣсь и упомянутый Чумацкій шляхъ и другіе второстепенные пути вдоль притоковъ Днѣпра.

Для пользованія этимъ Чертежомъ, какъ дорожной картой, и для облегченія справокъ, не прибѣгая каждый разъ къ помощи Книги Б. Ч., разстоянія между отдѣльными пунктами, соединенными грунтовыми дорогами, указаны на самой картѣ. Эти указанія ясно даютъ понять, что карта не претендуетъ на какія либо научныя основы презекцій, а является схематической картой, не выдерживающей пользованія масштабами, который потому и отсутствуетъ на самой картѣ. Правда, въ концѣ Книги Б. Ч. изображенъ масштабъ, какъ самаго Большого Чертежа, такъ и „Другому чертежу, что сдѣланъ полю до Перекопи“ — „мѣра обѣимъ чертежамъ положена“, но эти масштабы носятъ болѣе характеръ сравнительныхъ между собой масштабовъ: Украинскій Чертежъ въ три раза крупнѣе Большого Чертежа. А „въ чертежахъ считать верстами, сколько отъ котораго до котораго урочища“, что подписано соотвѣтственно вдоль дорогъ.

Населенные пункты указаны лишь тѣ, которые находятся на главныхъ грунтовыхъ или водныхъ путяхъ. По способу своего изображенія эти пункты, не считая особо выдѣленныхъ Москвы и Кіева, раздѣляются на два рода — болѣе крупныя пункты: Серпуховъ, Калуга, Лихвинъ, Бѣлевъ, Болховъ, Мценскъ, Бѣлградъ Курскъ, Путивль, Батурино, Переяславль и Черниговъ, и другія — менѣе важныя поселенія. Первые всѣ являлись укрѣпленными городами, не разъ отражавшими подъ своими стѣнами натиски врага. Если прослѣдить года основанія упоминаемыхъ на этой картѣ пунктовъ, то увидимъ, что большинство изъ нихъ существовало ранѣе 17-го вѣка, а нѣкоторые пункты упоминаются даже уже въ 10 и 11 вѣкахъ. Чуть ли не самымъ молодымъ является Кайдакъ, построенный въ 1635 году французскимъ инженеромъ Бопланомъ и впоследствии перенесенный и переименованный въ Екатеринославъ.

Возвращаясь къ вопросу о времени выполненія Чертежа украинскимъ городамъ мы должны внести поправку: хотя бы только что упомянутая постройка Кайдака въ 1635 году указываетъ на то, что нашъ Чертежъ не является въ дѣйствительности тѣмъ подлинникомъ, который былъ составленъ въ 135 г. = 1627 г. Нѣтъ ничего не вѣроятнаго, что Чертежъ перечерчивался, дополнялся и измѣнялся, какъ измѣнялся и самъ Большой Чертежъ, что явствуетъ изъ сличенія Книгъ Большому Чертежу разныхъ годовъ составленія и списковъ. Сличеніе Книги Б. Ч. съ Украинскимъ Чертежомъ указываетъ на нѣкоторое разногласіе текста съ Чертежомъ, что можно также объяснить внесеніемъ поправокъ въ новую копію Чертежа. Вообще, ввиду схематичности Чертежа, текстъ Книги Б. Ч. сильно отстаетъ отъ того, что изображено на этомъ Чертежѣ. Напримѣръ, на Чертежѣ истоки рр. Сосны и Зуши отстоятъ одинъ отъ

другого на далекомъ разстояніи, между тѣмъ Книга Б. Ч., описывая Муравскій шляхъ, указываетъ на ихъ близость одного къ другому. Въ дѣйствительности, дорога лежала по узкому водораздѣлу, отдѣляющему истоки этихъ рѣкъ. Есть нѣкоторыя несоотвѣтствія и другого характера, которые слѣдуетъ приписать скорѣе всего опискѣ. Какъ примѣръ: на Чертежѣ Донецъ Липовой впалъ въ Донецъ раньше (начиная отъ истоковъ), а потомъ уже, ближе къ Бѣлградѣ впадаетъ Донецъ Сажной съ притокомъ Ерекъ. Книга Б. Ч. даетъ другой порядокъ: „А съ верху съ правыя стороны отъ Муравскія дороги, пали въ рѣку Донецъ, Донецъ Сажной да рѣчка Донецъ Липовой, выше Бѣла-города, Липовой вереть съ 6, а Сажной вереть съ 20. А ниже Липова Донца съ версту, палъ въ Сѣверской Донецъ колодезь Лихой Ерекъ“. Но въ общемъ, данныя Книги Б. Ч. очень близки къ тѣмъ, что даетъ намъ Украинскій Чертежъ. Впрочемъ разногласіе между Книгой Б. Ч. и Украинскимъ Чертежомъ можно объяснить и тѣмъ, что Книга была составлена по Большому Чертежу, а не по Украинскому. Предисловіе авторовъ къ Книгѣ ясно указываетъ, что приказано было „сдѣлавъ Чертежъ (Большой) . . . на томъ чертежѣ, города и рѣчки, и всякіе урочища, велѣли подписать порознь, подлинно какъ была подпись всякому урочищу написана на старомъ чертежѣ. И противъ чертежныя подписи (Большого Чертежа) урочищамъ и книгу написать“. Тѣ разногласія, которыя мы, какъ примѣръ привели выше, стоятъ въ той части Книги, которая всецѣло относится къ самому Большому Чертежу, гдѣ уже идетъ описаніе бассейновъ рѣкъ. Въ началѣ же Книги, которое составлялось по Украинскому Чертежу, гдѣ шло новое описаніе шляховъ, такихъ разногласій не замѣтно. Впрочемъ въ задачу настоящаго краткаго очерка конечно не входило подробно разобрать этотъ Чертежъ и сравнить его во всѣхъ деталяхъ съ Книгой Большого Чертежа. Это уже является задачей будущаго изслѣдованія.

Утеря Большого Чертежа заставляла изслѣдователей русской старины искать слѣды этого Чертежа въ различныхъ картахъ Россіи работъ западно-европейскихъ мастеровъ. Это было напрасная работа. Достаточно взглянуть на нашъ Украинскій Чертежъ и одновременно на карту Гесселя Герритса, Сансона, Меркатора и другихъ, чтобы сразу отказаться отъ этихъ розысковъ. Даже тѣ карты, которыя составлены явно по указанію русскихъ, какъ напримѣръ, карта Баптиста Агнезе, составленная для Павла Ювія въ 1525 г. со словъ русскаго посла въ Римѣ Дмитрія Герасимова, и карта Антона Вида, составленная около 1538 г. по указанію окольничьяго Ивана Ляцкаго, не имѣютъ ничего общаго съ чисто русской картой, изготовленной московскими приказными дьяками на основаніи хранящихся въ Приказѣ русскаго же изготовленія чертежей. Западное искусство претворило мастерство чертежниковъ и иконниковъ.

Неоднократно дѣлались попытки восстановленія Большого Чертежа. Еще недавно Россійская Академія Наукъ радушно отозвалась на предложеніе В. П. Семенова-Тянъ-Шанскаго приступить къ работѣ восстановленія Чертежа. Всегда въ основу этихъ восстановленій ложились данныя отстояній однихъ пунктовъ отъ другихъ и упускалось изъ вниманія то, что эти отстоянія давались не напрямикъ, а по дорогамъ, которыя шли извиваясь, обходя давно уже пересохшія болота, озерки, боры и т. п. Теперь появились новые броды, новые овраги, дороги измѣнили свое направленіе; все это мѣшаетъ подойти правильно къ рѣшенію восстановленія Чертежа. Наконецъ, для восстановленія Чертежа необходимо проникнуться духомъ древне-русскаго чертежнаго искусства. Ни

одинъ изслѣдователь-реконструкторъ не подходилъ къ вопросу возстановленія съ этой стороны. Мнѣ кажется, что, если обратить вниманіе на эту сторону, то несравненно легче будетъ одолѣть работу возстановленія. Несмотря на то, что русскихъ чертежей сохранилось очень не много, особенно, болѣе или менѣе генеральныхъ, все таки, кое что уцѣлѣло, что даетъ возможность прежде всего ознакомиться съ манерой выполненія чертежей. Это главное. Тогда будетъ видно, что разстоянія между пунктами ни въ коемъ случаѣ не могутъ служить базисомъ. Напрасно было бы искать и какой либо коэффициентъ этимъ числовымъ даннымъ: и тутъ работа пропадетъ зря. Сохранившіеся чертежи Сибири, Чертежныя книги Ремезова, наконецъ, вышеприведенный Чертежь украинскимъ землямъ дадутъ возможность проникнуться русскимъ картографическимъ духомъ. Затѣмъ придется искать матеріалы какъ въ русскихъ чертежахъ, такъ и въ западно-европейскихъ, критически относясь къ послѣднимъ. Но ознакомленіе съ русскими чертежами дастъ возможность прослѣдить на европейскихъ чертежахъ тѣ остатки русскаго мастерства, которые остались не затупеванными и исковерканными европейскимъ искусствомъ.

Изъ русскихъ матеріаловъ подходящихъ для возстановленія Большого Чертежа въ части, касающейся нынѣшней европейской Россіи (Сибирь представлена сохранившимися чертежами вполне), можно указать прежде всего на Чертежную книгу Сибири Ремезова. Здѣсь на своей генеральной картѣ Сибири, Ремезовъ довелъ свой чертежь въ нѣкоторыхъ частяхъ на западъ почти до меридіана Архангельска. Есть основанія предполагать, что эта часть его Книги цѣликомъ счерчена съ другихъ чертежей, имѣвшихся въ Приказѣ. Изъ отдѣльныхъ чертежей европ. Россіи кромѣ приведеннаго выше украинскаго чертежа, можно указать на чертежь Смоленскимъ землямъ, хранящійся въ Инженерномъ Замкѣ въ Петроградѣ, и на чертежь землямъ между Волгой и Дономъ, хранящійся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

Европейскія карты тоже даютъ намъ нѣкоторый матеріалъ. Восточная часть европ. Россіи вошла на карты Витсена (1687 г.). Въ виду рѣдкости этихъ картъ необходимо указать, что оба изданія (одного и того же года) цѣликомъ перепечатаны въ уменьшонномъ видѣ одна въ атласѣ Алларда подъ названіемъ — *Tartaria, Sive Magni Chami Imperium, et credendis Amplissimi Viri Dni. Nicolai Witsen . . . in lucem etitum a Carolo Allard*, другая въ томѣ 5-мъ Историческаго атласа, изданнаго *Châtelain*омъ въ Амстердамѣ (1719 г.), подъ названіемъ *Carte Nouvelle de la Grande Tartarie ou de l'Empire du Grand Cham, dressée sur les Memoires Originaux & sur d'autres observations très exactes de divers Voyageurs*. (Tom V, № 33, Pag. 87). Въ еще болѣе сыромъ видѣ русскіе чертежи отразились въ картѣ Избранда Идеса (1703), почему то носящей имя Витсена, какъ автора. Все побережье Ледовитаго океана воспроизведено съ русской карты Исаакомъ Массой въ 1611 году, которая приложена къ книгѣ, изданной въ Амстердамѣ въ 1612 г. Гесселемъ Герритсомъ *Descriptio ac delineatio geographica detectionis Freti, sive Transitus ad Oceanum, super terras Americanas, in Chinam, atque Japonem ducturi*. Здѣсь не приводится имя автора только потому, что Масса не хотѣлъ компрометировать автора, которому можетъ грозить за передачу этого чертежа очень тяжелое наказаніе. Теченіе рѣки Волги воспроизведено Олеаріемъ и надо думать, что матеріаломъ для этого послужили русскіе чертежи, т. к. нѣсколько позднее Пальмвистъ воспроизводитъ въ своемъ альбомѣ,

о котором говорилось нѣсколько выше, ту же Волгу. Тамъ же у Пальмквиста есть копія побережья Ледовитаго океана и карта Каспійскаго моря. То, что все эти чертежи находятся вмѣстѣ у Пальмквиста, также и карты Сибири, всегда заставляло меня предполагать, что эти все чертежи являются копіями русскихъ чертежей. Сибирскіе чертежи не вызываютъ въ томъ никакого сомнѣнія. Можно было бы колебаться лишь относительно другихъ. Но и послѣднее должно отпасть послѣ того, какъ мнѣ удалось подтвердить русское происхожденіе карты Каспійскаго моря. На этомъ послѣднемъ мы позволимъ себѣ остановиться нѣсколько подробнѣе.

Витсенъ въ предисловіи къ своему труду Noord en Oost Tartaryen упоминаетъ, что при Алексѣѣ Михайловичѣ была по его приказу для пользы мореплавателей снята карта Каспійскаго моря. Въ описи картъ, хранящихся въ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ въ Петроградѣ, дѣйствительно упоминается подобная карта, но она утеряна со многими другими. Перерывая собраніе картъ Лейденскаго Университета я наткнулся на интересную небольшую карту, гравированную на мѣди; карта эта изображала Каспійское море. Что привлекло мое вниманіе — это были надписи, сдѣланныя одновременно на голландскомъ и на русскомъ языкѣ. Подпись чернилами на этой картѣ „Dr. O. Dapper“ дала возможность установить ея происхожденіе; Дашперъ являлся авторомъ нѣсколькихъ книгъ — описаній отдѣльныхъ частей Азии. Эта карта (35,8 × 29,5 см.) помѣщена въ его Beschrijving des Konigrycks van Persie 't Amsterdam 1672. p. 60. Впослѣдствіи мнѣ удалось видѣть въ одномъ частномъ собраніи въ Роттердамѣ другой экземпляръ этой карты увеличенной уже до folio, также съ гравированными по русски названіями помѣщенный въ атласѣ фан-Кейлена 1721 г. Должно замѣтить, что ф. Кейленъ помѣщалъ въ различные экземпляры своего атласа различныя карты Каспійскаго моря. Такъ мнѣ приходилось встрѣчать атласы съ картой Зеутера, съ картой Стрюйса, съ картой фан-Вердена, съ картой Стрюйса, но съ дополненіями на поляхъ фанъ Вердена и т. п. Такъ попала сюда случайно и карта заимствованная у Дашпера, на что указываетъ ея названіе у ф. Кейлена: Mer de Tabristan ou Mer Caspie, dans l'Empire des Perses, гдѣ dans l'Empires des Perses, по моему, опредѣленно указываетъ, что она заимствована изъ вышеупомянутаго Beschrijving des Konigrycks van Persie.

Въ текстѣ Дашпера ничего не говорится о происхожденіи карты. Авторъ ея не упоминается. Но нѣсколько далѣе при описаніи Грузіи указывается, что на берегу Каспійскаго моря голландцемъ Kornelis Klaesz. Kuik укрѣплялась по приказу царя въ 1640 году крѣпость Терки. Тутъ же приводится планъ укрѣпленій Терки. По странной случайности эта самая карта вмѣстѣ съ планомъ Терки въ углу карты воспроизведена Пальмквистомъ, что заставляетъ думать, что русскій подлинный чертежъ имѣлъ нѣкоторую связь съ постройкой укрѣпленій и строителемъ ихъ. Я не могу утверждать, что карта снималась голландцемъ, но что она повидимому исполнена въ то же самое время — это ясно: Пальмквистъ помѣщаетъ ее вмѣстѣ съ планомъ Терки, Дашперъ тоже даетъ ихъ въ одной книгѣ, при чемъ про укрѣпленія Терки говорить, что они строились голландцемъ. Голландецъ Витсенъ также упоминаетъ объ этой картѣ. Небольшое расхожденіе лишь въ датахъ: Витсенъ упоминаетъ въ данномъ случаѣ про царствованіе Алексѣя Михайловича, т. е. послѣ 1645 г., а Дашперъ указываетъ на годъ постройки — 1640 г. По тѣмъ не многимъ матеріаламъ,

которые у меня оказались въ рукахъ, я могъ установить что Корнелиусъ Клаусенъ Кейкъ при Царѣ Михаилѣ Федоровичѣ дѣйствительно укрѣплялъ городъ Терки. Въ записной книгѣ 144 (1636) года упоминается, что тамъ кромѣ инженера (по русски размысл) были и „подмастерья и чертельщики“. Сказать опредѣленно, кто изъ нихъ былъ составитель карты, конечно трудно, но принимая во вниманіе, что всюду рядомъ съ именами иностранныхъ инженеровъ и подмастерьевъ стоятъ въ качествѣ чертежниковъ русскіе, можно думать, что и въ данномъ случаѣ карту чертилъ, если и не вполнѣ самъ составлялъ кто нибудь изъ русскихъ. За послѣднее говорить и транскрипція именъ по русски.

Такъ или иначе, карта Каспійскаго моря была около этого времени выполнена, къмѣ, — это скажетъ будущій изслѣдователь; одно лишь ясно, что ее слѣдуетъ отнести къ числу русскихъ чертежей. Теперь же она можетъ быть использована, какъ матеріалъ для возстановленія Большого Чертежа наравнѣ съ другими извѣстными матеріалами и тѣми, которые еще могутъ быть найдены, какъ въ отечественныхъ архивахъ, такъ и въ заграничныхъ.

Legenda Чертежа¹

<p>Дороги: Дорога отъ Москвы на Серпуковъ
 дорога на Колугу
 дорога степная отъ Тулы до Крыма
 посольская дорога въ Крымъ (напис.
 вкрьд)</p> <p>Рѣки: Днепръ
 лѣв. прит. Самара
 Арел
 Восколь
 л. п. Коломок
 Мерхъ съ Мерчиномъ
 Конелва съ Котелевкой
 безымян.
 Хухра
 Мошенка
 п. п. Алешенька
 Ахтырка
 Боровля
 Пселъ
 л. п. Грунь мокрая съ Грунсухой
 Лебедина
 п. п. Хороль
 Сума съ Сумькой
 Судежа съ р. Гусино озеро и
 Судежкой (повтор.)
 безымян.
 Лисецъ</p> <p>Сула
 п. п. Оржица
 Гороховецъ
 Ударъ съ Чернью и Галицей
 Чернуха
 Лохвица
 Рамон
 Солотоноша съ Ирлѣвкой
 Сувой
 Трубезъ съ Пльтицей
 Десна
 л. п. Остръ
 Двица
 Семь
 л. п. Бахмажъ съ Бараной
 Конотопъ съ Торговицей, Сос-
 новкой и Поповкой</p> | <p>Полная съ речкой Медвеной
 колодозъ
 п. п. Есмань съ Клевенемъ
 Рылъ
 Свапа съ р. Гнилые воды
 Тускоръ съ Куромъ</p> <p>Корошъ
 Воронежъ
 Свиная
 Перуса съ Сввой и безымян.
 Снежетъ
 п. п. Стрыжь
 Снова
 Бересна
 Мена
 Сосница
 Судостъ съ Почепомъ</p> <p>Калмикусь съ р. Тонкия вододъ
 Миюсь
 Донъ</p> <p>л. п. Лѣсной Воронежскъ
 л. п. Полной Воронежъ
 безымян.
 п. п. безымян.
 п. п. Торъ съ Торедомъ, вблизи Тор-
 ские озера
 Донецъ Сѣверской
 л. п. Осколь
 л. п. Ураева
 Валуй
 п. п. безымян.
 Осколець</p> <p>Болыклея
 Нежеголъ съ Порочей
 Разумная
 три безымян.
 п. п. Амокъ съ Турушкой
 Урды съ Харикомъ и Лопиномъ
 безымян. съ притокомъ
 Донецъ сажной съ Ерекомъ
 Донецъ липовой</p> <p>Тихаяя Сосна
 л. п. Острогорога
 Меринъ</p> |
|--|---|

¹ Недостаточная четкость рисунка заставляетъ привести ниже легенду Чертежа съ сохраненіемъ транскрипціи. Въ послѣдней сдѣланы отступленія отъ подлинника лишь для буквъ „пси“, „от“ и титловъ.

Оншанка
 Усердь съ Усердцемъ
 Вѣдога съ Семляной
 Алымецъ
 Снова
 Сосна
 л. п. Талецъ
 Полна съ Поленкой
 Елецъ
 Воргол
 Есенокъ
 Черпавка
 Ливенга
 безымян. съ притокомъ
 п. п. двѣ безымян.
 Кшенева
 Свишни
 Меча
 л. п. Турделъ
 п. п. Локотки
 Гогол
 Неприадва
 Смоко
 Люторъ
 Иванъ озеро вышла изнего Донъ рѣка
 и Шать рѣка

(Волга)

Челновая
 Ока

л. п. Москва
 л. п. Неллинка
 п. п. Пахра
 Чертановка
 Котель
 Даниловка
 Нара
 л. п. Московка
 Лаласна
 Молоди
 Белевка
 Вырка
 Нутрь съ Болховкой
 Орел
 Асои
 Доброй колодезь
 Гчка
 Кромь съ Нецной
 Бобринъ
 п. п. Городня съ речками Скига и
 Мочелы
 Упа
 л. п. Плава
 Солова
 Ворона съ Козловкой
 Рагосия
 Ловля
 Деготня
 Конопленка
 Медвежей верхъ съ Анто-
 неемъ

Вашана
 безымян. съ притокомъ
 Тулица
 Шать изъ Иванъ Озера-
 Ворона съ Даниловкой
 п. п. Уверсть съ Вазовенкой
 Вязовенка
 Зуша
 л. п. Медна
 п. п. Зароша
 Чернь
 Воинъ колодезь съ Лисицей,
 между ними „топи“
 Октуха
 Рѣбница
 Кнупръ
 Есерна
 Ракитка
 Руда

Когольникъ
 Чернапротока
 Море Азовское

ЦРСТВО РОССКОЕ

Окскій бассейнь

Градь Москва
 Серпуховъ
 Колуга
 Лихвинъ
 Белевъ
 Болховъ
 Орель
 Кромь
 Мцѣнскъ
 Чернь
 Новасил
 Одоевъ
 Крапивна
 Тула
 безымян. между рр. Даниловкой и Вороной
 Бгоровское
 Челновой

Донской бассейнь

Вѣльскій
 Кословъ
 Доброе городище
 Саколской
 Романовъ
 Вѣль колодезь
 Усмон
 Орловъ
 Воронежъ
 Елифанъ
 Донковъ
 Лебедянь
 Ефремово
 Талецкой
 Елецъ

Чернавской
Ливини
Землянской
Костенской
Уривъ
Коротоякъ
Острогжской
Опсканской
Усердь
Верхосанской
Старой сколь
Новой скол
Валуик
Црвь Борисов
Безьян. на р. Разумная
Аблонов
Нижегольской
Болымеля
Волховець
Бѣлград
Алтов
Чюгуецъ
Харков
Валки
Змевъ
Мояцкой
Раздоры
Ческ
Колаинъ
Азовъ

Крымъ

Керчь
Каза
Корасевъ
Крым городовъ
Баксыисарай
два безьян. (против одного написано
„Регсор“)

Бассейнъ Ворсклы

Карювъ
Хатмышской
Ахтарской
Гать
Гороной
Мурахва
Красной
Колонтаевъ
Котелва
Волной
Боровля
Алешня
Кусемин
Апошня
Будица
Плотава
Старой Сенжаровъ
Новой Сенжаровъ

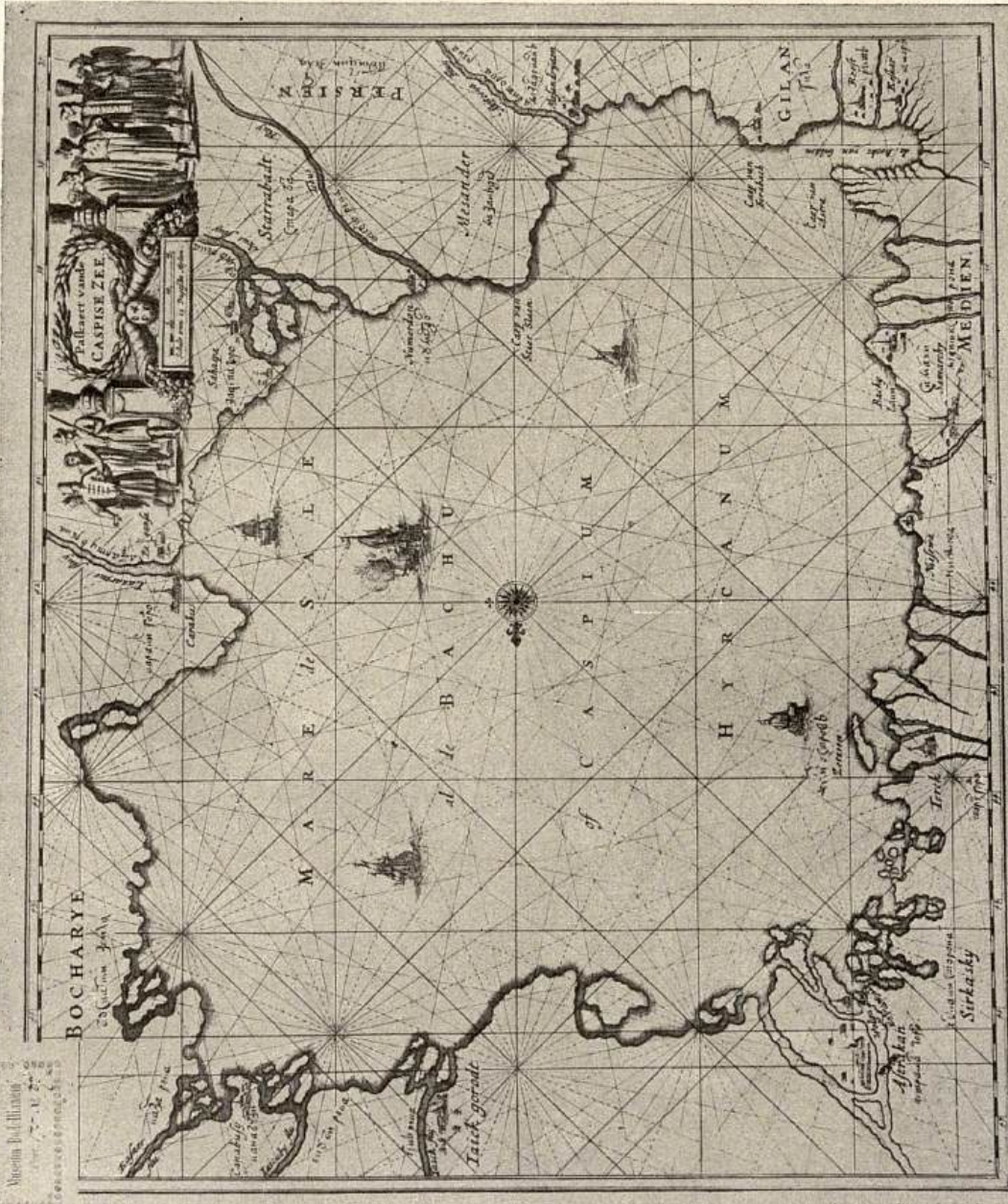
Биелики
Ковляй
Кишенкръ
Переволоча

Бассейнъ Псела

Лебдинъ
Зинковъ
Грун
Лютенка
Ереси
Веприк
Обоянъ
Сурьжа
Сумы
Каменое
Гадич
Рашевка
Сароченцы
Хомутец
Мирь
Утевица
Камышня
Корь
Богачка
Болымеля
Остаповъ
Голтва
Омельникъ
Поток

Бассейнъ Сулы

Чигирин Дуброва
Еремеева
Недрыгамлов
Коньстянтиновъ
Красной
Рамонъ
Глинескъ
Лохвица
Сенча
Черпухи
безьян.
Мстрица (Монастырица)
Варва
Журипка
Гчня
Двица
Галица
Прилуки
Пирати
Куренка
Дубны
Лукомль
Жолнички
Горошкин
Оржица
Городице
Домоктовъ

W. Blaeuw
1663

Чертежъ
 Украинскихъ
 и Терекскихъ
 родовъ и лю-
 быхъ докря
 АИИ

*Съсвои
 Монастыря
 Селеніи
 и проч.*

*Съсвои
 Монастыря
 Селеніи
 и проч.*

Бассейнъ Семи

Курескъ
Безымян. на р. Рыль
Путиль
Глухов
Конотоп
Ватурин
Вахмачи
Барзна
Новые млины

Бассейнъ Десны

Коратскев
Сѣвск
Королевецъ
Воронежъ
Коровъ
Двица
Остръ
Нѣжинъ
Козелецъ
Носовка
Кабыджа
Гоголевъ
Брянскъ
Трупецъ

Почаль
Стародубъ
Погаръ
Новгородсѣверской
Сосницъ
Мена
Бересна
Сѣднѣвъ
Черниговъ

Бассейнъ Днѣпра

Очаков
Ослам
Кайдокъ
Кременчю
Махимовка
Правары
Барш поля
Черелсловъ
Барышевка
Елмясевъ
Яготинъ
Золотонша
Пещаное
Ирклѣвъ
Градъ Киевъ

Проблема вещныхъ и личныхъ правъ въ древнеримскомъ правѣ.

проф. Д. Гримма

(Продолженіе).

IV. Процессъ обособленія вещныхъ и личныхъ правъ въ древнеримскомъ правѣ.

§ 3. Система ограниченныхъ встрѣчныхъ правъ собственности въ качествѣ фактора въ процессѣ формировація вещныхъ и личныхъ правъ.

1. Отсутствие почвы для реальныхъ коллизій въ отношеніи случаевъ экспектативной собственности.

2. Взаимныя отношенія между опекунами и опекаемыми. Возможность коллизій какъ въ сферѣ обязательственной, (*actio rationibus distrahendis*), такъ и вещноправовой (виндикація).

3. Роль виндикаціи въ случаяхъ фидуціарнаго отчужденія. Необходимость поставить вопросъ въ связь съ вопросомъ объ объемѣ характерѣ древнеримскаго права собственности. Вопросъ объ относительномъ характерѣ древнеримской собственности въ повѣйшей романистической литературѣ. Правильная постановка вопроса: центръ тяжести не въ относительномъ, а въ измѣнчивомъ характерѣ ея; вопросъ о содержаніи права собственности и объ объемѣ защиты его требуетъ отдѣльнаго рассмотренія для каждой группы случаевъ.

4. Въ частности: а) вопросъ о предъявленіи виндикаціоннаго иска *inter partes* со стороны фидуціанта противъ фидуціара. Выводъ: допущеніе виндикаціи противъ фидуціара. б) Вопросъ о предъявленіи виндикаціоннаго иска со стороны фидуціанта противъ третьихъ лицъ. Даныя въ пользу отрицательнаго рѣшенія вопроса.

5. Возможны ли были аналогичныя явленія въ случаѣ неформальной традиціи.

§ 4. Продолженіе. Притязанія встрѣчныхъ собственниковъ противъ третьихъ лицъ во время существованія встрѣчныхъ отношеній.

1. Случай экспектативной собственности.

2. *Tutela mulierum*. Необходимость совмѣстнаго *lege agere*.

3. *Tutela impuberum*.

4. Отношенія по *fiducia*.

§ 5. Итоги.

Формы имущественнаго обладанія какъ отгѣнки единаго права господства или права собственности. Классификація основныхъ видовъ древняго права собственности съ точки зрѣнія содержанія: 1) полная собственность, 2) *nudum jus*, 3) собственность, ограниченная реальными встрѣчными правами собственности.

Классификація основныхъ видовъ древняго права собственности съ точки зрѣнія объема защиты: 1) случаи абсолютной защиты; 2) случаи отсутствія защиты; 3) случаи относительной защиты — *inter partes*. Оба дѣленія не совпадаютъ. Причины этого. Моменты, повлиявшіе на выработку системы вещныхъ и личныхъ правъ: всякое право на вещь первоначально являлось правомъ вещнымъ, а не личнымъ; противоположеніе между вещными и личными исками возникло первоначально на деликтной почвѣ.

Сопоставленіе римской схемы съ схемой древне-германскаго права.

§ 3.

Основные положенія, вытекающія изъ предшествующихъ нашихъ разсужденій¹, сводятся къ слѣдующему.

Древнее римское право, подобно другимъ примитивнымъ правовымъ системамъ, не знало противоположенія между правомъ собственности и ограниченными вещными и личными правами на чужія вещи. Всякое отношеніе къ вещи мыслилось какъ разновидность единого права — права собственности тожь. Это право либо было полнымъ, сосредоточиваясь въ рукахъ одного лица, одного субъекта, либо оно являлось не полнымъ, ограниченнымъ встрѣчными, однородными съ нимъ правами другихъ лицъ. Такъ именно расцѣпывались въ частности отношенія *pater familias* и подвластныхъ ему членовъ семьи къ общему, семейному имуществу (вѣрнѣе, къ отдѣльнымъ вещамъ, входящимъ въ составъ этого имущества), отношенія опекуновъ и опекаемыхъ по отношенію къ имуществу, надъ которымъ учреждена опека, отношенія наслѣдодателя и *familiae emptor* къ имуществу перваго, составляющему (будущую) наслѣдственную массу, отношенія фидуціанта и фидуціара къ фидуцированнымъ вещамъ, отношенія собственника (служащаго) участка и обладателя права *iter, via, actus, aquaeductus* и такъ далѣе, къ подлежащему участку.²

Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ на ряду съ правомъ собственности на подлежащія вещи даннаго лица признавались существующія съ этимъ правомъ встрѣчныя права (ограниченной, частичной, временной, условной, иногда чисто эсפקативной) собственности другихъ лицъ.

Такая постановка вопроса стояла въ связи съ общимъ характеромъ древняго оборота, мало подвижнаго, бѣднаго формами, а поэтому и мало способнаго къ выработкѣ дифференцированныхъ формъ обладанія. Изъ этого характера оборота вытекали вмѣстѣ съ тѣмъ и двѣ дальнѣйшія особенности древняго правопорядка, а именно: съ одной стороны, слабое развитіе договорно-обязательственныхъ отношеній и преобладаніе деликтныхъ обязательствъ, — (явленіе, свойственное вообще всякому примитивному, натурально-хозяйственному строю жизни); съ другой стороны — преобладаніе въ отношеніяхъ, порождаемыхъ первобытнымъ оборотомъ, вещноправовыхъ элементовъ надъ обязательственными³.

Послѣднее обстоятельство въ свою очередь должно было наложить своеобразный отпечатокъ на характеръ притязаній, порождаемыхъ неизбежными конфликтами, которые по разнымъ поводамъ могли возникать между лицами, участвующими въ той или иной роли въ оборотѣ. Въ составѣ этихъ притязаній необходимо различать личныя и вещныя притязанія. Къ числу первыхъ относятся съ одной стороны упомянутыя нами въ своемъ мѣстѣ⁴ *actio auctoritatis* и *actio de modo agrī*, возникающія въ подлежащихъ случаяхъ на почвѣ возмезднаго отчужденія вещей въ порядкѣ манципаци, съ другой стороны — *actio fiduciae* и предтечи этого иска, — *actio ex causa depositi* и *actio furti (ex furto usus)*, связанныя съ фидуціарнымъ отчужденіемъ. Сюда же слѣдуетъ также отнести *actio rationibus distrahendis*, искъ, возникающій на почвѣ отношеній по опекѣ.

¹ См. начало настоящей статьи въ „Трудахъ русскихъ ученыхъ за-границей“ т. 1 стр. 22—64.

² ук. статья, стр. 35—47.

³ ук. статья, стр. 31—34, ср. стр. 47—53.

⁴ тамъ же, стр. 61—64.

Упомянутые личные иски играли, однако, лишь второстепенную роль. Это относится в особенности къ специальнымъ личнымъ искамъ, возникающимъ изъ фидуциарныхъ отношеній, до появленія *actio fiduciariae*.

Въ связи съ этимъ приобретаетъ сугубое значеніе вопросъ о значеніи древней двусторонней виндикаціи, — этого вещноправового иска *rei exsistentie*. Выясненіе роли, которую пришлось сыграть этому иску, имѣеть первостепенное значеніе для полнаго уразумѣнія истинной природы всего древнѣйшаго имущественнаго права Рима и, въ частности, для уразумѣнія своеобразной природы древнѣйшаго права собственности.

1) Проще всего вопросъ обстоитъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ реальному, дѣйствительному праву собственности одного лица противопоставляется чисто эсפקтативное встрѣчное право собственности опредѣленнаго другого лица или опредѣленныхъ другихъ лицъ, какъ это имѣеть мѣсто въ отношеніяхъ между *pater familias* и подвластными ему членами семьи, съ одной стороны, между наслѣдодателемъ и *familiae emptor* при манципаціонномъ завѣщаніи, съ другой стороны. Въ томъ и другомъ случаѣ упомянутое эсפקтативное право собственности представляетъ собой въ полномъ смыслѣ слова *nudum jus*, по крайней мѣрѣ наши источники не сохранили ни малѣйшихъ указаній на какое нибудь реальное содержаніе его, пока *pater familias* или завѣщатель находится въ живыхъ. Сказанное касается одинаково какъ внутреннихъ отношеній, отношеній *inter partes* между *pater familias* и его подвластными, между завѣщателемъ и *familiae emptor*, такъ и отношеній къ третьимъ лицамъ, которыя такъ или иначе посягаютъ на подлежащіе объекты. Другими словами, каковъ бы ни былъ характеръ конфликта, затрагивающій подлежащее эсפקтативное право, и чѣмъ бы онъ ни былъ вызванъ, — имъ не порождается никакое притязаніе въ пользу обладателя или обладателей означеннаго эсפקтативнаго права. Въ добавокъ, это положеніе *ipsissimis verbis* выражено въ отношеніи *sui*, относительно которыхъ Гай (II, 96) прямо говорить: *cum enim istarum personarum nihil suum esse possit, conveniens est scilicet, ut nihil suum esse in jure vindicare possint*. Не подлежитъ оно сомнѣнію и относительно *familiae emptor*, который, какъ извѣстно, считался въ то время *heredis loco* (Gaj: II, 103): наслѣдникъ при жизни наслѣдодателя никакихъ реальныхъ правъ на завѣщанное имущество не имѣеть.

2) Совсѣмъ иной характеръ носили въ древнемъ правѣ отношенія между опекуномъ и подопечными, которыя, какъ извѣстно, встрѣчались въ двухъ видахъ *tutela impuberum* и *tutela mulierum*. Въ основѣ древнѣйшаго типа той и другой опеки — *tutela legitima agnatorum* — несомнѣнно лежала та же мысль о семейномъ характерѣ имущества, которая опредѣляла и отношенія между *pater familias* и его *sui*: опекунами являлись ближайшіе агнаты малолѣтняго или женщины, т. е. тѣ лица, которыя эвентуально должны были наслѣдовать послѣ нихъ, ср. I. 1 pr. D 26,4: *legitimae tutelae lege XII tabularum agnatis delatae sunt...*, *ut qui sperarent hanc successionem, idem tuerentur bona, ne dilapidarentur*. Этимъ и объясняется, что ихъ отношеніе къ имуществу подопечныхъ разсматривалось какъ разновидность права собственности и сами они считались еще много позже *vice domini*. Однако ихъ право на имущество подопечныхъ не ограничивалось простой эсפקтаціей, простымъ ожиданіемъ будущихъ благъ, какъ право *sui heredes*. Съ другой стороны, и встрѣчное право подопечныхъ, по крайней мѣрѣ по общему правилу, не являлось

пустым звукомъ. Мы уже не будемъ говорить о *tutela mulierum*, которая въ историческое время представляется уже въ значительно смягченномъ видѣ, ограничиваясь тѣмъ, что для совершенія женщиной извѣстныхъ актовъ, въ томъ числѣ для манципационныхъ и *in jure* цессіонныхъ актовъ, требуется участіе опекуна въ формѣ *auctoritatis interpositio*¹. Но и въ отношеніи *tutela impuberum* дѣйствуетъ въ качествѣ общаго правила то начало, что опекунъ лишь въ случаѣ крайности долженъ дѣйствовать помимо опекаемаго²; всюду же, гдѣ это возможно, оба при совершеніи сдѣлокъ дѣйствуютъ сообща, причѣмъ опять таки участіе опекуна выражается въ *auctoritatis interpositio*, а извѣстные акты, въ томъ числѣ *mancipatio* и *in jure cessio*, а въ до-императорскомъ періодѣ и *traditio*, только и могли быть совершаемы этимъ путемъ³. Практически это означало, что въ древности⁴ унаслѣдованный малолѣтнимъ имущественный фондъ, *bona paterna avitaeque*, не могъ подвергаться никакимъ измѣненіямъ иначе какъ въ порядкѣ совмѣстныхъ дѣйствій опекуна съ подопечнымъ. — Сказанное проливаетъ свѣтъ на истинную природу *auctoritas tutoris*, на первоначальный ея характеръ. *Auctoritas*, которая должна была имѣть мѣсто тутъ же, (*statim*), и безоговорочно (*pure*) при самомъ совершеніи сдѣлки⁵, нѣчто больше, чѣмъ простой *consensus*, согласие даваемое въ интересахъ подопечнаго: это — форма непосредственнаго участія въ сдѣлкѣ. Корень ея — общій съ тѣмъ *Weispruchsrecht* родственниковъ, въ частности ближайшихъ наслѣдниковъ, которое встрѣчается въ разныхъ формахъ въ древнемъ германскомъ правѣ въ качествѣ одного изъ условий, соблюденіе коихъ требуется при отчужденіи недвижимостей⁶. — Съ другой стороны, изъ того, что акты отчужденія имущества подопечнаго могли быть совершаемы только совмѣстно опекуномъ и опекаемымъ, вытекало то послѣдствіе, что въ случаѣ нарушенія опекуномъ этого правила подопечный, послѣ прекращенія опеки, могъ оспорить состоявшійся безъ его участія актъ отчужденія посредствомъ предъявленія *reivindicatio*, несмотря на то, что отношеніе опекуна къ имуществу подопечнаго, также какъ и отношеніе послѣдняго, разсматривалось какъ разновидность одного и того же права, права собственности, какъ *meum esse*. Другими словами, реальная коллизія между однородными по существу правами опекаемаго и опекуна уже въ древнемъ правѣ возможна была не только въ сферѣ обязательственной, — гдѣ проявленіемъ ея служитъ *actio rationibus distrahendis*, о которой было говорено выше, — но и въ сферѣ вещноправовой, гдѣ она порождала виндикацію⁷. Могъ ли послѣдній искъ быть предъявленъ не только къ третьимъ лицамъ, но и *inter partes*, замѣняя въ этомъ отношеніи позднѣйшую *actio tutelae directa*? Формаль-

¹ Ср. Baron, Institutionen, стр. 110—111.

² Ср. Pernice, Labeo, I стр. 497, Brinz Lehrbuch d. Pandekten, III², стр. 809.

³ Ср. Mitteis Röm. Priv. R., I, стр. 208 сл.

⁴ Позднѣйшее право, какъ извѣстно, создало цѣлый рядъ лазеекъ для обхода тѣхъ неудобствъ, къ которымъ приводило на практикѣ строгое проведеніе этого начала, см. Mitteis l. c., Windscheid, Lehrb. d. Pandekten, II⁷ § 442, прим. 2 стр. 606.

⁵ §2 J. 1, 21.

⁶ Schröder, ук. соч. стр. 287.

⁷ На совершенно иныхъ началахъ построены позднѣйшій запретъ опекунамъ отчуждать имущество подопечнаго безъ особаго разрѣшенія органовъ опекунскаго надзора, основанный на *Oratio Divi Severi* и на рядѣ послѣдующихъ узаконеній. Ср. объ этомъ Baron, Institutionen, стр. 109.

но эта возможность не была исключена, поскольку тѣ или инныя вещи подопечнаго послѣ прекращенія опеки продолжали находиться во владѣннй опекуна; другой вопросъ, существовала ли практическая потребность въ предъявленнй виндикаціи; въ виду существованія *actio rationibus distrahendis*, которая *licet in duplum sit, in simpli rei persecutionem continet* (I. 2 § 2 D. 27,3), — въ наличнй такой потребности позволительно усумниться.¹

3). Иначе опять ставится вопросъ о роли виндикаціи въ случаяхъ фидуціарнаго отчужденія. Этотъ вопросъ гораздо сложнѣе, чѣмъ его обыкновенно представляютъ. Традиціонно онъ сводится къ тому, имѣлъ ли фидуціаръ право отчужденія фидуцірованной вещи помимо особаго *pactum de vendendo*, и если нѣтъ, то какія послѣдствія влекло за собою отчужденіе, совершенное помимо соответствующаго дополнительнаго соглашенія, — въ частности, переходило ли въ такомъ случаѣ право собственности на третьяго приобретателя, съ сохраненіемъ лишь личнаго иска (*actio fiduciae*) со стороны фидуціанта противъ фидуціара, или же напротивъ фидуціантъ въ подобныхъ случаяхъ могъ виндцировать подлежащую вещь у третьяго лица. Въ дальнѣйшемъ проблема упрощается еще больше въ томъ смыслѣ, что она подвергается обсужденію только въ отношеннй *fiducia cum creditore*, причемъ допускается совершенно произвольное предположеніе, будто *actio fiduciae* возникла одновременно съ самимъ появленіемъ фидуціарнаго отчужденія.

На самомъ дѣлѣ вопросъ долженъ быть поставленъ гораздо шире. Для правильнаго разрѣшенія его необходимо связать его съ вопросомъ объ общемъ характерѣ древнеримскаго права собственности съ точки зрѣннй объема защиты его. Въ этомъ отношеннй за послѣднее время все болѣе укрѣпляется взглядъ, согласно которому право собственности, по крайней мѣрѣ поскольку оно покоится на производныхъ способахъ приобретенія, — первоначально носило относительный, а не абсолютный характеръ. Въ этомъ смыслѣ высказываются, между прочимъ, Н. Pfüger,² Rabel,³ Mitteis,⁴ Sohm⁵ и др.

Въ подтвержденіе этого положенія указываютъ прежде всего на аналогіи въ другихъ правовыхъ системахъ⁶, въ томъ числѣ въ правѣ греческомъ (ближе-аинскомъ)⁷, а также въ правѣ германскомъ⁸: аналогіи эти проявляются отчасти въ сходствѣ общей структуры права собственности, отчасти въ рази-

¹ Что касается древнѣйшихъ двухъ видовъ *cura-cura furiosi* и *cura prodigi*, — то о нихъ см. Karlowa, ук. соч. II, стр. 302 и сл. Повидимому *legitimus curator furiosi* первоначально имѣлъ только право распоряджаться *rescilia* а не *familia* своего куранда, что было равносильно тому, что основной имущественный фондъ умалишеннаго вообще не могъ быть измѣняемъ, а въ частности уменьшаемъ, ср. также Mitteis, *Röm. P. R.*, I, стр. 81. Впослѣдствнй за нимъ было признано и право отчужденія отъ собственнаго имени *res mancipi*, что Mitteis правильно объясняетъ такъ проявленіе его „*quasi-dominikale Gewalt*“, тамъ же, I стр. 210 пр. 18. Что касается агнатическаго *curator prodigi*, то его „квазидоминикальное“ право распространялось только на *bona paterna avitaeque* расточителя (Paul III, 4^a § 47).

² Н. Н. Pfüger, *d. legis actio sacramento*, стр. 41—43 (въ частн. относительно недвижимости).

³ Rabel, *d. Haftung des Verkäufers wegen Mangels im Recht*, стр. 50 сл., стр. 56 сл.

⁴ Mitteis, *Röm. Priv. R.* I, стр. 87, 88 прим. 40.

⁵ Sohm, *Institutionen*,¹³ стр. 279—280 прим. 13.

⁶ Ср. Rabel, ук. соч. стр. 48 сл. *Leist alt-arisches Jusgentium* стр. 469 сл., 565—566.

⁷ Mitteis *Reichsrecht und Volksrecht*, стр. 501 сл.; съ нѣкоторыми оговорками — Lipsius, *d. Attische Recht und Rechtsverfahren* II, 2, стр. 465 пр. 8, 678 сл.

⁸ Ср. Heusler, ук. соч., стр. 99 сл., (относительно недвижимости) стр. 212 (относит. движимостей). Ср. также Schröder ук. соч. стр. 286, 292, Gierke, *Deutsches Priv. R.* II стр. 558.

тельным сходствѣ нѣкоторыхъ другихъ, тѣсно связанныхъ съ общимъ характеромъ права собственности институтовъ матеріальнаго права и процесса. Въ частности, въ этомъ отношеніи ссылаются на два главныхъ момента: во 1-хъ на структуру древней виндикаціи какъ строго двусторонняго иска, и во 2-хъ, на своеобразную постановку въ древнемъ правѣ института отвѣтственности за эвикцію. — Въ первомъ отношеніи Mitteis въ примѣненіи къ римскому праву замѣчаетъ¹: „кто вспомнить, что древній виндикаціонный процессъ (*legis actio sacramenta in rem*) предполагаетъ двустороннюю виндикацію и отнюдь не обезпечиваетъ владѣльцу какъ таковому провизорное владѣніе и роль отвѣтчика, тотъ не сможетъ уйти отъ мысли, что при такомъ порядкѣ производства нельзя было настаивать на представленіи доказательствъ абсолютной собственности, такъ какъ иначе создалось бы безвыходное положеніе, разъ ни одна изъ сторонъ не оказалась въ состояніи представить такіа доказательства“. И дальше: „слѣдуетъ также помнить, что не отвѣтчикъ вопрошаетъ истца, на какомъ основаніи тотъ предъявляетъ къ нему виндикацію, а, наоборотъ, истецъ, въ формѣ вопроса: *postulo anne dicas qua ex causa vindicaveris*, предлагаетъ отвѣтчику оправдать его контравиндикацію: и эта перестановка естественнаго порядка выступленій сторонъ едва ли не производитъ впечатлѣнія пережитка, сохранившагося отъ такого времени, когда виндикаціонное притязаніе истца ссылалось не на абстрактную и незримую собственность, а на реальное вторженіе въ прежнюю его правовую сферу“. — Что касается второго изъ вышеуказанныхъ двухъ моментовъ, то на него обратить особое вниманіе Rabel, который отмѣчаетъ, что основная обязанность аucto-г'а — это обязанность взять на себя защиту покупщика, причемъ аuctor по-видимому (какъ это имѣло мѣсто въ древнемъ германскомъ правѣ), вступалъ въ споръ не въ качествѣ третьяго лица, а непосредственно становился на мѣсто отвѣтчика². Останавливаясь дальше на анализѣ *stipulatio habere licere*, которая дополняетъ обязанность выступить на защиту покупщика обязанностью обезпечить ему спокойное обладаніе вещью, Rabel указываетъ на то, что эта стипуляція встрѣчается въ двухъ редакціяхъ³, болѣе сильной, гласящей примѣрно: *neque per te neque per quemquam omnino fieri, quominus tibi habere liceat*, — и болѣе слабой, сводящейся къ обѣщанію: *per te, (venientesque a te personas), non fieri или neque per te neque per heredem tuum fieri quominus mihi (heredique meo) hominem habere liceat*. Чѣмъ объяснить эту вторую редакцію? Въдѣ *prima facie*, казалось бы, обязанность правопредшественника не вставлять своему правопреемнику палки въ колеса представлять собою нѣчто само собой разумѣющееся, о чемъ особо условливаться не приходилось. Rabel усматриваетъ въ этомъ лучшее доказательство того, что приобрѣтеніе, основанное на производномъ титулѣ, первоначально сообщало не абсолютное, а лишь относительное право собственности. „Понятіе деривативно приобрѣтеннаго, со всѣхъ сторонъ неограниченнаго права господства надъ вещью, — говорить онъ,⁴ — я склоненъ считать . . . за абстракцію, которая постепенно сложилась на почвѣ признанія обычаемъ того положенія, которое соз-

¹ Mitteis, Röm. P. R. I, стр. 87.

² ук. соч., стр. 14 сл. До Rabel'я въ этомъ же смыслѣ высказывался Pfüger въ указанной выше работѣ.

³ ук. соч., стр. 34 сл.

⁴ тамъ же, стр. 55.

дано договорнымъ соглашеніемъ, должно быть уважаемо продавцемъ и защищаемо имъ противъ третьихъ лицъ". — Ближе онъ представляетъ себѣ дѣло такъ¹: первоначально въ Римѣ при куплѣ — продажѣ на наличный обязательственный элементъ играла господствующую роль, влѣдствие чего владѣніе и традиція приобрѣтали полную силу только въ связи съ сдѣлкой купли (*mit dem Kaufgeschäft*). Въ частности, простая традиція съ точки зрѣнія строго формальнаго гражданского права не являлась достаточнымъ моментомъ для укрѣпленія купли продажи на наличныя; для этого существовали только два пути, — манципация и замѣняющая послѣднюю въ этомъ отношеніи въ примѣненіи къ *res nec mancipi stipulatio habere licere*. Въ подтвержденіе того, что стипуляція могла вообще играть роль фактора, съ которымъ связывается переходъ отъ установленія обязательственнаго къ установленію вещнаго права, Rabel ссылается на своеобразный способъ приобретѣнія сервитутовъ *ractionibus et stipulationibus*.

Въ приведенныхъ разсужденіяхъ Rabel'я наряду съ правильными соображеніями содержится и много спорнаго и даже прямо невѣрнаго. Утвержденіе его, что для укрѣпленія позиціи приобретателя *ex causa emtionis* въ смыслѣ вещно-правовомъ къ моменту традиціи долженъ былъ присоединиться моментъ заключенія *stipulatio habere licere*, чисто апіорное и не подтверждается никакими данными. Ссылка на аналогію, которую якобы можно извлечь изъ существованія института приобретѣнія сервитутовъ *ractionibus et stipulationibus*, болѣе чѣмъ слаба. Не говоря уже о томъ, что здѣсь сопоставляются институты, возникшіе въ разное время и въ разныхъ мѣстахъ, подъ вліяніемъ различныхъ практическихъ потребностей, — нельзя не отмѣтить, что въ послѣднемъ случаѣ стипуляція приводитъ не къ традиціи, а къ неформальному *pactum*, причемъ источники мотивируютъ это тѣмъ, *quia nulla ejusmodi juris vacua traditio esset* (I. 20 D. 8, 1, ср. I. 3 § 2 D. 19, 1), т. е. подчеркиваютъ, что стипуляція служитъ суррогатомъ непримѣнимой въ данномъ случаѣ традиціи;² къ тому же, стипуляція, приводящая къ *pactum*, соединяется съ обѣщаніемъ неустойки, тогда какъ стипуляція *habere licere* самимъ Rabel'емъ противопоставляется *stipulatio duplae* при куплѣ-продажѣ. — Съ другой стороны, Rabel весьма мало останавливается на выясненіи истиннаго смысла старинной формулы, касающейся вступленія въ споръ *auctor'a*, редакція которой въ передачѣ Проба гласитъ: *quando in jure te conspicio, postulo anne fuas auctor*, высказываясь лишь противъ предложенія Pflüger'a и другихъ, согласно которому это есть исковаая формула, съ которой виндикантъ обращался къ вступающему въ споръ (взамѣнъ первоначальнаго контравиндиканта) *auctor'a*.³ Между тѣмъ, какъ разъ это предположеніе, — весьма важное съ точки зрѣнія защищаемой нашимъ авторомъ гипотезы объ относительномъ характерѣ древнеримскаго права собственности, основаннаго на деривативномъ титулѣ, — представляется весьма правдоподобнымъ. Въ самомъ дѣлѣ: съ одной стороны формула носить характеръ провѣрочнаго вопроса, который естественно предлагается именно виндикантомъ лицу, на которое противная сторона указала въ качествѣ *auctor'a*; съ другой стороны, дѣло происходитъ *in jure*, гдѣ вопросы могутъ быть предлагаемы только про-

¹ тамъ же, стр. 58—60.

² *Quasi traditio* или *patientia*, о которой упоминаютъ источники, конечно ничего общаго съ традиціей не имѣетъ. Ср. Dernburg, *Pandecten*, I⁷ § 251, стр. 611.

³ См. съ одной стороны Rabel, *ук. соч.*, стр. 15, 19, съ другой стороны Pflüger, *d. legis actio sacramento*, стр. 35 л.

тивнику.¹ Обращение, следовательно, направлено къ аuctor'у какъ участнику въ спорѣ. Этимъ, правда, не предрѣшается еще вопросъ о томъ, въ какой роли послѣдній привлекается, въ качествѣ ли третьяго лица, наряду съ первоначальнымъ контравиндикантомъ, или непосредственно въ качествѣ новой стороны въ дѣлѣ. Однако, въ пользу послѣдняго предположенія говорить, какъ правильно указываетъ Pflüger, тотъ фактъ, что Цицеронъ упоминаетъ именно объ actio in auctorem praesentem (Cic. pro Caecina 19, 54). Вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ выводъ подкрѣпляется какъ тѣмъ общимъ соображеніемъ, что въ древнемъ процессѣ вообще не можетъ быть мѣста столь сложнымъ институтамъ, какъ институтъ вступленія въ дѣло въ качествѣ третьяго лица, — такъ въ особенности и весьма убѣдительно въ данномъ случаѣ ссылкой на аналогію въ лицѣ греческаго и древнегерманскаго права. — Но, конечно, слѣдуетъ думать, что довольно рано и у римлянъ стала допускаться та-же альтернатива, которая встрѣчается и въ греческомъ правѣ,² — именно право контравиндиканта либо отсылать истца къ аuctor'у, либо брать веденіе дѣла на себя (*αὐτοαρχεῖν*), лишь опираясь въ нужномъ случаѣ на своего аuctor'a. Дальнѣйшій ходъ свелся къ тому, что второй порядокъ постепенно сталъ господствующимъ, а затѣмъ и со-всѣмъ вытѣснилъ прежній, — настолько, что даже о самомъ существованіи этого прежняго порядка успѣли забыть.

Мы разсмотрѣли тѣ доводы, которые до настоящаго времени выдвигались въ романистической литературѣ сторонниками того взгляда, что право собственности въ древнемъ Римѣ не сразу приобрѣло тотъ характеръ абсолютнаго, неограниченнаго права господства, который присущъ ему въ классическомъ и юстиниановскомъ правѣ, и что въ частности собственность, покоящаяся на дери-вативномъ титулѣ, первоначально носила относительный характеръ. Эти доводы несомнѣнно заслуживаютъ полнаго вниманія. Однако, главный, основной и рѣшающій доводъ въ пользу того, что право собственности въ древнемъ Римѣ, притомъ какъ въ отношеніи содержанія предоставляемыхъ имъ правомочій, такъ и въ отношеніи объема защиты представляло собою не столько относительную, сколько измѣчивую величину, до сихъ поръ не выдвигался, и по очень простой причинѣ. До настоящаго времени не обращалось вниманія на то, что и древнее римское право исходило первоначально изъ того предположенія, что всѣ отдѣльныя формы имущественнаго обладанія составляютъ простыя разновидности, простые оттѣнки одного и того-же единаго права на вещи, — права, характеризуемаго формулою: *meum est*. Разъ же это можно считать установленнымъ, — а мы смѣемъ думать, что предшествующія разсужденія наши непрерываемо установили наличность такой концепціи въ древнемъ римскомъ правѣ,³ — то становится яснымъ, что говорить при такихъ условіяхъ о единомъ по существу, всегда себѣ равномъ понятіи права собственности, въ смыслѣ права абсолютнаго, ничѣмъ не ограниченнаго, никоимъ образомъ не приходится. — Вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдуетъ признать, что теорія объ относительномъ характерѣ древнеримской собственности, какъ она формулируется Mitteis'омъ и другими, вызываетъ рядъ возраженій. Прежде всего, сторонники этой теоріи употребляютъ терминъ „относительная собственность“, *relatives Eigentum*“ не всегда въ одинаковомъ смыслѣ. Въ однихъ случаяхъ древ-

¹ Ср. Girard, Manuel стр. 1003, 1004 прим. 1.

² Ср. Lipsius, d. attische Recht u. Rechtsverfahren, II 2, стр. 746—747.

³ Ср. Труды русскихъ ученыхъ за границей, т. I. 35—47.

нее право собственности называется относительнымъ въ томъ смыслѣ, что въ вѣдикаціонномъ процессѣ въ старину побѣждалъ тотъ, кто докажетъ, что на его сторонѣ относительно болѣе сильное, чѣмъ у его противника, право на вещь; въ другихъ случаяхъ это право называется относительнымъ въ томъ смыслѣ, что оно пользуется охраной не противъ всѣхъ и каждаго. Тутъ и тамъ вопросъ ставится, очевидно, въ различныхъ плоскостяхъ: въ первомъ случаѣ выдвигается процессуальная, во второмъ — матеріально-правовая сторона вопроса. Второй существенный упрекъ, который можно сдѣлать настоящей теоріи, заключается въ томъ, что она совершенно игнорируетъ тотъ фактъ, что древнеримское право собственности представляется измѣнчивымъ не только въ смыслѣ объема защиты, но и въ смыслѣ содержанія своего. И въ томъ, и въ другомъ отношеніи отдѣльные „оттѣнки“ или разновидности права собственности представляютъ собою зачастую совершенно несоизмѣримыя величины: достаточно сопоставить между собою чисто экспектативное, лишенное всякаго реального содержанія право собственности *sui heredes* на семейное имущество при жизни домовладыки, или столь же безсодержательное право *familiae emtor* относительно будущей наслѣдственной массы при жизни завѣщателя съ одной стороны, и право собственности опекуна на имущество подопечнаго, или право собственности фидуціара на фидуцированную вещь съ другой стороны, и въ свою очередь сравнить всѣ эти разновидности права собственности съ правомъ собственности, приобретеннымъ на основаніи обыкновенной, безоговорочной (не фидуціарной) манципации или традиции, или, тѣмъ болѣе, съ правомъ собственности на *bona paterna avitaque*¹, — чтобы убѣдиться въ томъ, какъ велика амплитуда колебаній, съ которой приходится имѣть дѣло въ данномъ случаѣ: она обнимаетъ всевозможные переходы отъ *nudum jus* до *plenum jus*. Основной выводъ, который вытекаетъ отсюда, заключается въ томъ, что центр тяжести вопроса состоитъ не въ относительномъ или абсолютномъ характерѣ защиты древней собственности, а въ измѣнчивости ея. вмѣстѣ съ тѣмъ изъ сказаннаго вытекаетъ еще и второй выводъ, а именно: вопросъ о содержаніи права собственности и объ объемѣ защиты ея въ отношеніи каждой отдѣльной категоріи случаевъ, въ отношеніи каждой разновидности этого права долженъ быть разрѣшенъ особо.

Въ этомъ отношеніи не вызываютъ никакихъ затрудненій какъ тѣ случаи, въ которыхъ имѣется на лицо полное, не ограниченное никакими встрѣчными правами другихъ лицъ право собственности на данную вещь, (напр. вещь перешла въ единоличное обладаніе собственника въ составѣ *bona paterna avitaque*, или въ качествѣ военной добычи, или она приобретена имъ на полномъ правѣ у лица, въ свою очередь имѣвшаго полное право на нее и т. д.), — такъ и тѣ случаи, въ которыхъ встрѣчное право представляетъ собою одно только *nudum jus*, лишенное реального содержанія, (какъ напр. право собственности *sui heredes* на семейное имущество при жизни *pater familias*, право *familiae emtor* на наслѣдственную массу при жизни завѣщателя, и т. д.). — Трудности представляютъ, наоборотъ, тѣ случаи, въ которыхъ право собственности одного лица на вещь неразрывно связано съ реальными встрѣчными правами на нее другихъ лицъ, какъ это въ частности имѣетъ мѣсто въ отношеніяхъ опеку-

¹ Какое значеніе придавалось послѣднимъ, явствуетъ изъ того, что отчужденіе ихъ долгое время осуждалось и вѣско за собою *notam censoriam*, ср. Quint S. O. VI, 3, 44: *tunc paterna emancipare praedia turpius habebatur*: Karlowa, ук. соч. II, стр. 304.

новъ и опекаемыхъ, поскольку рѣчь идетъ объ имуществѣ послѣднихъ, а также въ отношеніяхъ между фидуціантомъ и фидуціаромъ, поскольку рѣчь идетъ о фидуціарованной вещи. Изъ этихъ двухъ послѣднихъ комбинацій первая была уже разсмотрѣна выше. Остается вторая. Частично, — именно поскольку въ связи съ нею между заинтересованными лицами возникали деликтные личные иски, — *actio ex causa depositi in duplum* и *actio furti ex furto usus*, — о ней тоже уже было говорено. Въ настоящее время рѣчь идетъ о томъ, допускался ли древнимъ правомъ въ случаяхъ фидуціарнаго отчужденія видикаціонный искъ въ лицѣ фидуціанта, и если да, то противъ кого.

4) Поставленный вопросъ необходимо расчленивъ; во 1-хъ: могъ ли видикаціонный искъ быть предъявленъ *inter partes*? во 2-хъ: могъ ли онъ быть предъявленъ фидуціантомъ противъ третьихъ лицъ, къ которымъ фидуціарованная вещь перешла отъ фидуціара?

а) Что касается, прежде всего, вопроса, о возможности предъявленія видикаціоннаго иска *inter partes*, и въ частности со стороны фидуціанта къ фидуціару, то слѣдуетъ замѣтить, что этотъ вопросъ приобретаетъ практическое значеніе главнымъ образомъ въ примѣненіи къ случаямъ *fiducia cum creditore*, такъ какъ въ этихъ случаяхъ оказывалась непримѣнимой *actio ex causa depositi in duplum*, которая возникала при *fiducia cum amico* въ случаѣ невозвращенія фидуціарованной вещи. Прежде всего, ясно одно: изъ того факта, что для случаевъ *fiducia cum creditore* не былъ созданъ корреспондирующій только что названной *actio* личный штрафной искъ, никакъ нельзя вывести заключеніе, что фидуціантъ до введенія *actio fiduciae* оставался совершенно беззащитнымъ въ случаѣ невозвращенія фидуціарованной вещи несмотря на уплату долга. Правда, на первый взглядъ можетъ показаться, что онъ и не нуждался въ особомъ искѣ, такъ какъ онъ имѣлъ возможность добиться возврата вещи безъ доведенія дѣла до суда, предлагая уплату долга лишь подъ условіемъ одновременнаго возвращенія фидуціарованной вещи. Нельзя, однако, не замѣтить, что при такихъ условіяхъ вернуть вещи, служащей обезпеченіемъ долга, уже всецѣло зависѣлъ бы отъ усмотрѣнія кредитора. Это далеко не всегда могло устроить должника, въ особенности, если стоимость фидуціарованной вещи значительно превышала сумму долга. Въсѣтъ съ тѣмъ, это не соответствовало и взгляду на взаимныя отношенія сторонъ римскаго оборота, лучшимъ доказательствомъ чего служить широко распространенная еще въ позднѣйшее время, — вплоть до имперіи, (когда право фидуціанта на вещь давно успѣло превратиться изъ встречнаго вещнаго права собственности, конкурирующаго съ однороднымъ правомъ собственности на нее фидуціара, въ простое личное требованіе о возвратѣ въ подлежащихъ случаяхъ фидуціарованной вещи на основаніи *actio fiduciae*), — практика заключенія особыхъ *pacta de vendendo* и *leges commissoriae*: первое обезпечивало за фидуціаромъ право продажи заложенной вещи въ случаѣ неуплаты долга въ срокъ, а вторая предоставляла ему право при тѣхъ же условіяхъ оставить вещь окончательно за собою¹. Насколько важное значеніе придавалось притомъ указаннымъ дополнителнымъ соглашеніямъ и въ част-

¹ Ср. объ этомъ Dernburg, d. Pfandrecht nach den Grundsätzen des heut. röm. Rechts, т. I стр. 19 сл.

ности *pactum de vendendo*, явствуеъ изъ того, что лишь въ императорскомъ періодѣ право продажи фидуцированной вещи въ случаѣ неуплаты долга въ срокъ было признано за кредиторомъ и при отсутствіи особаго *pactum de vendendo*.¹ — Выводить это ограниченіе свободы дѣйствія фидуціара изъ начала *bona fides*, опредѣлявшаго взаимныя отношенія между фидуціаромъ и фидуціантомъ по *actio fiduciae*, никакъ нельзя: *bona fides* сама по себѣ требуетъ только, чтобы единственный (въ формальномъ смыслѣ) собственникъ, каковымъ несомнѣнно съ точки зрѣнія позднѣйшаго римскаго права являлся только фидуціаръ, не злоупотреблялъ своимъ формальнымъ правомъ и не продавалъ фидуцированной вещи до наступленія срока обезпеченному ею долгу; но изъ этого начала отнюдь не вытекаетъ, чтобы онъ не могъ имѣть этого права и послѣ истеченія этого срока и наступленія просрочки въ уплатѣ, разъ не былъ особый уговоръ на этотъ случай, т. е. *pactum de non vendendo*. Между тѣмъ, все это объясняется какъ нельзя лучше, разъ признать, что указанное ограниченіе права продажи вытекало въ старину изъ встрѣчнаго права собственности фидуціанта, — реальныя слѣды котораго намъ удалось подмѣтить и въ другихъ отношеніяхъ, о чѣмъ было упомянуто выше.² Но разъ это встрѣчное право существовало и имѣло реальное содержаніе, въ чемъ же оно могло и должно было проявляться въ случаѣ коллизіи между фидуціаромъ и фидуціантомъ? Отвѣтъ напрашивается самъ собою: въ томъ, въ чемъ подобныя коллизіи проявлялись и въ другихъ случаяхъ, въ которыхъ мы встрѣчаемся съ такими же однородными реальными встрѣчными правами, т. е. въ предъявленіи иска, защищающаго вообще всякое реальное право собственности, вѣрнѣе, всѣ имѣющіе реальное значеніе отбѣнки этого права. Такимъ искомъ является старинная виндикація, на которую противная сторона отвѣчала въ подлежащихъ случаяхъ контравиндикаціей. Искъ этотъ практически отпадалъ лишь въ томъ случаѣ, если наряду съ нимъ успѣлъ сложиться личный штрафной искъ, частью направленный на *rei persecutionem*, частью на уплату штрафа, какъ это имѣло мѣсто въ отношеніи *fiducia cum amico* въ лицѣ неоднократно упоминавшейся *actio ex causa depositi*.

Итакъ, мы приходимъ къ выводу, что въ отношеніяхъ между фидуціаромъ и фидуціантомъ, вытекавшихъ *ex causa crediti*, въ лицѣ фидуціанта противъ фидуціара возникала *rei vindicatio*, разъ долгъ былъ погашенъ, (причемъ безразлично, былъ ли онъ погашенъ въ срокъ или уже послѣ того, что фидуціантъ оказался *in mora*), и разъ фидуціаръ, продолжающій владѣть фидуцированной вещью, не возвращалъ ея.

б) Переходимъ ко второму вопросу: могла ли быть предъявлена въ подлежащихъ случаяхъ виндикація не только *inter partes*, но и противъ третьихъ лицъ, къ которымъ вещь *ex titulo derivativo singulari* перешла отъ фидуціара? Самостоятельная постановка этого вопроса до настоящаго времени естественно никому не могла приходить въ голову, такъ какъ отсутствовало правильное представленіе объ истинномъ характерѣ древнеримской собственности какъ о величинѣ измѣнчивой. Съ нашей точки зрѣнія мы должны будемъ сказать: а priori одинаково возможенъ и утвердительный, и отрицательный отвѣтъ на этотъ вопросъ. Все зависитъ отъ анализа конкрет-

¹ Тамъ же, стр. 22.

² см. Труды русск. уч. загран., т. I, стр. 40.

наго матеріала, которымъ мы располагаемъ въ этомъ отношеніи. Аналогія другихъ правовыхъ системъ и въ частности германскаго права съ его принципомъ *Hand wahre Hand*, (примѣнимымъ впрочемъ только въ отношеніи движимостей), показываютъ, что не только логически мыслимъ, но и практически встрѣчается такой правовой строй, при которомъ виндикаціонный искъ допускается *inter partes*, но отпадаетъ въ отношеніи третьихъ лицъ, приобретшихъ спорную вещь у того, къ кому она поступила съ вѣдома и согласія прежняго собственника, причемъ первоначально не требуется даже со стороны этихъ третьихъ приобретателей *bona fides*¹. Отрицать а *limine* возможность аналогичныхъ явленій въ древнеримскомъ правѣ послѣ всего сказаннаго выше очевидно не приходится.

Что касается положительнаго матеріала, которымъ мы располагаемъ въ данномъ случаѣ, то онъ сводится къ слѣдующему. Начать съ того, что никакихъ прямыхъ указаній на возможность предъявленія виндикаціи со стороны фидуціанта противъ сингулярныхъ правопреемниковъ фидуціара въ источникахъ не имѣется. Вывести такую возможность изъ того факта, что фидуціаръ не долженъ былъ продавать фидуцірованную вещь помимо особаго *actum de vendendo*, (каковое входило въ подлежащихъ случаяхъ въ *actum fiducie* въ качествѣ составной части послѣдняго), — нельзя. Ибо насколько существованіе этого *actum* цѣнно для обоснованія того положенія, что фидуціантъ въ старину и послѣ магнаціи или *in jure* цессии вещи сохранялъ относительно нея самостоятельное вещное право, однородное съ встрѣчнымъ правомъ фидуціара, а вмѣстѣ съ тѣмъ и право предъявленія виндикаціи противъ послѣдняго, продающаго владѣть вещь послѣ прекращенія соотвѣтствующаго обязательственнаго отношенія, — настолько мало оно въ состояніи служить доказательствомъ того, что продажа, совершенная вопреки отсутствія подобнаго дополнительнаго соглашенія, являлась не только актомъ злоупотребленія довѣріемъ *perfidia*, въ отношеніи непосредственнаго контрагента — фидуціанта, но что такая продажа не влекла за собою нормальныхъ послѣдствій всякой продажи, совершенной собственникомъ. Въ послѣднемъ моментѣ центръ тяжести. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь фактъ оставался на лицѣ, — отчужденіе было произведено не воромъ, не *fur*, и не лицомъ, *auctor* котораго не обладалъ правомъ собственности на нее, а именно лицомъ, право котораго основывалось на правѣ прежняго собственника, возникло съ согласія послѣдняго и было однородно съ нимъ по существу, т. е. тоже представляло собою одну изъ разновидностей единаго общаго права господства. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ древнемъ правѣ не существовало общаго правила, что при наличіи нѣсколькихъ встрѣчныхъ правъ относительно одной и той же вещи, возникшихъ на почвѣ отсутствія дифференціаціи отдѣльныхъ формъ обладанія, отчужденіе вещи возможно только въ формѣ совмѣстнаго акта или съ вѣдома и согласія всѣхъ подлежащихъ лицъ. Такъ, напр., сила акта отчужденія, совершеннаго *paterfamilias* или завѣщателемъ по магнаціонному завѣщанію, отнюдь не зависѣло отъ участія или хотя бы согласія *uni* — въ первомъ случаѣ, *familiae emptor* — во второмъ. Вообще, Риму былъ чуждъ *Weispruchsrecht* ближайшихъ родственниковъ или наследниковъ при отчужденіи недвижимостей, — моментъ, который (наряду съ моментомъ публичности), сыгралъ главную роль въ германскомъ правѣ въ

¹ См. Heusler, *ук. соч.*, II, стр. 214.

дѣлъ ограниченія принципа *Hand wahre Hand* случаями отчужденія движимыхъ вещей. Съ другой стороны, тамъ, гдѣ требовалось совмѣстное участіе конкурирующихъ собственниковъ въ актахъ отчужденія, (отчасти и приобрѣтенія), какъ это имѣло мѣсто въ подлежащихъ случаяхъ въ отношеніяхъ по опеку, необходимость совмѣстнаго выступленія особо оговаривалась. Такимъ образомъ, съ формальной стороны препятствій къ признанію нормальной силы за актами отчужденія, совершенными фидуціаромъ хотя бы и вопреки *bona fides*, — несмотря на наличіе встрѣчнаго вещнаго права фидуціанта, — не было; въ результатѣ встрѣчное вещное право фидуціанта въ случаѣ такого отчужденія прекращалось.

Этотъ результатъ былъ достигнутъ, конечно, не только на почвѣ однихъ формальныхъ соображеній: здѣсь сыграла роль и борьба весьма реальныхъ интересовъ. Носителями противоположныхъ интересовъ въ данномъ случаѣ являлись: съ одной стороны — третьи приобрѣтатели и ихъ аuctor'ы — фидуціары, съ другой стороны — первоначальныя собственники, фидуціанты. Въ этой борьбѣ взяли верхъ третьи приобрѣтатели, что достойно вниманія, такъ какъ объ огражденіи ихъ интересовъ при столкновеніи съ интересами собственника, римское право, какъ извѣстно, въ общемъ заботилось далеко не въ достаточной мѣрѣ. Если они въ данномъ случаѣ побѣдили, то этотъ благоприятный съ ихъ точки зрѣнія результатъ объясняется прежде всего тѣмъ, что въ данномъ случаѣ реальный моментъ подкрѣплялся моментомъ формальнымъ: въ ихъ рукахъ оказался тотъ огромный козырь, что они приобрѣли вещь, на которую притязалъ фидуціантъ, — пусть у прокураторнаго, но все же у признаннаго собственника ея — фидуціара, съ которымъ обладателю встрѣчнаго права, фидуціанту, и предоставлялось вѣдаться.

Нужны ли еще дальнѣйшія доказательства? Если да, то ихъ можно найти въ нѣсколькихъ направленіяхъ. Во 1-хъ, все вышесказанное подтверждается структурой личнаго иска, *actio fiduciae*, который явился сначала наряду съ виндикаціей противъ фидуціара, а засимъ вытѣснилъ ее, а вмѣстѣ съ тѣмъ — въ области отношеній по *fiducia cum amico*, и древній штрафной искъ, *actio ex causa depositi*. *Actio fiduciae* всецѣло построена на томъ предположеніи, что фидуціаръ, не исполнившій *ex fide bona* своихъ обязанностей по отношенію къ фидуціанту и въ частности лишившій его возможности обратнаго полученія фидуцированной вещи, допустилъ *perfidiam*. Какъ послѣдствіе такого *perfidie agere* является инфамирующій характеръ иска.¹ Второе соображеніе сводится къ слѣдующему. Если бы фидуціантъ, въ силу своего права собственности на фидуцированную вещь, въ случаѣ погашенія долга (при *fiducia cum creditore*), или наступленія соответствующаго срока и т. д. (при *fiducia cum amico*) могъ бы первоначально предъявить *rei vindicatio* противъ третьихъ приобрѣтателей, то нужно было бы по меньшей мѣрѣ ожидать, что въ интересахъ этихъ приобрѣтателей были бы созданы какіе нибудь коррективы хотя бы въ смыслѣ ускореннаго и облегченнаго приобрѣтенія по давности вещей, перешедшихъ къ нимъ какъ ни какъ отъ лица, которому эти вещи были манципированы въ свое время самимъ виндикантомъ, и которое формально тоже считалось собственникомъ, — подобно тому, какъ это было сдѣлано: косвенно — для лицъ, приобрѣтшихъ фидуцированную вещь у фидуціанта до ре-

¹ Ср. Ihering, *Schuldmoment*, 1. c., стр. 187.

манципации ея послѣднему, благодаря введенію *usureceptio ex fiducia*, и непосредственно — для лицъ, приобрѣтшихъ отъ *femina sui juris rem mancipi sine tutoris auctoritate*, на основаніи т. н. *usucapio ex Rutiliana constitutio* (Vat. fr., 1). Полное молчаніе источниковъ въ этомъ отношеніи болѣе чѣмъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о томъ, что самаго вопроса о необходимости спеціальнаго огражденія интересовъ третьихъ приобретателей въ данномъ случаѣ не возникло. — Наконецъ, нельзя не обратить вниманіе на общее направленіе, въ которомъ въ дальнѣйшемъ пошло какъ развитіе системы реальныхъ договоровъ *commodati, depositi* и *pignoris* вообще, такъ развитіе дополнительныхъ формъ залога — *pignus, hypotheca*, въ частности: послѣднія построены именно на сознаніи необходимости въ созданіи такихъ формъ, которыя гарантировали бы должнику возможность обратнаго полученія заложенной вещи по уплатѣ долга не только въ отношеніи кредитора, но и въ отношеніи третьихъ приобретателей. Это предполагаетъ, что *fiducia* не удовлетворяла указанной потребности. И такъ, нашъ конечный выводъ сводится къ тому, что въ случаѣ фидуціарнаго отчужденія фидуціантъ сохранялъ относительное право собственности: онъ могъ предъявлять виндикацію противъ фидуціара, если тотъ не возвращалъ ему вещи несмотря на наступленіе соответствующаго срока или условія, но не могъ предъявлять этого иска противъ третьихъ приобретателей, приобрѣтшихъ вещь у фидуціара.

Особенность римскаго права по сравненію съ древнимъ германскимъ правомъ въ данномъ отношеніи заключается въ томъ, что ограниченіе виндикаціоннаго иска касалось не только движимыхъ, но и недвижимыхъ вещей, уступленныхъ *fidi fiduciae causa*. — Главной причиной этого отличія является несомнѣнно отсутствіе въ Римѣ того *Weispruchsrecht*, того права участія и контроля въ отношеніи формальнаго отчужденія недвижимостей, которымъ въ широкой степени пользовались въ древнегерманскомъ правѣ ближайшіе родственники и наслѣдники. — Не слѣдуетъ, однако, преувеличивать практическое значеніе этого различія. Прежде всего, случаи *fiducia cum amico* въ примѣненіи къ недвижимости едва ли могли играть сколько нибудь замѣтную роль: формой, замѣнявшей эту разновидность *fiduciae*, служило предоставленіе участка въ прекарное пользованіе, каковое представляетъ собою первый примѣръ начинающейся дифференціаціи формъ обладанія; нѣчто подобное, кстати сказать, встрѣчается и въ древнемъ германскомъ правѣ, — въ видѣ т. н. *Bodenleihe*¹. — Такимъ образомъ серьезное значеніе въ отношеніи недвижимостей имѣла только *fiducia cum creditore*. Но какъ разъ соответствующія ей формы *Kauf auf Wiederkauf* и *Satzung*, притомъ съ однороднымъ юридическимъ эффектомъ, встрѣчались, какъ выше было отмѣчено, и въ германскомъ правѣ.

5) Намъ остается разсмотрѣть еще одинъ вопросъ. Онъ сводится къ слѣдующему.

Распространялся ли изложенный порядокъ и на тѣ случаи, въ которыхъ вещь была передана другому лицу съ соответствующими оговорками на основаніи простой, неформальной традиціи? Вопросъ этотъ принадлежитъ къ числу наитруднѣйшихъ, и едва ли не приходится практиковать въ этомъ отношеніи *artem nesciendi*. Вѣдь мы даже не знаемъ, допускались ли вообще,

¹ Ср. Gierke, Deutsch. Priv. Recht, II, стр. 353.

— и если да, то въ какой формѣ, — соотвѣтствующія оговорки при традиціи; столь же мало мы знаемъ, когда возникло дѣленіе вещей на *res mancipi* и *res mancipi* и каковъ былъ первоначальный его смыслъ. Несомнѣнно одно: кругъ этихъ вещей не оставался неизмѣннымъ; мы имѣемъ, напротивъ, прямыя указанія на то, что онъ еще въ сравнительно позднее время подвергался измѣненіямъ, что по этому вопросу существовалъ споръ еще въ началѣ имперіи между сабиніанцами и прокулеанцами². Съ другой стороны, звѣнчиваніе мѣди, этотъ центральный моментъ при *negotia per aes et libram*! — до появленія чеканной монеты вызывалось необходимостью, независимо отъ характера отчуждаемыхъ вещей. Вѣрнѣе всего, что первоначально вообще не существовало формальнаго различія между *res mancipi* и *res mancipi*, что кругъ примѣненія манципации съ одной стороны и традиціи съ другой стороны опредѣлялся чисто фактическими признаками: прибѣгать къ сложному обряду, когда рѣчь шла о малоцѣнныхъ предметахъ потребления, не имѣло смысла, или обрядъ въ этихъ случаяхъ соблюдался лишь частично, напр. мѣдь звѣнчивалась, но остальные формальности, въ частности присутствіе пяти свидѣтелей, отпадали. Весьма скоро подъ вліяніемъ практическихъ потребностей, на которыхъ намъ сейчасъ нѣтъ надобности останавливаться, выдвинулся извѣстный болѣе тѣсный кругъ вещей, въ отношеніи которыхъ соблюденіе манципаціоннаго обряда начало считаться формально обязательнымъ³, тогда какъ въ отношеніи остальныхъ онъ сохранилъ факультативное значеніе. Съ тѣхъ поръ установилось формальное различіе между *res mancipi* и *res mancipi*. Въмѣстѣ съ тѣмъ, вопросъ о томъ, какія вещи должны быть отнесены къ числу *res mancipi*, съ этого времени получилъ важное практическое значеніе; естественно, что на этой почвѣ сталкивались различныя интересы и что кругъ *res mancipi* не сразу окончательно консолидировался. Послѣдовалъ ли послѣ этого еще одинъ дальнѣйшій шагъ въ смыслѣ признанія того, что *res mancipi* даже факультативно не могутъ быть приобретаемы *per mancipationem*, — что для нихъ остается открытой только традиція и *in jure cessio*, (примѣнимая и къ *res mancipi*), — это предметъ спора. Господствующее мнѣніе, которое вообще игнорируетъ весь вышеизложенный процессъ развитія, только и признаетъ послѣднюю комбинацію: для него *mancipatio propria species alienationis est rerum mancipi* (Ulp XIX § 3) и больше ничего. Другіе, и въ первую голову Voigt, напротивъ, считаютъ, что допущеніе этой послѣдней комбинаціи основано на недоразумѣніи, и что факультативно манципация всегда осталась примѣнимой къ *res mancipi*⁴. — Какъ бы тамъ ни было, достаточно допустить, что въ древнемъ правѣ наряду съ *in jure cessio* существовала возможность факультативной манципации *res mancipi*, — для того, чтобы усумниться въ томъ, могла ли при такихъ условіяхъ ощущаться реальная потребность въ использованіи традиціи для фидуціарныхъ цѣлей, неформальный характеръ которой въ этомъ отношеніи, при отсутствіи диффе-

² Ср. по всему этому вопросу Karlowa, ук. соч., II, стр. 354 сл.; Voigt, Röm. Rechtsgeschichte, I, стр. 428 сл.; Sohm, Institutionen¹³, стр. 41, 359 сл.

³ Согласно господствующему взгляду, это были вещи, сугубо важныя съ точки зрѣнія древняго крестьянскаго хозяйства: земля и главныя орудія древняго сельскохозяйственнаго производства — рабы и вьючный скотъ. Наряду съ этимъ моментомъ вѣроятно игралъ роль и другой моментъ, — тенденція сдѣлать обладаніе этими объект ами привилегіей однихъ римскихъ гражданъ, съ устраненіемъ перегриновъ.

⁴ Voigt, d. XII Tafeln, II, стр. 129, прим. 7 ср. Rabel ук. соч., стр. 59.

ренцированных форм обладания и соответствующей системѣ самостоятельныхъ договорныхъ отношеній, даже въ чисто техническомъ отношеніи создавалъ серьезные затрудненія въ смыслѣ трудности доказать, въ случаѣ спора, наличие тѣхъ или иныхъ оговорокъ при неформальной передачѣ вещи. Ввиду сказаннаго мы полагаемъ, что на поставленный вопросъ слѣдуетъ дать отрицательный отвѣтъ. Но конечно, все это остается въ области гипотезъ: сколько нибудь полная увѣренность въ данномъ вопросѣ, по крайней мѣрѣ въ настоящее время, представляется недостижимой.

§ 4

Мы подходимъ къ концу нашего анализа моментовъ, опредѣлившихъ общую структуру имущественныхъ отношеній въ древнемъ правѣ. Прежде, однако, чѣмъ подводить итоги, намъ необходимо коснуться еще одной стороны интересующей насъ проблемы. До сихъ поръ, говоря о притязаніяхъ, возникающихъ противъ третьихъ лицъ, мы имѣли въ виду то положеніе вещей, которое создавалось на почвѣ прекращенія на будущее время взаимныхъ встрѣчныхъ отношеній между опекунами и опекаемыми, фидуціантомъ и фидуціаромъ, и т. д. Остается выяснить, какъ вопросъ объ этихъ притязаніяхъ ставился въ теченіе того времени, пока соответствующія взаимоотношенія между участниками продолжали быть на лицо, т. е. пока продолжалась опека, пока длились отношенія по *fiducia*, и т. д. Въ частности, спрашивается: кто, въ случаѣ нарушенія третьими лицами соответствующихъ правъ, путемъ незаконнаго захвата подлежащихъ вещей, порчи или уничтоженія ихъ, и т. д., имѣлъ право иска противъ нарушителя, а въ подлежащихъ случаяхъ и противъ дальнѣйшихъ лицъ, къ которымъ эти вещи могли перейти? 1) Обращаясь къ разрѣшенію этого вопроса, мы естественно оставляемъ въ сторонѣ чисто эспектативные права *sui heredes* и *familiae emtor*, которыя, какъ неоднократно уже было замѣчено, представляютъ собою въ полномъ смыслѣ слова *nudum jus*. 2) Что касается отношеній по опекаѣ, то протче всего рисуются отношенія по *tutela mulierum*: всякое *lege agere*, всякое вступленіе въ процессъ, требовало въ древнемъ правѣ совмѣстныхъ дѣйствій женщины и опекуна ея, который долженъ былъ *auctoritatem interponere* (Ulp. XI, 27). 3) Сложнѣе положеніе дѣль при *tutela impuberum*. *Infans* вообще не могъ выступать на судѣ, *impubes infantia major* нуждался въ *tutoris auctoritas* (I 1 § 2 D. de adm. et per. 26, 7), а слѣдовательно вопросъ о самостоятельномъ правѣ защиты ихъ противъ третьихъ лицъ во время существованія опеки не возникалъ. Что касается самихъ опекуновъ, то они издревле имѣли право предъявленія исковъ противъ третьихъ лицъ по поводу опекунскихъ дѣлъ. Вопросъ можетъ идти лишь о томъ, дѣйствовали ли они въ такихъ случаяхъ въ древнемъ правѣ *suo nomine*, опираясь на свое (встрѣчное по отношенію къ подопечнымъ) право собственности на подлежащее имущество, или же *nomine tutorio*, въ качествѣ законныхъ представителей опекаемыхъ. Римское преданіе гласило, что они выступали *alieno nomine*, ср. pr. I. de his, per quos IV, 10, cum olim in usu fuisset alterius nomine agere non posse, nisi pro populo, pro libertate, pro tutela. Это сообщеніе до настоящаго времени принималось на вѣру. Мы думаемъ, однако, что оно представляетъ собою лишь позднѣйшую стилизацію соответствующихъ отношеній, объясняемую кореннымъ измѣненіемъ, которому подверглось юридическое положеніе опекуна, и что первоначально опекуны выступали на

судѣ suo nomine. Въ пользу этого можно привести цѣлый рядъ соображеній. Прежде всего, необходимо имѣть въ виду общій строй древняго процесса, рассчитаннаго лишь на самыя элементарныя отношенія: съ этой точки зрѣнія и институтъ процессуальнаго представительства, неизбѣжно предполагающій наличность цѣлаго ряда довольно сложныхъ техническихъ предпосылокъ, совершенно не согласуется съ примитивной структурой легисакціоннаго производства, каковой, наоборотъ, вполне соответствуетъ старинное правило: *nemo alieno nomine agere potest*. Далѣе, нельзя не обратить вниманія на своеобразный характеръ тѣхъ трехъ *excerptae causae*, которыя указываются въ институтіяхъ Юстиніана въ качествѣ изъятій изъ только что приведеннаго общаго начала: случаи *agere pro populo, pro libertate, pro tutela*. — Что касается выступленій отдѣльных частныхъ лицъ *pro populo*, то они сравнительно поздняго происхожденія, и къ тому же обнимаютъ весьма разнородные случаи, въ которыхъ переплетаются элементы гражданскаго и уголовнаго (аккузаціоннаго) процесса, вслѣдствіе чего они мало пригодны для освѣщенія интересующей насъ въ настоящее время проблемы. Въ частности, мы встрѣчаемся здѣсь съ указаніями двоякаго рода. Съ одной стороны, изъ источниковъ явствуется, что даже въ чисто уголовныхъ дѣлахъ инициаторъ дѣла — обвинитель выступалъ формально отъ собственнаго имени, а не какъ представитель народа; такъ, текстъ заявленія по обвиненію въ прелюбодѣянніи, по словамъ Павла (l. 3 pr. D. de accus. 48₂) гласилъ: *libellorum inscriptionis conceptio talis est: consul et dies. Apud illum praetorem vel proconsulem L. Titius professus est se Meviam lege Julia de adulteriis ream deferre, quod dicas eam cum C. Sejo in civitate illa, domo illius, mense illo, consulibus illis adulterium commisisse*. Съ другой стороны, въ отношеніи *interdictum quod vi aut clam*, которое могло быть предъявлено въ качествѣ *interdictum populare* всякимъ по поводу незаконнаго возведенія какихъ либо сооруженій въ предѣлахъ *locus publicus*, тотъ же Павелъ (l. 8 § 3 D. de op. novi nunt. 39, 1) говорилъ: *quodsi nuntiavero tibi, ne quid contra leges in loco publico facias, promittere debes, quoniam de eo opere alieno jure contendo, non meo, et tanquam a lieni juris petitor reprobmissione contentus esse debeo*. При такихъ условіяхъ и принимая во вниманіе, что оба показанія относятся къ весьма позднему времени, мы должны признать, что сами по себѣ они мало даютъ по вопросу о порядкѣ, въ которомъ совершалось выступленіе *pro populo* въ древнемъ правѣ. Все же нельзя признать въ достаточной мѣрѣ симптоматичнымъ тотъ фактъ, что даже въ столь позднее время встрѣчались случаи выступленій *pro populo* отъ собственнаго имени; это само по себѣ даетъ уже извѣстное основаніе считать, — въ особенности въ связи съ тѣмъ, что намъ извѣстно о структурѣ древняго процесса, — что такіе случаи первоначально должны были составлять общее правило, и что противоположный порядокъ сталъ устанавливаться лишь постепенно; въ частности, въ отношеніи *actiones populares* цивильно-правового типа на измѣненіе первоначальной практики могло оказать влияние то обстоятельство, что въ цѣломъ рядѣ случаевъ съ интересомъ общимъ конкурировалъ интересъ частный: въ такихъ случаяхъ *actio popularis* приобрѣтала субсидіарный характеръ, что должно было отразиться на процессуальной формулировкѣ этихъ исковъ въ смыслѣ необходимости болѣе точнаго указанія роли, въ которой выступалъ истецъ; толчокъ же, разданный въ этомъ отношеніи, могъ со временемъ привести вообще къ замѣнѣ

прежняго порядка выступлений новым¹. — Переходя къ выступлениям *pro libertate* слѣдуетъ замѣтить, что они встрѣчались въ двухъ формахъ: данное лицо выступаетъ въ однихъ случаяхъ взаимнѣ истца въ роли *adsertor in libertatem* при *vindicatio in libertatem*, въ другихъ случаяхъ взаимнѣ отвѣтчика, въ роли *vindex* при *legis actio per manus injectionem*². Въ обоихъ случаяхъ онъ дѣйствовалъ *suo nomine*, какъ это прямо засвидѣтельствовано Гаемъ относительно *vindex* (Gaj IV, 21): *vindicem dabat, qui pro se causam agere solebat*, и какъ это вытекаетъ изъ существа дѣла въ отношеніи *adsertor in libertatem*, который очевидно не могъ формально выступать отъ имени лица, о свободѣ котораго шелъ споръ и которое само даже не могло выступать на судѣ. Нечего доказывать, насколько важное значеніе имѣеть это прямое свидѣтельство источниковъ, подтверждающихъ правильность нашей гипотезы. — И такъ, въ отношеніи выступлений *pro populo* существуетъ значительная степень вѣроятности въ пользу того, что всѣ они первоначально совершались отъ собственнаго имени; въ отношеніи выступлений *pro libertate* это внѣ сомнѣнія. Въ связи съ этимъ позволительно будетъ указать на тѣ данныя, которыя свидѣлствуютъ, что и выступленіе *auctor'a* по иску объ эвикціи въ древнемъ правѣ также совершалось *suo nomine*, а не въ сложной формѣ вступленія въ дѣло въ качествѣ посторонняго лица³. — Если прибавить ко всему сказанному, что опекунъ, выступая на судѣ въ защиту имущества, которое онъ опекалъ, обладалъ самостоятельнымъ, однороднымъ съ правомъ собственности опекаемаго, правомъ на это имущество, то едва ли можетъ остаться какое нибудь сомнѣніе по вопросу о томъ, что онъ дѣйствовалъ въ этихъ случаяхъ именно *suo nomine*. То обстоятельство, что юристъ Марціанъ говорить о томъ, что *tutoribus pupilli nomine . . . agere posse* (l. 30 § 1 d. de inoff test 5, 2), конечно никоимъ образомъ неспособно опровергнуть правильности нашего вывода, такъ какъ это утверженіе относится опять таки къ столь позднему времени, когда юридическое положеніе опекуновъ самымъ кореннымъ образомъ измѣнилось. — Сказанное объ опекунахъ относится *mutatis mutandis* и къ древнему агнатическому куратору.

4) Что касается, наконецъ, случаевъ фидуціарнаго отчужденія, то поставленный нами вопросъ разрѣшается сравнительно просто. Разъ фидуціантъ не могъ предъявлять виндикаціоннаго иска противъ третьихъ пріобрѣтателей даже послѣ наступленія обстоятельствъ, влекущихъ за собою прекращеніе фидуціарныхъ отношеній на будущее время, то тѣмъ менѣе конечно можетъ быть рѣчь объ этомъ за тотъ періодъ времени, пока эти отношенія оставались въ силѣ. Вѣдь за это время фидуціантъ въ матеріально-правовомъ смыслѣ не имѣлъ права предъявлять виндикацію и противъ фидуціара, и по очень простой причинѣ: виндикація направлена на возвратъ фидуцірованной вещи, — возврата же нельзя было требовать, пока фидуціарныя отношенія не прекратились. По той же причинѣ нельзя было предъявлять въ теченіе указанного времени и личный штрафной искъ, — *actio ex causa depositi*. Въ видухъ выполненія получающагося на этой почвѣ пробѣла очевидно и была выдвинута въ свое время теорія о *furtum usus* и о возможности предъявленія въ подлежащихъ

¹ Ср. по этому вопросу Voigt, Röm. Rechtsgeschichte, I § 29, стр. 327 сл., особенно стр. 330 прим. 8.

² Ср. Voigt, а XII Tafeln, I, стр. 575.

³ См. выше, стр. 50.

случаяхъ особо квалифицированной *actio furti*; этотъ искъ, — (до введенія *actio fiduciae*, на основаніи которой весь вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ *inter partes* былъ поставленъ въ болѣе широкомъ масштабѣ)¹, — предусматривалъ въ частности случаи нарушенія интересовъ фидуціанта, связанные, въ противоположность незаконному присвоенію вещи, съ неправильнымъ пользованіемъ ею, пока длется отношенія по *fiducia*, чѣмъ и объясняется тотъ фактъ, что по иску отвѣчалъ конкурентъ фидуціанта по праву собственности на нее, — фидуціаръ. Подъ понятіе *furtum usus* легко могъ быть подведенъ и фактъ предоставленія вещи третьему лицу, ибо съ такимъ же основаніемъ, съ какимъ республиканскіе юристы говорили о *furtum usus*, если заинтересованное лицо *jumentum aliorum duxerat quam quo utendum acceperat*, или если оно *longius produxerat, quam in quem locum petierat*, и т. д., они могли говорить о томъ же, если возможность *usus* предоставлялась фидуціаромъ — вопреки уговору — третьему лицу. Отъ этого конечно личный характеръ иска не мѣнялся. Въ результатѣ мы приходимъ къ выводу, что никакихъ притязаній къ третьимъ лицамъ, ни вещныхъ, ни личныхъ, фидуціантъ не имѣлъ. Всѣ притязанія противъ третьихъ лицъ, независимо отъ почвы, на которой они возникали, принадлежали исключительно фидуціару. Дальнѣйшій ходъ событій, связанный съ созданіемъ *actio fiduciae*, въ этомъ отношеніи лишь закрѣпилъ позицію, созданную древнимъ правомъ.

§ 5

Намъ остается подвести итоги.

Д) Картина древнеримской системы имущественныхъ отношеній, которая вырисовывается на почвѣ сопоставленія всѣхъ приведенныхъ нами данныхъ, значительно разнится отъ общепринятой схемы.

Мы видѣли, что древнеримское право, — слѣдуя въ этомъ отношеніи примѣру ряда другихъ правовыхъ системъ, изученныхъ въ соответствующемъ отношеніи, — не знаетъ того рѣзкаго противоположенія формъ полного и неполнаго имущественнаго обладанія, съ которыми мы встрѣчаемся въ классическомъ правѣ. Отдѣльныя формы обладанія, встрѣчавшіяся въ жизни, разсматривались какъ отгѣнки единаго общаго права господства, права собственности, составляли разные моменты основнаго понятія *meum esse*, въ подлежащихъ случаяхъ сосуществовавшіе другъ съ другомъ, взаимно дополнявшіе и ограничивавшіе другъ друга. Въ результатѣ въ такихъ случаяхъ получалась какая то своеобразная форма совокупной собственности съ измѣнчивымъ содержаніемъ, состоящая изъ однородныхъ встрѣчныхъ правъ и не подходящая ни подъ *condominium plurium in solidum*, ни подъ *condominium pro partibus indivisis*. Эта своеобразная форма собственности, весьма напоминающая соответствующія формы, встрѣчающіяся въ древнемъ германскомъ и отчасти еще въ современномъ англійскомъ правѣ, возникала частью *ipso jure*, силою закона или вѣриѣ обычая, на почвѣ особыхъ отношеній семейно-имущественнаго права, частью — въ связи съ зарожденіемъ и постепеннымъ ростомъ общаго оборота, — на почвѣ сдѣлокъ оборота, которыя частью являлись сдѣлками на наличныя, (какъ первоначальная мантипація), частью сдѣлками кредитными, въ смыслѣ сдѣлокъ, направленныхъ на возвратъ полученнаго по истеченіи извѣстнаго срока, наступленіи извѣстныхъ обстоятельствъ и т. п. (какъ фидуціарная мантипація и заемъ въ формѣ *pecuniam*).

¹ Ср. Oertmann, ук. соч. стр. 176 сл.

По содержанию своему, иначе говоря, по объему правомочий, предоставляемых ими, возникавшие на указанной почве отдельные отбънки права собственности отличались крайним разнообразіемъ. Въ частности, съ этой точки зрѣнія можно различать три главные группы: 1) полную, неограниченную никакими встречными правами собственность, (прототипъ: собственность дѣеспособнаго *paterfamilias*, не имѣющаго *sui heredes*); 2) *nudum jus* въ чистомъ видѣ, лишенную всякаго реального содержанія, чисто экспектативную собственность, (прототипъ — собственность *sui heredes* при жизни *paterfamilias*), которой соответствуетъ вполне реальная, фактически свободная встречная собственность противной стороны, (въ приведенномъ случаѣ — собственность *paterfamilias*, имѣющаго *sui heredes*); 3) ограниченную реальными встречными правами собственность, (прототипъ — взаимныя отношенія опекуновъ и опекаемыхъ, кураторовъ и курандовъ, съ одной стороны, фидуціантовъ и фидуціаровъ съ другой стороны).

Эта измѣнчивость содержанія древнеримскаго права собственности, эта его способность включать въ себя разные отбънки, по существу своему представляютъ собою простое отраженіе одного изъ характернѣйшихъ фактовъ, свойственныхъ вообще раннимъ ступенямъ социальной и въ частности хозяйственной жизни, каковымъ является отсутствіе на первыхъ порахъ потребности въ рѣзко дифференцированныхъ формахъ обладанія, а въ дальнѣйшемъ, — по пробужденіи этой потребности, — техническое неумѣніе справиться сразу съ новыми задачами, выдвигаемыми жизнью, иначе какъ путемъ приспособленія къ нимъ привычныхъ уже формъ и представленій.

II. Мы идемъ дальше. Разнообразію отдельныхъ отбънковъ права собственности въ отношеніи содержанія соответствовало такое же разнообразіе его въ отношеніи объема судебной защиты. Въ этомъ смыслѣ тоже можно различать три группы случаевъ: 1) случаи, когда собственность пользуется абсолютной защитой въ томъ смыслѣ, что она охраняется не только *inter partes*, т. е. противъ лицъ, непосредственно нарушившихъ права собственника, но и противъ третьихъ лицъ, къ которымъ спорный объектъ въ дальнѣйшемъ перешелъ; 2) случаи, когда собственность не пользуется никакой защитой; 3) случаи, когда собственность пользуется только относительной защитой въ томъ смыслѣ, что она ограждается только *inter partes*, но собственникъ теряетъ право иска въ случаѣ дальнѣйшаго перехода спорнаго объекта изъ рукъ того, къ кому онъ непосредственно поступилъ, въ руки третьихъ лицъ. Это дѣленіе права собственности въ зависимости отъ различія въ объемѣ защиты не совпадаетъ съ дѣленіемъ его въ зависимости отъ различія по содержанію. И это потому, что различіе въ объемѣ защиты зависитъ не только отъ общаго характера даннаго вида права собственности, но и отъ специфическаго характера нарушенія его. — Исключеніе составляетъ лишь средняя группа: чисто экспектативныя права собственности, лишенныя, реального содержанія, лишены и самостоятельной судебной защиты, пока они сохраняютъ свой характеръ *nudum jus*.

Для надлежащаго освѣщенія всего этого вопроса его необходимо связать съ вопросомъ о моментахъ, повліявшихъ на выработку системы вещныхъ и личныхъ исковъ.

Въ этомъ отношеніи необходимо прежде всего имѣть въ виду, что въ древнемъ правѣ всякое право на вещь, представляя собою тотъ или иной от-

тѣнокъ права собственности, являлось правомъ вещнымъ, а не личнымъ. Уже одно это обстоятельство должно было придать своеобразный характеръ всей системѣ вещныхъ и личныхъ исковъ.

Далѣе, необходимо имѣть въ виду, что самое противоположеніе между вещными и личными исками возникло первоначально на почвѣ деликтной, причѣмъ два момента сыграли рѣшающую роль: съ одной стороны различіе въ характерѣ главныхъ имущественныхъ деликтовъ, которые подраздѣлялись на двѣ основныя группы случаевъ, условно обнимаемыя нами терминами *furtum* и *damnum injuria datum*¹, съ другой стороны различіе въ характерѣ объектовъ, являющихся предметами имущественныхъ правонарушеній, въ составѣ которыхъ въ свою очередь нужно различать двѣ группы: вещи индивидуаль-но распознаваемыя, незамѣнимыя, и вещи индивидуальныя, замѣнимыя. Въ группу вещныхъ исковъ входили иски, возникшіе по поводу незаконнаго присвоенія незамѣнимыхъ вещей, — притомъ безотносительно къ тому, являлись ли означенные иски штрафными (какъ *actio furti*) или реиперсекutoryными (какъ виндикація); къ группѣ личныхъ исковъ отошли съ одной стороны иски, возникшіе по поводу поврежденія и уничтоженія чужихъ вещей, съ другой стороны, — иски, возникшіе по поводу незаконнаго присвоенія замѣнимыхъ вещей.

Разъ возникши, различіе между вещными и личными исками естественно должно было проявляться и въ тѣхъ случаяхъ, когда конфликты возникали не на чисто деликтной почвѣ между собственникомъ и посторонними лицами, а между собственниками, обладающими подлежащими встрѣчнымъ правами собственности по отношенію къ даннымъ объектамъ, связанными съ семейнымъ характеромъ древняго имущества. Подобнаго рода конфликты могли возникать до и во всякомъ случаѣ независимо отъ конфликтовъ, порождаемыхъ оборотомъ: сюда относятся конфликты между *paterfamilias* и *sui heredes*, между опекунами и опекаемыми, между *curator*омъ и курандомъ. Означенные конфликты не всегда, по чисто формальнымъ основаніямъ, доходили до суда, а часто рѣшались вѣбсудебнымъ, домашнимъ порядкомъ, какъ конфликты между *paterfamilias* и *sui heredes*, когда напр. подвластный сынъ не выдавалъ или не возвращалъ какой нибудь полученной отъ *paterfamilias* вещи. Но тамъ, гдѣ эти дѣла доходили до суда, напр. когда опекунъ малолѣтняго по окончаніи опеки не возвращалъ вещей, входящихъ въ составъ имущества, надъ которымъ была учреждена опека, соответствующіе конфликты приводили частью къ предъявленію реиперсекutoryнаго вещнаго иска — виндикаціи, частью къ созданію особыхъ личныхъ исковъ штрафнаго типа, (какъ напр. *actio de rationibus distrahendis*).

Новая почва для конфликтовъ создавалась въ связи съ появленіемъ сдѣлокъ оборота. Съ одной стороны появились конфликты, связанные съ невыполненіемъ тѣхъ обязанностей, которыя стороны, — и въ частности сторона, въ реальное обладаніе которой поступилъ данный, объектъ, — приняли на себя открыто или молчаливо въ результатъ вступленія въ данную сдѣлку; съ другой стороны, стали возможны конфликты на той почвѣ, что вещь, сначала отошедшая отъ собственника ея на почвѣ деликта, въ дальнѣйшемъ переходила къ третьимъ лицамъ въ порядкѣ нормальнаго отчужденія. — Въ связи съ

¹ См. объ этомъ Труды русск. учен. загр. т. I, стр. 56 сл.

этими возникъ вопросъ о созданіи новыхъ личныхъ исковъ и о дальнѣйшемъ расширеніи въ подлежащихъ случаяхъ сферы дѣйствія вещныхъ исковъ и въ частности реиперсекutorialнаго вещнаго иска — виндикаціи.

Что касается перваго пункта — появленія новыхъ личныхъ исковъ, — то мы будемъ очень коротки и ограничимся лишь указаніемъ на *actio auctoritatis*, *actio de modo agri*, *actio furti ex furto usus*; всѣ эти иски носятъ штрафной характеръ.

Что же касается расширенія сферы дѣйствія виндикаціи, то здѣсь выработались довольно своеобразныя правила. Необходимо различать въ этомъ отношеніи три категоріи случаевъ. Перечень ихъ даетъ вмѣстѣ съ тѣмъ отвѣтъ на вопросъ о томъ, когда защита собственности носила абсолютный, и когда только относительный характеръ.

а) Къ первой группѣ принадлежатъ тѣ случаи, въ которыхъ вещь первоначально выбыла изъ владѣнія собственника помимо его воли, на основаніи деликта. Въ такомъ случаѣ собственникъ имѣетъ право виндигировать ее у всякаго третьяго лица, независимо отъ того, какимъ путемъ она къ нему дошла, (на основаніи ли новаго деликта или на основаніи нормальнаго акта отчужденія), и независимо отъ того, черезъ сколько рукъ она успѣла пройти. Иными словами, право первоначальнаго собственника здѣсь является болѣе сильнымъ, чѣмъ право третьяго пріобрѣтателя, опирающагося, непосредственно или черезъ посредство третьихъ лицъ, на *auctor*'а делинквента.

б) Ко второй группѣ относятся тѣ случаи, когда вещь была первоначально отчуждена лицомъ, хотя и имѣвшимъ (конкурирующее съ встрѣчнымъ правомъ другого лица) право собственности на вещь, но вмѣстѣ съ тѣмъ не имѣвшимъ самостоятельнаго права отчужденія ея; сюда относится, напр., случай отчужденія вещи пупиломъ *sine tutoris auctoritate*, или отчужденіе вещи опекуномъ безъ участія опекаемаго, (пока опекуну право самостоятельнаго отчужденія еще не было предоставлено); сюда же относится случай отчужденія *res mancipi* женщиной *sine tutoris auctoritate*, равно случай отчужденія вещи фидуціантомъ (до истеченія срока *usureceptio ex fiducia*). Въ такомъ случаѣ встрѣчный (по отношенію къ отчуждателю) собственникъ имѣетъ право (въ частности, если это опекаемый, то *finita tutela*, если опекунъ — *durante tutela*) виндигировать вещь какъ у перваго пріобрѣтателя, такъ и у всякаго третьяго лица, къ которому вещь въ дальнѣйшемъ перешла.

в) Наконецъ, къ третьей группѣ относятся случаи, когда вещь была первоначально отчуждена лицомъ, которое имѣло самостоятельное право отчужденія ея, хотя бы съ его правомъ на вещь конкурировало чье нибудь встрѣчное право; сюда относятся, не говоря о *paterfamilias* въ отношеніи *sui heredes* и о завѣщатель въ отношеніи *familiae emptor*, фидуціарь въ отношеніи фидуціанта. Въ такомъ случаѣ встрѣчный по отношенію къ отчуждателю собственникъ либо вовсе не пользовался защитой, (разъ его собственность имѣла чисто экспектативный характеръ), либо онъ могъ предъявить виндикацію только противъ отчуждателя, (пока тотъ продолжалъ владѣть вещью по прекращенія соотвѣтствующаго отношенія), но во всякомъ случаѣ онъ не могъ ее предъявлять противъ третьихъ пріобрѣтателей: таково именно положеніе фидуціанта. — Приведенныя правила можно свести къ слѣдующимъ двумъ простымъ положеніямъ: 1) въ случаѣ незаконнаго захвата вещи противъ воли собственника, на основаніи деликта, собственникъ пользуется абсолютной защитой въ смыслѣ

права предъявленія виндикаціи противъ всякого, у кого вещь окажется; 2) въ случаѣ установленія на вещь — *ipso jure* или по соглашенію съ даннымъ собственникомъ ея — встрѣчнаго права собственности другого лица, первоначальный собственникъ, отъ котораго вещь перешла въ реальное обладаніе встрѣчнаго собственника, пользуется только относительной защитой въ томъ смыслѣ, что онъ сохраняетъ въ подлежащихъ случаяхъ право предъявленія виндикаціи противъ встрѣчнаго собственника, но не можетъ предъявлять этого иска къ третьимъ лицамъ, къ которымъ вещь перешла отъ встрѣчнаго собственника, если только для дальнѣйшаго перехода соотвѣтствующихъ вещей не требовалось совмѣстнаго акта обоихъ собственниковъ — первоначального и встрѣчнаго.

Этимъ окончательно опредѣляется сфера примѣненія вещныхъ притязаній въ древнемъ правѣ.

Что касается личныхъ исковъ, то они, на основаніи всего вышеизложеннаго, въ древнемъ правѣ всѣ носятъ штрафной характеръ, и возникаютъ: 1) на чисто деликтной почвѣ, поскольку рѣчь идетъ либо о штрафѣ за уничтоженіе и поврежденіе чужихъ вещей, либо о возвратѣ въ соотвѣтственно увеличенномъ размѣрѣ незаконно присвоенныхъ замѣнимыхъ вещей, индивидуально-перасознаваемыхъ; 2) на почвѣ невыполненія обязанностей, лежащихъ на той или другой сторонѣ либо въ силу возникшихъ между ними *ipso jure* встрѣчныхъ правъ собственности, либо въ силу особыхъ условій, открыто или молчаливо вытекающихъ изъ факта вступленія въ данную сдѣлку. Въ этомъ отношеніи тоже необходимо различать двѣ категоріи случаевъ: съ одной стороны сюда относятся невыполненіе обязанностей, непосредственно не связанныхъ съ вопросомъ о возвратѣ вещи, (случаи, обнимаемые *actio auctoritatis*, *actio de modo agri*, *a. furti ex furto usus*); съ другой стороны, сюда относятся невыполненіе обязанностей, связанныхъ съ возвратомъ полученнаго, (случаи, обнимаемые *actio de rationibus distrahendis*, *actio ex causa depositi*), въ каковыхъ случаяхъ личные иски эвентуально конкурируютъ съ виндикаціей; 3) на почвѣ обязательствъ, приводящихъ къ возникшимъ ранѣе отношеніямъ, что имѣло мѣсто въ особенности во время процесса, путемъ привлеченія заложниковъ или поручителей въ обезпеченіе исполненія принимаемыхъ стороною на себя процессуальныхъ обязательствъ по своевременной явкѣ, по уплатѣ композиціи взамѣнъ отказа противной стороны отъ права таліона и т. д.

III) Сопоставляя изложенную нами схему съ схемой древнегерманскаго права, нельзя не констатировать поразительнаго сходства въ концепціи обѣихъ правовыхъ системъ. Достаточно привести нѣсколько цитатъ изъ Институцій Германскаго Права Heusler'a, — который самъ въ этомъ отношеніи исходитъ изъ традиціоннаго представленія о рѣзкомъ различіи точекъ зрѣнія римскаго и германскаго права, — чтобы убѣдиться въ правильности сказаннаго.

Вотъ что Heusler говоритъ по поводу различія между вещными и личными правами¹: „мы не можемъ отказать германскому праву въ томъ, что ему знакомо противоположеніе вещныхъ и личныхъ (обязательственныхъ) правъ, а должны, напротивъ, признать, что это различіе прямо таки лежитъ въ основѣ всей его системы имущественныхъ правъ. Слѣдуетъ, однако, сказать, что

¹ ук. соч., I, стр. 377.

распредѣленіе отдѣльныхъ правъ по этимъ двумъ рубрикамъ не вполне совпадаетъ съ соотвѣтствующей группировкой римскаго права¹. Нѣсколько ниже онъ замѣчаетъ²: „прежде всего, и это составляетъ главную особенность, во всѣхъ случаяхъ, въ которыхъ вещь подлежитъ реальному воздѣйствію другого лица, право послѣдняго вещное“. И дальше³: „фактическое господство надъ вещами именуется... *Gewehre*; она принадлежитъ всякому, кто обладаетъ вещью для себя и для своей пользы, и кто въ силу своего обладанія ею въ состояніи независимо отъ чужой воли проявить свое господство въ соотвѣтствующихъ своихъ дѣйствіяхъ“. Наоборотъ „вторую разновидность права образуютъ тѣ права, содержаніе которыхъ исчерпывается дѣйствіями или пассивнымъ состояніемъ другого лица, гдѣ слѣдовательно нѣтъ объекта, который могъ бы быть подчиненъ длительному господству, *Gewehre*. Это ничто иное какъ личныя, (обязательственные) права.“⁴

Переходя дальше къ противоположенію между вещными и личными исками, Heusler исходитъ изъ положенія, еще до него сформулированнаго *Laband*’омъ и *Plank*’омъ, что необходимо различать двѣ основныя группы исковъ — *Klagen auf Gut* и *Klagen um Schuld*, т. е., иски о возвратѣ имущественныхъ благъ и иски объ исполненіи долга.⁴ Первые соотвѣтствуютъ вещнымъ искамъ, а вторые — личнымъ. Вотъ какъ онъ обосновываетъ это утвержденіе.⁵ „Исковыя формулы франкскаго времени распадаются на два типа... Типомъ *Klage auf Gut* служитъ формула: *malo ordine possides*; типомъ *Klage um Schuld* — формула: *vadia dedisti de solvendo mihi decem solidos; occidisti fratrem meum* и т. д. (смотря по роду факта, обосновывающаго притязаніе). Въ первомъ случаѣ основаніемъ иска всегда является только неправомѣрное владѣніе...; во второмъ случаѣ основаніемъ иска служитъ личная обязанность къ доставленію чего либо (*persönliche Verpflichtung zu einer Leistung*).“ Въ частности, поясняетъ Heusler,⁶ „искъ съ формулой *malo ordine possides* примѣняется: 1) во всѣхъ тѣхъ многочисленныхъ случаяхъ, когда истецъ утверждаетъ, что вещь противъ его воли выбыла изъ его владѣнія, что одинаково примѣнимо какъ къ недвижимостямъ, такъ и къ движимостямъ. Кто имѣетъ въ своей *Gewehre* насильственно отнятый у истца участокъ или украденную у него или потерянную имъ движимую вещь, владѣетъ *malo ordine*... 2) Когда истецъ требуетъ возврата вещи, которую онъ самъ (или его правопреемникъ) отдалъ во временное пользованіе, въ залогъ и т. п. Это примѣнимо какъ къ недвижимостямъ, такъ и къ движимостямъ, ... но съ тѣмъ различіемъ, что въ отношеніи движимаго имущества искъ можетъ быть направленъ только противъ самаго довѣреннаго лица, но не противъ третьяго владѣльца, ... въ отношеніи же недвижимостей и противъ всякаго третьяго лица, независимо отъ титула, на которомъ оно владѣетъ вещью“. Въ противоположность указаннымъ случаямъ, говоритъ дальше Heusler,⁷ „формула *malo ordine possides* не примѣ-

¹ тамъ же, стр. 376.

² тамъ же, стр. 377.

³ тамъ же, стр. 378.

⁴ тамъ же, стр. 387.

⁵ тамъ же, стр. 388.

⁶ тамъ же, стр. 389.

⁷ тамъ же, стр. 390.

няется: 1) въ тѣхъ случаяхъ, понятно, когда требуется уплата денежнаго долга или причиненнаго деликтомъ убытка... 2)... искъ покупателя противъ продавца о доставленіи купленной вещи не является ни въ отношеніи недвижимостей, ни въ отношеніи движимостей искомъ съ формулой *malo ordine possideo*, а искомъ (съ формулой) *dare debes*. — Отмѣтивъ засимъ, что основное противоположеніе искомъ *auf Gut* и искомъ *im Schuld* проявляется въ процессуальномъ отношеніи въ смыслѣ различія въ способахъ защиты отвѣтчика, который при искахъ перваго рода можетъ ограничиваться простымъ отрицаніемъ и очиститься присягой,¹ — Heusler заканчиваетъ свои разсужденія слѣдующимъ образомъ:² „изъ сказаннаго само собою вытекаетъ тотъ выводъ, что въ противоположеніи искомъ *auf Gut* — искомъ *im Schuld* дѣйствительно содержится противоположеніе между вещными и личными исками; оно проявляется не только формально самымъ опредѣленнымъ образомъ въ исковой формулѣ: *malo ordine possides* и *conventasti mecum, dare debes*, но оно сказывается и матеріально въ различіи процессуальной постановки: тамъ отстаивается собственное право на вещь, здѣсь имѣется утвержденіе о несуществованіи долгового обязательства. При всѣхъ искахъ о возвратѣ имущественныхъ благъ имѣется въ виду вещное, при всѣхъ искахъ объ исполненіи долга обязательственное правоотношеніе.“

И такъ, въ конечномъ выводѣ оказывается, что въ древнегерманскомъ правѣ, какъ и въ древнеримскомъ, нѣтъ дифференцированныхъ формъ имущественнаго обладанія; всѣ они разсматриваются какъ разнообразныя отгѣнки единаго права господства: въ связи съ этимъ всякое право на вещь, открывающее возможность реального воздѣйствія на нее, является вещнымъ правомъ; по объему защиты это вещное право носитъ въ однихъ случаяхъ абсолютный, въ другихъ — относительный характеръ, причѣмъ случай того и другого рода въ общемъ въ обихъ правовыхъ системахъ совпадаютъ, если не считать того, что принципъ *Hand wahre Hand* въ германскомъ правѣ не распространяется на недвижимости; однако, и это различіе, какъ выше было показано, не имѣло большаго практическаго значенія.

Всѣ эти совпаденія нельзя конечно объяснить одною игрою случая или простымъ заимствованіемъ, которое въ данномъ случаѣ, къ тому же, безусловно исключается. Причина сходства обихъ правовыхъ системъ на первыхъ стадіяхъ развитія той и другой кроется въ извѣстныхъ общихъ свойствахъ всякаго первобытнаго права, которое и по существу выдвигаемыхъ передъ нимъ задачъ, и по условіямъ правовой техники стоитъ всюду на приблизительно одинаковомъ уровнѣ, что неизбежно отражается на общей структурѣ правовыхъ институтовъ и непосредственно проявляется въ сходствѣ элементарныхъ формъ и приѣмовъ обработки правового матеріала.

Римское право не составляетъ въ этомъ отношеніи, какъ мы видѣли, исключеніе отъ общаго правила и подчиняется общимъ законамъ хозяйственнаго развитія и правовой техники. Въ соответствіи съ этимъ первоначальный обликъ римскаго имущественнаго права далеко не тотъ, какимъ мы привыкли представлять его себѣ, исходя изъ представленій о немъ, заимствованныхъ изъ классическаго римскаго права. (Окончаніе слѣдуетъ.)

¹ тамъ же, стр. 391.

² тамъ же, стр. 393.

О преодолѣніи зла

(Къ систематикѣ общественныхъ явленій и къ теоріи идеала.)

Григорія Ландау

I. Культура, какъ система преодоленія зла

§ 1. Въ пониманіи социальнаго процесса будемъ исходить, какъ изъ основнаго, изъ общаго факта бѣдствій и трудностей, въ которыя погружено человѣческое существованіе. Незачѣмъ этому общему факту придавать абсолютно исчерпывающаго значенія. Пусть не всегда и не всею тягостно; конечно, не всегда и не все несчастны и страдаютъ. Бываютъ возрастные періоды, когда полнота силъ и непочатость надеждъ перевѣшиваетъ тяготы; быть можетъ, бываютъ историческіе періоды, когда положительная окраска перевѣшиваетъ отрицательную. Тѣмъ не менѣе едва ли возможно отрицать — какъ положеніе, если и не общее, то во всякомъ случаѣ, частное — наличность широчайшихъ по объему охваченныхъ лицъ и по времени, и величайшихъ по интенсивности человѣческихъ бѣдствій.

Для уясненія вспомнимъ нѣкоторыя черты человѣческаго бытія. Крайнюю необезпеченность и бѣдственность физическаго бытія человѣка на тысячелѣтнемъ протяженіи его первобытнаго существованія; необезпеченность отъ голода, холода, дикихъ звѣрей, отъ себѣ подобныхъ, отъ болѣзней, отъ всѣхъ страховъ дикарскаго и полудикарскаго существованія. Сравнительной длительности подобной стади въ жизни человѣчества уже самой по себѣ достаточно, чтобы оправдать законность разсмотрѣнія ея, какъ нѣкоего основополагающаго факта человѣческаго бытія. Присоединимъ сюда бѣдственное положеніе низшихъ угнетенныхъ слоевъ и группъ даже и въ обществахъ, давно вышедшихъ изъ первобытной безпомощности. Присоединимъ сюда затрудненія и давленія болѣе духовнаго порядка, которыя, быть можетъ, съ особенной силой даютъ себя знать именно тогда, когда затихаютъ бѣдствія элементарныя. Можно было бы изъ органическаго строенія человѣка и его духовности вывести неудовлетворяемость и страданія неотъемлемо ему присущія. Ограничусь еще только намекомъ на два неизмѣнныхъ источника глубочайшихъ неизбывныхъ страданій — смерть и необратимость теченія жизни. Этими замѣчаніями я нисколько не хочу установить пессимистическаго пониманія жизни въ отличіе отъ оптимистическаго. Пусть въ синтезѣ со страданіями переживаются и великія радости, освѣщающія и въ нѣкоторомъ смыслѣ снимающія ихъ. Пусть возможно поправленіе бѣдствій; но и этимъ утверждается бѣдствіе попираемое. Какія бы проблемы ни ставило человѣческое горе, оно прежде всего ставитъ

себя, какъ фактъ, и слѣдовательно обосновываетъ законность разсмотрѣнія тѣхъ послѣдствій, которыя изъ этого факта вытекаютъ.

§ 2. Жизненные, физическія и духовныя, личныя и соціальныя бѣдствія, печали, „боли“ — какъ бы мы ни называли все жизненное „зло“ — по самому существу требуютъ своего снятія, устраненія и преодоленія. Они переживаются, какъ нѣчто подлежащее устраненію, — къ этому именно и сводится ихъ „болевоѣ“ характеръ. Можетъ существовать извращенная личность или среда, предающаяся болевымъ переживаніямъ, но все же и здѣсь отклоненіе отъ смысла зла и боли является скорѣе мнимымъ. Въ сложномъ сплетеніи субъектовъ, подвергающихся злу, разрушительное для одного субъекта можетъ оказаться благотворнымъ или приемлемымъ для другого. Тогда зло для одного и окажется добромъ для другого. Если отрицательное для одного субъекта (напр. для личности или для подчиненнаго центра) оказывается положительнымъ для субъекта объемлющаго (напр. соотвѣтственно — для общества или для цѣлостной личности), то будучи болевымъ въ своемъ существѣ, оно въ объемлющей сферѣ можетъ стать положительнымъ: примѣрно самопожертвованіе челоуѣка во имя общественнаго цѣлаго, претерпѣніе операціи во имя выздоровленія. И обратно, если процессъ отрицательный для субъекта является положительнымъ для подчиненнаго центра, то онъ съ точки зрѣнія этого послѣдняго также можетъ разсматриваться, какъ положительный. Когда такая оцѣнка патологически передается цѣлому субъекту она и становится для него извращеніемъ, на примѣръ, использование народнаго бѣдствія для личнаго обогащенія, сладострастное наслажденіе болѣзненнымъ опущеніемъ. Такимъ образомъ этимъ не мѣняется тотъ основной фактъ, что имманентно „зло“ и „боль“ вызываютъ реакцію своего устраненія. Не такъ обстоитъ дѣло, что болевое явленіе приводитъ къ своему устраненію, а такъ, что то явленіе, которое вызываетъ запросъ на свое устраненіе, и есть болевое. Въ этомъ смыслѣ двѣ основныя категоріи оцѣнванія — боль и удовольствіе, печаль и радость, горе и наслажденіе — соотвѣтствуютъ двумъ основнымъ категоріямъ реакціи: отрицающей и утверждающей, отвергающей и санкціонирующей. Первая является непосредственно дѣйственной, вторая непосредственно бездѣйственной. Удовлетвореніе, покой, остановка — такова реакція на положительное („остановись, мгновеніе“ — такова его формула); движеніе, воздѣйствіе, отталкиваніе — такова реакція на отрицательное.

Конечно, косвенно отрицательное можетъ и парализовать активность, напр., безнадежностью его преодоленія и, наоборотъ положительное можетъ вызывать дѣятельность по своему закрѣпленію. Но и это не мѣняетъ существа, ибо дѣятельность закрѣпленія положительнаго опредѣляется его ожидаемымъ отсутствіемъ.

§ 3. Поскольку дѣятельность вызывается зломъ, требующимъ своего снятія, она общимъ образомъ опредѣляется задачей преодоленія зла (поскольку осуществляется), или отрицанія отрицательнаго (поскольку только стремится къ осуществленію). Благое, положительное лишь охраняется, — недвижимо; плюсъ на плюсъ даетъ плюсъ. Дѣятельность направляется на зло, на отрицательное. Подобно тому, какъ и минусъ на минусъ даетъ плюсъ, такъ положительное, производимое дѣятельностью, получается въ результатѣ преодоленія зла, отрицанія отрицательнаго.

Преодоленіе зла мыслимо двумя путями: путемъ уничтоженія отрицательнаго и путемъ устраненія субъекта, для котораго данное является отрицатель-

нимъ, изъ подъ его воздѣйствія. Первый путь — устраненія, второй путь — уклоненія. Конечно, и для пассивнаго уклоненія можетъ требоваться активность, но она будетъ производной; общая схема здѣсь будетъ заключаться въ отходъ отъ борьбы. Однако, оба пути являются путями реального преодоленія зла.

Но есть еще и иная возможность опредѣленнаго его отрицанія. Зло подвергается преодолѣнью, поскольку воспринимается въ качествѣ зла; своеобразнымъ его преодолѣнiемъ и будетъ преодолѣнiе этого воспрятія, слѣдовательно не самого зла, а широко говоря — боли отъ зла. Въ свою очередь такое мнимое преодолѣнiе зла подраздѣлимо на двѣ разновидности: активное преодолѣнiе будетъ заключаться въ томъ, что зло въ воспрятiи лишается своего злостнаго характера, претворяется въ не зло; пассивное преодолѣнiе заключается въ уклоненiи отъ самого воспрятія. Если воспользоваться нѣсколько расширительно терминами, буквально, быть можетъ, и не вполне подходящими, мы будемъ имѣть въ первомъ случаѣ — реабилитацію или оправданiе зла, во второмъ — отвлеченiе или развлеченiе отъ зла.

Такимъ образомъ, получаютъ четыре формы преодоленія зла: его устраненiе, уклоненiе отъ него, оправданiе и развлеченiе. Двѣ изъ нихъ (устраненiе и уклоненiе) реально его преодолеваютъ, двѣ другихъ (оправданiе и развлеченiе) только духовно. Въ другомъ отношенiи двѣ изъ этихъ формъ являются активными (устраненiе и оправданiе), двѣ — пассивными (уклоненiе и развлеченiе). Соціологія 17 или 18 вѣка сдѣлала бы изъ этихъ подраздѣленій социальныя или психологическія разновидности реальности. Для насъ это лишь формы, которыя по отношенiю къ конкретности даютъ ея чистыя тенденціи, а не непосредственные процессы и факты. Онѣ орудія и методы ориентированія въ дѣйствительности, а не распредѣленія ея по рубрикамъ.

Но въ этомъ смыслѣ можно сказать, что эти четыре схемы исчерпываютъ человѣческую дѣятельность, поскольку она направлена на отрицанiе зла. Было бы неосновательно считать, что эти формы обнаруживаютъ послѣдовательность временную или логическую въ преодолѣнiи зла, напр., такъ, что сперва оно подвергается устраненiю; поскольку оказывается неустранимымъ, отъ него уклоняются, если это не удается, стремятся примириться съ нимъ и поскольку это невозможно — отвлечься отъ его воспрятія. Безспорно имѣются и подобныя (или обратныя) тенденціи. Но онѣ не относятся къ чередованiю историческихъ эпохъ, а къ дробнымъ переходамъ, различнымъ въ разныхъ областяхъ. На самомъ дѣлѣ въ данной конъюнктурѣ можетъ оказаться применимой и любая данная форма безъ всякаго перехода къ смежной, а съ переходомъ къ болѣе отдаленной.

Къ тому же конкретныя явленія могутъ одновременно подходить подъ разные формы: тѣмъ самымъ, что оправдываешь явленіе, какъ не-злое, его какъ злое подчасъ устраняешь, и подчасъ преодолеваешь его тѣмъ, что отъ него отвлекаешься. Раковую опухоль никакимъ оправданiемъ или развлеченiемъ не устранишь, но угнетающее дѣйствіе воспоминаній можетъ быть устранено развлеченiемъ.

Отмѣченныя формы суть формы реальности, могущей быть взятой въ разныхъ разрѣзахъ: онѣ могутъ быть формами сложныхъ явленій, но и формами частичныхъ процессовъ. Сложныя социальныя явленія, подходящія подъ одну форму, могутъ заключать въ себѣ составныя части, подходящія подъ форму

другую. Примѣрно, побѣдоносное сраженіе — довольно чистое явленіе устраненія зла — может складываться изъ дѣйствій, частью подходящихъ подъ форму уклоненія отъ зла (частичное отступленіе), или даже и подъ форму оправданія зла (его истолкованіе, какъ неопаснаго), или даже и отвлеченія (напр. опьяненіе передъ боемъ).

§ 4. Съ намѣченной точки зрѣнія можно сказать, что человѣческая культура есть въ значительной степени система преодоленія зла. Однако, къ этому должны быть сдѣланы оговорки.

Во первыхъ, это не система въ томъ отношеніи, что не является согласованнымъ цѣлымъ, преслѣдующимъ единую задачу, а совокупностью и продуктомъ многихъ независимыхъ дѣятельностей и результатовъ. Во вторыхъ, даже если бы всякая дѣятельность преслѣдовала опредѣленную задачу, она менѣе всего бываетъ неизмѣнно адекватна таковой и потому въ ея послѣдствіяхъ неизмѣнно можетъ заключаться многое, изъ нея вытекающее, но нисколько съ ея задачей несоотносительное. Въ третьихъ, даже и соотвѣтствовавшее задачѣ продолжаетъ далѣе существовать, какъ причинный фактъ, а не цѣлесоотносительно; не какъ культура, а какъ природа, такъ сказать второго порядка, прошедшая сквозь человѣческое созиданіе. Здѣсь происходитъ установленная Вундтомъ гетерогонія цѣлей, когда въ данный культурный продуктъ подставляется новая задача, и онъ становится орудіемъ непредвидѣннаго назначенія. Но естественно въ немъ отъ прежняго сохраняются моменты, не умѣщаемые въ новое и слѣд. продолжающіе вести часто-причинное существованіе. За исчезновеніемъ условій своего происхожденія произведеніе культуры можетъ и цѣликомъ потерять свое назначеніе, сохраняя однако существованіе и слѣдовательно подчиняясь только причинности, а не цѣлесоотносительности.

Среди культурныхъ достиженій, ставшихъ второй природой, имѣются особыя группы, которыя не просто существуютъ причинно-пассивно (амфигенетически) въ результатъ воздѣйствія среды, но какъ бы изнутри живутъ, мѣняются, развиваются, ортогенетически развертывая заложенные въ нихъ потенціи. Потенціи эти заложены были въ нихъ при ихъ средственномъ происхожденіи, въ процессѣ преодоленія зла; но разъ заложенныя, онѣ при опредѣленныхъ условіяхъ получаютъ самостоятельное существованіе, какъ организмы второго порядка. Сюда въ частности относятся такъ называемыя высшія функціи культуры — философіи, искусства, морали. Цѣнности, накопившіяся въ процессѣ преодоленія жизненнаго зла, какъ его орудія (напр. образы, понятія, нормы) — при опредѣленныхъ условіяхъ избыточнаго накопленія силъ подвергаются развитію уже не примѣнительно къ своимъ исходнымъ внѣшнимъ задачамъ, опредѣлившимъ ихъ происхожденіе, а въ свободномъ преодоленіи своихъ внутреннихъ затрудненій (напр. несоотвѣствій и противорѣчій въ понятіяхъ, несогласованностей образовъ, несуществимости нормъ и проч.).

Такимъ образомъ, и это самодовлѣющее, органически подобное развитіе происходитъ (во всякомъ случаѣ, въ значительной степени) въ процессѣ преодоленія трудностей, но уже не внѣшнихъ, а внутреннихъ. Чрезвычайно наглядно это въ области искусства; развитіе его происходитъ существеннымъ образомъ путемъ послѣдовательнаго разрѣшенія, такъ сказать, формальныхъ задачъ, т. е. путемъ попытокъ устраненія основныхъ несоотвѣствій между имманентной задачей даннаго искусства и наличными средствами и возможностями ея достиженія. Мало того — и помимо развитія — каждое индиви-

дуальное художественное достижение есть непрерывное преодоление (или обход) препятствий, представляемых художественной задачей свойствами материала, соотношениями художественной деятельности и существом восприятия. Если остановиться на двух основополагающих искусствах — архитектурѣ и музыкѣ, то едва-ли будетъ ошибкой сказать, что рѣшающей пружиной первого является задача наглядного для созерцанія преодоленія силы тяжести, альтернативныя разрѣшенія коей и даютъ основные стили: рѣшающей задачей второй — является преодоленіе текучести времени, въположности отдѣльных его моментовъ примѣнительно къ единству эстетическаго созерцанія. Но и въ болѣе частномъ мы наблюдаемъ такое-же соотношение — задача контрапунктческаго голосоведенія заключается въ преодоленіи препятствій или нарушеній созвучнаго синтеза, проистекающихъ изъ сочетанія самостоятельныхъ голосовъ.

Итакъ, слѣдуетъ отмѣтить: что высшія области духа нельзя понять, не усмотрѣвъ двойственности ихъ составныхъ элементовъ: происшедшія цѣлесоотносительно, они развиваются самостоятельно, изъ зависимыхъ орудій строя независимые синтезы. Въ самодовлѣющемъ использованіи средственныхъ цѣнностей заложенъ неразрѣшимый трагизмъ. Эта внутренняя антиномія является неотъемлемо присущимъ имъ зломъ, которое, толкая на свое преодоленіе, и создаетъ стимулъ ихъ развитія. Но такъ какъ зло имманентно, то развитіе не можетъ дать разрѣшенія, освобожденія отъ зла, а приводитъ къ саморазрушенію цѣнностей. Таковыя однако не исчезаютъ, ибо ихъ элементы даны въ процессѣ жизненно неизбежнаго преодоленія вышшняго зла и слѣдовательно неотдѣлимы отъ жизни людей и только вмѣстѣ съ ними подлежатъ исчезновенію; такимъ образомъ онѣ не исчезаютъ, а неизмѣнно создаютъ новыя исходныя точки для новаго развитія. Въ разныхъ вариантахъ такую картину и даетъ жизнь искусства, философіи¹ и морали. Въ эпохи, когда развитіе грозитъ неизбежнымъ крушеніемъ, появляется на ряду со стремленіями къ новымъ путямъ развертыванія — и стремленіе къ преодолѣнію зла уже въ иныхъ формахъ: не устраненіемъ его, а оправданіемъ (напр., въ философіи — прагматизмъ, мистицизмъ, въ морали — переоцѣнка цѣнностей, гедонизмъ, въ искусствѣ — разновидности отрицающаго нормы упадочничества). Сюда присоединяется и простое уклоненіе отъ зла (напр., отъ философіи въ религію или практику, отъ искусства къ искусству прикладному и пр.) и отвлечение отъ самой задачи въ другія сферы духовной жизни (что частью совпадаетъ съ предыдущимъ).

§ 5. Формы преодоленія зла многообразно сплетаются, взаимно включая въ синтезы одной формы составныя части другой. Тѣмъ самымъ предопредѣляется невозможность, или во всякомъ случаѣ сомнительность подведенія какой либо области культуры цѣликомъ подъ какую либо одну форму преодоленія зла. Тѣмъ не менѣе въ нѣкоторыхъ областяхъ мыслимо отмѣтить преобладаніе определенной формы. Какъ характерный примѣръ можно взять сферу техники, вышней матеріальной культуры. Она вся основана на задачѣ дѣйственно реальнаго устраненія зла. Но и здѣсь высшее развитіе техники движется отнюдь не только въ мѣру устраненія реально представляющихся жизненныхъ золъ, а въ плоскости разрѣшенія проблемъ, ставимыхъ самой техникой, —

¹ Прослѣживаніе этой динамики на философскомъ мышленіи см. въ моей работѣ: „Объектныя мотивы философскихъ построеній“, Логосъ, 1913 г. кн. III—IV.

разумѣется подь общимь контролемъ приложимости къ жизненнымь потребностямь. Результатъ преодоленія зла въ смыслѣ разрѣшенія внутреннихъ техническихъ трудностей и задачъ — используется для жизненныхъ назначеній зарабѣ непредвидимыхъ и не служившихъ непосредственнымь стимуломь для технической изобрѣтательности. Особенно ясно это сказывается, примѣрно на задачахъ воздухоплаванія, беспроводнаго телеграфированія, подъемныхъ горныхъ желѣзныхъ дорогъ и пр. Техника изнутри, самодовлѣюще развертывающаяся въ преодоленіи трудностей своихъ внутреннихъ задачъ, расширяетъ область своего примѣненія за предѣлы преодоленія наличнаго (а въ особенности осознаннаго) зла, расширяетъ возможности человѣческаго существованія вообще, создаетъ новыя потребности и возможности, не ограничиваясь удовлетвореніемъ наличныхъ. Вышнія достиженія являются здѣсь уже производными отъ внутреннихъ преодолѣній. Тѣмъ не менѣе, по общему смыслу, „вышняя“ культура устремлена на дѣйственное реальное устраненіе реальныхъ золь.

Иное замѣчаемъ въ области культуры религиозной. Безспорно религія удовлетворяетъ разнымь назначеніямъ и включаетъ въ себя много глубокихъ струнъ самостоятельной значимости. Но при этомъ имѣется одна въ ней функція, присутствующая едва ли не во всѣхъ ея разновидностяхъ и могущая быть подведенной подь опредѣленную форму — оправданія зла. Въ религію входятъ ингредиенты разнаго порядка — философскаго мышленія и художественнаго созерцанія, этическаго дѣйствованія и технического дѣланія. Она дѣйствуетъ и по формѣ уничтоженія зла (въ частности, внутренняго зла чловѣческой души), дѣйствуетъ и въ порядкѣ духовнаго отвлеченія отъ зла (фактами обрядовой жизни и своей художественной пронизанностью), воспитываетъ и къ уклоненію отъ зла. Но едва ли ошибочно сказать, что основная чисто религіозная функція все же подходитъ подь форму отрицанія зла въ смыслѣ его оправданія. Ибо религія неизмѣнно фиксируетъ глубинную бѣдственность чловѣческой жизни и подходитъ къ чловѣку съ утѣшеніемъ, такъ или иначе вмѣщая эту бѣдственную жизнь въ объемлющій синтезъ, обычно переходящій за предѣлы земнаго существованія, въ которомъ земная юдоль является лишь частичнымъ моментомъ, снимаемымъ другими, радостными и благодетными, въ качествѣ ихъ необходимой предпосылки, пути къ нимъ, основанія для нихъ. Это расширенное бытіе религіи покрываетъ и, такъ сказать, расасываетъ земную юдоль, своими обѣтованіями оправдывая „зло“, вмѣщая его въ такое цѣлое, въ которомъ оно обнаруживается благомъ или путемъ ко благу.

Если обратиться къ искусству, то здѣсь приходится усмотрѣть сферу *par excellence* самочиннаго, органическаго природнаго развитія; искусство есть въ этомъ смыслѣ специфическая область превращенія культуры во вторую природу. Тѣмъ не менѣе, если и къ этой области подойти съ точки зрѣнія преодоленія зла, то можно сказать, что нѣкоторой, быть можетъ, не обязательной, но все же характерной чертой ея, является то, что она служитъ преодоленію зла путемъ отвлеченія отъ него; ибо искусство предполагаетъ приостановку созерцанія на художественныхъ образахъ, каковая выдѣляетъ созерцаемое и выноситъ созерцателя изъ жизненно-цѣлесообразной связи, тѣмъ отвлекая его отъ реально-болевого ея переживанія. Этой характеристикой функціи искусства нисколько не отрицается, что имманентной пружиной строенія

ея формъ является и здѣсь процессъ устраненія (или уклоненія) внутреннихъ заложенныхъ въ нихъ трудностей.

§ 6. Если процессы преодоленія зла составляютъ неизмѣнное и непрекращающееся содержаніе исторіи, — если, слѣдовательно, зло вѣчно преодолевается и, слѣдовательно, столь же вѣчно непреодолимо, то не значить ли это, что у исторіи есть содержаніе, но нѣтъ смысла и что весь процессъ является безнадежнымъ осуществленіемъ неосуществимой задачи.

Разновидности зла несоизмѣримы между собой, не сводимы на одинъ масштабъ, который позволилъ бы ихъ исчислить и сложить. Тѣмъ не менѣе, если грубымъ образомъ сопоставить зло разныхъ ступеней культуры, то въ глаза бросается, что — какъ въ преданіи о гидрѣ — сколько ни преодолевай его, его становится все больше. Въ этомъ легко убѣдиться, разсматривая вопросъ въ обратномъ порядкѣ. Взавъ разновидности золь и болѣе болѣе высокаго общества не трудно убѣдиться въ томъ, что въ болѣе низкомъ для нихъ просто нѣтъ предпосылокъ и, слѣдовательно, нѣтъ для нихъ и мѣста. Зло соотносительно съ субъектомъ и субстратомъ, его испытывающими, не только въ смыслѣ ихъ восприимчивости, но и въ смыслѣ предоставляемой ими площади возможнаго разрушенія и ущерба. Культура, создавая новыя цѣнности и усложняя старыя, тѣмъ самымъ расширяетъ область возможнаго ихъ нарушенія, возможнаго зла. Культура есть процессъ непрерывнаго преодоленія зла, но культура вмѣстѣ съ тѣмъ обуславливаетъ и непрерывное возростаніе его предпосылокъ. Получается какъ бы своеобразное саморазвитіе зла путемъ его преодоленія.

Если присмотрѣться къ его содержанію, можно отмѣтить, что на ряду со зломъ неискоренимымъ, даже и незатрагиваемымъ культурой, — нѣкоторыя болѣе раннія формы зла (такъ сказать низшія, примитивныя) дѣйствительно, если и не исчезаютъ, то смягчаются, причемъ на ряду съ этимъ несравненно возростаютъ новыя разновидности (преимущественно высшія, духовныя). Въ этомъ смыслѣ преодолѣніе зла въ процессѣ культуры есть претвореніе зла.

Повидимому, на всемъ протяженіи исторіи сохраняются всѣ четыре формы; съ инымъ зломъ неизмѣнно остается связанной и данная форма его преодоленія, въ другихъ случаяхъ замѣчается ея переходъ: зло, отъ котораго люди первоначально только уклонялись, подвергается въ послѣдствіи устраненію и т. п. Если человѣчество и не обнаруживаетъ единой линіи чередованія формъ отрицанія зла и даже подчасъ выясняется ихъ круговое движеніе, то для опредѣленныхъ эпохъ и культуръ типичными оказываются и опредѣленныя формы преодоленія. Въ этомъ смыслѣ возможно говорить объ эпохахъ его устраненія (современной эпохѣ) и оправданія, уклоненія и отвлеченія. Первая форма особенно характерна для подъемныхъ періодовъ, для понижающихся характерна вторая, съ отсутствующими ей явленіями резиньяціи, утѣшенія и пр.

Зло съ культурой возростаетъ, претворяясь; претвореніе заключается въ частности въ томъ, что оно насыщается и обрастаетъ чуждыми ему элементами — элементами не-зла, или даже и блага. Оно остается зломъ — но для болѣе высокаго уровня, по отношенію къ болѣе сложнымъ или тонкимъ содержаніямъ. „Злое“ въ нарушеніи высокихъ переживаній, углубленной радости — можетъ быть болѣе и злѣе нарушенія элементарной жизненной функции, но оно пронизано тѣмъ высокимъ, которое нарушенію подвергается. Въ этомъ

и заключается единственный законный оптимизм культуры: не въ сокращеніи зла, а въ умноженіи блага, хотя бы со зломъ неизмѣнно сплетеннаго. Преодолимое зло становится благомъ, хотя и вызывающимъ новое зло, но и переносящимъ въ болѣе сложную или высокую сферу.

Несоизмѣримо зло со зломъ, тѣмъ менѣе оно соизмѣримо съ благомъ. Какъ не слагаемы первые, такъ невычитаемы они изъ второго. Поэтому нѣтъ нѣкоей суммарной цифры, положительной или отрицательной, блага или зла, за ростомъ или умаленіемъ которой можно было бы слѣдить, и ростъ или умаленіе которой и опредѣлялъ бы подъемъ или опусканіе уровня развитія и культуры. Не въ устраненіи или умаленіи зла имманентное назначеніе культуры, — зло въ ней возрастаетъ, претворяясь, какъ возрастаетъ и благо, какъ усложняются и напрягаются все ея содержанія. Не зло умаленія, а возрастаетъ система его преодоленія. Преодоленіе зла — есть постоянная двигательная пружина культуры, ея методъ, но не ея назначеніе. Зло культурой непреодолимо; но преодоленіе зла есть пружина культурныхъ претвореній — вѣчно творческое устремленіе, своей задаче не осуществляющее, но по пути своихъ предопредѣленныхъ неудачъ строящее человеческую культуру.

7. Неразрывны зло съ благомъ; въ подъемномъ движеніи культуры, поскольку оно происходитъ, возрастаютъ, углубляются (пусть различно въ разныхъ областяхъ) — оба. И нѣтъ между ними зачета, не снимаетъ благо — зла, и не поглощается, не отмѣняется, даже не оскверняется благо зломъ. Благородное движеніе души не теряетъ своей возвышенности, красота не перестаетъ быть красотой и истина не тускнѣетъ — отъ присутствія лжи, уродства и низости. И радость остается радостью, и погруженная въ горе.

Наивное — пожалуй, плоское — отношеніе къ этому соприсутствію заключается въ надеждѣ на сохраненіе блага съ устраненіемъ или исчезновеніемъ зла, — концепція, имманентная несостоятельность которой только постольку не останавливаетъ на себѣ вниманія, поскольку вниманіе не хочетъ на ней остановиться.

Но и призваніе неразрывности этой связи оставляетъ еще возможность различныхъ — противоположныхъ — эмоциональных, оцѣночныхъ выводовъ и утвержденій. Для однихъ благомъ санкционируется зло, неизбѣжно соприсутствующее съ нимъ, какъ его неизмѣнная предпосылка или ступень, во всякомъ случаѣ, — какъ въ конечномъ счетѣ снимаемая благомъ. Для другихъ, наоборотъ, неизбывность зла уже сама по себѣ уничтожаетъ благость блага. Незачѣмъ и быть благу, когда неотмѣнимо зло — говоритъ одинъ; и другой растравляетъ раны: не смѣетъ быть блага, когда кругомъ грѣхъ и скверна. Мірѣ непріемлемъ, въ которомъ зло неизбывно, и вотъ уже готовы почтительно или непочтительно „вернуть билетъ“ на участіе въ зломъ мірѣ. Иные отвращаются отъ блага, разъ зло въ бытіи неизбѣжно; инымъ остается искать выхода — въ отмѣнѣ самого бытія, въ Нирванѣ, въ установленіи не-бытія. Преодоленіе зла превращается для буддиста въ преодоленіе бытія, въ которомъ зло неотмѣнимо — такова напряженность задачи преодоленія зла.

Но не обязательно ни тотъ выводъ, ни этотъ. Зло неразрывно съ благомъ, но не поглощаетъ его. Внутренняя гармонія сохраняется, сколько бы ни было кругомъ дисгармоній, по крайней мѣрѣ, какъ нѣкій предѣлъ; — и даже „упиться гармоніей“ остается доступнымъ хотя бы „среди горестей, заботъ и тревоженій“. Свѣтъ свѣтитъ среди мрака, и радость радуется среди горя. Благо можетъ возрастать даже и при возрастаніи зла.

Духовная культура и есть выдѣленіе золь и благъ изъ ихъ нерасчлененной смѣси или мнимой суммы, различеніе, самоудовлѣющее ихъ переживаніе и цѣненіе. Въ безнадежной неразрывности зла съ благомъ можно не ограничиваться усмотрѣніемъ зла или безнадежности. Остается и благо.

2. Идеалъ, какъ отрицаніе отрицательнаго

§ 8.¹ Люди живутъ при условіяхъ, которыя со всѣхъ сторонъ ихъ сдвигаютъ, угнетаютъ, угрожаютъ гибелью и бѣдствіями. Въ сопротивленіи этому давленію, въ преодолѣніи наличныхъ или возможныхъ бѣдствій проходитъ существенная часть общественнаго существованія. Общественное строительство людей и заключается въ преодолѣніи жизненнаго зла; положительное его содержаніе преимущественно, если не исключительно, сводится къ установленію и поддержанію условій, облегчающихъ или обезпечивающихъ это преодолѣніе. Положительное по своему смыслу — есть лишь обезпеченіе отсутствія отрицательнаго, отсутствія угрожающаго конкретнаго зла. Разумѣется, установленіе условій, обезпечивающихъ устраненіе зла (даже если бы эту функцію они исполнили идеально) не можетъ не имѣть и другихъ, независимыхъ отъ того результатовъ; ибо вообще нѣтъ вещи, которая единымъ своимъ послѣдствіемъ имѣла бы несуществованіе чего либо. Въ частности сами по себѣ или въ совмѣстности съ остальной жизнью, они могутъ устанавливать новыя затрудненія, тяготы, опасности, — противъ которыхъ и будетъ направлена дальнѣйшая реальная общественная борьба. Ибо давить наличная жизнь во всей данной совокуности ея условій; и конкретнымъ устраненіемъ даннаго давленія является новый (или измѣненный) конкретный же укладъ жизни, который имѣетъ свои новыя давящія особенности. Въ такой смѣнѣ борьбы противъ послѣдовательныхъ давленій, въ такой смѣнѣ общественнаго строительства, являющагося каждый разъ устраненіемъ конкретныхъ тяготъ эпохи и состоитъ развитіе общественн. жизни. Насколько удачно протекаетъ такой процессъ, дѣйствительно ли послѣдующая эпоха устраняетъ тяготы предыдущей (впрочемъ, замѣняя ихъ новыми) или — въ лучшемъ случаѣ — парализуетъ лишь главнѣйшія, получая остальные по наслѣдству; расцвѣтаетъ ли въ этомъ процессѣ личная духовная жизнь всѣхъ или нѣкоторыхъ, мыслимо ли нѣкогда полное устраненіе всяческихъ давленій; какъ усложняется эта картина отъ того, что разныя группы подвержены различнымъ, частью противоположнымъ давленіямъ, да и одни и тѣ же испытываются ими различно, — эти и другіе подобныя вопросы можно оставить въ сторонѣ, ибо какой бы отвѣтъ на нихъ ни давать, это не мѣняетъ пониманія существа того общественнаго процесса, которое насъ сейчасъ интересуетъ.

§ 9. Въ общественной области культуры проявляются какъ всѣ выше-намѣчавшіяся разновидности преодолѣнія зла, такъ и обѣ другія выше-намѣченныя формы бытія культуры. Мы имѣемъ здѣсь и превращеніе средственныхъ учреждений въ самостоятельно существующіе факты, во вторую, какъ бы мертвую, природу. Учрежденія, нѣкогда возникшія, какъ средство обезпеченія или осуществленія чьихъ либо интересовъ, продолжаютъ существовать частью по инерціи, (впрочемъ, причиною измѣняясь подъ вліяніемъ среды), частью

¹ Настоящій параграфъ, также, какъ и §§ 13—16 извлеченъ изъ работы „Мнимое Мышленіе“, напечатанной въ „Бодромъ Словѣ“ въ 1909 г.

потому, что съ ними въ процессѣ ихъ существованія связываются новые интересы, независимые отъ исходныхъ (гетерогонія цѣлей).

Можно наблюдать и второй отмѣченный выше процессъ, — когда учрежденіе, созданное, какъ средство для преодоленія опредѣленнаго зла, получивъ достаточно сильный изначальный толчокъ, въ дальнѣйшемъ вступаетъ въ самодовлѣющее развѣтвленіе. Такъ, примѣрно, власть въ существѣ своемъ есть явленіе средственное, возникающее какъ подчиненный аппаратъ организационнаго распорядительства, ибо нѣтъ, и въ существѣ своемъ не можетъ быть сколько нибудь сложной организациі безъ властнаго центра. Но власть, разъ установленная, получаетъ такія потенціи дѣйствования, которыя переходятъ въ самостоятельное движеніе уже во имя свое, не для достиженія поставленныхъ задачъ, а для чистаго внѣшняго самоосуществленія.

Какъ бы то ни было, эти явленія производны отъ средственнаго смысла социальныхъ учреждений, вѣчно къ тому же этимъ смысломъ вновь обростають и пронизываются. Въ основномъ — социальная жизнь представляетъ нескончаемый рядъ давлений и золь, и социальное дѣланіе непрерывно направлено на ихъ преодоленіе.

§ 10. Преодоленіе социального зла происходитъ по всѣмъ четыремъ формамъ. Форма устраненія — имѣеть многообразное приложеніе во всевозможныхъ дѣятельностяхъ и учрежденіяхъ; примѣры могутъ быть даны войной, мѣрами гигиены или санитаріи, институтомъ полиціи пресѣченія, системой насажденія просвѣщенія, исправленіемъ желѣзнодорожнаго моста или высушиваніемъ болота. Законодательная реформа есть обычно политическая мѣра преодоленія нѣкотораго социального зла.

Имѣется и обширнѣйшая категория случаевъ, подходящихъ подъ форму уклоненія отъ зла. Если взять явленія всемірно-историческаго значенія, то сюда подойдетъ переселеніе, эмиграція. Образование греческихъ и англійскихъ колоній, завоеваніе Сибири, образованіе казачества и т. п. процессы существенно опредѣляются формой уклоненія (реальнаго) отъ государственнаго, отечественнаго зла. Съ другой стороны, сюда же можно отнести и уходъ изъ даннаго общества уже не физической, а социальный — въ монастырь, въ отшельничество; въ болѣе относительномъ смыслѣ — даже выходъ въ отставку, сложеніе полномочій, отреченіе.

Оправданіе социального зла, претерпѣваніе его въ виду его предполагаемой конечной благодати, или осмысленности въ какомъ то объемлющемъ контекстѣ, или въ виду его неизбѣжности, или характера наименьшаго изъ возможныхъ золь — идетъ прежде всего по линіямъ религіознаго оправданія; но можетъ идти и по линіямъ вмѣщенія синтеза социальности въ синтезъ природы и осмысливанія социального зла во имя избѣжанія худшаго зла, космическаго. Такимъ оправданіемъ можетъ быть и болѣе тѣсное сопоставленіе социальныхъ сферъ разныхъ емкостей.

Наконецъ, и форма отвлеченія отъ зла многообразно примѣняется въ социальной жизни. *Panem et circenses* типичное тому выраженіе. *Circenses* — болѣе глубокая потребность именно въ этомъ смыслѣ, чѣмъ это можетъ казаться съ перваго взгляда. Система праздниковъ, торжествъ, парадовъ, этикета, нарушающихъ періодическое жизненное тягло социальной обрядностью, относится сюда цѣликомъ или частью; частью сюда относится и система наградъ. Сюда же относится и разсѣянное массовое самоотвлеченіе, въ частности физическое (одурающими напечатками, запахами).

§ 11. Необходимо отличать общественное преодоление зла от преодоления общественного зла — что, конечно, не исключает одно другого. Различные виды зла (и в сущности, большинство таковых, поскольку речь идет об явлении скольконибудь широкого захвата) преодолевается путем организованной социальной деятельности. Но самое то преодолевается зло может быть несколько не социальным. Сь другой стороны и социальное включает в себя безчисленные давления, которые подчас могут быть преодолевается и индивидуальным путем. Каково бы ни было зло, оно, действуя по отношению к людям, естественно проявляется в сочетании с человеческой деятельностью, с совокупной человеческой жизнью, и следовательно проявляется сквозь формы социальные, хотя бы само и не было таковым. Отсюда тенденция всякое жизненное зло воспринимать в качестве зла социального, а всякое преодоление зла строить как преодоление социального зла. На этом основана чрезвычайно важными последствиями aberrация — подмены социальным преодолением преодоление зла вообще (*species pro genere*). На социальные учреждения уповают там, где на самом деле они безответственны и ни к чему неприменимы. Подобная aberrация легко отклоняется от подлинного выяснения зла, а следовательно и от возможности его подлинного преодоления; она ведет к разочарованиям, когда обнаруживается неразрешимость поставленной проблемы избранными средствами и способна привести к дополнительному ухудшению зла (или появлению нового), поскольку применяемые к его преодолению средства не находятся в адекватном к нему соотношении.

§ 12. Выше не было проводимо различие между преодолением зла, доосуществляемым в действительности и только попытками, направляемыми на этот результат, но цели своей не достигшими, т. е. между преодолением зла и его отрицанием. При неограниченности зла и непрерывности стремлений к его преодолению, нельзя не ожидать, что исполнится только незначительная часть таковых; наибольшая часть останется попытками, устремлением, не воплощающимся в жизнь, — отрицанием, выливающимся во всевозможных проявлениях, но не ставшим осуществленным преодолением.

Отрицание зла, не находящее выхода в реальное его преодоление, нарастая, вызывает в социальной области явления особого порядка, к которым относятся общественные идеалы.

§ 13. Давление жизни, причиняя людям страдания, угнетая человека, вызывает в нем эмоциональную реакцию — негодование, возмущение, ненависти, презрения — направленную против этого давления. Естественно, что переживания эмоциональной реакции (также как и сама ее восприятия) не распределяются, так сказать, пропорционально жизненному давлению: где-то больше давить — против того и побольше возмущения, а где давить меньше там и возмущения поменьше. У людей не хватило бы силы реагирования на все отрицательное в жизни; психика, переживающая все жизненные толчки и на них откликающаяся, — едина; эмоциональные переживания одно с другим конкурируют за внимание, имеют удельное; более яркие затмивают менее яркие, вытесняют их из сознания (также как конкурируют за внимание и сама восприятия давлений). В психике получается не равнодействующая всех ее состояний, а победа сильнейших. Остаются в качестве длительных, господствующих, наиболее частых, наиболее сильных переживаний; те, которые соответствуют наиболее частым

и большим толчкам жизни, которые соответствуют наибольшему воспринимаемому злу. Борятся люди, как могут, против всякаго угнетающаго ихъ зла; но духовная реакція противъ тяготъ жизни — ихъ эмоціональное отрицаніе — сосредоточивается противъ главнѣйшихъ давленій жизни, идетъ по пути наибольшаго сопротивленія. Это, конечно, для успѣха борьбы имѣетъ важное значеніе, ибо служить сосредоточенію наибольшихъ силъ на труднѣйшія задачи: въ области же идейныхъ построеній отсюда происходитъ слѣдующее.

На главное давленіе жизни (поскольку таковое имѣется) направлена эмоціональная реакція; оно служитъ почти исключительнымъ, во всякомъ случаѣ преобладающимъ, предметомъ ненависти, озлобленія, опасеній; съ его устраненіемъ связываются надежды, упованія, на его устраненіе направлено вниманіе, дѣятельность воображенія. Представимъ себѣ эпохи, когда эти тяготы жизни особенно трудно поддаются устраненію, или и вовсе ему не поддаются; когда реакція на нихъ не находитъ путей проявиться въ разрѣшающей ея дѣятельности, и, скованная въ психикѣ, бурлитъ, накапливаетъ, раститъ эмоціональный нажимъ, направленный по одной линіи; и представимъ себѣ, какъ сложится общественная идеологія, когда при такихъ условіяхъ приступаютъ къ ея построенію теоретизирующіе умы.

Эмоціональный нажимъ направляетъ и ограничиваетъ вниманіе отрицаніемъ главнаго зла данной эпохи (разными группами могущаго восприниматься различно), сосредоточиваетъ на немъ всѣ отрицательныя (отвергающія) эмоціи, связываетъ положительныя (утверждающія) съ его устраненіемъ. Какъ всегда бываетъ при первомъ соприкосновеніи мысли съ какимъ либо предметомъ, она схватываетъ лишь общій его обликъ. Въ особенности-же лишь общій обликъ закрѣпляется въ массовомъ психическомъ обмѣнѣ. И вотъ содержаніемъ общественной идеологіи становится — отрицаніе общаго облика главнаго осознаннаго зла эпохи. А такъ какъ каждое отрицаніе можетъ быть выражено въ положительной формѣ; такъ какъ положительныя эмоціи (надежды, упованія, предвкушенія счастья и пр.) для своей устойчивости требуютъ какого либо положительнаго значка, съ которымъ могли бы плотнѣе связаться, то получается непреодолимое тяготѣніе дать этому отрицанію зла — положительную формулировку. Всякій общественный идеаль и есть только положительная формулировка отрицанія главнаго осознаннаго зла эпохи. Такъ, при осознаніи отрицательности воздѣйствія на государство организацій, какъ церковной, такъ и различныхъ мѣстныхъ, феодальныхъ, городскихъ, — получается идеологія государственнаго суверенитета. Наоборотъ, противъ государственнаго давленія выдвигаются идеалы (въ зависимости отъ эпохи, слоя людей, испытывающихъ это давленіе и пр.) фритредерства, свободы личности, либерализма, анархизма. Когда же (и для кого) въ противоположномъ направленіи даетъ себя чувствовать зло экономической дезорганизованности, — возникаетъ и растетъ идеаль всепасающей единой организаціи производства и распределенія — социализмъ. Противъ золь власти немногихъ надъ большинствомъ выдвигается идеаль государственнаго демократизма, какъ владычества большинства; а противъ золь подавленія большинствомъ меньшинства — идеаль автономизма или анархизма. Въ настоящей работѣ, памѣтающей лишь основную пружину этого процесса, оставляющей въ сторонѣ всевозможныя сплетенія и осложненія, я ограничусь замѣчаніемъ, что эти идеалы

не только являются по происхождению своему отрицаниемъ, но и въ основѣ своего содержанія заключаютъ лишь одно отрицаніе основного зла (въ его общемъ обликѣ) эпохи. Въ нихъ нѣтъ положительнаго идеальнаго содержанія, въ нихъ только положительная формулировка отрицанія. Если въ нѣкоторыхъ случаяхъ такое отношеніе проявляется вполне наглядно, то въ другихъ оно лишь затуманивается тѣмъ, что опорой такой формулировкѣ служить какое нибудь заимствованное изъ дѣйствительности представленіе, неопредѣленно и неограниченно распространенное на всю общественную жизнь — въ соотвѣтствіи съ напряженіемъ эмоціональнаго нажима.

Зло можетъ быть отрицаемо двоякимъ путемъ: утвержденіемъ того, что ему по содержанію противоположно, или установленіемъ того, что его устраняетъ (или обезпечиваетъ его отсутствіе). Первый путь — мысленнаго противоположенія (по несходству), второй — реального противодѣйствія (по несовмѣстимости). Первый независимъ отъ дѣйствительности (утопическій идеализмъ), второй является къ ней приближеніемъ, примѣнительно къ ней строится (реалистическій идеализмъ) являясь какъ бы переходомъ отъ чистаго соціального идеализма къ соціологическому реализму.

§ 14. Такимъ образомъ, общественные идеалы всецѣло соотносительны со „злой эпохой“, и въ этомъ отношеніи къ ней — все ихъ значеніе. Такъ какъ общество въ реальномъ своемъ движеніи стремится устранить угнетающее его зло, и такъ какъ представленіе объ идеалѣ заключается въ обобщенномъ отрицаніи (главнѣйшаго) зла, то и выходитъ, что общественная идеологія въ общемъ направлена въ ту же сторону, какъ и нѣкоторая часть (при томъ наиболѣе болѣзненная) общественнаго движенія даннаго времени. Общество въ идеологіи мыслить по касательной къ той кривой, по которой движется, — или къ одной изъ важнѣйшихъ кривыхъ, опредѣляющихъ его движеніе. Линія идеала и реального движенія могутъ какъ угодно далеко расходиться; ибо идеалъ проецируетъ въ безконечность конкретное и ограниченное напряженіе даннаго момента; поэтому бѣда, если его воплощаютъ въ дѣйствительность. Но онъ вполне можетъ явиться символомъ нѣкоторой части (иногда — важнѣйшей) реально происходящаго, и долженствующаго быть произведеннымъ; въ этомъ смыслѣ онъ можетъ явиться какъ бы малкомъ, расположеннымъ въ томъ направленіи, нѣсколько шаговъ въ которомъ необходимы обществу; какъ бы интеллектуальнымъ значкомъ, служащимъ опорой эмоціональному напряженію.

Не удивительно, что для тѣхъ, въ комъ эмоціональный протестъ выливается въ общественный идеалъ, онъ пріобрѣтаетъ непререкаемый авторитетъ; съ нимъ и только съ нимъ связуются надежды и упованія. Его всеспасающее значеніе кажется „логически“ обоснованнымъ, результатомъ глубочайшей продуманности. Схема ея такова: вѣрно ли, что дезорганизация производства (или дезорганизация власти, или, наоборотъ опека государства или власть меньшинства и пр.) есть основа всѣхъ социальныхъ бѣдъ? Вѣрно. Значитъ, съ устраненіемъ этой причины все будетъ хорошо. Значитъ, съ установленіемъ обратнаго — организациі производства (или неограниченности государственнаго суверенитета, или, наоборотъ, свободы отъ него, или власти большинства и пр.) — все будетъ хорошо.

Фактически здѣсь, разумѣется, происходитъ осложненіе массою разсужденій, иногда сложныхъ социальныхъ изслѣдованій, выносящихъ отдѣльные

промежуточные пункты, подготовительные вопросы; сводящих — помощью глубокомыслия или натяжки — в систему, к единству бездну противоречиваго и пр. Такія изслѣдованія могутъ имѣть сами по себѣ большую цѣнность, совершенно независимую отъ идеологій, послужившихъ поводомъ или двигателемъ къ ихъ произведенію. Роль идеаловъ, при томъ существенная, ограничивается опять таки функціей указателя, куда обратить вниманіе, на что направить пытливость конкретнаго изслѣдованія. Но идеаль этими изслѣдованіями не обосновывается (иначе какъ натяжками); они служатъ лишь импонирующими привѣсками, своей громоздкостью придающими интеллектуальную солидность тому эмоціонально-обусловленному процессу мысли, который къ построенію идеала привелъ. И всеобъждающей начинаетъ казаться мнимая логичность этого процесса, — обращенія въ противоположное отрицательнаго фактора, уединеннаго изъ совокупности и взятаго въ неопредѣленной общности, — между тѣмъ какъ въ дѣйствительности онъ дѣйствуетъ и является зломъ именно въ конкретной совокупности съ другими.

Эмоціональный нажимъ связываетъ съ этимъ „логическимъ“ процессомъ всѣ добрыя чувства, направляя всѣ отвергающія, отрицательныя на то, что не есть идеаль. И получается, между прочимъ, столь-же назойливое, какъ и наивное долбленіе по любому поводу того, что съ наступленіемъ либеральнаго, демократическаго, социалистическаго (или соотвѣтственно какого либо другаго) строя любой данный вопросъ превосходно разрѣшится, и при томъ, что только съ наступленіемъ и пр. Поскольку этимъ люди опредѣляются къ дѣйствию — получаютъ опасныя послѣдствія, ибо въ ихъ сознаніи произошло двойное искаженіе перспективы дѣйствительности, и въ этой искаженной перспективѣ производятъ они свои движенія. Эти искаженія можно назвать абераціями общественнаго идеализма: абераціей изолируемаго зла, и абераціей его неопредѣленной обобщенности.

§ 15. Первоначально, сообразно простотѣ логическаго процесса кажется весьма простымъ и самое осуществленіе идеала: перемѣнить отрицательное свойство на положительное — и вопросъ рѣшенъ. Затѣмъ, по мѣрѣ накопленія опыта того, какъ движенія, совершаемыя въ искаженной перспективѣ, въ дѣйствительности получаютъ совершенно непредвидѣнное и несообразное значеніе, появляется колебаніе. Колебаніе, впрочемъ, касается еще не идеала, а его осуществимости; онъ относится въ историческую даль, оставаясь вполнѣ желательнымъ; онъ становится отдаленнымъ, для нѣкоторыхъ — едва возможнымъ, заключительнымъ звеномъ длиннаго историческаго развитія. На самомъ дѣлѣ, и это лишь эмоціональный обманъ. Осуществимость идеала обыкновенно превышаетъ его желательность. Другое дѣло, можетъ ли онъ получить „полное“ осуществленіе; но въ той мѣрѣ, поскольку тенденція имъ символизиремая, вообще подлежитъ таковому, она нерѣдко можетъ воплотиться и въ сравнительно непродолжительный историческій періодъ и въ несравненно болѣе полной степені, нежели это можетъ быть удобно обществу. Естественно, что въ такихъ случаяхъ происходитъ въ сознаніи людей.

Прежде всего наступаетъ разочарованіе относительно идеала, ибо оказывается, что царствіе Божье на землѣ не наступило. Правда, могли произойти серьезныя улучшенія; но это алчунимъ идеала не такъ ужъ и интересно, тѣмъ болѣе, что улучшенія сопровождаются и нѣкоторымъ новымъ — иногда значительнымъ — ухудшеніемъ, появленіемъ новаго давленія.

Съ этимъ связано разочарованіе относительно тѣхъ, кто раздѣлялъ поверженный идеалъ. У кого относительно самой возможности общественнаго идеала и способности человѣческаго разума его отыскать — сомнѣнія и здѣсь не возникаютъ, у того неизбежно появляется мысль, что носители опровергнутыхъ исторіей общественныхъ идеаловъ могли бы, да не хотѣли, руководствоваться истинной истиной, а руководясь въ обходъ ей своими интересами, дѣйствуя, поскольку это было имъ выгодно, измѣнили, обманули.¹

Однако, несмотря на повторность процесса приходится отмѣтить, что наблюдается тенденція его ослабленія. Это происходитъ въ силу двухъ факторовъ. Съ одной стороны, къ отмиранію мнимыхъ общественныхъ всепоспасающихъ идеологій ведетъ ослабленіе эмоціональнаго нажима. Чѣмъ легче эмоціональная реакція на тяготы жизни можетъ разрѣшиться въ дѣйствіяхъ, направляемыхъ на ихъ устраненіе, тѣмъ меньше будетъ чисто психическое нарастаніе этой реакціи, тѣмъ меньше тяготѣнія къ построенію „идеальныхъ“ общественныхъ концепцій.

Но есть и другая причина отмиранія мнимыхъ идеологій, коренящаяся въ ростѣ общественнаго сознанія и опыта. При построеніи идеала, какъ выше отмѣчено, познаніе схватываетъ въ его общемъ обликѣ основное, выдѣленное эмоціональнымъ нажимомъ зло эпохи. Затѣмъ эмоціональное отрицаніе зла приводитъ къ обращенію этого общаго облика въ противоположное — въ идеалъ. Но поскольку развивается мысль, поскольку растетъ умѣніе разбираться въ соотношеніяхъ дѣйствительности, улавливать ея связи и оттѣнки, постольку и „зло эпохи“ воспринимается все съ большимъ содержаніемъ, все больше обогащеннымъ его конкретностью; очевидно, что при этомъ и всѣ дальнѣйшіе процессы интеллектуальной подготовки его устраненія, связанные этой содержательностью, этой конкретностью, — не могутъ привести къ построенію общаго всепоспасающаго идеальнаго образа, а неизбежно приводятъ къ какимъ-нибудь конкретнымъ же положеніямъ, соотносимымъ съ конкретностью воспринимаемаго зла. Задачей общественныхъ мыслителей становится — опредѣлить узловые пункты зла данной эпохи во всей ея конкретности и, опѣнивъ наличныя реальныя тенденціи и силы, намѣтить пути и формы его устраненія. Къ этому и тяготѣтъ мысль странъ, продѣлавшихъ большой историческій опытъ; къ такой постановкѣ вопроса тяготѣтъ и мысль тѣхъ слоевъ и лицъ, которые въ общественномъ отношеніи прошли большой, болѣе сознательный путь развитія.

Конечно, этотъ переходъ происходитъ не сразу, не для всѣхъ съ одинаковой быстротой, бываютъ различныя промежуточныя образованія. Однимъ изъ таковыхъ является такое положеніе, при которомъ идеологія, замирая, продолжаетъ, однако, существовать въ своей функціи символа; между тѣмъ одновременно съ ней существуетъ уже и реалистичное, политико-общественное

¹ Другой вариантъ объясненія заключается въ томъ, что дѣятели были не на уровнѣ задачи: задача законная и правильная, но люди съ ней не справились. Это объясненіе можетъ быть перенесено со сторонниковъ идеала на ту среду, къ которой идеалъ прилагается: среда недостойна или не подготовлена къ воспріятію или осуществленію идеала. Есть подобныя объясненія имѣютъ общюю пружину то, что переносятъ объясненія непримѣнимости, неудачности или зловредности идеала съ него, какъ нѣкоей мыслямой концепціи, на механизмъ его осуществленія, на посредника, его реализующаго. Тотъ же процессъ — въ конкретизированной формѣ — наблюдается и примѣнительно къ инымъ социально-идеалистическимъ концепціямъ, напр. и примѣнительно къ самодержавію („Милуетъ царь, да не милуетъ царь“).

отношеніе къ социальной работѣ, черпающее свое содержаніе изъ анализа конкретной дѣйствительности. Первая служить флагомъ, приманкой для политически мало развитыхъ слоевъ, лозунгомъ агитаціи; второе — опредѣляетъ дѣятельность, слѣдовательно является потребностью и орудіемъ наиболѣе дѣятельныхъ, вмѣстѣ съ тѣмъ находясь въ соотвѣтствіи съ непосредственнымъ напряженіемъ массъ. Такая комбинація, образецъ которой мы имѣемъ, напр., въ сосуществованіи программъ максимумъ и минимумъ въ социаль демократіи, представляется для извѣстныхъ періодовъ практически достаточно удачной, сохраняя, однако, въ потенціи всѣ опасности, и aberrаціи идеала.

§ 16. Въ странахъ, далекихъ отъ такого состоянія, общественному идеалу приписываютъ важную функцію, независимую отъ его теоретической состоятельности, — вызывать порывъ энергіи, самопожертвованіе, высшее напряженіе человѣческой воли. Примемъ справедливость такого взгляда; но нельзя не усомниться въ правильности его обоснованія. Ибо идеаль связанъ съ высшимъ эмоціональнымъ напряженіемъ не потому, что обладаетъ свойствомъ его вызывать, а главнымъ образомъ, обратно, — потому что самъ вызванъ этимъ эмоціональнымъ напряженіемъ, что является лишь выраженіемъ его.

Волеовое напряженіе въ общественной борьбѣ предшествуетъ идеалу, при нѣкоторыхъ условіяхъ создавая его, какъ свой упрощенный символъ; и только поэтому получается видимость, будто идеаль его вызываетъ. Но отсюда слѣдуетъ, что когда съ ростомъ политико-общественной сознательности борьба съ общественнымъ зломъ производитъ не представленія о далекомъ идеалѣ, а о реальной и близкой общественной задачѣ, — то, если только въ людяхъ нарросло волеовое напряженіе, оно такъ же свяжется съ этой реальной задачей, какъ въ первомъ случаѣ связывается съ далекимъ идеаломъ. Думать иначе — значило бы превратить въ фетишь преходящее созданіе людей, не видя и не довѣряя создающей его, придающей ему живое значеніе — творческой силѣ духа.

§ 17. Идеаль есть продуктъ преодоленія зла, не перешедшаго еще въ дѣйственное его устраненіе, остающагося его мысленнымъ отрицаніемъ. Отсюда и происходитъ то, что онъ мерцаетъ различными, частью противоположными, особенностями. Съ одной стороны въ идеалѣ воплощается напряженная готовность къ борьбѣ со зломъ, съ другой стороны въ немъ можетъ отложиться эта готовность, еще не воплощаемая въ дѣйствительность и, слѣдовательно, реально бездѣйственно. Отсюда общая задача преодоленія зла, создаетъ въ идеалѣ и стимуль къ ея осуществленію и утѣшеніе въ текущихъ бѣдствіяхъ идей благостнаго будущаго (чеховское — „черезъ двѣсти лѣтъ“).

§ 18. Выше было отмѣчено, что содержаніе общественнаго идеала всегда отрицающее, — не только тогда, когда онъ и выраженъ отрицаніемъ (анархія, независимость и пр.), но и тогда, когда выраженъ положительно (соціализмъ, демократизмъ, самодержавіе и др.). Характеръ формулировки зависитъ естественно отъ характера отрицаемаго зла; если отрицается нѣчто вредное своей наличностью, — его отрицаніе будетъ выражено отрицаніемъ явнымъ; если отрицается зло, заключающееся въ недостаткѣ, въ отсутствіи — его отрицаніе приметъ форму положительную. Но, впрочемъ, надо отмѣтить, что такъ какъ функція идеала при отрицаніи зла заключается въ представленіи преодолевающаго зло строя, то тяга къ положительной формулировкѣ (искомаго строя) настолько сильна, что и отрицательное содержаніе (свобода, независимость,

анархія) получаетъ тягу быть воспринятымъ, наполниться содержаніемъ, обрасти ассоціаціями положительнаго характера. Тѣмъ сильнѣе устойчивость положительной формулировки — въ идеалахъ съ содержаніемъ положительнымъ. Но по существу данной положительной формулировкой только отрицается нѣкоторое состояніе, воспринимаемое какъ зло, и только въ этомъ и заключается ея идеальный характеръ — и самый смыслъ. Разнобой частныхъ властей и сильъ отживающаго феодализма отрицается въ представленіи самодовлѣющей (самодержавной) центральной власти монарха; государственная необеспеченность и безправность населенія, зависимаго отъ произвола носителя власти — отрицается въ представленіи власти, устанавливаемой самимъ населеніемъ (демократизмъ); трудности отсутствія согласованности въ самостоятельномъ хозяйничаньи единицъ и бѣдствія недостаточнаго и случайнаго распредѣленія отрицаются концепціей хозяйственнаго всеогласованія и распредѣленія предустановленнаго (соціализмъ) и пр. Смыслъ идеальности не въ томъ, что ея утверждается, а лишь въ томъ, что этимъ утвержденіемъ отрицается.

Этимъ обусловлена опасность, представляемая идеаломъ, при попыткахъ его воплощенія; заключается она въ томъ, что ея положительное содержаніе и вообще несоотносительно съ задачей устроенія жизни (а лишь съ задачей устраненія зла); и потому осуществленіе положительной формулы идеала, поскольку оно оказывается возможнымъ, всегда представляетъ соціальную авантюру.

Возможная для общественныхъ идеаловъ благотворная функція — воплощать общее устремленіе жизненнаго движенія и борьбы — осуществляется ими постольку, поскольку они, какъ идеалы, неосуществляемы и неосуществимы. Опасность, а подчасъ разрушительность наступаетъ при попыткахъ ихъ воплощенія.

§ 19. То обстоятельство, что въ общественномъ идеалѣ выражается отрицаніе общаго облика основнаго соціальнаго зла эпохи, открываетъ возможность классификаціи и даже апріорно исчерпывающаго выведенія возможныхъ идеаловъ. Ясно вмѣстѣ съ тѣмъ, что они оказываются въ исторіи повторными, хотя и въ конкретно различныхъ въ разныя времена окраскахъ и окруженіяхъ.

Различное можетъ оказываться зломъ; ограничиваясь зломъ чисто соціальнымъ приходится отмѣтить, что оно заключается въ свойствахъ самой общественности. Такъ какъ зло берется въ его общемъ обликѣ, то также должны быть взяты и свойства общественности для выясненія заключенныхъ въ нихъ возможныхъ золь. Но такъ какъ степень общности отрицаемаго облика не предопредѣлена въ своей общности, то она можетъ быть взята въ разныхъ степеняхъ отвлеченія, а слѣдовательно и въ разныхъ историческихъ конкретизаціяхъ.

Наиболѣе общая черта общественности — это ея организованность; неотъемлемое свойство организованности — принудительность. Зло можетъ восприниматься въ ихъ наличности (или избыткѣ) или въ отсутствіи (недостаточности). Преодолѣніе зла явится либо отрицаніемъ организованности и принудительности, либо отрицаніемъ отсутствія таковыхъ, т. е. утвержденіемъ ихъ. Отрицаніе принудительности власти — мы имѣемъ въ идеалѣ анархіи; отрицаніе организованной связанности людей — въ идеалѣ личной свободы (абсолютный либерализмъ); отрицаніе организованной связанности группъ въ идеалѣ самоопредѣленія, автономіи, независимости. Наоборотъ полноту отрицанія неорганизованности — мы имѣемъ въ интегральномъ коммунизмѣ; отрицаніе безвластности, безпринудительности — въ этатизмѣ того или иного вида. Такъ какъ организація и власть неразрывны, то собственно отрицаніе

или утверждение обихъ соответственно родственны между собой. Такъ какъ безъ власти и безъ организованности не бываетъ общества, то отрицаніе ихъ мыслимо въ наиболѣе обобщенной формѣ. Отрицаніе же ихъ отсутствія легче складывается въ отрицаніе отсутствія какой либо ихъ конкретизированной разновидности. Соответственно — идеалы организаци и власти обычны въ конкретизированной формѣ какой либо опредѣленной организаци. Такъ коммунизмъ можетъ быть интегральнымъ, но чаще онъ относится специально къ хозяйственной жизни. Этатизмъ, какъ идеалъ, отрицающій безвластіе (или слабость власти), противопоставляется въ конкретизированной формѣ отсутствію чьей либо опредѣленной власти. На болѣе раннихъ ступеняхъ, гдѣ государство воплощается въ именованную конкретность лица или группы, — этатизмъ сводится на монархію или патриціатъ; на болѣе позднихъ стадіяхъ — въ плоскости внѣшне государственной — къ идеѣ имперскаго единства. Въ предѣлахъ этатизма — въ плоскости отношенія личности къ государству, населенія къ центру — отрицаніе именованной монархіи и патриціата приводитъ къ идеѣ абстрактной демократіи.

Идеалы могутъ быть примѣняемы не въ наиболѣе обобщенной формѣ, а въ болѣе частной, примѣнительно къ какой либо отдѣльной области общественности; собственно уже идея свободы, демократіи, самодержавія и пр. суть въ нѣкоторомъ родѣ конкретизаци примѣнительно преимущественно къ политической области; идеалы самоопредѣленія, имперіализма — примѣнительно къ государственно-международной; примѣнительно къ хозяйственной сферѣ — мы получимъ отрицающій хозяйственную самостоятельность личности идеалъ социализма, и отрицающій государственную регуляровку хозяйственной дѣятельности лицъ — идеалъ фритредерства.

§ 20. Изъ предыдущаго вытекаетъ одновременно, что идеалы вѣчны и что они соотносительны эпохѣ и мѣсту. Вѣчны они въ томъ смыслѣ, что категорій общественности не много и слѣдовательно въ общемъ обликѣ не много источниковъ общественнаго зла; а такъ какъ идеалы суть отрицанія именно общаго облика общественнаго зла, то таковыхъ тоже можетъ быть ограниченное число и при томъ предрѣшенныхъ самимъ строеніемъ общества. Они обогащаются конкретнымъ содержаніемъ эпохи и неизмѣнно возвращаются вмѣстѣ съ повторнымъ сосредоточеніемъ общественныхъ бѣдствій преимущественно именно въ данной плоскости общественнаго строенія. Съ переходомъ центра давленій въ другую плоскость старый идеалъ признается отжившимъ, устарѣвшимъ, обманувшимъ, отвергнутымъ. Въ зависимости отъ темперамента и проницательности надъ нимъ издѣваются или только критикуютъ, какъ зловредную ошибку. Затѣмъ, при новомъ сосредоточеніи центра золь на той же сторонѣ общественности, снова можетъ вспыхнуть тотъ же или подобный идеалъ, вызывая новыя надежды, новую вѣру и новыя восторги.

Въ этомъ смыслѣ идеалы непреходящи. Съ другой стороны, они и всецѣло историчны, связаны съ эпохой — и въ ихъ переживаемости и въ ихъ функциі. Ибо становится данное представленіе идеаломъ потому, что отрицаетъ основное зло именно данной эпохи и дѣйствененъ онъ, поскольку отвѣчаетъ и согласуется съ реальнымъ противодѣйствіемъ этому злу.

Таково значеніе идеала — по своей претензіи вѣчнаго и всеразрѣшающаго, по своему дѣйствію — всецѣло условнаго и преходящаго.

§ 21. Выше были отмѣчены тѣ aberrации и опасности, которыя онъ въ себѣ таитъ. Особенно разрушительнымъ онъ становится тогда, когда не вы-

растает нормально из обстановки и атмосферы данной общественной среды, а устанавливается путем психического заражения и переноса из среды чужой (в которой он и произошел органически). Здесь сохраняются отрицательные и опасные стороны его идеальности, но вместе с тем отсутствует созвучность с реальным процессом преодоления — символичность и показательность для него.

Идеалы появляются, живут и умирают в сложном взаимодействии с совокупной духовной жизнью эпохи. Они наследуются от прошлого по путям традиции; инерцией словесных закреплений извлекаются из жизненной изменчивости, игрой психического заражения передаются от общества к обществу или — в некоторой степени, даже от культуры к культуре. В их застывших формах подчас незаметно зрелище нового содержания и наоборот старое содержание цѣпляется и за новые формы. На них воздействуют жизненные условия и привычки, бытовые учреждения и характер работы. Темперамент и способность воображения переживающего их коллектива дают им окраску и индивидуализацию.

Вместе с тем они выдѣлимы в понятия. Эти понятия, сочетая по разному лишь небольшое число отношений, подлежат систематическому анализу и сопоставлению, построению или выведению — из общих им или контрастных, из восполняющих или коллидирующих элементов. Это дает основу для их диалектического развертывания.

В настоящей работе идеал был рассмотрен реалистически, как бы в истории его становления, но вместе с тем и формально, как в диалектике его содержания; формально — в отличие от истории, реалистически — в отличие от диалектики. Задачей было нащупать основную пружину его производящую, а отсюда — его смысл и функцию. Задача отрицания главного зла эпохи в его общем облике есть тот стержень, к которому тяготеют и около которого вращаются, отклоняясь и осложняясь, многообразные воздействия под которыми создается и живет идеал. Эти воздействия кристаллизуют содержание в форму идеальности постольку, поскольку они к этому стержню тяготеют. Как бы ни были многообразны и случайны конкретизации и отклонения; как бы раз образованный идеал ни заставался и ни осложнялся; как бы он ни подлежал диалектическому рассмотрению вне соответствия с живым процессом отрицания испытываемого зла, — но только в мере этого соответствия, он будет живым, переживаемым и действующим; этим соответствием определится вытеснение им других идеалов, неизбежность отмирания (хотя, может быть, и не срок) и смена новым (хотя и не его воплощение).

И как становление — так определяется этой пружинной и смысл и функция идеала. Отсюда проистекают и его опасности, вред и польза, — как проявления того несовершенства и приблизительности, которая свойственны ему, как примитивному орудию общественной работы (преодоления общественного зла). Больше совершенные и точные общественные приспособления предполагают и приводят как к выявлению зла уже в его конкретности и определенности, так и к процессам преодоления, направляемым в такой же определенной конкретности — без обобщенной смутности, без обольщающей всеразрешимости, без разрушительных aberrаций общественного идеала.

Уголовное право послѣ войны

(Опытъ схематическаго обзора)

А. Л. Маклецова

I

Европа и весь міръ до сихъ поръ несутъ на себѣ тяжкое бремя послѣдствій истребительной и жестокой войны. Мирная работа по восстановленію и укрѣпленію основаній новаго хозяйственнаго и правового порядка налаживается медленно. И все же мы наблюдаемъ поучительный процессъ соединенія нарушенныхъ тканей, созиданія новыхъ явившихся въ результатъ войны государственныхъ образований, присутствуемъ при первыхъ попыткахъ восстановления международныхъ культурныхъ и научныхъ связей.

Война не только вырвала изъ міроваго хозяйственнаго оборота огромную массу матеріальныхъ цѣнностей, она породила взаимное ожесточеніе, нарушила относительное равновѣсіе правовыхъ и моральныхъ отношеній въ общественной средѣ и вызвала во всѣхъ странахъ, даже въ войнѣ непосредственно не участвовавшихъ, чрезвычайное возрастаніе противообщественныхъ и преступныхъ инстинктовъ, ярче всего свидѣтельствуемое повсемѣстнымъ ростомъ преступности.

Было бы весьма важно прослѣдить процессъ приспособленія общественной среды и государства къ новымъ условіямъ послѣвоеннаго существованія вообще и въ частности въ специально интересующей насъ области уголовного права и уголовной политики. Авторъ настоящаго обзора ставитъ себѣ, однако, гораздо болѣе скромную и ограниченную задачу. Въ первой части своего схематическаго очерка онъ имѣетъ въ виду подвести краткій итогъ тѣмъ утратамъ, которыя понесла за послѣдніе годы наука уголовного права въ „личномъ составѣ“ своихъ наиболѣе видныхъ представителей, а во второй части — также кратко охарактеризовать новыя явленія въ области уголовно-матеріальнаго законодательства послѣ войны.

II

Наука уголовного права въ теченіе послѣднихъ лѣтъ понесла рядъ весьма тяжелыхъ утратъ. Одинъ за другимъ сошли въ могилу основатели Международнаго Союза Криминалистовъ — Ванъ-Гамель (Голландія), Прэнсъ (Бельгія), Францъ фонъ Листъ (Германія), предсѣдатель швейцарской группы проф. Альфредъ Готье и генеральный секретарь Союза д-ръ Розенфельдъ, проф. Гансъ Гроссъ, а въ самое послѣднее время трагически погибъ предсѣдатель Русской Группы М. С. К.¹ — В. Д. Набоковъ. Изъ криминалистовъ, не примыкавшихъ

¹ Сокращенное названіе М. С. К. здѣсь и въ дальнѣйшемъ обозначаетъ — Международный Союзъ Криминалистовъ.

къ научному теченію, которое объединялъ М. С. К., отошли въ вѣчность К. Биндингъ, I. Колеръ, К. фонъ Биргмейеръ.

Каждый изъ названныхъ первостепенныхъ дѣятелей заслуживалъ бы подробной и внимательной оцѣнки. Въ этомъ краткомъ обзорѣ мы должны ограничиться лишь немногими словами.

Профессоръ Берлинскаго университета Францъ фонъ Листъ совмѣщаль въ себѣ качества первокласснаго ученаго, неутомимаго пропагандиста идеи преобразованія уголовного права въ духѣ соціологической школы, однимъ изъ основателей которой онъ являлся, и роль международнаго „учителя“ уголовного права, въ криминалистической семинаріи, а затѣмъ институтъ котораго стекались молодые ученые всего міра. Его замѣчательный учебникъ уголовного права на нѣмецкомъ языкѣ разошелся въ 23 изданіяхъ¹ и былъ переведенъ на русскій, французскій, испанскій, японскій, сербскій, португальскій и ново-греческій языки. Главнѣйшіе статьи и доклады Листа (до 1905 г.) собраны въ двухтомномъ сборникѣ „Strafrechtliche Aufsätze und Vorträge“. Листъ явился основателемъ лучшаго криминалистическаго журнала „Zeitschrift für die gesamte Strafrechtswissenschaft“, созданнаго имъ вмѣстѣ съ Духовымъ въ 1881 г. и представляющаго живую лѣтопись научнаго движенія въ области науки уголовного права за послѣднія 40 лѣтъ. Журналъ былъ дѣйствительно международнымъ органомъ; въ немъ участвовали криминалисты различныхъ національностей, въ частности, изъ русскихъ — И. Я. Фойницкій, М. П. Чубинскій, Понтовскій, Мокринскій и др. Кромѣ того, Листъ принималъ ближайшее участіе въ журналахъ „Monatsschrift für Kriminalpsychologie und Strafrechtsreform“ и „Deutsche Strafrechtszeitung“. Подъ его редакціей вышли три серіи весьма цѣнныхъ „Abhandlungen des Kriminalistischen Seminars (Instituts) der Universität Berlin“, — большою частью работы его учениковъ, изъ которыхъ многіе, напр., Радбрухъ, Экснеръ, Э. Шмидтъ, Делаки, Зауэръ и др. сами заняли видное мѣсто въ наукѣ права. Нельзя не отмѣтить также участія Листа въ связанныхъ съ реформой уголовного права въ Германіи монументальныхъ изданіяхъ „Vergleichende Darstellung des deutschen und ausländischen Strafrechts“ и „Strafgesetzgebung der Gegenwart“. Если вспомнить, что въ теченіе 25 лѣтъ Листъ руководилъ работами М. С. К. и его нѣмецкой группы, что онъ былъ членомъ германскаго рейхстага и прусскаго ландтага, что помимо своей основной спеціальности онъ приобрѣлъ высокій авторитетъ въ области международного права², то и этимъ едва ли будетъ исчерпана необычайно разносторонняя дѣятельность этого замѣчательнаго ученаго. Оцѣнкѣ дѣятельности Листа въ русской литературѣ въ свое время посвящены были большая работа покойнаго В. В. Пржевальскаго въ „Сборникѣ правовѣднія и общественныхъ знаній“ и блестящій очеркъ „Биндингъ и Листъ В. Д. Набокова въ журналѣ „Право“.³

¹ Последнее изданіе вышло уже послѣ смерти Ф. фонъ Листа въ 1921 году подъ редакціей б. ассистента проф. Листа, проф. Эбергардта Шмидта.

² Классическій учебникъ Листа по международному праву также былъ переведенъ на русскій языкъ и принятъ въ качествѣ руководства въ многихъ русскихъ университетахъ.

³ Оцѣнкѣ Листа посвящены въ последнее время многочисленныя статьи: Кольрауша, Диленталя, ф. Гиннели въ „Zeitschrift für die ges. Strafrechtsw.“ за 1919 г., Лиденана въ D. Str. R. Z. за тотъ же годъ, швейцарскаго ученаго Гафтера въ „Schweiz. Zeitschr. für Strafrecht“ (Bd. 32), датскихъ криминалистовъ Карла Торпа и Франца Даля въ „Nordisk Tidsskrift for Strafferet“. Въ 1920 г. русское юридическое общество въ Бѣлградѣ заслушало докладъ профессора М. П. Чубинскаго о Листѣ, Ванъ-Гамелѣ и Прансѣ, какъ основателяхъ М. С. К.

Голландскій ученый Ванъ-Гамель, умершій въ 1917 году, раздѣляетъ съ Листомъ и Прэнсомъ заслугу созданія международнаго союза криминалистовъ. Онъ былъ неизмѣннымъ и вліятельнымъ участникомъ всѣхъ важнѣйшихъ съѣздовъ Союза и пенитенціарныхъ конгрессовъ. Принадлежа къ социологической школѣ, онъ примыкалъ къ болѣе радикальному ея теченію, сблизившему его съ итальянской позитивной школой. Подробная оцѣнка его заслугъ передъ наукой дана въ одной изъ послѣднихъ статей его друга, профессора Ф. фонъ Листа.¹

Въ 1920 году умеръ третій основатель М. С. К., бельгійскій ученый Адольфъ Прэнсъ. Его работа „Science pénale et droit positif“ (1899) и позднѣйшая „La défense sociale et les transformations du droit pénal“ (1910)² оказали весьма значительное вліяніе на формулировку основныхъ положеній социологической школы въ наукѣ уголовного права. Въ частности именно Прэнсомъ поставленъ съ особой опредѣленностью вопросъ о замѣнѣ критерія вмѣняемости критеріемъ т. н. „опаснаго состоянія преступника“ („état dangereux du délinquant“). Прэнсъ, по мѣткой характеристикѣ Листа, соединялъ въ себѣ богатство знаній, широту и остроту мысли, яркость изложенія, — качества, которыя дѣлали его незамѣнимымъ посредникомъ между романской и германской наукой. Въ началѣ 1914 года всѣ три основателя М. С. К. принимали участіе въ празднованіи 25-лѣтія со дня основанія Союза, и въ томъ же году война принесла съ собою разрывъ международныхъ связей и личный разрывъ между нѣмцемъ Листомъ и бельгійцемъ Прэнсомъ.³ Предсѣдатель швейцарской группы М. С. К., профессоръ Женевского университета Альфредъ Готье (умеръ въ 1920 г.) являлся дѣятельнѣйшимъ участникомъ работъ по объединенію уголовного законодательства Швейцаріи и однимъ изъ руководителей журнала „Revue pénale Suisse“ Долголѣтній генеральный секретарь М. С. К., умершій въ 1918 г. Розенфельдъ пользовался заслуженной репутаціей выдающагося криминалиста-практика, являясь, вмѣстѣ съ тѣмъ, авторомъ цѣнныхъ работъ по тюремновѣдѣнію и редакторомъ „Mitteilungen der I. K. V.“, представляющихъ драгоценное пособіе для изученія реформаціоннаго движенія въ уголовномъ правѣ за послѣдніе 25 лѣтъ.

Въ лицѣ профессора Ганса Гросса (умеръ въ 1916 г.) наука уголовного права потеряла основателя „криминалистики“ въ специальномъ смыслѣ этого слова, какъ систематическаго ученія о научныхъ методахъ изслѣдованія преступления, и создателя перваго института этого рода въ Грацѣ. Этотъ скромный австрійскій городъ сдѣлался въ связи съ этимъ своего рода Меккой для всѣхъ интересующихся новой отраслью знанія. Основной трудъ Г. Гросса, его „Handbuch für Untersuchungsrichter als System der Kriminalistik“, выдержалъ на

¹ Zeitschrift für die ges. Str.-R.-Wiss., 1917 г. стр. 553 и сл.

² Эта блестящая работа бельгійскаго ученаго была переведена на русскій языкъ подъ редакціей проф. Фельдштейна.

³ Ср. M. Vesnitch. Un criminaliste-sociologue belge A. Prins. R. pénit. 1920, стр. 59 и сл. Швейцарскій ученый Delaquis, отмѣчая смерть основателя М. С. К., выражаетъ пожеланіе о скорѣйшемъ восстановленіи международныхъ связей вообще и въ области уголовного права и уголовной политики въ частности. „Die Wissenschaft läßt sich nun einmal nicht an Landesgrenzen binden, der wissenschaftlichen Arbeit darf der Grenzpfahl hemmend nicht im Wege stehen. Je schneller man sich dieser Tatsache wieder bewußt wird, um so größer werden die Erfolge sein. Dessen stets eingedenk zu bleiben, mahnen uns die Namen G. A. van Hamel, Franz v. Liszt und Adolphe Prins.“ Ernst Delaquis, Ausländische Umschau, Zeitschr. für die ges. Str.-R.-Wiss., 1920, стр. 243.

нѣмецкомъ языкѣ 6 изданій и былъ переведенъ на русскій языкъ. Г. Гроссѣ имѣлъ многочисленныхъ учениковъ и послѣдователей въ разныхъ странахъ въ лицѣ Ничефоро, Линденау, Штраффелла, Вейнгарта, Рейсса, въ Россіи — Трегубова и др. Г. Гроссомъ созданъ въ 1899 г. извѣстный научный органъ „Archiv für Kriminalanthropologie und Kriminalistik“, нынѣ продолжаемый учениками Гросса подъ названіемъ „Archiv für Kriminologie“.

Наиболѣе горестной и наиболѣе близкой для насъ является безвременная трагическая смерть В. Д. Набокова, предсѣдателя русской группы М. С. К. и одного изъ самыхъ блестящихъ представителей новой генерациі русскихъ криминалистовъ. Оцѣнка роли и значенія В. Д. Набокова въ наукѣ уголовного права не можетъ быть дана въ предѣлахъ этого краткаго схематическаго обзора.¹ Мы ограничимся здѣсь указаніемъ на то, что оставленное В. Д. Набоковымъ литературно-научное наслѣдство („Учебникъ уголовного права“, „Сборникъ статей по уголовному праву“, многочисленные этюды, доклады, и статьи, напечатанные въ русскихъ юридическихъ журналахъ и въ „Mitteilungen der I. K. V.“) представляютъ собой единый живой откликъ на всѣ главнѣйшія проблемы, выдвигавшіяся наукой уголовного права и обстановкой русской правовой жизни за послѣдніе 25 лѣтъ. Работы В. Д. Набокова представляютъ собою рѣдкое соединеніе глубины мысли и благородной простоты научнаго стиля. Руководство работой Русской Группы М. С. К. В. Д. Набоковъ принялъ на себя послѣ Кіевскаго Съѣзда Группы въ 1905 г., вызвавшаго уходъ перваго предсѣдателя И. Я. Фойницкаго. Существенныя расхожденія во взглядахъ не мѣшали В. Д. Набокову высоко цѣнить заслуги своего выдающагося предшественника.² Въ работу М. С. К. и его русской группы В. Д. Набоковъ вносилъ весьма цѣнный элементъ: будучи сторонникомъ преобразования уголовного права въ духѣ идей М. С. К., В. Д. Набоковъ былъ одинаково чуждъ какъ ученаго рутинерства, такъ и безогляднаго и некритическаго радикализма. В. Д. Набоковъ не терялся въ блестящемъ созвѣздіи руководителей междунагоднаго общенія криминалистовъ и съ полнымъ достоинствомъ представлялъ въ немъ русскую науку уголовного права.

Изъ выдающихся криминалистовъ, стоявшихъ внѣ научнаго движенія, связаннаго съ М. С. К. и въ значительной мѣрѣ ему антагонистичныхъ, въ послѣдніе годы сошли въ могилу Карлъ Виндингъ, Иозефъ Колеръ и Карлъ фонъ Биркмейеръ.

Умершій въ 1920 г. въ глубокой старости, 79 лѣтъ, Карлъ Виндингъ извѣстенъ прежде всего какъ авторъ созданной имъ теоріи нормъ (Normentheorie), которая положена имъ въ основу всего ученія о преступленіи. Это былъ трудъ всей жизни замѣчательнаго ученаго, вновь пересмотрѣнный имъ въ послѣдніе годы. Послѣдняя часть его опубликована была уже послѣ его смерти.³ Краткое резюме этого изслѣдованія было дано Виндингомъ въ вы-

¹ Ср. нашу статью „В. Д. Набоковъ — ученый“ въ газетѣ „Рулъ“, 1922 г., № 425.

² Ср. ст. В. Д. Набокова о Фойницкомъ, какъ первомъ предсѣдателѣ М. С. К. „Mitteilungen der I. K. V.“ за 1914 г.

³ Die Normen und ihre Übertretung. Eine Untersuchung über die rechtmäßige Handlung und die Arten des Delikts von Dr. jur. und phil. Karl Binding, I. Bd., 3. Aufl. II. Bd., 1. Hälfte, 2. Aufl., 1914. II. Bd., 2. Hälfte, 1916. III. Bd., 1918. IV. Bd., 1. Abt. 1919, IV. Bd., 2. Abt., Schlußband mit Sachregister. 1920. Первый томъ заключаетъ въ себѣ ученіе о нормѣ, второй — ученіе о винѣ умысленной, третій — о вліяніи ошибки въ уголовномъ правѣ, четвертый — о винѣ неосторожной.

шедшей въ самое послѣднее время работъ „Die Schuld im Deutschen Recht. Kurzes Lehrbuch“. Многочисленные статьи Виндинга были собраны въ двухтомномъ сборникѣ п. н. „Strafrechtliche und strafprozessuale Abhandlungen.“ Теорія Виндинга оказала значительное влияние на русскую науку и въ частности положена въ основу учения о преступленіи въ лекціяхъ Н. С. Таганцева. Его исключительная эрудиція и блестящій лекторскій талантъ привлекали въ Лейпцигъ большое число слушателей изъ разныхъ странъ, въ томъ числѣ и изъ Россіи.¹

Покойнаго Юзефа Колера (умеръ 70 л. въ 1919 г.) одинъ изъ его биографовъ характеризуетъ, какъ „der universellste Geist unter den Juristen der letzten Generation“. Дѣйствительно, не было области права, въ которой онъ не оставилъ бы болѣе или менѣе замѣтнаго слѣда. Будучи убѣжденнымъ сторонникомъ историческаго и сравнительнаго метода въ правовѣдѣніи², онъ оставилъ не только цѣнный изслѣдованія въ области исторіи источниковъ германскаго уголовного права, среди которыхъ особо должна быть отмѣчена „Die Carolina und ihre Vorgängerinnen“, но и исторіи права мало изслѣдованныхъ и далекихъ народовъ (Ср., напр. „Über Chinesisches Strafrecht“). Въ области криминалистической журналистики онъ имѣлъ большія заслуги, какъ продолжатель извѣстнаго „Goldamners Archiv für Strafrecht“, который, къ сожалѣнію, вскорѣ послѣ смерти Колера прекратилъ свое существованіе на 70 году своего изданія. Нѣкоторыя сочиненія Колера были переведены на русскій языкъ, въ томъ числѣ пользовавшаяся широкой извѣстностью книга „Shakespeare vor dem Forum der Jurisprudenz“ (послѣднее нѣмецкое изданіе этой книги вышло въ 1919 г., съ портретомъ автора).³

Въ лицѣ умершаго въ 1919 г. Карла фонъ Биркмейера сошелъ со сцены руководитель того течения въ классической школѣ уголовного права, которое въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій пыталось энергично отстаивать старія позиціи отъ сокрушительныхъ ударовъ, наносимыхъ имъ со стороны криминалистическо-новаторовъ и прежде всего фонъ Листа и его школы. Основной тезисъ формулированъ имъ весьма лапидарно въ словахъ: „In erster Linie vergelten, daneben aber auch durch die Strafe sichern“. Этотъ тезисъ Биркмейеръ обосновываетъ въ своей работѣ „Schuld und Gefährlichkeit“ и въ полемическомъ сочиненіи противъ Листа „Was läßt von Liszt vom Strafrecht übrig?“⁴ Биркмейеру удалось объединить вокругъ себя почти всѣхъ сторонниковъ классическаго направленія въ Германіи въ извѣстной серіи, — большей частью, полемическихъ — работъ подъ общимъ названіемъ „Kritische Beiträge zur Strafrechtsreform“, (работы Белинга, Колера, Гретенера, Наглера, Р. Шмидта и ря-

¹ См. ст. „Karl Binding“ въ „DStrRZ“, 1920 № 3—4, стр. 23.

² Въ этомъ отношеніи характерно, что въ качествѣ motto для своего „Lehrbuch der Rechtsphilosophie“, Колеръ избралъ слѣдующія слова Ницше: „Solange die Rechtswissenschaft sich nicht auf einen neuen Boden stellt, nämlich auf die Historien- und Völker-Vergleichung, wird sie bei dem unnützen Kampfe von grundfalschen Abstraktionen verbleiben...“ Nietzsche, Wille zur Macht 744.

³ См. о Колерѣ ст. Klee, Kohlers Wirken auf dem Gebiete des Strafrechts und Völkerrechts. Arch. für Strafrecht und Strafprozeß, Bd. 68 и статью о немъ безъ указанія автора въ DStr.RZ, 1919, № 7—8.

⁴ Ср. также v. Birkmeyer, „Studien zu dem Hauptgrundsatz der modernen Richtung im Strafrecht: Nicht die Tat, sondern der Täter ist zu bestrafen“.

да других). Для истории доктрины уголовного права и уяснения содержания и смысла борьбы двух ее основных течений в первой четверти 20 века, работы Биркмейера и его группы сохранять, несомненно, свое значение.¹

III

Обзор новых явлений в области уголовного законодательства за последние годы может быть дан в настоящей статье также только схематически. Война прервала, но не прекратила окончательно начавшуюся ранее работу по созданию новых уголовных кодексов в Германии, Австрии, Швейцарии, Дании и Швеции. Во всех новых государствах, образовавшихся после войны (Чехословакия, Польша, Королевство С. Х. С.), также приступлено к созданию собственных национальных уголовных кодексов. В самое последнее время началась работа по составлению нового уголовного кодекса в Италии.

В Германии до войны были опубликованы первый официальный проект нового уголовного уложения с объяснительной к нему запиской, известный контр-проект (*Gegenentwurf*), разработанный по частному почину Листомъ, Калемъ и др., а в год войны стали в основных чертах известными результаты работ комиссии по выработке новой редакции проекта.² Но полный текст коммиссионного проекта опубликован не был, что вызвало естественное неудовольствие юридических кругов и печати.³ Только в самое последнее время, наконец, были официально опубликованы все проекты, относящиеся к уголовно-материальному праву.⁴ Можно предполагать, что вышедшие отдельно проекты, касающиеся т. н. *Jugendstrafrecht*, получают силу закона ранее, чем общий проект уголовного кодекса, ибо растущая дѣтская безпризорность и преступность, с одной стороны, и предусматриваемое проектами объединение в имперском масштабѣ мѣропріятій по борьбѣ съ этими явлениями, с другой, являются моментами, способными объединить представителей различных политических группировок.

Проекты эти призваны сыграть ту же роль объединения и консолидации законодательства о дѣтях, какъ и получившій мировую известность англійскій *Children Act*.⁵ Что касается самого основного проекта уголовного кодекса, то обострившаяся в Германии борьба политических групп и общее напряженное международное положение заставляют думать, что полного об-

¹ См. Prof. Dr. Joh. Nagler, Birkmeyers Bedeutung für die Strafrechtswissenschaft. DStrRZ, 1920, № 3—4, стр. 119—121.

² Ср. Ebermayer, Der Entwurf zu einem Deutschen Strafgesetzbuch nach den Beschlüssen der Strafrechtskommission. 1914.

³ Ср. напр., v. Hippel, Tagesfragen, „Zeitschr. für die ges. Str.-R.-Wiss.“, 1921, стр. 203.

⁴ Entwürfe zu einem Deutschen Strafgesetzbuch. Veröffentlicht auf Anordnung des Reichsjustizministeriums. Erster Teil. Entwurf der Strafrechtskommission. — Zweiter Teil. — Entwurf von 1919. — Dritter Teil. Denkschrift zum Entwurf von 1919. Кроме того, опубликованы выдѣленные изъ общаго уголовного кодекса проекты, относящіяся къ т. н. „дѣтскому праву“: 1) Entwurf eines Jugendgerichtsgesetzes, содержащій не только процесуальныя, но и уголовно-материальныя постановленія и 2) Entwurf eines Jugendwohlfahrtsgesetzes.

⁵ См. v. Lilienthal, Der Entwurf eines Jugendgerichtsgesetzes. DStrRZ., 1920, № 3—4. Dr. Friedberg, Die Jugendgesetzentwürfe, D. Juristen-Zeitung, 1920, № 7—8, Bovensiepen, Der Entwurf eines Reichsjugendwohlfahrtsgesetzes, „Soziale Praxis“, 1920, № 38.

новления своего уголовного законодательства Германия будет ждать еще несколько лет.¹

Необычайно затянувшаяся работа по реформе уголовного права в Австрии, столь нуждающейся в коренном пересмотре своего совершенно устаревшего уголовного кодекса, до сих пор не пришла к своему завершению.² Отметим здесь, что в порядке текущего законодательства в Австрии законом 3 апреля 1919 г. отменена смертная казнь в гражданской и военной юстиции вне обстановки военного времени. Проект об отмене смертной казни был принят парламентом без возражений,³ хотя еще несколько лет назад предложение об отмене смертной казни вызвало страстные дебаты на съезде юристов в Вьне и было отвергнуто большинством съезда.

Работа по объединению уголовного законодательства Швейцарии, продолжающаяся 30 лет, повидимому, приближается к концу. Как известно, Швейцария, объединившая свое законодательство в области гражданского права, до сих пор представляет необычайно пеструю картину в области уголовного законодательства: в ней действуют 22 кантональных уголовных кодекса. В 1893 году начата работа по созданию единого общешвейцарского кодекса, руководящую роль в которой играли выдающийся криминалист К. Штоос, создавший проект при сотрудничестве Мюллера, Цурхера, Готье и в последнее время Делаки. 23 июля 1918 г. опубликована окончательная редакция проекта, которая передана на рассмотрение Союзного парламента (Ср. Botschaft des Bundesrates an die Bundesversammlung vom 23. Juli 1918).⁴

Венгрия, пережившая кратковременное господство большевистской власти, некоторое время претерпевала законодательные эксперименты коммунистов и в области уголовного права. Выступив с весьма широковещательной программой, возвыщавшей, что Венгрия должна стать в области уголовного права „образцом для всех стран“, коммунисты при переходе к практической работе обнаружили полное свое банкротство, а в преследовании своих политических противников руководились мстостью и совершенным произволом.⁵ После свержения большевизма в Венгрии наступила реакция, влияние

¹ Проект германского уголовного уложения в его новейшей редакции был предметом обсуждения на съезде германской группы М. С. К. в Лейп в мае 1921 г. На коренной вопрос: „Soll der neue Strafgesetzentwurf vorbehaltlich wünschenswerter Verbesserungen Gesetz werden oder nicht?“ съезд ответил утвердительно, подвергнув специальному обсуждению вопрос о карательной системе и т. н. мѣрах охраны.

² О новейшем законодательстве Австрийской республики см. Graf Gleispach, Strafgesetzgebung der Republik Österreich. Schweiz. Zeitschr. für Strafrecht, 1920, № 1—2.

³ „Nicht eine einzige Stimme erhob sich zugunsten der Todesstrafe. Auch die Presse machte nicht viel Aufheben davon. Die Todesstrafe wurde sozusagen intramuran hingerichtet.“ F. Kadejka, Neuerungen auf dem Gebiete des Strafrechts und des Strafverfahrens in Deutsch-Österreich. DStrRZ., 1919, стр. 155.

⁴ Ср. статью К. Stoos в Schweiz. Zeitschrift für Strafrecht за 1918, посвященную сопоставлению первого проекта 1893 г. и послѣднего 1918 г. также Thormann, Schweizerisches Strafrecht. Rektoratsrede gehalten bei der 84. Stiftungsfeier der Universität Bern 14. Dez. 1918. Bern 1919 Delaquis, Über Bedeutung und Umfang der Strafrechtseinheit (Verhandlungen des Schweizerischen Juristenvereins). — Hafter, Die kommanden Strafgesetzbücher в сборнике „Die Zukunft des Strafrechts“, 1920.

⁵ Ср. G. Auer, Bolschewistenstrafrecht in Ungarn. DStrRZ., 1919, № 9—10; его же Bolschewistenprozesse in Ungarn. Ibid. 1920, № 5—6. Давая оценку большевистского правотворчества, Аурер вспоминает слова Мартина Лютера из его послания „An den christlichen Adel“: „Nicht über Menschen, sondern über Säu und Hunden sollten solche Leute regieren.“

которой въ области уголовного права выразилось въ восстановленіи тѣлеснаго наказанія для взрослыхъ за цѣлый рядъ преступленій противъ личности и имущества.¹

Изъ сѣверныхъ странъ въ Швеціи подготовительныя работы по составленію проекта новаго уголовного кодекса, начатыя еще въ 1888 году, въ настоящее время приходятъ къ своему окончанію. Последняя редакция проекта относится къ 1918 г.²

Въ Даніи прежній проектъ 1918 г., связанный съ именемъ К. Гооса, въ настоящее время кореннымъ образомъ переработанъ, по порученію правительства, копенгагенскимъ профессоромъ и виднымъ дѣятелемъ М. С. К. К. Торпомъ. Проектъ Торпа устраняетъ смертную казнь, имѣвшуюся въ проектѣ Гооса (фактически въ Даніи уже давно не примѣняемую), упрощаетъ систему наказаній лишеніемъ свободы (всего два вида заключенія) и намѣчаетъ широко развитую систему мѣръ охраны (интернированіе многократныхъ рецидивистовъ, рабочей домъ для тунеядцевъ и вообще паразитарныхъ преступниковъ, мѣры въ отношеніи хроническихъ алкоголиковъ). Проектъ предусматриваетъ условное освобожденіе и реабилитацію. Особенная часть разработана подъ влияніемъ Норвежскаго Уголовнаго Ул. 22 мая 1902 г.³

Вновь образовавшимися послѣ войны славянскимъ государствамъ — Польшѣ и Чехословакии и почти въ пять разъ возросшему территориально по сравненію съ прежней Сербіей Королевству С. Х. С. — приходится въ области законодательства имѣть дѣло съ большимъ и сложнымъ наслѣдствомъ, которое далеко не всегда обогащаетъ, а нерѣдко и отягощаетъ молодыя государства, получившія это наслѣдіе.

Такъ, въ предѣлахъ Чехословацкой Республики дѣйствуютъ два уголовныхъ кодекса: въ Словакии и Подкарпатской Руси — б. Венгерское уголовное Уложеніе 1878 г., вошедшее въ дѣйствіе въ 1880 г., а въ прочихъ частяхъ Республики совершенно устарѣвшее австрійское уголовное уложеніе 1852 г., являющееся, въ сущности, нѣсколько усовершенствованнымъ изданіемъ еще болѣе стараго уложенія 1802 года. Естественно, что потребность объединенія уголовного права, съ одной стороны, и его усовершенствованія и приспособленія къ новымъ условіямъ государственной жизни, съ другой, вызываетъ необходимость собственнаго національнаго кодекса. Образованная въ іюнѣ 1921 года Министерствомъ юстиціи коммисія специалистовъ единодушно высказалась за скорѣйшее проведеніе общей коренной реформы уголовного права. Коммиссія, подъ предсѣдательствомъ выдающагося чешскаго криминалиста профессора Пражскаго Университета Миржичка, выработала проектъ общей части уголовного уложенія Чехословацкой Республики, опубликованный

¹ G. Auer, Zum Wiederaufbau der Rechtsordnung in Ungarn. D.-Str.-R. Z., 1920, 11/12. По поводу мотивовъ восстановленія тѣлеснаго наказанія авторъ замѣчаетъ слѣдующее: „Wie man auf die Idee kam, das Heilmittel in der Renaissance die Prügelstrafe zu suchen, läßt sich wohl schwer nachweisen. Vielleicht war nur der Wunsch der Vater des Gedankens, dem es zuzuschreiben, daß bald nach Zusammenbruch der Räterepublik man an allen Ecken munkelte, daß die unbändigen Elemente am besten durch die Wiedereinführung dieser Körperstrafe zu bezähmen wären“ Ibid., стр. 354.

² Thyren, Vorentwurf zu einem schwedischen Str.-G.-B. Nebst einleitenden Bemerkungen Lund. 1918.

Thyren, Die beiden Vorentwürfe zu einem dänischen Strafgesetzbuche. D. Str.RZ., 1919, N. 7—8.

вмѣстѣ съ объяснительной запиской на чешскомъ языкѣ въ сентябрѣ 1921 г.¹ Особый кодексъ будетъ регулировать вопросъ о полицейскихъ нарушеніяхъ; равнымъ образомъ, выдѣляются въ спеціальныя кодексы уголовное законодательство о малолѣтнихъ (*Zákon o trestním soudnictví nad mládeží*) и военное уголовное (*právo válečné*).

Проектъ уголовного кодекса Чехословакии представляетъ большой интересъ въ виду смѣлой постановки и разрѣшенія имъ нѣкоторыхъ практическихъ проблемъ уголовного права. Такъ, различіе между преступленіемъ и проступкомъ проектъ проводитъ по признаку мотива дѣянія. „Вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли признать данное дѣяніе преступленіемъ,“ — говоритъ проф. Миржичка, — „долженъ зависѣть не отъ рода и степени нарушения правовыхъ благъ, а отъ конечной цѣли лица, отъ его мотивовъ и отъ проявляющагося въ дѣяніи низменнаго настроенія“. Рѣшеніе этого вопроса *in concreto* проектъ, большею частью, предоставляетъ суду, оцѣнивающему обстоятельства каждаго даннаго случая. Въ соотвѣтствіи съ указаннымъ дѣленіемъ, проектъ различаетъ два вида лишенія свободы, безчестящее — за преступления и безчестящее — за проступки. Къ первому преступникъ можетъ быть присужденъ, если дѣяніе вызвано мотивами корысти, грѣбости, тунеядства, безстыдства, злостности или другими низменными побужденіями (§ 1 проекта). Это дѣленіе наказаній влечетъ за собой соотвѣтственно различныя послѣдствія, какъ въ смыслѣ самаго исполненія наказанія, такъ и въ смыслѣ связанныхъ съ нимъ праволішеній. Смертная казнь проектомъ отвергается.

Особенно рѣшительное нововведеніе должно быть отмѣчено въ области регуляціи вопроса о формахъ виновности. Вмѣсто традиціоннаго дѣленія виновности на умышленную и неосторожную [съ дѣленіемъ умысла на прямой и эвентуальный, и различіемъ въ сферѣ вины неосторожной т. н. преступной самонадѣянности (*luxuria*) и преступной небрежности (*negligentia*),] проектъ предусматриваетъ иное дѣленіе, вытекающее изъ т. н. „теоріи представленія“ и несомнѣнно связанное съ возрѣвнiями руководителя комиссіи проф. Миржичка.² Критеріемъ различія формъ виновности проектъ признаетъ не моментъ волевой (хотѣніе, соизволеніе), а моментъ опредѣленности представленія о послѣдствіи дѣянія. Отсюда вытекаетъ слѣдующая классификація формъ виновности: преступное намѣреніе (*umysl*), когда наступленіе преступнаго послѣдствія было цѣлью дѣянія; вина сознательная (*vina vědoma*), когда наступленіе преступнаго послѣдствія опредѣленно и съ увѣренностью созна-

¹ *Zatimný návrh obecně části trestního zákona u Odvovodnění k „Zatimnému návrhu obecně části trestního zákona“ z roku 1921. Vydalo Ministerstvo Spravedlnosti Československé Republiky. 1921.*

² Ср. его монографію „O formách trestné viny a jich upravení zákonně“, 1902, то же на нѣмецкомъ языкѣ „Die Formen der Strafschuld und ihre gesetzliche Regelung. 1903. Въ криминалистической доктринѣ по вопросу о разграниченіи формъ виновности до с. п. продолжается споръ между теоріями воли и представленія. Проф. Миржичка является однимъ изъ видныхъ представителей послѣдней (въ томъ же смыслѣ Листъ, Лефферъ, Лиліенталь, Франкъ и др., изъ русскихъ криминалистовъ — Фельдштейнъ) Противоположная точка зрѣнія (теорія воли) до с. п. является господствующей въ доктринѣ (Баръ, Веинигъ, Виндингъ, Роландъ, Вирлингъ, Ф. Гиппель, Таганцевъ и вообще русская доктрина) и въ законодательствѣ. Ср. особенно v. Hippel, *Die Grenze von Vorsatz und Fahrlässigkeit* и v. Rohland, *Willenstheorie und Vorstellungstheorie*. Ср. также спеціально о постановкѣ вопроса о формахъ виновности въ чехословацкомъ проектѣ — Dr. Drbohlav. *Jaké jsou formy trestné viny dle osnovy nového zákona trestního.*

валось виновнымъ, и вина неосторожная (nedbalost), когда виновный считалъ наступленіе преступнаго послѣдствія только возможнымъ. Здѣсь не мѣсто входить въ оцѣнку проблемы разграниченія формъ виновности, но, во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ констатировать, что если точка зрѣнія председателя комиссіи проф. Миржичка будетъ принята, то уголовный кодексъ Чехословакии явится первымъ и, кажется, единственнымъ, послѣдовательно проводящимъ въ области законодательнаго опредѣленія формъ виновности принципы т. н. *Vorstellungstheorie*.

Изъ другихъ положеній чехословацкаго проекта должны быть отмѣнены слѣд.: принятіе имъ принципа т. н. уменьшенной вѣняемости (§§ 58, 76), которая вызываетъ или смягченіе наказанія или помѣщеніе лица въ особое учрежденіе для больныхъ заключенныхъ, и упрощеніе конструкціи соучастія въ духѣ новѣйшей доктрины, съ отказомъ отъ дробной классификаціи формъ соучастія (§ 23).

Изъ институтовъ, выработанныхъ новой доктриной, проектъ предусматриваетъ условное осужденіе, условное освобожденіе и реабилитацію.¹

На территоріи Польской Республики дѣйствуютъ три уголовныхъ кодекса: Русское уголовное уложеніе 22 марта 1903 г., австрийскій кодексъ 1852 г. и германскій кодексъ 1871 г. Такимъ образомъ, „черезполосица“ въ области уголовного законодательства здѣсь еще больше, чѣмъ въ Чехословакии, и уступаетъ развѣ только еще болѣе мозаической картинѣ, которую мы видимъ въ Королевствѣ С. Х. С. Какъ извѣстно, въ предѣлахъ Царства Польскаго, пока оно входило въ составъ Россійской Имперіи, дѣйствовало наше старое Уложеніе о наказаніяхъ, а новое русское Уголовное Уложеніе — только въ той части, въ какой оно было введено въ дѣйствіе въ Имперіи. Во время германской оккупации въ Царствѣ Польскомъ было введено русское Уголовное Уложеніе 1903 года въ его полномъ видѣ, и это положеніе сохранилось въ соотвѣтствующей части Польши и до настоящаго времени. Правда, изданныя за послѣднее время новеллы внесли существенныя измѣненія въ содержаніе всѣхъ дѣйствующихъ на территоріи Польши кодексовъ. Въ частности декретъ 9 декабря 1918 года существенно измѣнилъ карательную часть русскаго Уголовнаго Уложенія. Измѣненія эти сводятся къ слѣдующему: вмѣсто смертной казни и пожизненной каторги нынѣ опредѣляется тюрьма до 12 л.; вмѣсто срочной каторги и ссылки — тюрьма до 8 лѣтъ; вмѣсто исправительнаго дома — тюрьма до 3 лѣтъ. При дѣйствіи исключительнаго положенія за нѣкоторыя наиболѣе тяжкія преступленія могутъ быть опредѣляемы смертная казнь путемъ разстрѣлянія и безерочная тяжкая тюрьма.²

Профессоромъ Краковскаго университета Э. Кржимускимъ разработанъ проектъ Польскаго уголовного кодекса (*Projekt kodeksu karnego polskiego*, 1918).

Въ Королевствѣ С. Х. С. мы встрѣчаемъ симбіозъ нѣсколькихъ уголовныхъ кодексовъ: сербскаго уголовного уложенія 1860 г., кодексовъ черногорскаго, австрийскаго, венгерскаго и спеціальнаго уложенія для Боснии и Герцеговины. Въ настоящее время происходитъ дѣятельная подготовка къ объединенію уголовного законодательства во всемъ Королевствѣ на основѣ положеній проекта

¹ Cp. Prof. Dr. Mírčička. Die Strafrechtsreform in der tschechoslowakischen Republik. „Schweizer. Zeitschr. für Strafrecht“, 1922, N. 1. Условное осужденіе уже введено въ Чехословакии новеллой 1919 года.

² Cp. Dr. W. Fink. Die neuen polnischen Strafgesetze. DStRZ., 1920, N. 5—6.

сербскаго уголовного уложенія 1910 г. Въ комиссію по объединенію уголовного законодательства привлеченъ выдающійся русскій ученый криминалистъ, нынѣ профессоръ Бѣлградскаго университета М. П. Чубинскій, опубликовавшій весьма интересную работу по этому вопросу на сербскомъ языкѣ,¹ значеніе которой весьма высоко оцѣниваетъ одинъ изъ видныхъ членовъ комиссіи, проф. М. Доленць.²

Всѣ до сихъ поръ упомянутые проекты новыхъ уголовныхъ кодексовъ въ различныхъ странахъ Европы по своему содержанію представляютъ собой попытки примиренія, компромисса между господствовавшими до сихъ поръ возрѣніями на уголовную отвѣтственность и наказаніемъ тенденціями новѣйшей доктрины, стремящейся выйти за предѣлы „справедливаго возмездія“, выдвинуть на первый планъ не отвлеченное понятіе преступленія, а самую личность преступника, и, не отвергая наказанія и его общепредупредительнаго значенія, создать на ряду съ нимъ рядъ мѣръ соціальной охраны, имѣющихъ цѣлью индивидуализированное воздѣйствіе на даннаго преступника. Въ общемъ и цѣломъ, почти всѣ новые проекты выбираютъ пути и методы, намѣченные въ результатѣ длительной и плодотворной работы Международнаго Союза Криминалистовъ.

Болѣе рѣзкій разрывъ съ прежней традиціей представляетъ собой новый проектъ Итальянскаго уголовного кодекса (Progetto preliminare di Codice penale Italiano per i delitti). Къ руководящей роли при его составленіи итальянское правительство привлекло наиболѣе видныхъ представителей т. н. позитивной уголовно-антропологической школы въ Италіи — Энрико Ферри и бар. Рафаэло Гарофало. На склонѣ лѣтъ³ эти два протагониста радикальнаго новаторства въ области уголовного права получили возможность непосредственно „творить новое уголовное право Италіи“.⁴

14 сентября 1919 г. декретомъ Короля Италіи образована комиссія по составленію новаго уголовного уложенія въ составѣ Э. Ферри (предѣлатель комиссіи), бар. Гарофало (его замѣститель), Флоріана, Оттоленги, Де-Санктиса, Карневале, и Стопато. Изъ нихъ только два члена, именно Карневале (сторонникъ т. н. *terza scuola*) и Стопато (классикъ) могли бы составить оппозицію руководящей группѣ, но, по послѣднимъ свѣдѣніямъ, они вышли изъ состава комиссіи, что придадо ей еще болѣе односторонній характеръ.

¹ М. П. Чубинскіи. Проблемъ вѣдѣанья права у уединьеном Краљевству С. Х. С. Београд. 1921. По вопросу о современномъ положеніи уголовного законодательства въ Хорватіи см. Silović. Kazneno pravo. 1920; въ Словеніи — Prof. Dr. Method Dolenz. Kazenskupravnо zakonodajstvo po prevratu in Slovenci „Slovenski Pravnik“, 1921, N. 5—8.

² Ср. его отзывъ о книгѣ М. П. Чубинскаго въ „Slovenski Pravnik“, 1921, N. 5—8.

³ Какъ извѣстно, I nuovi orizzonti del diritto e della procedura penale Э. Ферри появилось въ 1881 г., а Criminologia бар. Р. Гарофало въ концѣ 80 г. г. (второе изданіе въ 1890 г.).

⁴ Ср. Ferri. La riforma della giustizia penale in Italia. „Nuova Antologia“, Vol. 204. Его же статья на нѣмецкомъ языкѣ „Die Reform der Strafrecht in Italien. Zeitschr. für die ges. StrRWiss., 1920, стр. 473 и сл. — Paul Cuche. Le nouveau projet de code pénal italien. Revue pénitentiaire“, 1921, N. 4—6. Ebermayer. Denkschrift und Vorentwurf zu einem italienischen StrGB. „Zeitschr. für die ges. StrRWiss., 1921, стр. 649 и сл. — Rosenfeld. Der italienische Strafgesetzentwurf vom Januar 1921. DStrRZ., 1922, N. 3—4. Ст. также E. Delaquis, Ausländische Umschau въ Zeitschr. für die ges. StrRWiss. за 1920 г. (стр. 473 и сл.) и за 1921 г. (стр. 286 и сл.). Проектъ Итальянскаго уголовного кодекса и мотивы къ нему переведены на французскій, нѣмецкій и англійскій языки.

По словам Э. Ферри, действующий итальянский кодекс, вошедший в силу 1 января 1890 года, появился слишком рано, чтобы должным образом оценить реформаторские предложения антрополого-позитивной школы, и слишком поздно, чтобы полностью сохранить принципы классической школы. Поэтому он занял позицию, колеблющуюся между старым и новым. Но Ферри не удовлетворен и новейшими кодексами и проектами реформы уголовного права, опубликованными в разных странах мира. Новый японский кодекс 1910 г., проекты новых уголовных уложений Германии, Австрии, Швеции, Сербии, Аргентины, по словам итальянского криминалиста, колеблются между традиционной идеей нравственной вины и положительным и объективным принципом опасности преступника, — принципом, который устраняет самое суждение о нравственной вине. В речи итальянского министра юстиции Людовика Мортара при открытии комиссии было прямо указано, что будущий итальянский уголовный кодекс должен порвать с тенденцией развития, существовавшей до сих пор. В словах королевского декрета о том, что в основу проекта должны быть положены идеи опасного состояния преступника и социальной защиты, Ферри усматривает официальное признание основных требований позитивной школы.¹

Объяснительная записка к проекту носит в значительной степени полемический характер и содержит обычные обвинения классической школы в злоупотреблении отвлеченными построениями и пренебрежении к изучению самой личности преступника. „Всякое преступление прежде чем сдѣлаться сущностью (entité) или юридическим отношением, является человеческим дѣянием. Опредѣляемая законом репрессивная мѣра должна быть примѣняема къ человѣку, а не къ объективному факту“.²

Проект, по словам объяснительной записки (стр. 189 французского текста), исключает из репрессивной функции момент воздаяния, устраняя всякую претензію измѣрять и карать преступника съ точки зрѣнія нравственной отвѣтственности. Исключительной цѣлью уголовной юстиці, по утверждению записки, является „охрана членов общества отъ преступныхъ нападений“ („la défense des membres de la société contre les agressions criminelles“, стр. 188).

Считаясь, очевидно, съ необходимостью въ будущемъ защищать свои позиции передъ весьма влиятельными въ Итальянскомъ парламентѣ католическими группами, Э. Ферри усиливается доказать, что точка зрѣнія проекта вполне согласуется съ принципами христіанской морали. По слову Христа, — говорить Ферри, — человѣкъ не долженъ судить своего ближняго,³ но, — при-

¹ „Diese zwei Grundprinzipien, welche das Dekret als Richtlinie für die Arbeiten der von ihm ernannten Kommission setzt, sind die offizielle Anerkennung der methodischen Prinzipien der positiven kriminalistischen Schule, deren Bahnbrecher auf dem Gebiete der kriminalistischen Anthropologie Lombroso und auf dem Gebiete des Strafrechts Garofalo und andere gewesen sind“. Ferri. Die Reform der Strafjustiz in Italien, стр. 474, 475.

² Объяснительная записка (французскій текстъ) стр. 182, 183, Цит. по Cuche, op. cit. Опубликованіе проекта и объяснительной къ нему записки вызвало оживленную полемику не только въ специальной, но и въ общей итальянской печати. Ср. напр., ст. „Classicismo e positivismo nelle legge penali“. „Il Messagero“ отъ 15 октября 1919 г. Delaquis, op. cit., стр. 239.

³ „Um die Schuld eines Menschengeschöpfes zu messen und zu abwägen, gehört nichts weniger, als die Allwissenheit Gottes“. Ferri. Die Reform der Strafjustiz in Italien, стр. 478.

бавляет онъ, — человекъ можетъ защищаться отъ нападенія другихъ людей и охранять свою безопасность. При этомъ Ферри указываетъ на признаніе заслугъ антропологической школы со стороны нѣкоторыхъ представителей католическаго (бельгійскій аббатъ De Boets) и англиканскаго (Morrison) духовенства.¹

Итальянскій проектъ проводить рѣзкую демаркаціонную черту между преступниками вулгарными и преступниками „соціально-политическими“. Первые, по мнѣнію Ферри, всегда дѣйствуютъ по мотиву эгоистическому, вторые также всегда по мотиву альтруистическому, какія бы жестокия и кровавыя формы не принимало преступленіе.² Здѣсь, несомнѣнно, сказывается вліяніе соціалистической доктрины. И можно сказать вообще, что итальянскій проектъ болѣе, чѣмъ какой-либо другой, носить на себѣ отпечатокъ доктринерства, склоннаго, къ сожалѣнію, нерѣдко къ безсознательной подмѣнѣ позитивнаго критерія, опирающагося на научную индукцію, положеніями, носящими характеръ апіоризма, теоретической предвзятости. Выдѣляя съ такой рѣзкостью категорію преступниковъ „соціально-политическихъ“, проектъ предлагаетъ въ отношеніи къ нимъ двѣ мѣры — изгнаніе (кстати сказать уже давно дискредитированное въ доктринахъ и практикѣ), и простое заключеніе.

Въ противоположность всѣмъ новѣйшимъ проектамъ, проектъ итальянскій не склоненъ проводить черту между наказаніями и мѣрами охраны, не усматривая въ нихъ никакого существеннаго различія, предоставляя, однако, ихъ опредѣленіе не административной, а судебной власти. Исходя изъ идеи соціальной охраны, проектъ, естественно широко примѣняетъ неопредѣленныя санкции.

Комиссія, въ лицѣ Ферри, высказалась противъ примѣненія одиночнаго заключенія, неумѣстнаго въ „странѣ солнца“, гдѣ особенно вниманіе должно быть обращено на развитіе сельско-хозяйственныхъ штрафныхъ колоній.

Попутно съ обсужденіемъ основныхъ принциповъ реформы матеріальнаго уголовного права, комиссія затронула рядъ сопредѣльныхъ вопросовъ. Такъ, она высказалась за систематическое антропологическое изслѣдованіе населенія: въ будущей народной школѣ каждый учащійся долженъ имѣть свою „антропологическую карточку“, которая, очевидно, должна будетъ играть весьма значительную роль на судѣ въ случаѣ, если въ дальнѣйшемъ обладатель этой карточки вступитъ на стезю преступности. Далѣе — и это заслуживаетъ большаго вниманія — комиссія признала необходимой специальную подготовку судебныхъ дѣятелей въ области уголовной юстиціи, которая должна существенно отличаться отъ подготовки судей-цивилистовъ.³

Э. Ферри, несомнѣнно, увлеченъ мыслью создать кодексъ, который откроетъ новую эпоху въ области уголовного права, подобно тому, какъ почти 200 лѣтъ

¹ Характерно, однако, что именно Моррисонъ, переводчикъ „Уголовной социологіи“ Ферри на англійскій языкъ, вычеркнулъ въ своемъ переводѣ всю главу, посвященную теоріи отвѣтственности, которая ему показалась еретической.

² „Das politisch-soziale Verbrechen . . . , auch wenn es in abscheulichen, gewalttätigen und blutigen Formen auftritt, ist immer (!) von einem altruistischen Beweggrund bestimmt“. Ibid., стр. 485.

³ „Die Mentalität des Zivilrichters, des Privatrechtlers ist logisch-juristisch verschieden von der, die für einen Strafrechtler nötig ist, der vor allem ein tiefer Kenner der menschlichen Psychologie sein muß“. Ibid., стр. 492.

назадъ ее создать итальянецъ Беккарія. Будущее покажетъ, насколько эти мечты осуществятся. Скептицизмъ здѣсь вполне законенъ, но намъ невольно вспоминаются слова русскаго философа Вл. Соловьева: „Не считая криминальную „антропологию“ новооткрытой Америкой, мы думаемъ, что это есть тотъ ошибочный путь въ Индію, который на дѣлѣ приведетъ, можетъ быть, къ открытію новаго міра“.¹

Прага, Май 1922 г.

¹ Вл. Соловьевъ. Право и нравственность, стр. 107. Отмѣтимъ здѣсь, что французскій критикъ итальянскаго проекта выражаетъ сомнѣніе, что онъ явится „le triomphe intégral des doctrines de l'anthropologie criminelle“. P. Cuche, op. cit., стр. 301. Совершенно въ томъ же смыслѣ высказывается и Rosenfeld въ цит. ст. (DStrRZ, 1922, N. 3—4, стр. 77).

О СВЯЗАННЫХ ИСПЫТАНИЯХ, ОТВѢЧАЮЩИХЪ УСЛОВІЮ СТОХАСТИЧЕСКОЙ КОММУТАТИВНОСТИ

Я. Мордуха

I

§ 1. Въ ряду построеній математической теоріи вѣроятностей, привлекаемыхъ къ обоснованію теоріи приемовъ статистическаго изслѣдованія, двѣ схемы выступаютъ съ притязаніемъ на право почитаться краеугольнымъ камнемъ возводимаго зданія: схема независимыхъ испытаний, иллюстрируемая обычно на случай извлеченія шаровъ изъ урны съ возвращеніемъ вынутаго шара обратно въ урну передъ новымъ извлеченіемъ, и схема зависимыхъ испытаний, отвѣчающая случаю, когда вынутый шаръ обратно въ урну не возвращается. Въ болѣе общей формулировкѣ, къ которой примыкаетъ послѣдующее изложеніе, рѣчь ведется о схемахъ возвращаемаго и невозвращаемаго билета. Предположимъ, что въ закрытой урнѣ находится S билетовъ, изъ которыхъ s_1 помѣчено числомъ $x^{(1)}$, s_2 — числомъ $x^{(2)}$, \dots s_k — числомъ $x^{(k)}$. Предположимъ, далѣе, что изъ урны вынимается N билетовъ. Если вынувшійся при извлеченіи билетъ — послѣ того, какъ записано помѣченное на немъ число, — бросается обратно въ урну ранѣе, чѣмъ производится слѣдующее извлеченіе, то мы имѣемъ дѣло со схемой возвращаемаго билета. Въ противномъ случаѣ мы говоримъ о схемѣ невозвращаемаго билета.

Переходъ отъ схемы невозвращаемаго билета и устанавливаемыхъ для нея формулъ къ схемѣ билета возвращаемаго и характеризующимъ ее формуламъ не представляетъ, какъ извѣстно, трудности. Формально схема возвращаемаго билета можетъ разсматриваться, какъ предѣльный случай схемы билета невозвращаемаго: чѣмъ больше число билетовъ въ урнѣ, — S — тѣмъ слабѣе связь между отдѣльными испытаніями, такъ что въ предѣлѣ, при $S = \infty$ (и конечномъ числѣ испытаній — N), схема зависимыхъ испытаний переходитъ въ схему испытаний независимыхъ. Пусть напр. въ урнѣ находится s бѣлыхъ, и s черныхъ шаровъ. Вѣроятность вынуть при двухъ послѣдовательныхъ извлеченіяхъ сначала бѣлый, потомъ черный шаръ будетъ равна —

$$\text{въ случаѣ схемы возвращаемаго шара: } P = \frac{1}{2} \cdot \frac{1}{2} = \frac{1}{4}$$

$$\text{въ случаѣ схемы невозвращаемаго шара: } P_s = \frac{s}{2s} \cdot \frac{s}{2s-1} = \frac{1}{2} \cdot \frac{1}{2-\frac{1}{s}}$$

и мы находимъ: $P = \lim_{s \rightarrow \infty} P_s$.

Такой выводъ формулъ для схемы возвращаемаго билета не представляетъ, однако, особаго интереса, ибо задача установленія формулъ для схемы невоз-

возвращаемого билета является значительно болѣе сложною математически. Напротивъ, представляло бы извѣстную выгоду, если бы имѣлась возможность обратнаго перехода отъ формулъ, установленныхъ для схемы возвращаемого билета, къ болѣе сложнымъ соотношеніямъ, имѣющимъ силу при схемѣ билета невозвращаемого. Задача эта въ литературѣ, повидимому, не ставилась. Между тѣмъ она допускаетъ весьма простое рѣшеніе, представляющее интересъ не только съ точки зрѣнія упрощенія выкладокъ при выводѣ формулъ, относящихся къ схемѣ невозвращаемого билета, но и приводящее къ любопытнымъ теоретическимъ построеніямъ.

II

§ 2. Надъ случайной переменнѣю x , могушей принимать значенія $x^{(1)}$, $x^{(2)}$, ... $x^{(k)}$ съ соответствующими вѣроятностями p_1, p_2, \dots, p_k , производится N испытаний, причемъ законъ распредѣленія значеній переменнѣю остается все время неизмѣннымъ. Разсматривая производимыя надъ переменнѣю x испытанія, какъ одно цѣлое, мы будемъ называть ихъ системой, если отдѣльныя испытанія стоятъ въ той или иной зависимости другъ отъ друга; мы будемъ называть ихъ совокупностью, если все испытанія взаимно независимы.

Черезъ x_1, x_2, \dots, x_N обозначимъ случайныя эмпирическія значенія переменнѣю x , принимаемая ею при первомъ, второмъ, ... N -омъ испытаніяхъ. Черезъ $E x$ обозначимъ математическое ожиданіе случайной переменнѣю x и черезъ $E x_1^{h_1} x_2^{h_2} \dots x_N^{h_N}$ — математическое ожиданіе произведенія $x_1^{h_1} x_2^{h_2} \dots x_N^{h_N}$. Параметровъ, съ помощью которыхъ могла бы быть характеризована связь между испытаніями, можетъ быть конструировано неопредѣленное множество. Среди нихъ особенно распространенными являются, какъ извѣстно, параметры типа $E x_1^{h_1} x_2^{h_2} \dots x_N^{h_N}$. Пользуясь ими, условимся называть систему (или совокупность) испытаний униформной, если $E x_1^{h_1} x_2^{h_2} \dots x_N^{h_N}$ остается неизмѣннымъ при любой перестановкѣ индексомъ h .¹

Полагая $E x_1^{h_1} x_2^{h_2} \dots x_N^{h_N} = m_{h_1, h_2, \dots, h_N}$ и обозначая черезъ $h_i, h_{i_2}, \dots, h_{i_N}$ перестановку индексомъ h_1, h_2, \dots, h_N , мы можемъ, слѣдовательно, характеризовать униформную систему (совокупность) условіемъ, чтобы

$$m_{h_1, h_2, \dots, h_N} = m_{h_i, h_{i_2}, \dots, h_{i_N}}$$

имѣло мѣсто для любой перестановки индексомъ h . Въ частности, условившись писать: $m_{h_1 0} \dots 0 = m_h$, будемъ имѣть:

$$E x_1^h = E x_2^h = \dots = E x_N^h = E x^h = m_h.$$

Замѣчая, что въ случаѣ взаимной независимости испытаний, согласно теоремѣ о математическомъ ожиданіи произведенія, имѣетъ мѣсто:

¹ См. Al. A. Tchouproff, „On the mathematical expectation of the moments of frequency distributions in the case of correlated observations“ Metron Vol. II, гдѣ авторъ устанавливаетъ понятіе униформной связи, къ каковому и примыкаетъ наше понятіе униформной системы. Отмѣтимъ, что униформная система испытаний можетъ быть только въ томъ случаѣ, если законъ распредѣленія переменнѣю остается при всѣхъ испытаніяхъ неизмѣннымъ. Это непосредственно вытекаетъ изъ опредѣленія, если положить все h , кромѣ одного, равными нулю.

$$E x_1^{h_1} x_2^{h_2} \dots x_N^{h_N} = E x_1^{h_1} E x_2^{h_2} \dots E x_N^{h_N}$$

или

$$m_{h_1, h_2 \dots h_N} = m_{h_1} m_{h_2} \dots m_{h_N},$$

безъ труда убѣждаемся, что переходъ отъ равномерной системы испытаній и установленныхъ для нея формулъ, выражаемыхъ черезъ параметры $m_{h_1, h_2 \dots h_N}$, къ совокупности и характеризующимъ ее формуламъ — дизъюнкція равномерной системы въ совокупность, какъ мы будемъ называть эту операцію, — не представляетъ формально-математической трудности и всегда правомѣрно: мы всегда въ правѣ, замѣняя въ формулахъ, относящихся къ равномерной системѣ, выраженія вида $m_{h_1, h_2 \dots h_N}$ черезъ соответствующія имъ выраженія $m_{h_1} m_{h_2} \dots m_{h_N}$, разсматривать получаемыя соотношенія, какъ относящіяся къ случаю совокупности.

Напротивъ, для обратнаго перехода отъ совокупности къ равномерной системѣ — для конъюнкціи совокупности въ равномерную систему — далеко не во всѣхъ случаяхъ могутъ быть указаны столь простыя правила преобразования формулъ. Не трудно, однако, установить одно весьма простое и общее условіе, при которомъ конъюнкція формулъ — т. е. переходъ отъ выраженной вида $m_{h_1} m_{h_2} \dots m_{h_N}$ къ выраженіямъ $m_{h_1, h_2 \dots h_N}$ — осуществляетъ собой конъюнкцію совокупности въ равномерную систему.

§ 3. Разсматривая совокупность, какъ дизъюнктивную систему, и обратно-систему, какъ конъюнктивную совокупность, введемъ слѣдующія обозначенія для операцій дизъюнкціи и конъюнкціи:

Дизъюнкція:

$$[m_{h_1, h_2 \dots h_N}] = m_{h_1} m_{h_2} \dots m_{h_N}$$

Конъюнкція:

$$[m_{h_1} m_{h_2} \dots m_{h_N}] = m_{h_1, h_2 \dots h_N}$$

Формулируя словесно символическое содержаніе этихъ формулъ, мы скажемъ: операція дизъюнкціи сводится къ „разложенію на множители“ — именно, на множители $m_{h_1}, m_{h_2}, \dots, m_{h_N}$ — „произведенія“ $m_{h_1, h_2 \dots h_N}$ и обратно, операція конъюнкціи является какъ-бы „перемноженіемъ“ множителей $m_{h_1}, m_{h_2}, \dots, m_{h_N}$ въ „произведеніе“ $m_{h_1, h_2 \dots h_N}$.

Мы разсматриваемъ пѣлыя рациональныя функціи $G(x_1, x_2, \dots, x_N)$, т. е. полиномы вида:

$$G(x_1, x_2, \dots, x_N) = \sum_{h_1, h_2 \dots h_N} c_{h_1, h_2 \dots h_N} x_1^{h_1} x_2^{h_2} \dots x_N^{h_N}$$

гдѣ $c_{h_1, h_2 \dots h_N}$ являются коэффиціентами при слагаемыхъ произведеніяхъ $x_1^{h_1} x_2^{h_2} \dots x_N^{h_N}$, а \sum — суммой, распространенной на различныя системы показателей h .

Согласно теоремѣ о математическомъ ожиданіи суммы — въ одинаковой мѣрѣ относящейся, какъ къ совокупности, такъ и къ системѣ испытаній — имѣемъ:

$$E G(x_1, x_2, \dots, x_N) = E \sum_{h_1, h_2 \dots h_N} c_{h_1, h_2 \dots h_N} x_1^{h_1} x_2^{h_2} \dots x_N^{h_N} = \sum_{h_1, h_2 \dots h_N} c_{h_1, h_2 \dots h_N} E x_1^{h_1} x_2^{h_2} \dots x_N^{h_N}$$

Обозначая $E G(x_1, x_2 \dots x_N)$ въ случаѣ совокупности черезъ $E]G[$, въ случаѣ равномерной системы — черезъ $E [G]$, будемъ имѣть, слѣдовательно:

$$E]G[= \sum_{h_1, h_2 \dots h_N} c_{h_1, h_2 \dots h_N} m_{h_1} m_{h_2} \dots m_{h_N}$$

$$E [G] = \sum_{h_1, h_2 \dots h_N} c_{h_1, h_2 \dots h_N} m_{h_1, h_2 \dots h_N}$$

Мы различаемъ два случая: 1) когда ни въ одинъ изъ коэффициентовъ $c_{h_1, h_2 \dots h_N}$ не входятъ параметры m и 2) когда хотя бы одинъ изъ нихъ является функцией параметровъ m .

Въ первомъ случаѣ имѣемъ:

$$\left[c_{h_1, h_2 \dots h_N} m_{h_1, h_2 \dots h_N} \right] = c_{h_1, h_2 \dots h_N} m_{h_1} m_{h_2} \dots m_{h_N}$$

и обратно:

$$\left[c_{h_1, h_2 \dots h_N} m_{h_1} m_{h_2} \dots m_{h_N} \right] = c_{h_1, h_2 \dots h_N} m_{h_1, h_2 \dots h_N}$$

Дизъюнгируя, согласно этому, выраженіе для $E [G]$ и конъюнгируя выраженіе для $E]G[$, мы находимъ:¹

$$\sum_{h_1, h_2 \dots h_N} c_{h_1, h_2 \dots h_N} m_{h_1, h_2 \dots h_N} \left[= \sum_{h_1, h_2 \dots h_N} c_{h_1, h_2 \dots h_N} m_{h_1} m_{h_2} \dots m_{h_N}, \text{ т. е. } = E]G[\right.$$

и

$$\left[\sum_{h_1, h_2 \dots h_N} c_{h_1, h_2 \dots h_N} m_{h_1} m_{h_2} \dots m_{h_N} \right] = \sum_{h_1, h_2 \dots h_N} c_{h_1, h_2 \dots h_N} m_{h_1, h_2 \dots h_N}, \text{ т. е. } = E [G]$$

и, слѣдовательно, убѣждаемся, что съ помощью дизъюнкции формулъ, относящихся къ равномерной системѣ, и конъюнкции формулъ, относящихся къ совокупности, дѣйствительно осуществляется переходъ отъ однихъ къ другимъ.

Во второмъ случаѣ, когда $c_{h_1, h_2 \dots h_N}$ является функцией параметровъ m , попрежнему имѣеть мѣсто:

$$\left[c_{h_1, h_2 \dots h_N} m_{h_1, h_2 \dots h_N} \right] = c_{h_1, h_2 \dots h_N} m_{h_1} m_{h_2} \dots m_{h_N}$$

но обратнаго соотношенія нѣтъ и мы не въ правѣ писать, какъ раньше:

$$\left[c_{h_1, h_2 \dots h_N} m_{h_1} m_{h_2} \dots m_{h_N} \right] = c_{h_1, h_2 \dots h_N} m_{h_1, h_2 \dots h_N}$$

ибо, въ этомъ случаѣ, помимо „множителей“ $m_{h_1}, m_{h_2} \dots m_{h_N}$ „перемноженію“ подвергаются еще множители m , входящіе въ коэффициентъ $c_{h_1, h_2 \dots h_N}$ и, слѣдовательно, вмѣсто искомаго „произведенія“ $m_{h_1, h_2 \dots h_N}$ получается отличное отъ него и лишенное соответствующаго смысла „произведеніе“ $m_{h_1, h_2 \dots h_N, h \dots}$.

Отсюда и слѣдуетъ, что въ этомъ второмъ случаѣ конъюнкція, примѣненная къ формуламъ, относящимся къ совокупности, не приводитъ къ формуламъ, относящимся къ равномерной системѣ.

¹ Предполагается: $]a + b + c + \dots [=]a[+]b[+]c[+ \dots$ и точно также: $[a + b + c + \dots] = [a] + [b] + [c] + \dots$, т. е. дизъюнкція (конъюнкція) суммъ опредѣляется какъ дизъюнкція (конъюнкція) ея слагаемыхъ.

Мы приходим, таким образом, к выводу, что условием, при котором конъюнкция формул, выражающих математическое ожидание функций рациональных функций $G(x_1, x_2 \dots x_N)$, осуществляет конъюнкцию совокупности в равномерную систему, — является, чтобы ни один из коэффициентов $c_{h_1, h_2 \dots h_N}$ не содержал в себе параметров m ; в этом случае — и только в этом случае — мы всегда в правду, заменяя в формулах, относящихся к совокупности, выражения вида $m_{h_1} m_{h_2} \dots m_{h_N}$ через соответствующия им выражения $m_{h_1, h_2 \dots h_N}$, рассматривать получаемыя соотношения, как относящияся к случаю равномерной системы.

Нѣсколько примѣровъ тому. Полагая:

$$x_{(N)} = \frac{1}{N} \sum_{i=1}^N x_i \quad \text{и} \quad m_{r(N)} = E x_{(N)}^r,$$

будемъ имѣть вѣ случаѣ совокупности испытаній¹:

$$m_{r(N)} = m_1^r + \frac{1}{N} C_r^2 (m_1^{r-2} m_2 - m_1^r) + \frac{1}{N^2} \{ 3 C_r^4 m_1^{r-4} m_2^2 + C_r^5 (m_1^{r-3} m_3 - \frac{3(r-1)}{2} m_1^{r-2} m_2 + \frac{3r-1}{4} m_1^r) \} + \dots$$

и вѣ частности:

$$m_{1(N)} = m_1$$

$$m_{2(N)} = m_1^2 + \frac{1}{N} (m_2 - m_1^2)$$

$$m_{3(N)} = m_1^3 + \frac{3}{N} (m_1 m_2 - m_1^3) + \frac{1}{N^2} (m_3 - m_1 m_2 + 2 m_1^3)$$

$$m_{4(N)} = m_1^4 + \frac{6}{N} (m_1^2 m_2 - m_1^4) + \frac{1}{N^2} (3 m_2^2 + 4 m_1 m_3 - 18 m_1^2 m_2 + 11 m_1^4) + \frac{1}{N^3} (m_4 - 3 m_2^2 - 4 m_1 m_3 + 12 m_1^2 m_2 - 6 m_1^4)$$

Примѣняя къ этимъ формуламъ операцію конъюнкціи, получаемъ непосредственно формулы, относящияся къ равномерной системѣ²:

$$m_{r(N)} = m_{1,1 \dots 1,2} + \frac{1}{N} C_r^2 (m_{1,1 \dots 1,2} - m_{1,1 \dots 1}) + \frac{1}{N^2} \{ 3 C_r^4 m_{1,1 \dots 1,2,2} + C_r^5 (m_{1,1 \dots 1,3} - \frac{3(r-1)}{2} m_{1,1 \dots 1,2} + \frac{3r-1}{4} m_{1,1 \dots 1}) \}$$

¹ См. Al. A. Tchouproff, „On the mathematical expectation of the moments of frequency distributions“, Biometrika Vol. XII, 1918 г. стр. 151 формулы (10) и (11). Мы замѣняемъ вѣ нихъ μ_2, μ_3 и μ_4 ихъ выраженіями вѣ m_1, m_2, m_3 и m_4 (см. тамъ же стр. 148, формула (2)). Вѣ случаѣ совокупности испытаній мы пишемъ вмѣсто $m_{r(N)} - m_{r(N)}$; вѣ случаѣ равномерной системы — $m_{r(N)}$.

² Ср. Al. A. Tchouproff, „On the mathematical expectation of the moments of frequency distributions...“, Metron, Vol. II. Отмѣтимъ, что при конъюнкціи степени мы выписываемъ послѣднюю, какъ произведение; напр. $m_1^2 = m_1 m_1$ и $[m_1^2] = [m_1 m_1] = m_{1,1}$ и т. д.

и въ частности:

$$m_{1[N]} = m_1$$

$$m_{2[N]} = m_{1,1} + \frac{1}{N} (m_2 - m_{1,1})$$

$$m_{3[N]} = m_{1,1,1} + \frac{3}{N} (m_{1,2} - m_{1,1,1}) + \frac{1}{N^2} (m_3 - m_{1,2} + 2 m_{1,1,1})$$

$$m_{4[N]} = m_{1,1,1,1} + \frac{6}{N} (m_{1,1,2} - m_{1,1,1,1}) + \frac{1}{N^2} (3 m_{2,2} + 4 m_{1,3} - 18 m_{1,1,2} + 11 m_{1,1,1,1}) + \frac{1}{N^3} (m_4 - 3 m_{2,2} - 4 m_{1,3} + 12 m_{1,1,2} - 6 m_{1,1,1,1})$$

§ 4. Наряду съ параметрами- m , привлекаемыми въ качествѣ характеристики изслѣдуемой системы или совокупности испытаній, весьма часто употребляются съ той же цѣлью параметры- μ , представляющіе собой математическія ожиданія произведеній $(x_1 - m_1)^{h_1} (x_2 - m_2)^{h_2} \dots (x_N - m_N)^{h_N}$.

Полагая $E (x_1 - m_1)^{h_1} (x_2 - m_2)^{h_2} \dots (x_N - m_N)^{h_N} = \mu_{h_1, h_2 \dots h_N}$, аналогично прежнему можемъ характеризовать равномерную систему (или совокупность) испытаній условіемъ, чтобы

$$\mu_{h_1, h_2 \dots h_N} = \mu_{h_{i_1}, h_{i_2} \dots h_{i_N}}$$

имѣло мѣсто для любой перестановки $h_{i_1}, h_{i_2} \dots h_{i_N}$ индексовъ $h_1, h_2 \dots h_N$.

Въ частности условившись писать: $\mu_{h,0 \dots 0} = \mu_h$, будемъ имѣть:

$$E (x_1 - m_1)^h = E (x_2 - m_2)^h = \dots = E (x_N - m_N)^h = E (x - m_1)^h = \mu_h.$$

Замѣчая, что въ случаѣ взаимной независимости испытаній:

$$E (x_1 - m_1)^{h_1} (x_2 - m_2)^{h_2} \dots (x_N - m_N)^{h_N} = E (x_1 - m_1)^{h_1} E (x_2 - m_2)^{h_2} \dots E (x_N - m_N)^{h_N}$$

или

$$\mu_{h_1, h_2 \dots h_N} = \mu_{h_1} \mu_{h_2} \dots \mu_{h_N},$$

безъ труда убѣждаемся, что дизъюнкція равномерной системы въ совокупность, и въ параметрахъ- μ осуществляется столь-же просто, какъ въ случаѣ параметровъ- m .

Напротивъ при переходѣ отъ совокупности къ равномерной системѣ, не могутъ быть установлены однѣ и тѣ же правила конъюнкціи для параметровъ- μ и параметровъ- m , ибо коэффициенты въ цѣлыхъ рациональныхъ функціяхъ $(x_1 - m_1)^{h_1} (x_2 - m_2)^{h_2} \dots (x_N - m_N)^{h_N}$ содержатъ въ себѣ степени параметра m_1 и, слѣдовательно, согласно установленному выше, конъюнкція параметровъ- m въ этомъ случаѣ вообще не правомѣрна. Разсмотримъ для примѣра соотношеніе между $\mu_{2,2}$ и μ_2^2 . Замѣчая, что

$$E (x_1 - m_1)^2 (x_2 - m_2)^2 = E \{ x_1^2 x_2^2 - 2 x_1 x_2 (x_1 + x_2) m_1 + (x_1^2 + x_2^2) m_1^2 + 4 x_1 x_2 m_1^2 - 2 (x_1 + x_2) m_1^3 + m_1^4 \},$$

находимъ, въ случаѣ равномерной системы:

$$\mu_{2,2} = m_{2,2} - 4 m_{1,2} m_1 + 2 m_2 m_1^2 + 4 m_{1,1} m_1^2 - 3 m_1^4$$

въ случаѣ же совокупности имѣемъ:

$$\mu_2^2 = m_2^2 - 2 m_2 m_1^2 + m_1^4.$$

Такъ какъ:

$$]m_{2,2} - 4 m_{1,2} m_1 + 2 m_2 m_1^2 + 4 m_{1,1} m_1^2 - 3 m_1^4[= m_2^2 - 2 m_2 m_1^2 + m_1^4,$$

убѣждаемся, что разсматривая $\mu_{2,2}$, какъ функцію параметровъ- m , можемъ распространить на нее правила дизъюнкціи: $] \mu_{2,2}[= \mu_2^2$. Обратнаго соотношенія, однако, нѣтъ, ибо:

$$[m_2^2 - 2 m_2 m_1^2 + m_1^4] \neq m_{2,2} - 4 m_{1,2} m_1 + 2 m_2 m_1^2 + 4 m_{1,1} m_1^2 - 3 m_1^4$$

и слѣдовательно на μ_2^2 , какъ на функцію параметровъ- m , не могутъ быть распространены правила конъюнкціи: $[\mu_2^2] \neq \mu_{2,2}$.

Можно, конечно, формулировать правила конъюнкціи непосредственно для параметровъ- μ , исходя не изъ функцій самихъ переменныхъ x_1, x_2, \dots, x_N — $G(x_1, x_2, \dots, x_N)$ —, а изъ функцій отклоненій переменныхъ отъ ихъ математическаго ожиданія m_1 , т. е. функцій $G(X_1, X_2, \dots, X_N) = G(x_1 - m_1, x_2 - m_1, \dots, x_N - m_1)$ и согласно этому, аналогично преждему, опредѣлять: $[\mu_{h_1, h_2, \dots, h_N}] = \mu_{h_1, h_2, \dots, h_N}$ и обратно: $[\mu_{h_1, h_2, \dots, h_N}] = \mu_{h_1, h_2, \dots, h_N}$. Напр. разсматривая $E(x_1 - m_1)^2 (x_2 - m_1)^2$, какъ $E X_1^2 X_2^2$ и замѣняя букву m буквой μ при переходѣ отъ переменныхъ x къ переменнымъ X , будемъ имѣть въ случаѣ совокупности: $E X_1^2 X_2^2 = E X_1^2 E X_2^2 = \mu_2^2$; въ случаѣ же равномерной системы — $E X_1^2 X_2^2 = \mu_{2,2}$ и мы можемъ писать, слѣдовательно, не только $[\mu_{2,2}] = \mu_2^2$, но и — въ отличіе отъ предыдущаго примѣра, въ которомъ μ_2^2 и $\mu_{2,2}$ разсматривались, какъ функціи параметровъ- m — обратно: $[\mu_2^2] = \mu_{2,2}$. Не говоря уже о томъ, однако, что распространеніемъ прежнихъ правилъ конъюнкціи на параметры- μ нарушается единство операціи конъюнкціи въ отношеніи параметровъ- μ и ихъ выраженій черезъ параметры- m , сама, такимъ образомъ опредѣляемая, операція конъюнкціи параметровъ- μ является невыполнимой во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда предполагается переходъ къ параметрамъ вида $\mu_1, \mu_2, \dots, \mu_N$. Ибо $\mu_1 = 0$ и слѣдовательно въ формулахъ, подлежащихъ конъюнкціи не можетъ имѣться членовъ вида $\mu_1, \mu_2, \dots, \mu_N$, содержащихъ „множитель“ μ_1 и необходимыхъ для получения „произведенія“ $\mu_1, \mu_2, \dots, \mu_N$.

Между тѣмъ, какъ разъ на этомъ свойствѣ $\mu_1 = 0$ основывается калкуляціонно-вспомогательное значеніе параметровъ μ_h . Въ цѣломъ рядѣ случаевъ удастся замѣнить параметры- m соответствующими параметрами- μ и, благодаря этому (и свойству $\mu_1 = 0$), представить громоздкія и трудно обозримыя формулы въ болѣе простомъ и наглядномъ видѣ. Подобная замѣна параметровъ m_{h_1, h_2, \dots, h_N} параметрами $\mu_{h_1, h_2, \dots, h_N}$ возможна всегда, коль скоро изслѣдуемая функція $G(x_1, x_2, \dots, x_N)$, математическое ожиданіе которой опредѣляется, удовлетворяетъ условію:

$$G(x_1, x_2, \dots, x_N) = G(x_1 - a, x_2 - a, \dots, x_N - a)$$

для любой величины a , значить, въ частности для $a = m_1$. Въ качествѣ примѣра функціи, удовлетворяющей этому условію, приведемъ отклоненіе случай-

наго эмпирическаго значенія переменнѣнной x отъ средне-арифметическаго ея

эмпирическихъ значеній $x_{(N)} = \frac{1}{N} \sum_{i=1}^N x_i$. Мы имѣемъ, именно:

$$x_i - x_{(N)} = (x_i - a) - \frac{1}{N} \sum_{i=1}^N (x_i - a)$$

и мы можемъ, слѣдовательно, математическое ожиданіе $E(x_i - x_{(N)})^h$ выражать, какъ въ параметрахъ- m , такъ и въ однихъ лишь параметрахъ- μ . Напримѣръ:

$$E(x_i - x_{(N)})^2 = \frac{N-1}{N} (m_2 - m_1^2) = \frac{N-1}{N} (\mu_2 - \mu_1^2) = \frac{N-1}{N} \mu_2$$

Мы разсматриваемъ особаго рода функціи, удовлетворяющія условію $G(x_1, x_2 \dots x_N) = G(x_1 - a, x_2 - a, \dots x_N - a)$, именно выраженія:

$$M'_h = (x_1 - x_2)(x_1 - x_3)(x_1 - x_4) \dots (x_1 - x_{1+h})$$

и вообще

$$M'_{h_1, h_2 \dots h_N} = (x_i - x_{i+1})(x_i - x_{i+2}) \dots (x_i - x_{i+h_1})(x_j - x_{j+1})(x_j - x_{j+2}) \dots (x_j - x_{j+h_2}) \dots (x_k - x_{k+1}) \dots (x_k - x_{k+h_N})$$

гдѣ различнымъ образомъ помѣченные x означаютъ случайныя эмпирическія значенія переменнѣнной x , принимаемыя ею при различныхъ испытаніяхъ.¹

Обозначая черезъ $M''_h, M'''_h, \dots M^{(i)}_h$ и т. д. выраженія подобныя M'_h — напр. $M''_h = (x_2 - x_1)(x_2 - x_3)(x_2 - x_4) \dots (x_2 - x_{1+h})$ или $M^{(i)}_h = (x_i - x_{i+1})(x_i - x_{i+2})(x_i - x_{i+3}) \dots (x_i - x_{i+h})$ и т. д. — и точно также черезъ $M''_{h_1, h_2 \dots h_N}, M'''_{h_1, h_2 \dots h_N}, \dots M^{(i)}_{h_1, h_2 \dots h_N}$ и т. д. — выраженія, въ этомъ же смыслѣ, подобныя $M'_{h_1, h_2 \dots h_N}$, будемъ имѣть въ случаѣ униформной системы или совокупности испытаній:

$$E M'_h = E M''_h = E M'''_h = \dots = E M^{(i)}_h$$

и

$$E M'_{h_1, h_2 \dots h_N} = E M''_{h_1, h_2 \dots h_N} = E M'''_{h_1, h_2 \dots h_N} = \dots = E M^{(i)}_{h_1, h_2 \dots h_N}.$$

Полагая:

$$E(x_i - x_{i+1}) \dots (x_i - x_{i+h_1})(x_j - x_{j+1}) \dots (x_j - x_{j+h_2}) \dots (x_k - x_{k+1}) \dots (x_k - x_{k+h_N}) = M_{h_1, h_2 \dots h_N},$$

можемъ характеризовать униформную систему (или совокупность), аналогично прежнему, условіемъ, чтобъ

$$M_{h_1, h_2 \dots h_N} = M_{h_{i_1}, h_{i_2} \dots h_{i_N}}$$

¹ При этомъ предполагается всегда, что $j > i + h_1$, $k > \dots > j + h_2$ и т. д. т. е. что ни одинъ изъ $x_j, x_{j+1}, x_{j+2} \dots x_{j+h_2}$ не совпадаетъ ни съ однимъ изъ $x_i, x_{i+1}, x_{i+2} \dots x_{i+h_1}$; точно также, ни одинъ изъ $x_k, x_{k+1}, x_{k+2} \dots x_{k+h_N}$ — ни съ однимъ изъ предшествующихъ

словъ и т. д.

имѣло мѣсто для любой перестановки $h_{i_1}, h_{i_2} \dots h_{i_N}$ индексовъ $h_1, h_2 \dots h_N$.
 Въ частности, будемъ имѣть:

$$E(x_1 - x_2)(x_1 - x_3) \dots (x_1 - x_{1+h}) = E(x_2 - x_1)(x_2 - x_3) \dots (x_2 - x_{1+h}) = \dots \\ = E(x_i - x_{i+1})(x_i - x_{i+2}) \dots (x_i - x_{i+h}) = M_h.$$

Замѣчая, что въ случаѣ независимости испытаній:

$$E(x_{i_1} - x_{i_1+1})(x_{i_1} - x_{i_1+2}) \dots (x_{i_1} - x_{i_1+h_1})(x_{j_1} - x_{j_1+1})(x_{j_1} - x_{j_1+2}) \dots \\ (x_{j_1} - x_{j_1+h_2}) \dots (x_{k_1} - x_{k_1+1}) \dots (x_{k_1} - x_{k_1+h_N}) \\ = E(x_{i_1} - x_{i_1+1})(x_{i_1} - x_{i_1+2}) \dots (x_{i_1} - x_{i_1+h_1}) E(x_{j_1} - x_{j_1+1})(x_{j_1} - x_{j_1+2}) \dots \\ (x_{j_1} - x_{j_1+h_2}) \dots E(x_{k_1} - x_{k_1+1}) \dots (x_{k_1} - x_{k_1+h_N})$$

или

$$M_{h_{i_1}, h_{j_1}, \dots, h_N} = M_{h_{i_1}} M_{h_{j_1}} \dots M_{h_N}$$

и что

$$E(x_1 - x_2)(x_1 - x_3)(x_1 - x_4) \dots (x_1 - x_{1+h}) = E x_1^h \\ - E(x_2 + x_3 + x_4 + \dots + x_{1+h}) x_1^{h-1} + E(x_2 x_3 + x_2 x_4 + x_3 x_4 + \dots + x_h x_{1+h}) x_1^{h-2} \\ - E(x_2 x_3 x_4 + x_2 x_3 x_5 + \dots) x_1^{h-3} + \dots + (-1)^h E x_2 x_3 x_4 \dots x_{1+h}$$

или

$$M_h = \sum_{i=0}^h (-1)^i C_h^i m_{h-i}, \quad m_1^i = \sum_{i=0}^h (-1)^i C_h^i \mu_{h-i} \mu_1^i = \mu_h,$$

безъ труда убѣждаемся, что дизъюнкція равномерной системы въ совокупность всегда осуществляется дизъюнкціей параметровъ- M и простой замѣной ихъ параметрами- μ . Условившись вмѣсто большихъ M , относящихся, какъ къ равномерной системѣ, такъ и совокупности, писать малыя m , если имѣется въ виду специально равномерная система, мы можемъ, соответственно прежнему, слѣдующимъ образомъ опредѣлить операцію дизъюнкціи параметровъ- m :

$$]m_{h_1, h_2, \dots, h_N}[= \mu_{h_1} \mu_{h_2} \dots \mu_{h_N} \quad \text{и въ частности} \quad]m_h[= \mu_h$$

Обратно, опредѣляя операцію конъюнкціи параметровъ- μ , какъ:

$$[\mu_{h_1} \mu_{h_2} \dots \mu_{h_N}] = m_{h_1, h_2, \dots, h_N} \quad \text{и въ частности} \quad [\mu_h] = m_h$$

не трудно показать, что въ случаѣ, если исходная функція, математическое ожиданіе которой подлежитъ опредѣленію, удовлетворяетъ условію $G(x_1, x_2, \dots, x_N) = G(x_1 - a, x_2 - a, \dots, x_N - a)$, а коэффициенты при переменныхъ не содержатъ въ себѣ параметровъ- μ , — конъюнкція совокупности въ равномерную систему осуществляется простой замѣной параметровъ- μ параметрами- m и „перемноженіемъ“ т. е. конъюнкціей послѣднихъ.

Выписывая:

$$(x_1 - x_2)^2 = \{(x_1 - x_3) + (x_3 - x_2)\} \{(x_1 - x_4) + (x_4 - x_2)\} = (x_1 - x_3)(x_1 - x_4) \\ + (x_1 - x_3)(x_4 - x_2) + (x_3 - x_2)(x_1 - x_4) + (x_2 - x_3)(x_2 - x_4) \\ = M'_2 + M'_{1,1} + M'_{1,1} + M''_2$$

$$\begin{aligned}(x_1 - x_2)^3 &= \{(x_1 - x_3) + (x_3 - x_2)\} \{(x_1 - x_4) + (x_4 - x_2)\} \{(x_1 - x_5) + (x_5 - x_2)\} \\ &= (x_1 - x_3)(x_1 - x_4)(x_1 - x_5) + (x_1 - x_3)(x_1 - x_4)(x_5 - x_2) + \dots \\ &= M_3' + M_{1,2}' + M_{1,2}'' + M_{1,2}''' + M_{1,2}^{(IV)} + M_{1,2}^{(V)} + M_{1,2}^{(VI)} - M_3''\end{aligned}$$

$$\begin{aligned}(x_1 - x_2)^m &= \{(x_1 - x_3) + (x_3 - x_2)\} \{(x_1 - x_4) + (x_4 - x_2)\} \{(x_1 - x_5) \\ &+ (x_5 - x_2)\} \dots \{(x_1 - x_{m+2}) + (x_{m+2} - x_2)\} = \dots\end{aligned}$$

убѣждаемся, что $(x_1 - x_2)^m$ можетъ быть тождественно представлено въ видѣ алгебраической суммы выражений $M_{h_1, h_2, \dots, h_N}^{(i)}$. Совершенно такимъ же способомъ показываемъ, что и вообще любое выражение $(x_1 - x_2)^{m_2} (x_1 - x_3)^{m_3} (x_1 - x_4)^{m_4} \dots (x_1 - x_N)^{m_N}$ можетъ быть представлено въ видѣ $\sum_{(i), h_1, h_2, \dots, h_N} \pm M_{h_1, h_2, \dots, h_N}^{(i)}$,

гдѣ сумма $\sum_{(i), h_1, h_2, \dots, h_N}$ распространена на соответственные значенія индексовъ h и i .

Съ другой стороны замѣчаемъ, что функции, удовлетворяющія условию $G(x_1, x_2, \dots, x_N) = G(x_1 - a, x_2 - a, \dots, x_N - a)$, могутъ быть представлены, какъ функции разностей переменныхъ, напр. какъ $F(x_1 - x_2, x_1 - x_3, \dots, x_1 - x_N)$: полагая, именно, $a = x_1$, находимъ:

$$G(x_1, x_2, \dots, x_N) = G(0, x_2 - x_1, x_3 - x_1, \dots, x_N - x_1)$$

Отсюда слѣдуетъ:

$$\begin{aligned}G(x_1, x_2, \dots, x_N) &= \sum_{m_1, m_2, \dots, m_N} C_{m_1, m_2, \dots, m_N} x_1^{m_1} x_2^{m_2} \dots x_N^{m_N} \\ &= \sum_{m_2, m_3, \dots, m_N} C_{0, m_2, \dots, m_N} (x_2 - x_1)^{m_2} (x_3 - x_1)^{m_3} \dots (x_N - x_1)^{m_N}\end{aligned}$$

а такъ какъ:

$$(x_2 - x_1)^{m_2} (x_3 - x_1)^{m_3} (x_N - x_1)^{m_N} = \sum_{(i), h_1, h_2, \dots, h_N} \pm M_{h_1, h_2, \dots, h_N}^{(i)}$$

то и убѣждаемся, что любая цѣлая рациональная функция, удовлетворяющая условию $G(x_1, x_2, \dots, x_N) = G(x_1 - a, x_2 - a, \dots, x_N - a)$, можетъ быть представлена въ видѣ:

$$G(x_1, x_2, \dots, x_N) = \sum_{(i), h_1, h_2, \dots, h_N} C_{h_1, h_2, \dots, h_N}^{(i)} M_{h_1, h_2, \dots, h_N}^{(i)}$$

Замѣчая, что $E M_{h_1, h_2, \dots, h_N}' = E M_{h_1, h_2, \dots, h_N}'' = \dots = E M_{h_1, h_2, \dots, h_N}^{(i)} = M_{h_1, h_2, \dots, h_N}$, находимъ, согласно теоремѣ о математическомъ ожиданіи суммы:

$$E G(x_1, x_2, \dots, x_N) = \sum_{h_1, h_2, \dots, h_N} c_{h_1, h_2, \dots, h_N} M_{h_1, h_2, \dots, h_N}$$

Въ частности, въ случаѣ совокупности, получаемъ:

$$E[G] = \sum_{h_1, h_2, \dots, h_N} c_{h_1, h_2, \dots, h_N} \mu_{h_1} \mu_{h_2} \dots \mu_{h_N}$$

въ случаѣ униформной системы:

$$E[G] = \sum_{h_1, h_2, \dots, h_N} c_{h_1, h_2, \dots, h_N} M_{h_1, h_2, \dots, h_N}$$

Повторя шагъ за шагомъ ходъ разсужденій § 2 убѣждаемся, что и въ отношеніи параметровъ- M , дизъюнкція формулъ, относящихся къ униформной

системъ, и конъюнкція формулъ, относящихся къ совокупности, осуществляютъ переходъ отъ однихъ къ другимъ; мы въ правѣ, слѣдовательно, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда $G(x_1, x_2 \dots x_N)$ удовлетворяетъ указаннымъ условіямъ, замѣнять въ формулахъ, относящихся къ совокупности, выраженія вида $\mu_{h_1} \mu_{h_2} \dots \mu_{h_N}$ черезъ соответствующія имъ выраженія $m_{h_1, h_2 \dots h_N}$ и разсматривать получаемыя такимъ образомъ соотношенія, какъ относящіяся къ равномерной системѣ. Съ другой стороны, замѣчая, что $M_{1, h_2 \dots h_N} = 0^1$, убѣждаемся, что отмѣченное выше неудобство при конъюнкціи параметровъ μ (вслѣдствіе $\mu_1 = 0$) отпадаетъ. На этомъ свойствѣ $M_{1, h_2 \dots h_N} = 0$ и основывается калькуляціонно-вспомогательное значеніе параметровъ M .²

Примѣры. Полагая:

$$U_r^{(N)} = \mathbb{E} \frac{1}{N} \sum_{i=1}^N (x_i - x_{(N)})^r$$

и вообще:

$$U_{r_1, r_2 \dots r_m}^{(N)} = \frac{1}{N^m} \mathbb{E} \sum_{i=1}^N (x_i - x_{(N)})^{r_1} \sum_{i=1}^N (x_i - x_{(N)})^{r_2} \dots \sum_{i=1}^N (x_i - x_{(N)})^{r_m}$$

будемъ имѣть въ случаѣ совокупности испытаній³:

$$U_r^{1N} = \mu_r - \frac{1}{N} \left\{ r \mu_r - \frac{1}{2} r^{[-2]} \mu_{r-2} \mu_2 \right\} + \frac{1}{N^2} \left\{ \frac{1}{2} r^{[-2]} \mu_r - \frac{r-1}{2} r^{[-2]} \mu_{r-2} \mu_2 - \frac{1}{6} r^{[-3]} \mu_{r-3} \mu_3 + \frac{1}{8} r^{[-4]} \mu_{r-4} \mu_2^2 \right\} + \dots$$

$$U_{r,r}^{1N} = \mu_r^2 + \frac{1}{N} \left\{ \mu_{2r} - (2r+1) \mu_r^2 - 2r \mu_{r+1} \mu_{r-1} + r^2 \mu_{r-1}^2 \mu_2 \right. \\ \left. + r(r-1) \mu_r \mu_{r-2} \mu_2 \right\} - \frac{1}{N^2} \left\{ 2r \mu_{2r} - r(2r-1) \mu_{2r-2} \mu_2 - 4r^2 \mu_{r+1} \mu_{r-1} - 3(r+1) \mu_r^2 - r(r-1) \mu_{r+2} \mu_{r-2} + 3r^2 \mu_{r-1}^2 \mu_2 \right. \\ \left. + r(r-1)(4r+1) \mu_r \mu_{r-2} \mu_2 + r^{[-3]} \mu_{r+1} \mu_{r-3} \mu_2 + r^2 (r-1) \mu_{r-1} \mu_{r-2} \mu_3 \right. \\ \left. + \frac{1}{3} r^{[-3]} \mu_r \mu_{r-3} \mu_3 - \frac{3}{4} r^2 (r-1)^2 \mu_{r-2}^2 \mu_2^2 - r^2 (r-1)(r-2) \mu_{r-1} \mu_{r-3} \mu_2^2 \right. \\ \left. - \frac{1}{4} r^{[-4]} \mu_r \mu_{r-4} \mu_2^2 \right\} + \dots$$

¹ Ибо $M_{1, h_2 \dots h_N} = \mathbb{E} \{ (x_1 - x_2)(x_3 - x_4)(x_5 - x_6) \dots (x_{2h-1} - x_{2h}) \dots \} = \mathbb{E} \{ x_1$

$(x_3 - x_4) \dots (x_{2h-1} - x_{2h}) \dots \} = \mathbb{E} \{ x_2(x_3 - x_4) \dots (x_{2h-1} - x_{2h}) \dots \} = 0$.

² Совершенно такъ же, какъ въ случаѣ совокупности имѣемъ, на основаніи $\mu_1 = 0$:

$$\sum_{i=0}^h (-1)^i C_h^i m_{h-i} m_1^i = \sum_{i=0}^h (-1)^i C_h^i \mu_{h-i} \mu_1^i = \mu_h \text{ получаемъ, въ случаѣ равномерной системы,}$$

$$\text{на основаніи } M_{1, h_2 \dots h_N} = 0: \sum_{i=0}^h (-1)^i C_h^i m_{h-i, 1, 1, \dots, 1} = \sum_{i=0}^h (-1)^i C_h^i \mu_{h-i, 1, 1, \dots, 1} \\ = \sum_{i=0}^h (-1)^i C_h^i M_{h-i, 1, 1, \dots, 1} = M_h$$

³ См. А. А. Tchouproff, „On the mathematical expectation of the moments of frequency distributions“, Biometrika Vol. XII стр. 186 формула (6) и стр. 189 формула (12). Черезъ $r^{[-k]}$ обозначается $r(r-1)(r-2) \dots (r-k+1)$.

Примѣняя къ этимъ формуламъ операцию конъюнкціи, получаемъ непосредственно формулы, относящіяся къ униформной системѣ:

$$U_r^{[N]} = M_r - \frac{1}{N} \left\{ r M_r - \frac{1}{2} r^{[-2]} M_{r-2,2} \right\} + \frac{1}{N^2} \left\{ \frac{1}{2} r^{[-2]} M_r - \frac{r-1}{2} r^{[-2]} M_{r-2,2} - \frac{1}{6} r^{[-3]} M_{r-3,3} + \frac{1^r}{8} r^{[-4]} M_{r-4,2,2} \right\} + \dots$$

$$U_{r,r}^{[N]} = M_{r,r} + \frac{1}{N} \left\{ M_{2,r} - (2r+1) M_{r,r} - 2r M_{r+1,r-1} + r^2 M_{r-1,r-1,2} + r(r-1) M_{r,r-2,2} \right\} - \frac{1}{N^2} \left\{ 2r M_{2,r} - r(2r-1) M_{2,r-2,2} - 4r^2 M_{r+1,r-1} - 3(r+1) M_{r,r} - r(r-1) M_{r+2,r-2} + 3r^{[-3]} M_{r-1,r-1,2} + r(r-1)(4r+1) M_{r,r-2,2} + r^{[-3]} M_{r+1,r-3,2} + r^2(r-1) M_{r-1,r-2,3} + \frac{1}{3} r^{[-3]} M_{r,r-3,3} - \frac{3}{4} r^2(r-1)^2 M_{r-2,r-2,2,2} - r^2(r-1)(r-2) M_{r-1,r-3,2,2} - \frac{1}{4} r^{[-4]} M_{r,r-4,2,2} \right\} + \dots$$

Полагая напр. $r = 2$ и $r = 3$, получаемъ изъ первой формулы:

$$U_2^{[N]} = M_2 - \frac{1}{N} M_2 = \frac{N-1}{N} M_2$$

$$U_3^{[N]} = M_3 - \frac{3}{N} M_3 + \frac{2}{N^2} M_3 = \frac{(N-1)(N-2)}{N^2} M_3$$

Вторая формула, точно также и первая для $r > 3$, даетъ лишь приближенныя выраженія, содержащія члены лишь до порядка $\frac{1}{N^2}$ включительно.

III

§ 5. Мы возвращаемся къ схемамъ возвращаемаго и невозвращаемаго билета. Пусть, попережнему въ урнѣ находится S билетовъ: изъ нихъ s_1 билетовъ помѣчено числомъ $x^{(1)}$, s_2 — числомъ $x^{(2)}$, ..., s_k — числомъ $x^{(k)}$. Разсматривая число, помѣченное на билетѣ, какъ нѣкоторую случайную переменную x , могущую принимать значенія $x^{(1)}$, $x^{(2)}$, ..., $x^{(k)}$ съ вѣроятностями $\frac{s_1}{S}$, $\frac{s_2}{S}$, ..., $\frac{s_k}{S}$, условимся обозначать черезъ x_1, x_2, \dots, x_N числа, появляющіяся на билетахъ, при первомъ, второмъ, N омъ извлеченіяхъ. Въ случаѣ схемы возвращаемаго билета мы имѣемъ дѣло — какъ это ясно безъ дальнѣйшаго — съ совокупностью испытаній надъ переменною, законъ распределенія значеній которой остается все время неизмѣннымъ. Въ случаѣ схемы невозвращаемаго билета — передъ нами система испытаній. Не трудно показать, что получаемая такимъ образомъ система является униформной.¹

Въ самомъ дѣлѣ, если извлекаемый билетъ обратно въ урну не возвращается, то совершенно безразлично, вынимаются ли N билетовъ по очереди, одинъ за другимъ, или же всѣ N билетовъ извлекаются сразу. Отсюда слѣдуетъ, что порядокъ появления отдѣльныхъ билетовъ не играетъ никакой

¹ Ср. Al. A. Tchuproff, „Zur Theorie der Stabilität statistischer Reihen“, Skandinavisk Aktuarietidskrift 1918 стр. 216—219.

роли, и мы можем перенумеровать вынутые N билетов, как угодно, рассматривая любой из них, как появившийся при первом, втором и т. д. извлечении. Вследствие этого математическое ожидание $E x_1^{h_1} x_2^{h_2} \dots x_N^{h_N}$ остается неизменным при любой перестановке $x_1, x_2 \dots x_N$ — или что то же самое, при любой перестановке индексов $h_1, h_2 \dots h_N$ — и, следовательно, получаемая таким образом система испытаний является равномерной.

Аналитически, связь между отдельными испытаниями, производимыми на основе схемы невозвращаемого билета, может быть определена следующими основными свойствами этой схемы: в случае $N = S$, билеты, помеченные числами $x_1, x_2 \dots x_N$, исчерпывают весь состав урны и, следовательно, представляют собой, в некотором порядке, s_1 билетов, помеченных числом $x^{(1)}$, s_2 — помеченных числом $x^{(2)}$, ..., s_k — помеченных числом $x^{(k)}$. Исходя из этого свойства, будем иметь:

$$m_h = E x^h = \sum_{i=1}^k \frac{s_i}{S} x^{(i)h} = \frac{1}{S} \sum_{j=1}^S x_j^h$$

и вообще:

$$m_{h_1, h_2 \dots h_N} = E x_1^{h_1} x_2^{h_2} \dots x_N^{h_N} = \frac{1}{S^{[N]}} \sum_{i_1, i_2 \dots i_N} x_{i_1}^{h_1} x_{i_2}^{h_2} \dots x_{i_N}^{h_N}$$

где $S^{[N]} = S(S-1)(S-2)\dots(S-N+1)$, а сумма $\sum_{i_1, i_2 \dots i_N}$ распространена на

все сочетания по N , с повторениями, индексов $i_1, i_2 \dots i_N$ из чисел 1, 2, 3, ..., S . Замечая, что сумма эта — $\sum_{i_1, i_2 \dots i_N} x_{i_1}^{h_1} x_{i_2}^{h_2} \dots x_{i_N}^{h_N}$ — является симметрической

функцией переменных $x_1, x_2 \dots x_S$ и, следовательно, может быть выражена с помощью элементарных симметрических функций вида $\sum_{i=1}^S x_i^h$; убежда-

емся, что параметры $m_{h_1, h_2 \dots h_N}$ — в случае схемы невозвращаемого билета — могут быть рационально выражены через параметры m_h .

Имеем например¹:

$$m_{1,1} = \frac{1}{S(S-1)} \sum_{i,j} x_i x_j = \frac{1}{S(S-1)} \left\{ (x_1 + x_2 + \dots + x_S)^2 - (x_1^2 + x_2^2 + \dots + x_S^2) \right\} \\ = \frac{1}{S(S-1)} (S^2 m_1^2 - S m_2)$$

$$m_{1,2} = \frac{1}{S(S-1)} \sum_{i,j} x_i x_j^2 = \frac{1}{S(S-1)} \left\{ \sum_{i=1}^S x_i \sum_{j=1}^S x_j^2 - \sum_{i=1}^S x_i^3 \right\} \\ = \frac{1}{S(S-1)} (S^2 m_1 m_2 - S m_3)$$

$$m_{1,1,1} = \frac{1}{S(S-1)(S-2)} \sum_{i,j,k} x_i x_j x_k = \frac{1}{S(S-1)(S-2)} \left\{ \left(\sum_{i=1}^S x_i \right)^3 - 3 \sum_{i=1}^S x_i \sum_{j=1}^S x_j^2 \right. \\ \left. + 2 \sum_{i=1}^S x_i^3 \right\} = \frac{1}{S(S-1)(S-2)} (S^3 m_1^3 - 3 S^2 m_1 m_2 + 2 S m_3).$$

¹ См. Al. A. Tchouproff, „On the mathematical expectation of the moments of frequency distributions...“ Metron Vol. II.

Точно также получаем:¹

$$m_{1,3} = \frac{1}{S(S-1)} (S^2 m_1 m_3 - S m_4)$$

$$m_{2,2} = \frac{1}{S(S-1)} (S^2 m_2^2 - S m_4)$$

$$m_{1,1,2} = \frac{1}{S(S-1)(S-2)} (S^2 m_1^2 m_2 - 2 S^2 m_1 m_3 - S^2 m_2^2 + 2 S m_4)$$

$$m_{1,1,1,1} = \frac{1}{S(S-1)(S-2)(S-3)} (S^4 m_1^4 - 6 S^3 m_1^2 m_2 + 8 S^2 m_1 m_3 + 3 S^2 m_2^2 - 6 S m_4)$$

Не приводя самого вывода, укажем и общую формулу:

$$m_{h_1, h_2, \dots, h_N} = \frac{(-1)^N}{S(-N)} \sum_{r=1}^N \{ (-S)^r \underset{k_1, k_2, \dots, k_r}{S} \{ |k_1 - 1| |k_2 - 1| \dots |k_r - 1| \}$$

$$\underset{h_1, h_2, \dots, h_N}{S} m_{h_1 + h_2 + \dots + h_{k_1}} m_{h_{k_1+1} + h_{k_1+2} + \dots + h_{k_1+k_2}} \dots m_{h_{k_1+k_2+\dots+k_{r-1}+1+\dots+h_{k_1+k_2+\dots+k_r}} \}$$

гдѣ сумма $\underset{k_1, k_2, \dots, k_r}{S}$ распространяется на всевозможныя значенія k_1, k_2, \dots, k_r , удовлетворяющія условіямъ: $1 \leq k_1 \leq k_2 \leq \dots \leq k_r$ и $k_1 + k_2 + \dots + k_r = N$, а сумма $\underset{h_1, h_2, \dots, h_N}{S}$ — на группы всевозможныхъ сочетаній по k_1 , по $k_2 \dots$ по k_r — безъ повтореній — изъ индексовъ h_1, h_2, \dots, h_N .

Полагая напр. въ этой общей формулѣ $N = 2, 3, 4$, находимъ:¹

$$m_{h_1, h_2} = \frac{1}{S(S-1)} (S^2 m_{h_1} m_{h_2} - S m_{h_1+h_2})$$

$$m_{h_1, h_2, h_3} = \frac{1}{S(S-1)(S-2)} \{ S^3 m_{h_1} m_{h_2} m_{h_3} - S^2 (m_{h_1} m_{h_2+h_3} + m_{h_2} m_{h_1+h_3} + m_{h_3} m_{h_1+h_2}) + 2 S m_{h_1+h_2+h_3} \}$$

$$m_{h_1, h_2, h_3, h_4} = \frac{1}{S(S-1)(S-2)(S-3)} \{ S^4 m_{h_1} m_{h_2} m_{h_3} m_{h_4} - S^3 (m_{h_1} m_{h_2} m_{h_3+h_4} + m_{h_1} m_{h_3} m_{h_2+h_4} + m_{h_2} m_{h_3} m_{h_1+h_4} + m_{h_2} m_{h_4} m_{h_1+h_3} + m_{h_3} m_{h_4} m_{h_1+h_2}) + S^2 \{ 2 (m_{h_1} m_{h_2+h_3+h_4} + m_{h_2} m_{h_1+h_2+h_4} + m_{h_3} m_{h_1+h_2+h_4} + m_{h_4} m_{h_1+h_2+h_3}) + (m_{h_1+h_2} m_{h_3+h_4} + m_{h_1+h_3} m_{h_2+h_4} + m_{h_1+h_4} m_{h_2+h_3}) \} - 6 S m_{h_1+h_2+h_3+h_4} \}$$

§ 6. Разсматривая $\mu_{h_1, h_2, \dots, h_N} = E(x_1 - m_1)^{h_1} (x_2 - m_2)^{h_2} \dots (x_N - m_N)^{h_N}$, какъ математическое ожиданіе $E X_1^{h_1} X_2^{h_2} \dots X_N^{h_N}$, гдѣ $X_i = x_i - m_i$ ($i = 1, 2, \dots, N$), убѣждаемся, что, замѣняя въ приведенныхъ выше формулахъ букву m повсюду буквой μ , получаемъ формулы, выражающія параметры $\mu_{h_1, h_2, \dots, h_N}$ черезъ параметры μ_h . Замѣчая, что $\mu_1 = 0$, находимъ, наприимѣръ:

¹ См. Al. A. Tchouproff, „On the mathematical expectation of the moments of frequency distributions...“ Metron, Vol. II.

$$\mu_{1,1} = -\frac{1}{S-1} \mu_2$$

$$\mu_{1,2} = -\frac{1}{S-1} \mu_3$$

$$\mu_{1,3} = -\frac{1}{S-1} \mu_4$$

$$\mu_{2,2} = -\frac{1}{S-1} \mu_4 + \frac{S}{S-1} \mu_2^2$$

$$\mu_{1,1,1} = \frac{2}{(S-1)(S-2)} \mu_3$$

$$\mu_{1,1,2} = \frac{2}{(S-1)(S-2)} \mu_4 - \frac{S}{(S-1)(S-2)} \mu_2^2$$

$$\mu_{1,1,1,1} = \frac{-6}{(S-1)(S-2)(S-3)} \mu_4 + \frac{3S}{(S-1)(S-2)(S-3)} \mu_2^2$$

Выражая параметры M_{h_1, h_2, \dots, h_N} через параметры $\mu_{h_1, h_2, \dots, h_N}^1$ и замѣняя послѣдніе ихъ выраженіями въ параметрахъ μ_h , получаемъ формулы, опредѣляющія величины M_{h_1, h_2, \dots, h_N} , какъ спеціальныя параметры схемы невозвращаемаго билета. Имѣемъ напримѣръ:

$$M_2 = \mu_2 - \mu_{1,1} = \frac{S}{S-1} \mu_2$$

$$M_3 = \mu_3 - 3 \mu_{1,2} + 2 \mu_{1,1,1} = \frac{S^2}{(S-1)(S-2)} \mu_3$$

$$M_4 = \mu_4 - 4 \mu_{1,3} + 6 \mu_{1,1,2} - 3 \mu_{1,1,1,1} = \frac{S^3}{(S-1)(S-2)(S-3)} \mu_4 - \frac{S(2S-3)}{(S-1)(S-2)(S-3)} (\mu_4 + 3 \mu_2^2)$$

$$M_{2,2} = \mu_{2,2} - 2 \mu_{1,1,2} + \mu_{1,1,1,1} = \frac{S^3}{(S-1)(S-2)(S-3)} \mu_2^2 - \frac{S}{(S-2)(S-3)} (\mu_4 + 3 \mu_2^2) \text{ и т. д.}$$

Формулы эти, выражающія параметры M_{h_1, h_2, \dots, h_N} через параметры μ_h , могутъ разсматриваться, какъ формулы перехода отъ равномерной системы вообще къ спеціальному ея случаю, схемѣ невозвращаемаго билета. Переходъ отъ схемы возвращаемаго билета къ схемѣ билета невозвращаемаго осуществляется, такимъ образомъ, въ два приема: 1) конъюнкціей совокупности въ равномерную систему, т. е. переходомъ отъ параметровъ $\mu_{h_1}, \mu_{h_2}, \dots, \mu_{h_N}$, относящихся къ схемѣ возвращаемаго билета, къ параметрамъ M_{h_1, h_2, \dots, h_N} , характеризующимъ равномерную систему и 2) обратнымъ переходомъ отъ параметровъ M_{h_1, h_2, \dots, h_N} къ параметрамъ μ_h , осуществляемымъ посредствомъ формулъ перехода отъ равномерной системы къ ея спеціальному случаю, схемѣ невозвращаемаго билета. Равномерная система и характеризующіе ее параметры- M являются, такимъ образомъ, посредствующимъ звеномъ, какъ бы пересадочной станціей на пути отъ схемы возвращаемаго билета къ схемѣ билета невозвращаемаго.

Нѣсколько примѣровъ пояснятъ это. Полагая, какъ и раньше:

$$U_{r_1, r_2, \dots, r_m}^{(N)} = \frac{1}{N^m} \left[\sum_{i=1}^N (x_i - x_{(N)})^{r_1} \sum_{i=1}^N (x_i - x_{(N)})^{r_2} \dots \sum_{i=1}^N (x_i - x_{(N)})^{r_m} \right]$$

¹ Напр. имѣемъ $M_h = \sum_{i=0}^h (-1)^i C_h^i \mu_{h-i, 1, 1, \dots, 1}$. Ср. примѣчаніе ² къ стр. 112.

и въ частности:

$$U_r^{(N)} = E \frac{1}{N} \sum_{i=1}^N (x_i - x_{(N)})^r$$

будемъ имѣть въ случаѣ схемы возвращаемаго билета:¹

$$\begin{aligned} U_2^{[N]} &= \frac{N-1}{N} \mu_2 \\ U_3^{[N]} &= \frac{(N-1)(N-2)}{N^2} \mu_3 \\ U_4^{[N]} &= \frac{(N-1)(N-2)(N-3)}{N^3} \mu_4 + \frac{(N-1)(2N-3)}{N^3} (\mu_4 + 3\mu_2^2) \\ U_{2,2}^{[N]} &= \frac{(N-1)(N-2)(N-3)}{N^3} \mu_{2,2}^2 + \frac{(N-1)^2}{N^3} (\mu_4 + 3\mu_2^2) \end{aligned}$$

Примѣняя къ этимъ формуламъ операцію конъюнкци, переходимъ къ формуламъ, относящимся къ равномерной системѣ:

$$\begin{aligned} U_2^{[N]} &= \frac{N-1}{N} m_2 \\ U_3^{[N]} &= \frac{(N-1)(N-2)}{N^2} m_3 \\ U_4^{[N]} &= \frac{(N-1)(N-2)(N-3)}{N^3} m_4 + \frac{(N-1)(2N-3)}{N^3} (m_4 + 3m_{2,2}) \\ U_{2,2}^{[N]} &= \frac{(N-1)(N-2)(N-3)}{N^3} m_{2,2} + \frac{(N-1)^2}{N^3} (m_4 + 3m_{2,2}) \end{aligned}$$

Подставляя въ эти формулы приведенныя выше выраженія для параметровъ m_2 , m_3 , m_4 и $m_{2,2}$ и обозначая $U_{r_1, r_2, \dots, r_m}^{[N]}$ въ специальномъ случаѣ равномерной системы — схемы невозвращаемаго билета — черезъ $U_{r_1, r_2, \dots, r_m}^{[N/S]}$, находимъ окончательно:²

$$\begin{aligned} U_2^{[N/S]} &= \frac{N-1}{N} \frac{S}{S-1} \mu_2 \\ U_3^{[N/S]} &= \frac{(N-1)(N-2)}{N^2} \frac{S^2}{(S-1)(S-2)} \mu_3 \\ U_4^{[N/S]} &= \frac{(N-1)(N-2)(N-3)}{N^3} \frac{S^3}{(S-1)(S-2)(S-3)} \mu_4 \\ &\quad + \frac{(N-1)(S-N)(2NS-3S-3N+3)S}{N^3(S-1)(S-2)(S-3)} (\mu_4 + 3\mu_2^2) \\ U_{2,2}^{[N/S]} &= \frac{(N-1)(N-2)(N-3)}{N^3} \frac{S^3}{(S-1)(S-2)(S-3)} \mu_{2,2}^2 \\ &\quad + \frac{(N-1)(S-N)(NS-S-N-1)S}{N^3(S-1)(S-2)(S-3)} (\mu_4 + 3\mu_2^2) \end{aligned}$$

¹ См. Al. A. Tchouproff, „On the mathematical expectation of the moments of frequency distributions“, Biometrika Vol. XII, стр. 186 формулы (7) и стр. 192 формула (19).
² Ср. Al. A. Tchouproff, „On the mathematical expectation . . .“, Metron Vol. II.

Условившись, как и раньше, обозначать: $N^{[-k]} = N(N-1)(N-2)\dots(N-k+1)$ и $S^{[-k]} = S(S-1)(S-2)\dots(S-k+1)$, можем представить эти формулы и въ слѣдующемъ видѣ:

$$U_2^{[N/S]} = \frac{N^{[-1]} S^2}{N^2 S^{[-2]}} \mu_2$$

$$U_3^{[N/S]} = \frac{N^{[-3]} S^3}{N^3 S^{[-3]}} \mu_3$$

$$U_4^{[N/S]} = \frac{N^{[-4]} S^4}{N^4 S^{[-4]}} \mu_4 + \frac{N^{[-2]} S^2}{N^2 S^{[-2]}} \frac{(S-N)(2NS-3S-3N+3)}{N^2(S-2)(S-3)} (\mu_4 + 3\mu_2^2)$$

$$U_{2,2}^{[N/S]} = \frac{N^{[-4]} S^4}{N^4 S^{[-4]}} \mu_{2,2}^2 + \frac{N^{[-2]} S_2}{N^2 S^{[-2]}} \frac{(S-N)(NS-S-N-1)}{N^2(S-2)(S-3)} (\mu_4 + 3\mu_2^2)$$

Полезно отмѣтить себѣ слѣдующее соотношеніе между параметрами- μ и параметрами- m :

$$m_4 + 3m_{2,2} = \frac{S}{S-1} (\mu_4 + 3\mu_2^2) \text{ или, что то же самое: } S^{[-2]} (m_4 + 3m_{2,2}) = S^2 (\mu_4 + 3\mu_2^2)$$

§ 7. Таковъ общій методъ, съ помощью котораго можетъ быть переброшенъ мостъ отъ формулы, относящихся къ схемѣ возвращаемаго билета, къ формуламъ, характеризующимъ схему невозвращаемаго билета. Въ отдѣльныхъ случаяхъ, однако, искомыя формулы могутъ быть получены и болѣе короткимъ путемъ. Такъ, въ приведенныхъ выше примѣрахъ слѣдующія разсужденія приводятъ весьма быстро къ цѣли. При этомъ, съ особенной ясностью выступаетъ калькуляціонно-вспомогательное значеніе параметровъ- M .

Мы исходимъ изъ замѣчанія, что въ случаѣ $N = S$ имѣеть мѣсто:

$$x_{(s)} = \frac{1}{S} (x_1 + x_2 + \dots + x_s) = \sum_{i=1}^k \frac{S^i}{S} x^{(i)} = m_1$$

и слѣдовательно:

$$U_r^{[S/S]} = \left[\frac{1}{S} \sum_{i=1}^S (x_i - x_{(s)})^r \right] = \left[\frac{1}{S} \sum_{i=1}^S (x_i - m_1)^r \right] = \left[\mu_r = \mu_r \right]$$

и точно также:

$$U_{r_1, r_2, \dots, r_m}^{[S/S]} = \left[\left\{ \frac{1}{S} \sum_{i=1}^S (x_i - m_1)^{r_1} \right\} \left\{ \frac{1}{S} \sum_{i=1}^S (x_i - m_1)^{r_2} \right\} \dots \left\{ \frac{1}{S} \sum_{i=1}^S (x_i - m_1)^{r_m} \right\} \right] = \mu_{r_1} \mu_{r_2} \dots \mu_{r_m}$$

Принимая это во вниманіе и выражая, съ другой стороны, $U_{r_1, r_2, \dots, r_m}^{[S/S]}$ въ параметрахъ- μ , будемъ имѣть:

$$\mu_2 = U_2^{[S/S]} = \frac{S-1}{S} M_2$$

$$\mu_3 = U_3^{[S/S]} = \frac{(S-1)(S-2)}{S^2} M_3$$

$$\mu_4 = U_4^{[S/S]} = \frac{(S-1)(S-2)(S-3)}{S^3} M_4 + \frac{(S-1)(2S-3)}{S^3} (M_4 + 3M_{2,2})$$

$$\mu_{2,2}^2 = U_{2,2}^{[S/S]} = \frac{(S-1)(S-2)(S-3)}{S^3} M_{2,2} + \frac{(S-1)^2}{S^3} (M_4 + 3M_{2,2})$$

и отсюда:

$$\begin{aligned} M_2 &= \frac{S}{S-1} \mu_2 \\ M_3 &= \frac{S^2}{(S-1)(S-2)} \mu_3 \\ M_4 &= \frac{S^3}{(S-1)(S-2)(S-3)} \mu_4 - \frac{S(2S-3)}{(S-1)(S-2)(S-3)} (\mu_4 + 3\mu_2^2) \\ M_{2,2} &= \frac{S^3}{(S-1)(S-2)(S-3)} \mu_2^2 - \frac{S}{(S-2)(S-3)} (\mu_4 + 3\mu_2^2) \end{aligned}$$

т. е. находим известные уже нам формулы перехода от равномерной системы к специальному ее случаю — схеме невозвращаемого билета. Пользуясь соотношением

$$M_4 + 3M_{2,2} = \frac{S}{S-1} (\mu_4 + 3\mu_2^2)^1,$$

без труда получаем искомого выражения для $U_2^{[N/S]}$, $U_3^{[N/S]}$, $U_4^{[N/S]}$ и $U_{2,2}^{[N/S]}$.

Другой примѣръ. Имѣемъ въ случаѣ схемы возвращаемого билета:²

$$U_5^{[N]} = \frac{(N-1)(N-2)(N-3)(N-4)}{N^4} \mu_5 + \frac{5(N-1)(N-2)^2}{N^4} (\mu_5 + 2\mu_2\mu_3)$$

и, следовательно, въ случаѣ равномерной системы:

$$U_5^{[N]} = \frac{(N-1)(N-2)(N-3)(N-4)}{N^4} M_5 + \frac{5(N-1)(N-2)^2}{N^4} (M_5 + 2M_{2,3})$$

Привлекая, въ связи съ этимъ, математическое ожидание $U_{2,3}^{(N)}$, находимъ въ случаѣ совокупности испытаний (ср. примѣчание: 1)

$$U_5^{[N]} + 2U_{2,3}^{[N]} = \frac{(N-1)(N-2)}{N^2} (\mu_5 + 2\mu_2\mu_3)$$

и, следовательно, въ случаѣ равномерной системы:

$$U_5^{[N]} + 2U_{2,3}^{[N]} = \frac{(N-1)(N-2)}{N^2} (M_5 + 2M_{2,3})$$

Замѣчая, съ другой стороны, что, въ случаѣ $N = S$,

$$U_5^{[S/S]} = \mu_5 \quad \text{и} \quad U_{2,3}^{[S/S]} = \mu_2\mu_3,$$

получаемъ, аналогично прежнему:

$$\mu_5 = U_5^{[S/S]} = \frac{(S-1)(S-2)(S-3)(S-4)}{S^4} M_5 + 5 \frac{(S-1)(S-2)^2}{S^4} (M_5 + 2M_{2,3})$$

и

$$\mu_5 + 2\mu_2\mu_3 = U_5^{[S/S]} + 2U_{2,3}^{[S/S]} = \frac{(S-1)(S-2)}{S^2} (M_5 + 2M_{2,3})$$

¹ Соотношение это можетъ разсматриваться, какъ частный случай болѣе общаго тождества: $U_4^{[N]} + 3U_{2,2}^{[N]} = \frac{N-1}{N} (\mu_4 + 3\mu_2^2)$ или — переходя къ равномерной системѣ —

$U_4^{[N]} + U_{2,2}^{[N]} = \frac{N-1}{N} (M_4 + 3M_{2,2})$. Полагая $N = S$, мы и находимъ: $\mu_4 + 3\mu_2^2 = U_4^{[S/S]} + 3U_{2,2}^{[S/S]} = \frac{S-1}{S} (M_4 + 3M_{2,2})$ или: $S^{[-2]} (M_4 + 3M_{2,2}) = S^2 (\mu_4 + 3\mu_2^2)$.

² Ср. Al. A. Tchouproff, „On the mathematical expectation of the moments of frequency distributions“, Biometrika Vol. XII, стр. 186 формула (7).

Отсюда находимъ:

$$M_5 + M_{2,3} = \frac{S^2}{(S-1)(S-2)} (\mu_5 + 2\mu_2\mu_3) \text{ или } S^{[-3]}(M_5 + 2M_{2,3}) = S^3(\mu_5 + 2\mu_2\mu_3)$$

$$M_5 = \frac{S^4}{(S-1)(S-2)(S-3)(S-4)} \mu_5 - 5 \frac{S^2(S-2)}{(S-1)(S-2)(S-3)(S-4)} (\mu_5 + 2\mu_2\mu_3)$$

Вставляя эти значенія для M_5 и $M_5 + 2M_{2,3}$ въ приведенныя выше выраженія для $U_5^{[N]}$, получаемъ окончательно:

$$U_5^{[N/S]} = \frac{(N-1)(N-2)(N-3)(N-4)}{N^4} \frac{S^4}{(S-1)(S-2)(S-3)(S-4)} \mu_5 + 5 \frac{(N-1)(N-2)(S-N)(NS-2S-2N+2)S^2}{N^4(S-1)(S-2)(S-3)(S-4)} (\mu_5 + 2\mu_2\mu_3)$$

или, прибѣгая къ другому способу обозначенія:

$$U_5^{[N/S]} = \frac{N^{[-5]} S^5}{N^5 S^{[-5]}} \mu_5 + 5 \frac{N^{[-3]} S^3}{N^3 S^{[-3]}} \frac{(S-N)(NS-2S-2N+2)}{N^2(S-3)(S-4)} (\mu_5 + 2\mu_2\mu_3).$$

§ 8. Въ качествѣ примѣра равномерной системы испытаній мы разсматривали до сихъ поръ схему невозвращаемаго билета. Другимъ примѣромъ, формально весьма близко напоминающимъ схему невозвращаемаго билета и въ то же самое время, въ извѣстномъ смыслѣ, противоположнымъ¹ ей, можетъ служить схема прикладываемаго билета. Схему эту мы получаемъ, если послѣ каждаго извлеченія не только вынувшійся при немъ билетъ возвращается обратно въ урну, но и вмѣстѣ съ нимъ прикладывается въ нее новый билетъ, помѣченный тѣмъ же числомъ, что и вынутый. N послѣдовательнымъ извлеченіямъ соответствуютъ, такимъ образомъ, N послѣдовательно прикладываемыхъ билетовъ. Не останавливаясь болѣе подробно на анализѣ этой схемы², приведемъ нѣсколько формулъ, характеризующихъ ее.

Полагая $S^{[+N]} = S(S+1)(S+2) \dots (S+N-1)$, получаемъ аналогичную извѣстному уже намъ соотношенію формулу:

$$m_{h_1 h_2 \dots h_N} = \frac{1}{S^{[+N]}} \sum_{r=1}^N \left\{ S^r \sum_{k_1, k_2, \dots, k_r} \{ |k_1 - 1| |k_2 - 1| \dots |k_r - 1| \right\}$$

$$\left. \sum_{h_1, h_2, \dots, h_N} m_{h_1+h_2+\dots+h_{k_1}} m_{h_{k_1}+1+h_{k_1}+2+\dots+h_{k_1}+k_2} \dots m_{h_{k_1}+k_2+\dots+k_{r-1}+1+\dots+h_{k_1}+k_2+\dots+k_r} \right\},$$

гдѣ суммы $\sum_{k_1, k_2, \dots, k_N}$ и $\sum_{h_1, h_2, \dots, h_N}$ имѣютъ тотъ же смыслъ, что и въ формулѣ, относящейся

къ схемѣ невозвращаемаго билета.

¹ Схема невозвращаемаго билета противостоятъ схемѣ прикладываемаго билета, какъ — употребляя Лексисову терминологию — схема сверхъ — нормально устойчивыхъ статистическихъ рядовъ — схемѣ рядовъ съ устойчивостью ниже нормальной.

² Униформность системы испытаній, получаемой на основѣ схемы прикладываемаго билета, обнаруживается весьма просто съ помощью критерія, устанавливаемого въ слѣдующемъ параграфѣ.

Переходя къ параметрамъ- μ , находимъ, въ частности:

$$\mu_{1,1} = \frac{1}{S+1} \mu_2$$

$$\mu_{1,2} = \frac{1}{S+1} \mu_3$$

$$\mu_{1,3} = \frac{1}{S+1} \mu_4$$

$$\mu_{2,2} = \frac{1}{S+1} \mu_4 + \frac{S}{S+1} \mu_2^2$$

$$\mu_{1,1,1} = \frac{2}{(S+1)(S+2)} \mu_3$$

$$\mu_{1,1,2} = \frac{2}{(S+1)(S+2)} \mu_4 + \frac{S}{(S+1)(S+2)} \mu_2^2$$

$$\mu_{1,1,1,1} = \frac{6}{(S+1)(S+2)(S+3)} \mu_4 + \frac{3S}{(S+1)(S+2)(S+3)} \mu_2^2$$

и отсюда

$$M_2 = \mu_2 - \mu_{1,1} = \frac{S}{S+1} \mu_2$$

$$M_3 = \mu_3 - 3\mu_{1,2} + 2\mu_{1,1,1} = \frac{S^2}{(S+1)(S+2)} \mu_3$$

$$M_4 = \mu_4 - 4\mu_{1,3} + 6\mu_{1,1,2} - 3\mu_{1,1,1,1} = \frac{S^3}{(S+1)(S+2)(S+3)} \mu_4 + \frac{S(2S+3)}{(S+1)(S+2)(S+3)} (\mu_4 + 3\mu_2^2)$$

$$M_{2,2} = \mu_{2,2} - 2\mu_{1,1,2} + \mu_{1,1,1,1} = \frac{S^3}{(S+1)(S+2)(S+3)} \mu_2^2 + \frac{S}{(S+2)(S+3)} (\mu_4 + 3\mu_2^2)$$

Точно также находимъ:

$$M_4 + 3M_{2,2} = \frac{S}{S+1} (\mu_4 + 3\mu_2^2) \text{ или } S^{(+2)}(M_4 + 3M_{2,2}) = S^2(\mu_4 + 3\mu_2^2)$$

$$M_5 + 2M_{2,3} = \frac{S^2}{(S+1)(S+2)} (\mu_5 + 2\mu_2\mu_3) \text{ или } S^{(+3)}(M_5 + 2M_{2,3}) = S^3(\mu_5 + 2\mu_2\mu_3)$$

Обозначая $U_r^{[N]}$, въ случаѣ схемы прикладываемаго билета, черезъ $U_r^{[S/N]}$, будемъ имѣть, наконецъ:

$$U_2^{[S/N]} = \frac{N-1}{N} \frac{S}{S+1} \mu_2$$

$$U_3^{[S/N]} = \frac{(N-1)(N-2)}{N^2} \frac{S^2}{(S+1)(S+2)} \mu_3$$

$$U_4^{[S/N]} = \frac{(N-1)(N-2)(N-3)}{N^3} \frac{S^3}{(S+1)(S+2)(S+3)} \mu_4 + \frac{(N-1)(S+N)(2NS-3S+3N-3)S}{N^3(S+1)(S+2)(S+3)} (\mu_4 + 3\mu_2^2)$$

$$U_5^{[S/N]} = \frac{(N-1)(N-2)(N-3)(N-4)}{N^4} \frac{S^4}{(S+1)(S+2)(S+3)(S+4)} \mu_5 + 5 \frac{(N-1)(N-2)(S+N)(NS-2S+2N-2)S^2}{N^4(S+1)(S+2)(S+3)(S+4)} (\mu_5 + 2\mu_2\mu_3)$$

Замѣчая, что приведенныя формулы переходятъ всё, при замѣнѣ S черезъ $-S$, соответственно въ формулы, относящіяся къ схемѣ невозвращаемаго билета, убѣждаемся, что въ формальномъ отношеніи схемы прикладываемаго и невозвращаемаго билета представляютъ собой одинъ и тотъ же типъ униформныхъ системъ.

IV

§ 9. Въ основу даннаго выше опредѣленія понятія равномерной системы положенъ признакъ:

$$m_{h_1, h_2 \dots h_N} = m_{h_{i_1}, h_{i_2} \dots h_{i_N}}$$

для любой перестановки $h_{i_1}, h_{i_2} \dots h_{i_N}$ индексовъ $h_1, h_2 \dots h_N$. Замѣчая, что въ случаѣ независимости испытаній $m_{h_1, h_2 \dots h_N} = m_{h_1} m_{h_2} \dots m_{h_N}$ и что произведение $m_{h_1} m_{h_2} \dots m_{h_N}$ отъ переменны мѣстъ множителей не мѣняется, убѣждаемся, что въ этомъ случаѣ $m_{h_1, h_2 \dots h_N}$ остается неизмѣннымъ при любой перестановкѣ индексовъ $h_1, h_2 \dots h_N$ и что, слѣдовательно, совокупность испытаній — при неизмѣнномъ законѣ распредѣленія значений переменной — обладаетъ свойствомъ равномерности.

Уравновѣсность совокупности покоится, такимъ образомъ, на свойствахъ произведения не мѣнять величины при измѣненіи порядка множителей, — на коммутативности произведенія. Разсматривая проблему подъ нѣсколькими иными „стохастическими“¹ углами зрѣнія, мы можемъ сказать: равномерность совокупности покоится на томъ, что математическое ожиданіе $E x_1^{h_1} x_2^{h_2} \dots x_N^{h_N}$ остается неизмѣннымъ при всякомъ порядкѣ испытаній. Это свойство мы и называемъ „стохастической коммутативностью“.

Не трудно убѣдиться, что и въ случаѣ системы свойство равномерности покоится также на стохастической коммутативности испытаній: неизмѣнность значенія $m_{h_1, h_2 \dots h_N}$ при любой перестановкѣ индексовъ $h_1, h_2 \dots h_N$ и независимость математическаго ожиданія $E x_1^{h_1}, x_2^{h_2} \dots x_N^{h_N}$ отъ порядка испытаній надъ случайной переменной x представляются и въ этомъ случаѣ лишь разными словесными формулировками одного и того же положенія.

Понятіе стохастической коммутативности можетъ быть облечено и въ нѣсколько иную форму. Обозначая, какъ раньше, черезъ $p_1, p_2 \dots p_k$ вѣроятности появленія значений $x^{(1)}, x^{(2)} \dots x^{(k)}$ переменной x , условимся обозначать черезъ $p_{i_1, i_2 \dots i_N}$ вѣроятность, что при первомъ испытаніи переменная x приметъ значеніе $x^{(i_1)}$, при второмъ — значеніе $x^{(i_2)} \dots$ при N омъ испытаніи — значеніе $x^{(i_N)}$.² Замѣчая, что въ случаѣ независимости испытаній другъ отъ друга, $p_{i_1, i_2 \dots i_N} = p_{i_1} p_{i_2} \dots p_{i_N}$ и что произведение $p_{i_1} p_{i_2} \dots p_{i_N}$ отъ переменны мѣстъ множителей не мѣняется, убѣждаемся, что въ случаѣ совокупности испытаній — при неизмѣнномъ законѣ распредѣленія значений переменной — вѣроятность $p_{i_1, i_2 \dots i_N}$ остается неизмѣнной при любой перестановкѣ индексовъ $i_1, i_2 \dots i_N$; другими словами: вѣроятность того, что переменная x при N испытаніяхъ приметъ значенія $x^{(i_1)}, x^{(i_2)} \dots x^{(i_N)}$ не зависитъ отъ порядка появленія этихъ значеній.

¹ См. L. v. Bortkiewicz, Die Iterationen, 1917 стр. 3 „Die an der Wahrscheinlichkeitstheorie orientierte ... Betrachtung empirischer Vielheiten möge als Stochastik (von $\sigma\tau\omicron\chi\acute{\alpha}\xi\sigma\theta\alpha\iota = \text{zielen, mutmaßen})$ bezeichnet werden.“

² $x^{(i_1)}, x^{(i_2)}, \dots, x^{(i_N)}$ представляютъ собой нѣкоторые изъ значений $x^{(1)}, x^{(2)} \dots x^{(k)}$; они могутъ быть все или частично равны между собой. Попрямому предполагается, что законъ распредѣленія значений переменной остается неизмѣннымъ.

Въ случаѣ совокупности испытаній положеніе это, конечно, является трюизмомъ, ибо, если всё испытанія независимы другъ отъ друга, порядокъ послѣдовательности ихъ совершенно безразличенъ и мы можемъ перенумеровать ихъ, какъ угодно. Однако конститутивнымъ признакомъ стохастической коммутативности испытаній — какъ мы, согласно прежнему, называемъ свойство независимости величины $p_{i_1, i_2 \dots i_N}$ отъ порядка испытаній — является отнюдь не взаимная независимость послѣднихъ, а неизмѣнность закона распредѣленія значеній переменнѣй, надъ которой производится испытанія. Отбрасывая, поэтому, предпосылку о независимости испытаній, мы получаемъ стохастически-коммутативныя системы испытаній, т. е. системы, порядокъ испытаній въ которыхъ представляется съ стохастической точки зрѣнія безразличнымъ. Въ качествѣ, примѣровъ могутъ служить схемы невозвращаемаго и прикладываемого билета. Условившись писать: $s^{[-h]} = s(s-1)(s-2)\dots(s-h+1)$ и $s^{[+h]} = s(s+1)(s+2)\dots(s+h-1)$, мы находимъ: вѣроятность извлечь изъ урны въ нѣкоторомъ опредѣленномъ порядкѣ h_1 билетовъ, помѣченныхъ числомъ $x^{(1)}$, h_2 билетовъ, помѣченныхъ числомъ $x^{(2)}$... h_k билетовъ, помѣченныхъ числомъ $x^{(k)}$, будетъ равна:

$$\begin{aligned} \text{въ случаѣ схемы возвращаемаго билета} & \quad - \frac{s_1^{h_1} s_2^{h_2} \dots s_k^{h_k}}{S^N} \\ \text{въ случаѣ схемы невозвращаемаго билета} & \quad - \frac{s^{[-h_1]} s^{[-h_2]} \dots s^{[-h_k]}}{S^{[-N]}} \\ \text{въ случаѣ схемы прикладываемого билета} & \quad - \frac{s^{[+h_1]} s^{[+h_2]} \dots s^{[+h_k]}}{S^{[+N]}} \end{aligned}$$

гдѣ $N = h_1 + h_2 + \dots + h_k$.

Не трудно и при такомъ опредѣленіи понятія стохастической коммутативности показать, что понятія стохастической коммутативности и униформности взаимно покрываются. Замѣчая, что

$$m_{h_1, h_2 \dots h_N} = \sum_{i_1=1}^k \sum_{i_2=1}^k \dots \sum_{i_N=1}^k p_{i_1, i_2 \dots i_N} x^{(i_1)^{h_1}} x^{(i_2)^{h_2}} \dots x^{(i_N)^{h_N}}$$

убѣждаемся, что изъ неизмѣнности $p_{i_1, i_2 \dots i_N}$ при любой перестановкѣ индексовъ $i_1, i_2 \dots i_N$ слѣдуетъ неизмѣнность $m_{h_1, h_2 \dots h_N}$ при любой перестановкѣ индексовъ $h_1, h_2 \dots h_N$, т. е. что система испытаній, отвѣчающихъ условію стохастической коммутативности, всегда униформна. Обратное, съ помощью алгебраическаго анализа можетъ быть показано, что изъ неизмѣнности $m_{h_1, h_2 \dots h_N}$ при любой перестановкѣ индексовъ $h_1, h_2 \dots h_N$ слѣдуетъ неизмѣнность $p_{i_1, i_2 \dots i_N}$ при любой перестановкѣ индексовъ $i_1, i_2 \dots i_N$, т. е. что униформная система испытаній всегда отвѣчаетъ условію стохастической коммутативности. Понятія униформности и стохастической коммутативности, такимъ образомъ, совпадаютъ.

§ 10. Униформную систему и совокупность мы подвели подъ общее понятіе испытаній, отвѣчающихъ условію стохастической коммутативности. Образование такого общаго понятія представляется тѣмъ болѣе цѣлесообразнымъ, что покрываемые имъ разные типы взаимоотношеній между ис-

пытаниями эмпирически не различимы: не может быть предложено критеріевъ, которые позволяли бы, напримѣръ, путемъ изученія ряда вынужденныхъ изъ закрытой урны нумеровъ, помѣчающихъ билеты, установить, не привлекая апіорныхъ данныхъ, производились ли извлеченія по схемѣ возвращаемаго, невозвращаемаго или прикладываемаго билета.

Вопросъ объ эмпирической неразличимости совокупности отъ разныхъ видовъ равномерной системы былъ поставленъ проф. А. А. Чупровымъ въ статьѣ „Ist die normale Dispersion empirisch feststellbar?“¹ Указывая, что Лексисовскій критерій нормальнаго характера устойчивости ряда — приблизительное равенство единицъ коэффиціента дисперсіи Q^2 — является условіемъ необходимымъ, но не достаточнымъ для того, чтобы были соблюдены предпосылки нормальной устойчивости, — неизмѣнность закона распредѣленія значеній переменнѣй при всѣхъ испытаніяхъ и взаимная независимость испытаній — проф. А. А. Чупровъ обнаруживаетъ, что и иные, конструируемые имъ приемы не лучше ведутъ къ дѣлу. На основѣ изложенныхъ выше построеній, — въ частности, съ помощью введенныхъ нами параметровъ- M , — построенія проф. А. А. Чупрова, могутъ быть представлены съ еще большей наглядностью и при томъ въ обобщенномъ видѣ. вмѣстѣ съ тѣмъ съ полною ясностью обнаруживается, почему именно разные типы равномерной системы эмпирически неразличимы другъ отъ друга и отъ совокупности.

Подробный математическій анализъ проблемы потребовать бы больше мѣста нежели имѣется въ нашемъ распоряженіи. Въ настоящей статьѣ ограничимся, въ виду этого, лишь краткими общими указаніями.

Приемы, при помощи которыхъ изслѣдователь пытается установить, соответствуетъ ли разсматриваемый имъ рядъ эмпирическихъ значеній тѣмъ или инымъ стохастическимъ предпосылкамъ, могутъ быть разбиты на двѣ группы:

I Конструируется рядъ функцій эмпирическихъ значеній переменнѣй, математическія ожиданія которыхъ равны другъ другу при наличности данныхъ предпосылокъ;

II Конструируется такая функція эмпирическихъ значеній переменнѣй, математическое ожиданіе которой принимаетъ при наличности данныхъ предпосылку опредѣленное численное значеніе; таковъ критерій нормальной устойчивости Лексиса, — $EQ^2 = 1$.

Для того, чтобы приемы, какъ той, такъ и другой группы вели къ рѣшенію, конструируемые критеріи должны быть не только необходимыми, но и достаточными, — т. е. исходныя равенства должны имѣть мѣсто лишь при наличности данныхъ предпосылокъ и не имѣть мѣста при иныхъ предпосылкахъ, отъ которыхъ изслѣдователь стремится отмежеваться. Вдумываясь въ изслѣдованную выше операцію конъюнкціи совокупности въ равномерную систему, мы сразу убѣждаемся, что приемы первой группы не въ состояніи вести къ выдѣленію случая, когда мы имѣемъ дѣло съ совокупностью испытаній, отъ тѣхъ, когда передъ нами кака-либо разновидность равномерной системы. Въ самомъ дѣлѣ, обозначая черезъ $F(x_1, x_2 \dots x_N)$ и $\Phi(x_1, x_2 \dots x_N)$ двѣ какія-либо дѣльныя рациональныя функціи эмпирическихъ значеній переменнѣй x , математическія ожиданія которыхъ равны между собой при предпосылкахъ совокупности, мы тотчасъ же усматриваемъ, выполняя мысленно

¹ См. Nordisk Statistisk Tidskrift utgiven av Thor Andersson, Band 1.

операцию конъюнкции, что и в общем случае равномерной системы необходимо должно быть: $E F(x_1, x_2 \dots x_N) = E \Phi(x_1, x_2 \dots x_N)$.

Что касается приемов, отнесенных нами во вторую группу, то в сущности и на них мы можем распространить тот же ходъ разсужденія, разсматривая численную константу, как ту вторую функцію эмпирическихъ значеній переменнй, математическое ожиданіе которой сравнивается съ математическимъ ожиданіемъ конструируемаго коэффиціента. Болѣе точный математическій анализъ, котораго мы здѣсь не воспроизводимъ, приводитъ къ тому же выводу, показывая, что для всякаго коэффиціента, математическое ожиданіе котораго равняется нѣкоторой численной константѣ при предположеніяхъ взаимной независимости и неизмѣнности закона распредѣленія значеній переменнй, мы получаемъ въ математическомъ ожиданіи то же численное значеніе и в общемъ случаѣ равномерной системы.

На вопросъ, отличима-ли эмпирически нормальная дисперсія отъ ненормальной долженъ быть данъ, слѣдовательно, отрицательный отвѣтъ.

Исторія русскаго коллизіоннаго права¹

Бар. Б. Э. Нольде

Профессора Петроградскаго университета,
Члена Постоянной Палаты Третьякаго Суда въ Гаагѣ

1. Коллизіонныя нормы — правила, разрѣшающія столкновения разномѣстныхъ гражданскихъ законодательствъ, — имѣютъ въ Россіи двойное происхожденіе. Съ одной стороны, наше цивильное законодательство, никогда систематически не задававшееся задачей кодификаціи права о конфликтахъ, все же по временамъ затрогивало эти проблемы и постепенно, какъ бы эпизодически, создало довольно длинный рядъ опредѣленій, которые, благодаря консервативнымъ эффектамъ свода Законовъ, тщательно въ немъ сохранялись, несмотря на разновременность своего происхожденія и свою внутреннюю несогласованность. Съ другой стороны, практика кассационнаго Сената освятила рядъ нормъ, частью опиравшихся на законодательныя опредѣленія, частью совершенно отъ нихъ не зависѣвшихъ, которые покрыли пробѣлы закона и позволяютъ говорить о существованіи въ Россіи самостоятельной системы международнаго частнаго права, формально покоящейся частью на законодательныхъ велѣніяхъ, частью же на судебныхъ преюдиціяхъ.

Въ свою очередь законодательныя велѣнія по вопросамъ коллизіоннымъ, разсѣянныя во многихъ частяхъ свода и восходящія къ узаконеніямъ разныхъ эпохъ, начиная съ 30-хъ годовъ прошлаго вѣка, были созданы подъ вліяніемъ двухъ разныхъ факторовъ: съ одной стороны, возникала потребность разрѣшать вопросы, выдвигавшіеся судебной практикой старыхъ годовъ, а съ другой, при систематическомъ изложеніи отдѣльныхъ крупныхъ частей русскаго законодательства, интересы полноты изложенія приводили къ усвоенію содержащихся въ чужихъ образцахъ правилъ, посвященныхъ конфликтамъ. Иногда результаты обоихъ процессовъ созданія конфликтныхъ нормъ въ русскомъ правѣ сходились въ томъ смыслѣ, что вытекшая изъ вопросовъ практики наличная норма коллизіоннаго права служила толчкомъ къ перенесенію съ запада, при составленіи новыхъ кодексовъ, обобщенныхъ выражений той же нормы.

Первый законъ, затронувшій въ Россіи конфликтные вопросы, относится къ 1817 г. До того, насколько можно судить по отрывочнымъ указаніямъ стараго законодательства, предполагалась подвѣдомственность иностранцевъ

¹ Часть содержанія настоящей статьи была отпечатана мной въ работѣ: Международное частное право въ Уставѣ Гражданскаго Судопроизводства, которая должна была войти въ сборникъ статей въ честь А. С. Посникова; сборникъ до выхода въ свѣтъ погибъ въ 1917 г.; сохранились лишь авторскіе оттиски отдѣльныхъ статей.

русскому закону. Уже Уложение царя Алексѣя Михайловича прямымъ постановленіемъ подчиняло „пріѣзжихъ иноземцевъ и всякихъ прибыльныхъ людей, которые въ Московскомъ государствѣ будутъ“ русскому суду, а эта подсудность, повидимому, предполагала въ то время примѣненіе и русскаго закона (X, I). Рядъ указовъ 18-го и начала 19-го вѣковъ свидѣтельствуесть, что подчиненіе иностранцевъ русскому закону провести въ жизнь было не такъ легко. Петровскій указъ Августа 1703 г. (П. С., 3. 1941) настойчиво призывалъ ихъ „не писать между собою всякихъ крѣпостей своими руками, мимо подъячихъ палатки крѣпостныхъ дѣлъ“; другой указъ того же Петра 10 Марта 1709 г. „заказываетъ накрѣпко, дабы иноземцы — часто обращавшіеся къ пасторамъ — духовныхъ и никакихъ крѣпостей не у крѣпостныхъ дѣлъ не писали“ (П. С. 3. 2226)¹; что уклоненіе отъ подчиненія русскому закону существовало и гораздо позднѣе, видно изъ указа 13 Марта 1803 г. гдѣ по поводу уголовной подсудности крымскихъ татаръ, ссылавшихся на свое турецкое подданство, пришлось напоминать, что „по принятому во всѣхъ европейскихъ государствахъ правилу, всѣ иностранцы подвергаются дѣйствию законовъ той страны, гдѣ они жителство имѣютъ“; приведенныя слова этого указа формулировали начало примѣненія къ иностранцамъ русскаго права несравненно лучше, чѣмъ во всемъ остальномъ досводномъ законодательствѣ и, мы увидимъ, лучше, чѣмъ въ самомъ сводѣ (П. С. 3., 20. 663). Наблюдалось и другое явленіе — уклоненіе иностранцевъ отъ примѣненія русскихъ законовъ путемъ обращенія по всѣмъ своимъ гражданскимъ дѣламъ къ дипломатическому вмѣшательству своихъ посланниковъ; сенатъ рекомендовалъ судамъ во избѣжаніе такихъ обращеній вести дѣла иностранцевъ „безъ всякой проволочки на ряду съ прочими частными людьми“ (П. С. 3., 20. 524, ук. 24 Нояб. 1802 г.).

Въ свою очередь, международныхъ договоровъ, которые содержали бы начала частнаго международнаго права, въ 18-мъ столѣтіи и первой половинѣ 19-го Россіей не заключалось. Договоры о коммерціи и дружбѣ ограничивались или общей ссылкой на покровительство мѣстнаго права, или прямо провозглашали начало дѣйствія мѣстнаго права въ отношеніи отдѣльныхъ институтовъ, напр. наслѣдованія. Примѣромъ вторыхъ можетъ служить договоръ съ Австріей 1785 г., гдѣ въ ст. 26 было сказано, что наслѣдство обоюдныхъ подданныхъ доходить къ наслѣдникамъ „по законамъ и уставамъ земскимъ“.

Несмотря на многообразіе мѣстныхъ гражданскихъ правъ въ предѣлахъ Россіи, конфликты ихъ равнымъ образомъ не возникали. Законодательство ихъ не предусматривало до конца 30-хъ годовъ 19-го столѣтія, а судебная практика, примѣрно до того-же времени, стояла на точкѣ зрѣнія исключительности дѣйствія закона суда въ каждой мѣстности съ самостоятельнымъ гражданскимъ правомъ. Я не нахожу въ обнародованныхъ довольно многочисленныхъ по

¹ То же правило принято регламентомъ Коммерцъ Коллегіи 3 Марта 1719 г. (П. С. 3., 3318), ст. 25, подчинявшимъ иностранныхъ купцовъ суду этой коллегіи, и подтверждено послѣдующими указами 1720 и 1732 гг. (П. С. 3. 3596 и 5987). Впрочемъ, Петръ Великій былъ иногда чуждъ яснаго сознанія принципиальной необходимости примѣненія русскаго права къ иностранцамъ. Приглашая манифестомъ 16 Апрѣля 1702 г. иностранцевъ на русскую службу, онъ обѣщалъ чинить имъ правосудіе „во первыхъ по законамъ Божескимъ, а потомъ по Римскому гражданскому праву и другимъ народнымъ обычаямъ.“ П. С. 3., 1910.

примѣненію мѣстныхъ правъ судебныхъ рѣшеніяхъ сената и государственнаго совѣта до судебной реформы 1864 г. провозглашенія въ прямой и сознательной формѣ начала, что всякій судъ примѣняетъ свое матеріальное гражданское право, но ни въ одномъ изъ нихъ тогдашнимъ высшимъ судебнымъ мѣстамъ не приходитъ въ голову мысль, что судъ западнаго края, судъ прибалтійскихъ губерній, Бессараби, Грузии можетъ примѣнять что-либо иное, кромѣ Литовскаго Статута, остзейскихъ законовъ, законовъ Арменопуло и Донича, законовъ Вахтанга.¹

Первый слѣдъ конфликтныхъ правилъ въ русскомъ законодательствѣ появляется въ Уставѣ Государственной комиссіи погашенія долговъ 16 Апрѣля 1817 г. (П. С. З., 26. 791), въ случайной, лишенной всякаго принципиальнаго значенія, связи съ крупной реформой въ исторіи русскаго государственнаго долга, осуществленной въ этомъ Уставѣ. Уставъ имѣлъ въ виду привлечь иностранцевъ къ кредитованію Россіи: онъ ихъ приглашалъ участвовать „въ составѣ“ безсрочнаго долга, обѣщая непрерывный доходъ „и въ мирное время, и въ военное время безо всякаго различія, къ дружественной ли, или непріязненной націи принадлежитъ вкладчикъ“ (§§ 21 и 22). Въ числѣ льготъ для иностранцевъ Уставъ намѣчалъ и слѣдующее: „Въ случаѣ смерти иностраннаго вкладчика безъ завѣщанія, безсрочный долгъ имѣтъ принадлежать его наслѣдникамъ по порядку и правамъ наслѣдія той націи, къ которой онъ принадлежалъ“ (§ 23). Такимъ образомъ въ первый разъ устанавливалось, что въ Россіи къ иностранцамъ можетъ примѣняться иное право, нежели мѣстное, и принималось начало дѣйствія, въ довольно узкихъ, конечно, предѣлахъ, національнаго закона въ вопросахъ наслѣдованія.

Второе, появившееся въ русскомъ правѣ, конфликтное правило есть старинное западно европейское начало *locus regit actum*. Въ 1831 г. оно было принято для завѣщаній, совершаемыхъ русскими подданными за границею, а въ 1832 г. для заграничныхъ актовъ вообще. Тѣ два закона, въ которыхъ правило о формѣ актовъ нашло себѣ выраженіе, относятся къ одному и тому же типу законодательныхъ памятниковъ, являвшихся косвеннымъ отраженіемъ кодификаціонныхъ работъ Сперанскаго. Какъ извѣстно, при выработкѣ Свода Законовъ, Сперанскаго не покидала мысль о замѣнѣ стараго, помѣщавшагося имъ въ сводѣ, законодательнаго матеріала новымъ, мысль о „преобразовательныхъ уложеніяхъ“, по его выраженію. Намѣреніе это въ полнотѣ не осуществилось, но оставило слѣды, прежде всего, на методѣ обработки стараго законодательства въ кодификаціонныхъ дѣлахъ, а затѣмъ и въ томъ, что параллельно съ разработкой Свода Сперанскій велъ и законодательныя работы чистаго типа, имѣвшія цѣлью восполненіе слишкомъ ясныхъ пробѣловъ стараго права, работы, которыя почти прямо съ законодательнаго станка попадали въ сводѣ. Таково происхожденіе Положенія о духовныхъ завѣщаніяхъ 1 Октября 1831 г. (П. С. З., 4844) и Устава судопроизводства коммерческихъ судовъ 14 Мая 1832 г. (П. С. З., 5360). Въ первомъ заключался § 47, освѣщавшій правило *locus regit actum* для завѣщаній русскихъ за границей, а во второмъ — § 223, примѣнявшій его къ обряду совершенія за границей актовъ вообще.

¹ Старая судебная практика въ „Архивѣ Государственнаго Совѣта“, III, 2 (1878), 1—422, Сборникъ выс. утв. мѣстныхъ государственнаго совѣта по гражданскимъ дѣламъ, I—II, (1867) и Сборникъ рѣшеній Правительствующаго Сената, I, II, 1—2, 3—4, 1864—1866.

Уже М. М. Винаверъ замѣтилъ, что разсматриваемому типу законодательныхъ актовъ эпохи составленія свода свойственны заимствованія изъ западнаго права. „Не находя никакого матеріала въ законахъ или находя лишь матеріалъ негодный, пишетъ М. М. Винаверъ, опасаясь вмѣстѣ съ тѣмъ слишкомъ много переписывать изъ иностранныхъ кодексовъ, Сперанскій прибѣгалъ къ слѣдующему приему. Въ теченіе 7 лѣтъ составленія свода былъ изданъ цѣлый рядъ законовъ, охватывающихъ весьма крупныя отдѣлы гражданскаго права... Законы эти издавались по всей вѣроятности по почину Сперанскаго и, во всякомъ случаѣ, по его непосредственнымъ указаніямъ, такъ какъ онъ былъ предсѣдателемъ всѣхъ комитетовъ, назначаемыхъ для ихъ составленія. Эти то законы не только копировались съ иностранныхъ образцовъ, но въ нихъ вводились еще и общія начала, свойственныя тому роду отношеній, къ которому данный случай относился... Затѣмъ законы эти торжественно вводились въ Полное Собраніе Законовъ, получали тамъ свой номеръ и число и затѣмъ уже оттуда попадали въ Сводъ, какъ вполне законнорожденные дѣти отечественнаго права.“¹

Обращаясь сначала къ § 47 Положенія о духовныхъ завѣщаніяхъ 1831 г. Его текстъ таковъ: „Россійскій подданный за границею можетъ совершать домашнее духовное завѣщаніе по обряду той страны, гдѣ оно будетъ писано, съ надлежащею явкою онаго при Россійской Миссіи или Консульствѣ“. Это постановленіе дополнялось въ слѣдующемъ § 48 такого содержанія: „Духовное завѣщаніе, совершенное за границею объ имуществѣ, находящемся въ Россіи, приводится въ исполненіе не иначе, какъ по предъявленіи онаго въ томъ Судебномъ мѣстѣ, въ вѣдомствѣ коего состоитъ или жительство завѣщателя, или завѣщанное имущество“. Западноевропейское происхожденіе этихъ двухъ правилъ несомнѣнно. Весь раздѣлъ (У) положенія 1831 г., объ особенныхъ завѣщаніяхъ, въ составъ котораго введены правила §§ 47 и 48, есть передѣлка и приспособленіе соответствующаго отдѣла кодекса Наполеона (кн. III, тит. II, гл. V, отд. II, Особыя правила о формахъ нѣкоторыхъ завѣщаній). § 47 соответствуетъ ст. 999 кодекса, § 48 — ст. 1000.² Основное отступленіе отъ французскаго образца въ томъ, что русскій законодатель считалъ возможнымъ примѣнять форму закона мѣста совершенія завѣщанія къ завѣщаніямъ не крѣпостнымъ, а лишь домашнимъ, между тѣмъ какъ французскій распространялъ мѣстную форму и на соответствовавшія нашимъ старымъ крѣпостнымъ завѣщаніямъ французскія завѣщанія публичныя.

Почти одновременно правило *locus regit actum* въ русскомъ правѣ оказалось воспринятымъ въ § 223 выс. утв. 14 Мая 1832 г. устава Судопроизвод-

¹ Изъ области цивилистики, 1908, 12 сл.

² Русский переводъ статей: 999. Французъ, находящійся въ иностранномъ государствѣ, можетъ сдѣлать свои завѣщательныя распоряженія посредствомъ частнаго акта, какъ предписано въ статьѣ 970, или же посредствомъ officialнаго акта, съ соблюденіемъ формъ, употребляемыхъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ этотъ актъ будетъ совершенъ. — 1000. Завѣщанія, совершенныя въ иностранномъ государствѣ, не подлежатъ исполненію относительно имущества, находящагося во Франціи, пока не будутъ внесены въ officialныя реестры по мѣсту жительства завѣщателя, если таковое имъ удержано; въ противномъ случаѣ, по послѣднему известному мѣсту его пребыванія въ семь краѣ; въ случаѣ же, когда завѣщаніе содержитъ распоряженія о недвижимостяхъ, находящихся въ краѣ, оно должно быть, сверхъ того, внесено въ officialныя реестры по мѣсту нахождения этихъ недвижимостей, но безъ вторичнаго взыскаія пошлины.

ства коммерческихъ судовъ, гдѣ было сказано: „Если актъ составленъ и совершенъ въ иностранномъ государствѣ по тамошнему обычаю и несходно съ обычаемъ составления и совершенія подобныхъ актовъ въ Россіи: то тѣмъ не менѣе признается законнымъ актомъ, когда къ опроверженію подлинности его не будетъ представлено доказательствъ“.

§ 223 устава коммерческихъ судовъ былъ заимствованъ изъ прусскаго судопроизводительнаго кодекса. Уставъ 1832 г. въ цѣломъ представлялъ собой любопытный памятникъ русскаго законодательнаго творчества. Въ 1827 г. Сперанскому повелѣно было „собрать и приуготовить“ въ первую очередь ту часть гражданскихъ законовъ, которая касалась „огражденія частнаго кредита и доброй вѣры долговыхъ обязательствъ“. Хотя работа должна была, по повелѣнію императора Николая I, производиться „на основаніи общихъ правилъ, данныхъ II Отдѣленію“, однако, на самомъ дѣлѣ уставы о торговомъ судопроизводствѣ, векселяхъ и торговой несостоятельности, явившіеся результатомъ, были построены иначе, чѣмъ другія части будущаго Свода. Въ именномъ указѣ, при которомъ были обнародованы Учрежденіе коммерческихъ судовъ и уставъ ихъ судопроизводства, было сказано, что комитетъ, приготвившій эти акты, прежнее русское право „исправилъ и дополнилъ всѣмъ, что къ лучшему устройству торговли признано было наиболѣе нужнымъ и полезнымъ“. При такой болѣе широкой, чѣмъ въ Сводѣ, постановкѣ дѣла, уставъ коммерческихъ судовъ 14 мая 1832 г., тотчасъ же цѣлкомъ попавшій въ Сводъ перваго изданія — въ отступленіе отъ общаго правила, по которому туда включались лишь правила закона, послѣдовавшія до 1 января 1832 г. — оказался въ значительной степени построеннымъ по европейскимъ образцамъ. Въ числѣ этихъ образцовъ, между прочимъ, существенную роль игралъ прусскій судопроизводительный кодексъ — *Allgemeine Gerichtsordnung für die Preussischen Staaten 1793*. Въ бумагахъ архива государственнаго совѣта находится таблица русскихъ и западныхъ источниковъ устава 1832 г. Противъ § 223 сдѣлана ссылка на прусскій кодексъ.

Такимъ образомъ источникъ § 223 устанавливается вполне точно¹: это § 115 X-го титула прусскаго общаго судебнаго учрежденія, въ которомъ говорилось: „Когда относительно дѣйствительности акта въ отношеніи формы происходитъ споръ и законы мѣста, гдѣ онъ получилъ обязательную силу, отличаются отъ законовъ мѣста, гдѣ происходитъ процессъ, то рѣшаютъ первые“.²

2. Въ такомъ состояніи застаеъ русское право кодификація Сперанскаго, первое изданіе Свода законовъ. Вполнѣ понятно, что въ Сводъ попали законы 1831 и 1832 гг., составлявшіе часть законодательной работы, нарочито продѣланной для пополненія матеріала Свода, равно какъ и опредѣленное и ясное правило закона 1817 г. о примѣненіи національнаго права къ наслѣдованію въ бессрочныхъ государственныхъ долгахъ. Важнѣе другое обстоя-

¹ Сверхъ того, цитируется кодексъ Наполеона. Въ немъ правила *locus regit actum* на самомъ дѣлѣ нѣтъ. Надо полагать, что составители имѣли въ виду французскую юриспруденцію, выросшую на почвѣ толкованія *code civil*. Арх. Гос. Сов., Дѣло Ден. Законовъ, 1832 г., № 16.

² Л. В. Шаландъ. О формѣ актовъ и сдѣлокъ, совершенныхъ за границей, по русскому законодательству и судебной практикѣ, Ж. М. Ю., 1902, 6, 48 сл., указалъ, что уже въ проектахъ гражданскаго уложенія 1809 и 1814 г. начало *locus regit actum* было воспринято.

тельство. Сперанскій, опиравшійся при составленіи гражданскихъ законовъ на западные кодексы, безъ сомнѣнія, зналъ изъ нихъ о существованіи конфликтныхъ вопросовъ и долженъ былъ, согласно усвоенной имъ методѣ насильственного обобщенія стараго законодательнаго матеріала, искать общихъ положеній для рѣшенія этихъ конфликтныхъ вопросовъ. И они на самомъ дѣлѣ оказались въ составѣ перваго изданія Свода 1832 г., частью въ законахъ гражданскихъ, а частью въ законахъ о состояніяхъ, въ числѣ правилъ объ иностранцахъ.

Сперанскій въ общемъ правильно обобщилъ господствовавшее въ старомъ законодательствѣ теченіе въ пользу признанія обязательности для иностранцевъ въ Россіи мѣстнаго права. Онъ изложилъ свое ученіе въ трехъ основныхъ правилахъ: общемъ положеніи о подчиненіи иностранцевъ русскимъ законамъ и особыхъ правилахъ того-же содержанія относительно обязательствъ и относительно наследованія. Въ редакціи каждаго изъ нихъ онъ, однако, мало считался съ старымъ правомъ, которое, правда, было отрывочно, но иногда умѣло изложить принятое Сводомъ начало болѣе удовлетворительно, чѣмъ то дѣлалъ Сперанскій.

Основное правило гласило: „Иностранцы, находясь въ Россіи, какъ лично, такъ и по имуществу ихъ подлежатъ дѣйствию Россійскихъ законовъ и пользуются общою защитою и покровительствомъ“ (ст. 902 Зак. о сост.). Если сопоставлять первую часть приведеннаго правила съ выраженіями и формулами стараго права, то оно, конечно, несравненно опредѣленнѣе и точнѣе. Но эта опредѣленность и точность едва-ли большой выигрышъ для послѣдующихъ судебъ русскаго коллизіоннаго права. Я уже указывалъ, что въ старомъ правѣ только разъ законодатель, по поводу частнаго случая, высказалъ общее положеніе объ обязательности русскаго закона для иностранцевъ; но указъ 1803 г. говорилъ гораздо лучше и осторожнѣе, что „по принятому во всѣхъ европейскихъ государствахъ правилу, всѣ иностранцы подвергаются дѣйствию законовъ той страны, гдѣ они жительство имѣютъ“. Если бы Сперанскій воспроизвелъ въ 902 статьѣ этотъ текстъ, то получило бы провозглашеніе начала дѣйствія закона мѣстожительства; ссылаясь на указъ 1803 г. въ другой связи въ сводѣ законовъ гражданскихъ Сперанскій здѣсь предпочелъ, опираясь на совершенно не относящіяся къ дѣлу правила устава таможеннаго 14 декабря 1819 г. („невѣдѣніемъ закона, никто, Россійскій подданный, ни иностранный, оправдываться не можетъ“, § 446), выразить мысль о безусловномъ и неограниченномъ господствѣ русскаго права въ отношеніи всѣхъ находящихся, а не только — имѣющихъ мѣстожительство, въ Россіи иностранцевъ. Благодаря такой формулировкѣ, общее, совершенно правильное территориальное теченіе стараго законодательства, не устранявшее возможности проникновенія въ Россію началъ коллизіоннаго права путемъ судебной практики, превратилось въ принципиальное отрицаніе этихъ началъ, съ которыми можно было бороться только послѣдующимъ законодательствомъ, а не судебной практикой, скованной жестокостью ст. 902.

Правило перваго Свода объ обязательствахъ было изложено такъ: „Иностранцы могутъ вступать во всякіе договоры, обязательства и условія, въ предѣлахъ выше сего въ статьяхъ 902—911 означенныхъ, какъ между собою, такъ и съ Россійскими подданными; но для доставленія актамъ симъ надлежащей силы въ Россіи, они должны соблюдать въ нихъ, какъ по су-

шеству, такъ и по формѣ, всѣ правила, Россійскими узаконеніями предписанныя“ (Ст. 912 Зак. о сост.). Статья эта, какъ и 902-ая, ничего общаго съ источниками, на которые она ссылалась, не имѣетъ, но она выражена и изложена гораздо осторожнѣе. вмѣсто того, чтобы сказать, какъ того требовало послѣдовательное примѣненіе начала ст. 902, что иностранцы безусловно подчинены русскому обязательственному праву, разъ они находятся на русской территоріи, 912 ст. IX тома подчиняетъ русскому праву только акты, которые приводятся въ дѣйствіе въ Россіи, притомъ, однако, совершенно независимо отъ того, гдѣ актъ возникъ. Освящается такимъ образомъ, — можетъ быть впрочемъ, и не совсѣмъ ясно — мысль о законѣ мѣста исполненія обязательства, какъ управляющемъ обязательствомъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ этой связи забывается существованіе помѣщенного въ другомъ томѣ Свода, — въ уставѣ коммерческихъ судовъ, — правила уже извѣстнаго намъ § 223 о подчиненіи формъ обязательства закону мѣста его совершенія.

Правило о наслѣдованіи помѣщено въ ст. 914 Зак. о сост. и гласитъ: „Порядокъ наслѣдства иностранцевъ въ имѣніи, въ Россіи остающемся, опредѣляется общими правилами, для коренныхъ подданныхъ существующими . . .“ Правило это (ст. 835 по изд. 1899 г.) было взято составителями Свода изъ ст. 26 соглашения между Россіей и Австріей 1785 г., гдѣ было сказано: „Остающееся по смерти австрійскихъ подданныхъ въ областяхъ Нашихъ движимое и недвижимое имѣніе будетъ доходить свободно и безпрепятственно наслѣдникамъ, отъ нихъ духовною учрежденнымъ или слѣдующимъ безъ завіщанія по законамъ и уставамъ земскимъ . . .“ (П. С. З., 16. 284). Кодификаторъ произвелъ такимъ образомъ весьма энергическое обобщеніе. Кромѣ указанного общаго положенія, Законы Гражданскіе перваго изданія въ ст. 656 и 657 воспроизводили §§ 47 и 48 положенія о духовныхъ завіщаніяхъ 1831 г. и въ ст. 746 — § 23 устава комиссіи погашенія долговъ 1817 г., а въ ст. 679 говорили, что „отъ права наслѣдованія не устраняются иностранцы“. Изложеніе это, конечно, съ точки зрѣнія коллизіоннаго права, мало систематично, но оно довольно точно и вразумительно.

Если считать Сводъ перваго изданія итогомъ развитія въ Россіи коллизіоннаго права до 1832 г., то справедливо будетъ сказать, что итогъ этотъ не великъ. За малыми и лишенными принципиальнаго значенія исключеніями, международнаго частнаго права у насъ нѣтъ, а поскольку есть, оно случайнаго происхожденія, получено въ процесѣ заимствованія западноевропейскихъ нормъ.

3. Но потребность въ конфликтномъ правѣ должна была ощущаться, ибо сношенія съ чужими странами и русскими губерніями съ особымъ гражданскимъ правомъ неминусомъ должны были выдвигать на очередь соответствующіе вопросы. Къ сожалѣнію, у насъ довольно мало данныхъ, чтобы судить о практикѣ нашихъ судовъ до судебной реформы 1864 г., но то не многое, что можно было собрать, свидѣтельствуетъ, что въ этой практикѣ собственно международные конфликтные вопросы ставятся, начиная съ второй половины 18-го столѣтія. Въ П. С. З. помѣщенъ указъ сената 13 мая 1775 г. по дѣлу Бахерахта съ „Жамесъ Перентъ“, въ которомъ приводится представленіе Коммерцъ-Коллегии, великолѣпно излагающее теорію автономіи при разрѣшеніи конфликтовъ обязательственныхъ законовъ. Рѣчь шла о векселяхъ, выданныхъ въ Англіи, причемъ обѣ стороны сдѣлки въ моментъ выдачи проживали въ Ан-

гли: русскіе законы давали одно рѣшеніе, англійскіе — другое. „Но какъ оба сія обстоятельства въ разсужденіи правъ Россійскихъ съ Англійскими между собою состоятъ разногласны, то Коллегія остается въ сомнѣніи, по какому оное рѣшить здѣшнему или англійскому закону, и для того представляетъ, что она за справедливое почитаетъ въ рѣшеніи сего дѣла послѣдовать Англійскому праву... для того, что все происхожденіе, равно заимо-и векселедавцы въ Англій, слѣдовательно, одинъ другому давалъ деньги и векселя съ распискою, думать не могли, что въ случаѣ неплатежа со стороны векселедавца судимы будутъ въ Петербургѣ и Россійскимъ правомъ, а произошло разбирательство тамъ случайно...“ Сенатъ эту образцовую мотивировку не принялъ, и, само по себѣ, ученіе коммерцъ-коллегіи объ автономіи сторонъ прошло безслѣдно для развитія русскаго коллизіоннаго права. Тѣмъ не менѣе сенатскій указъ 1775 г. достаточно доказываетъ, что потребность разбираться въ конфликтахъ разномѣстныхъ гражданскихъ законодательствъ на лицо, начиная съ 18-го вѣка.

Новеллы въ нашемъ законодательствѣ, послѣдовавшія за первымъ изданіемъ Свода и посвященныя вопросамъ конфликтнаго права, вплоть до судебной реформы 1864 г., всѣ, за однимъ только исключеніемъ, выросли изъ потребностей судебной практики. Я имѣю въ виду два закона 1838 г., о формѣ завѣщаній и объ обязательствахъ, законы 1840, 1843 и 1844 гг., о междуобластныхъ конфликтахъ наслѣдственныхъ и вещныхъ и законъ 1845 г. о давности. Разсмотримъ эти новеллы въ порядкѣ ихъ изданія. Надо замѣтить, что послѣ своего изданія, эти акты включались въ продолженія Свода и его новыя изданія и большею частью въ Сводѣ послѣднихъ изданій сохранились.

12 января 1838 г. послѣдовалъ законъ о подсудности обывателей Имперіи и Царства Польскаго въ дѣлахъ тяжбныхъ (П. С. З., 10. 881). Ст. 5 этого закона заключала въ себѣ слѣдующее правило: „Дѣйствительность долгового обязательства, договора или иного акта, опредѣляется на основаніи законовъ того края, по узаконеніямъ и формамъ коего акты были совершены. Если же актъ предъявленъ будетъ ко взысканію не въ томъ краѣ, гдѣ оный свершенъ, и со стороны отвѣтчика возникнетъ о формальности совершения акта споръ, то истецъ обязанъ представить удостовѣреніе, что актъ составленъ сообразно съ законами и формами другого края. Удостовереніе таковое выдается тѣмъ судебнымъ мѣстомъ, которому непосредственно подвѣдомственъ судъ, самый актъ совершавшій; если же актъ совершенъ не въ судѣ, а у нотаріуса или маклера, — то гражданскимъ судомъ первой степени. Въ предупрежденіе подлога, свидѣтельство подлинности удостовѣренія судебного мѣста производится порядкомъ, въ слѣдующей статьѣ означеннымъ“. Исторія закона 1838 г. и приведеннаго его правила, подчиняющаго обязательства законамъ мѣста ихъ совершения и отступающаго въ своей идѣе отъ ст. 912 Зак. о сост. 1832 г., такова. Въ 1827 г. министерство юстиціи обратило вниманіе на возникающія въ судахъ недоумѣнія относительно подсудности преступныхъ дѣяній, въ которыхъ совмѣстно участвовали и русскіе, и поляки, и внесло подробное представленіе въ Государственный совѣтъ для разграниченія вѣдомства судовъ двухъ государствъ по уголовнымъ дѣламъ. Государственный Совѣтъ не успѣлъ еще разсмотрѣть этого представленія, когда въ министерствѣ юстиціи возникъ вопросъ, опять-таки поста-

вленный на очередь судами, могут ли исполняться въ Россіи гражданскія рѣшенія судебныхъ мѣстъ Царства Польскаго и какъ разграничивается между Россіей и Польшей подсудность дѣлъ гражданскихъ. По этому поводу въ 1830 г. было сдѣлано новое представленіе въ Государственный совѣтъ, и на основаніи двухъ представленій составленъ проектъ обширнаго закона, который былъ разсмотрѣнъ въ 1834 г. въ соединенныхъ департаментахъ законовъ и дѣлъ Царства Польскаго, а затѣмъ въ общемъ собраніи. Проектъ, въ части гражданской стоялъ на томъ, что рѣшенія судовъ Царства Польскаго въ Россіи въ исполненіе не приводятся. По этому поводу возникъ споръ, и выдвинуто предложеніе, составившее впоследствии изучаемую статью 5 закона 1838 г. Журналъ Государственного совѣта¹ содержитъ слѣдующее изложеніе преній: „Министръ Внутреннихъ Дѣлъ . . . , а согласно съ нимъ Министры Финансовъ и Народнаго Просвѣщенія изъясняли, что, по мнѣнію ихъ, невозможно допустить положеннаго въ § 25 правила (неисполненіе рѣшеній). Они замѣчали, что и неудобно и неблаговидно, составлявшее частный споръ дѣло, разсмотрѣнное и рѣшенное уже по законамъ одного края, иногда даже въ высшихъ судилищахъ, подвергать новому пересмотру нижнихъ судебныхъ мѣстъ другой страны, по существующимъ въ ономъ законамъ . . . Нѣтъ сомнѣнія, что исполненіе приговоровъ судебныхъ должно быть дѣлаемо въ каждомъ краѣ по законамъ, которые въ ономъ существуютъ, но правильность иска, окончательно признанная въ одномъ краѣ, не можетъ уже быть подвергаема пересмотру въ судебныхъ мѣстахъ другого края. Для избѣжанія всякихъ при томъ затрудненій и недоразумѣній, нужно лишь постановить, чтобы дѣйствительность долгового, договорнаго или иного подобнаго акта и послѣдствія онаго, были опредѣляемы по узаконеніямъ того края, въ которомъ и по узаконеніямъ и формамъ котораго, сей актъ былъ совершенъ. Таковой порядокъ не представляетъ неудобствъ; въ нѣкоторыхъ государствахъ, какъ напримѣръ въ Австріи, слѣдуютъ оному даже въ отношеніи къ приговорамъ иностранныхъ судебныхъ мѣстъ; тѣмъ болѣе, по мнѣнію Министровъ Финансовъ и Народнаго Просвѣщенія и Внутреннихъ Дѣлъ, онъ естественъ и необходимъ въ двухъ краяхъ, хотя и имѣющихъ особыя управленія и законы, но соединенныхъ не случайно, а на вѣчныя времена и по существу основныхъ установленій своихъ подъ скипетромъ одного монарха.“ На эти доводы возражали, и Государственнымъ Совѣтомъ было рѣшено принять лишь уголовную часть законопроекта, а гражданскую отложить для новыхъ сношеній съ Намѣстникомъ Царства Польскаго. Въ 1837 г. гражданская часть законопроекта была поставлена вторично на обсужденіе Государственного Совѣта, который на этотъ разъ принялъ мысль, высказанную меньшинствомъ въ 1834 г., и внесъ въ законъ о подсудности обывателей имперіи и Царства Польскаго въ дѣлахъ тяжбныхъ уже извѣстный намъ текстъ ст. 5, который оказался выдѣленнымъ изъ правила объ исполненіи гражданскихъ рѣшеній и сталъ та-

¹ Соед. Департаменты 7 и 10 февраля и 9 марта и общ. собраніе 14 мая 1834 г. Данные по исторіи закона 1838 г. извлечены изъ трехъ дѣлъ Гос. Совѣта: № 45/20 Деп. Зак. 1827/1834 гг. о подсудности жителей Россійской Имперіи по дѣламъ возникающимъ въ царствѣ польскомъ и обывателей царства по дѣламъ открывающимся въ Россіи; № 51 /20 Деп. Зак. 1830/ 1834 г. по вопросу, гдѣ надлежитъ разсматривать дѣла, къ коимъ прикосновенны жители Россійской Имперіи и Царства Польскаго; № 17 и 19 Деп. дѣлъ Царства Польскаго 1837 г. о подсудности обывателей Россійской Имперіи и Царства Польскаго въ дѣлахъ тяжбныхъ

кимъ образомъ совершенно самостоятельной нормой чисто коллизіоннаго содержанія. Никакихъ аргументовъ по существу въ защиту созданнаго коллизіоннаго правила въ государственномъ совѣтѣ на этотъ разъ высказано не было, и только министръ юстиціи въ особомъ мнѣніи указывалъ, что „общее непремѣнное исполненіе судебными мѣстами туземныхъ законовъ всегда было почитаемо у насъ ненарушимымъ“, но его возраженія не помѣшали утвержденію мнѣнія государственнаго совѣта.

Законъ 12 января 1838 г. былъ внесенъ въ сводъ изданія 1842 г. въ видѣ приложенія къ ст. 2221 Зак. Гр.; ст. 5 составила п. 5 этого приложенія. Позднѣе статья подверглась частичному измѣненію въ законодательномъ порядкѣ. 11 Юля 1852 г. послѣдовалъ обширный законъ о порядкѣ свидѣтельствствованія подлинности актовъ, совершаемыхъ въ Царствѣ Польскомъ и Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ и приводимыхъ въ дѣйствіе въ Имперіи и обратно (П. С. З., 26. 441). Этотъ законъ отсѣкъ отъ ст. 5 закона 1838 г. ея вторую часть, посвященную порядку свидѣтельствствованія актовъ, и замѣнилъ эту вторую часть подробными, отдѣльно изложенными правилами. Оставшаяся въ силѣ часть п. 5 приложенія къ ст. 2221 т. X приобрѣла слѣдующій видъ: „Дѣйствительность долговаго обязательства, договора или иного акта, опредѣляется на основаніи законовъ того края, по узаконеніямъ и формамъ коего акты были совершены“. Въ изданіи свода 1857 г. это правило, укороченное и уже окончательно коллизіонное по своему ви́шнему виду и содержанію, составило ст. 5 приложенія къ ст. 202 Зак. Суд. Гр., но въ слѣдующемъ изданіи 2 ч. X т. 1876 г. правила закона 1838 г. въ новой ихъ редакціи воспроизведены не были, а въ примѣчаніи къ ст. 180 2 ч. X т. было сказано лишь: „Въ 1838 году были изданы особыя правила о подсудности по дѣламъ тяжбынымъ и искомымъ между обывателями Имперіи и Царства Польскаго и о порядкѣ судопроизводства по симъ дѣламъ“. Въ изданіи 1892 г. и это упоминаніе было исключено, такъ что съ тѣхъ поръ ст. 5 закона 1838 г. въ редакціи закона 1852 г. найти можно было только непосредственно въ Полномъ Собраніи Законовъ.

Второй конфликтный законъ 1838 г. — гораздо болѣе скромнаго значенія — тоже судебного происхожденія. Пожалуй, точнѣе было бы даже сказать, что дѣло идетъ не о законѣ, а о судебномъ рѣшеніи. Если взять второе изданіе свода, то тамъ этотъ актъ читается слѣдующимъ образомъ: „Явка, въ Россійской Миссіи или Консульствѣ духовныхъ завѣщаній, совершаемыхъ за границей, замѣняетъ совершеніе духовныхъ завѣщаній у крѣпостныхъ дѣлъ, и сія завѣщанія, если они установленнымъ порядкомъ явлены въ Миссіи или Консульствѣ, признаются въ силѣ крѣпостныхъ актовъ“ (ст. 898 т. X). Въ такой редакціи ст. 898 Зак. Гр. (ст. 1078 Зак. Гр. изд. 1914 г.), представляетъ чисто законодательную по ви́шнему виду новеллу къ §§ 47 и 48 положенія о завѣщаніяхъ 1831 г., намъ уже извѣстнымъ и составляющимъ ст. 1077 и 1079 т. X ч. I. изд. 1914 г. Но въ своемъ первоначальномъ текстѣ актъ 1838 г. есть выс. утв. 7 ноября 1838 г. мнѣніе государственнаго совѣта по частному судебному дѣлу о духовномъ завѣщаніи штабъ-лекаря Карла Анерта (П. С. З., 11. 721а¹). Споръ шелъ о томъ, имѣетъ ли силу копія духовнаго завѣщанія, совершеннаго русскимъ подданнымъ за границей

¹ П. С. З., т. XIV (1839), прибавленіе къ XIII т., стр. 24.

и явленнаго въ консульствѣ, въ случаѣ утраты подлинника. Вопросъ рѣшался въ зависимости отъ того, есть-ли совершаемое въ порядкѣ § 47 закона 1831 г., т. е. по мѣстнымъ законамъ, съ явкой въ консульствѣ, завѣщаніе, съ точки зрѣнія русскаго права, крѣпостное или домашнее: въ первомъ случаѣ отсутствіе подлинника могло быть восполнено представленіемъ копій. Рѣшеніе изложено слѣдующимъ образомъ: „Въ заключеніе сего Государь Императоръ, признавая, что духовныя завѣщанія, совершаемыя за границею, если они установленнымъ порядкомъ явлены въ Консульствѣ, не могутъ быть признаваемы въ силѣ крѣпостныхъ актовъ, что отстраняетъ примѣненіе къ подобнымъ актамъ общаго правила объ утраченныхъ крѣпостныхъ документахъ, значило бы Россійскихъ подданныхъ, находящихся за границею, часто и по дѣламъ службы, лишитъ увѣренности въ твердости ихъ духовныхъ завѣщаній, даже и въ случаѣ утраты по какимъ либо причинамъ подлинныхъ; что съ сею собственно цѣлью установлена явка подобныхъ актовъ въ Консульствахъ, и слѣдовательно, она должна замѣнять совершеніе духовныхъ завѣщаній у крѣпостныхъ дѣлъ, такъ какъ у Россійскихъ подданныхъ за границей нѣтъ средства ограждать и обезпечивать исполненіе своихъ распоряженій объ имуществѣ, Высочайше повелѣть соизволилъ: признать завѣщаніе Штабъ-Лекаря Анерта неподверженнымъ сомнѣнію, все оставшееся послѣ него имѣніе отдать, по силѣ сего завѣщанія, лицамъ, въ ономъ означеннымъ“.

Опять таки изъ потребностей судебной практики вытекло изданіе трехъ законовъ 1840, 1843 и 1844 гг. о разрѣшеніи русскихъ междуобластныхъ конфликтовъ по дѣламъ наслѣдственнымъ и отчасти вещнымъ, законовъ, заступающихъ особаго вниманія, такъ какъ можно сказать, что въ нихъ русскій законодатель единственный разъ вполне сознательно и во всей полнотѣ, поставилъ передъ собою проблему коллизіоннаго права и попытался дать ей полное и законченное рѣшеніе.

Три закона, о которыхъ я говорю суть: 1) выс. утв. 3 апрѣля 1840 г. мн. гос. сов. о подсудности по наслѣдству въ имуществѣ, остающемся послѣ уроженцевъ великороссійскихъ губерній, въ губерніяхъ и областяхъ, состоящихъ на особыхъ правахъ (II. С. З., 13341); 2) выс. утв. 8 апрѣля 1843 г. мн. гос. сов. о порядкѣ подсудности въ движимомъ имуществѣ послѣ лицъ, водворенныхъ въ Имперіи, временно пребывающихъ въ Финляндіи, и послѣ Финляндцевъ, временно пребывающихъ въ Имперіи (II. С. З., 16717) и 3) выс. утв. 5 Іюля 1844 г. мн. гос. сов. о порядкѣ подсудности въ движимомъ имуществѣ послѣ лицъ, водворенныхъ въ Имперіи и временно пребывающихъ въ Царствѣ Польскомъ, а также послѣ лицъ, водворенныхъ въ Царствѣ, а временно пребывающихъ въ Имперіи (II. С. З., 18058). Все три указанныхъ закона построены въ общемъ на одной и той же основной мысли о необходимости подчинить вопросъ о наслѣдованіи въ случаяхъ конфликтовъ дѣйствию личнаго закона наслѣдодателя.

Законы 40-хъ годовъ до послѣдняго времени сохранили силу; они были изложены въ законахъ Гражданскихъ — въ несущественной переработкѣ, вызванной сліяніемъ въ одно цѣлое двухъ послѣднихъ законовъ, по своему содержанію совпадающихъ, о Польшѣ и Финляндіи. Въ X т. изданія 1914 г. законъ 1840 г. составлялъ ст. 1279—1286, а законы 1843 и 1844 гг. — ст. 1287—1295.

Правила законовъ 1840—1844 гг., поскольку они касаются коллизій наслѣдственныхъ, покоятся на двухъ основныхъ началахъ: во первыхъ, наслѣ-

дованіе въ недвижимостяхъ подчиняется дѣйствию законовъ мѣста нахождения этихъ недвижимостей, совершенно независимо отъ того, къ какому краю принадлежалъ наслѣдодатель; во вторыхъ, наслѣдованіе въ движимостяхъ подчиняется дѣйствию личнаго закона наслѣдодателя, независимо отъ мѣста, гдѣ эти движимости находятся. Первое положеніе — дѣйствіе *legis rei sitae* въ отношеніи наслѣдованія въ недвижимостяхъ — прямо не выражено въ законахъ, но съ несомнѣнностью вытекаетъ изъ отдѣльныхъ, находящихся въ нихъ указаній. Второе положеніе — дѣйствіе *legis personalis* въ отношеніи наслѣдованія въ движимостяхъ — составляетъ основное содержаніе актовъ 1840, 1843 и 1844 г. Наряду съ коллизіонными нормами, законы 40-хъ годовъ заключаютъ въ себѣ и правила чисто процессуальныя. Большая часть этихъ процессуальныхъ нормъ была отиѣнена Уставомъ Гражданскаго Судопроизводства. Исключеніе составили лишь постановленія, касающіяся Финляндіи. Они касались: подсудности наслѣдственныхъ исковъ, подсудности дѣлъ о раздѣлѣ наслѣдствъ и утвержденіи завѣщаній, подсудности дѣлъ объ охраненіи наслѣдствъ и производства этихъ дѣлъ.

Важность и богатство темъ, затронутыхъ законами 40-хъ годовъ, дѣлаетъ ихъ наиболѣе замѣтнымъ фактомъ въ исторіи русскаго конфликтнаго права. Архивныя данныя позволяютъ довольно полно возстановить процессъ возникновенія этихъ трехъ законовъ. Постараюсь передать его, опираясь на журналы государственнаго совѣта по каждому изъ законовъ въ отдѣльности.¹

„Въ 1835 году, гласитъ журналъ 20 января 1840 г., Государственный Совѣтъ, разрѣшивъ частное дѣло о правѣ наслѣдства къ имѣнію дворянина одной изъ Великороссійскихъ губерній (Генераль-Маіора Рыкова), умершаго въ Кіевѣ, гдѣ находилось тогда и движимое его имѣніе, призналъ возникшій отсюда и выше сего изложенный общій вопросъ, сколько важнымъ, столько же и въ подробностяхъ его многосложнымъ, ибо здѣсь надобно опредѣлить подсудность не только въ отношеніи къ мѣсту вѣдомства, но и въ отношеніи къ самымъ законамъ, коимъ долженъ слѣдовать порядокъ наслѣдства, законамъ въ привилегированныхъ губерніяхъ², какъ извѣстно, весьма разнствующихъ отъ дѣйствующихъ въ губерніяхъ Великороссійскихъ, и, сверхъ того, нужно предусмотрѣть и различить случаи полнаго водворенія, жительства по службѣ, постояннаго или временнаго, случайнаго проѣзда и пр. По сему Государственный Совѣтъ предоставилъ означенный вопросъ подробному соображенію и разсмотрѣнію II Отдѣленія Собственной Его Величества Канцеляріи, такъ какъ въ ономъ составляются Своды Законовъ для всѣхъ губерній, на особыхъ правахъ состоящихъ“. Постановка вопроса, данная государственнымъ совѣтомъ, широка и правильна. Дѣло Рыкова заставляетъ его, въ ясномъ и точномъ изложеніи, формулировать проблему выбора суда и выбора закона для разрѣшенія столкновенія различныхъ по содержанію русскихъ мѣстныхъ законодательствъ.

Второе Отдѣленіе, которому поручалось изученіе вопроса въ этой широкой постановкѣ, не могло найти никакихъ указаній въ сводѣ законовъ или другихъ источникахъ русскаго права и естественно обратилось къ западно-европейскому

¹ Дѣло архива Гос. Совѣта № 7. Деп. Зак. 1840 г.

² О терминѣ привилегированныхъ губерній и о понятіи ихъ мои Очерки русскаго государственнаго права, 1911, 277 слл. Надо помнить, что въ 1840 г. въ Украинѣ дѣйствовала еще Литовскій Статутъ.

праву. Воспроизвожу цѣликомъ даваемое журналомъ изложеніе заключенія Второго Отдѣленія въ части, касающейся выбора закона для разрѣшенія конфликтовъ. „Второе Отдѣленіе, не находя по настоящему предмету, ни въ отечественномъ законодательствѣ, ни въ мѣстныхъ законахъ привилегированныхъ губерній никакихъ правилъ, обратилось къ законамъ другихъ державъ и вошло въ слѣдующія соображенія: . . . 2) О подсудности въ отношеніи къ самимъ законамъ, коимъ долженъ слѣдовать порядокъ наслѣдства въ движимомъ имуществѣ. а) О подсудности въ личныхъ гражданскихъ отношеніяхъ. Законы государства обязательны для всѣхъ его членовъ безъ различія ихъ состоянія (Общ. Прус. Улож. введ. § 22). Они дѣйствуютъ или единообразно въ общей ихъ силѣ или съ мѣстными въ нѣкоторыхъ ихъ частяхъ измѣненіями. Измѣненія таковыя именуется законами мѣстными, дѣйствіе коихъ, простираясь на извѣстныя только губерніи и области, объемлетъ одни лишь опредѣленные случаи, во всѣхъ же другихъ дѣлахъ общіе законы Имперіи сохраняютъ и въ сихъ губерніяхъ и областяхъ полную свою силу (Сводъ мѣстн. зак. Зап. губ. §§ 1 и 2). Гражданскія права и обязанности лица опредѣляются законами того мѣста, гдѣ оно имѣетъ настоящее свое жительство (Общ. Прус. Улож. введ. § 23). Чиновники, гдѣ либо имѣющіе временное пребываніе по службѣ, сохраняютъ прежнее свое мѣстожительство, буде не изъявятъ именно намѣренія перемѣнить оное (Франц. Гражд. Зак. ст. 106). Простая отлучка изъ своего вѣдомства, при которой не было ясно видно желанія избрать другое мѣсто жительства, не измѣняетъ правъ и обязанностей лица (Общ. Прус. Улож. § 24). Когда лицо не имѣетъ постоянного мѣста жительства, то всѣ его права и обязанности опредѣляются законами, дѣйствующими въ мѣстѣ его пребыванія (тамъ же § 25). Если мѣсто происхожденія лица вовсе неизвѣстно, или находится внѣ государства, то прилагаются общіе дѣйствующіе законы, или же особенные законы мѣста его пребыванія, смотря по которымъ изъ нихъ можетъ быть удобнѣе разрѣшено предпринятое имъ дѣйствіе (тамъ же, § 26). Если лицо имѣетъ двойное мѣсто жительства, то право его на какое либо дѣйствіе разсматривается по законамъ того вѣдомства, которое наиболѣе ему благопріятствуетъ (тамъ же, § 27). б) О подсудности по распоряженію движимымъ имуществомъ въ особенности. Движимое имущество лица, независимо отъ его пребыванія, подлежитъ распоряженію по законамъ постоянного мѣста его жительства или водворенія (тамъ же, § 28 и Сводъ мѣст. Зак. Остз. губерній § 2130). При двойной подсудности лица, законы того мѣста, гдѣ находятся вещи, имѣютъ преимущество (Общ. Прус. Улож. § 29). Но если въ такомъ случаѣ движимое имущество, оставшееся безъ распоряженія, будетъ находиться въ третьемъ мѣстѣ, то примѣняются общіе законы Имперіи (тамъ же § 30). Движимое имущество лица, не имѣющаго постоянного мѣста жительства, подлежитъ законамъ его мѣста пребыванія, по правамъ личнаго его состоянія (тамъ же § 31)⁴.

Намѣреніе Второго Отдѣленія положить въ основаніе своего заключенія „законы другихъ державъ“, какъ видно изъ приведенной выдержки, свелось къ ссылкамъ на прусскій ландрехтъ 1794 г.¹, законодательный памятникъ, котораго вліяніе на русское право было вообще очень значительно, по къ со-

¹ Кромѣ не имѣющей значенія попутной ссылки на ст. 106 кодекса Наполеона, не относящейся собственно къ конфликтному вопросу, II Отдѣленіе цитировало, сверхъ ландрехта, еще проектъ Западнаго Свода 1837 г. (перезданъ въ 1910 г. М. Я. Пергаментомъ и Бар.

жалѣнню еще мало изучено.¹ Прусскій ландрехтъ въ статьяхъ, посвященныхъ конфликтамъ гражданскаго права, стоялъ на теоріи статутовъ, но излагалъ ее самостоятельно, дѣля всѣ вопросы конфликтнаго права на четыре — о личномъ состояніи, о движимостяхъ, о недвижимостяхъ и о формѣ актовъ. Второе Отдѣленіе оставило въ сторонѣ недвижимости и форму актовъ, а указывало на правило ландрехта о личномъ состояніи и о движимостяхъ, но въ его передачѣ, весьма не точной, правила ландрехта, которымъ оно хотѣло подражать, были существенно искажены. Это явствуетъ изъ слѣдующаго сопоставленія. Основныя двѣ статьи закона 1840 г. гласятъ такъ: „Гражданскія права и обязанности уроженцевъ губерній, состоящихъ на общихъ безъ мѣстныхъ изъятій правахъ, когда сіи уроженцы временно пребываютъ въ губерніяхъ и областяхъ, на особыхъ правахъ состоящихъ, опредѣляются общими законами Имперіи“ (ст. I закона, ст. 1279 ч. I т. X изд. 1914 г.) и „На основаніи сего, во всѣхъ распоряженіяхъ . . . о движимомъ при ихъ находящемся, какъ при жизни, такъ и на случай смерти, означенныя лица обязаны руководствоваться законами Имперіи“ (ст. 3 закона, ст. 1279, ч. 3 т. X изд. 1914 г.). Соответствующія статьи прусскаго ландрехта въ точномъ переводѣ постановляютъ: „Личныя свойства и права человѣка (Die persönlichen Eigenschaften und Befugnisse eines Menschen) опредѣляются по законамъ судебной территоріи, въ которой онъ имѣетъ свое настоящее мѣстожителство“ (§ 23) и „Движимое имущество человѣка, независимо отъ мѣста пребыванія послѣдняго, обсуждается на основаніи его обычной подсудности“ (§ 28). Если второе правило передано въ законѣ 1840 г. правильно, то зато первое — съ прямою ошибкою: вмѣсто подчиненія личному закону „личныхъ свойствъ и правъ“, противопоставляемыхъ въ Ландрехтѣ правамъ на движимости и формамъ актовъ, русскій законъ подчиняетъ ему „гражданскія права и обязанности“. Благодаря этой ошибкѣ получалось впечатлѣніе, будто первая статья закона 1840 г. устанавливаетъ рѣшеніе всѣхъ конфликтовъ въ пользу личнаго закона, что невѣрно уже потому, что изъ смысла самого закона несомнѣнно вытекаетъ подчиненіе недвижимостей не личному закону, но закону мѣста.

Законы 1843 и 1844 гг. представляютъ собой передѣлку основного закона 1840 г., первый для Финляндіи и второй для Царства Польскаго, передѣлку, вызванную рѣшеніемъ Государственнаго Совѣта, при слушаніи проекта 1840 г., установить, сношеніями съ мѣстной властью, „въ какой силѣ могутъ быть сіи постановленія примѣнены“ къ этимъ двумъ территоріямъ. При выработкѣ новыхъ законовъ вызвала критику, главнымъ образомъ, приведенная выше ст. I закона 1840 г., созданная ошибочнымъ пересказомъ § 23 введенія къ прусскому общему уложенію. Замѣчанія финляндскаго сената и министра статсъ-секретаря Царства Польскаго почти совпадаютъ. Въ журналахъ² госу-

А. Э. Нольде) и проектъ Остзейскаго свода 1839 г. Объ этихъ проектахъ подробныя свѣдѣнія у Бар. А. Э. Нольде, Очерки по исторіи кодификаціи мѣстныхъ гражданскихъ законовъ, I—II, 1906, 1914.

¹ Я отмѣчалъ уже это вліяніе въ статьѣ Законы основныя въ русскомъ правѣ, Труды Юрид. Общ. при СПб. Унив., VII (1913), 21.

² Дѣла архива государственнаго совѣта: № 17 Деп. Зак. 1843 г. о порядкѣ подсудности въ движимомъ имуществѣ послѣ уроженцевъ Имперіи, временно пребывающихъ въ Финляндіи, и финляндскихъ уроженцевъ, временно пребывающихъ въ Имперіи; № 9 Деп. дѣл Ц. Польск. 1844 г. по проекту правилъ о порядкѣ подсудности въ движимомъ имуществѣ послѣ лицъ, водворенныхъ въ Имперіи и временно пребывающихъ въ Царствѣ Польскомъ, и послѣ лицъ, водворенныхъ въ Царствѣ Польскомъ и временно пребывающихъ въ Имперіи.

дарственного совѣта эти замѣчанія изложены такъ: „Финляндскій сенатъ находитъ полезнымъ принять правила, постановленныя въ мнѣннн государственнаго совѣта 3 апрѣля 1840 года, только въ отношенн къ наслѣдству въ движимомъ имуществѣ, не подвергая онымъ другихъ упоминаемыхъ въ томъ мнѣннн правъ гражданскихъ“; министръ статъ-секретарь отозвался, что упомянутыя правила, по его мнѣннн, могли бы быть съ удобностью примѣнены къ жителямъ Царства Польскаго, въ Импернн временно пребывающимъ, и обратно, съ измѣненнемъ одного токмо перваго пункта, который, опредѣляя подсудность законамъ Импернн уроженцевъ Великороссійскихъ губерннн, временно пребывающихъ въ губернннхъ на особыхъ правахъ состоящихъ, по всѣмъ вообще гражданскимъ правамъ и обязанностямъ безъ исключеннн, можетъ быть поводомъ къ примѣненню правила сего въ такихъ дѣлахъ, къ которымъ настоящее узаконенн не относится. Правила, въ мнѣннн государственнаго совѣта, изложенныя, касаются, собственно, до порядка подсудности по наслѣдству движимаго имѣннн, а потому къ примѣненню сихъ правилъ къ жителямъ Царства Польскаго, въ Импернн пребывающимъ, и обратно, слѣдовало бы, по мнѣннн министра статъ-секретаря Царства Польскаго, или вовсе исключить 1-ый пунктъ, какъ выраженный гораздо опредѣленнѣе и яснѣе въ пунктѣ 3-мъ тѣхъ же правилъ, или изложить его, собственно, въ отношенн къ наслѣднн движимаго имущества, дабы отклонить всякнй поводъ къ превратному толкованнн сего узаконеннн. Государственный совѣтъ принялъ эти поправки въ обоихъ законахъ, болѣе или менѣе сознавшнсь въ погрѣшности, которую онъ допустилъ въ 1840 г.; журналъ говоритъ по этому поводу: „главною цѣлью изданнаго въ 1840-мъ году положенн было опредѣлить права на наслѣдство въ движимомъ имуществѣ; о прочихъ-же гражданскихъ правахъ упомянуто въ самомъ мнѣннн 1840-го года лишь въ общихъ выраженннхъ, какъ о главномъ господствующемъ юридическомъ началѣ, которое, можетъ быть, необходимо принять въ основанн и при разсмотрѣннн настоящаго вопроса, не входи, однако, въ подробное опредѣленн правилъ, требующихъ по ихъ важности и обширности особыхъ соображеннн“.

Послѣдннй, изданный до устава гражданского судопроизводства 1864 г. и содержащнй правило о конфликтѣ гражданскихъ законодательствъ, законъ, который выросъ изъ потребностей старой судебной практики, есть ст. 1549¹ Зак. Гражд. включенная въ I ч. X т. впервые въ изданнн 1914 г., а до того дѣйствовавшая какъ 65 ст. Законовъ Судопроизводства Гражданскаго изд. 1892 г., (ст. 671 тѣхъ же законовъ въ изд. 1876 г. и ст. 1000 ихъ въ изд. 1857 г.). Ст. 1549¹ Зак. Гражд. гласитъ: „Русскнй подданные, заключившн обязательства и договоры въ какомъ либо иностранномъ государствѣ на основаннн узаконеннн того края, не могутъ по возвращеннн въ Россню уклоняться отъ исполненнн ихъ подъ предлогомъ истеченнн срока земской давности, если снн обязательства и по минованнн сего срока сохраняютъ свою силу по законамъ того государства, въ коемъ оныя составлены“. Прежде — въ ст. 65 Зак. Суд. Гражд. — этотъ текстъ дополнялся еще словами, позднѣе признанными кодификаторомъ отмѣненными: „Для устраненнн затрудненнн, могущихъ возникнуть въ судебныхъ мѣстахъ отъ незнаннн постановленнн иностранныхъ, дѣла сего рода рѣшаются не иначе, какъ съ утвержденнн Сената“. Эта статья есть часть очень извѣстнаго въ исторнн русскаго гражданского права закона 1845 г. о давности (выс. утв. 23 апрѣля 1845 г. мн. гос. сов. о силѣ и дѣй-

ствіи земской давности, П. С. З., 18. 952)¹, въ которомъ былъ разрѣшенъ рядъ частныхъ вопросовъ, касавшихся давности по русскому праву; кодификаторъ распредѣлилъ установленныя имъ рѣшенія частныхъ вопросовъ по разнымъ частямъ Свода, отнеся нѣкоторыя къ матеріальному праву, а другія къ процессу; въ Законахъ судопроизводства гражданскаго 1857 г. послѣднія попали въ составъ особой главы о земской давности для начатія тяжбъ и исковъ (ст. 213—226), но специальное постановленіе о давности для обязательствъ, возникшихъ за границей, было помѣщено въ содержавшей правила сборнаго характера объ иностранцахъ и чужихъ земляхъ, главѣ „о судопроизводствѣ по дѣламъ иностранцевъ“, въ качествѣ, очевидно, особаго изъятія изъ общихъ процессуальныхъ правилъ о давности.

Происхожденіе приведеннаго правила о давности по обязательствамъ, возникшимъ за границей, то же, что и происхожденіе другихъ законовъ 30-хъ и 40-хъ годовъ: оно представляетъ собой отвѣтъ на недоумѣніе судебной практики. Нѣкіе Шестерниковъ и Шавелькинъ уклонялись отъ уплаты по векселю, писанному ими за границей, ссылаясь на то, что русская давность по векселямъ истекла. По дѣлу, доходившему до сената, послѣдовалъ указъ 28 декабря 1825 г., который установилъ, что „россійскій законъ о десятилѣтней давности не можетъ быть распространяемъ на такія дѣйствія, которыя происходили за границей“. При работахъ по исправленію перваго изданія Свода возникла рѣчь о томъ, чтобы этотъ указъ ввести въ законы гражданскіе, но Государственный Совѣтъ въ 1836 г. отклонилъ это предложеніе, сославшись на то, что не ясно, распространяется ли указъ 1825 г. на „одни дѣйствія, происшедшія за границею между русскими и иностранцами, или на тѣ дѣйствія, которыя происходили между русскими“. Въ связи съ работами по установленію другихъ правилъ о давности вопросъ былъ поставленъ вновь на очередь. Министръ Юстиціи, ссылаясь на указъ 1825 г. и на другое судебное дѣло, ближе имъ не указанное, высказался за то, чтобы указъ растолкованъ былъ въ смыслѣ признанія обязательности закона мѣста совершенія обязательства при опредѣленіи давности по такому обязательству. Государственный Совѣтъ принялъ это мнѣніе, добавивъ еще ссылку на необходимость утвержденія рѣшеній по примѣненію иностраннаго закона о давности сенатомъ, такъ какъ другія судебныя мѣста, по его мнѣнію, не могли справиться съ задачей примѣненія чужого права.² Такимъ образомъ, дѣло Шестерникова и Шавелькина, первое извѣстное мнѣ въ исторіи русской судебной практики дѣло, поднявшее конфликтный вопросъ, послужило поводомъ къ созданію одной изъ раннихъ нашихъ законодательныхъ конфликтныхъ нормъ. Я покажу ниже, что правило закона 1845 г. о давности послужило поводомъ къ внесенію въ русское законодательство и того болѣе общаго постановленія относительно выбора за-

¹ Объ этомъ законѣ Энгельманъ, О давности по русскому гражданскому праву, 1866, 85 сл.: онъ особенно памятенъ тѣмъ, что при его выработкѣ впервые было построено общее ученіе русскаго права о давности.

² Свѣдѣнія по исторіи закона 1845 г. почерпнуты изъ двухъ дѣлъ Арх. Гос. Сов., а именно Дѣла Деп. Зак. по замѣчаніямъ на нѣкоторыя статьи Свода Зак., 1838 г., № 6 и дѣла Гос. Сов. Соед. Деп. Гражд. и Зак. О свѣдѣніи десятилѣтней давности, 1844—1845 № 53 и 11. Относительно разсмотрѣнія вопроса во время работъ по исправленію перваго изданія Свода есть указаніе у Блюсфельда, „Законона“ сила Свода Законовъ въ свѣтѣ архивныхъ данныхъ, 1917, 177.

кона, управляющаго обязательствами, которое содержалось въ ст. 707 Уст. Гр. Суд.

Единственная за этотъ періодъ времени коллизіонная норма въ русскомъ законодательствѣ, не имѣвшая корней въ потребностяхъ судебной практики есть § 27 Правилъ 13 марта 1859 г. о государственныхъ непрерывно доходныхъ билетахъ, аналогичный соотвѣтствующему правилу закона 1817 г. и гласящій: „Въ случаѣ смерти иностранца, владѣющаго непрерывно доходнымъ билетомъ, капиталъ по сему билету и доходъ съ оного поступаютъ къ его наслѣдникамъ, по порядку и правамъ наслѣдія того государства, къ которому владѣлецъ принадлежалъ“. (И. С. З., 34. 243).

Къ тому же періоду относятся первыя конвенціи, заключенныя Россіей съ иностранными государствами, по вопросамъ международнаго частнаго права. Онѣ касались вопроса объ иностранныхъ наслѣдствахъ въ Россіи.¹

4. Слѣдующій крупный шагъ въ развитіи русскаго коллизіоннаго права совершенно неожиданно былъ сдѣланъ Судебными Уставами Имп. Александра II.

Даже при поверхностномъ знакомствѣ съ кассационными рѣшеніями по вопросамъ о столкновеніи разномѣстныхъ гражданскихъ законовъ можно замѣтить, что, въ дѣлѣ разрѣшенія этихъ конфликтовъ, громадное значеніе принадлежало нѣсколькимъ статьямъ устава гражданскаго судопроизводства, въ особенности же двумъ изъ нихъ — 464-ой и 707-ой.

Ихъ текстъ гласить:

„464. Акты, совершенные въ иностранномъ государствѣ по существующимъ тамъ законамъ, хотя бы и несходно съ обрядомъ совершенія подобныхъ актовъ въ Россіи, признаются законными актами, если только не опровергается ихъ подлинность.“

„707. Договоры и акты, совершенные за границею, обсуждаются на основаніи законовъ того государства, въ предѣлахъ коего они совершены и признаются дѣйствительными, если только заключающаяся въ нихъ сдѣлка не противна общественному порядку и не воспрещается законами Имперіи.“

Спрашивается, откуда взялись эти правила въ процессуальномъ кодексѣ и почему составители Устава 1864 г. нашли необходимымъ взять на себя рѣшеніе вопросовъ, съ процессомъ мало связанныхъ, сложныхъ и притомъ въ моментъ составленія устава не ставившихся на очередь?

Ясно, что никто не имѣлъ въ виду, составляя ст. 464 и 707 устава, заняться спеціально международнымъ частнымъ правомъ и его, хотя бы частичной, кодификаціей. Это наглядно доказывается уже положеніемъ двухъ статей въ уставѣ. Въ самомъ дѣлѣ, первое правило, повторяющее старинное положеніе *locus regit actum*, помѣщено въ ученіи о письменныхъ доказательствахъ (гл. IX кн. II); второе, устанавливающее разрѣшеніе конфликтовъ разномѣстныхъ законовъ объ обязательствахъ путемъ примѣненія закона мѣста совершенія обязательства, включено въ ученіе о судебномъ рѣшеніи (гл. XII кн. II). Такимъ образомъ, очевидно, оба вопроса были затронуты попутно, въ качествѣ подробностей хода процесса, случайно приуроченныхъ къ двумъ различнымъ его статьямъ. По существу дѣла, правило *locus regit actum*, конечно, такъ же мало относится къ статьямъ о доказательствахъ, какъ пра-

¹ Исторія этихъ конвенцій въ моей статьѣ: Русское наслѣдственное конфликтное право. Конфликты междугосударственные въ Трудахъ русскихъ ученыхъ за границей I (1921), 133—177.

вило о примѣненіи къ обязательствамъ закона мѣста совершенія — къ статьямъ о судебномъ рѣшеніи. И это, прежде всего, потому, что конфликтныя нормы вообще никакъ не являются нормами процессуальными.

Хорошо извѣстно, что судебныя уставы составлены были въ два приѣма: сначала обсуждались въ государственномъ совѣтѣ проекты, выработанные предсѣдателемъ департамента законовъ графомъ Блудовымъ въ 1857 и слѣдующихъ годахъ; затѣмъ въ 1861 г. вся эта, частью завершенная, работа была приостановлена, и въ государственный совѣтъ были внесены „основныя положенія“ судебной реформы, высочайше утвержденныя въ 1862 г.; на основѣ этихъ „положеній“ комиссіей, подъ предсѣдательствомъ государственнаго секретаря Буткова, были кореннымъ образомъ переработаны блудовскіе проекты уставовъ и новыя проекты внесены въ государственный совѣтъ, гдѣ были рассмотрѣны въ теченіе 1864 г., и 20 ноября этого года высочайше утверждены. Такимъ образомъ, при изученіи происхожденія текста устава гражданскаго судопроизводства надо имѣть въ виду два наслоенія: проекты блудовскіе и проекты бутковскіе.

Исторія составленія коллизіонныхъ нормъ, содержавшихся въ ст. 464 и 708 устава, въ обоихъ стадіяхъ работъ по составленію устава сводится къ слѣдующему. Въ іюні 1857 г. въ государственный совѣтъ былъ внесенъ блудовскій проектъ устава судопроизводства гражданскаго: въ немъ заключалась будущая ст. 464; она была принята соединенными департаментами законовъ и гражданскихъ дѣлъ и помѣщена въ ихъ проектѣ устава 1859 г. Будущей ст. 707 ни въ этомъ блудовскомъ проектѣ, ни въ внесенномъ въ мартѣ 1861 г. проектѣ статей о судопроизводствѣ по особеннымъ родамъ тяжбъ и исковъ не содержалось; отмѣчая этотъ второй проектъ потому, что въ старыхъ Законахъ о судопроизводствѣ гражданскомъ — 2 ч. X т. свода изд. 1857 г. въ раздѣлѣ объ особенныхъ родовъ тяжбъ и исковъ имѣлась глава о судопроизводствѣ по дѣламъ иностранцевъ, а это, при переработкѣ старыхъ статей, могло дать, какъ впоследствии и дало, поводъ намѣтить правило будущей статьи 707. Во второй стадіи работъ по составленію устава слѣдовали въ общемъ тѣмъ же путемъ, что и въ первой. Сначала былъ разработанъ и внесенъ въ декабрѣ 1863 г. въ государственный совѣтъ проектъ устава гражданскаго судопроизводства, въ числѣ статей котораго была, какъ и раньше, помѣщена будущая ст. 464. Позднѣе былъ разработанъ и внесенъ въ государственный совѣтъ въ апрѣлѣ 1864 г. проектъ VI книги устава объ особенныхъ родахъ судопроизводства, гдѣ оказалась будущая ст. 707, появившаяся, какъ результатъ пересмотра статей свода о судопроизводствѣ по дѣламъ иностранцевъ. Такимъ образомъ, при составленіи устава гражданскаго судопроизводства, ст. 464 вырабатывалась совершенно отдѣльно отъ ст. 707, и объ входили въ составъ двухъ разныхъ законопроектвовъ, слившихся въ одно цѣлое лишь подъ самымъ концемъ работъ. Очевидно, о систематическомъ рѣшеніи вопросовъ коллизіоннаго права рѣчи не было.

Исторія выработки двухъ разсматриваемыхъ статей свидѣтельствуетъ не только объ отсутствіи подобнаго систематическаго замысла; болѣе того, она безспорно доказываетъ, что каждая изъ нихъ, взятая отдѣльно, появилась въ уставѣ совершенно случайно. Первую составили потому, что аналогичное правило нашлось въ одномъ изъ русскихъ источниковъ блудовскаго проекта устава судопроизводства гражданскаго; вторая была составлена въ бутковскомъ про-

ектѣ объ особенныхъ родахъ тяжбъ и исковъ заново, но лишь потому, что въ источникахъ нашелся нѣкоторый поводъ къ ея выработкѣ.

Обращаюсь сначала къ правилу о формѣ сдѣлокъ, изложенному въ ст. 464. Въ проектѣ устава судопроизводства гражданскаго, составленномъ на основаніи блудовскаго проекта 1857 г. департаментами законовъ и гражданскихъ дѣлъ¹, текстъ статьи помѣщенъ въ главѣ о доказательствахъ и гласитъ: „439. Акты, составленные и совершенные въ иностранномъ государствѣ по тамошнему обычаю, хотя и несходно съ обрядомъ составленія и совершенія подобныхъ актовъ въ Россіи, признаются актами въ законной формѣ совершенными“.

Построеніе совокупности правилъ этого проекта, касающихся письменныхъ доказательствъ, довольно близко, въ подробностяхъ, къ ученію о письменныхъ доказательствахъ въ Законахъ судопроизводства гражданскаго 1857 г., который проектъ имѣлъ въ виду замѣнить. Но конфликтнаго правила о законѣ, управляющемъ формой актовъ, въ Сводѣ нѣтъ. Невольно возникаетъ предположеніе, что Блудовъ почерпнулъ его изъ тѣхъ западныхъ кодексовъ, которыми онъ вдохновлялся, сардинскаго кодекса 1855 г., женеваго 1819 г. и французскаго. На дѣлѣ такое предположеніе не оправдывается. Оказывается, что конфликтное правило о формѣ сдѣлокъ извлечено имъ изъ русскаго источника, а именно извѣстнаго намъ § 223 устава коммерческаго судопроизводства 1832 г., воспроизведенномъ въ Сводѣ учреждений и уставовъ торговыхъ изд. 1857 г., изъ котораго рядъ правилъ служилъ исполненіемъ скуднаго общаго процессуальнаго законодательства и числился частью и въ Законахъ судопроизводства гражданскаго 1857 г.

Обращеніе составителей блудовскаго проекта черезъ Сводъ къ уставу 1832 г. легко себѣ объяснить. Въ самомъ Сводѣ, какъ отмѣчено выше, пробы общаго процессуальнаго законодательства восполнялись за счетъ этого акта; Блудовъ еще разъ использовалъ его и внесъ въ свой проектъ, между прочимъ, и заключавшееся въ немъ правило о формѣ сдѣлокъ. Вызывалось это обращеніе тѣмъ, давно уже указаннымъ въ литературѣ фактомъ, что уставъ коммерческихъ судовъ 1832 г. представлялъ по тому времени лучшее, что было въ нашемъ судопроизводственномъ законодательствѣ. Изъ блудовскаго проекта правило о законѣ, опредѣляющемъ форму сдѣлокъ, было перенесено въ проектъ бутковскій. Въ существенно переработанныхъ, сравнительно съ проектомъ 1861 г., правилахъ бутковскаго проекта относительно письменныхъ доказательствъ была, какъ и прежде, помѣщена статья (316) о формѣ сдѣлокъ, въ слѣдующей редакціи: „Акты, совершенные въ иностранномъ государствѣ по существующимъ тамъ законамъ, хотя и несходно съ обрядомъ совершенія подобныхъ актовъ въ Россіи, признаются законными актами, если только не опровергается ихъ подлинность“. Какъ видно, это постановленіе составлено путемъ легкой перефразировки § 223 устава 1832 г., несовпадающей буквально съ перефразировкой того же параграфа въ проектѣ 1861 г., но по существу ничѣмъ отъ нея не отличающейся. Единственно, что составители бутковскаго проекта внесли отъ себя, было дополнительное постановленіе слѣдующей за указанной статьи проекта устава гражданскаго судопроизводства (317): „Если представлены къ дѣлу акты, совершенные въ иностранномъ государствѣ, то

¹ Въ самомъ блудовскомъ проектѣ та же редакція.

сторона, противъ коей они представлены, имѣть право требовать удостовѣреніе русскаго посольства, миссіи или консульства, что акты эти дѣйствительно составлены по законамъ иностраннаго государства“. Оба приведенныхъ постановленія не вызвали въ разсматриваемой второй стадіи работъ по составленію устава никакихъ споровъ. Основная статья о формѣ актовъ осталась неизмѣнною и составила уже приведенную выше ст. 464 дѣйствующаго устава, а дополнительная статья объ удостовѣреніи соответствія формы законамъ страны была нѣсколько передѣлана, и такое удостовѣреніе было признано обязательнымъ, независимо отъ требованія противной стороны въ процессѣ. Въ Уставѣ это дополнительное правило составляетъ ст. 465 и изложено такъ: „Акты, совершенные въ иностранномъ государствѣ, могутъ быть представлены къ дѣлу не иначе, какъ съ удостовѣреніемъ русскаго посольства, миссіи или консульства, что они дѣйствительно составлены по законамъ того государства“.

Такимъ образомъ, изслѣдуя происхожденіе правила устава гражданскаго судопроизводства о законѣ, которымъ опредѣляется форма актовъ мы упираемся въ § 223 устава коммерческихъ судовъ 1832 г. Первая изъ коллизіонныхъ нормъ устава есть, слѣдовательно, результатъ механическаго заимствованія изъ болѣе ранняго русскаго законодательства.

Какъ появилась другая коллизіонная норма устава, посвященная опредѣленію закона, примѣняемаго къ обязательственнымъ конфликтамъ? Ея происхожденіе, пожалуй, еще болѣе случайно, нежели происхожденіе ст. 464.

Уже Блудовъ отнесся весьма критически ко всей главѣ 2 ч. X т. 1857 г., посвященной судопроизводству по дѣламъ иностранцевъ, не находя въ собранныхъ тамъ постановленіяхъ оправданія построенію особаго судопроизводства по этимъ дѣламъ. Правило земской давности, которое было установлено закономъ 1845 г. на основаніи рѣшенія 1825 г. по дѣлу Шестерникова и Шавелькина и которое входило, какъ ст. 1000, въ главу 2 ч. X т. о судопроизводствѣ по дѣламъ иностранцевъ, Блудовъ отнесъ къ общимъ процессуальнымъ правиламъ о давности, а остальные статьи призналъ или вообще ненужными, или также подлежащими распредѣленію по другимъ частямъ устава гражданскаго судопроизводства. Соответственно блудовскому проекту въ редакціи устава 1861 г. взятая изъ закона 1845 г. ст. 1000 зак. суд. гражд. о давности по обязательствамъ, возникшимъ за границей, составила, помѣщенную въ главѣ о земской для начатія исковъ давности, ст. 57, гдѣ говорилось: „Если обязательства, или договоры, совершены русскими подданными въ какомъ либо иностранномъ государствѣ на основаніи узаконеній того края, то судебныя мѣста, при разсмотрѣніи споровъ по такимъ договорамъ, обязаны, въ случаѣ существованія различныхъ сроковъ давности въ Россіи и въ томъ государствѣ, гдѣ договоръ совершенъ, принимать всегда въ основаніе рѣшеній болѣе продолжительный срокъ давности. Для предупрежденія затрудненій, кои могли бы возникнуть въ мѣстахъ судебныхъ отъ незнанія постановленій иностранныхъ, тяжущіеся обязаны, въ случаѣ ссылки на сіи постановленія, представлять при исковомъ прошеніи засвидѣтельствованную въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ выписку изъ оныхъ.“

Въ бутковскихъ проектахъ статью о давности по совершеннымъ за границей актамъ постигла нѣсколько иная судьба. Основной проектъ устава не воспроизводилъ вообще правилъ о давности въ процессѣ, въ этомъ отношеніи отступая отъ образца законовъ судопроизводства гражданскаго и блудовскаго

проекта. Некуда было поэтому перенести и правила о давности для иностранных сдѣлокъ. Къ нему, однако, пришлось вернуться при обсужденіи правилъ свода 1857 г. объ особыхъ родахъ производства.

Въ проектѣ шестой книги устава гражданскаго судопроизводства, дополнително внесенномъ въ Государственный Совѣтъ, составители его естественно должны были остановиться на правилахъ свода 1857 г. о судопроизводствѣ по дѣламъ иностранцевъ. Эти статьи вызвали въ общемъ столь же критическое отношеніе съ ихъ стороны, что и со стороны составителей проектовъ блудовскихъ. Въ объяснительной запискѣ доказывалась ненужность и безсодержательность однихъ и необходимость переработки и размѣщенія въ другой связи остальныхъ. Составители столкнулись при этомъ со ст. 1000 о давности по возникшимъ за границей обязательствамъ, но не могли уже, какъ составители блудовскихъ проектовъ, сослаться на то, что статья эта должна быть помѣщена въ общихъ правилахъ устава о земской давности. Ихъ разсужденіе совершенно иное, можно сказать, неожиданное. Его слѣдуетъ воспроизвести цѣликомъ. „Статья 1000 . . . содержитъ въ себѣ . . . правило о томъ, что русскіе подданные, заключившіе обязательство за границею на основаніи иностранныхъ законовъ не могутъ и по возвращеніи въ Россію уклоняться отъ ихъ исполненія подъ предлогомъ истеченія срока земской давности, если сіи обязательства и по минованіи сего срока сохраняютъ свою силу по законамъ того государства, гдѣ они составлены. По одному изъ коренныхъ правилъ международнаго права всякій актъ обсуждается по законамъ того государства, въ которомъ онъ совершенъ. Этому правилу не противорѣчитъ и наше законодательство, какъ это видно изъ приведенной 1000 ст. 2 ч. X т. и изъ ст. 916 и 1077 ч. I т. X. Вслѣдствіе сего не представляется препятствій удержать 1000 ст. въ новомъ уставѣ съ измѣненною редакціей, выразивъ, что веб акты и договоры, совершенные за границею не только русскими подданными, но и иностранцами, обсуждаются по законамъ того государства, гдѣ они составлены и признаются дѣйствительными, если только заключающіяся въ сихъ актахъ и договорахъ сдѣлка не противна общественному порядку и не воспрещается законами Имперіи.“

Такъ появилась ст. 707 и рядомъ съ ней ст. 708, напоминавшая о ст. 1000 ч. 2 X т., какъ о поводѣ ея составленія, и гласившая: „Договоры, заключенные за границей по иностраннымъ законамъ, не теряютъ своей силы въ Россіи по истеченіи земской давности, если по законамъ того государства, гдѣ они совершены, устанавливается болѣе продолжительная давность.“

Нельзя, конечно, отрицать внутренней связи ст. 707 устава гражданскаго судопроизводства, съ одной стороны, и ст. 708 устава и ея источника ст. 1000 2 ч. X т., съ другой. Разъ къ давности по обязательствамъ примѣняется законъ мѣста ихъ возникновенія, то, очевидно, потому, что этотъ законъ вообще управляетъ обязательствами въ случаѣ конфликта разномѣстныхъ законовъ. Но составители ст. 707 не довольствовались этимъ разсужденіемъ, а старались подвести подъ нее еще и другой фундаментъ. Какъ видно изъ объяснительной записки, они полагали, что подчиненіе акта законамъ страны, гдѣ онъ совершается, представляло собой „одно изъ коренныхъ правилъ международнаго права“. Если при составленіи ст. 464 устава о формѣ сдѣлокъ опирались на русскій законодательный прецедентъ, то здѣсь, при составленіи ст. 707, русскій прецедентъ заслонялся чистой доктриной.

Ст. 707 была реченирована прямо изъ литературы. Составители устава

въ тѣхъ западно-европейскихъ кодексахъ, къ которымъ они обращались, не могли найти правила о столкновѣніи законовъ о существѣ обязательствъ, ибо въ этихъ образцахъ такого правила не было. Они и отмѣтили это, указавъ, какъ я уже говорилъ, что взяли ст. 707 изъ общепризнанныхъ началъ международнаго права. Правильна ли была эта ссылка и не сдѣлали ли составители ошибку, сказавъ, что обязательства, согласно этимъ началамъ, по существу своему — о формѣ говорила уже ст. 464 — подчинены дѣйствию закона мѣста ихъ возникновенія?

Въ настоящее время часто забывается, что во время составленія устава господствующимъ взглядомъ въ доктринѣ международнаго частнаго права объ обязательствахъ было дѣйствительно признаніе, что, какъ форма ихъ, такъ и существо подчинены закону ихъ совершенія. Правило *locus regit actum* казалось поэтому относящимся не только къ формѣ, какъ мы обычно думаемъ, но и къ существу обязательственныхъ отношеній. Нѣтъ надобности изучать здѣсь, какъ сложилось такое пониманіе; достаточно сказать, что оно въ серединѣ прошлаго вѣка представляется наиболѣе распространеннымъ во всѣхъ безъ исключенія большихъ европейскихъ странахъ.

Здѣсь не мѣсто изслѣдовать историческое происхожденіе воззрѣній, сводящихся къ признанію за правиломъ *locus regit actum* значеніе нормы, касающейся и формы, и существа обязательства. Достаточно сказать, что въ нихъ сказывается вліяніе одного изъ распространенныхъ пониманій такъ называемаго смѣшаннаго статута статутарной доктрины. Составители устава гражданскаго судопроизводства были правы, когда говорили, что подчиненіе обязательствъ закону мѣста ихъ совершенія представляетъ собой „одно изъ коренныхъ правилъ международнаго права“. Правда, ко времени составленія устава складываются и другія воззрѣнія. Однако, все же несомнѣнно, что господствовало правило о законѣ мѣста совершенія обязательствъ, т. е. въ конечномъ счетѣ то самое начало, которое, примѣнительно къ формѣ сдѣлокъ, было уже помѣщено въ уставѣ гражданскаго судопроизводства въ ст. 464 и взято опять-таки чрезъ посредство устава коммерческихъ судовъ Сперанскаго съ запада.

Едва ли можетъ быть сомнѣніе, что изъ западной доктрины взята и та оговорка объ общественномъ порядкѣ и о запретительныхъ законахъ, которая содержится въ ст. 707 устава. М. И. Брунъ¹ пытался изслѣдовать вопросъ о происхожденіи упоминанія о публичномъ порядкѣ въ ст. 707. Онъ говоритъ: „Понятіе — „общественный порядокъ“ — могло быть взято изъ иностраннаго источника, гдѣ говорилось объ *ordre public*. Правда, слова „общественный порядокъ“ встрѣчались уже въ ст. 1528 1 ч. X т. изд. 1857 г., которой соответствовала ст. 966 изд. 1832 г. Но источники этой статьи по П. С. З. этихъ словъ не знаютъ, такъ что, по всей вѣроятности, они сочинены были Сперанскимъ, который могъ взять ихъ изъ 6 ст. *code civil*. Такимъ образомъ взялъ ли составитель 707 ст. „общественный порядокъ“ изъ иностраннаго источника непосредственно или справившись съ 1528 ст. 1 ч. X т. — во всякомъ случаѣ, эти слова вошли въ наше дѣйствующее законодательство благодаря существованію 6 ст. *code civil*.“ Я думаю, что гипотеза М. И. Бруна слишкомъ сложна. Отмѣчу, прежде всего, что, если даже ее принять для понятія „общественнаго порядка“, останется не объясненнымъ происхожденіе

¹ Брунъ. Публичный порядокъ въ международномъ частномъ правѣ, 1916, 94.

въ той же 707 ст. словъ: „если... не воспрещается законами Имперіи“. Сочетаніе обѣихъ идей станетъ понятнымъ, разъ, какъ это явствовало изъ предшествующихъ наблюденій, надо считать всю статью заимствованной изъ западной доктрины. Въ той литературѣ, съ которой были знакомы составители ст. 707 и изъ которой взяли ея текстъ, дѣйствіе закона мѣста въ отношеніи обязательствъ ограничивалось именно въ обѣихъ изъ указанныхъ ст. 707 направленійхъ — одни ссылались на общественный порядокъ, другіе на освященный Савиньи варіантъ той же идеи — „запретительные законы“.

5. Вся послѣдующая за 1864 г. исторія русскаго конфликтнаго права исчерпывается практикою гражданскаго кассационнаго департамента сената, за тремя исключеніями, о которыхъ ниже. Законодатель перестаетъ интересоваться конфликтами, и ничего подобнаго тому, что представляла собой, на примѣръ, работа по составленію законовъ 40-хъ годовъ о наслѣдственныхъ конфликтахъ или, хотя бы даже, ст. 464 и 707 уст. гр. суд., мы не видимъ. Но зато совершается крупнѣйшей важности работа кассационнаго суда. Сводъ свято хранилъ всѣ отрывки по вопросамъ конфликтнаго права, которые дало старое законодательство вплоть до судебныхъ уставовъ включительно. Изъ этихъ отрывковъ приходилось строить систему, и кассационная практика съ этой задачей въ общемъ справилась и справилась довольно успѣшно. Результаты ея работы до сихъ поръ не сведены въ одно цѣлое и въ изслѣдованіи ихъ — одна изъ самыхъ настоятельныхъ и очередныхъ задачъ русской юриспруденціи. По обзору итоговъ этой судебной практики не мѣсто въ исторіи русскаго коллизіоннаго права. Здѣсь уже область его догмы.

И упомянулъ о трехъ случаяхъ, когда русскій законодатель послѣ 1864 г. нарушилъ свое молчаніе по вопросамъ международнаго частнаго права. Первый изъ нихъ — законъ 14 іюня 1888 г. (И. С. З., 5353), опредѣлившій подсудность по дѣламъ о расторженіи браковъ православныхъ русскихъ гражданъ, совершенныхъ за-границей. Второй — законъ 22 февраля 1894 г. (И. С. З., 10. 380) объ измѣненіи и дополненіи узаконеній, касающихся порядка вызова наслѣдниковъ послѣ умершихъ иностранцевъ изъ турецкихъ и персидскихъ подданныхъ и вообще азіатцевъ, установившій особыя правила о наслѣдованіи послѣ турокъ. Третій законъ, коснувшійся конфликтовъ, имѣетъ гораздо болѣе принципиальное значеніе. При составленіи Устава о векселяхъ 27 мая 1902 г. (Св. Зак. т. XI, ч. 2 изд. 1903 г.) въ него включенъ былъ, составленный по иностраннымъ образцамъ, особый отдѣлъ о примѣненіи иностранныхъ и мѣстныхъ законовъ (ст. 82—85, ср. ст. 126), въ которомъ нашли себѣ разрѣшеніе конфликтные вопросы о векселеспособности, формѣ вексельной сдѣлки и протестѣ.

Къ періоду послѣ Судебныхъ уставовъ относится возникновеніе ряда международныхъ конвенцій между Россіей и отдѣльными иностранными государствами по вопросамъ частнаго международнаго права. Въ первую очередь таковы наслѣдственные конвенціи 70-хъ и 80-хъ годовъ съ главными европейскими государствами, которыми въ Россіи для международныхъ конфликтовъ усвоено начало подчиненія наслѣдованія закону личному, начало, которое, какъ мы знаемъ, для конфликтовъ междуобластныхъ было принято у насъ еще въ 40-хъ годахъ прошлаго столѣтія. Кромѣ этихъ сепаратныхъ конвенцій, Россія приняла участіе и въ общей договорной кодификаціи международнаго частнаго права.

Опытъ языческой реставраціи при Владимірѣ

А. Погодина

Славяне поднялись на сѣверъ, къ Балтійскому морю, задолго до основанія русскаго государства. Это должно было происходить въ ту лингвистическую эпоху, которая совпадаетъ со славянскими словарными заимствованиями изъ готскаго языка, т. е. не позже IV вѣка послѣ Р. X. Въ это время ѿ заимствуемыхъ словъ передавалось черезъ славянское у (буква *u* — *bōkōs*, др.-нѣм. *buoh*; Сумь-др. фин. *Sōmi*, соврем. фин. *Suomi*—Финляндія). Славяне расселились среди тѣхъ же лѣсовъ и болотъ, гдѣ жили и западно-финскія племена; они находились въ тѣхъ же бытовыхъ условіяхъ, что и финскія племена или южнѣе ихъ жившія литовско-латышскія. Связи между этими тремя группами племенъ восходятъ къ очень старому времени; онѣ не могутъ быть позже самаго начала нашей эры, какъ показываютъ совершенныя всѣми ими заимствования изъ праготскаго языка, восходящія къ первому вѣку послѣ Р. X. Первые попытки ихъ государственнаго объединенія принадлежатъ также германцамъ, сначала готамъ, создавшимъ въ IV в. славное царство Германариха, потомъ скандинавамъ. Государственность всѣхъ ихъ шла по великому водному пути „изъ Варягъ въ Греки“; она поддерживалась съ помощію германскихъ укрѣпленій — градовъ, укрѣпленныхъ пунктовъ, куда сносились дань („по бѣлой веверицѣ отъ мира“, по даннымъ нашихъ начальныхъ лѣтописныхъ сводовъ). Къ югу отъ этого сѣвернаго района варяжскихъ владѣній простирался другой районъ съ центромъ въ Апуле (въ Ковенской губ.)

Повидому, въ половинѣ IX вѣка между всѣми этими подчиненными варягамъ различными племенами, а, можетъ быть, и дальше на Западъ, къ Вислѣ, начинается броженіе. Литовцы свергаютъ варяжское владычество, а у насъ „вѣсгаша Словѣне и Кривичи и Меря и Чюдь на Варягы, и изгнаша я за море, и начаша владѣти сами себѣ“.¹ Но освобожденіе было не на долго: собравъ новыя силы, скандинавы опять подчинили себѣ Апуле, а владычество ихъ у Финскаго залива, гдѣ освободившіяся племена поспѣшили „владѣти сами себѣ“, было восстановлено на почвѣ взаимной борьбы племенъ. И на этотъ разъ скандинавы рѣшили, повидому, обосноваться здѣсь въ серьезъ, и занять своими гарнизонами всѣ важнѣйшіе пункты. Когда Константинъ Багрянородный перечисляетъ русскіе города, то онъ имѣетъ въ виду, конечно,

¹ Не имѣя подъ руками русской лѣтописи, пользуюсь здѣсь и въ дальнѣйшемъ „Разысканіями о древнѣйшихъ русскихъ лѣтописныхъ сводахъ“ А. А. Шахматова.

не славянскія городища, а „гарды“ скандинавовъ, варяго-россовъ, опорные пункты ихъ владычества въ „странѣ гардовъ“, гардарики. Южный край великаго воднаго пути былъ уже давно занятъ черноморскими россами, на сѣверномъ концѣ его возникаетъ теперь настоящая русская государственность съ центрами въ Новгородѣ, Псковѣ, Изборскѣ, Ладогѣ, Полоцкѣ, Смоленскѣ и т. д. Затѣмъ завоевываются Кіевъ, Черниговъ и другіе города юга Россіи. Новое государство было типично варяжское. Оно было проникнуто міровоззрѣніемъ нормановъ, питало ихъ религіозныя традиціи. Въ центрѣ религіознаго міровоззрѣнія тогдашнихъ сѣверныхъ германцевъ стояли два божества, Торъ и Одиннъ.

Первое изъ нихъ принадлежитъ всѣмъ германскимъ племенамъ и представляетъ, собственно, названіе грома, что еще и чувствовалось въ IX вѣкѣ. Торъ подъ разными наименованіями, приспособленными къ латинской міеологической номенклатурѣ, былъ распространенъ на всей германской территоріи. Его имя встрѣчается и на надписяхъ. Такъ напр. „Hercules Barbatus“ рейнской надписи говоритъ о типичной принадлежности образа Тора, его бородѣ, обыкно рыжей, золотистой, съ которой его постоянно изображаетъ поэзія скальдовъ. Въ Норвегіи Торъ оставался высокопочитаемымъ божествомъ и тогда, когда въ княжескихъ кругахъ занялъ видное мѣсто культъ Одинна. Всюду ему сооружались храмы, всюду ставились его кумиры. Въ Дронтгеймѣ, на мѣстѣ народныхъ собраній, красовался кумиръ Тора, сдѣланный изъ золота и серебра. Отъ норвежцевъ культъ бога грома, Тора, былъ перенятъ и финскими племенами. Несомнѣнно, онъ получилъ распространеніе и среди славянскихъ и литовско-латышскихъ племенъ, гдѣ Торъ отождествляется съ громомъ. Это Перунъ, Perkunas, Perkohns. Имѣли-ли всѣ эти племена и ранѣе свое мѣстное божество грома, и какъ этотъ старый культъ переработался подъ вліяніемъ скандинавскаго, — эти вопросы, которые, какъ мнѣ кажется, доступны нашему разсужденію, я оставляю здѣсь, потому что они не имѣютъ прямого отношенія къ моему темѣ. Но что въ нашей русско-варяжской міеологіи Торъ выступаетъ подъ именемъ Перуна, это уже довольно давно указано г. Ружнецкимъ, а Е. В. Аничковъ въ своей книгѣ „Изычество и Древняя Русь“ (1914) правильно отмѣчаетъ княжескій, династическій характеръ этого культа у нашихъ первыхъ князей. Рядомъ съ культомъ Тора въ варяжескихъ дружинахъ стояло почитаніе Одинна, бога средне-германскаго, пришедшаго въ Скандинавію съ европейскаго материка. Поэзія скальдовъ, княжескія дружины, высшіе круги норманскаго общества по преимуществу чтутъ это божество, тогда какъ народная масса остается равнодушна къ нему. Но насъ и не касается здѣсь эта народная масса Швеціи и Норвегіи. Варяжскіе русскіе князья, полные дружинныхъ традицій, не могли, казалось, оставаться въ сторонѣ отъ моднаго въ это время культа Одинна. Можетъ-ли статься, что отъ этого культа не осталось и слѣда въ нашемъ историческомъ преданіи? Думаю, что нѣтъ. Обратимся къ образу Одинна. Одинну приносятъ жертвы при дворахъ князей, и одинъ изъ знаменитѣйшихъ полуміеическихъ княжескихъ родовъ, Велсунги, изъ которыхъ вышелъ и Зигфридъ, ведетъ свое происхожденіе отъ Одинна. Расцвѣтъ культа этого бога заключается въ поэзіи скальдовъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Швеціи этотъ культъ достигаетъ такого значенія, что вытѣсняетъ болѣе древніе культы Тора и Фрея. Одиннъ есть, прежде всего, богъ вѣтровъ и бурь. Если онъ Стрибогъ, то вѣтры смогутъ вполне основательно называться Стри-

божьиими внуками. Къ нему взываютъ мореплаватели, отправляясь въ путь; онъ даетъ вѣтрамъ, какое хочетъ, направленіе. О немъ, какъ о владыкѣ вѣтровъ, часто говорить „Эдда“. Наряду съ этимъ Одиннъ богъ умершихъ, повелитель покойниковъ, владыка двора душъ — Valholl (Валгаллы), почему онъ и называется Valfadir, Valgaatz, Valkjösandi (отецъ, богъ, собиратель душъ). Онъ, вообще, владыка надъ жизнью и смертью людей; въ пѣсняхъ „Эдды“ онъ даруетъ королямъ жизньъ, продолжаетъ ее, сколько хочетъ, и, кого желаетъ, убиваетъ. Эта сторона образа Одинна получала, по свидѣтельству изслѣдователей, свое полное развитіе только въ сѣверно-германской мифологіи.

Отчасти, какъ богъ царства мертвыхъ, отчасти, какъ богъ вѣтровъ, Одиннъ является и божествомъ плодородія, богатствъ, сокровищъ. Въ этомъ отношеніи онъ истинный „Скотій богъ“ (скотъ-гот. Skats, Schatz, скотница — казначейство) или, можетъ быть, Дажьбогъ, если только послѣднее названіе не есть поздняя народная этимологія. Какъ богу плодородія, Одинну приносили даже человѣческія жертвы, особенно съ дѣлю умиловленія его во время неурожая. Но особенно видная роль принадлежитъ Одинну, какъ богу борьбы, раздора (strit), который онъ порождаетъ между родными, и въ которомъ принимаетъ живѣйшее участіе. Поэтому, особенно князья приносятъ жертвы Одинну, прося у него дарованія побѣды; въ этомъ смыслѣ онъ, по преимуществу, богъ князей, и Гаральдъ со своей дружиной особенно чтитъ Одинна. Души героевъ, павшихъ въ бою, наслаждаются въ Валгаллѣ, проникая сюда черезъ ворота Valgrind и черезъ рѣку Valglauñu. Иногда соучастники Одинна, дѣвы Валькирии, приносятъ сюда эти души. Но и этимъ еще не исчерпывается значеніе этого универсальнаго скандинавскаго божества. Одиннъ — богъ солнца, свѣтила дня (Dagr), творецъ міра и человѣческаго рода. Это дѣло онъ сотворилъ не одинъ, но вмѣстѣ со своими братьями, которые являются только развитіемъ его образа, троичностью, на которой отразились христіанскія представленія о св. Троицѣ. Эти братья называются Vili, Ve, въ одной изъ сагъ Vilja bródir; сынъ Одинна носитъ имя Váli; одно изъ двухъ главныхъ мѣстъ культа Одинна въ Швеціи называлось Valaskjálf. Такъ мы видимъ, что съ культомъ этого божества постоянно сочетаются звуки Vel — и Vål. — Имена Váli; Vili; Ve являются только замѣной основнаго имени бога.

Образъ Одинна долженъ былъ получить свое распространеніе и прижизненіе въ мірѣ славянскихъ, литовскихъ и финскихъ племенъ. Въ литовскомъ фольклорѣ души умершихъ, veles, которыя идутъ въ царство мертвыхъ черезъ „врата душъ“ (velin durys), сидятъ на „сѣдалищахъ душъ“, представляютъ пережитки скандинавскихъ языческихъ воззрѣній, какъ и многое другое.

Повидимому, Одиннъ и просто назывался Vels или Vqls: такъ, потомство его носитъ имя Vqlsungr (анг.-сакс. Waolsing; Беовильфъ есть Wœlser safera — потомокъ Вельса). Можно-ли сомнѣваться, что этотъ Vqls есть нашъ Велесъ или Волосъ, богъ, игравшій такую видную роль въ культѣ княжеской дружины? Не имѣя въ своемъ распоряженіи необходимыхъ пособій по германистикѣ, я не могу возстановить ту германскую форму имени, къ которой восходилъ бы нашъ древне-русскій дуализмъ Велесъ — Волосъ, но думаю, что германистъ могъ бы сдѣлать это безъ труда.

Итакъ, два варяжскіе бога, Торъ и Одиннъ, Церунъ и Волосъ, проникли

вмѣстѣ съ варяжскими князьями въ Россію. Въ договорѣ Олега 907 года „Ольга водиша и мужни его на роту по русскому закону: кляшася оружемъ своимъ и Перуномъ богомъ своимъ и Волосомъ, скотымъ богомъ, и утвердиша миръ“. Никакихъ другихъ боговъ, кромѣ Тора и Одинна, Перуна и Волоса, дружина не признаетъ въ „своемъ“ клятвенномъ обычаѣ. Въ договорахъ Игоря Волосъ не упоминается, но одинъ только Перунъ, который стоялъ „на холмахъ“, но у Святослава въ 971 г. мы опять встрѣчаемъ въ договорѣ съ греками „Перуна и Волоса, бога скотья“, а далѣе здѣсь упоминается золото (скотъ — skats?), на которомъ приносилась присяга („да будемъ золотѣ яко же золото се“). Здѣсь Волосъ по преимуществу богъ богатства, а другія черты образа Одинна, повидимому, получили нѣсколько иное развитіе и обособились въ качествѣ синонимическихъ названій того же бога.

Такъ обстояло дѣло въ половинѣ X вѣка. Какъ сто лѣтъ тому назадъ болгарское ханство стало передъ проблемой принятія христіанства или дальнѣйшей борьбы съ нимъ, такъ на распутьѣ стояло и государство Рюриковичей. Въ Болгаріи высшій классъ населенія крѣпко хранилъ свои тюркскія традиціи, бояре помнили еще свои старыя титулы, чтли свою генеалогію, помнили свой языкъ, который не былъ языкомъ населенія, какъ и въ Россіи языкъ дружины не былъ народнымъ. Въ Болгаріи принятіе христіанства означало для верхняго правящаго класса потерю значенія, такъ какъ языкъ народной массы становился языкомъ церкви и суда, языкомъ управленія и власти. Правящій классъ не хотѣлъ допустить христіанства, возсталъ и, какъ извѣстно, былъ истребленъ Борисомъ. Послѣдніе болгарскіе князья передъ нимъ боролись съ проникновеніемъ христіанства, но были безсильны задержать неизбѣжный историческій процессъ; при самомъ дворѣ ихъ христіанство находить своихъ приверженцевъ. Во второй же половинѣ IX вѣка, въ эпоху Каролинговъ, въ эпоху, когда Востокъ и Западъ вступили въ одинъ изъ фазисовъ своей вѣковѣчной борьбы за Балканскій полуостровъ, сохранять язычество далѣе было не возможно и въ Болгаріи, и князь Борисъ, поколебавшись между Римомъ и Византіей, принялъ въ концѣ концовъ греческую вѣру, такъ какъ уже очень давно и очень полно греческое культурное и политическое вліяніе господствовало въ Болгаріи. Раскопки въ Абовѣ-Плискѣ говорятъ объ этомъ краснорѣчивѣе всякихъ письменныхъ памятниковъ.

Сто лѣтъ спустя въ такомъ же положеніи оказалась и Владиміръ. Христіанство греческое уже крѣпко свило себѣ гнѣздо въ самомъ лонѣ княжеской династіи. Въ 907 г. это были еще сплошь язычники: мужи Олега клянутся только по русскому обычаю Перуномъ и Волосомъ, и христіане здѣсь противопоставляются Руси. Но въ 945 г. картина уже совсѣмъ другая: часть дружины приняла уже крещеніе, и эти люди, „елико ихъ крещеніе пріяли суть, да примуть мечь отъ Бога Вседержителя... а елико ихъ некрещены суть, да не имуть помощи отъ Бога, ни отъ Перуна“. И крещеные люди присягали въ соборной церкви св. Іліи, а некрещеные по своему языческому, очевидно скандинавскому обряду. Такимъ образомъ, за тридцать лѣтъ произошла большая перемѣна: если самъ князь еще оставался язычникомъ, то среди его дружины были открыты христіане. Эта перемѣна должна была стоять въ связи съ переходомъ центра варяжскаго владычества съ сѣвера въ Кіевъ, который Олегъ отнялъ у Аскольда и Дира. Но христіане въ его дружинѣ еще не имѣютъ никакого значенія. Всѣ они, по свидѣтельству лѣтописи, были

„людие погани и невѣгласи“. Жена Игоря, Ольга, какъ извѣстно, уже приняла крещеніе, но что она не афишировала этотъ переходъ, свидѣлствуется записями въ двухъ старыхъ лѣтописныхъ сводахъ (Новгор. 1 и Соф. 1), которыя, по мнѣнію А. А. Шахматова, восходятъ къ чтенію Начального свода: „бѣ бо имуще презвитера втайнѣ“. Этотъ скрываемый ею священникъ и совершилъ (быть можетъ, послѣ всенароднаго языческаго погребенія) тайное отпѣваніе тѣла Ольги. Ни тризны, ни кургана надъ могилой христіанской княгини, по ея приказанію, не должны были воздвигать и устраивать, но „погрестися съ землею равно“. Ольга крестилась, вѣроятно, въ началѣ 950-ыхъ годовъ, и въ это время язычество было еще сильно въ варяжской дружинѣ, а умерла она около 968 года. Въ это время приходилось отъ дружины скрывать самый фактъ крещенія княгини. Русскимъ княземъ былъ Святославъ, который заключаетъ съ Цимисхіемъ договоръ. И въ этомъ послѣднемъ опять ни слова о христіанской части дружины, которая при Игорѣ выдвигается на первый планъ. „Боляре и Русь вся“ присягаютъ, призывая „Бога, въ него же вѣруемъ, Черуна и Волоса скотыя Бога.“ Когда мать Ольга упрямиваетъ Святослава креститься, онъ даетъ весьма характерный отвѣтъ: „какъ азъ хощу ихъ законъ прияти единъ, а дружина сему смѣятися начнуть“. Но кто хотѣлъ креститься по своей волѣ, тому не мѣшали, а только смѣялись надъ нимъ. Ольга ему отвѣчала: „если ты крестись, всѣ послѣдуютъ твоему примѣру“. Но Святославъ оставался вѣрнѣмъ язычеству, которое дружинѣ его было такъ любо. Онъ и умеръ язычникомъ.

Та историческая обстановка, въ которой Владиміръ добился власти, характерна для его норманскаго самосознанія. Владиміръ былъ въ Новгородѣ, когда Ярополкъ Кіевскій убилъ брата Олега Деревскаго въ городѣ Овручѣ. Владиміръ „убоявься, бѣжа за море“ и захватилъ „приде съ Варягы Новугороду“, т. е. Владиміръ набралъ себѣ варяжскую дружину и съ нею вмѣстѣ вступилъ въ борьбу со своимъ братомъ Ярополкомъ. Хитростью этотъ послѣдній былъ убитъ, причемъ убійство было совершено двумя варягами. Городъ былъ взятъ, и варяги, приведенные Владиміромъ, говорятъ ему: „Это нашъ городъ, мы его взяли, и мы хотимъ выкупъ за него, по двѣ гривны отъ челоуѣка“. Владиміръ проситъ ихъ подождать мѣсяць, по истеченіи котораго заморскіе варяги говорятъ: „ты насъ обманулъ; покажи намъ путь въ Греки“. Онъ отвѣтилъ: „Идите!“ „И избери отъ нихъ мужа добры и смыслны и храбры, и раздая имъ грады; прочии же идоша Цѣсарюграду въ Грькы“. Это мѣсто, по моему мнѣнію, чрезвычайно важно, какъ свидѣтельство тѣсныхъ сношеній русскихъ князей съ основной варяжской массой, остававшейся на родинѣ, въ Швеціи. Какъ изгнанники когда-то варяги, идутъ за море, набираютъ свѣжія силы и съ ними возвращаются, совершенно такъ же поступаетъ Владиміръ: онъ бѣжитъ за море, привозитъ буйную рать варяговъ, съ ней совершаетъ задуманное, завоевываетъ городъ Кіевъ, а потомъ отправляетъ часть дружины по проторенному пути въ Царьградъ, а лучшимъ отдѣльнымъ дружинникамъ даетъ города, совершенно такъ же, какъ это дѣлали сто лѣтъ назадъ Рюрикъ, Синеусъ, Труворъ. Здѣсь варяжская традиція еще совершенно жива. Владиміръ, по преимуществу, варяжскій князь. Онъ сынъ Мальфреды (Мальфрѣды), если правильно шахматовское отождествленіе Мадуши съ Мальфрѣдою; женился онъ на дочери Полоцкаго князя, посягающаго варяжское имя Рогволодъ, и пришедшаго тоже „изъ за моря“ и дочь его Рогнѣда тоже должна быть варяжка. А Ярополкъ былъ

женатъ на гречанкѣ, бывшей монахинѣ, „юже бѣ привелъ отецъ его Свято-славъ, и вѣда ю за Яропѣлка красоты ради лица ея“.

Владиміръ, опираясь на варяжскую дружину, пришедшую съ сѣвера и, стало быть, языческую, чтущую своихъ Тора и Одинна, представляется на первое время ультра-варяжскимъ княземъ. Онъ вступаетъ въ борьбу съ христіанскими вліяніями, которыя таятся при немъ. Извѣстная исторія кроваваго жертвоприношенія говорить о варягѣ, который „пришлъ изъ Грькъ и держаше въ таинѣ вѣру Хръстіаньску“. Зато официально проводится языческая политика. Добившись единовластія, Владиміръ прежде всего „постави кумиры на холму внѣ двора теремнаго, и творяше потребу кумиромъ съ людьми своими“.

Самый контекстъ показываетъ, что эти кумиры не были заимствованы изъ славянскаго языческаго „пантеона“. Если бы даже таковой имѣлся въ наличности, то какое дѣло было варяжскому князю и его „людямъ“, его дружинѣ до этихъ славянскихъ боговъ. Въ это время различіе русскаго и славянскаго элементовъ было еще такъ велико, что даже Днѣпровскіе пороги носили двѣ категоріи именъ, и Константинъ Багрянородный записываетъ отдѣльно русскія и отдѣльно славянскія названія пороговъ. Славянская національная струя не пребываетъ ни въ легендахъ о первыхъ русскіхъ князьяхъ (напр., мечь Ольги), для которыхъ, наоборотъ, имѣются и варианты, и источники въ поэзіи скальдовъ, ни въ именахъ ихъ дружины. И потому матеріаломъ для русской (въ нашемъ теперешнемъ смыслѣ слова) міеологіи все тѣ данныя о богахъ Владиміра, которыя сохранились въ нашей лѣтописи, не могутъ служить ни въ коемъ случаѣ. Правда, боги этого списка Владиміровыхъ кумировъ попали во многіе древне-русскіе литературные памятники и играютъ довольно видную роль въ „Словѣ о полку Игоревомъ“, но можно-ли сомнѣваться, что это именно литературная традиція? И Троянъ, и загадочный Сѣнатешъ, и Осприда, и самъ Зевсъ (Дый), и многое множество названій вошло въ наши обличенія язычества, но все это литература.

Изъ славянскаго языческаго „пантеона“ Владиміръ не могъ заимствовать своихъ боговъ прежде всего потому, что таковыхъ не имѣлось. Какъ финны и литовцы, славяне должны были почитать естественныя силы природы, которыя они представляли себѣ, быть можетъ, въ достаточно неопредѣленныхъ антропоморфическихъ очертаніяхъ; они приносили жертвы нѣкоторымъ деревьямъ, навязывая на нихъ пестрыя тряпки, какъ это дѣлали финны; они чтили нѣкоторые источники, роци, можетъ быть, большіе камни; они вѣрили, что души умершихъ родителей живутъ въ своихъ прежнихъ домахъ. Все это представляло неразвитое язычество, лишенное храмовъ, культовъ, жрецовъ. Какъ могъ Владиміръ и его дружина, недавно прибывшая изъ Швеціи, обращаться къ такому мутному источнику религіи, и для чего это могло быть нужно ему? Варяжскій князь онъ ставилъ и варяжскіе кумиры. Не знаю, почему А. А. Шахматовъ перечисленіе этихъ боговъ Владиміра исключаетъ изъ возстановляемаго имъ Начальнаго свода. Оно должно быть, во всякомъ случаѣ, стараго происхожденія и, если Корсунская легенда, по предположенію А. А. Шахматова, была написана первоначально на греческомъ языкѣ, то греческій оригиналъ этого списка объясняетъ намъ и нѣкоторыя особенности этого перечисленія боговъ. Владиміръ, по лѣтописи, поставилъ „Перуна древляна, а главу его сребрену и усъ златъ, и Хьрса, и Дажьбога, и Стрибога, и Симарьгла, и Моконь“. Къ сожалѣнію, никакихъ указаній на самыя изображенія этихъ боговъ мы не

находимъ, но деревянный Перунъ съ серебряной головой и золотыми усами намъ ясенъ: это типичный варяжскій Торъ, какъ онъ изображался въ древне-сѣверной мифологiи. Но гдѣ же Волосъ? Памятникъ этого бога стоялъ, какъ думаютъ, не на холмахъ Кіевскихъ, а на Подолѣ, и былъ выброшенъ послѣ крещенія Руси въ Почайну.

Для того, чтобы отвѣтить на поставленной выше вопросъ и понять загадочный списокъ „боговъ“ Владиміра, надѣ имѣть въ виду, что памятники, говорящіе о русскомъ язычествѣ, распадаютъ на двѣ категорiи: одна связана съ дружинной традиціей, другая — религиозно-обличительная, ученая, монастырская. Я не хочу сказать этимъ, чтобы и въ первой группѣ не было чисто-литературныхъ вставокъ, безвкусныхъ и нелѣпыхъ вторженій въ бытъ перваго русскаго христіанина какихъ-нибудь греческихъ или египетскихъ божествъ, совершенно ему не вѣдомыхъ. Я имѣю въ виду другое: будь даже памятники первой категорiи просто плохими, часто неумѣлыми переводами съ греческаго, тотъ, кто использовалъ эти переводы, интересовался воззрѣніями княжеской и дружинной среды, а не простонародными. Онъ обличалъ суевѣрiя этой среды, тогда какъ памятники другой категорiи имѣютъ въ виду воззрѣнія той массы, въ которую нужно было бросить слово обличенія язычества.

Пользуясь тѣми матеріалами, которые приведены въ книгѣ Е. А. Аничкова, я отношу къ первой категорiи лѣтописный рассказъ о языческой дѣятельности Владиміра, „Слово Іоанна Златоуста о томъ, какъ погани кланялися идоломъ“, переводчикъ и передѣлыватель котораго пользовался древними матеріалами (г. Аничковъ, насколько можно понять изъ контекста стр. 91—92, склоненъ относить эту передѣлку ко времени составленія древнѣйшаго свода) и „Слово о Полку Игоревомъ“. Къ другой группѣ должны относиться „Слово нѣкоего Христолюбиа“, „Слово о томъ, какъ первое погани суще языцы кланялися идоломъ“ и другія церковныя обличенія язычества. Конечно, рѣзкой грани между этими двумя памятниками въ томъ видѣ, какъ они дошли до насъ, нѣтъ и не можетъ быть. Всевозможныя вставки были слишкомъ легки и соблазнительны, чтобы позднѣйшій переписчикъ не вставлялъ въ текстъ еще какого-нибудь имени или языческаго обряда, ему извѣстнаго. Тѣмъ не менѣе, эта черта проходитъ довольно отчетливо: о Мокоши не говоритъ „Слово о Полку Игоревѣ“, о Стрибогѣ-Дажбогѣ упоминаютъ только три вышеуказанные памятника первой группы. Хорсъ, Перунъ, Велесъ = Волосъ встрѣчаются повсюду: очевидно, нельзя было что-нибудь писать о старо-русскомъ язычествѣ, чтобы не вспомнить эти имена. Возвращаюсь къ „богамъ“ Владиміра. Относительно Хърса трудно сказать что-нибудь новое и сколько-нибудь убѣдительное. Быть можетъ, это иранское божество (въ осетинскомъ имѣются близкія по звукамъ слова, означающія свѣтъ, сіяніе). Во всякомъ случаѣ, это культъ знати. И древне-серб. соб. имя Хрс носить также знатный человекъ. Хорсъ не взять изъ народной мифологiи: это, кажется, но подлежить сомнѣнію.

Стрибогъ и Дажбогъ постоянно упоминаются вмѣстѣ въ лѣтописи: „И Дажбога, и Стрибога“, въ „Словѣ І. Златоуста“: „а дружини вѣрують въ Стрибога, Дажбога и Переплюута, ѣже вѣртячеса ему шикоть въ розѣхъ“, и еще въ концѣ XII в. авторъ „Слова о Полку Иг.“ по какой-то — традиціи говоритъ о „русичахъ“, какъ о „Дажбожьихъ внукахъ“, и о вѣтрахъ, какъ о „Стрибожьихъ внукахъ“. Изъ „Слова І. Златоуста“, загадочный Переплутъ попалъ въ позднѣйшую редакцію „Слова о томъ, какъ перв. погани . . .“, но лицо, взявшее это имя, уже совер-

пенно не понимало смысла его. Переводчикъ, давшій намъ невѣдомое имя „бога“ Переплута, повидимому, не понялъ своего греческаго текста, гдѣ должно было стоять „*περὶ πλοῦτον*“. Тогда это мѣсто означало бы, что вѣрующіе въ Стрибога — Дажьбога вертятся вокругъ своего „богатства“ (быть можетъ, золота, которымъ русы клялись; быть можетъ, товара, который они привозили на торговлю) и пьютъ изъ роговъ (въ розѣхъ, это Е. А. Аничковъ понялъ, какъ „въ розахъ“). Думаю, что Стрибогъ-Дажьбогъ два синонимическія наименованія одного и того же божества: Одинъ, какъ родоначальникъ княжескихъ династій, есть Дажьбогъ (вѣрибе, Дажебогъ, какъ онъ названъ въ одномъ изъ вариантовъ лѣтописи); Одинъ, какъ богъ вѣтровъ, есть Стрибогъ. Этимологія обонхъ этихъ названій неясна, но Стри — напоминаетъ герм. *strit* (борьба), а Даже — др. сѣв. *dagr* (день). Впрочемъ, въ эти этимологическія тонкости я тѣмъ менѣе могу входить, что не располагаю матеріалами по германистикѣ. Итакъ, я думаю, рядомъ съ Торомъ стоялъ одинъ, а можетъ быть, и два истукана Одинна въ различныхъ видахъ этого божества. Тутъ же стоялъ и Хорсъ, имя котораго такъ соблазнительно свести этимологически къ старому заимствованію изъ греческаго *Χρῖσός* (еще съ т изъ й: Хръсъ). Тогда многое стало бы ясно въ текстѣ лѣтописнаго разсказа о „богахъ“ Владиміра: рядомъ съ деревяннымъ Торомъ съ серебряной головой и золотой бородой князь поставилъ золотого Одинна, который не былъ „Волосомъ скотымъ богомъ“, но былъ Дажьбогомъ-Стрибогомъ. Во всякомъ случаѣ, вариантъ Хоурсъ, который встрѣчается въ томъ же „Словѣ І. Златоуста“, думается мнѣ, косвенно указываетъ на такую связь этого загадочнаго имени съ греческимъ словомъ.

Мокошь, оказавшаяся въ числѣ „боговъ“ Владиміра, повидимому, очутилась не въ своемъ обществѣ. Ея мѣсто среди упырей или тому подобныхъ низшихъ престопадныхъ мнѣческихъ существъ, въ числѣ которыхъ она, обычно, упоминается. Но почитаніе Мокоши, кажется, было такъ распространено во время составленія Древнѣйшаго свода, что этимъ божествомъ, которое толкуется въ позднѣйшихъ памятникахъ, какъ *Μαλακία* (изнѣженность, любострастіе и т. д.), переводчикъ греческаго текста корсунской легенды или другого источника лѣтописнаго разсказа о язычествѣ Владиміра, — этимъ божествомъ хотѣлъ объяснить, какого именно женскаго бога поставилъ Владиміръ. Варяжскій князь долженъ былъ вспомнить о скандинавской богинѣ, культъ которой стоялъ тогда на первомъ планѣ въ дружинномъ богопочитаніи. Можетъ быть, я не ошибусь, если разоблачу псевдонимъ Макоши, какъ *Freug*, богиню Фрею многихъ сагъ. Я исхожу въ этомъ толкованіи изъ убѣжденія, что никакихъ славянскихъ боговъ Владиміръ не ставилъ и не могъ поставить: такъ онъ былъ далекъ отъ славянства въ это время. А группы боговъ русь-варяги именно и ставили. „Высокій деревянный болванъ, окруженный маленькими“, былъ у варяговъ и въ Италѣ, по свидѣтельству Ибнъ-Фодлана, и они усердно молились ему, принося и свое „богатство“ въ жертву этимъ богамъ. Вокругъ богатства „*περὶ πλοῦτον*“ совершались эти варяжскія молебствія.

Остается еще одинъ „богъ“, котораго, по моему мнѣнію, уже давно пора разжаловать изъ боговъ, тѣмъ болѣе, что и древне-русская мифологія не знала, что дѣлать съ нимъ. Для степени достовѣрности нашихъ древне-русскаго матеріаловъ по мифологіи характерно, что буквально все поученія, обличавшія язычество, цитируютъ этого загадочнаго Сима-Регла, искажая на всяческіе лады

ими этого „бога“: онъ и Симъ Эргнъ, и Симъ и Рыль, и Самаргль и т. д. Въ вариантахъ лѣтописнаго Древн. Свода можно установить два разночтенія: сима рьгла и сема рьгла. Что это значитъ?

Для всякаго, кто занимался южнорусскими надписями, изданными проф. Латышевымъ, ясно, что это такое. На всякой погребальной таблицѣ, изображающей покойника, стоитъ надпись, что это — *σῆρα* такого-то. Бывали большія таблицы, въ человѣческой ростъ, изображавшія умершаго въ естественную величину, со всѣми атрибутами его земного положенія. Эту „сему“ (или „симу“, какъ обычно передается слово) въ концѣ и поставилъ Владиміръ. Но чью? Латин. *regulus* означало мелкаго князя, была извѣстна сокращенная форма *reglus* и въ средневѣковомъ греческомъ языкѣ соответствующая ей *ῥῆγλος*. *Σῆρα ῥῆγλον* — сима рьгла поставилъ Владиміръ, насмотрѣвшійся на эти „семы“ въ Корсуни, какъ и другіе варяги, о связяхъ которыхъ съ Корсунскою землѣю такъ много говорятъ договоры грековъ съ варягами. Въ память отца своего Святослава, погибшаго и оставшагося непогребеннымъ, водрузилъ памятникъ Владиміръ, продолжавшій языческую традицію отца. Такіе памятники были и въ варяжскомъ быту. Какъ рассказываетъ Ибнъ-Фодланъ, русы, сжегши покойника, насыпали на этомъ мѣстѣ курганъ и поставили по срединѣ его большой кусокъ дерева, на которомъ написали имена умершаго и царя русовъ. Не это-ли *σῆρα ῥῆγλον*, оставшееся непонятнымъ переводчику, и попало въ общество боговъ Владиміра.

Это рѣзкое различіе двухъ стихій въ жизни тогдашняго русскаго государства, дружинно-княжеской норманской и народной славянской, хранилось до конца X вѣка. Какъ я уже отмѣтилъ выше, это былъ тотъ же процессъ, что за сто лѣтъ передъ тѣмъ въ Болгаріи, гдѣ мученически погибъ братъ Маломира Екравота (см. проф. Златарскій „Исторія на Болгарската държава“ I, 312—333). Не обошлось безъ мучениковъ и въ варяжскомъ Кіевѣ. Опять въ полномъ согласіи съ Ибнъ-Фодланомъ (о вліяніи жрецовъ на царя: „случается, что они приказываютъ приносить въ жертву творцу ихъ, что ни вздумается имъ: женщинъ, мужчинъ, лошадей“, и приказанія исполняются безпрекословно) лѣтопись рассказываетъ, какъ и старцы и болре рѣшили принести человѣческую жертву. Язычество было въ полной силѣ, и не православный славянинъ, а православный варягъ, какъ и болгаринъ, и не славянинъ при Маламарѣ, палъ жертвой этой послѣдней вспышки религіознаго усердія.

Событія привели Владиміра къ тому, что онъ долженъ былъ принять христіанство. Какъ и въ Болгаріи, вмѣстѣ съ православной церковью пришли книги на языкѣ не властвующаго класса, а народной массы. На русскій языкъ, теперь уже языкъ русскихъ славянъ, перевели богослуженіе и первое законодательство новой церкви, и, какъ тюркскіе болгары, норманны варяги были осуждены на ассимиляцію съ кореннымъ населеніемъ. Все значеніе этого событія представляется особенно ярко при свѣтѣ той попытки языческой реставраціи Владиміра, которой посвящены вышеприведенныя скромныя замѣтки.

Ср. передачу греч. *σῆρα* въ Агос. 18 черезъ сарикъ, но однажды и сѣрика v. Jagić, Entstehungsgesetz der kirchenslav. Sprache. 318.

Матеріалы по сельско-хозяйственной эволюці Россіи

Петра Савицкаго

I. Измѣненія площади зернового посѣва¹

Нѣсколько устойчивыхъ экономически-географическихъ образовъ составляло — въ концѣ XIX и началѣ XX вѣка — привычную картину сельско-хозяйственнаго бытія Россіи. Нечерноземный Сѣверъ и черноземный Югъ, влажный, но даже лѣтомъ чрезмѣрно прохладный Сѣверо-западъ, богатый дарами солнца, но нерѣдко засушливый Юго-востокъ... Различія климатическія и почвенныя связывались и переплетались съ различіями въ характерѣ и времени заселенія, въ строѣ социальныхъ условий... Подраздѣленіе Россіи на полосу „черноземную“ и „нечерноземную“, на губерніи „западные“, „центральныя“, „юго-восточныя“ и т. д., во всей совокупности его географическаго и политико-экономическаго содержанія, было знакомо каждому русскому изъ повседневныхъ впечатлѣній, а также фигурировало неизмѣнно въ русской сельско-хозяйственной статистикѣ. Неожиданно, привычныя образы экономической или точнѣе сельско-хозяйственной географіи Россіи приобрѣли политическое оформленіе; это случилось въ эпоху русской Гражданской Войны 1918—20 годовъ, когда Югъ пошелъ противъ Сѣвера, Востокъ противъ Запада, Сѣверъ, Востокъ, Югъ и Западъ — противъ Центра, — а въ концѣ концовъ всѣ были побѣждены Центромъ и вновь объединены къ началу 1921 года въ цѣлое, именуемое Совѣтской Россіей... Даже начисто отвергая теорію историческаго матеріализма, какъ объемлющаго толкованія исторіи, — невольно предаешься размысленію: не сказались ли въ различной воспримчивости, которую проявили различныя области Россіи къ рожденію „бѣлой“ и сохраненію „красной“ власти, различія въ экономическомъ и, въ томъ числѣ, сельско-хозяйственномъ характерѣ этихъ областей?... Такой вопросъ приводитъ мысль къ недавней экономической „исторіи“ различныхъ районовъ Россіи и заставляетъ искать, между прочимъ, въ обстоятельствахъ этой „исторіи“ объясненія фактамъ переживаемой эпохи... Но не только историко-политическій интересъ подобнаго рода можетъ побудить къ изысканіямъ по экономической географіи Россіи недавняго прошлаго. Какъ бы то ни было, Россія представляеть собою одно изъ величайшихъ экономическихъ цѣлыхъ міра. И чѣмъ безотраднѣе экономическое ея настоящее, тѣмъ напряженнѣе устремляется взоръ наблюдателя, русскаго или не-русскаго безразлично, — къ экономическому ея будущему. Но попытка предвидѣть будущее можетъ быть сдѣлана лишь на основѣ данныхъ, касающихся прошлаго: кромѣ прошлаго, нѣтъ иной ис-

ходной точки для суждений о будущем... В этой связи приобретает значение вопрос о тенденциях сельско-хозяйственного развития России... И поскольку производство зерновых хлебов есть, в некотором роде, основная отрасль сельско-хозяйственной деятельности, — постольку исследователь с особой тщательностью должен остановиться на выяснении того, куда вель путь эволюции русского зернового производства. Именно довоенный период имеет здесь наибольший интерес. Только этот период дает представление о характере развития, хотя и протекавшего, как всякое хозяйственное явление, под влиянием определенного политического и социального строя, но стоявшего вне воздействия политического и социального потрясения, отличительного для позднейших годов... Находилось ли в довоенный период русское зерновое производство в процессе расширения и, если да, то какие районы были, по преимуществу, районами подъема производства? И не было ли районов, где производство пребывало в упаде? И каковы были экономически-географические перспективы дальнейшего расширения или дальнейшего упадка?... Следует понимать, что от того или иного конкретного ответа на эти вопросы зависит, в некоторой мере, прогноз о возможной — при восстановлении русской экономической жизни — роли России в общей системе мирового обмена. Ведь положение России, как поставщицы мирового рынка, — в значительной степени, определялось существованием хлебного вывоза... Военные и революционные бури обратили изобилие в голод, — и в истекшем 1921—22 году происходил, как известно, немалый ввоз хлеба в Россию... Можно ли считать, отвлекаясь от обстоятельств момента, что в перспективе будущего совокупность объективных экономически-географических условий предопределяет восстановление русского хлебного экспорта? — Такого мнения придерживался, повидимому, В. И. Гриневацкий¹. Говоря о русском Юго-Востоке (т. е. северном Кавказе, Донской области, Астраханской, Самарской, Оренбургской и Уфимской губерниях), Степном крае (Киргизии) и Западной Сибири, он высказывал предположение, что „в течение 10—15 лет могут удвоиться (курсив автора) как животноводство, так и площади посевов в этих районах при увеличении их населения в 10—15 миллионов. Этим Россия сможет возстановить вывоз хлеба в зерне и в муке... до 750 милл. пуд. в год... Эпоха выступления на хлебный рынок Канады и Аргентины может отступить на задний план по своему экономическому влиянию перед эпохой развития русского Востока“...² Рисуя такие перспективы, В. И. Гриневацкий ратовал в то же время о восстановлении и рождении мощной русской промышленности. Независимо от того, осуществилось ли бы русское промышленное развитие, — изображаемая В. И. Гриневацким возможность восстановления русского хлебного экспорта избавляла бы Россию от необходимости искать новых путей в конструировании отношений к мировому рынку, обеспечивала бы ее валютным фондом и вообще ставила бы — в соответствии с внешним миром — в тот же экономической план, в котором она находилась до возникновения войны... И наоборот невозможность возстановить хлебный экспорт принуждала бы Россию к отысканию новых, столь же значительных, как последний, вывозных статей

¹ Проф. В. И. Гриневацкий. Послевоенные перспективы русской промышленности. Москва 1919.

² *op. cit.* стр. 189.

или порождает бы проблему создания некоторой независимости от мирового рынка, как в отношении вывоза, так и ввоза, — проблему создания хозяйственного „самодовольния“, экономического „утверждения в себя“...

Три важнейших показателя характеризуют состояние зернового хозяйства страны: посевная площадь, урожайность и валовой сбор. Валовой сбор является фактором производным; его величина дается сочетанием определенной посевной площади с определенной урожайностью. „Посевная же площадь“ и „урожайность“ суть два главных и, в известном смысле, „первоначальных“ фактора зернового хозяйства. При чем сведения о посевных площадях указывают как бы на внешние рамки, которыми определяется зерновое производство, характеризуют пространственное распространение последнего; данные же об урожайности говорят о том, что содержат в себе эти внешние рамки, определяют меру напряжения производства в расчете на единицу пространства. Иными словами, данные о „посевной площади“ и „урожайности“ освещают характер зернового производства с двух противопоставленных точек зрения: с точки зрения протяжения или экстенсивной и с точки зрения градаций интенсивности...

Наблюдения наши над довоенной эволюцией русского зернового производства мы ограничим, главным образом, наблюдениями над продукцией четырех хлебов: ржи, пшеницы, овса и ячменя — в их совокупности и каждого отдельно. Эти четыре хлеба являются хлебами мировыми, как в том смысле, что они играют роль в мировой торговле, так и в том, что им принадлежит определяющее значение в сельско-хозяйственной жизни целого ряда обширных производственных областей (в особенности — „умеренного“ пояса), взятых каждая „в себя“... С этой точки зрения, к перечисленным четырем хлебам следовало бы прибавить пятый: кукурузу — маис, играющий видную роль в хозяйстве многих районов мира. Но в применении к условиям России, присоединение этого хлеба не имеет большого значения: культура последнего является определенной для сельского хозяйства только в немногих районах Юга: напр., в Терской области и губернии Бессарабской; на огромном же протяжении России, Европейской и Азиатской, хлеб этот не производится вовсе. Если сохранять широту перспективы, — то из числа зерновых культур, распространенных на пространных Державы Российской, следует выделить, как заслуживающих рассмотрения, в их совокупности и каждая отдельно, — главным образом, четыре вышеуказанных. В климатических, почвенных и социальных условиях, господствующих в огромном большинстве российских областей, именно культура перечисленных четырех хлебов составляет как бы основной скелет, костяк земледельческой жизни...¹

¹ Для иллюстрации факта относительно небольшого и при том в общем недавнего с течением времени значения прочих, кроме четырех важнейших, зерновых культур приведем, напр., следующие данные: по обследованию 1881 года из общей площади зернового посева в 50 губ. Европ. России в 59.055 тыс. десятин на долю пяти второстепенных культур (т. е. кукурузы, гречихи, проса, палы и стручковых) — приходилось 7.861 тыс. десятин или 13,3%; следовало на долю четырех важнейших культур выпадало 86,7% всего зернового посева (Статист. Временных Российской Империи, серия III, выпуск 4, стр. 256—257). В десятилетие 1901—10 г. из общей площади зернового посева тех же губер-

Довоенную эволюцію зернового производства въ отдѣльных областяхъ Россіи мы прослѣдимъ по тремъ основнымъ этапамъ времени. Въ соответствии съ обычными историческими обозначеніями, прилагаемыми къ недавнему прошлому, — мы рассмотримъ продукцію четырехъ хлѣбовъ въ „восьмидесятые“ (1881—90), „девяностые“ (1891—1900) и „девятисотые“ (1901—10) годы . . . Мы начинаемъ съ восьмидесятыхъ годовъ потому, что въ эти годы создалась болѣе или менѣе достовѣрная русская сельско-хозяйственная статистика. Именно въ 1881 году была произведена первая объемлющая перепись посѣвныхъ площадей¹ и начато планомѣрное собираніе данныхъ объ урожайности — но и то и другое — въ предѣлахъ Европейской Россіи. Границами послѣдней мы и опредѣлимъ наше изслѣдованіе. Хотя въ теченіе девяностыхъ и девятисотыхъ годовъ систематическое собираніе свѣдѣній по сельско-хозяйственной статистикѣ и было распространено сначала на отдѣльныя части, а къ концу періода и на все пространство Азіатской Россіи — однако же, сопоставленіе данныхъ, относящихся послѣдовательно къ тремъ намѣченнымъ выше этапамъ времени, возможно только въ отношеніи къ Россіи Европейской. Въ указанномъ порядкѣ изслѣдованія мы не коснемся годовъ, послѣдовавшихъ за 1910-ымъ. Ибо „десятые“ годы, на середину которыхъ выпали роковые 1914-ый и 1917-ый годъ, не образуютъ, въ рамкахъ разсматриваемаго довоеннаго періода, цѣлаго десятилѣтія . . . Мы не сомнѣваемся, что разсмотрѣніе эволюціи русскаго зернового производства въ это, отмѣченное въ серединѣ — Войной, а къ концу — и Революціей десятилѣтіе представитъ высокій интересъ. Но разсмотрѣніе сельско-хозяйственной „исторіи“ этого десятилѣтія есть тема особая. Въ данной связи мы ее не затронемъ . . .

Единицами, къ которымъ относятся наши наблюденія, являются пятьдесятъ „дореволюціонныхъ“ губерній Европейской Россіи (безъ Царства Польскаго и Финляндіи).

Первый очеркъ посвященъ разсмотрѣнію данныхъ, касающихся посѣвныхъ площадей, послѣдующіе имѣютъ изобразить эволюцію урожайности. Нужно помнить, что относительная, хотя бы, полнота картины развитія можетъ простечь лишь изъ сочетанія данныхъ и по одному и по другому признаку. А пока рѣчь идетъ объ одномъ или другомъ въ отдѣльности, — могутъ накопляться обособленныя черты къ характеристикѣ этой картины, которыя и должно разсматривать именно, какъ таковыя . . .

Приступая, въ частности, къ вопросу объ эволюціи посѣвныхъ площадей, мы должны отмѣтить слѣдующее: въ началѣ двадцатаго вѣка Центральный Статистическій Комитетъ собиралъ свѣдѣнія о посѣвныхъ площадяхъ ежегодно; и потому выведеніе величины, долженствующей характеризовать интересующія насъ посѣвныя площади по каждой изъ 50 губерній и по всей Европейской Россіи въ десятилѣтіе 1901—10 годовъ, не представитъ затрудненій: такой величиной лягутся среднія изъ данныхъ за всѣ года десяти-

ній въ 69.814 тыс. дес. упомянутыя пять второстепенныхъ культуръ занимали 7.029 тыс. дес. или 10,1%, а рожь, пшеница, овесъ и ячмень — 89,9%. („Сборникъ статист.-эконом. свѣдѣній по сельскому хозяйству“, годъ седьмой, стр. 40—41).

¹ Статистическій Временникъ Россійской Имперіи, серія III, выпускъ 4. Распределеніе земель по угодьямъ въ Европейской Россіи за 1881 г. Изд. Центр. Статист. Комитета Министерства Внутр. Дѣлъ, СПб. 1884.

лѣтія.¹ Не такъ просто обстоить дѣло въ отношеніи свѣдѣній за восьмидесятыя и девяностыя годы. За этотъ періодъ непрерывнаго ряда ежегодныхъ свѣдѣній о посѣвныхъ площадяхъ не имѣется вовсе. Въ восьмидесятыя годы обследованіе посѣвныхъ площадей было произведено дважды — въ 1881 и 1887 году; среднюю изъ данныхъ, полученныхъ въ этихъ двухъ обследованияхъ, мы и беремъ для характеристики посѣвныхъ площадей въ десятилѣтіе 1881—90 годовъ. При этомъ, данныя, относящіяся къ 1887 году, имѣются только для 46 губерній Европейской Россіи; по губерніямъ Астраханской, Лифляндской, Пензенской и Донской области ихъ нѣтъ; въ отношеніи къ этимъ областямъ, въ нашихъ таблицахъ, въ граффъ „восьмидесятыя годы“ фигурируютъ свѣдѣнія за 1881 г. Въ девяностыхъ годахъ собраніе свѣдѣній о посѣвныхъ площадяхъ началось съ 1893 года. По аналогіи съ восьмидесятыми годами, посѣвныя площади девяностыхъ годовъ характеризованы въ нашихъ таблицахъ среднею изъ данныхъ, относящихся къ двумъ годамъ этого десятилѣтія, а именно къ 1893-му и 1899-му году. Иными словами, для изображенія періода 1881—1900 годовъ взяты свѣдѣнія за четыре года съ равномѣрными между ними шестилѣтними промежутками.² Гораздо меньшая, чѣмъ въ размѣрахъ урожайности, измѣнчивость по отдѣльнымъ годамъ посѣвной площади даетъ основаніе думать, что полученная такимъ образомъ картина есть достаточно вѣрная.

Пользуясь указанными свѣдѣніями, мы хотимъ, съ одной стороны, установить общую тенденцію въ развитіи зернового посѣва, какъ она сказалась въ каждой губерніи въ эволюціи совокупной посѣвной площади четырехъ важнейшихъ хлѣббовъ въ промежутокъ между крайними моментами разсматриваемого періода: иными словами отъ восьмидесятыхъ къ девятистамъ годамъ; съ другой же стороны — намѣтить послѣдовательный порядокъ измѣненной совокупной же площади посѣвовъ четырехъ хлѣббовъ въ томъ видѣ, какъ измѣненія эти протекали отъ восьмидесятыхъ къ девяностымъ и отъ девяностыхъ къ девятистамъ годамъ. Въ соответствіи съ этими заданіями и построена предлежащая таблица (см. таблицу „I-ую“). Наряду съ абсолютными цифрами, характеризующими совокупную площадь посѣва четырехъ хлѣббовъ по каждой изъ 50-ти губерній и по всей Европейской Россіи въ восьмидесятыя, девяностыя и девятисотыя годы, — графа „С“ этой таблицы содержитъ данныя (выраженныя въ процентахъ посѣв. площади въ восьмидесятыя годы) объ измѣненіяхъ зернового посѣва въ сторону его расширенія (+) или сокращенія (—) отъ восьмидесятыхъ къ девятистамъ годамъ; губерніи расположены въ таблицѣ въ порядкѣ убывающаго расширенія и — затѣмъ — нарастающаго сокращенія посѣвовъ именно за этотъ промежутокъ времени. Графы „А“ и „В“ изображаютъ (въ процентномъ выраженіи къ посѣв. площади, въ каждомъ случаѣ, за болѣе ранній періодъ) измѣненія площади посѣвовъ соответственно:

¹ Эту среднюю мы заимствуемъ изъ выпущенныхъ Главнымъ Управленіемъ Земледѣлія и Землеустройства (по Отдѣлу Сельской экономіи и Сельско-хозяйственной Статистики) „Сборниковъ статистико-экономическихъ свѣдѣній по сельскому хозяйству Россіи и иностранныхъ государствъ“, годъ VII-ой, СПб. 1914 и послѣдующіе.

² Данныя за эти четыре „выборочныхъ“ года заимствованы изъ изданія Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ „Сводъ статистическихъ свѣдѣній по сельскому хозяйству Россіи къ концу XIX вѣка“. Съ приложеніемъ атласа, картограммъ и диаграммъ. Выпускъ I, СПб. 1902, выпускъ II, СПб. 1903.

отъ восьмидесятыхъ къ девяностымъ и отъ девяностыхъ къ девяти-
сотымъ годамъ.¹

Губерніи, давшія отъ восьмидесятыхъ къ девятисотымъ годамъ наи-
болышій процентъ расширенія посѣвовъ, сосредоточены компактною массою у
юго-восточной и южной границъ Европейской Россіи (см. графу „С“ таблицы
„1-ой“). Это обстоятельство находится себѣ выраженіе, напр., въ томъ, что въ
качествѣ районовъ съ увеличеніемъ, за данный періодъ, посѣвъ площадей бо-
лѣе, чѣмъ на $\frac{1}{3}$ первоначальной посѣвной площади (т. е. болѣе, чѣмъ на
 $33,3\%$) выступаютъ исключительно губерніи и области, примыкающія, во пер-
выхъ, или къ крайнему восточному (граница съ Азіей!) или, во вторыхъ, край-
нему южному (море!) предѣлу Европейской Россіи. Изъ числа послѣднихъ всѣ
губерніи отмѣчены увеличеніемъ посѣвныхъ площадей, превышающимъ ука-
занный размѣръ. Изъ числа первыхъ — три наиболѣе сѣверныхъ: Пермская,
Вологодская и Архангельская, — не относятся къ группѣ наибольшаго рас-
ширенія... Полоса максимальной экспансіи имѣетъ свое географическое сре-
доточіе въ губ. Астраханской ($+ 94,7\%$), т. е. тамъ, гдѣ полоса губерній, окай-
мляющихъ крайній восточный предѣлъ Европейской Россіи, т. е. граничащихъ
съ Азіей, — смыкается съ полосой губерній, протянувшихся вдоль южнаго
предѣла, т. е. выходящихъ къ берегамъ Чернаго и Азовскаго морей... Слѣ-
дуетъ замѣтить, что губернія Астраханская, въ цѣломъ, не является земледѣль-
ческимъ райономъ; огромная ея часть занята непригодною для посѣвовъ по-
ду-пустыней. Посѣвы же сосредоточены въ сравнительно узкой полосѣ земель

¹ Служившія источникомъ свѣдѣній за восьмидесятыя и девяностыя годы таблицы „Свода
статистическихъ свѣдѣній“... не свободны отъ опечатокъ. Въ итогахъ „общей
площади посѣва“ всѣхъ зерновыхъ хлѣбовъ, картофеля, льна и конопли за 1881 годъ (стр. 53
и 55) мы натолкнулись въ итогѣ по Екатеринбургской губерніи на ошибку въ 280 тыс. де-
сятин. Ошибка обнаруживается при сопоставленіи съ приведенными въ самомъ „Сводѣ...“
данными по отдѣльнымъ культурамъ и съ первоисточникомъ данныхъ по обследованію 1881 г. —
„Статистическимъ Временникомъ Россійской Имперіи“. Опечатки замѣнены нами также въ
итогахъ по Полтавской губ. и по иркутскимъ друиымъ. Чтобы избѣгать, насколько возможно,
превращенія нашихъ выводовъ въ комментарии къ опечаткамъ, — прежде чѣмъ пользоваться
данными „Свода“, мы произвели сплошную проверку интересующихъ насъ цифръ: мы сопоста-
вляли итоги посѣвной площади четырехъ хлѣбовъ какъ они получались въ результатѣ вычи-
танія изъ „общей площади посѣва“ посѣвныхъ площадей всѣхъ „прочихъ“ растений, кромя
четырехъ хлѣбовъ — съ такими же итогами, какъ они опредѣлялись въ результатѣ сумми-
рованія данныхъ по каждому изъ четырехъ хлѣбовъ въ отдѣльности. При этомъ расхожде-
ніе итоговъ, относящихся къ восьмидесятымъ годамъ (среднія за 1881 и 1887 г.) намѣтилось
по тремъ губерніямъ, а въ данныхъ за девяностыя годы (среднія за 1893 и 1899 г.) — по
пяти губерніямъ. А именно: въ отношеніи къ восьмидесятымъ годамъ данные, полученные въ
результатѣ суммированія, болѣе (+) или меньше (—) данныхъ, полученныхъ въ результатѣ
вычитанія (въ тысячахъ десятинъ): по Екатеринбургской губ. + 140, по Полтавской губ. +
60, по Херсонской губ. + 18; въ отношеніи къ девяностымъ: по Полтавской губ. — 45, по
Черниговской + 15, по Донской области + 4, по Подольской губ. + 3, по Астраханской
— 2. Въ нашу таблицу во всѣхъ случаяхъ мы вводили итогъ, получившійся въ результатѣ
суммированія данныхъ по каждому изъ четырехъ хлѣбовъ въ отдѣльности. Какъ въ упомя-
нутомъ выше расхожденіи данныхъ по Екатеринбургской губ., такъ и въ другихъ, ошибки от-
носятся, повидному, къ итогамъ „общей площади посѣвовъ“, но не къ свѣдѣніямъ по отдѣль-
нымъ культурамъ. Во всякомъ случаѣ въ данныхъ по девяностымъ годамъ, по которымъ воз-
можно сопоставленіе, — итогъ по Европейской Россіи, выведенный нами путемъ суммиро-
ванія исчисленныхъ вышеуказаннымъ образомъ, съ округленіемъ до тысячъ десятинъ, погу-
бернскихъ посѣвныхъ площадей, разошелся съ итогомъ, приведеннымъ въ „Сводѣ...“ и вы-
численнымъ безъ округленія до тысячъ десятинъ (на этотъ итогъ не могли, конечно, вліять
опечатки въ данныхъ по отдѣльнымъ губерніямъ) — всего лишь на 7 тысячъ десятинъ (+7).

вдоль ея западнаго и сѣверо-западнаго предѣла (главнымъ образомъ, въ уѣздахъ Царевскомъ и Черноярскомъ). Но географическое положеніе этихъ — земледѣльческихъ — уѣздовъ отмѣчено, въ отношеніи разсматриваемаго періода, тѣмъ, что они служатъ, какъ бы, географическимъ средоточіемъ между восточнымъ и южнымъ районами наибольшаго, въ Европейской Россіи, расширенія посѣвной площади. На сѣверъ и сѣверо-востокъ отъ губерніи Астраханской расположены, въ порядкѣ совпаденія послѣдовательности географической съ послѣдовательностью убывающей экспансіи, губерніи Самарская (+ 56,4%) и Оренбургская (+ 34,7%). На западъ отъ Астраханской идутъ: область Донская (+ 55,2%), губерніи Екатеринославская (+ 69,6%), Таврическая (+ 54,4%), Херсонская (+ 43,6%) и Бессарабская (+ 40,1%). Мы видимъ, что и здѣсь наблюдается нѣкоторая правильность: расширеніе посѣвныхъ площадей, въ общемъ, убываетъ въ направленіи къ западу... Въ томъ же строгѣ географической послѣдовательности, на сѣверъ и на западъ отъ упомянутой выше полосы максимальной экспансіи лежатъ губерніи съ меньшимъ, но все еще замѣтнымъ (больше + 5,0%), а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и прямо значительнымъ расширеніемъ посѣвныхъ площадей. Таковы, начиная съ сѣверо-востока, губерніи: Пермская (+ 11,1%), Уфимская (+ 21,8%), Казанская (+ 9,0%), Саратовская (+ 25,2%), Харьковская (+ 14,9%), Полтавская (+ 8,4%), Кіевская (+ 5,2%), Подольская (+ 14,4%)... Среди этихъ губерній вкраплены другія, представляющія собою переходъ къ области сокращенія зерновыхъ посѣвовъ (увеличеніе посѣвной площади менѣе, чѣмъ на 5%): губерніи Вятская (+ 1,4%), Симбирская (+ 0,2%), Пензенская (+ 3,4%), Воронежская (+ 0,3%). На западъ и на сѣверъ отъ этихъ послѣднихъ простирается, захватывая собою большую часть срединной черноземной и центральной нечерноземной областей, столь же компактная, какъ районъ Юго-Востока и Юга, — зона сокращенія посѣвовъ...

Губерніи Астраханской, какъ району наибольшаго расширенія посѣвовъ, — или вѣрнѣе ея сѣверо-западнымъ уѣздамъ, — противостоитъ губернія Московская, какъ центръ сокращенія ихъ (— 21,5%). Между Москвою и, скажемъ, Чернымъ Яромъ какъ бы простирается ось, на которую ориентировалась въ разсматриваемый періодъ эволюція посѣвныхъ площадей въ большей части Европейской Россіи...

Отдѣльныя губерніи, обнаруживающія въ періодъ отъ восьмидесятыхъ къ девяностымъ годамъ сокращеніе зерновой посѣвной площади, симметрически группируются вокругъ губерніи Московской. Въ предѣлахъ „мѣстничества“ сошедшихъ другъ съ другомъ губерній сокращеніе посѣвныхъ площадей нарастаетъ, по общему правилу, по мѣрѣ приближенія къ Москвѣ. Къ юго-востоку и югу расположены губерніи Тамбовская (— 1,3%) и Курская (— 6,8%). Къ сѣверу отъ Курской и ближе къ Москвѣ — губернія Орловская (— 8,0%). Между этими губерніями и Московской: Калужская, Тульская и Рязанская, съ сокращеніемъ посѣвной площади соответственно въ — 9,4%, — 10,9% и — 11,7%.

Съ сѣверо-востока смычкой между губерніями Костромской (— 7,9%), Ярославской (— 12,9%) и Нижегородской (— 14,3%), съ одной стороны, и губерніей Московской, съ другой, служитъ Владимірская съ процентомъ сокращенія — 15,5%. Съ сѣвера и сѣверо-запада идутъ въ географической послѣдовательности: губерніи Олонеккая (— 0,8%), С.-Петербургская (— 8,1%), Новгородская (— 11,7%) и Тверская (— 15,5%)... И только отдаленная Архан-

гельская, давая сокращение посевовъ въ — 3,5% противъ уменьшения ихъ въ — 0,8% въ болѣе близкой къ Москвѣ губерніи Олонецкой, не подчиняется порядку мѣстничества группирующихся вокругъ Москвы губерній... Но еще болѣе рѣзкое, въ отношеніи рассматриваемаго вопроса, нарушение географически-статистической симметріи представляетъ собою то обстоятельство, что непосредственно съ губерніей Московской, располагаясь къ западу отъ нея, сосѣдній губернія, дающая нѣкоторое, хотя и очень небольшое увеличение посѣвной площади, а именно губернія Смоленская (+ 0,5%). ... Та географически-экономическая послѣдовательность, которая, напр., расположила протянувшіяся вдоль 56-го градуса сѣверной широты губерніи (Уфимскую, Казанскую, Нижегородскую, Владимирскую, Московскую) въ порядкѣ убывающаго съ востока на западъ расширения посевовъ и затѣмъ нарастающаго его сокращенія (+ 21,8%, + 9,0%, — 14,3%, — 15,5%, — 21,5%), — къ западу отъ меридіана Москвы явно теряетъ дѣйствительность... Мы выразились бы такъ: продвигаясь отъ Москвы къ западу, мы приближаемся къ нѣкоторому, намѣтившемуся въ рассматриваемый періодъ, мѣстному „центру расширения посевовъ“... Такой „центр расширения“, по даннымъ нашей таблицы „I-ой“, указывается въ губерніи Могилевской (+ 30,2%). Къ юго-востоку отъ нея находится губернія Черниговская (+ 2,9%); къ западу — губернія Минская и къ юго-западу отъ послѣдней — Волынская, съ тѣмъ же, что въ губерніи Минской, процентомъ расширения посѣвной площади (+ 18,0%)¹. Къ западу отъ Минской губерніи — Гродненская (+ 6,4%). Лежащая къ востоку отъ Могилевской губерніи Смоленская отмѣчена упомянутымъ выше чуть замѣтнымъ расширеніемъ посѣвной площади... На сѣверѣ отъ Могилевской — губерніи Витебская (+ 25,2%) и Псковская (+ 12,0%)... Названными губерніями ограничена область, въ предѣлахъ которой замѣтно симметрическое расположение отдѣльныхъ губерній вокругъ Могилевской, въ порядкѣ убыванія экспансіи по мѣрѣ удаленія отъ нея... Однако же, и въ пяти прибалтійскихъ губерніяхъ произошло, за рассматриваемый періодъ, расширение посѣвной площади. Но здѣсь имѣются мѣстные „максимумы расширения“: губернія Виленская съ увеличеніемъ посѣв. площади въ + 20,4% и Лифляндская — въ + 21,0%. Между ними расположены губерніи Ковенская (+ 17,1%) и Курляндская (+ 10,2%). Къ сѣверу отъ Лифляндской — Эстляндская (+ 1,3%)...

Другой мѣстный „центр расширения“ намѣчается на сѣверо-востокѣ; губернія Вологодская даетъ за рассматриваемый періодъ болѣе большой процентъ увеличенія площади зернового посева, чѣмъ ея юго-восточныя сосѣдки (+ 21,0% противъ + 11,1% въ Пермской и + 1,4% въ Вятской), контрастируя сокращеніе посевовъ во всѣхъ прочихъ граничащихъ съ нею областяхъ...

¹ Сельско-хозяйственное бытіе губерній Черниговской и Волынской отмѣчено двойственнымъ характеромъ; если рѣчь идетъ объ южныхъ уѣздахъ, выступаетъ ихъ однотипность такимъ губерніямъ, какъ Полтавская, Подольская; когда дѣло касается сѣверныхъ уѣздовъ, ихъ слѣдуетъ сблизать съ губерніями Могилевской и Минской. Поскольку отъ восьмидесятихъ къ девяностымъ годамъ произошло и въ губерніи Черниговской, и въ Волынской, хотя и разлѣжающееся по разбѣрамъ, но во обоихъ расширеніе посевовъ, — губерніи эти, рассуждал абстрактно, можно съ равнымъ основаніемъ считать или крайнимъ „эмпоріумомъ“ юго-восточной и южной полосъ расширения посевовъ, или частью западной группы такого расширенія. Для первой характерно увеличеніе площади пашни за счетъ дѣльной черноземной степи, для второй — за счетъ лѣса. Только детальнымъ поѣзднымъ анализъ данныхъ по Черниговской и Волынской губерніямъ можетъ опредѣлить, поскольку общая картина ихъ эволюціи опредѣлилась развитіемъ черноземныхъ и поскольку — нечерноземныхъ районовъ...

Благодаря существованію мѣстныхъ „центровъ расширенія . . .“ — западнаго и сѣверо-восточнаго — область сокращенія посѣвныхъ площадей оказывается, въ отношеніи къ разсматриваемому періоду, охваченной съ трехъ сторонъ отличающимися отъ нея, по характеру эволюціи, районами . . . Заключение, какъ въ мѣсткѣ, между границами „прогрессировавшихъ“, въ отношеніи площади посѣва, губерній Запада, Востока и Юга, пространство съ сокращеніемъ зерновой посѣвной площади не имѣетъ окруженія только съ сѣверо-запада, гдѣ, при посредствѣ губерній Петербургской, Олонецкой и Архангельской, оно соприкасается непосредственно съ Балтійскимъ моремъ, Финляндской границей и предѣлами Ледовитаго океана. Но и то выходъ этотъ суженъ на линіи Твери — Ярославля сближеніемъ „преуслѣвшихъ“ Вологодской и Смоленской губерній. Такимъ образомъ, по географическому своему положенію, область сокращенія зернового посѣва опредѣляется, какъ „центръ“, — въ самомъ прямомъ и непосредственномъ смыслѣ слова . . . И та картина, которая раскрывается въ предѣлахъ даннаго частнаго вопроса, вопроса о характерѣ эволюціи посѣв. площадей отъ восьмидесятыхъ годовъ къ первому десятилѣтію XX-го вѣка, — подтверждаетъ представленія объ „оскудѣніи центра“ при непрекращающемся ростѣ окраинъ.¹

¹ Слѣдующее сопоставленіе показываетъ, насколько сходные результаты даетъ наблюденіе надъ эволюціей совокуной посѣвной площади четырехъ важнѣйшихъ, съ одной стороны, и всѣхъ зерновыхъ хлѣбовъ, включая кукурузу, гречиху, просо, полбу и стручковые, съ другой: сопоставленіе свѣдѣній за 1881 годъ о посѣвѣ всѣхъ зерновыхъ хлѣбовъ (взятыхъ изъ „Статист. Временника Рос. Имперіи“, серія III, выпускъ 4) съ такими же данными за десятилѣтіе 1901—10 г. дасть слѣдующіе результаты (увеличеніе или уменьшеніе посѣв. площади въ процентахъ къ первоначальной величинѣ):

Астраханская	+ 80,8%	Полтавская	+ 8,5%
Таврическая	+ 78,6%	Псковская	+ 6,8%
Екатеринославская	+ 76,3%	Вятская	+ 5,7%
Самарская	+ 75,4%	Казанская	+ 5,0%
Херсонская	+ 57,4%	Гродненская	+ 4,6%
Бессарабская	+ 57,0%	Смоленская	+ 2,0%
Донская	+ 45,5%	Черниговская	— 0,7%
Оренбургская	+ 44,8%	Олонецкая	— 0,8%
Уфимская	+ 32,5%	Пензенская	— 1,4%
Саратовская	+ 29,9%	Архангельская	— 1,8%
Могилевская	+ 26,0%	Тамбовская	— 2,6%
Вятебская	+ 24,6%	Воронежская	— 2,8%
Подольская	+ 20,3%	Эстляндская	— 3,1%
Лифляндская	+ 19,8%	Орловская	— 7,5%
Вологодская	+ 19,6%	Костромская	— 8,1%
Курляндская	+ 19,2%	Курская	— 8,8%
Пермская	+ 18,5%	Тульская	— 10,1%
Ковенская	+ 17,0%	Рязанская	— 11,4%
Виленская	+ 17,0%	С.-Петербургская	— 12,0%
Волынская	+ 15,4%	Нижегородская	— 12,4%
Минская	+ 14,1%	Калужская	— 12,7%
Харьбовская	+ 13,8%	Ярославская	— 13,9%
Кіевская	+ 11,3%	Новгородская	— 14,2%
Симбирская	+ 8,7%	Тверская	— 14,8%
		Владимірская	— 15,4%
		Московская	— 25,2%
		По 50 губ. Евр. Россіи	+ 18,2%

На отклоненіе этихъ данныхъ отъ величинъ графы „С“ таблицы I-ой могутъ вліять двѣ различныхъ причины: кромѣ того, что тамъ свѣдѣнія относились только къ четыремъ важ-

За только что разсмотрѣнными цифрами стоитъ, какъ намъ кажется, рядъ фактовъ, существенныхъ для характеристики экономического существованія отдѣльныхъ районовъ Россіи. Бросается, напр., въ глаза контрастъ между направлениемъ эволюціи посѣвной площади въ губерніяхъ центра, группирующихся вокругъ Московской, съ одной стороны, и въ губерніяхъ Запада, имѣющихъ средоточіе въ губерніи Могилевской, съ другой... Сокращеніе посѣв. площади, доходящее до 21,5% первоначальной ея величины, — въ однихъ, расширеніе, имѣющее размѣры до 30,2% первоначальной площади, — въ другихъ... Какъ попытка приблизительнаго и примѣрнаго истолкованія этого контраста, возникаетъ рядъ представлений. Державный центръ, достигшій хотя и въ относительно первоначальной социальной средѣ опредѣленной широты развитія земледѣльческаго быта. И затѣмъ — въ какой-то моментъ послѣ освобожденія крестьянъ — наступленіе упадка. Въ однихъ мѣстахъ этой области — черноземныхъ — чрезмѣрное размноженіе населенія создаетъ неслыханную доселѣ, по напряженію, земельную тѣсноту. Земельная тѣснота побуждаетъ къ распахкѣ новыхъ земель, гдѣ можно и гдѣ нельзя. Распашка земель, которыя должны были оставаться запретными, содѣйствуетъ развитію овраговъ; овраги гложутъ пашню, уносятъ сотни и тысячи десятинъ, способствуютъ обратному сокращенію посѣвовъ. Съ другой стороны, опытъ годовъ обнаруживаетъ невыгодность воздѣлыванія нѣкоторыхъ, передъ тѣмъ запаханыхъ земель, болѣе пригодныхъ для лѣса или пастбища. Ихъ бросаютъ — и это снова сказывается, какъ уменьшеніе посѣва... Въ другихъ мѣстахъ той же области, нечерноземныхъ, развивающіяся тутъ же подъ бокомъ городская жизнь и промышленность создаютъ для мѣстнаго населенія возможность заработка, — кустарничества или отхожихъ промысловъ, — сплотивъ и рядомъ болѣе высокихъ, чѣмъ заработки отъ мѣстнаго земледѣлія. Въмѣстѣ съ тѣмъ проведеніе желѣзныхъ дорогъ на Востокъ и на Югъ усили-

нѣйшимъ, а здѣсь — ко всѣмъ зерновымъ хлѣбамъ, должно сказываться и то обстоятельство, что тамъ данныя, служившія основой сопоставленія, выводились въ видѣ средней за 1881 и 1887 годъ, а здѣсь онѣ относятся къ одному 1881 году (отсутствіе у насъ подъ рукой данныхъ о второстепенныхъ культурахъ за 1887 годъ не позволило намъ придать сопоставленію логически „чистаго“ вида). Эти двѣ причины въ разныхъ губерніяхъ сказывались по разному. Вѣроятно, ввиду того, что посѣвъ второстепенныхъ зерновыхъ культуръ отъ 1881 года къ началу XX вѣка уменьшился въ большемъ числѣ губерній, чѣмъ посѣвъ четырехъ важнѣйшихъ культуръ (см. примѣчаніе въ началѣ очерка) и въ этихъ „избыточныхъ“ губерніяхъ не повсюду болѣе компенсированъ ростомъ послѣдняго, наиболѣе сопоставленіе обнаруживаетъ большее количество губерній съ уменьшеніемъ посѣвной площади, чѣмъ наша основная таблица „I-ая“ (20 губерній вмѣсто 16). Губерніи Черниговская, Пензенская, Воронежская и Эстляндская, давшая тамъ увеличеніе посѣвной площади, даютъ здѣсь ея сокращеніе... Но въ общемъ, картина эволюціи тамъ и здѣсь обнаруживаетъ чрезвычайно близкое сходство: та же южная и юго-восточная полоса максимальной экспансіи (восемь губерній, съ увеличеніемъ посѣв. площади, превышающимъ 33,3% — точно тѣ же!); въ центрѣ та же зона сокращенія посѣвной площади, лишь нѣсколько расширенная, за счетъ поименованныхъ выше четырехъ губерній; то же симметрическое, съ нарастающимъ, по мѣрѣ приближенія къ Москвѣ, сокращеніемъ — расположеніе губерній вокругъ Московской (впрочемъ губернія Курская въ данномъ случаѣ представляетъ аномалію, давая болѣе сокращеніе посѣва, чѣмъ болѣе близкая къ Москвѣ губернія Орловская). Тѣ же западный (губ. Могилевская) и сѣверо-восточный (губ. Вологодская) мѣстные „центры расширенія посѣвовъ“. И только въ Прибалтійскомъ краѣ не два, какъ по даннымъ таблицы „I-ой“, но одинъ (въ губ. Лифляндской) обособленный „максимумъ расширенія“... Видимо, — направленіе эволюціи зерновой посѣвной площади за рассматриваемые годы по отдѣльнымъ областямъ Россіи обладало характеромъ устойчивости: результатъ сопоставленія не зависитъ отъ измѣненія его второстепенныхъ основаній! —

васть на мѣстныхъ рынкахъ конкуренцію мѣстному хлѣбу со стороны хлѣба, привозимаго изъ черноземныхъ мѣстъ. Производство послѣдняго обходится дешевле, чѣмъ производство мѣстнаго. И по временамъ, и мѣстами не только становится убыточнымъ производить хлѣбъ на продажу, но дѣлается выгоднымъ покупать хлѣбъ, вмѣсто того, чтобы производить его для собственного потребленія. Наступаетъ сокращеніе посѣвовъ... Другая область (губерній, группирующихся вокругъ Могилевской) — вся нечерноземная и лѣсистая; давно заселенная, — но въ противоположность той, о которой мы только что говорили, не сдѣлавшаяся державнымъ центромъ, но такъ же, какъ и въ болѣе раннія эпохи, стоящая въ сторонѣ отъ средоточій политики и культуры. Помѣщики-иноземцы (поляки) и голые мужики, „полѣщукы“ и „хлопы“. Область, о которой говорю, что въ ней питаются древесной корой. И вотъ — въ какой-то моментъ послѣ освобожденія крестьянъ — измѣненіе. Политическія обстоятельства способствуютъ тому, что надѣленіе крестьянъ землею производится щедро: „муравьевское“ надѣленіе. Въ населеніи просыпается активность; городскихъ и промышленныхъ районовъ по близости нѣтъ: активность обращается къ земледѣлю. Цѣлыя новыя волости возникаютъ среди безлюдныхъ дотолѣ лѣсовъ; и нивы разстилаются тамъ, гдѣ прежде росли и шумѣли дубы и осины. Происходитъ расширеніе посѣвныхъ площадей... А къ Югу и къ Востоку отъ этихъ областей — черноземныя степи. Въ частяхъ степи, примыкающихъ къ окраинамъ Европейской Россіи, къ морю и къ границѣ съ Азіей, — еще много простора. И каждый годъ плугъ землепашца поднимаетъ земли, которыя никогда еще не знали плуга или (какъ въ Крыму и на Кубани!) не вѣдали его съ тѣхъ поръ, какъ херсонеситы перестали торговать хлѣбомъ „изъ степи“... И вотъ, поднимаюсь изломанной линіей, живя то среди изобилія, то въ голодѣ засушливыхъ годовъ, свойственныхъ этимъ мѣстамъ, — давая міровому рынку то большія, то меньшія количества хлѣба, то усиливая, то ослабляя конкуренцію мѣстному хлѣбу на русскихъ же рынкахъ Сѣвера, — нарождались новыя, обширѣйшихъ масштабовъ, земледѣльческія области; нарождались тамъ, гдѣ за одно-два столѣтія передъ тѣмъ только изрѣдка, набѣгомъ, проходилъ татаринъ, скакалъ просторолубивый казакъ или кочеваль со стадами скотоводь-ногаецъ, калмыкъ...

Сдѣлавъ необходимыя оговорки, эволюцію посѣвной площади въ Московской области (въ предѣлахъ нечерноземнаго окруженія Москвы) можно сравнивать, въ ея характерѣ, съ земледѣльческою эволюціей Англіи за тотъ же періодъ: на обѣихъ территорияхъ — сокращеніе зерновой посѣвной площади, опредѣляемое конкуренціей молодыхъ земледѣльческихъ странъ (заморскихъ — для Англіи; русскаго Востока и Юга — для Москвы) при существованіи, благодаря сложившемуся историческому строю, на обѣихъ территорияхъ простора для торгово-промышленной дѣятельности (хотя бы въ Англіи этотъ просторъ и былъ значительно шире, чѣмъ въ Московской области)... Развитие же русскаго Востока и Юга (даже поскольку это развитие протекало въ предѣлахъ только Европейской Россіи), какъ оно сказывается въ эволюціи посѣвныхъ площадей, можетъ быть сопоставляемо съ развитіемъ такихъ странъ, какъ колонизуемые земледѣльческимъ населеніемъ „пшеничныя“ округа Канады, Соединенныхъ Штатовъ, Австраліи, Аргентины... Соединенное Королевство, съ одной стороны, перечисленные районы Австраліи и Америки, съ другой — являются, въ экономическомъ своемъ бытіи, двумя противополож-

ними, полярными и въ то же время „взаимодополняющими“ началами новѣйшаго международнаго обмѣна; ими намѣчаются и одновременно, въ известномъ смыслѣ, исчерпываются просторы міроваго хозяйства... И между тѣмъ — какъ это обнаруживается для насъ при разсмотрѣніи эволюціи посѣвныхъ площадей, — на пространствѣ одной только Европейской Россіи сопряжены, въ неразрывномъ континентальномъ единствѣ, области, представляющія собою подобіе и Соединеннаго Королевства, и заморскихъ „колоній — дочерей“... Тѣмъ самымъ, наблюденія надъ эволюціей площади зернового посѣва подтверждаютъ (поскольку они вообще способны въ этомъ случаѣ что-либо подтвердить или опровергнуть!) воспріятіе Россіи, какъ экономическаго цѣлага, являющагося не просто частью міроваго хозяйства, но какъ бы уменьшеннымъ подобіемъ послѣдняго, въ опредѣленной степени исчерпывающимъ его разнообразіе, представляющимъ собою нѣкоторый „міръ въ себѣ“...

Переходимъ къ другому вопросу, возникающему по поводу данныхъ, характеризующихъ эволюцію площади зернового посѣва отъ восьмидесятыхъ къ девяностымъ годамъ.

При ближайшемъ обзорѣ цифръ приведенной выше таблицы „I-ой“ намѣчается какъ бы нѣкоторая связь ряда обстоятельствъ сельско-хозяйственной географіи Россіи съ географическими обозначеніями политическихъ событій недавняго прошлаго. Если на картѣ Европейской Россіи мы отмѣтимъ губерніи, въ предѣлы которыхъ (помимо изолированныхъ мѣстныхъ возстаній) ни разу не проникалъ фронтъ въ теченіе борьбы съ большевиками будь то Южной „Добровольческой“, Сѣверо-западной или Арміи Адмирала Колчака, будь то чехо-словаковъ, международныхъ отрядовъ (сѣверный фронтъ) или Польши, — то выяснится, что изъ числа пятидесяти такими губерніями являются: Московская, Рязанская, Тульская, Калужская, Смоленская, Тверская, Новгородская, Ярославская Костромская, Нижегородская, Владимірская. Эти одиннадцать губерній составляли между 1917 и 1921 г. единственную неизмѣнную территориальную базу совѣтской власти. И вотъ оказывается, что десять изъ этихъ губерній, т. е. всѣ, за исключеніемъ Смоленской, выступаютъ, въ рамкахъ нашей таблицы „I-ой“, въ качествѣ губерній съ сокращеніемъ посѣвныхъ площадей. Болѣе того, изъ числа двѣнадцати губерній Европейской Россіи, обнаруживающихъ отъ восьмидесятыхъ къ девяностымъ годамъ уменьшеніе посѣвной площади, превышающее 7,5% первоначальнаго ея размѣра, десять суть тѣ же „коренныя большевистскія“. Въ масштабѣ десятилѣтій характеръ эволюціи, какъ онъ намѣтился къ 1910-му, можно считать отличительнымъ также и для годовъ, непосредственно предшествовавшихъ Войнѣ и Революціи. Что же это, въ такомъ случаѣ, за связь между фактомъ устойчивости большевистской власти и явленіемъ сокращенія посѣвныхъ площадей въ периодъ, предшествовавшій большевизму, на тѣхъ территорияхъ, гдѣ эта власть оказалась устойчивой? Случайна ли эта связь или не случайна?... И наоборотъ — наиболѣе крѣпкой территориальной базой блага движенія явнымъ образомъ оказались губерніи и области, давшія отъ восьмидесятыхъ къ девяностымъ годамъ наибольшій процентъ расширенія посѣвовъ; на Юго-востокѣ и Югѣ — Донская область и Таврическая губернія, на Востокѣ — Самарская (при чехо-словакахъ), Оренбургская, Уфимская, Пермская (Кубанская область и Сибирь, какъ не входящія въ составъ Европейской Россіи, остаются въ данномъ случаѣ внѣ поля нашего зрѣнія). Какъ будто не соотвѣтствуетъ этому порядку

положеніе губерні Астраханской; она дала найбільшій процентъ увеличенія посѣвной площади и въ то же время, въ лицѣ района Астрахани, служила во весь періодъ гражданской войны оплотомъ большевизма. Но тутъ-то и нужно вспомнить, что земледѣльческими въ губерніи Астраханской являются только сѣверо-западные ея уѣзды, которые и были долгое время въ рукахъ бѣлыхъ; а районъ Астрахани есть районъ торговый и рыболовный, обладающій своеобразнымъ, торгово-промышленнаго типа, составомъ населенія... — Не заключается ли въ этомъ обстоятельстве намека на возможное объясненіе связи между фактомъ устойчивости большевистской власти и предшествовавшимъ большевизму явленіемъ упадка посѣвныхъ площадей на территоріи этой устойчивости?... Даже если эта связь не случайна, ее едва ли можно возводить непосредственно къ сокращенію посѣвныхъ площадей. Вѣрнѣе, что связь эту можно установить при посредствѣ другого явленія, которое было коррелятомъ сокращенія, протекая на тѣхъ же, что и послѣднее, территоріяхъ: нѣкотораго накопленія неземледѣльческаго „промышленнаго“ населенія; явленіе это зависѣло, между прочимъ, отъ ухода населенія изъ деревни въ городъ, отъ того, что населеніе „отбивалось“ отъ земледѣлія, сокращало запашки... Сколь бы ни было велико въ большевизмѣ значеніе привходящихъ элементовъ — напр., „революціонной“ интеллигенціи или еврейства — все таки промышленное населеніе явилось, быть можетъ, основнымъ, по численности, кадровъ, создавшимъ силу большевизма. Если промышленное населеніе и не растворилось въ большевизмѣ цѣликомъ, а въ извѣстный моментъ, въ качествѣ распространеннаго явленія, отошло отъ него духовно, — оно все же пополнило составъ рядовыхъ работниковъ большевизма. Возраставшее, по мѣрѣ приближенія къ Московскому центру, сопротивленіе большевиковъ опредѣлялось, быть можетъ, тѣмъ, что фронтъ приближался къ мѣстностямъ, въ которыхъ, въ силу территориальнаго распредѣленія осѣлости работниковъ большевизма, — большевистское дѣйствіе было наиболѣе эффективно... (сюда же, конечно, относится и Петербургъ, хотя бѣлая войска неоднократно проникали въ предѣлы С.-Петербургской губ.)... Возникновеніе же бѣлаго движенія на Югѣ и Юго-Востокѣ допустимо, быть можетъ, сопоставлять съ явленіемъ роста въ этихъ районахъ площади зернового посѣва; такое возрастаніе указывало на существованіе земельного простора, а наличіе этого простора могло обусловить психологическую настроенность, земледѣльческаго населенія, благоприятную для поддержки бѣлаго движенія... Въ этомъ поворотѣ — наблюденія надъ эволюціей посѣвныхъ площадей, при нѣкоторомъ расширеніи перспективы, привели бы къ такому выводу: побѣда красной Россіи надъ бѣлой есть, между прочимъ, побѣда промышленной Россіи надъ земледѣльческой, индустриальнаго центра надъ „колоніей-дочерью“; конечно, промышленной Россіи, не какъ организованнаго класса предпринимателей или чего-нибудь въ этомъ родѣ, но какъ комплекса опредѣленныхъ элементовъ населенія и даже только его „низовъ“ — къ тому же выступающихъ въ данномъ случаѣ далеко не въ лучшемъ, съ нравственной точки зрѣнія, подборѣ... Увы, большевистствующіе элементы „промышленной“ Россіи, преодолевая сопротивленіе, вставшее на ихъ пути, — разрушили самую промышленность, еще, пожалуй, радикальнѣе, чѣмъ разорили земледѣліе. Иными словами, „промышленная“ Россія, въ лицѣ тѣхъ рабочихъ и мастеровыхъ, которые содѣйствовали побѣдѣ большевизма, выявивъ опредѣ-

ленную мощь, — осуществила ее, как мощь разрушения. Одна из проблем будущего заключается в томъ, сумѣютъ ли привычные къ промышленному труду элементы русскаго населенія отвергнуть пути коммунистическаго разрушения и проявить, въ сотрудничествѣ съ другими общественными группами, хотя бы такую же, какъ проявленная мощь разрушенія, силу экономическаго творчества: чтобы въ нѣкоторый моментъ грядущаго, въ преодоленіи разрушающаго духа, дополнить широту русскихъ земледѣльческихъ ресурсовъ столь же объемлющимъ дѣломъ промышленности . . .

Возвращаясь къ таблицѣ „I-ой“, — намъ остается разсмотрѣть, какъ составила сумма измѣненій въ размѣрѣ посѣвной площади, — произошедшихъ отъ восьмидесятыхъ къ девятистамъ годамъ, — въ ходѣ послѣдовательныхъ измѣненій отъ восьмидесятыхъ къ девятистамъ и отъ девятистыхъ къ девятистамъ годамъ. Изъ нашей таблицы явствуетъ, что по всей Европейской Россіи эволюція посѣвной площади четырехъ зерновыхъ хлѣбовъ отъ девятистыхъ годовъ къ девятистамъ протекала „благопріятнѣе“, чѣмъ отъ восьмидесятыхъ къ девятистамъ. Въ то время, какъ въ одномъ случаѣ наши данныя указываютъ на увеличеніе посѣвной площади въ 13,6%, въ другомъ мы имѣемъ дѣло съ расширеніемъ ея всего лишь на 2,6%. Такой характеръ эволюціи, болѣе благопріятный — на пространствѣ Европейской Россіи, какъ цѣлаго — въ хронологически послѣдующій, чѣмъ въ хронологически предшествующій промежутокъ времени, — сказался въ характерѣ эволюціи большинства отдѣльныхъ губерній. Въ тѣхъ изъ губерній, принадлежащихъ къ этому большинству, въ которыхъ въ оба періода наблюдается расширеніе посѣвной площади, — расширеніе это отъ девятистыхъ къ девятистамъ годамъ больше, чѣмъ отъ восьмидесятыхъ къ девятистамъ; а тамъ, гдѣ въ оба періода мы встрѣчаемъ сокращеніе посѣвныхъ площадей, сокращеніе это въ первомъ случаѣ меньше, чѣмъ во второмъ; въ цѣломъ рядѣ губерній отъ восьмидесятыхъ къ девятистамъ годамъ наблюдалось сокращеніе, а отъ девятистыхъ къ девятистамъ — расширеніе посѣвовъ; въ обратной послѣдовательности расширеніе и сокращеніе посѣвовъ наблюдается всего лишь въ трехъ (Архангельской, Виленской и Гродненской) губерніяхъ . . . Въ соответствии съ обозначеніями таблицы „I-ой“, наблюдение наше можно формулировать такъ: въ тридцати четырехъ изъ пятидесяти губерній „В“, т. е. процентъ увеличенія или уменьшенія посѣвной площади отъ девятистыхъ къ девятистамъ годамъ больше „А“, т. е. такого же процента, выражающаго измѣненіе посѣвной площади отъ восьмидесятыхъ къ девятистамъ годамъ: $V > A$; и только въ шестнадцати губерніяхъ, наоборотъ, $A > B$. Губерніи, обнаруживающія въ эволюціи посѣвныхъ площадей отклоненіе отъ преобладающаго порядка, располагаются на территоріи Россіи тремя компактными группами; это, прежде всего, губерніи Юга: Екатеринославская, Таврическая и Херсонская; всѣ три дали значительное расширеніе посѣвной площади отъ восьмидесятыхъ къ девятистамъ годамъ (соответственно + 42,5%, + 33,8% и + 20,7%) и меньшее отъ девятистыхъ къ девятистамъ (+ 19,0%, + 15,4% и + 18,9%) . . . Второй группой губерній, гдѣ въ предѣлахъ разсматриваемаго періода увеличеніе площади посѣва относится, главнымъ образомъ, къ девятистамъ годамъ, является та, которую мы именуемъ „западною“ группой расширенія посѣвовъ, т. е. губ. Могилевская и окружающія ее, кромѣ губ.

Смоленской (т. е. губернии Черниговская, Волинская, Гродненская, Минская, Витебская и Псковская), из числа же губерний прибалтийских — Виленская, Ковенская и Лифляндская. В этих десяти (считая вместе с Могилевской) губерниях от восьмидесятых к девяностым годам произошло расширение посевной площади, в размере, по отдельным губерниям, от + 24,3% (Витебская) до + 2,9% (Черниговская); от девяностых к девятистам годам расширение, во всех случаях менее значительное (от + 8,8% в губ. Могилевской до + 0,7% — в губ. Витебской), — наблюдалось в семи из этих губерний; в одной (Черниговской) посевная площадь была стационарна; в двух других (Виленской и Гродненской) произошло сокращение посевов в размере в каждой, — 0,6%. Третья группа губерний, в эволюции посевных площадей которых $A > B$ — это губернии северные: Ярославская, Вологодская и Архангельская. В качестве земледельческих районов, губернии эти представляют собою некоторое территориальное единство. Ибо в Вологодской губернии земледелие сосредоточено, главным образом, в юго-западных уездах, непосредственно примыкающих к северной окраине Ярославской губернии, — а ничтожное, в общем, земледелие Архангельской имеет значение только в уезде Шенкурском, граничащем с западной оконечностью губернии Вологодской; таким образом, сколько либо „земледельческие“ районы этих губерний образуют сплошную полосу территорий, простиравшихся с севера на юг. Но самый характер эволюции посевных площадей этих губерний в последовательные моменты времени обнаруживает только формальное сходство: в Архангельской губернии „А“ больше „В“, ибо небольшое расширение посевных площадей от восьмидесятых к девяностым годам (+ 1,7%) сменяется здесь незначительным их сокращением (— 5,1%), в Вологодской губернии, вслед за определенно выраженным увеличением посевной площади (+ 19,6%), следует ее стационарность (+ 1,2%); в Ярославской же — незначительное уменьшение площади посева (— 5,1%) сменяется уменьшением, более значительным (— 8,2%)... Во всех остальных губерниях, кроме перечисленных выше, эволюция посевных площадей от девяностых к девятистам годам протекала более благоприятно, чем от восьмидесятых к девяностым. Особенно выделяются, в этом отношении, губернии Востока и Юго-Востока. Из числа восьми губерний этих окраин, отмеченных, в результате эволюции от восьмидесятых к девятистам годам, расширением посевов, превышающим 7,5%, — в четырех губерниях от восьмидесятых годов к девяностым наблюдалось уменьшение площади зернового посева, а именно: в Пермской (— 6,7%), Оренбургской (— 3,5%), Казанской (— 1,1%) и Саратовской (— 0,6%); в двух других губерниях данного района — контрастируя с тем, что происходило в тот же период в упомянутых выше районах Запада и Юга, — увеличение посевной площади не превышало + 3,0%: Самарская + 2,2%, Уфимская + 3,0%. И только в Донской области и в Астраханской губернии увеличение посевной площади к девяностым годам имело размеры соответственно: + 11,9% и + 28,8%... Картина развития посевной площади в этих губерниях в последующий период, т. е. от девяностых к девятистам годам, резко отличается от только что изображенной. В этот период все перечисленные губернии дали расширение посевных площадей. Процент увеличения последних ни в одной из них не спускается

ниже + 10,0% (Казанская + 10,2%), а въ губерніи Самарской доходить до + 53,0%... Каковы бы ни были причины стаціонарности и даже нѣкотораго упадка посѣвныхъ площадей восточныхъ и юго-восточныхъ губерній въ девяностые годы (неурожаи 1891 и 1892 года? сельско-хозяйственный кризисъ?), а также послѣдовавшаго затѣмъ ихъ расширенія, — совокупность данныхъ нашей таблицы I-ой даетъ основаніе характеризовать девяностые годы, какъ періодъ расширенія зерновыхъ посѣвовъ по преимуществу на „Западѣ“ и „Югѣ“, — а девятисотые, какъ періодъ такого же расширенія посѣвовъ на „Востокѣ“ и „Юго-Востокѣ“... Въ девяностые годы, во главѣ губерній, давшихъ увеличеніе посѣвныхъ площадей, находилась Екатеринославская (+ 42,5%), за ней — Таврическая (+ 33,8%), третье мѣсто занимала Астраханская губернія (+ 28,8%), затѣмъ шли губерніи Запада, на четвертомъ мѣстѣ — Витебская (+ 24,3%), на пятомъ Виленская (+ 21,1%)... По масштабу расширенія посѣвныхъ площадей отъ девяностыхъ къ девятисотымъ годамъ, первые четыре мѣста заняли: губерніи Самарская (+ 53,0%), Астраханская (+ 51,2%), Оренбургская (+ 39,6%) и Донская область (+ 38,7%). Только на пятомъ мѣстѣ шла губ. Бессарабская (+ 32,4%). Губерніи Екатеринославская и Херсонская находились на восьмомъ и девятомъ мѣстѣ, пропуская впередъ и Саратовскую (+ 26,0%) и Пермскую (+ 19,1%) губерніи. Таврическая губернія занимала двѣнадцатое мѣсто, послѣ Уфимской (+ 18,3%) и Пензенской (+ 16,7%). Наиболѣе же „преуспѣвшая“ въ этотъ періодъ изъ числа губерній нашего „западнаго“ района губернія Могилевская (+ 8,8%) на этотъ разъ оказалась девятнадцатой...

Если въ основу разсмотрѣнія мы положимъ признакъ непрерывности расширенія посѣвныхъ площадей, то губерніями, давшими увеличеніе площади посѣвовъ и отъ восьмидесятыхъ къ девяностымъ, и отъ девяностыхъ къ девятисотымъ годамъ окажутся: семь упомянутыхъ выше губерній западнаго района; къ перечисленнымъ ранѣе примыкаетъ Курляндская, давшая совсѣмъ небольшое увеличеніе площади посѣвовъ отъ восьмидесятыхъ къ девяностымъ (+ 1,5%) и болѣе значительное отъ девяностыхъ къ девятисотымъ годамъ (+ 8,6%)... Изъ губерній Юга, кромѣ трехъ основныхъ (Екатеринославской, Херсонской и Таврической), отмѣчены непрерывнымъ поступательнымъ развитіемъ посѣвной площади губерніи: Бессарабская (отъ 80-хъ къ 90-ымъ годамъ + 5,8%, отъ 90-ыхъ къ 900-ымъ + 32,4%), Подольская (+ 4,1% и + 9,9%), Полтавская (+ 2,2% и + 6,1%), Харьковская (+ 2,3% и + 12,4%). Изъ числа губерній, расположенныхъ въ восточной половинѣ Европейской Россіи, обладаютъ непрерывностью въ расширеніи посѣвныхъ площадей, кромѣ Вологодской, только четыре поименованныя выше (Донская, Астраханская, Самарская, Уфимская). Здѣсь многочисленны губерніи, съ сокращеніемъ посѣвныхъ площадей въ первый періодъ и ихъ расширеніемъ — во второй; изъ среды губерній съ такимъ характеромъ эволюціи остались до сихъ поръ не упомянутыми: Вятская (— 3,1% и + 4,6%), Симбирская (— 6,5% и + 7,1%), Пензенская (— 11,4% и + 16,7%) и Воронежская (— 9,6% и + 11,0%). Изъ губерній западной половины Европейской Россіи къ этой группѣ относятся: Кіевская (— 6,2% и + 12,1%), Смоленская (— 1,0% и + 1,5%), Эстляндская (— 6,6% и + 8,4%)... Губерніи съ такимъ же характеромъ движенія посѣвныхъ площадей имѣются и среди тѣхъ, которыя, въ итогъ эволюціи отъ восьмидесятыхъ къ девятисотымъ годамъ, дали уменьшеніе площади посѣвовъ.

Это — рядъ губерній, расположенныхъ на периферіи намѣченной нами въ предыдущемъ „зоны сокращенія посѣвовъ“: губерніи Нижегородская (— 20,5% и + 7,8%), Тамбовская (— 9,5% и + 9,0%), Тульская (— 13,2% и + 2,7%), Орловская (— 8,0% и =), Калужская (— 11,0% и + 1,9%), Новгородская (— 13,1% и + 1,6%), Олонецкая (— 1,6% и + 0,8%). Въ остальныхъ же губерніяхъ этой зоны эволюція посѣвныхъ площадей обладаетъ характеромъ непрерывности, но только не въ поступательномъ, а въ регрессивномъ движеніи посѣвныхъ площадей; таковы территориально обособленные губерніи Курская (— 5,6% и — 1,3%), Петербургская (— 4,6% и — 3,6%); затѣмъ цѣлая компактная группа ихъ, составляющая ближайшее, — главнымъ образомъ, нечерноземное — окруженіе Москвы: губерніи Московская (— 15,4% и — 7,3%), Тверская (— 8,8% и — 7,4%), уже упоминавшаяся въ этой связи Ярославская (— 5,1% и — 8,2%), затѣмъ Костромская (— 6,4% и — 1,6%), Владимірская (— 12,0% и — 4,0%) и, наконецъ, Рязанская (— 8,6% и — 3,3%).

Каждое сельско-хозяйственное растеніе — въ самомъ фактѣ его воздѣлыванія — можно разсматривать, какъ индивидуальный показатель, характеризующій свойства географической обстановки, а также состояніе сельско-хозяйственной культуры въ той средѣ, въ которой протекаетъ воздѣлываніе... Именно съ этой точки зрѣнія представляетъ интересъ разсмотрѣніе эволюціи, по губерніямъ Европейской Россіи, не только совокупной посѣвной площади четырехъ зерновыхъ хлѣбовъ, но и каждого хлѣба, въ отдѣльности. Цѣлый рядъ экономически-географическихъ причинозависимостей опредѣлили собою, какія изъ четырехъ (ржаной, пшеничной, овсяной и ячменной) культуръ, и по какимъ губерніямъ проявляли устойчивость посѣвной площади или тенденцію къ росту, а какія, наоборотъ сходили на нѣтъ или отставали отъ общаго движенія... Относящаяся сюда данныя, касающіяся разсматриваемаго періода, заключаются въ подлежащихъ таблицахъ (см. таблицу „вторую“ и „третью“).

Таблица, обозначенная второю („II-ая“) изображаетъ картину эволюціи отъ восьмидесятыхъ къ девяностымъ годамъ. Въ этомъ промежуткѣ времени два пространственно обособленныхъ района обнаружили расширеніе посѣвной площади по всѣмъ четыремъ разсматриваемымъ культурамъ; это, прежде всего, кругъ губерній, относящихся къ „западному“ району, — и затѣмъ губернія Вологодская. Интересно, что три губерніи, давшія отъ восьмидесятыхъ къ девяностымъ годамъ наибольшее расширеніе совокупной площади посѣва четырехъ хлѣбовъ, а именно губерніи Екатеринославская, Таврическая и Астраханская, не принадлежатъ къ числу районовъ съ увеличеніемъ площади по всѣмъ разсматриваемымъ культурамъ; губ. Екатеринославская и Таврическая возглавляютъ въ нашей таблицѣ „II-ой“ списокъ губерній съ расширеніемъ посѣва по тремъ, Астраханская же — даже по двумъ культурамъ. Иными словами наибольшее увеличеніе площади зернового посѣва не являлось, въ разсматриваемый періодъ, результатомъ одновременнаго роста всѣхъ четырехъ культуръ, но вытекало изъ увеличенія площади (тѣмъ болѣе значительнаго!) нѣкоторыхъ, при сокращеніи площади другихъ культуръ. Такое явленіе не могло не означать собою существеннаго измѣненія въ соотношеніи культуръ, въ опредѣленіи ихъ сравнительной важности въ сельско-хозяйственной жизни района. Расширеніе площади посѣва только по нѣкоторымъ культурамъ, при значительномъ увеличеніи площади совокупной — этотъ составъ

признаковъ съ несомнѣнною указываетъ на „революціонные“ процессы въ распредѣленіи культуръ, на перераспредѣленіе обрабатываемой площади между отдѣльными хлѣбами. Наоборотъ, одновременность расширенія площади всѣхъ четырехъ культуръ намекаетъ на возможную неизмѣнность въ соотношеніи культуръ, на „консерватизмъ“ въ ихъ распредѣленіи, хотя сама по себѣ одновременность эта и не доказываетъ факта такого „консерватизма“, ибо масштабъ расширенія можетъ быть весьма различенъ по отдѣльнымъ культурамъ . . .

Географическое расположеніе губерній, давшихъ отъ восьмидесятыхъ къ девяностымъ годамъ расширеніе посѣва по четыремъ культурамъ, покажется, быть можетъ, не случайнымъ, если мы сопоставимъ губерніи этой группы съ другими, представляющими противоположную крайность: съ группой губерній, не давшихъ расширенія ни по одной культурѣ (группа V нашей таблицы „II-ой“). Последнія простираются сплошной, хотя и причудливаго очерка, территоріей, имѣя свое географическое средоточіе въ районѣ Московской — Владимірской губерній. На западѣ онѣ примыкаютъ къ отмѣченному расширеніемъ по четыремъ культурамъ „западному“ району; на сѣверо-востокъ — къ губерніи Вологодской . . . Такимъ образомъ, намѣчается непрерывная лента губерній, простирающаяся отъ юго-западной границы Россіи (губ. Волинская) до сѣвернаго Урала (губ. Вологодская), — въ предѣлахъ которой отъ восьмидесятыхъ къ девяностымъ годамъ или происходило расширеніе посѣвной площади по всѣмъ четыремъ или не происходило ни по одной культурѣ. Начиная съ Волинской, губерніи съ расширеніемъ посѣва по четыремъ культурамъ идутъ кольцеобразно: Гродненская, Виленская, Витебская, Могилевская; къ сѣверу и сѣверо-западу отъ Витебской — Лифляндская и Псковская, которая соприкасается съ губерніей Новгородской, не давшей расширенія ни по одной культурѣ; эта последняя, въ свою очередь, примыкаетъ въ восточной окраинѣ къ губерніи Вологодской (расширеніе по четыремъ культурамъ). На юго-востокъ отъ Новгородской расположены прочія губерніи, не давшія расширенія ни по одной культурѣ: Тверская, Ярославская, Костромская, Вятская, Московская, Владимірская, Нижегородская, Калужская, Тульская, Рязанская, Орловская, Тамбовская, Симбирская . . . Ни на крайнемъ Сѣверо-Западѣ, ни на всемъ Юго-Востокѣ и Югѣ не имѣется ни одной губерніи, которая, въ періодъ отъ восьмидесятыхъ къ девяностымъ годамъ, была бы отмѣчена тѣмъ или инымъ изъ двухъ, только что упомянутыхъ, противоположныхъ характеровъ эволюціи. Поскольку же движеніе къ расширенію или сокращенію посѣв. площадей сказывалось въ той или иной губерніи вышеуказанной „срединной“ зоны, движеніе это передавалось на каждую изъ четырехъ культуръ . . . Одновременное по четыремъ культурамъ сокращеніе площади посѣва такъ же допускаетъ возможность „консерватизма“ въ распредѣленіи культуръ, какъ и такое же ихъ расширеніе. И намѣчается, что въ данномъ конкретномъ случаѣ, а именно въ эволюціи посѣвной площади отъ восьмидесятыхъ къ девяностымъ годамъ — характеромъ развитія, указывающимъ на „консерватизмъ“, отмѣчены, главнымъ образомъ, районы наиболѣе стараго, непрерывно функционировавшаго русскаго земледѣльческаго быта; это или тѣса, куда ушло русское земледѣліе при татарскомъ разореніи, будь то волинскіе и гродненскіе, московскіе и костромскіе, — или черноземъ, который былъ въ первую очередь освоенъ, когда въ XV—XVI вѣкахъ русскій народъ вышелъ изъ тѣсу . . . Изъ такихъ губерній нехватаетъ въ нашей зонѣ расширенія всѣхъ или ни одной куль-

туры губерній Минской, Смоленской (сюда же относились бы сѣверные — дѣсныя — уѣзды Черниговщины и Киевщины); наши сужденія не касаются губерніи Лифляндской, которая никогда не была этнографически русской; признакъ давней земледѣльческой культуры не относится, пожалуй, къ такимъ губерніямъ, какъ Симбирская или Тамбовская. Все таки является, въ извѣстной степени, обособеннымъ сопоставлять одновременность расширения и одновременность сокращенія площади четырехъ культуръ въ дѣломъ рядѣ русскихъ областей съ признакомъ давняго существованія въ нихъ земледѣльческой культуры; именно давность могла дѣлать послѣднюю устоявшейся, „консервативной“... Подобное сопоставленіе имѣеть, конечно, весьма приблизительный характеръ; нельзя на основаніи данныхъ, касающихся періода въ двадцать лѣтъ, дѣлать выводы, которые должны были бы относиться къ столѣтіямъ!... Весьма вѣроятно, что при разсмотрѣніи болѣе долгаго промежутка времени (если бы такое разсмотрѣніе было возможно!) — оказалось бы, что и въ области давняго заселенія по временамъ случаются „революціи“ въ распредѣленіи пахоти между отдѣльными культурами. При всемъ томъ, обычнымъ состояніемъ для областей давняго земледѣльческаго быта должно признать состояніе неизмѣнности соотношенія отдѣльныхъ культуръ; поскольку въ этихъ областяхъ происходитъ измѣненіе размѣровъ обрабатываемой площади, должно считать нормальнымъ вытекающее изъ такой неизмѣнности одновременное, по отдѣльнымъ культурамъ, расширение или сокращеніе посѣвовъ...

Губернія Минская, въ отношеніи эволюціи отъ восьмидесятыхъ къ девяностымъ годамъ, повидимому, только случайно не относится къ зонѣ расширенія всѣхъ четырехъ культуръ; въ ней незначительное сокращеніе площади сказывается по незначительной, въ этой губерніи, пшеничной культурѣ. Въ губерніи Смоленской „повышательная“ тенденція, идущая съ запада, явнымъ образомъ сочетается съ „понижательной“ тенденціей, идущей съ востока; три культуры, ржаная, пшеничная и овсяная, давая расширеніе, ориентируются въ данномъ случаѣ, на западъ; четвертая, ячменная, давая сокращеніе, „ориентируется“ на востокъ... Отметимъ, что прибалтійскія губерніи: Ковенская, Курляндская, Эстляндская и С.-Петербургская, а также двѣ сѣверныхъ, Олонецкая и Архангельская, являясь районами относительно стараго земледѣльческаго быта, не выступаютъ, въ данномъ случаѣ, ни въ качествѣ областей одновременнаго расширенія, ни такого же сокращенія площади четырехъ культуръ. Въ Ковенской губерніи расширялась площадь посѣва трехъ культуръ, т. е. всѣхъ разсматриваемыхъ, кромѣ ячменной (ср. губернію Смоленскую); въ Курляндской двухъ — овсяной и пшеничной (падала площадь ржаного и ячменнаго посѣва); въ Эстляндской и С.-Петербургской губерніяхъ расширеніе площади намѣчалось по одной культурѣ, а именно: въ Эстляндской — по пшеничной, а въ С.-Петербургской — по ячменной... Въ губерніяхъ Олонецкой и Архангельской находились въ процессѣ расширенія посѣвы овса и ячменя...

Группу губерній съ расширеніемъ, отъ восьмидесятыхъ къ девяностымъ годамъ, посѣва по тремъ культурамъ составляютъ два разнородныхъ разряда областей; съ одной стороны, это губерніи, расположенныя по крайнѣ „западнаго“ района расширенія четырехъ посѣвовъ; таковыми можно признать упомянутыя выше губерніи Минскую и Ковенскую, а также Черниговскую, въ

которой, за рассматриваемый периодъ, уменьшились, и то весьма незначительно, ржаные посѣвы, и выросла площадь воздѣлыванія трехъ остальныхъ хлѣббовъ; съ другой стороны, къ этой группѣ относятся губерніи Юга: Екатеринославская, Таврическая, Херсонская, Харьковская, давшія сокращеніе площади ржаной культуры, при расширеніи по тремъ остальнымъ, и Бессарабская, съ упадкомъ площади овсяной, при увеличеніи посѣвовъ остальныхъ культуръ... Территориальною связью между „западнымъ“ райономъ, съ расширеніемъ четырехъ, и „южнымъ“, съ расширеніемъ трехъ культуръ, является губерніи Полтавская, Кіевская и Подольская, отмѣченные: первая — подъемомъ пшеничной и овсяной, вторая — ячменной и овсяной, третья — ячменной и ржаной культуръ... Восточный районъ расширенія посѣвовъ характеризуется увеличеніемъ площади воздѣлыванія по двумъ культурамъ. Начинаясь съ Воронежской губерніи и Донской области, имѣющихъ, и та, и другая, ячменно-пшеничную „оріентацію“ (т. е. отмѣченныхъ „преуспѣваніемъ“ названныхъ культуръ), — зона расширенія посѣвовъ по двумъ культурамъ простирается полосой, вытянутой къ востоку и сѣверо-востоку: губ. Астраханская, съ расширеніемъ ржаной и пшеничной, Самарская — ячменной и пшеничной, Уфимская — ржаной и овсяной культуръ. Эта полоса сближается съ областью, не дающей расширенія ни по одной культурѣ, въ соприкасаніяхъ Уфимской съ Вятской, Самарской — съ Симбирскою, а Воронежской — съ Тамбовской и Орловской губерніей; на остальной своей периферіи она окаймлена областями съ расширеніемъ площади по одной культурѣ; а именно губерніями Оренбургской и Пермской, гдѣ росли пшеничные посѣвы, Казанской съ ростомъ овсяныхъ, Саратовской и затѣмъ Пензенской, снова съ увеличеніемъ пшеничныхъ, и Курской, гдѣ расширялась площадь, отданная подъ ячмень...

Если взять болѣе долгій отрѣзокъ времени и сопоставлять съ данными за восьмидесятыя годы свѣдѣнія, относящіеся не къ девяностымъ, но къ девятисотымъ (1901—10) годамъ (см. таблицу „III-ю“), то и въ этомъ случаѣ выступитъ на сцену, въ качествѣ области расширенія посѣвовъ по четыремъ культурамъ, рядъ губерній „западнаго“ района. Изъ числа поименованныхъ при характеристикѣ эволюціи отъ восьмидесятыхъ къ девяностымъ годамъ отпадаетъ губерніи Гродненская и присоединяется Минская. Отъ такого видоизмѣненія географической очеркъ района приобретаетъ менѣе причудливый, болѣе компактный характеръ... Центральная область, не дающая увеличенія посѣвовъ ни по одной культурѣ, опредѣляется, въ данномъ случаѣ, въ нѣсколько сокращенномъ составѣ; вмѣсто названныхъ въ предыдущемъ 14-ти губерній, мы имѣемъ дѣло съ 10-ю. Къ другимъ группамъ (въ частности, къ группѣ съ расширеніемъ посѣва по одной и по двумъ культурамъ) отходятъ губерніи, находящіеся на периферіи района: Новгородская, Вятская, Симбирская, Нижегородская, Тамбовская; присоединяется одна: С.-Петербургская, въ географическомъ смыслѣ расположенная на отлѣгѣ: губ. Новгородская, дающая за этотъ периодъ увеличеніе посѣва по одной культурѣ, отдѣляетъ ее отъ ядра губерній съ сокращеніемъ всѣхъ четырехъ... Вологодская губернія показываетъ отъ восьмидесятыхъ къ девятисотымъ годамъ расширеніе посѣвовъ по тремъ культурамъ; пшеничная обнаруживаетъ сокращеніе. Такимъ образомъ, намѣчающаяся въ предѣлахъ коренной русской земледѣльческой территоріи зона расширенія всѣхъ или ни одной культуры, иначе говоря, зона

одновременности въ расширеніи или сокращеніи четырехъ культуръ, нѣкоторой взаимной ихъ связанности — въ данномъ случаѣ вырисовывается въ предѣлахъ отъ Волынской губерніи, на юго-западѣ, до Костромской, на сѣверо-востокѣ. При этомъ территоріальная смычка между двумя противоположными (и въ своей противоположности столь характерными!) группами этой зоны, группою съ расширеніемъ четырехъ культуръ и группою, не дающей расширенія ни по одной, имѣется на небольшомъ участкѣ, въ которомъ Псковская граничитъ съ Тверскою губерніей; и съ той же Псковской губерніей соприкасается другая, не дающая расширенія ни по одной культурѣ, изолированно лежащая Санкт-Петербургская... Губерніи Новгородская, Олонецкая и Архангельская, въ перспективѣ настоящаго разсмотрѣнія, выступаютъ, какъ губерніи съ расширеніемъ посѣв. площади по одной культурѣ: ячменной въ губ. Новгородской и Архангельской, овсяной — въ губ. Олонецкой... На остальномъ протяженіи периферіи „западнаго“ района (поскольку периферія эта не упиралась въ границу Австріи или Царства Польскаго) — западный районъ расширенія четырехъ культуръ граничилъ съ губерніями, давшими увеличеніе по тремъ и по двумъ культурамъ. Въ губ. Гродненской расширились три посѣва, т. е. всѣ, кромѣ пшеничнаго; губерніи Ковенская и Курляндская представляли, въ смыслѣ сочетанія культуръ съ расширеніемъ и безъ расширенія посѣва, ту же картину, которую мы наблюдали въ отношеніи эволюціи отъ восьмидесятихъ къ девяностымъ годамъ: въ губ. Ковенской выросли три культуры, т. е. всѣ, кромѣ ячменной, въ губерніи же Курляндской расширились овсяный и пшеничный, при сокращеніи ячменнаго и ржаного посѣвовъ... Въ губ. Эстляндской выросла, за разсматриваемый періодъ, не только пшеничная, какъ въ девяностыхъ годахъ, но также овсяная и ячменная культуры. Въ губ. Смоленской ростъ пшеничной культуры (вообще говоря, совершенно ничтожной!) замѣнился ея стаціонарностью. И при замѣтномъ паденіи ячменныхъ, обнаруживали кое-какое увеличеніе ржаные и овсяные посѣвы. Въ губ. Черниговской и Кіевской намѣчались тѣ же явленія, что были упомянуты въ предыдущемъ; въ губ. Черниговской паденіе ржаной, при расширеніи трехъ остальныхъ культуръ, а въ губ. Кіевской — увеличеніе ячменнаго и овсянаго, при сокращеніи остальныхъ посѣвовъ... И, наконецъ, въ губерніи Подольской, кромѣ ячменной и ржаной, выросла, къ девяностымъ годамъ, также культура пшеничная...

Въ отношеніи къ промежутку времени отъ восьмидесятихъ къ девяностымъ годамъ расширеніе посѣвовъ по четыремъ культурамъ не являлось, какъ въ періодъ отъ восьмидесятихъ къ девяностымъ, монополіей опредѣленныхъ губерній Запада и Сѣвера; за это время также и три губерніи Юго-Востока дали увеличеніе посѣвовъ по всѣмъ четыремъ культурамъ; а именно: Донская, Самарская и Пензенская... Последняя расположена „изолированно“: она окружена губерніями, дающими расширеніе посѣвовъ не болѣе, какъ по двумъ культурамъ. Въ отношеніи характера развитія, расширеніе посѣвовъ по четыремъ культурамъ сочеталось въ этой губерніи съ относительно ничтожнымъ увеличеніемъ ихъ совокупной площади. Губерніи же Самарская и Донская соприкасались съ рядомъ областей, давшихъ увеличеніе площади по тремъ культурамъ. Таковы: Уфимская губернія, гдѣ помимо ржаныхъ и овсяныхъ выросли, за разсматриваемый періодъ, также и посѣвы пшеничные; Астраханская, въ которой только овсяная культура не

дала увеличенія, — и затѣмъ губерніи Юга, тѣ самыя, что составляли область увеличенія посѣвовъ по тремъ хлѣбамъ также и въ рамкахъ эволюціи отъ восьмидесятихъ годовъ къ девяностымъ; и въ томъ же сочетаніи „преуспѣвающихъ“ и „падающихъ“ культуръ: въ губ. Екатеринославской, Таврической, Херсонской, Харьковской — расширеніе по всѣмъ культурамъ, кромѣ ржаной; въ губ. Бессарабской — увеличеніе, наряду съ ячменнымъ и пшеничнымъ, также и ржаного посѣва; но зато стационарность овсянаго, которая, при сильномъ увеличеніи совокупной площади посѣва, не могла не означать вытѣсненія этой культуры изъ сельско-хозяйственной жизни губерніи. Съ этимъ наблюденіемъ слѣдуетъ сопоставить фактъ нѣкотораго уменьшенія овсяной культуры также и въ сосѣдней съ Бессарабской губерніи Подольской . . . Изъ числа областей, давшихъ отъ восьмидесятихъ къ девяностымъ годамъ расширеніе совокупной посѣв. площади четырехъ хлѣбовъ болѣе, чѣмъ на 1/3 (33,3%) первоначальной величины (см. начало очерка), отмѣчена увеличеніемъ площади не по четыремъ и не по тремъ, а всего лишь по двумъ культурамъ только губернія Оренбургская; въ ней расширялась пшеничная и овсяная, падала ржаная и ячменная культура . . . На сѣверо-западъ отъ юго-восточной и южной зоны съ расширеніемъ посѣвовъ по четыремъ и по тремъ культурамъ располагались губерніи, представлявшія собою переходъ отъ этой зоны къ той, гдѣ въ промежуткѣ отъ восьмидесятихъ къ девяностымъ годамъ не происходило расширенія посѣва ни по одной культурѣ; на основаніи разсматриваемыхъ нами данныхъ (таблица „III-ья“), можно различать два пояса губерній, въ которыхъ увеличеніе посѣвныхъ площадей наблюдалось соответственно по одной и по двумъ культурамъ; губерній съ расширеніемъ посѣва по одной культурѣ — это болѣе близкія къ Москвѣ, какъ географическому средоточію области, гдѣ ни по одной культурѣ не было расширенія; а именно: губ. Нижегородская съ растущей пшеничной, Тамбовская — съ увеличивающейся овсяной и Курская — съ преуспѣвающей ячменной культурой. Полосу губерній съ увеличеніемъ посѣв. площадей по двумъ культурамъ составляли: губ. Пермская, съ расширеніемъ пшеничной и овсяной, Вятская — овсяной и ржаной, Казанская — овсяной и ржаной, Симбирская — пшеничной и овсяной, Саратовская — пшеничной и ржаной, Воронежская — ячменной и пшеничной и, наконецъ, Полтавская, съ расширеніемъ площади пшеничной и овсяной культуръ . . . Губерніи Воронежская и Полтавская вторяли, въ данномъ случаѣ, явленія эволюціи отъ восьмидесятихъ къ девяностымъ годамъ . . .

Губерніи Самарская, Пензенская и Донская область составляютъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми губерніями „западнаго“ района, первую группу нашей таблицы „III-ей“, т. е. группу губерній съ расширеніемъ посѣва по четыремъ культурамъ. Интересно отмѣтить, что выраженные въ процентныхъ величинахъ (въ отношеніи къ первоначальной площади) максимумы расширенія посѣвовъ по отдѣльнымъ культурамъ, какъ они намѣчаются въ перечисленныхъ трехъ юго-восточныхъ губерніяхъ, отличаются, по масштабу, отъ такихъ же максимумовъ, наблюдаемыхъ въ прочихъ губерніяхъ этой же группы. Въ каждой изъ трехъ только что названныхъ областей Юго-Востока имѣются культуры, въ отношеніи которыхъ увеличеніе посѣва превышаетъ 100% первоначальной площади. Въ Донской области и Самарской губерніи такою культурой является ячменная, давшая, за разсматриваемый періодъ, увеличеніе посѣвной площади

соответственно на + 224,5% и + 113,3%; в губернии Пензенской — пшеничная, с расширением площади на + 200,0%. В районах Запада, относящихся к этой же группе (т. е. дающих расширение по четырем культурам) ни по одной губернии и ни по одному хлебу увеличение площади посева не превосходит 100%. Именно такой размер прироста отмечен в губернии Псковской по культуре пшеничной; по той же культуре губерния Лифляндская обнаруживает расширение площади в + 50,0%. Во всех остальных губерниях первой группы увеличение посевной площади по отдельным хлебам ни в одном случае не достигает + 50%. Это обстоятельство характеризует относительную ограниченность и в то же время равномерность расширения посев. площадей по отдельным культурам в губерниях „западного“ района, о которых идет речь... Этого нельзя сказать ни о губерниях прибалтийских, включая Псковскую, ни тем более о юго-восточных и южных. Кроме названных выше, относящихся к первой группе губерний Юго-Востока, увеличением посевной площади, превышающим, по отдельной культуре 100%, отмечены губернии Екатеринославская, Таврическая, Астраханская и Саратовская; в первых двух увеличении, превышающее указанный размер, обнаруживает культура ячменя (+ 148,9% и + 128,7%), в двух последних — пшеницы (+ 127,8% и + 115,9%)... Перечисленные губернии с расширением, по отдельным культурам, посев. площади более, чем на 100%, образуют компактную группу, занимающую юго-восточный угол Европейской России. Если в качестве руководящего признака взять наличие в той или иной губернии культур с увеличением посев. площади в 50% и более, то эта группа расширится, протянувшись вдоль крайних южного и восточного предельов Европ. России на запад и север. Губерния Астраханская дает расширение посев. площади, превышающее 50%, по трем культурам; губернии Самарская, с одной стороны, Донская, Екатеринославская, Херсонская, Бессарабская, с другой, обнаруживают такое же расширение, каждая по двум культурам; губерния Таврическая и затем Пермская и Оренбургская, в одном районе, Саратовская, Пензенская, Воронежская, Харьковская, Полтавская, в другом, отмечены увеличением посева, превышающим 50% — по одной культуре. Таким же увеличением посевов, по одной культуре в каждой губернии, характеризуются пять прибалтийских, включая Ковенскую и Псковскую губернии. В общем, картина эволюции от восьмидесятых к девятидесятым годам, рассматриваемая с точки зрения наличия в той или иной губернии отдельных зерновых культур, с расширением посева в 50 и более процентов первоначальной площади, довольно близко соответствует той, которая намечалась при обзоре свѣдѣній об эволюции, за тот же период, совокупной площади посевов четырех хлебов (см. начало очерка). Там, где нарастание этой последней было наибольшим, там же, — в губернии Астраханской, — мы встречаем наибольшее число культур, с расширением посева, превышающим указанный размер (а именно три культуры). Пять губерний, слѣдующих, по размерам увеличения совокупной площади, за губернией Астраханской, обнаруживают расширение совокупной площади свыше 50% по двум культурам; и только губ. Таврическая, занимавшая по размерам увеличения совокупной площади пятое мѣсто, — имѣла всего одну культуру, отмеченную таким расширением. Из числа двадцати трех губерний, давших от

восьмидесятыхъ къ девятистамъ годамъ увеличеніе совокупной посѣв. площади болѣе, чѣмъ на 10% первоначальной, — въ пятнадцати губерніяхъ имѣлась хотя бы одна культура съ расширеніемъ, превышающимъ 50%. Изъ среды двадцати трехъ губерній расширеніе такого масштаба не было знакомо: одной „сѣверо-восточной“, а именно Вологодской, одной „восточной“ — Уфимской, одной „юго-западной“ — Подольской и пяти „западнымъ“: Могилевской, Витебской, Виленской, Минской и Волынской губерніямъ. Въ свою очередь расширеніе посѣвной площади, превышающее, по отдѣльной культурѣ, 50%, наблюдалось въ четырехъ губерніяхъ, съ увеличеніемъ совокупной площади, не достигающимъ 10%, а именно въ одной „южной“ — Полтавской, двухъ „юго-восточныхъ“ — Воронежской и Пензенской — и одной прибалтійской — Эстляндской губерніи . . . Эти данныя подтверждаютъ выводъ, что изъ числа губерній, дающихъ расширеніе совокупной посѣв. площади, отмѣчены наличиемъ отдѣльныхъ культуръ со значительнымъ (болѣе, чѣмъ въ полтора раза!) увеличеніемъ площади, главнымъ образомъ, губерніи юго-восточныя и южныя, а затѣмъ прибалтійскія, но не „западныя“, группирующіяся вокругъ Могилевской и Минской, и не Вологодская. Эти послѣднія суть районы относительно небольшого, но при томъ равномернаго увеличенія посѣвовъ по отдѣльнымъ культурамъ . . .

Какъ ни измѣнялись, по тѣмъ или инымъ губерніямъ, размѣры посѣвныхъ площадей въ восьмидесятые, девяностые и девятистые годы, — на огромномъ протяженіи сѣверной и центральной Россіи первыми, по размѣрамъ посѣва, хлѣбами во все продолженіе періода непоколебимо оставались рожь и овесъ. Господство этихъ хлѣбовъ, какъ важнѣйшихъ воздѣлываемыхъ, отличительно для пространства Европейской Россіи къ сѣверу отъ границъ Оренбургской, Самарской, Саратовской, Воронежской, Харьковской, Полтавской, Кіевской и Подольской губерній . . . Беря два пункта, ставшихъ за послѣднія десятилѣтія извѣстными въ качествѣ важныхъ желѣзнодорожныхъ станцій, одинъ на границѣ губерній Оренбургской и Пермской — Челябинскъ, а другой на границѣ Подольской и Волынской — Волочискъ, мы можемъ (отвлекаясь отъ факта существованія трехъ перечисленныхъ ниже „ячменныхъ“ губерній) утверждать, что сѣвернѣе линіи Волочискъ — Челябинскъ двумя первыми, по размѣрамъ посѣва, культурами являлись — въ предѣлахъ разсматриваемаго періода — ржаная и овсяная (съ преобладаніемъ то одной, то другой), а южнѣе этой линіи выдающееся значеніе пшеницы сочеталось съ такимъ же значеніемъ какого-либо изъ прочихъ трехъ хлѣбовъ. Правда, бывали моменты, это были восьмидесятые годы для губерній Воронежской и девяностые, — для Кіевской, когда также и названнаго губерніи, хотя и лежація, въ болѣе части своего протяженія, къ югу отъ упомянутой линіи, показывали, въ качествѣ господствующихъ хлѣбовъ, сочетаніе ржи и овса. Но къ концу періода на пространствѣ южнѣе линіи Челябинскъ-Волочискъ пшеница повсюду принадлежала къ числу двухъ первыхъ хлѣбовъ, сѣвернѣе же этой линіи нигдѣ не относилась къ нимъ . . . Изъ числа губерній Сѣвера и Центра, въ которыхъ рожь и овесъ, въ томъ или иномъ соотношеніи между собой, являлись важнѣйшими хлѣбами, овесъ стоялъ на первомъ мѣстѣ въ губ. Пермской въ восьмидесятыхъ и девятистыхъ, въ Олонецкой, начиналъ съ девяностыхъ, и въ Курляндской — въ девятистыхъ годахъ; въ другихъ же мѣстахъ очерченной сѣверо-центральной зоны господствующей являлась рожь. Изъ пространства ржано-

овсяной области слѣдуетъ выдѣлить губерніи Архангельскую, Эстляндскую и Лифляндскую, гдѣ вмѣсто овса, въ числѣ двухъ важнѣйшихъ культуръ, фигурировалъ ячмень; на первомъ мѣстѣ въ губерніи Архангельской, на второмъ (послѣ ржи) — въ Эстляндской и Лифляндской. Впрочемъ, послѣдняя губернія, начиная съ девяностыхъ годовъ, перешла къ комбинаціи овесъ-рожь...

Зону губерній, лежащихъ къ сѣверу отъ линіи Челябинскъ-Волочискъ, безъ трехъ только что названныхъ „ячменныхъ“, мы будемъ именовать зоной преобладанія ржаной и овсяной культуръ... На послѣдующихъ страницахъ мы имѣемъ задачей сопоставить, въ предѣлахъ области господства этихъ двухъ культуръ, — характеръ эволюціи одного и другого посѣва. Въ какихъ губерніяхъ развитіе болѣе благоприятствовало культурѣ ржаной, въ какихъ — культурѣ овсяной? Если процентное выраженіе измѣненій въ посѣвной площади ржи отъ восьмидесятыхъ къ девятистамъ годамъ мы обозначимъ черезъ „ x “, а такое же выраженіе измѣненій въ посѣвѣ овса черезъ „ z “, то, гдѣ $x > z$, а,

Губерніи	„ x “	„ z “	Губерніи	„ x “	„ z “		
	Процентъ увеличенія или уменьшенія площади ржаного посѣва отъ восьмидесятыхъ къ девятистамъ годамъ.	Процентъ увеличенія или уменьшенія площади овсянаго посѣва отъ восьмидесятыхъ къ девятистамъ годамъ.		Процентъ увеличенія или уменьшенія площади ржаного посѣва отъ восьмидесятыхъ къ девятистамъ годамъ.	Процентъ увеличенія или уменьшенія площади овсянаго посѣва отъ восьмидесятыхъ къ девятистамъ годамъ.		
ВОСТОЧНЫЙ РАЙОНЪ.			СѢВЕРНЫЙ РАЙОНЪ.				
Уфимская . . .	+ 17,8%	>	+ 36,2%	Вологодская . . .	+ 10,6%	<	+ 38,6%
Пермская . . .	- 10,1%	<	+ 12,2%	Олонецкая . . .	- 3,6%	<	+ 3,9%
Вятская . . .	+ 1,5%	<	+ 5,1%	Новгородская . . .	- 12,7%	<	- 11,8%
Казанская . . .	+ 0,8%	<	+ 38,7%	ЗАПАДНЫЙ РАЙОНЪ.			
Сибирская . . .	- 2,7%	<	+ 3,6%	Черниговская . . .	- 4,7%	<	+ 21,0%
Певзевская . . .	+ 0,3%	<	+ 7,0%	Могилевская . . .	+ 29,6%	<	+ 38,3%
Тамбовская . . .	- 3,7%	<	+ 6,2%	Витебская . . .	+ 22,0%	<	+ 41,5%
ЮЖНЫЙ РАЙОНЪ.			Псковская . . .	+ 9,8%	<	+ 11,5%	
Курская . . .	- 9,7%	<	- 6,4%	Волынская . . .	+ 4,0%	<	+ 23,5%
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ РАЙОНЪ.			Минская . . .	+ 14,8%	<	+ 30,8%	
Нижегородская . . .	- 13,3%	<	- 21,1%	Вилнская . . .	+ 19,9%	<	+ 21,2%
Костромская . . .	- 5,1%	<	- 6,1%	Ковенская . . .	+ 17,9%	<	+ 28,1%
Рязанская . . .	- 0,4%	<	- 14,1%	Курляндская . . .	- 3,7%	<	+ 53,8%
Владимирская . . .	- 13,7%	<	- 14,7%	Гродненская . . .	+ 5,6%	<	+ 11,9%
Ярославская . . .	- 9,8%	<	- 12,5%	Кромѣ того въ губерніяхъ Архангельской, Эстляндской и Лифляндской, гдѣ въ теченіе всего или части разсматриваемаго періода овесъ не принадлежалъ къ числу двухъ первыхъ, по размѣрамъ посѣвной площади, культуръ, соотношеніе между эволюціей ржаного и овсянаго посѣва имѣло слѣдующій видъ:			
Тулская . . .	- 9,3%	<	- 12,1%	Архангельская . . .	- 10,5%	<	0,0%
Московская . . .	- 17,6%	<	- 23,3%	Эстляндская . . .	- 11,3%	<	+ 13,5%
Тверская . . .	- 8,5%	<	- 21,9%	Лифляндская . . .	+ 6,7%	<	+ 43,2%
Орловская . . .	- 5,8%	<	- 8,8%				
Калужская . . .	- 7,8%	<	- 11,8%				
Смоленская . . .	+ 4,8%	>	+ 2,4%				
С. Петербургская	- 8,5%	>	- 9,8%				

гдѣ, наоборотъ, $x < z$? гдѣ при расширеніи обѣихъ культуръ расширеніе сильнѣе въ ржаной, и гдѣ въ овсяной культурѣ? гдѣ, при ихъ сокращеніи, сокращеніе слабѣе въ ржанныхъ и гдѣ въ овсяныхъ посѣвахъ? или, быть можетъ, расширеніе ржаной культуры сочетается гдѣ нибудь съ сокращеніемъ овсяной, или наоборотъ? — Предлежащая табличка даетъ отвѣтъ на эти вопросы. Мы усматриваемъ изъ нея, что зона преобладанія ржаной и овсяной культуръ распадается, по признаку болѣе благопріятнаго развитія одной или другой культуры, на нѣсколько районовъ; мы различаемъ „центральный“ и четыре окраинныхъ, обозначенныхъ по странамъ свѣта.

Во всей области, гдѣ рожь и овесъ, въ той или иной комбинаціи, выступаютъ въ качествѣ двухъ важнѣйшихъ злаковъ, — рожь является главнымъ продовольственнымъ, овесъ же — главнымъ фуражнымъ хлѣбомъ. И вотъ оказывается, что въ предѣлахъ этой области эволюція посѣвныхъ площадей отъ восьмидесятыхъ къ девятисотымъ годамъ повсюду благопріятствовала болѣе посѣву фуражнаго, нежели посѣву продовольственного хлѣба — за исключеніемъ Центрального района, т. е. губерній, группирующихся вокругъ Москвы. Этотъ послѣдній и есть тотъ самый, въ которомъ совокупная площадь зернового посѣва обнаружила отъ восьмидесятыхъ къ девятисотымъ годамъ наиболѣе сильное сокращеніе. Двѣнадцать губерній, въ которыхъ эволюція ржаной культуры благопріятнѣе, чѣмъ эволюція овсяной — суть тѣ же, что дали, за упомянутый выше періодъ, уменьшеніе посѣвной площади болѣе, чѣмъ на 7,5% — съ единственнымъ видоизмѣненіемъ: замѣной Новгородской губерніи — Смоленской (ср. начало очерка). Далѣе, десять изъ этихъ двѣнадцати идентичны десяти изъ одиннадцати губерній, относительно которыхъ, въ соответствующемъ мѣстѣ нашей работы, мы отмѣчали, что между 1917 и 1921 годомъ онѣ составляли „единственную неизмѣнную территориальную базу совѣтской власти“ и именовали ихъ „коренными большевистскими“; а именно всѣ, кромѣ Орловской и С.-Петербургской. Десять же изъ упомянутыхъ двѣнадцати губерній, — правда, не совсѣмъ тѣ, что въ предшествовавшемъ случаѣ, на этотъ разъ всѣ, за исключеніемъ Нижегородской и Смоленской, совпадаютъ съ тѣми десятью, которыя въ таблицѣ, изображающей эволюцію отъ восьмидесятыхъ къ девятисотымъ годамъ площади отдѣльных культуръ (таблица „третья“), значатся въ качествѣ губерній, не давшихъ расширенія ни по одной культурѣ. Видоизмѣняя нѣсколько очеркъ периферіи, „центральный“ районъ остается, однако, въ предѣлахъ нечерноземнаго и черноземнаго окруженія Москвы, единымъ и сопряженнымъ въ себѣ, — по самымъ различнымъ и временами неожиданнымъ признакамъ (это же можно утверждать отчасти о нашемъ „западномъ“ районѣ, особенно въ составѣ Могилевской, Минской, Витебской и Вольнской губерній) . . . Эволюцію совокупной зерновой посѣв. площади въ Центральномъ районѣ отъ восьмидесятыхъ къ девятисотымъ годамъ мы сравнивали съ такой же эволюціей въ Соединенномъ Королевствѣ (см. выше). Въ настоящемъ контекстѣ уместно указать на одно изъ отличій. Какъ извѣстно, сельско-хозяйственная эволюція Англій характеризовалась, при уменьшеніи совокупной площади посѣва, наростаніемъ значенія фуражныхъ, при упадкѣ значенія продовольственныхъ хлѣбовъ. Это явленіе отвѣчало потребностямъ возникшаго развитія скотоводства; оно стимулировалось широкимъ распространеніемъ въ Англій городской жизни и создавшимся, благодаря этому, обширнымъ

спросомъ на свѣжее мясо и молоко. Казалось бы, что русскій „центральный“ районъ, гдѣ тоже происходило развитіе городской жизни, долженъ явить хотя бы отдаленное подобіе этихъ процессовъ... Что же мы видимъ на самомъ дѣлѣ? — Въ ходѣ упадка совокупной посѣвной площади — въ этомъ районѣ оказались въ болѣе благопріятномъ положеніи посѣвы не фуражного, но продовольственного хлѣба!.. Безъ спеціального изысканія мы не беремъ опредѣлить, что въ данномъ случаѣ являлось рѣшающимъ: то ли, что земледѣіе въ Центральномъ районѣ все болѣе „ориентировалось“ на удовлетвореніе продовольственныхъ нуждъ самого земледѣльческаго населенія? — или то, что существовали обстоятельства, дѣлавшія выгоднымъ для сельскихъ хозяевъ этого района снабжать сосѣдніе имъ городскіе округа именно продовольственнымъ хлѣбомъ?.. Быть можетъ, фактъ большей устойчивости продовольственной, чѣмъ фуражной, культуры въ зерновомъ хозяйствѣ района можно разсматривать, какъ выраженіе нѣкоторой сельско-хозяйственной конности, которая сказывалась въ разсматриваемые годы въ экономической жизни послѣдняго, контрастируя съ тѣми процессами, которые привели земледѣіе Центрального района къ его состоянію хотя бы восьмидесятихъ годовъ и съ тѣми, которые — кто знаетъ? — обозначать (или уже обозначили?) сельско-хозяйственное его существованіе въ недалекомъ будущемъ.¹ Мы подразумѣваемъ, что обстоятельства революціоннаго времени, а именно уменьшеніе или прекращеніе хлѣбнаго подвоза съ Юго-Востока и Юга и общее радикальное измѣненіе экономической обстановки, — могутъ и должны вывести земледѣіе района на пути иной эволюціи...

Изъ числа губерній Центрального района, въ которыхъ $x > z$, уменьшеніе площади овсянаго посѣва особенно замѣтно перегнало такое же уменьшеніе посѣва ржаного въ губ. Тверской; здѣсь разность „ $x - z$ “ равняется 13,4%. Во всѣхъ остальныхъ губерніяхъ района разность эта не превышаетъ десяти процентовъ. Изъ числа губерній, гдѣ $z > x$, т. е., гдѣ эволюція овсянаго благопріятнѣе эволюціи ржаного посѣва, разность „ $z - x$ “ особенно велика въ нѣкоторыхъ восточныхъ и сѣверо-восточныхъ, а затѣмъ прибалтійскихъ губерніяхъ. Изъ числа первыхъ отмѣтимъ Казанскую ($z - x = 37,9\%$), Уфимскую (18,4%), Пермскую (22,3%), Вологодскую (28,0%) и примыкающую къ послѣдней, не принадлежащую къ зонѣ господства ржи и овса, какъ первыхъ двухъ хлѣбовъ, губ. Архангельскую (10,5%). Изъ числа вторыхъ особенно выдается Курляндская ($z - x = 57,5\%$). Здѣсь сильное расширеніе овсянаго посѣва сочетается съ нѣкоторымъ сокращеніемъ посѣва ржаного. Съ юга къ ней примыкаетъ Ковенская (10,2%), а съ сѣвера — не принадлежащая къ области неизмѣннаго преобладанія ржаной и овсяной, въ качествѣ первыхъ зерновыхъ культуръ, губернія Лифляндская (36,5%) и Эстляндская (24,8%). Значительно благопріятнѣе, чѣмъ эволюція ржаныхъ посѣвовъ, протекало развитіе овсяныхъ также въ рядѣ губерній „западнаго“ района; въ губерніи Черниговской разность „ $z - x$ “ составляла 25,7%; въ

¹ Слѣдуетъ имѣть въ виду, что въ Центральномъ районѣ отъ восьмидесятихъ къ девятидесятымъ годамъ произошло абсолютное пониженіе урожайности, напр., по ржи, важнѣйшему для района хлѣбу. Если въ восьмидесятихъ годахъ, среди областей Европ. Россіи, губерніи Центрального района стояли на первыхъ, по высотѣ урожайности, мѣстахъ, то къ девяностымъ годамъ онѣ значительно отодвинулись къ хвосту (см. объ этомъ подробнѣе въ очеркѣ о движеніи урожайности).

губ. Витебской и Волынской 19,5%, в губ. Минской 16,0%. Во всѣхъ прочихъ разсматриваемыхъ нами губерніяхъ разность эта не достигала 10%...

Остановимся теперь на сравнительной характеристикѣ эволюціи ржаной и овсяной культуры въ губерніяхъ, гдѣ культуры эти, въ ихъ сочетаніи, не являлись господствующими. Такое разсмотрѣніе приводитъ насъ на Югъ Россіи. Будемъ помнить, что въ четырнадцать губерніяхъ, составляющихъ рамку изслѣдованія, — культуры ржи и овса являлись въ цѣломъ рядѣ случаевъ культурами второстепенными (т. е. не занимали, по размѣрамъ посѣва, ни перваго, ни втораго мѣста). Таково положеніе овса на всемъ протяженіи періода и во всѣхъ разсматриваемыхъ губерніяхъ, за исключеніемъ Оренбургской, гдѣ овесъ — на второмъ мѣстѣ, и Кіевской, гдѣ онъ занялъ, было, въ девятидесятыхъ годахъ такое же мѣсто, но въ девятидесятыхъ снова уступилъ пшеницѣ. Таково же положеніе ржи въ губерніяхъ Бессарабской, Таврической и Оренбургской, съ девяностыхъ годовъ также въ Херсонской и Екатеринославской, а съ 900-ыхъ, кромѣ того, въ Донской области и губерніи Харьковской...

Губернія	„x“ Процентъ увеличенія или уменьшенія площади ржаного посѣва отъ восьмидесятыхъ къ девяностымъ годамъ.	„z“ Процентъ увеличенія или уменьшенія площади овсянаго посѣва отъ восьмидесятыхъ къ девяностымъ годамъ.
ВОСТОЧНЫЙ РАЙОНЪ.		
Оренбургская	— 49,3%	< + 20,9%
ЮГО-ВОСТОЧНЫЙ РАЙОНЪ.		
Самарская	+ 15,1%	> + 8,9%
Астраханская	+ 62,5%	> — 20,0%
Саратовская	+ 0,1%	> — 1,7%
Донская	+ 23,3%	> + 11,4%
Воронежская	— 16,2%	> — 19,7%
ЮЖНЫЙ РАЙОНЪ.		
Харьковская	— 28,9%	< + 1,5%
Екатеринославская	— 51,8%	< + 3,2%
Подлавская	— 21,2%	< + 28,4%
Таврическая	— 10,7%	< + 46,4%
Херсонская	— 16,1%	< + 8,3%
Кіевская	— 1,8%	< + 18,2%
ЮГО-ЗАПАДНЫЙ РАЙОНЪ.		
Бессарабская	+ 58,0%	> 0,0%
Подольская	+ 9,8%	> — 1,4%

Отмѣченный нами въ сѣверной половинѣ Европейской Россіи „восточный“ районъ, съ болѣе благоприятной эволюціей овсяной, чѣмъ ржаной культуры, въ южной ея половинѣ имѣетъ аналогію и территориальное продолженіе въ лицѣ губерніи Оренбургской. Но и только. Въ прочихъ губерніяхъ Юго-Востока, граничащихъ съ областями „восточнаго“ района, развитіе благоприятнѣе для ржаной, чѣмъ для овсяной культуры. Въ соприкасаніяхъ губ. Уфимской, Казанской, Симбирской, Пензенской и Тамбовской, съ одной сто-

роны, Самарской, Саратовской и Воронежской съ другой, соотношеніе эволюціи ржаной и овсяной культуры, какъ соотношеніе это намѣчается на Сѣверѣ и на Югѣ, имѣеть взаимоположный характеръ... Губернія Курская, фигурирующая въ предыдущемъ въ качествѣ района съ меньшимъ сокращеніемъ овсянаго, чѣмъ ржаного посѣва, — представляетъ собою продолженіе обширнаго „южнаго“ района, въ которомъ эволюція овсяной благопріятнѣе эволюціи ржаной культуры. Въ полуденной части Россіи районъ этотъ отмѣченъ повсемѣстнымъ сокращеніемъ ржаного, при повсемѣстномъ же расширеніи овсянаго посѣва. Что касается крайняго Юго-Запада, то въ губерніяхъ Бессарабской и Подольской, — въ противоположность сѣвернымъ и восточнымъ сосядямъ, — эволюція благопріятнѣе для ржаной, чѣмъ для овсяной культуры...

Въ одиннадцати изъ четырнадцати губерній Юга Россіи разность „ $x - z$ “ въ однѣхъ или „ $z - x$ “ въ другихъ превышаетъ 10%. Особенно ярокъ контрастъ между Оренбургской и Астраханской губерніями. Въ одной расширеніе овсяной культуры сочетается съ упадкомъ на половину площади ржаной; разность „ $z - x$ “ образуетъ 70,2%; въ другой — увеличеніе ржаного посѣва, превышающее 50,0%, противопоставляется упадку площади овсяной; разность „ $x - z = 82,5\%$ “...

Какія изъ четырехъ культуръ являлись, въ каждой губерніи, наиболѣе благопріятствуемыми въ эволюціи? Иными словами, какія отмѣчены наибольшимъ расширеніемъ въ подъемѣ, наименьшимъ сокращеніемъ въ упадкѣ?... Выдѣлимъ, прежде всего, ту область, въ предѣлахъ которой двумя наиболѣе „благопріятствуемыми“ культурами были культуры ржи и овса, гдѣ „ x “ и „ z “ или процентныя величины, характеризующія эволюцію площади ржаныхъ и овсяныхъ посѣвовъ, превосходили, каждая въ отдѣльности, „ y “ и „ v “, т. е. такія же величины, относящіяся къ эволюціи посѣва соответственно пшеницы и ячменя: $x > y$, $x > v$, $z > y$, $z > v$... Такую область составляютъ, въ первую очередь, девять изъ тѣхъ двѣнадцати губерній „Центрального“ района, въ которыхъ $x > z$: это все тѣ же губерніи, располагающіяся вокругъ Москвы, на этотъ разъ безъ Калужской, С.-Петербургской и Нижегородской. Въ нихъ и безъ того культуры пшеничная и ячменная стояли, по абсолютнымъ размѣрамъ посѣва, не ближе, чѣмъ на третьемъ мѣстѣ. Въ разсматриваемый же періодъ культуры эти болѣе или менѣе быстро шли къ полнѣйшему отмиранію. Въ отношеніи къ пшеничному и ячменному посѣву, уменьшенія площади въ тридцать, сорокъ, пятьдесятъ процентовъ такъ и пестрятъ въ глазахъ; въ губерніи Тверской — по пшеницѣ, въ губерніи Рязанской — по ячменю процессъ завершился исчезновеніемъ культуры изъ сельско-хозяйственной жизни района. Явленія эти могутъ быть удовлетворительно объяснены происходившимъ въ разсматриваемый періодъ развитіемъ обмѣна и сообщеній, дававшимъ доступъ въ центральныя губерніи южнымъ пшеницѣ и ячменю и тѣмъ самымъ дѣлавшимъ культуру этихъ злаковъ въ данныхъ губерніяхъ — ненужнымъ анахронизмомъ... Въ отношеніи ржи и овса процессъ не могъ имѣть подобной опредѣленности и силы, какъ потому, что Югъ, повидимому, не является областью, особо одаренной для ржаной и овсяной культуры, такъ и потому, что губерніи центральныя представляютъ собою районъ, гдѣ посѣвы ржаные и овсяные мѣстнымъ условіямъ соответствуютъ наилучше... Именно въ характерѣ существованія культуръ ржаной и овсяной проявлялся „консерватизмъ“ сельско-хозяйственной жизни района.

Съ этой точки зрѣнія быстрое паденіе пшеничныхъ и ячменныхъ посѣвовъ являлось хотя и любопытной, но незначительной деталью... Изъ числа губерній, гдѣ $z > x$, т. е. гдѣ развитіе овсяныхъ посѣвовъ благоприятнѣе, чѣмъ ржаныхъ, — эти двѣ культуры, въ сочетаніи, являлись наиболѣе благоприятствуемыми въ губ. Могилевской и Минской, съ одной стороны, въ губерніяхъ Вятской, Казанской и Тамбовской, съ другой. Въ первыхъ двухъ культуры пшеницы и ячменя суть культуры съ наименьшимъ расширеніемъ посѣва, въ послѣднихъ трехъ повторилась свойственная центральному району картина болѣе или менѣе стремительнаго отмиранія этихъ культуръ. Въ общемъ названныя пять, вмѣстѣ съ девятью „центральными“ губерніями, составляютъ территориально единый районъ съ болѣе благоприятной „ржано-овсяной“, менѣе благоприятной „пшенично-ячменной“ эволюціей. Такимъ же характеромъ развитія отмѣчена губернія Олонецкая. Въ губерніи Калужской, выделяющейся, въ видѣ острова, изъ состава „центрального“ района, наиболѣе благоприятствуемыми являлись культуры ячменная и ржаная. Въ губерніяхъ Архангельской и Новгородской — ячменная и овсяная, въ губерніи Вологодской — овсяная и ячменная (называемъ культуры въ порядкѣ степени благоприятствованія), въ губерніяхъ С.-Петербургской и Псковской — культуры пшеничная и ячменная. Въ губерніяхъ Эстляндской, Лифляндской и Ковенской наибольшее расширеніе дали посѣвы пшеницы и овса; въ губерніи Витебской и Курляндской — овса и пшеницы; въ губерніи Виленской наиболѣе благоприятна эволюція посѣвовъ ячменныхъ и овсяныхъ (какъ въ Архангельской и Новгородской!); въ губерніи Гродненской, — овсяныхъ и ячменныхъ (подобно Вологодской!)... Мы обозрѣли Центр, Сѣверъ и Западъ; намъ предстоитъ обратиться къ губерніямъ Востока, Юго-Востока и Юга. — Для губерній восточныхъ и юго-восточныхъ характерна, въ качествѣ наиболѣе благоприятствуемаго хлѣба, — культура пшеницы; для губерній южныхъ столь же отличителенъ въ качествѣ злака съ наибольшимъ относительнымъ расширеніемъ посѣва — ячмень. Въ губерніяхъ южныхъ въ большемъ числѣ случаевъ на слѣдующемъ, за ячменемъ, по степени благоприятствованія, мѣстѣ стояла пшеница. Именно такимъ сочетаніемъ двухъ наиболѣе благоприятствуемыхъ культуръ отмѣченъ обширный кругъ областей Юга: область Донская, губерніи Воронежская, Екатеринославская, Харьковская, Курская, Черниговская, Таврическая, Херсонская, Подольская. Въ двухъ губерніяхъ, примыкающихъ къ этой же области, пшеница, по степени благоприятствованія въ эволюціи, стояла на первомъ мѣстѣ; а именно въ Полтавской, въ сочетаніи съ овсомъ, и въ Волынской, въ сочетаніи съ ячменемъ. Въ двухъ другихъ губерніяхъ Юга за ячменемъ, какъ наиболѣе благоприятствуемой культурой, слѣдовала не пшеница, но рожь — въ губерніи Бессарабской и овесъ — въ губерніи Кіевской... Восточная зона, съ наиболѣе благоприятнымъ развитіемъ культуры пшеничной, раздѣлена на двѣ обособленныхъ полосы существованіемъ губерніи Самарской; въ этой послѣдней культура пшеничная стоитъ, по степени благоприятствованія, на второмъ, а ячменная — на первомъ мѣстѣ. Но это исключительное, въ средѣ восточныхъ, положеніе губерніи Самарской, въ значительной мѣрѣ является фиктивнымъ; ибо культура ячменная по абсолютнымъ цифрамъ имѣетъ въ этой губерніи ничтожное значеніе; расширеніе площади ячменнаго посѣва на 113,3% есть выраженіе абсолютнаго прироста въ 51.000 десятинъ; а расширеніе площади посѣва пшеничнаго въ 97,8% есть выраженіе такого же

прироста въ 1.132.000 десятин!.. Въ губерніи Оренбургской, Уфимской и Пермской наибольшій относительный ростъ пшеничной культуры сочетался съ ростомъ овсяной, такъ же, какъ въ губерніяхъ Симбирской и Пензенской, — и съ ростомъ ржаной культуры въ губерніяхъ Астраханской и Саратовской. Въ губерніи Нижегородской нѣкоторый ростъ пшеничной культуры сопровождался наименьшимъ, среди прочихъ хлѣбовъ, сокращеніемъ площади ржаной...

Въ итогѣ по Европейской Россіи наиболѣе, отъ восьмидесятыхъ къ девятидесятымъ годамъ, выросла культура пшеничная: на 55,9% первоначальной площади; за нею — ячменная + 52,0%; на далекомъ разстояніи слѣдовала овсяная + 5,8%; посѣвы ржаные уменьшились на — 2,3%... Оставляя въ сторонѣ признакъ „наибольшаго благопріятствованія въ эволюціи“, исходящій изъ относительнаго размѣра роста или паденія посѣвовъ, — обратимся къ разсмотрѣнію, по отдѣльнымъ губерніямъ, порядка культуръ, въ абсолютной ихъ величинѣ.¹ Ограничивая зону господства ржаной и овсяной культуръ (см. выше) — мы уже разсмотрѣли, съ этой точки зрѣнія, сѣверную половину Россіи. Относительно южной, можемъ отмѣтить слѣдующее: восьмидесятыя годы застали рожь и овесъ въ качествѣ первенствующихъ, по размѣрамъ посѣва, хлѣбовъ также въ губерніи Воронежской; къ востоку и западу отъ нея простиралась ржано-пшеничная зона; къ послѣдней, съ одной стороны, принадлежала губернія Саратовская, съ другой — Харьковская, Полтавская и Кіевская. Южнѣ шла пшенично-ржаная зона, сплошной полосой, отъ губерніи Подольской черезъ Херсонскую, Екатеринославскую, Донскую къ Астраханской и Самарской. На крайнемъ востокѣ губернія Оренбургская составляла зону пшенично-овсяную. На крайнемъ югѣ, въ видѣ двухъ изолированныхъ „острововъ“ — въ губерніяхъ Бессарабской и Таврической, — простиралась зона пшенично-ячменная... Въ девяностыхъ годахъ въ губерніи Воронежской пшеница вытѣснила овесъ со второго мѣста, и губернія эта присоединилась къ ржано-пшеничной зонѣ; въ то же самое время эта послѣдняя зона уменьшилась на губернію Кіевскую, отошедшую, было, къ ржано-овсяной зонѣ (объ этомъ см. выше), и Харьковскую, которая стала пшенично-ржаной. Одно-временно изъ состава пшенично-ржаной зоны выбыли двѣ наиболѣе южныхъ губерніи, а именно Херсонская и Екатеринославская, гдѣ ячмень вытѣснилъ рожь со второго мѣста. Губерніи эти примкнули къ пшенично-ячменной об-

¹ Въ сферѣ словесныхъ обозначеній мы говорили бы о противоположеніи ржано-овсяной, пшенично-ячменной или какой-либо иной: — „природы“ и „оріентаціи“. Сельско-хозяйственную „природу“ любой губерніи опредѣляетъ подборъ культуръ, имѣющихъ, по размѣрамъ посѣва, наибольшее въ ней значеніе. Въ этомъ случаѣ мы разсматриваемъ величины посѣвныхъ площадей какъ бы въ ихъ статическомъ аспектѣ. Но ихъ же можно разсматривать и съ точки зрѣнія динамической, опредѣлять, какому культурамъ, хотя бы не принадлежанимъ къ числу господствующихъ, наиболѣе благопріятствуетъ эволюція. Опредѣливъ эти культуры, мы говоримъ, что сельско-хозяйственная эволюція данной губерніи „оріентируется“ на нихъ. Такъ, „природа“ губерніи Черниговской опредѣляется господствомъ ржаной и овсяной культуръ; сельско-хозяйственная же эволюція этой губерніи „оріентируется“ на ячмень и пшеницу, такъ какъ именно эти культуры обнаруживаютъ наибольшій относительный ростъ, хотя, по абсолютнымъ размѣрамъ посѣва, и остаются ничтожными... При всемъ томъ совершенно очевидна связь, существующая между размѣрами роста или паденія посѣвовъ, также и въ ихъ относительномъ, къ первоначальной площади, выраженіи, и признакомъ абсолютной величины посѣвовъ; первые (т. е. размѣры паденія или роста) опредѣляютъ измѣненіе второй...

ласти, которая, тѣмъ самымъ, съ девяностыхъ годовъ стала территориально компактной: губернія Херсонская послужила связью между губерніями Бессарабской и Таврической; на сѣверо-востокъ расположилась губ. Екатеринославская... Въ девятисотыхъ годахъ губернія Кіевская вернулась въ лоно ржано-пшеничной зоны; но отъ послѣдней отошла губернія Полтавская, — и тѣмъ самымъ зона эта опредѣлилась границами Саратовской, Воронежской и Кіевской губерній... Губ. Полтавская стала принадлежать къ зонѣ пшенично-ржаной; въ свою очередь эта послѣдняя потеряла Донскую область и Харьковскую губернію, изъ которыхъ губ. Харьковская только въ девяностыхъ годахъ перешла къ ней изъ предѣловъ ржано-пшеничной. Въ составѣ пшенично-ржаной зоны оказались: губернія Подольская, Полтавская, Астраханская и Самарская. Донщина и Харьковщина увеличили собою пшенично-ячменную зону; такимъ образомъ къ девятисотымъ годамъ зона эта обняла обширное пространство, состоящее изъ всѣхъ выходящихъ къ морю губерній Юга съ прибавленіемъ губерній Харьковской... Въ областяхъ Востока послѣдовательность культуръ, во все продолженіе періода, оставалась неизмѣнной; такъ обстояло дѣло въ губерніяхъ Оренбургской, Самарской, Саратовской и Астраханской. Въ губерніяхъ же Юга наблюдалась, какъ мы видѣли, своеобразная „миграція“ предѣловъ сельско-хозяйственныхъ зонъ. Граница пшенично-ячменной зоны продвигалась все болѣе къ сѣверу, какъ бы отжимая въ томъ же направленіи сѣверныя границы пшенично-ржаной и ржано-пшеничной зонъ. У южной черты губерній Тамбовской, Курской, Черниговской и Волынской это движеніе останавливалось... Изъ эволюцій отдѣльныхъ областей особенно показательно то „странствіе“, которое отъ восьмидесятыхъ къ девятисотымъ годамъ произвела губернія Харьковская, перешедшая, послѣдовательными этапами, изъ состава ржано-пшеничной въ составъ пшенично-ячменной зоны...

Развитіе площади овсяной культуры, въ итогѣ по Европейской Россіи, было благоприятнѣе, тѣмъ эволюція ржаной. Это обстоятельство нашло себѣ выраженіе, между прочимъ, въ отмѣченномъ нами выше выдвиненіи овса на первое, по размѣрамъ посѣва, мѣсто, произошедшее въ девяностыхъ годахъ въ губерніяхъ Олонецкой и Лифляндской, въ девятисотыхъ — въ губерніи Курляндской... Что касается основнаго, по масштабу, факта въ эволюціи русскихъ посѣвныхъ площадей отъ восьмидесятыхъ къ девятисотымъ годамъ, — а именно факта мощнаго расширенія пшеничныхъ и ячменныхъ посѣвовъ, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что фактъ этотъ всецѣло опредѣлялся характеромъ эволюціи, какъ она протекала въ губерніяхъ восточныхъ, юго-восточныхъ и южныхъ. Именно эти губерніи были какъ бы на первомъ планѣ въ общей картинѣ русскаго сельско-хозяйственнаго развитія за разсматриваемый періодъ. Понять, что это значитъ, можно лишь, принявъ во вниманіе качественный характеръ сельско-хозяйственнаго уклада въ этихъ областяхъ, степень его интенсивности или экстенсивности. Предвосхищая будущій выводъ, мы можемъ отмѣтить, что преобладающее, въ данный періодъ, значеніе въ русскомъ сельско-хозяйственномъ развитіи губерній восточныхъ, юго-восточныхъ и южныхъ означало, что въ этотъ періодъ не только сохранялось въ полномъ объемѣ, но и росло въ значеніи экстенсивное начало русской сельско-хозяйственной жизни...

Софія — Константинополь, іюнь — ноябрь 1921 г.

Таблица первая („I-ая“).

ЭВОЛЮЦИЯ ПОСѢВНЫХЪ ПЛОЩАДЕЙ РЖИ, ПШЕНИЦЫ, ОВСА И ЯЧМЕНЯ, — ВЪ СОВОКУПНОСТИ, — ПО ГУБЕРНІЯМЪ ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССІИ ОТЪ ВОСЬМИДЕСЯТЫХЪ КЪ ДЕВЯНОСТАМЪ И ДЕВЯТИСОТЫМЪ ГОДАМЪ.

Губерніи	I.	II.	„А“.	III.	„В“.	„С“.
	Въ восьми-десятихъ годахъ (среднія за 1881 и 1887 г.)	Въ девяностыхъ годахъ (среднія за 1889 и 1899 г.)	Увеличеніе или уменьшеніе (въ % отъ восьмидесятыхъ къ девяностымъ годамъ)	Посѣв. площадь четырехъ хлѣбовъ (въ тыс. дес.) въ девятидесяти годахъ (среднія за 1901-10 г.)	Увеличеніе или уменьшеніе (въ % отъ девятидесятихъ къ девятидесятымъ годамъ)	Увеличеніе или уменьшеніе (въ % отъ восьмидесятыхъ къ девятидесятымъ годамъ)
Астраханская	229 ¹	295	+ 28,8 %	446	+ 51,2 %	+ 94,7 %
Екатеринославская	1.644 ²	2.343	+ 42,5 %	2.789	+ 19,0 %	+ 69,6 %
Самарская	2.379	2.432	+ 2,2 %	3.721	+ 53,0 %	+ 56,4 %
Донская	2.883 ^{1,3}	3.227	+ 11,9 %	4.475	+ 38,7 %	+ 55,2 %
Таврическая	1.589	2.126	+ 33,8 %	2.453	+ 15,4 %	+ 54,4 %
Херсонская	2.353	2.841	+ 20,7 %	3.379	+ 18,9 %	+ 43,6 %
Бессарабская	1.042	1.103	+ 5,8 %	1.460	+ 32,4 %	+ 40,1 %
Оренбургская	1.374	1.326	- 3,5 %	1.851	+ 39,6 %	+ 34,7 %
Могилевская	580	694	+ 19,7 %	755	+ 8,8 %	+ 30,2 %
Саратовская	1.899	1.887	- 0,6 %	2.378	+ 26,0 %	+ 25,2 %
Витебская	559	695	+ 24,3 %	700	+ 0,7 %	+ 25,2 %
Уфимская	1.234	1.271	+ 3,0 %	1.503	+ 18,3 %	+ 21,8 %
Вологодская	480	574	+ 19,6 %	581	+ 1,2 %	+ 21,0 %
Лифляндская	395 ¹	460	+ 16,5 %	478	+ 3,9 %	+ 21,0 %
Виленская	676	819	+ 21,1 %	814	- 0,6 %	+ 20,4 %
Минская	848	943	+ 11,2 %	1.001	+ 6,1 %	+ 18,0 %
Волынская	1.180	1.339	+ 13,5 %	1.392	+ 4,0 %	+ 18,0 %
Копенская	678	751	+ 10,7 %	794	+ 5,7 %	+ 17,1 %
Харьковская	1.572	1.608	+ 2,3 %	1.807	+ 12,4 %	+ 14,9 %
Подольская	1.200	1.249	+ 4,1 %	1.373	+ 9,9 %	+ 14,4 %
Псковская	475	527	+ 10,9 %	532	+ 1,0 %	+ 12,0 %
Пермская	1.785	1.665	- 6,7 %	1.984	+ 19,1 %	+ 11,1 %
Курляндская	343	348	+ 1,5 %	378	+ 8,6 %	+ 10,2 %

¹ Данные только за 1881 годъ .

² Изъ сопоставленія погубернскихъ данныхъ за 1881 г., приведенныхъ въ „Сводѣ статистическихъ свѣдѣній . . .“ съ поуѣздными данными за тотъ же годъ, заключающимися въ „Статистическомъ Временникѣ Россійской Имперіи“, серия III, выпускъ 4-ый, явствуетъ, что данная „Свода . . .“ относятся къ Екатеринославской губерніи съ Ростовскимъ уѣздомъ и къ Донской области безъ Ростовскаго уѣзда. Посѣвъ четырехъ хлѣбовъ составлялъ въ послѣднемъ въ 1881 году 119 тыс. дес. Для 1887 года (въ отношеніи котораго поуѣздныхъ данныхъ у насъ подъ рукой не имѣется) мы приняли его равнымъ посѣву 1881 г. и внесли соотвѣствующую поправку въ данную „Свода . . .“ какъ по Екатеринославской губерніи, такъ и по Донской области. Въ иномъ случаѣ, фактъ отдѣленія Ростовскаго уѣзда въ концѣ 80-ыхъ годовъ отъ Екатеринославской губерніи съ присоединеніемъ его къ Донской области создавалъ бы при сопоставленіи, по этимъ двумъ губерніямъ, данныхъ за восьмидесятихъ годовъ съ данными за послѣдующій періодъ еще большую неточность, чѣмъ допущенная при отождествленіи, по Ростовскому уѣзду, посѣва 1887 года съ такимъ же посѣвомъ 1881 года.

³ Съ Ростовскимъ уѣздомъ (см. предыдущее примѣчаніе). —

Губерніи	I.	II.	„А“.	III.	„В“.	„С“.
	Въ восьми-десяти годах (средня за 1881 и 1887 г.)	площадь четырех хлѣбовъ (въ тыс. десятинъ)	Въ девяти-стне годах (средня за 1893 и 1899 г.)	Увеличеніе или уменьшеніе (въ %) отъ восьмидесятихъ къ девяностымъ годамъ	Посѣв. площадь четырехъ хлѣбовъ (въ тыс. дес.) въ девятистне года (средня за 1901-10 г.)	Увеличеніе или уменьшеніе (въ %) отъ восьмидесятихъ къ девяностымъ годамъ
Казанская	1.486	1.420	— 1,1%	1.565	+ 10,2%	+ 9,0%
Полтавская	1.642	1.678	+ 2,2%	1.780	+ 6,1%	+ 8,4%
Гродненская	626	670	+ 7,0%	666	— 0,6%	+ 6,4%
Кіевская	1.250	1.173	— 6,2%	1.315	+ 12,1%	+ 5,2%
Пензенская	1.047 ¹	928	— 11,4%	1.083	+ 16,7%	+ 3,4%
Черниговская	950	978	+ 2,9%	978	—	+ 2,9%
Вятская	2.780	2.695	— 3,1%	2.819	+ 4,6%	+ 1,4%
Эстляндская	152	142	— 6,6%	154	+ 8,4%	+ 1,3%
Смоленская	731	724	— 1,0%	735	+ 1,5%	+ 0,5%
Воронежская	1.849	1.671	— 9,6%	1.855	+ 11,0%	+ 0,3%
Симбирская	1.160	1.085	— 6,5%	1.162	+ 7,1%	+ 0,2%
Олонейкая	124	122	— 1,6%	123	+ 0,8%	+ 0,8%
Тамбовская	1.787	1.600	— 9,5%	1.744	+ 9,0%	— 1,3%
Архангельская	57	58	+ 1,7%	55	— 5,1%	— 3,5%
Курская	1.549	1.462	— 5,6%	1.443	— 1,3%	— 6,8%
Костромская	821	768	— 6,4%	756	— 1,6%	— 7,9%
Орловская	1.328	1.222	— 8,0%	1.222	—	— 8,0%
С.-Петербургская	260	248	— 4,6%	239	— 3,6%	— 8,1%
Калужская	598	532	— 11,0%	542	+ 1,9%	— 9,4%
Тульская	1.147	996	— 13,2%	1.023	+ 2,7%	— 10,9%
Рязанская	1.115	1.019	— 8,6%	985	— 3,3%	— 11,7%
Новгородская	650	565	— 13,1%	574	+ 1,6%	— 11,7%
Ярославская	449	426	— 5,1%	391	— 8,2%	— 12,9%
Нижегородская	995	791	— 20,5%	853	+ 7,8%	— 14,3%
Тверская	817	745	— 8,8%	690	— 7,4%	— 15,5%
Владимирская	740	651	— 12,0%	625	— 4,0%	— 15,5%
Московская	455	385	— 15,4%	357	— 7,3%	— 21,5%
По 50 губерніямъ Европейской Россіи	53.892	55.277	+ 2,6%	62.779	+ 13,6%	+ 16,5%

¹ Данныя только за 1881 годъ.

III. Губернн съ расштре-
немъ посвной площади
по двумъ культурамъ.

Астраханская	88	90	+ 2,3	126	195	+ 54,8	10	8	- 20,0	5	2	- 60,0	+ 28,8
Донская	715	701	+ 2,0	1.519	1.792	+ 18,0	229	187	- 18,8	301	547	+ 81,7	+ 11,9
Подольская	296	308	+ 4,1	464	464	-	289	289	-	151	188	+ 24,5	+ 4,1
Уфимская	686	708	+ 2,5	176	168	- 4,5	331	375	+ 13,8	41	25	- 39,0	+ 3,0
Самарская	871	820	+ 5,9	1.158	1.291	+ 11,5	305	264	- 13,4	45	57	+ 26,7	+ 2,2
Полтавская	698	591	- 15,3	444	591	+ 33,1	204	215	+ 5,4	296	281	+ 5,0	+ 2,2
Архангельская	19	18	- 5,3	1	-	- 100,0	5	7	+ 40,0	32	33	+ 3,1	+ 1,7
Курляндская	137	128	- 6,6	20	26	+ 30,0	93	118	+ 26,9	93	76	- 18,3	+ 1,5
Олонская	56	49	- 10,9	-	305	- 19,1	52	55	+ 5,8	17	18	+ 5,9	+ 1,6
Киевская	445	407	- 8,5	377	305	- 19,1	297	315	+ 6,1	131	146	+ 11,5	+ 6,2
Воронежская	940	753	- 19,9	385	433	+ 12,5	391	301	-	183	184	+ 38,3	- 9,6

IV. Губернн съ расштре- немъ посвной площади по одной культурѣ.	1.030	897	- 12,9	421	618	+ 46,8	412	348	- 15,5	36	24	- 33,3	+ 0,6
Саратовская	909	887	- 2,4	51	40	- 21,6	406	449	+ 10,6	70	44	- 37,1	+ 1,1
Казанская	152	107	- 29,6	775	802	+ 3,5	387	365	- 5,7	60	52	- 13,3	+ 3,5
Оренбургская	129	130	+ 7,0	1	1	-	102	96	- 5,9	28	31	+ 10,7	+ 4,6
С.-Петербургская	870	805	- 7,5	132	112	- 15,1	518	503	- 2,9	29	42	+ 44,8	+ 5,6
Курская	71	60	- 15,5	2	3	+ 50,0	37	37	-	42	42	-	+ 6,6
Эстляндская	644	628	- 2,5	295	300	+ 1,7	671	576	- 14,2	175	161	- 8,0	+ 6,7
Пермская	686	631	- 8,0	4	7	+ 75,0	357	290	- 18,8	-	-	-	+ 11,4

V. Губернн, не дающн расштрени посва ни по одной культурѣ.	1.439	1.439	-	45	35	- 22,2	1.072	1.037	- 3,3	224	184	- 17,8	+ 3,1
Вятская	245	239	- 2,5	9	8	- 11,1	176	165	- 6,2	19	14	- 26,3	+ 5,1
Ярославская	430	412	- 4,2	31	27	- 12,9	278	250	- 10,1	82	79	- 3,7	+ 6,4
Костромская	710	659	- 7,2	89	78	- 12,4	355	345	- 2,8	6	3	- 50,0	+ 6,5
Самбирская	762	708	- 7,1	46	41	- 10,9	510	464	- 9,0	10	9	- 10,0	+ 8,0
Орловская	668	630	- 5,7	8	4	- 50,0	438	385	- 12,1	1	1	- 100,0	+ 8,6
Рязанская	437	417	- 4,6	3	1	- 66,7	315	277	- 12,1	62	50	- 19,3	+ 8,8
Тверская	1.122	1.035	- 7,8	43	32	- 25,6	598	532	- 11,0	4	1	- 75,0	+ 9,5
Тамбовская	958	321	- 10,3	2	1	- 50,0	186	159	- 14,5	52	51	- 1,9	- 11,0
Калужская	467	419	- 10,3	16	14	- 12,5	238	203	- 14,7	19	15	- 21,1	+ 12,0
Владимирская	323	280	- 13,3	4	3	- 25,0	297	268	- 13,1	26	24	- 7,7	+ 13,1
Новгородская	626	558	- 10,8	12	10	- 16,6	505	425	- 15,8	4	3	- 25,0	+ 13,2
Тульская	267	234	- 12,3	12	10	-	167	135	- 19,1	21	16	- 23,8	+ 15,4
Московская	607	494	- 18,6	61	61	-	304	225	- 26,0	23	11	- 52,2	+ 20,5
Нижегородская	24.682	23.219	- 5,9	10.962	13.053	+ 19,1	13.302	12.825	- 3,6	4.946	6.173	+ 24,8	+ 2,6
Итого по 50 губ. Европейской Россн													

ЭВОЛЮЦИЯ ПОСЕВНОЙ ПЛОЩАДИ РЖИ, ПШЕНИЦЫ, ОВСА И ЯЧМЕНИ, — КАЖДАГО ХЛѢБА ВЪ ОТДѢЛЬНОСТИ, — ОТЪ ВОСЬМИДЕСЯТЫХЪ КЪ ДВЯТИСОТЫМЪ ГОДАМЪ.

Губерніи	рожь (озимая и яровая)				пшеница (озимая и яровая)				ячмень				и сѣ (см. таблицу "Д" на стр. 107)
	Площадь посева въ восьмидесятихъ год. (средн. за 1881 и 1887 г.) (въ тыс. дес.)	Уменьшение или увеличение (въ %/о)	Площадь посева въ девятидесятыхъ год. (средн. за 1891 и 1897 г.) (въ тыс. дес.)	Уменьшение или увеличение (въ %/о)	Площадь посева въ девятидесятыхъ год. (средн. за 1891 и 1897 г.) (въ тыс. дес.)	Уменьшение или увеличение (въ %/о)	Площадь посева въ девятидесятыхъ год. (средн. за 1891 и 1897 г.) (въ тыс. дес.)	Уменьшение или увеличение (въ %/о)	Площадь посева въ девятидесятыхъ год. (средн. за 1891 и 1897 г.) (въ тыс. дес.)	Уменьшение или увеличение (въ %/о)			
Самарская	871	+ 15,1	1.158	+ 97,8	305	332	8,9	45	96	118,3	+ 56,4		
Донская	715	+ 23,3	1.519	+ 55,4	229	255	11,4	301	977	224,5	+ 55,2		
Могилевская	370	+ 29,6	11	+ 18,2	141	195	38,3	58	67	15,5	+ 30,2		
Витебская	314	+ 22,0	7	+ 28,6	135	191	41,5	103	117	13,6	+ 24,3		
Лифляндская	148	+ 6,7	8	+ 50,0	118	169	43,2	121	139	14,9	+ 21,0		
Виленская	407	+ 19,9	16	+ 12,5	179	217	21,2	74	91	23,0	+ 20,4		
Минская	528	+ 6,6	33	+ 3,0	201	263	30,8	86	98	13,9	+ 18,0		
Волынская	570	+ 4,0	170	+ 47,6	319	394	23,5	121	154	27,2	+ 18,0		
Псковская	285	+ 9,8	3	+ 100,0	130	145	11,5	57	68	19,3	+ 12,0		
Пензенская	686	+ 0,3	4	+ 200,0	357	382	7,0	—	1	—	+ 3,4		
II. Губерніи съ расширеніемъ посеваемой площади по тремъ культурамъ.													
Астраханская	88	+ 62,5	126	+ 127,8	10	8	20,0	5	8	60,0	+ 94,7		
Екатеринославская	469	+ 51,8	838	+ 86,7	94	97	3,2	362	901	148,9	+ 69,6		
Таврическая	307	+ 10,7	867	+ 49,8	84	123	46,4	331	757	128,7	+ 58,2		
Херсонская	607	+ 16,1	1.126	+ 65,1	144	156	8,3	476	865	79,6	+ 43,6		
Вессарабская	124	+ 58,0	575	+ 27,0	67	67	—	276	467	69,2	+ 40,1		
Уфимская	686	+ 17,8	176	+ 36,4	331	451	36,2	41	4	90,2	+ 21,8		
Вологодская	227	+ 10,6	23	+ 17,4	166	230	38,6	64	81	26,6	+ 21,0		
Ковенская	330	+ 17,9	57	+ 62,9	167	214	28,1	146	134	8,2	+ 17,1		
Харьковская	595	+ 28,9	484	+ 41,3	205	208	1,5	288	492	70,8	+ 14,9		
Подольская	296	+ 9,8	464	+ 18,1	289	285	—	151	215	42,4	+ 14,4		
Гродненская	378	+ 5,6	33	+ 12,1	168	188	11,9	47	50	6,4	+ 6,4		
Черниговская	705	+ 4,7	9	+ 44,4	205	248	21,0	31	45	45,2	+ 2,9		
Эстляндская	71	+ 11,3	2	+ 100,0	37	42	13,5	42	45	7,1	+ 1,3		

III. Губернии съ расширениемъ посѣвной площади по двумъ культурамъ.													
Оренбургская	152	77	- 49,3	775	1.247	+ 60,9	387	488	+ 20,9	60	59	- 1,6	+ 34,7
Саратовская	1.030	1.031	+ 0,1	421	909	+ 115,9	412	405	- 1,7	36	33	- 3,3	+ 25,2
Пермская	644	579	- 10,1	295	507	+ 71,9	671	763	+ 19,2	175	145	- 17,1	+ 11,1
Кузнецкая	137	132	- 3,7	20	29	+ 45,0	93	143	+ 53,8	93	74	- 20,4	+ 10,2
Казанская	909	916	+ 0,8	51	44	- 13,7	406	563	+ 38,7	70	42	- 40,0	+ 8,4
Полтавская	698	550	- 21,2	444	681	+ 53,4	204	262	+ 28,4	296	287	- 9,0	+ 8,4
Клевская	445	437	- 1,8	377	357	- 5,3	297	351	+ 18,2	131	170	+ 29,8	+ 5,2
Вятская	1.439	1.461	+ 1,5	45	38	- 15,5	1.072	1.127	+ 5,1	224	193	- 32,8	+ 1,4
Смоленская	416	436	+ 4,8	4	4	-	244	250	+ 2,4	67	45	- 22,8	+ 0,5
Воронежская	940	788	- 16,2	385	509	+ 32,2	391	314	- 19,7	133	244	+ 88,4	+ 0,3
Самбирская	710	691	- 2,7	89	99	+ 11,2	355	368	+ 3,6	6	4	- 38,3	+ 0,2
IV. Губернии съ расширениемъ посѣвной площади по одной культурѣ.													
Олонская	55	53	- 3,6	-	-	-	52	54	+ 3,9	17	16	- 5,9	- 0,8
Тамбовская	1.122	1.080	- 3,7	43	28	- 34,9	598	635	+ 6,2	4	1	- 75,0	+ 1,3
Архангельская	19	17	- 10,5	1	1	- 100,0	5	5	-	32	33	+ 3,1	+ 3,5
Курская	370	786	+ 9,7	132	131	- 0,7	518	485	- 6,4	29	41	+ 41,4	+ 6,8
Новгородская	323	282	- 12,7	4	2	- 50,0	297	262	- 11,8	26	28	+ 7,7	+ 11,7
Нижегородская	607	526	- 13,3	61	77	+ 26,2	304	240	- 21,1	23	10	- 56,5	- 14,3
V. Губернии, не дающія расширения посѣвы ни по одной культурѣ.													
Костромская	430	408	- 5,1	31	20	- 35,5	278	261	- 6,1	82	67	- 18,3	- 7,9
Орловская	762	718	- 5,8	46	33	- 28,3	510	465	- 8,8	10	8	- 20,0	- 8,0
С. Петербургская	129	118	- 8,5	1	1	-	102	92	- 9,8	28	28	-	+ 8,1
Калужская	358	330	- 7,8	2	2	- 100,0	186	164	- 11,8	52	48	- 7,7	+ 9,4
Тульская	626	568	- 9,3	12	9	- 25,0	505	444	- 12,1	4	2	- 50,0	- 10,9
Рязанская	668	605	- 9,4	8	4	- 50,0	438	376	- 14,1	1	1	- 100,0	- 11,7
Ярославская	245	221	- 9,8	9	6	- 33,3	176	164	- 12,5	19	10	- 47,4	- 12,9
Владимирская	467	403	- 13,7	16	10	- 37,5	238	203	- 14,7	19	9	- 52,6	- 15,5
Тверская	437	400	- 8,5	3	-	-	315	246	- 21,9	62	44	- 29,0	- 15,5
Московская	367	220	- 17,6	-	-	-	167	128	- 23,3	21	9	- 57,1	- 21,5
Итого по 50 губ.	24.682	24.105	- 2,3	10.962	17.091	+ 55,9	13.302	14.075	+ 5,8	4.946	7.516	+ 52,0	+ 16,5
Европейской Россіи ¹													

¹ Въ отношеніи къ десятилітію 1901—10 года мы взяли итоги „Сборника статистико-экономическихъ свѣдѣній...“, настолько отличающіеся отъ нашихъ, благодаря принятому нами округленію поубернскихъ данныхъ до тысячи десятинъ; однако же, ни въ одномъ изъ восьми итоговъ отклоненіе это не превышаетъ 5 тысячъ десятинъ.

Замѣтки о плюрализмѣ

Петра Струве

І. Книга Валя объ англо-американскомъ плюрализмѣ¹

Книга чрезвычайно содержательная, можетъ быть, даже слишкомъ содержательная, туго набитая мыслями, именами и заглавіями.

Авторъ излагаетъ и разбираетъ англо-американскія „плюралистическія философіи“, въ центрѣ которыхъ стоятъ идеи Уильяма Джэмса. Выше книга написана, можетъ быть, слишкомъ разбросанно, и рассмотрѣніе философскихъ идей и идейныхъ мотивовъ въ ней слишкомъ переплетено съ перечисленіемъ философовъ и философскихъ произведеній. Но нельзя не отдать справедливости автору въ томъ, что онъ овладѣлъ огромнымъ литературнымъ матеріаломъ и сумѣлъ написать неопытнымъ философскій Вэдкеръ по лабиринтамъ новѣйшаго англо-американскаго умозрѣнія. По идейной и исторической связи Валь однако не довольствуется этимъ. Онъ характеризуетъ и тотъ „международный фонъ“ на которомъ вырисовываются англо-американскія философіи. Этой задачѣ служатъ книги І и ІІ. Первая книга посвящена „монизму въ Англии и Америкѣ“. Тутъ дается характеристика новѣйшаго англійскаго монизма (Брэдди) и реакціи противъ него, подходящей и подводящей къ плюрализму; рассматривается монизмъ Джэмса-отца, идеи Чаннинга, Эмерсона, Уота Уитмана, Ройса и въ нихъ вскрываются „внушенія доктринъ, которыя позже естественно войдутъ въ составъ плюрализма“ (стр. 31). Весьма интересно изображеніе вліянія нѣмецкихъ философовъ на „образованіе плюрализма“ — такъ озаглавлена книга ІІ (стр. 37—100). Въ центрѣ нѣмецкихъ вліяній стоятъ Фехнеръ и, въ особенности, Лотце (который, кстати сказать, черезъ своего ученика Тейхмюллера, профессора Дерптскаго университета, вліялъ непосредственно на русскую философію). Затѣмъ маленькая глава ІІ отмѣчаетъ польскія вліянія (Вартенбергъ и Лютославскій). Въ центрѣ французскихъ вліяній (глава ІІІ, стр. 54—75) стоитъ величайшій французскій метафизикъ XIX вѣка Ренувье, о которомъ Джэмсъ, бывшій личнымъ другомъ Ренувье и сотрудникомъ его „Critique philosophique“, писалъ: „онъ былъ однимъ изъ величайшихъ философскихъ умовъ, и безъ рѣшающаго впечатлѣнія, которое произвела на меня въ 70-хъ гг. его мастерская защита плюрализма, я никогда не могъ бы освободиться отъ той власти монистическаго предрасудка,

¹ Jean Wahl. Les philosophies pluralistes d'Angleterre et d'Amerique. Thèse pour le doctorat ès lettres présentée à la Faculté des Lettres de l'Université de Paris. Paris 1920 (Librairie Félix Alcan; есть изданіе и не въ формѣ диссертациі) Стр. 323.

подъ которой я жилъ до тѣхъ поръ“.¹ На Ренувье, въ свою очередь, изъ французовъ вліяли въ духъ плюрализма Фурье, Прудонъ и Луи Менаръ, химикъ, философъ и поэтъ, борець за политеизмъ противъ пантеизма, утверждавшій, что „религіозныя формы всегда соотвѣтствуютъ социальнымъ формамъ“. Глава IV (стр. 76—83) характеризуетъ „вліянія англійскія и американскія“: возвратъ къ Беркли и Юму, вліяніе логики и эмпиризма Милля, „индивидуализмъ и эмпиризмъ у богослововъ“, спиритизмъ, „панпсихизмъ“ и „тихизмъ“ американцевъ, среди которыхъ на развитіе мысли Джэмса наиболѣе могущественное вліяніе оказалъ Пирсъ. Кстати сказать, если бы Валь брать не имена и книги, а разсматривалъ мысли и ихъ сочетанія, онъ, можетъ быть, остановился и на идеяхъ Курно, въ центрѣ которыхъ такъ же какъ у Пирса, но въ другомъ смыслѣ стоитъ проблема „случая“, т. е. проблема индетерминизма.

Подводя итоги разнообразнымъ вліяніямъ, приводившимъ къ „плюрализму“, авторъ заключаетъ, что въ этихъ тенденціяхъ „мы всегда чувствуемъ одно и то же устремленіе къ эмпирической точности, одну и ту же любовь къ свободѣ, потребность въ разнообразіи, остающуюся, можно сказать, равной себѣ, сколь бы ни были глубоко національны или глубоко личны нѣкоторыя доктрины, въ которыхъ она выражается.“

Глава V второй книги (стр. 84—89) пытается обрисовать философію течения, характеризуемая авторомъ, какъ носящая черты національной философіи и національнаго духа англичанъ и американцевъ. Номинализмъ, эмпиризмъ, потребность въ свободѣ, практицизмъ, индивидуализмъ, терпимость, религіозная потребность, тяга къ мистицизму, духъ приключеній, — таковы разнообразные идейные и душевные мотивы, нужно сказать, весьма причудливо переплетающіеся въ англо-американской философіи новѣйшаго времени.

Глава VI (последняя) той же книги (стр. 90—100) изслѣдуетъ проблему соотношенія между „прагматизмомъ“, „плюрализмомъ“ и „реализмомъ“. Въ центрѣ всей новѣйшей англо-американской философіи стоитъ проблема „Единого“ и „Множественнаго“. Съ другой стороны, между „плюрализмомъ“ и „прагматизмомъ“ существуетъ извѣстное родство и взаимное притяженіе. „Плюрализмъ основывается на прагматической теоріи познанія, найденъ благодаря прагматическому методу и, можно сказать, переживается въ опытѣ благодаря прагматическому темпераменту. И съ другой стороны прагматизмъ можно разсматривать, какъ нѣкое слѣдствіе обширной плюралистической метафизики; разъ мѣръ образуется изъ множественныхъ существъ, развивающихся во времени, истина предстаетъ намъ какъ частичная, временная, дѣйственная“ (стр. 96).

Центральное мѣсто, какъ уже сказано, въ трудѣ Валь занимаетъ философія Уильяма Джэмса, изложенію и характеристикѣ которой посвящена вся книга III (стр. 100—176). Весьма тонко и мѣтко Валь указываетъ какъ, порвавъ съ монизмомъ и Гегелемъ, Джэмсъ, въ концѣ концовъ, въ силу своего „радикальнаго эмпиризма“, „плюрализма“ и „темпорализма“, приходитъ къ пониманію міра, близкому къ Гегелевской диалектикѣ, и какъ изъ плюрализма Джэмса рождается нѣкій „новый монизмъ“.

Книга IV озаглавлена „отъ персональнаго идеализма къ неореализму“. Глава I этой книги посвящена „оксфордской школѣ и Шиллеру“. Ученикъ

¹ Эти слова входятъ въ текстъ и составляютъ эпитафію посмертнаго „Введенія въ философію“ Джэмса.

Лотце, Шиллеръ критикуеть его монизмъ и всѣмъ монистическимъ и абсолютистическимъ теоріямъ противопоставляеть свой воинствующій плюрализмъ. „Тогда какъ для абсолютиста всякая истина есть абсолютное единство и связность и кромѣ того образуетъ вмѣстѣ съ другими истинами нѣкое большое и связанное цѣлое, для плюралиста истина есть прежде всего конкретная, индивидуальная и она все болѣе и болѣе вырисовывается и уточняется въ опытъ, теряя даже прямо въ своей двойной связности“ (стр. 186). Но несмотря на это у Шиллера такъ же какъ у Джэмса, обнаруживаются монистическія тенденціи: монизмъ, говоритъ Шиллеръ, есть въ одно и то же время и условіе и цѣль плюрализма (стр. 189).

Въ главѣ II (стр. 195—209) разсматриваются нѣкоторые американскіе философы и философствующіе богословы, съ точки зрѣнія ихъ отношенія къ проблемѣ плюрализма. Глава III (стр. 210—213) бѣгло очерчиваетъ нѣкоторыя логическія теоріи, которыя болѣе или менѣе опираются на плюралистическую метафизику.

Весьма интересна глава IV (стр. 214—234). Въ ней излагаются сперва теоріи неореализма Кэмбриджской школы, моралиста Мура (Moore) и математика В. Ресселя (Russell), того самаго, который далъ, съ радикально-соціалистической точки зрѣнія, такую блестящую и уничтожающую характеристику большевистскаго владычества. Рессель — плюралистъ: его доктрина есть логическій и физическій атомизмъ, сочетающійся съ логическимъ реализмомъ, утверждающимъ бытіе общихъ понятій. Универсалии суть, по ученію Ресселя, не наши мысли, а предметы нашихъ мыслей (стр. 221). Вслѣдъ за этимъ въ той же главѣ разсматривается американскій нео-реализмъ Перри, Марвина и др. Метафизически-этическія тенденціи этого реализма, быть можетъ, всего лучше характеризуются слѣдующими словами Перри: „Реализмъ признаеть существованіе вещей, которыя суть абсолютно не духовны, вещей, которыя лишь случайно духовны, и вещей, которыя, хотя и относятся къ области духа, но противоборствуютъ его потребностямъ и его стремленіямъ. Вселенная, или вся совокупность бытія содержитъ въ себѣ вещи хорошія, вещи дурныя и вещи безразличныя.“ „И каждая изъ противоположностей, какъ зло такъ и добро, могутъ быть опредѣлены сами въ себѣ, одно отдѣльно отъ другого. И отъ насъ зависитъ, чтобы восторжествовала одна изъ двухъ противоположностей“ (стр. 231). Конечная онтологическая мысль этого направленія превосходно формулируется Марвиномъ: „Всякая отдѣльная вещь и всякое отдѣльное событіе есть само по себѣ нѣкое конечное логическое данное, нѣкій первичный терминъ“ (стр. 231—232).

Въ главѣ V (стр. 235—238) кратко разсматриваются „прагматическій реализмъ“ и „критическій реализмъ“ нѣкоторыхъ американскихъ философовъ. И тотъ и другой упираются въ нѣкую „плюралистическую метафизику.“

Въ заключеніи (стр. 239—271) авторъ формулируетъ мысли, къ которымъ приводитъ разборъ изученныхъ имъ философскихъ произведеній. „Плюрализмъ не есть система, созданная какимъ нибудь однимъ философомъ и развитая другимъ. Это „демократическая“ философія, которую строятъ значительное число философовъ, работающихъ надъ одной и той же задачей.“ „Плюрализмъ всего чаще является метафизикой прагматизма: но прагматисты не могутъ притязать на монопольное обладаніе этой метафизикой. Всего чаще плюрализмъ сочетается съ реалистическимъ движеніемъ, весьма сильнымъ въ Со-

единенных Штатах, но реалисты тоже не могут предъявлять исключительных притязаний на плюрализм" (239). „Плюрализм въ общемъ рождается изъ склонности видѣть мѣръ въ его текучести и въ его многообразіи, вещи въ ихъ неупорядоченной борьбѣ и въ ихъ свободной гармоніи. Этому плюралистическому темпераменту соотвѣтствуетъ извѣстная философія. Въ общей формѣ можно сказать, что плюрализмъ есть философія, которая особенно настаиваетъ на многообразіи началъ, въ противоположность монизму, и на подвижности вещей, въ противоположность „монадизму“. Онъ утверждаетъ многообразіе и временность вещей и утверждаетъ также, что оба эти признака взаимно обуславливаютъ одинъ другой, не предрѣшая, впрочемъ, того, что они всегда останутся дѣйствительными, не посягая насильственно на единство, къ которому мѣръ, можетъ быть, стремится и которое даже въ настоящій моментъ, можетъ быть, присутствуетъ въ его многообразіи“. Но какъ бы то ни было, плюрализмъ есть „утвержденіе несводимости (irreductibility) извѣстныхъ идей и извѣстныхъ вещей“. „Плюрализмъ есть теорія о раздѣльныхъ сущностяхъ. Согласно концепціи монистовъ, говорить Перри, отношеніе частей къ цѣлому и цѣлаго къ частямъ существенно; для плюрализма это отношеніе случайно“.

Плюрализмъ связанъ съ эмпиризмомъ. Онъ есть радикальный эмпиризмъ. Но эта новая форма эмпиризма глубоко отличается отъ прежней, ибо плюрализмъ настаиваетъ на непрерывности и цѣлостности опыта. „Эмпиризмъ Юма былъ доктриной разложенія (décomposition); эмпиризмъ Джэмса настаиваетъ на конкретной непрерывности. Старый эмпиризмъ любилъ сводить качество къ количеству; новый эмпиризмъ подчеркиваетъ то, что въ качествахъ есть отличительнаго и несводимаго“. Этотъ эмпиризмъ легко сочетается съ волонтаристическимъ романтизмомъ, которому присущъ извѣстный мистическій элементъ

Въ плюрализмѣ, на мой взглядъ, двѣ стороны, два аспекта являются самыми интересными и наиболѣе движущими впередъ мысль. Это:

1) отношеніе плюрализма къ проблемѣ номинализма и реализма и 2) его отношеніе къ проблемѣ свободы (творенія), или новизны.

II. Плюрализмъ въ его отношеніи къ проблемѣ номинализма и реализма.

Плюрализмъ въ новой формѣ ставитъ старую проблему номинализма и реализма, подводя подъ номинализмъ онтологическій фундаментъ, котораго ему прежде недоставало. Для отдѣльныхъ наукъ, или, другими словами, для научнаго опыта эта новая постановка проблемы имѣетъ огромное значеніе. Современная теоретическая физика „плюралистична“ и, какъ таковая, она возрождаетъ идею „реальнаго“ атома. Я пытался — и считаю это самымъ важнымъ въ своей работѣ, какъ теоретика-экономиста — поставить политическую экономію на „плюралистическую“ основу, замѣнивъ монизмъ цѣнности плюрализмомъ цѣнъ и вернуть такимъ образомъ сознательно и чисто-теоретически, а не социальнo-политически экономическую науку къ извѣстному реальному социологическому „атомизму“, или „сингуляризму“. Этотъ мой экономическій номинализмъ (атомизмъ, сингуляризмъ) сформировался совершенно внѣ всякихъ вліяній метафизическаго плюрализма, изъ размышленій надъ проблемами спеціальной науки, политической экономіи, и когда эти размышленія привели меня къ опредѣленнымъ

результатамъ, лишь тогда я ихъ пытался для себя осознать и оформить чисто логически¹.

Въ книгѣ Валя отношеніе плюрализма къ проблемѣ номинализма и реализма, конечно, затрагивается въ разныхъ мѣстахъ, но исключительно въ порядкѣ изложенія мыслей изучаемыхъ авторомъ. Валь повидимому не сознаетъ ни значенія самой проблемы для отдѣльныхъ наукъ, ни значенія достигеній послѣднихъ для выясненія этой логической и онтологической проблемы.

Постановка проблемы общихъ понятій, или отношенія „концептовъ“ къ „перцепціямъ“, по терминологіи Джэмса, въ отдѣльныхъ наукахъ не исходитъ, правда, изъ какихъ нибудь предвзятыхъ метафизическихъ и логическихъ идей. Она всецѣло рождается въ сферѣ эмпирическаго разсмотрѣнія такъ или иначе данной дѣйствительности. Поэтому, напримѣръ, отстаивая извѣстнаго рода номинализмъ (атомизмъ, сингуляризмъ) въ политической экономіи, я отнюдь не исключаю эмпирическаго признанія и использованія извѣстныхъ „универсалій“ въ экономической наукѣ и социологіи вообще. Но, какъ я уже указалъ въ „Введеніи“ къ книгѣ „Хозяйство и Цѣна“, законная мѣра реализма, или универсализма въ общественной наукѣ должна быть каждый разъ критически установлена. И я полагаю, что если нужна какая нибудь метафизическая исходная точка для отдѣльныхъ наукъ, то таковой долженъ быть плюрализмъ, который въ области теоріи познанія и логики можетъ рождать извѣстный номинализмъ. Впрочемъ, какъ показываетъ примѣръ Ресселя, плюрализмъ можетъ сочетаться съ реализмомъ въ смыслѣ противоположенія не только идеализму или спиритуализму, но и номинализму. Валь точку зрѣнія Ресселя на этотъ предметъ формулируетъ такъ: „Мы знаемъ отношенія между вещами и эти отношенія существуютъ не такъ, какъ существуютъ вещи; мы знаемъ универсаліи“ (стр. 220), и какъ говоритъ самъ Рессель: „Мы должны приурочивать отношенія къ міру, который не является ни духовнымъ ни физическимъ“. Тутъ плюрализмъ Ресселя сближается съ Gegenstandslehre Мейнонга, какъ извѣстно, тоже утверждающаго реальность универсалій. Въ этомъ обнаруживается, быть можетъ, относительность, съ метафизической точки зрѣнія, логическаго противоположенія „концептовъ“ и „перцепцій“: „атомами“ и „сущностями“ (entités) могутъ быть и тѣ, и другія. А съ другой стороны, въ этомъ же сказывается радикальное многообразіе, плюралистичность міра, который со-

¹ Впервые въ русской статьѣ „О нѣкоторыхъ основныхъ философскихъ мотивахъ въ развитіи экономическаго мышленія“ въ „Извѣстіяхъ СІВ. Политехническаго Института“ за 1908 г. и затѣмъ въ нѣмецкой статьѣ на ту же тему въ международномъ философскомъ журналѣ „Logos“ Band I (1910/1911) Heft 3 (та же статья въ русскомъ „Логосѣ“ за 1911 г., книга первая). Мысли этихъ статей развиты, съ нѣкоторыми дополненіями, въ „Введеніи“ къ книгѣ „Хозяйство и цѣна“ и послужили какъ бы логическими вѣхами той системы политической экономіи, которую я, въ формѣ критическихъ изслѣдованій, далъ въ этой книгѣ, подготовляемой мною теперь къ новому изданію, долженствующему выйти какъ на русскомъ, такъ и на нѣмецкомъ языкѣ.

Антиподомъ моего „сингуляризма“ въ политической экономіи является „универсализмъ“ Отмара Шпанна, автора книгъ „Der wahre Staat“ (Lpg. 1921), „Fundament der Volkswirtschaftslehre“ (2-te Aufl. Jena 1921) и другихъ. Но тогда какъ мой сингуляризмъ есть послѣдовательный и крайній эмпиризмъ, универсализмъ Шпанна есть откровенная, совершенно неприкрытая метафизика (и политика). Чрезвычайно любопытно слѣдить, какъ этотъ универсализмъ, полемизируя съ рационализмомъ, самъ въ сущности развертывается въ грандіозный сверхъ-рационализмъ.

стоять изъ „универсальных“ и „партикулярных“ „сущностей“. Но каково бы ни было метафизическое рѣшеніе вопроса, — для отдѣльныхъ наукъ, для эмпирическаго знанія „универсали“ всегда подозрительны: они должны всегда нарочито оправдать, или легитимировать себя.

III. Плюрализмъ и проблема „новизны“

Вторымъ интереснымъ и плодотворнымъ аспектомъ плюрализма является его связь съ проблемой „индетерминизма“, „свободы“ или, какъ выражается въ своемъ посмертномъ трудѣ Джэмсъ, „новизны“ (= „творенія“)¹. Идея творенія или новизны естественно сочетается съ идеей множественности бытія.

Есть два способа созерцать и понимать всякое бываніе, и становленіе. Одинъ способъ требуетъ и ищетъ всецѣлаго и послѣдовательнаго свѣдѣнія однихъ бываній и событій къ другимъ. Это пониманіе работаетъ съ понятіями 1) сплошной причинности; 2) безконечнаго и непрерывнаго регресса (или прогресса) въ цѣпи причинно связанныхъ бываній. Эти быванія выводятся безъ остатка одни изъ другихъ. Начало причинности тутъ сознательно или бессознательно сливается съ двудеинымъ началомъ 1) тождества и 2) непрерывности всего бытія. Я характеризую эти принципы какъ двудеиное начало, ибо непрерывность есть не что иное какъ истолкованіе непосредственно воспринимаемыхъ измѣненій при помощи всецѣлаго отождествленія бываній съ преждебываніями. Такое всецѣлое отождествленіе „снимаетъ“ всякую „новизну“.

Другой способъ созерцанія и пониманія есть допущеніе „новизнъ“, или новыхъ бываній, не возникающихъ изъ преждебываній, къ нимъ не сводимыхъ, а независимо отъ нихъ рождающихся. Плюрализмъ тутъ утверждается не только въ пространствѣ, но и во времени; это плюрализмъ не только бытійный, или онтологическій, но и становленія, или историческій. Міръ не только множественъ по своему фактическому составу, какъ-то и когда-то данному или созданному, но и творится вновь въ разныхъ пунктахъ пространства и въ разные моменты времени. Міръ не просто текутъ — онъ полонъ самозарожденій и „новизнъ“.

¹ *Some Problems of Philosophy*, New-York 1911. Въ моихъ рукахъ французскій переводъ подъ заглавіемъ: *Introduction à la philosophie. Essai sur quelques problèmes de métaphysique. Traduit par Roger Picard. Paris 1914 (Marcel Rivière et Cie)*. Джэмсъ ставилъ проблему такъ: „Въ вопросѣ о реальности или ирреальности новизны, повидимому, сосредоточивается прагматическое различіе между монизмомъ и иморализмомъ. Ученіе о свободѣ воли устанавливаетъ, что мы сами можемъ быть виновниками (творцами) подлинной новизны, и это означаетъ, что, съ точки зрѣнія міра, сей-асъ даннаго, то, что произойдетъ въ будущемъ, можетъ быть разсматриваемо какъ самоочинное (contingent). И это приводитъ насъ къ постановкѣ вопроса: какимъ способомъ осуществляется новый фактъ. Есть ли онъ заключительное звено ряда фактовъ, ранѣе данныхъ, или, наоборотъ, онъ, какъ и событія предшествующія, есть событіе самоочинное. Или, если угодно, это сводится къ вопросу, въ точномъ смыслѣ слова ставимому такъ: есть ли это событіе оригинальное?.. Мы признали, что реальность есть нѣкое данное (datum), которое философы обязаны постулировать; но мы до сихъ поръ оставляли открытымъ вопросомъ, должны ли они (философы) постулировать эту данность всю разомъ, или, наоборотъ, отдѣльными кусками или какъ бы взносами. Это послѣднее мнѣніе болѣе соответствуетъ ученію эмпиризма, и его я буду поддерживать въ послѣдующихъ главахъ“ (стр. 176—177 франц. перевода; далѣе слѣдуютъ главы IX—XIII, посвященныя разнымъ аспектамъ проблемы новизны (стр. 179—271).

Трудности такого радикального плюралистического міросозерцанія чрезвычайно велики. Оно должно распространиться съ иллюзіей слошного объясненія міра изъ непрерывно измѣняющихся и потому въ существѣ тождественныхъ въ себѣ бываній. Но, съ другой стороны, это міросозерцаніе разлагаетъ и преобразуетъ отвлеченный неподвижный міръ единожды данныхъ бытій и бываній въ рядъ подлинныхъ конкретныхъ становленій и тѣмъ приближается, по крайней мѣрѣ въ отношеніи человѣческаго и историческаго міра, къ непосредственно воспринимаемому и ощущаемому нами творческому и въ то же время пластическому характеру его. Исторія — какъ ее ощущаетъ и понимаетъ большинство живыхъ людей, а не „сѣрая“ позитивистическая наука, строящая исторію по типу классическаго естествознанія — становится, рядомъ съ этимъ естествознаніемъ, особымъ, но столь же подлинно научнымъ воспріятіемъ реальности, а не только эстетически привлекательнымъ собраніемъ образовъ, почти призраковъ и иллюзій. Эта исторія есть область творенія и новизны, индивидуальнаго и конкретнаго, единственнаго, неповторимаго и неповторяемаго. Современная философствующая мысль понимаетъ, что не только міръ человѣческой и духовной, но и весь вообще міръ рядомъ съ протеканіемъ „естественнымъ“, подчиненнымъ „закономѣрности“, имѣетъ какую-то исторію, которая какъ-то „лежитъ въ основѣ“ этого естественнаго протеканія, но которая сама слагается изъ какой-то неповторимой „игры“ какъ-то рождающихся элементовъ, или фактовъ, „данностей“. Обычная позитивистическая картина міра можетъ быть и перевернута. Не надъ закономѣрнымъ причиннымъ міропорядкомъ возвышается призрачно свободная игра какихъ-то мнимо свободныхъ силъ, а наоборотъ, строго законѣрный причинный міропорядокъ есть лишь сумма какихъ-то статистическихъ приближеній, воздвигающаяся на основѣ нѣкой, можетъ быть, индивидуально совершенно свободной игры какого-то множества матеріальныхъ и духовныхъ, первичныхъ и вѣчно творимыхъ силъ-элементовъ. Статистическая физика въ своемъ метафизическомъ предѣлѣ такъ же ставитъ проблему индетерминизма, какъ ее ставили и ставятъ исторія и статистика. И весьма знаменательно, что, тогда какъ статистическое обществовѣдѣніе, въ лицѣ Кетлэ и Вагнера, а также историческій позитивизмъ, въ лицѣ Бокля, склонялись къ детерминизму, такъ теперь статистическое естествознаніе какъ то открываетъ или пріоткрываетъ двери индетерминизму. Во всякомъ случаѣ „статистификація“ знаній, гдѣ бы она ни происходила, есть методически и реально нѣкое восхожденіе къ множественности, нѣкое признаніе и утвержденіе плюрализма. Въ этомъ, между прочимъ, философское значеніе того процесса преобразованія специальныхъ наукъ при помощи статистическаго метода, который совершается теперь одновременно въ разныхъ областяхъ знанія. Статистика есть подходъ къ пониманію и истолкованію міра на основѣ признанія множественности образующихъ его „единицъ“.¹

Статистика, устанавливая законѣрность массовыхъ явленій, утверждаетъ въ то же время, что эта „законѣрность...“ ни въ коей мѣрѣ не свидѣтельствуеетъ ни въ пользу, ни противъ детерминированности тѣхъ единичныхъ процессовъ, которые слагаются въ массовые итоги: она равно мирится и съ тѣмъ,

¹ Отсюда то мѣсто, которое въ моемъ пониманіи и построеніи экономической науки занимаетъ ея „статистификація“. Заданіе ея въ общей формѣ поставлено и разъяснено въ первомъ выпускѣ второй части „Хозяйство и Цѣна“.

и съ другимъ допущеніемъ".¹ Это важное поп Liquet, высказываемое, если можно такъ выразиться, гносеологіей статистическаго метода, означаетъ, что статистическое разсмотрѣніе, будучи формально-методическимъ плюрализмомъ, не исключаетъ допущенія въ качествѣ, по крайней мѣрѣ, метафизической гипотезы, и существеннаго (мериторнаго) плюрализма въ области разсмотрѣнія историческаго процесса вообще и, въ частности, исторіи человѣка и человѣческихъ обществъ. Другими словами, статистическое разсмотрѣніе не устраняетъ ни принципа „новизны“, ни индетерминизма, т. е. тѣхъ предпосылокъ, безъ которыхъ мы не можемъ воспринимать исторію, какъ таковой, т. е. какъ единственнаго, неповторяющагося становленія, которое не протекаетъ съ качественной безразличностью и внѣвременной общностью по формулѣ *wo und wann*, а совершается индивидуально и самочинно въ опредѣленномъ мѣстѣ и въ опредѣленный моментъ времени. Плюрализмъ, именно въ двойномъ аспектѣ бытія и становленія, есть плодотворный для научнаго воспріятія уклонъ мысли. Онъ ближе къ живому видѣнію дѣйствительности, чѣмъ монизмъ. Онъ гибче и ярче. Это всего яснѣе сказывается въ томъ, что внѣ плюрализма невозможно подлинное воспріятіе исторіи, по существу являющейся множественностью и многообразіемъ, ареной столкновенія какъ безконечно разнообразныхъ человѣческихъ единицъ, такъ и индивидуальныхъ массъ („историко-политическихъ индивидуальностей“).

Я оставляю въ сторонѣ религіозно-философскій смыслъ плюрализма. Въ религіи онъ давно утвердился явственнѣе, чѣмъ въ какой-либо другой области. Но вопросъ о предѣлахъ и значеніи плюрализма въ религіи не есть вопросъ познанія, ибо и сама религія есть не познаніе, а переживаніе совершенно другаго рода, къ которому не приложимы познавательные критеріи.

Парижъ—Прага 1922 г.

¹ А. А. Чупровъ въ статьѣ „Проблема индетерминизма въ свѣтѣ статистической физики“ въ „Русской Мысли“. Апрель 1922 г. стр. 150. Ср. его же „Das Gesetz der großen Zahlen und der stochastisch-statistische Standpunkt in der modernen Wissenschaft“ въ „Nordisk Statistisk Tidskrift“ Utgiven av Thor. Anderson Band I (1922) Heft 1 и, наконецъ, его же „Очерки по теоріи статистики.“

Періодизація въ исторіи права

Проф. О. В. Тарановскаго

I

Историческій процессъ, какъ и процессъ органическаго развитія, подобно всякому процессу движенія, слагается изъ непрерывнаго ряда безконечно малыхъ измѣненій. Измѣненія эти въ ихъ непосредственной данности незамѣтны и неуловимы для наблюдателя, сколь бы онъ ни совершенствовалъ средства и приемы наблюденія. Только прогрессивное нарастаніе безконечно малыхъ измѣненій даетъ возможность наблюдателю время отъ времени констатировать наличность накопившихся болѣе крупныхъ и потому уже замѣтныхъ измѣненій, свидѣтельствующихъ о совершающемся процессѣ развитія. Поэтому наблюденіе эволюціоннаго процесса оказывается поневолѣ прерывистымъ и заключается въ установленіи такихъ моментовъ, сопоставленіе которыхъ наглядно обнаруживаетъ происшедшія измѣненія и такимъ образомъ вскрываетъ наличность развитія, неуловимаго въ его непрерывности. Эти показательные моменты отдѣлены другъ отъ друга извѣстными промежутками времени, болѣе или менѣе продолжительными, въ зависимости отъ свойствъ объекта, качества средствъ и характера приѣмовъ наблюденія. Какъ бы то ни было, при изученіи эволюціоннаго процесса приходится разбивать его на хронологическія части уже въ первоначальной стадіи наблюденія для простаго установленія факта поддающихся учету измѣненій.

Указанная необходимость и неизбѣжность прерывистости въ наблюденіи эволюціоннаго процесса и вытекающія изъ нея послѣдствія проявляются съ особенной наглядностью въ изученіи исторіи, такъ какъ при этомъ имѣемъ дѣло съ прошлымъ, и показательныхъ моментовъ не приходится поджидать, а нужно лишь ихъ выбирать изъ числа совершившихся и устанавливаемыхъ по источникамъ фактовъ.

Въ области исторіи права показательными моментами эволюціи служатъ многообразныя проявленія нормативныхъ и юридическихъ фактовъ, въ особенности — прецеденты, законы, кодексы, акты судебной и внѣсудебной юридической практики *secundum legem, praeter legem* и *contra legem*, такіе же акты государственной практики, узурпаціонныя дѣйствія, бунты и возстанія, поскольку въ послѣднихъ неправомѣрныхъ актахъ сказываются борьба новаго права съ старымъ и движи въ коллективной психикѣ повиновенія дѣйствующему праву. Въ всякаго сомнѣнія, конечно, стоитъ показательное значеніе крутыхъ правительственныхъ реформъ, государственныхъ переворотовъ и народныхъ движеній, или революцій сверху и снизу.

Установивъ показательные моменты и констатировавъ такимъ образомъ наличность эволюціонныхъ измѣненій, историкъ по даннымъ прерывистаго наблюденія возстановливаетъ ходъ непрерывнаго развитія. Показательные моменты отдѣлены какъ бы пробѣлами въ ходѣ развитія, эти своего рода пробѣлы восполняются всеми данными о бытѣ соответственнаго времени, какія только историку удастся добыть изъ источниковъ. Онъ возсоздаетъ такимъ образомъ возможно полную картину жизни того времени. Въ ней, какъ и во всякой жизни, можно различать двѣ стороны: извѣстнаго рода самодовлѣніе въ предѣлахъ настоящаго и подготовленіе будущаго. Вторая сторона привлекаетъ къ себѣ особенное вниманіе историка, такъ какъ именно путемъ изученія ея уясняются и восполняются промежутки и пробѣлы, отдѣляющіе одинъ показательный моментъ развитія отъ другого. По состоянію историческихъ источниковъ далеко не всегда удается наполнить указанные пробѣлы конкретными эмпирическими данными. Въ виду недостатка соответственнаго матеріала приходится въ такихъ случаяхъ прибѣгать къ замѣчаніямъ общаго характера и говорить, что измѣненія подготовлялись „мало по малу“ и происходили „постепенно“. Такого рода замѣчанія и заявленія вызываютъ нерѣдко ироническое отношеніе къ себѣ со стороны критиковъ историческаго познанія. Необходимо поэтому подчеркнуть, что такіа замѣчанія и заявленія вынуждаются состояніемъ источниковъ, и съ точки зрѣнія теоретико-познавательной не заслуживаютъ ни малѣйшей ироніи. Въ нихъ сказывается апіорное для данныхъ случаевъ признаніе непрерывности процесса развитія, подтверждаемое въ цѣломъ рядѣ другихъ случаевъ и *a posteriori*. Возстановивъ такъ или иначе непрерывный ходъ развитія, историкъ устраняетъ періодизацію по показательнымъ моментамъ какъ болѣе ненужную и затѣмъ имѣетъ дѣло съ единымъ послѣдовательнымъ рядомъ-измѣненій.

Для того, чтобы послѣдовательный рядъ измѣненій выступалъ какъ непрерывный ходъ эволюціоннаго процесса, недостаточно установить чередованіе этихъ измѣненій и необходимо вскрыть ихъ взаимообусловленность въ смыслѣ причинно-слѣдственной связи между ними. Мы не станемъ входить въ подробное обсужденіе вопроса о причинности при изученіи историческихъ явленій. Это отвлечло бы насъ чересчуръ далеко отъ нашей непосредственной темы. Ограничимся лишь общимъ указаніемъ на специфическій характеръ исторической причинности, существенно отличающій ее отъ закона причинности въ естествознаніи. Въ причинно-слѣдственномъ ряду историческихъ явленій, въ противоположность такому же ряду явленій естественныхъ, *causa non aequat effectum, sed effectus exsuperat causam*, такъ что слѣдствіе вноситъ неизмѣнно нѣчто болѣе по сравненію съ породившей его причиной. Въ такомъ своеобразномъ проявленіи принципа причинности сказывается основная особенность общественной эволюціи, понимаемой въ смыслѣ созиданія и накопленія культурныхъ цѣнностей.

II

Отборомъ показательныхъ моментовъ, ихъ сопоставленіемъ и расположеніемъ обнаруженныхъ этимъ путемъ измѣненій въ причинно-слѣдственный рядъ осуществляется только первая задача историческаго изученія, заключающаяся въ выявленіи и причинно-слѣдственномъ связываніи фактовъ эволюціи. За нею необходимо слѣдуетъ вторая задача, заключающаяся въ осмы-

слені еволюціоннаго процесу. Подъ осмысленіемъ историческаго еволюціоннаго процесу мы понимаемъ приложеніе къ нему оцѣночныхъ сужденій, направленное на опредѣленіе и учетъ культурныхъ цѣнностей, созидаемыхъ и накапливаемыхъ въ процесѣ общественной еволюціи.

Осмысленіе и вытекающее изъ него уразумѣніе еволюціоннаго процесу достигается путемъ установленія поворотныхъ пунктовъ, знаменующихъ собою принципиальное измѣненіе хода развитія и вступленіе его на новые пути. Выдѣленіе поворотныхъ пунктовъ приводитъ къ новому дѣленію непрерывнаго еволюціоннаго процесу на хронологическія части, или на періоды. Дѣленіе это по существу отлично отъ указаннаго выше хронологическаго дробленія еволюціоннаго процесу по показательнымъ моментамъ замѣтныхъ измѣненій.

Первоначальное дробленіе непрерывнаго развитія по показательнымъ его моментамъ вызывается техническими условіями наблюденія и опредѣляется, съ одной стороны, состояніемъ средствъ и приѣмовъ наблюденія, съ другой стороны, — свойствами матеріала наблюденія, напримѣръ, характеромъ историко-юридическихъ источниковъ, ихъ количественнымъ обиліемъ или скудностью, большими или меньшими промежутками, отдѣляющими ихъ другъ отъ друга во времени, и т. п. Дѣленіе историческаго процесу по поворотнымъ пунктамъ развитія вызывается стремленіемъ къ уразумѣнію развитія и опредѣляется, съ одной стороны, тѣми вопросами, съ которыми изучающій подходитъ къ установленному причинно-слѣдственному ряду измѣненій, съ другой стороны, — объективными свойствами не матеріала наблюденія, въ частности, не историко-юридическихъ источниковъ, а самаго процесу развитія, предварительно уже выявленнаго изъ обследованнаго матеріала, по изслѣдованнымъ источникамъ.

Дробленіе непрерывнаго историческаго процесу на хронологическія части, отдѣляемыя другъ отъ друга показательными моментами развитія, носитьъ предварительный временный характеръ и по минованіи технической надобности устраняется, какъ убираются дѣла по окончаніи постройки. Наблюденіе историческаго процесу завершается установленіемъ (быть можетъ, можно бы сказать, — восстановленіемъ) непрерывнаго причинно-слѣдственнаго ряда замѣтныхъ измѣненій, въ которомъ нѣтъ больше мѣста дробленію и дѣленію на части.

Прямо противоположными чертами характеризуется значеніе и судьба дѣленія историческаго процесу, производимаго въ порядкѣ осмысленія послѣдняго. Дѣленіе это носитьъ не предварительный, но заключительный характеръ. Оно направлено на установленіе послѣдовательныхъ стадій развитія, къ чему сводится конечная цѣль историческаго изученія. Поэтому дѣленіе это не устраняется по завершеніи подготовительной работы наблюденія, но остается въ качествѣ результата цѣлокупнаго изученія, являя собою формулу нашего разумѣнія историческаго процесу, дѣйствительную въ предѣлахъ признанія принятыхъ нами критеріевъ научно-историческаго рассужденія и до тѣхъ поръ, покада не подвергнутся еволюціонному измѣненію самые эти критеріи.

Изъ сказаннаго, надѣемся, ясно, сколь разнородны и потому по существу различны два указанныхъ нами приѣма и вида исторической періодизаціи. Чтобы наглядно подчеркнуть ихъ разнородность и существенное различіе наименованіями, назовемъ первый приѣмъ и видъ технической періодизаціей, второй — рациональной. Первое наименованіе производится

отъ техники наблюденія, второе — отъ того „разсужденія“ (raisonnement, ratiocinatio), которое слѣдуетъ за наблюденіемъ и, правильно сочетаясь съ послѣднимъ, приводитъ насъ къ историческому познанію.

Только рациональная періодизація представляетъ собою то дѣленіе, въ которомъ, по незабвенному выраженію В. И. Сергѣевича, весь смыслъ исторіи, вся философія ея хода и перемѣнъ.

III

Что же полагается въ основу рациональной исторической періодизаціи? По какому признаку выдѣляются поворотные пункты въ развитіи и устанавливаются послѣдовательныя стадіи эволюціи?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ дается въ различныхъ специальныхъ областяхъ историческаго изученія въ зависимости отъ точки зрѣнія, свойственной каждой изъ нихъ въ отдѣльности. Исторія матеріальной культуры, экономическая исторія, исторія духовной культуры, исторія религіи, церкви, философіи, науки, литературы, искусствъ, исторія права, — всякая изъ этихъ историческихъ дисциплинъ подходитъ къ единому историческому процессу со своей особой точки зрѣнія и примѣнительно къ ней устанавливаетъ свои критеріи рациональной періодизаціи. Въ исторіи права выдѣленіе поворотныхъ пунктовъ развитія и установленіе стадій эволюціи производится по признаку смѣны правовыхъ принциповъ соціальной и политической жизни.

Правовые принципы это тѣ общія идеи, которыя отвлекаются отъ эмпирическаго правового матеріала. Добываются онѣ путемъ индукціи. Добытыя, онѣ служатъ отправной точкой для систематизаціи правового матеріала въ порядкѣ дедуцированія всѣхъ его отдѣльныхъ положеній изъ нѣкоторыхъ общихъ началъ. Таково формальное значеніе правовыхъ принциповъ. Въ матеріальномъ отношеніи правовые принципы представляютъ собою рѣшеніе основныхъ проблемъ юридической регламентаціи человѣческаго общежитія. Такими основными проблемами являются опредѣленія отношеній между личностью, обществомъ и властью. Разсматриваемые съ формальной стороны, правовые принципы выступаютъ въ качествѣ логическихъ категорій юридическаго мышленія и познанія. Взятые со стороны матеріальной, правовые принципы составляютъ морально-культурныя цѣнности, создаваемые въ процессѣ историческаго развитія права.

Покуда правовой матеріалъ наводитъ насъ на одни и тѣ же принципы и въ свою очередь можетъ быть изъ нихъ дедуцированъ, мы имѣемъ дѣло съ единой системой права, съ проявленіемъ единаго юридическаго мышленія, съ дѣйствіемъ однихъ и тѣхъ же культурныхъ цѣнностей и, слѣдовательно, съ одной стадіей правового развитія, съ однимъ періодомъ въ исторіи права. По мѣрѣ констатированія юридическихъ нормъ и юридическихъ отношеній, представляющихъ собою явно замѣтныя данныя для новой индукціи и не поддающихся болѣе дедуцированію изъ положеній, добытыхъ прежнимъ обобщеніемъ, мы отмѣчаемъ поворотный пунктъ въ развитіи, констатируемъ наступившую смѣну правовыхъ принциповъ, выдѣляемъ новый періодъ, новую стадію въ исторической эволюціи права.

На первый взгляд может показаться, что, полагая в основу периодизации смѣну правовыхъ принциповъ, историки-юристы находятъ послѣдніе готовыми въ догматической юриспруденціи времени минувшихъ, и что такимъ образомъ самая исторія права превращается въ исторію юридической догматики. Такое представленіе не правильно.

Догматическая юриспруденція, методически разработанная и доходящая до осознанія и формулированія общихъ правовыхъ принциповъ, является сравнительно позднимъ продуктомъ развитія правовой жизни и въ теченіе долгаго времени совершенно отсутствуетъ. Слѣдовательно, для древнѣйшихъ и раннихъ періодовъ историкъ-юристъ не располагаетъ готовымъ догматическимъ матеріаломъ, современнымъ изучаемой имъ эпохѣ. Здѣсь историкъ-юристу приходится вполнѣ самостоятельно и обобщать конкретный правовой матеріалъ, и, если угодно, догматизировать его на основѣ индуктивно добытыхъ общихъ принциповъ. Но и примѣнительно къ тѣмъ періодамъ, въ которые догматическая юриспруденція уже надлежащимъ образомъ сложилась и отъ которыхъ она дошла до насъ, работа историка-юриста по установленію правовыхъ принциповъ и систематизации права прошлаго является не менѣе самостоятельной.

Догматическая юриспруденція въ тѣсномъ смыслѣ этого слова служитъ цѣлямъ практическаго примѣненія права въ судѣ и другихъ государственныхъ учрежденіяхъ. Стремясь къ признанію своихъ построеній въ учрежденіяхъ государственныхъ догматическая юриспруденція пользуется для своихъ построеній, если не исключительно, то въ значительно преобладающей степени матеріаломъ официалаго права и проходитъ мимо права неофициалаго или же привлекаетъ его только въ самыхъ незначительныхъ размѣрахъ. Обслуживая практику, догматическая юриспруденція оцѣниваетъ юридическія нормы и юридическія отношенія съ точки зрѣнія ихъ статической, если такъ можно выразиться, а не динамической дѣятельности. Для догматика важно лишь то, что норма дѣйствуетъ и отношеніе практикуется сейчасъ, въ данное время. Для него совершенно безразличенъ вопросъ о томъ, является ли эта дѣйствующая норма и это практикуемое отношеніе остаткомъ отъ принциповъ, которые въ настоящемъ уже изжиты, или, напротивъ того, въ нихъ зарождается новая культурно-правовая дѣятельность, вытекаютъ ли они изъ правовыхъ началъ, составляющихъ, такъ сказать, жизненный нервъ и историческій смыслъ данной эпохи, или же представляютъ собою нѣчто для даннаго времени статически дѣйствительное, но въ динамическомъ отношеніи совершенно недѣйственное и, слѣдовательно, съ исторической точки зрѣнія безразличное. Каково бы ни было динамическое значеніе нормъ и отношеній, юристъ-догматикъ разрабатываетъ и систематизируетъ ихъ съ одинаковымъ интересомъ, опредѣляемымъ ихъ статической дѣятельностью. Вслѣдствіе этого и тѣ общіе принципы, которые юристъ-догматикъ отвлекаетъ отъ конкретнаго правового матеріала своего времени, носятъ исключительно статическій характеръ. И если даже юристъ-догматикъ вноситъ въ свои построенія и систему нѣкоторый элементъ динамической оцѣнки, то послѣдняя выходитъ у него весьма несовершенной и почти исключительно субъективной. Стоя въ центрѣ

совершающихся событий, не удаленный от них на надлежащее расстояние исторической перспективы, онъ не въ состояніи учесть происходящее движеніе.

Только что данная характеристика догматической юриспруденціи въ достаточной, надѣмся, мѣрѣ показываетъ, что историкъ-юристъ не можетъ довольствоваться готовыми данными юридической догматики прошлыхъ временъ ни для цѣлей наблюденія, ни, тѣмъ болѣе, для цѣлей осмысленія историческаго процесса развитія права. Въ порядкѣ наблюденія историкъ-юристъ не ограничивается однимъ официальнымъ правомъ, но неизмѣнно привлекаетъ и право неофициальное, ибо характеръ и объемъ приложенія неофициальнаго права и уголъ его расхожденія съ правомъ официальнымъ опредѣляютъ степень жизненности и дѣйственной мощности официального права и въ то же время показательны, какъ для живучести отмѣненной официальнымъ правомъ старины, такъ и для наростанія не учитываемой официальнымъ правомъ новизны, которая все же пробивается въ правовомъ оборотѣ и намѣчаетъ пути дальнѣйшаго развитія права, въ томъ числѣ и официального. Въ порядкѣ осмысленія историческаго процесса развитія права историкъ-юристъ руководится, само собою разумѣется, не статической, а динамической точкой зрѣнія, причѣмъ имѣетъ дѣло не съ возможнымъ движеніемъ отъ настоящаго къ будущему, а съ совершившимся уже движеніемъ отъ прошлаго къ настоящему. Такимъ образомъ догматическая юриспруденція прошлаго времени не даетъ историкъ-юристу критерія для сужденія объ этомъ прошломъ. Она является только матеріаломъ для историческаго наблюденія. Матеріаль этотъ весьма цѣненъ, ибо весьма важно знать не только юридическія нормы и юридическія отношенія, дѣйствовавшія и практиковавшіяся въ ту или другую эпоху, но и то, какъ догматизировали ихъ современники, къ какому общему правовымъ принципамъ ихъ сводили, и какую усматривали для себя въ послѣднихъ морально-культурную цѣнность. Историкъ-юристъ учитываетъ догматическую юриспруденцію прошлыхъ временъ какъ правовое осознаніе той или иной эпохи, сопоставляетъ ее съ непосредственными фактами правовой жизни и затѣмъ на основаніи всего изученнаго историко-юридическаго матеріала выводитъ самостоятельно тѣ правовые принципы, смѣны которыхъ образуютъ поворотные пункты въ исторіи права.

V

Движеніе и наблюденіе историческаго процесса идетъ отъ прошлаго къ настоящему, но осмысленіе и уразумѣніе его достигается путемъ движенія познающей мысли какъ разъ въ обратномъ направленіи. Историческое изученіе, въ концѣ концовъ, есть ничто иное, какъ отысканіе въ прошломъ корней и объясненія настоящаго. Только отправляясь отъ той точки, до которой дошло историческое движеніе въ настоящее время, мы постигаемъ ходъ этого движенія въ прошломъ. Только имѣя въ виду современное состояніе, мы можемъ учесть, что въ прошломъ было динамически дѣйственно, и что такого значенія не имѣло. Только производя такой учетъ, мы переходимъ изъ области древностей, воспроизводящихъ статическое состояніе той или иной эпохи во всѣхъ ея деталяхъ съ фотографической неподвижностью, въ область исторіи, изображающей развитіе динамически дѣйственныхъ началъ съ кинематографической жизненностью.

Сообразно этому, индуцируя общіе правовые принципы изъ конкретнаго правового матеріала прошлаго, историкъ-юристъ вводитъ въ кругъ подлежа-

щихъ обобщенію явленій не всё даннаго историко-правового матеріала, а только тѣ, которыя оказались динамически дѣйственными. Это придаетъ особый характеръ устанавливаемымъ имъ правовымъ принципамъ прошлаго. Особенность заключается здѣсь въ томъ, что формулируются эти правовые принципы прошлаго не иначе, какъ по сравненію съ правовыми принципами настоящаго времени. Полагаемая въ основу періодизаціи смѣна правовыхъ принциповъ представляетъ собою ничто иное, какъ генетическое происхожденіе правовыхъ принциповъ современности. Послѣдніе, въ качествѣ объекта для сравненія, берутся историкомъ-юристомъ не изъ одной лишь догматической юриспруденціи въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, но и изъ той болѣе широкой области, посвященной выявленію современнаго права и правосознанія, которую въ послѣднее время называютъ социологической юриспруденціей или даже юридической социологіей.

Оріентированіе прошлаго на настоящемъ составляетъ необходимый путь историческаго познанія, но не единственный. Взятое само по себѣ, оно можетъ привести къ двумъ ошибкамъ: къ признанію настоящаго конечною цѣлью развитія и къ возведенію всей эмпирической данности настоящаго въ абсолютный критерій сужденія.

Во избѣжаніе указанныхъ ошибокъ, оцѣнка прошлаго съ точки зрѣнія настоящаго восполняется оцѣнкою того и другаго съ точки зрѣнія общезначимыхъ нормативныхъ идей, опредѣляющихъ тѣ основныя проблемы отношеній между личностью, обществомъ и властью, эмпирическимъ рѣшеніемъ которыхъ въ эволюціонномъ историческомъ процессѣ являются смѣняющіе другъ друга правовые принципы послѣдовательныхъ стадій развитія, или историческихъ періодовъ.

Путемъ оцѣнки съ точки зрѣнія общезначимыхъ нормативныхъ идей устанавливаемая съ помощью періодизаціи стадіи развитія достигаютъ той свойственной общественнымъ наукамъ моральной закономѣрности, въ которой должно сочетается съ необходимымъ. Указанная оцѣнка представляетъ собою приновленное къ особенностямъ обществовѣдѣнія приложеніе общаго приема дедукціи, помощью котораго добытыя индукціей эмпирическіе законы превращаются въ законы научные.

Привлеченіе оцѣнки съ точки зрѣнія общезначимыхъ нормативныхъ идей въ качествѣ повѣрочной дедукціи отнюдь не имѣетъ въ виду дедуктивнаго построенія хода эволюціи *a priori*. Такое построеніе на самомъ дѣлѣ не осуществимо. Изъ идеи могутъ быть дедуцируемы только положенія абстрактныя. Эмпирическое ихъ осуществленіе мыслимо въ видѣ разныхъ конкретныхъ возможностей. Какая изъ этихъ возможностей стала реальнымъ фактомъ, это разрѣшается непосредственно въ области эмпирической и дается въ исторіи, по существу неповторяемой. Установленіе исторической данности производится путемъ наблюденія и индукціи. Наведенія послѣдней повѣряются дедукціей и приобрѣтаютъ, благодаря этой повѣркѣ, характеръ закономѣрности.

VI

Устанавливаемые индуктивнымъ путемъ правовые принципы, по смѣнѣ которыхъ выдѣляются стадіи развитія, формулируются, какъ это мы указали выше, по сравненію съ правовыми принципами современности. Отсюда слѣ-

дуетъ, что періодизація історіи права, виработанная въ данное время, подвергается съ теченіемъ времени измѣненію въ связи съ измѣненіемъ тѣхъ правовыхъ принциповъ современности, по сравненію съ которыми она была построена. Такой выводъ является несомнѣнно правильнымъ. Всякое принципиальное измѣненіе въ процессѣ общественнаго развитія неизбежно отражается на историческомъ изученіи въ смыслѣ измѣненія различаемыхъ имъ стадій эволюціи со стороны длительности и характера послѣднихъ. Такія измѣненія, имѣвшія мѣсто въ прошломъ и ожидаемыя въ будущемъ, не представляютъ собою чего либо произвольнаго и случайнаго. Они находятъ себѣ причинное объясненіе въ свойствахъ объекта общественныхъ наукъ, въ идиографической неповторяемости історіи и въ соціальной функціи исторической науки. Общественныя явленія не поддаются научному экспериментированію и допускаютъ лишь примѣненіе наблюденія. Въ сложной массѣ общественныхъ явленій далеко не всѣ ихъ стороны улавливаются наблюдателемъ. Онъ ихъ замѣчаетъ часто только тогда, когда при обостреніи тѣхъ или иныхъ отношеній какая либо сторона обнажится и станетъ легко распознаваемой. Вообще понятно, что наблюденіе, сдѣланное надъ современностью, переносится на прошлое, и історія подвергается переисслѣдованію съ новой точки зрѣнія. Такъ, напримѣръ, всплывшій къ половинѣ XIX столѣтія на самую поверхность общественной и государственной жизни соціальныи вопросъ далъ толчокъ къ переисслѣдованію історіи (даже древняго міра) съ этой новой точки зрѣнія. Къ такимъ же послѣдствіямъ ведетъ дальнѣйшее развертываніе клубка эволюціи, такъ какъ оно устанавливаетъ новый взглядъ на соотношеніе между прошедшимъ и настоящимъ, устанавливаетъ новую историческую перспективу, подъ вліяніемъ которой измѣняется и пониманіе прошлаго. Наконецъ, осмысленіе и уразумѣніе історіи, кромѣ чисто познавательнаго значенія, является и извѣстной соціальной функціей, именно, — воспріятіемъ культурныхъ цѣнностей прошлаго настоящимъ, т. е. проявленіемъ того постоянного и все возрастающаго вліянія однихъ поколѣній на другія, которымъ вообще характеризуется процессъ соціальныи. Это вліяніе выражается, между прочимъ, въ томъ, что всякое новое поколѣніе заново и по своему воспринимаетъ и переживаетъ культурное наслѣдіе прошлаго. Однимъ изъ проявленій этого прогрессивнаго ряда воспріятій культурнаго наслѣдія являются и измѣненія въ историческомъ пониманіи прошлаго. Измѣненія эти укладываются такимъ образомъ въ общій закономерныи ходъ соціальной эволюціи.

Право какъ коллективно-психологическая реальность

Н. С. Тимашева

ГЛАВА I

Вступительныя замѣчанія

Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что право есть нѣчто гораздо большее, нежели совокупность тѣхъ словесныхъ формулъ, въ которыхъ оно находитъ свое внѣшнее запечатлѣніе. Право принадлежитъ къ числу силъ, дѣйствующихъ въ обществѣ, и при томъ силъ первоклассной важности. Огромная масса совершающихся въ обществѣ поступковъ происходитъ такъ, а не иначе, не въ силу борьбы мотивовъ, такъ сказать, естественныхъ, вытекающихъ изъ непосредственныхъ потребностей людей, а потому, что именно такъ требуетъ право. Совокупное поведение людей данной общественной группы оказывается такимъ образомъ претворяющимъ въ реальность тѣ сужденія, въ которыхъ выражается право. Изъ этого съ полною очевидностью вытекаетъ реальность послѣдняго.

Въ какой же плоскости лежитъ эта реальность? Нѣтъ надобности, думать, доказывать, что право не есть сила физическая. Но не является оно и силой индивидуально-психологической, какъ то полагаетъ Петражицкій. Сущность права заключается не въ томъ, что оно сегодня меня, или завтра нѣкоего N. заставило поступить такъ-то, а въ томъ, что оно заставляетъ поступать именно такъ, а не иначе, всѣхъ и всегда, поскольку повторяется нѣкоторое опредѣленное, имъ самимъ предусмотрѣнное положеніе. Реальность права лежитъ въ области коллективной психологіи. Право есть одна изъ коллективно-психологическихъ атмосферъ, если можно такъ называть совокупности психическихъ переживаній, общихъ членамъ той или иной общественной группы, т. е. переживаній, повторяющихся въ существенныхъ своихъ чертахъ въ индивидуальныхъ психикахъ ихъ членовъ, или, по крайней мѣрѣ, соотносительныхъ.¹ Сущность права, какъ реального явленія, заключается въ связанности индивидуальныхъ психикъ переживаніями, составляющими опредѣленную коллективно-психологическую атмосферу.

Установленіе этихъ положеній имѣетъ то значеніе, что возникаетъ возможность примѣненія къ праву всѣхъ сужденій, справедливыхъ по отношенію

¹ Примѣрами атмосферъ второго типа могутъ служить аудиторія, зрительный залъ; дальнѣйшій примѣръ будетъ подробно проанализированъ въ гл. III.

къ коллективно-психологическимъ атмосферамъ вообще, въ частности тѣхъ, которыя относятся къ своеобразному процессу востанія въ нихъ индивидовъ. Независимо отъ того, какимъ способомъ вошелъ въ составъ социальной группы новый членъ — путемъ ли рожденія, или путемъ добровольнаго вступленія, или путемъ принужденія, его индивидуальная психика вступаетъ во взаимодѣйствіе съ психикой коллективной и въ этомъ взаимодѣйствіи неизбежно подвергается переработкѣ. Ребенокъ, по мѣрѣ развитія своего сознанія, воспринимаетъ тѣ сужденія, которыя господствуютъ въ его семьѣ, и дѣлаетъ ихъ своими ранѣе, нежели ему откроется возможность бытія отличныхъ отъ нихъ мнѣній; и т. к. семья въ свою очередь пропитана коллективно-психологическими атмосферами высшихъ социальныхъ соединеній, то черезъ нее молодой индивидъ вырастаетъ и въ эти послѣднія. Вступающій добровольно въ ту или иную социальную группу (напр. въ офицерскій составъ полка, въ студенческую корпорацію, въ клубъ) горитъ желаніемъ поскорѣе проникнуться ея коллективно-психологической атмосферой. При принудительномъ вступленіи тѣ, которымъ таковое почему либо нужно, принимаютъ спеціальныя мѣры къ тому, чтобы пропитать вновь введеннаго члена соответствующей коллективно-психологической атмосферой. Типичны въ этомъ отношеніи тѣ приемы, которые примѣняются во всякой благоустроенной арміи для того, чтобы превратить новобранца въ настоящаго солдата.

Послѣдній примѣръ, въ которомъ характерно то обстоятельство, что въ приобщеніи къ атмосферѣ принимаютъ участіе старшіе нижніе чины, по отношенію къ которымъ не такъ-то давно были примѣнены тѣ же приемы, позволяетъ намъ установить слѣдующее положеніе: при соблюденіи должной постепенности къ коллективно-психологической атмосферѣ могутъ быть приобщены огромныя массы лицъ, которыя, при одновременномъ воздѣйствіи, въ нее, можетъ быть, и не вошли бы — совокупности ихъ индивидуальныхъ психикъ, дѣйствуя одновременно, могли бы вступить въ успѣшную борьбу съ навязываемыми имъ коллективными переживаніями. Эта постепенность востанія индивидовъ въ социальные группы обеспечиваетъ устойчивость коллективно-психологическихъ атмосферъ. Для индивида же самый процессъ востанія приводитъ къ возникновенію психическихъ привычекъ, которыя, какъ извѣстно, имѣютъ огромное значеніе въ формированіи рѣшеній и не такъ-то легко разрушаются.

Всѣ приведенныя выше положенія вполне примѣнимы и къ праву, какъ одной изъ коллективно-психологическихъ атмосферъ. Въ частности, востаніе въ образуемую имъ коллективно-психологическую атмосферу происходитъ преимущественно въ формѣ вступленія въ социальную группу по рожденію — правовая атмосфера есть одинъ изъ ингредиентов атмосферы семейной — отчасти же и принудительными способами. Устойчивость права въ качествѣ реального факта есть одинъ изъ частныхъ случаевъ устойчивости коллективно-психологическихъ атмосферъ вообще. Обычное слѣдованіе людей праву есть въ первую голову результатъ привычки къ правомѣрному поведенію, какъ непосредственному слѣдствію принадлежности къ соответствующей коллективно-психологической атмосферѣ.

Будучи коллективно-психологической атмосферой, право, конечно, есть лишь одна изъ многихъ. При попыткѣ выдѣлить право изъ ихъ массы мы немедленно встрѣтимся съ двойственностью его специфическихъ призна-

ковъ.¹ Одной стороной право принадлежит къ числу такихъ атмосферъ, элементамъ которыхъ характеренъ моментъ долженствованія — правовыя формулы не суть конкретныя представленія или общія сужденія о томъ, что было, есть, или будетъ, а общія сужденія о томъ, что должно быть. Въ этомъ смыслѣ право отличается отъ такихъ атмосферъ, какъ искусство или наука, и приближается къ такимъ образованиямъ, какъ нравственность, нравы, но и логика и эстетика. Праву принадлежитъ нормативный и при томъ, какъ мы увидимъ впоследствии, спеціально этико-нормативный моментъ.

Но этой стороной сущность права не исчерпывается. Если всякая коллективно-психологическая атмосфера есть сила въ томъ смыслѣ, что она оказываетъ мотивирующее воздѣйствіе на индивида², то въ области права этотъ моментъ выступаетъ съ особой рѣзкостью. Право оказывается сопричастнымъ той своеобразной коллективно-психологической атмосферѣ, которую мы называемъ властвованіемъ, и которая проявляется и во внѣ-правовыхъ формахъ. Праву присущъ такимъ образомъ и моментъ властности.

Оба эти момента коллективно-психологической реальности, именуемой правомъ, должны найти отраженіе въ его опредѣленіи. При этомъ неправильно было бы, слѣдуя за В. Кистяковскимъ, кристаллизировать различныя стороны права въ различныя опредѣленія — названный авторъ усматриваетъ въ правѣ даже цѣлыхъ 4 элемента и считаетъ возможнымъ построить столько же его опредѣленій. Такъ какъ реальность, именуемая правомъ, едина, то необходимо и достаточно единственное его опредѣленіе. Многосторонность права должна отразиться въ многосторонности опредѣленія, а не въ множественности такихъ.

Но, скажутъ намъ, то опредѣленіе, къ которому мы пойдемъ, будетъ страдать логической порочностью, т. е. будетъ сочетать характерный для права моментъ долженствованія съ психологической реальностью, которую вносятъ въ него моментъ фактическаго дѣйствованія, властности; такое возраженіе неизбежно со стороны всѣхъ сторонниковъ моднаго нынѣ стремленія вытравлять всякій „психологизмъ“ (Кельсенъ). — Это сомнѣніе можетъ быть разсѣяно слѣдующимъ образомъ. Ясно, что нормативныя сужденія можно анализировать съ точки зрѣнія ихъ значимости и при этомъ вполне отвлекаться отъ момента фактическаго переживанія ихъ индивидами или ихъ коллективами; на этомъ приемѣ построена вся догматическая юриспруденція. Но это несколько не мѣшаетъ тому, что эти нормативныя сужденія къ-то и какъ-то переживаются; а разъ это такъ, то эти переживанія могутъ и должны быть предметомъ научнаго анализа. Въ томъ опредѣленіи права, къ которому будетъ итти нашъ путь, реально-психологическій моментъ властности окажется соединеннымъ не съ какимъ-то нормативнымъ моментомъ, а съ такимъ же реально-психологическимъ моментомъ переживанія нормативнаго сужденія.

¹ Эта двойственность права нашла отраженіе въ построеніяхъ Меркеля, который рассматриваетъ право, какъ ученіе, и право, какъ силу, и Штаммлера, который противопоставляетъ его, съ одной стороны, конвенціональнымъ нормамъ, а, съ другой стороны, произволу. Всѣ теоріи, которыя пытаются признать одинъ изъ признаковъ за главный, а другой за подчиненный ему, не вполне адекватны его истинной природѣ.

² Вѣдь даже литературное или художественное произведеніе навязывается индивиду, заставляя его психическій потокъ течь иначе, нежели это имѣло бы мѣсто при отсутствіи пріобщенія его къ данной атмосферѣ.

ГЛАВА II

Этика

Согласно сказанному выше, право принадлежит къ числу коллективно-психологическихъ атмосферъ нормативнаго характера, т. е. состоитъ изъ нормъ. Нормами мы называемъ такія сужденія, которыя указываютъ долженствованіе, связанное съ безусловными цѣлями¹. Въ виду встрѣчающихся въ нашей новѣйшей литературѣ попытокъ отождествить нормы съ законами въ научномъ смыслѣ слова (Михайловскій) или устранить самостоятельное бытіе нормативныхъ сужденій (Ш. Сорокинъ), мы должны нѣсколько остановиться на этомъ понятіи.

Психологически нормы отличаются отъ законовъ своимъ мотивирующимъ характеромъ. Конечно, всякое сужденіе можетъ въ той или иной связи стать мотивомъ. Но большинство сужденій (въ томъ числѣ и законы) сохраняютъ свой смыслъ безотносительно къ своему возможному мотивирующему эффекту. Наоборотъ, нѣкоторыя сужденія (въ томъ числѣ и нормы) рассчитаны на то, чтобы при воспріятіи индивидуальной психикой становиться мотивами, и при отнятій мотивирующаго значенія утрачиваютъ всякій смыслъ. За этимъ психологическимъ отличіемъ скрывается различная логическая значимость: законы суть сужденія, указывающія всеобщія и неизмѣнныя связи между элементарными явленіями; это суть выраженія нашихъ знаній о мѣрѣ бытія. Нормы суть сужденія, указывающія, что должно быть, при чемъ, какъ показывается опытомъ, это долженствованіе далеко не всегда становится дѣйствительностью: нормы суть сужденія, принадлежащія къ своеобразному міру оцѣнокъ.

Но наличность мотивирующаго элемента не есть достаточный признакъ нормы — этотъ признакъ присущъ и той категоріи сужденій, которыя можно назвать техническими правилами, и которыя показываютъ, какъ поступить для того, чтобы достигнуть той или иной цѣли. Отличіе между нормами и техническими правилами состоитъ въ томъ, что въ послѣднихъ не заключается никакой оцѣнки дѣлей, къ которымъ они относятся, никакого указанія на то, должно или не должно къ нимъ стремиться; эти правила относительны, гипотетичны; они даютъ указанія только на тотъ случай, когда откуда-то, извнѣ, пришло рѣшеніе данную цѣль осуществить. Наоборотъ, въ нормѣ моментъ долженствованія тѣсно связанъ съ моментомъ оцѣнки; тѣ цѣли, къ которымъ онѣ относимы, выступаютъ въ нихъ въ качествѣ безусловныхъ.² Техническое правило даетъ возможность установить, цѣлесообразенъ ли данный поступокъ; норма даетъ возможность оцѣнить его правильность. Именно нормы должны, по идеѣ, давать критерій при выборѣ между различными равновозможными цѣлями, каковой выборъ, согласно сказанному выше, на основаніи однихъ техническихъ правилъ произведенъ быть не можетъ.³

¹ Предлагаемое Бирлингомъ опредѣленіе (норма есть выраженіе воли, ожидающей своего выполненія отъ другого) проходитъ мимо явленія самосвязыванія нормой, которому самъ Бирлингъ придаетъ огромное значеніе.

² Безусловности высшихъ цѣлей нисколько не противорѣчитъ измѣнчивость ихъ пониманія въ зависимости отъ времени и мѣста и вытекающая отсюда измѣнчивость нормъ.

³ Это вовсе не равнозначаетъ утвержденію, будто выборъ на самомъ дѣлѣ всегда выпадаетъ въ томъ смыслѣ, котораго требуютъ нормы.

Въ связи съ тѣмъ, что всѣ безусловныя цѣли могутъ быть сведены къ триадѣ — истина, добро и красота — всѣ нормы распадаются на три категоріи: на нормы логическія, нормы этическія и нормы эстетическія. Логическія нормы указываютъ правильные пути дѣятельности теоретическаго разума. Этическія нормы показываютъ правильные пути въ практическомъ поведеніи. Эстетическія нормы показываютъ правильные пути въ области художественнаго творчества. Въ дальнѣйшемъ насъ будутъ интересовать только этическія нормы.

Этическая норма дана намъ во всякомъ общемъ сужденіи, отвѣчающемъ только что указанному составу. Такое сужденіе, поскольку оно выступаетъ въ качествѣ реального психическаго переживанія, получаетъ, однако, совершенно различное значеніе въ зависимости отъ того, является ли оно переживаніемъ отдѣльнаго лица, не повторяющимся у другихъ членовъ той же социальной группы, или же входитъ въ составъ коллективно-психологической атмосферы одной изъ нихъ. Въ послѣднемъ случаѣ мы можемъ говорить о дѣйствующихъ нормахъ, и въ дальнѣйшемъ мы именно на нихъ и обратимъ свое вниманіе.

Мы считаемъ этическую норму дѣйствующей, если поведеніе членовъ данной общественной группы въ значительномъ большинствѣ случаевъ ей соответствуетъ, ею опредѣляется. Для того, чтобы такое дѣйствованіе имѣло мѣсто, необходимо, чтобы въ индивидуальныхъ психикахъ по отношенію къ ней протекалъ процессъ, который мы назовемъ ея признаніемъ.

Признавать норму значить волить, чтобы она становилась мотивомъ поведенія какъ самого признающаго, такъ и другихъ.¹ Моментъ самосвязыванія отличаетъ этическую норму отъ тѣхъ произвольныхъ правилъ поведенія, которыя устанавливаетъ деспотъ для другихъ, но не для себя. Моментъ связыванія другихъ даетъ намъ новое отличіе нормы отъ технического правила: познаніе того, что для достиженія такой то цѣли слѣдуетъ поступить такъ-то, вовсе не необходимо заключаетъ въ себѣ навязываніе такого же поведенія другимъ; могутъ быть случаи, когда, наоборотъ, техническое правило будетъ оберегаться отъ проникновенія въ сознаніе другихъ людей (производственные секреты). Если же кто-либо пришелъ къ убѣжденію, что должно поступать такъ-то, то это долженствованіе онъ будетъ непременно переносить и на другихъ людей. — Оба момента признанія нормы тѣсно связаны между собою: по мѣрѣ того, какъ нѣкто проникается сознаніемъ, что данная норма перестала быть реальнымъ мотивомъ поведенія другихъ, онъ понемногу перестаетъ считать самого себя связаннымъ ею.² И это явленіе наступаетъ въ силу самыхъ элементарныхъ свойствъ нашей психики: положеніе, при которомъ нормой связанъ только одинъ, но не всѣ, кажется намъ несправедливостью; а представленіе о таковой неизбѣжно окрашивается оттѣнкомъ неудовлетворенія.

Психологическій процессъ признанія нормы индивидомъ выступаетъ въ двухъ главныхъ формахъ — прямой и косвенной. При прямомъ признаніи

¹ Это воленіе реализаціи нормы вовсе не непременно предполагаетъ внутреннее убѣжденіе въ ея правильности — она можетъ волиться и какъ средство къ цѣли; а то, что мы волимъ въ качествѣ средства къ цѣли, весьма рѣдко въ изолированномъ состояніи оказалось бы связаннымъ съ отрицательной эмоциональной окраской и, слѣдовательно, неволимимъ.

² Процессъ разложенія традиціонной этики въ совѣтской Россіи могъ бы дать безконечное количество доказательствъ для этого положенія.

процессъ направленъ на данную конкретную норму. Сама норма можетъ быть при этомъ представляема или въ качествѣ абстрактной формулы, что требуетъ извѣстной высоты психическаго развитія, или въ качествѣ совокупности нѣсколькихъ типичныхъ случаевъ ея примѣненія — такая разновидность преобладаетъ въ психологій дѣтей, дикихъ и варварскихъ народовъ, а равно низшихъ классовъ цивилизованныхъ націй.

При косвенномъ признаніи процессъ направленъ не на отдѣльную норму, а на цѣлыя неопредѣленные ихъ совокупности: я признаю тѣ нормы, которыя признаются другими — моими близкими, тѣми, которымъ я вѣрю, или, можетъ быть, тѣми, которыхъ я боюсь, или даже „всѣми“.¹ Яркій примѣръ даетъ психологія добровольно вступающаго въ социальную группу и вступающаго въ ея атмосферу.²

Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что масса актовъ косвеннаго признанія во много разъ превосходить совокупность актовъ прямого признанія; количественно на ней покоится дѣйствование этики. Но прямое признаніе все же образуетъ глубочайшую основу этого явленія, ибо, во-первыхъ, каждый индивидъ можетъ косвенно признавать комплексъ нормъ только, если онъ прямо признаетъ хотя бы одну: иначе отсутствуетъ тотъ базисъ, на которомъ покоится основанное на аналогіи косвенное признаніе. А, во-вторыхъ, косвенное признаніе многими данной нормы, въ качествѣ элемента той или иной неопредѣленной совокупности, предполагаетъ, что она хотя нѣсколькими признается прямо.

Дѣйствующія въ данной общественной группѣ, т. е. входяція въ составъ ея коллективно-психологической атмосферы этическія нормы представляются обязательными для ея членовъ. Это положеніе, безспорное по отношенію къ той вѣтви этики, которая именуется правомъ, способна вызвать большія сомнѣнія въ отношеніи къ нравственности и правамъ. Въ индивидуальности, факультативности морали нерѣдко видятъ то, что отличаетъ ее отъ права; что же касается правовъ, то Штаммлеръ видитъ ихъ специфическую особенность въ возможности для индивида выйти изъ подчиненія имъ цѣной разрыва съ соответствующей группой; на этомъ основаніи онъ предлагаетъ даже именовать эту вѣтвь этики конвенціональными нормами.

Такия воззрѣнія представляются однако неправильными. Конечно, обязательность нравственности и нравовъ носить нѣсколько иной характеръ, нежели обязательность права.³ Но, тѣмъ не менѣе, дѣйствующія нормы нравственности и нравовъ почитаются и индивидомъ, и окружающей его средой, не какъ правила, исполненіе или неисполненіе которыхъ зависитъ отъ его усмотрѣнія, а какъ велѣнія, которыя должны быть имъ осуществлены независимо отъ того, совпадаютъ ли они съ его личными интересами и желаніями, или нѣтъ. Можно, конечно, уклониться отъ выполненія нормы нравственности или нравовъ, но можно нарушить и норму права. Что же касается возможности избавиться отъ подчиненія нормамъ нравовъ путемъ разрыва съ данной социальной группой, то въ нѣкоторыхъ случаяхъ (напр. выходомъ изъ церкви) можно освободиться

¹ Берлингъ ограничиваетъ косвенное признаніе тѣми случаями, когда признаніе однихъ нормъ логически вытекаетъ изъ прямого признанія другихъ. Такая формулировка, очевидно, слишкомъ узка.

² См. выше главу I.

³ См. ниже гл. IV.

и отъ связанности опредѣленными категоріями правовыхъ нормъ: моментъ самонавязыванія, выдвигаемый Штаммлеромъ въ качествѣ критерія права вообще, есть въ дѣйствительности спутникъ только нѣкоторыхъ (правда, практически наиболѣе важныхъ) вѣтвей права.

Итакъ, дѣйствующая этическая норма обязательна для каждаго члена соответствующей соціальной группы. Эта обязательность находитъ свое выраженіе въ томъ, что за нормой стоитъ общественное давленіе, направленное противъ всякаго, кто попытался бы выйти изъ подчиненія ей. Это общественное давленіе не есть какой-то новыи, до сихъ поръ не принятый нами во вниманіе психологическій процессъ. Это не что иное, какъ результатъ индивидуальныхъ актовъ признанія нормъ, вѣрнѣе, вторыхъ ихъ слагаемыхъ, воленій, направленныхъ на осуществленіе ихъ другими. Эти воленія при нормальныхъ условіяхъ, т. е. въ случаѣ теченія жизни въ соответствіи съ нормой, какъ бы разсѣиваются въ пространствѣ. При попыткѣ нарушенія или при состоявшемся нарушеніи, они концентрируются въ соответствующей точкѣ, какъ бы въ фокусѣ, и потому въ огромномъ большинствѣ случаевъ оказываются способными подавить отколловшуюся отъ коллективно-психологической атмосферы волю. Для этого, конечно, нужно, чтобы признающихъ норму было значительное количество. Но при этомъ достаточно, и это важно помнить, и косвеннаго признанія.

Все сказанное выше относительно этики вообще остается справедливымъ и относительно права въ частности. Одной изъ главныхъ основъ его дѣйствія является признаніе его самой соціальной группой въ очерченныхъ выше формахъ. Право представляется обязательнымъ для членовъ соціальной группы въ томъ самомъ смыслѣ, въ какомъ обязательна для нихъ этика вообще. Эта „обязательность“ есть не что иное, какъ другое выраженіе для той связанности индивидуальныхъ психикъ опредѣленной коллективно-психологической атмосферой, которая, согласно сказанному въ гл. I, образуетъ собой сущность права.

Но признанія за норму поведения внутри соціальной группы¹ еще недостаточно для бытія права; оно предполагаетъ еще второй моментъ — наличность поддержки со стороны власти, и отпаденіе такой поддержки, какъ это особенно рельефно проявилось въ современной Россіи, устраняетъ дальнѣйшее дѣйствованіе исторически сложившагося права, какъ такового. Отсюда вытекаетъ необходимость познакомиться съ тою коллективно-психологической реальностью, которая носитъ наименованіе властвованія.

ГЛАВА III

Властвованіе

Властвованіе есть такая коллективно-психологическая атмосфера, въ которой мотивирующія сужденія, исходящія отъ опредѣленныхъ членовъ соціальной группы, становятся мотивами дѣятельности остальныхъ ея членовъ

¹ Въ особенностъхъ этого признанія Бирлингъ думаетъ найти специфическое отличіе права. Но выдвигаемые имъ признаки — признаніе за правило, регулирующее вѣдшее поведение, и признаніе членами группы по отношенію къ другимъ членамъ (*von Genossen gegenüber Genossen*) — приводить, однако, къ весьма неопредѣленнымъ и мало обоснованнымъ характеристикамъ.

независимо отъ непосредственной эмоциональной оцѣнки ими послѣднихъ. Властвованіе есть такимъ образомъ атмосфера неоднородная. Въ ней можно различать активный центръ и пассивную периферію.

Эта двухсторонность властвованія, какъ коллективно-психологической реальности, не всегда замѣчается и признается въ научной литературѣ. Литература государственнаго права до послѣдняго времени проходила мимо реальности, лежащей за юридической формой, и интересовалась только активной стороной, только волей властвовать, упуская изъ виду, что безъ соответствующей пассивной стороны эта воля не приводитъ къ возникновенію подлиннаго властвованія. — Въ качествѣ реакціи противъ этого теченія, Коркуновъ выставилъ пониманіе власти, какъ силы, основанной на сознаніи зависимости со стороны подвластныхъ. И это ученіе является недостаточнымъ; если полагать, что сознание подвластныхъ не отвѣчаетъ никакой реальности, то теорія попадаетъ въ ту-же категорію, какъ знаменитыя „объясненія“ религіи обманомъ со стороны жрецовъ и т. д.; если же полагать, что сознание подвластныхъ покоится на чемъ-то подлинно существѣ, то возникаетъ вопросъ о его распознаваніи.

Какова же сущность коллективно-психологической атмосферы властвованія, которая, конечно, только намѣчена въ вышеприведенномъ опредѣленіи? Вопросъ этотъ можетъ быть выясненъ лучше всего сравненіемъ психологическаго взаимодействія людей въ атмосферѣ властвованія и внѣ таковой.

Тамъ, гдѣ нѣтъ властвованія, имѣется полное совпаденіе сферы воли и сферы дѣйствія. Если я никому не подчиняюсь, но и никому не повелѣваю, то я своей волей опредѣляю всѣ свои поступки, и, наоборотъ, всѣ мои поступки опредѣляются моей волей. Это не значитъ, что моя воля стоитъ внѣ взаимодействія съ волями другихъ индивидовъ. Я могу воспринимать психическіе потоки отъ ближнихъ и направлять къ нимъ таковыя. Поскольку однако я воспринимаю такой потокъ, я обрабатываю его такъ же, какъ всякій иной, вступающій въ мою психику, мотивъ. Въ зависимости отъ моихъ постоянныхъ склонностей и отъ другихъ мотивовъ, пребывающихъ въ данную минуту въ моей психикѣ, я придамъ воспринимаемому отъ другого воздѣйствію ту или иную (т. е. положительную или отрицательную) эмоциональную окраску той или иной интенсивности. Воздѣйствуя на другого, я предполагаю, что его психика такъ же отнесется къ исходящему отъ меня психическому потоку; я, можетъ быть, придамъ своему воздѣйствію ту форму, которая, какъ показываетъ мнѣ опытъ вообще и опытъ общенія съ даннымъ лицомъ въ частности, выдвигаетъ наибольшіе шансы на претвореніе моего воздѣйствія въ побѣдоносный мотивъ; но я представляю себѣ волю объекта моего воздѣйствія независимой отъ моей въ томъ смыслѣ, что мысля свое воздѣйствіе лишь какъ одинъ изъ равноправныхъ мотивовъ въ воспринимающей его психикѣ.

Положеніе рѣзко измѣняется, если воздѣйствіе происходитъ между индивидами, охваченными коллективно-психологической атмосферой властвованія, при томъ въ направленіи отъ активнаго центра къ пассивной периферіи. Тутъ нарушается совпаденіе сферъ воли и дѣйствія. Сфера воли властвующаго опредѣляетъ дѣйствія не только его, но, всецѣло или отчасти, и дѣйствія подвластнаго. Сфера же воли подвластнаго опредѣляетъ лишь часть его дѣйствій, которыя въ остальной своей массѣ зависятъ отъ воли властвующаго. Можно поэтому говорить о наступленіи при властвованіи дефор-

маціи нормальныхъ волевыхъ поверхностей. Эта деформация имѣетъ своимъ корнемъ модификацію въ процессѣ борьбы мотивовъ. При наличности атмосферы властвованія психологическія воздѣйствія одного индивида на другого обладаютъ повышенной силой въ томъ смыслѣ, что они вступаютъ въ воспринимающую ихъ психику какъ бы съ готовой эмоціоанальной окраской; когда А. приказываетъ Б. (при наличности атмосферы властвованія), то Б. не подвергается представлению о предписываемомъ поступкѣ нормальной обработкѣ, при которой отразились бы его индивидуальныя особенности и особенности конкретнаго положенія вещей, а вводитъ это представление въ качествѣ мотива съ сильной положительной окраской. Говоря точнѣе, эта индивидуальная обработка не исключена вовсе; но проникающій отъ властвующаго къ подвластному мотивъ снабженъ сильнымъ предрасположеніемъ къ положительной окраскѣ, именно въ силу своего источника, именно въ силу того, что онъ идетъ отъ властвующаго. И властный приказъ можетъ остаться неисполненнымъ. Но для побѣды надъ нимъ нужны гораздо болѣе сильные противомотивы, нежели потребовались бы для преодоленія тождественнаго по содержанію мотивирующаго представленія, исходящаго изъ иного источника. Въ борьбѣ мотивовъ мотивирующее воздѣйствіе, исходящее отъ властвующаго, снабжено какъ бы дополнительнымъ вѣсомъ, стоящимъ въ связи съ его происхожденіемъ.

Такимъ образомъ, при наличности атмосферы властвованія, нормальныя условія взаимодѣйствія между людьми представляются нарушенными: психическіе потоки, идущіе отъ однихъ членовъ группы къ другимъ, оказываются гораздо болѣе могущественными, нежели идущіе въ обратномъ направленіи. При этомъ важно отмѣтить два обстоятельства. 1) Атмосферы властвованія могутъ охватывать людей или цѣликомъ, или только въ нѣкоторыхъ жизненныхъ проявленіяхъ; поскольку имѣетъ мѣсто послѣднее, возможны (хотя и рѣдки) случаи, когда властвующій надъ ближнимъ въ предѣлахъ одной атмосферы является подвластнымъ ему же въ составѣ другой. 2) Характерные для властвованія психическіе потоки, идущіе отъ активнаго центра къ пассивной периферіи, могутъ имѣть, для составляющихъ послѣднюю лицъ, значеніе не только моментальныхъ мотивовъ, но и мотивовъ длительныхъ, мотивовъ, опредѣляющихъ ихъ поведеніе не въ данномъ конкретномъ случаѣ, а во всѣхъ случаяхъ нѣкоторой категоріи. Ясно, что послѣднее возникаетъ тогда, когда мотивирующее воздѣйствіе по своему логическому составу является общимъ сужденіемъ. Возможность этихъ длительныхъ мотивирующихъ воздѣйствій представляетъ лишь частный случай того весьма важнаго для пониманія коллективно-психологическихъ реальностей факта, что наши психическіе акты не исчезаютъ съ исчезновеніемъ той звуковой волны и т. д., въ которую они вылились, а при извѣстныхъ условіяхъ вызываютъ длянщіяся эффекты.¹

Въ генезисѣ характернаго для атмосферы властвованія явленія деформации волевыхъ поверхностей, основное значеніе принадлежитъ элементарно данному факту наличности среди людей активныхъ и пассивныхъ натуръ. Неуклонная рѣшимость осуществлять свою волю, пониженное состраданіе къ чужому горю, отсутствіе страха, — все это, нерѣдко соединенное съ громкимъ „властнымъ“ голосомъ и твердымъ, какъ сталь, взглядомъ, — являются предположеніями

¹ Это явленіе очень интересно разработано въ т. I „Системы социологіи“ П. Сорокина.

для вступленія въ активный центр атмосферы властвованія. Обратныя свойства, которыя при томъ, какъ показываетъ опытъ, встрѣчаются гораздо чаще, ведутъ къ отходу лица на пассивную периферію той же атмосферы. Самое возникновеніе и закрѣпленіе властвованія на почвѣ этого противоположенія происходитъ многообразными способами. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ основѣ процесса лежитъ дѣятельность активной стороны. Нерѣдко на нечемъ не основанный „властный“ окрикъ или жестъ создаетъ въ воспринимающемъ его лицѣ какъ бы перерывъ психическаго потока; введенное приказавшимъ представленіе оказывается единственнымъ въ психикѣ воспринимающаго, и переходитъ въ дѣло съ тою же необходимостью, которая имѣетъ мѣсто при рефлексѣ. Въ другихъ случаяхъ активная сторона прибѣгаетъ къ угрозѣ на случай неповиновенія, или къ расточенію всевозможныхъ обѣщаній на случай предоставленія ему руководящей роли. — Исходный пунктъ, однако, нерѣдко лежитъ и въ психологіи пассивной стороны: ее можетъ побудить къ повиновенію или непосредственное чувство благоговѣнія, которое стремится проявиться въ упраздненіи своей воли передъ волей высшаго, или та духовная дѣятельность, которая заставляетъ многихъ съ удовольствіемъ повиноваться исходящимъ отъ другихъ директивамъ, благо онѣ устраняютъ необходимость самимъ думать, или инстинктъ подражанія, или, наконецъ, сознаніе общественной солидарности и связанной съ ней необходимости централизованнаго управленія дѣятельностью людей. — Всѣ эти особыя основанія имѣютъ значеніе преимущественно на первыхъ порахъ бытія атмосферы властвованія. Въ дальнѣйшемъ дѣло упрощается. Если, по какимъ либо причинамъ, данному лицу пришлось многократно подчиниться другому, то исходящіе отъ него приказы постепенно получаютъ специфическое для властвованія значеніе независимо отъ того, сохранились ли первоначальныя условія. При этомъ особенно важно то, что вопросъ о повиновеніи минуетъ сознаніе подвластнаго, и предписанныя дѣйствія выполняются какъ бы автоматически.¹ Этотъ вторичный автоматизмъ представляетъ наиболѣе прочную форму повиновенія. Въ силу тенденціи повторяющихся актовъ переходитъ въ привычку, эту форму принимаетъ всякое длительное властвованіе. Зная ея прочность, властвующіе нерѣдко искусственными мѣрами форсируютъ процессъ.

Мы исходили до сихъ поръ изъ противоположенія между активными и пассивными натурами. Нужно однако оговорить, что оно проявляется лишь при первоначальномъ раздѣленіи соціальной группы на „героевъ и толпу“. Въ дальнѣйшемъ это раздѣленіе опредѣляется главнымъ образомъ на основѣ извѣстнаго намъ процесса востанія индивидовъ въ коллективно-психологическія атмосферы. Готовность повиноваться передается вновь прибывающимъ членамъ группы такъ же, какъ и любой иной элементъ такой атмосферы. Что касается замѣненія постовъ въ активномъ центрѣ, то это явленіе осложняется процессомъ объективации властвованія, о которомъ рѣчь будетъ ниже. — Въ результатѣ отмѣченныхъ явленій, возможно нахожденіе: въ активномъ центрѣ властвованія — людей съ пассивной природой и, наоборотъ, активныхъ натуръ въ составѣ пассивной периферіи.

¹ Психологически здѣсь можно говорить объ условномъ рефлексѣ (въ смыслѣ школы Павлова): съ приказаніемъ властвующаго связываются не только процессы въ слуховыхъ нервахъ и т. д., но и процессы въ тѣхъ нервахъ и мускулахъ, которые нужны для выполненія приказа.

Это явление заставляет насъ обратить вниманіе на то свойство атмосферы властвованія, которое можно назвать ея напряженностью, и которое проявляется прежде всего въ возникновеніи, на пассивной периферіи, тенденцій къ выходу изъ нея — въ силу ли отпаденія благоговѣнія передъ мощнымъ центромъ, или въ силу разочарованія въ провозглашенныхъ центромъ цѣляхъ, въ его способности къ ихъ осуществленію, и т. д. Наличие этихъ тенденцій вызываетъ со стороны активнаго центра специальную дѣятельность по поддержанію властвованія, въ каковой дѣятельности онъ пользуется фактомъ неодновременности возмущеній. Т. к. опытъ показываетъ, что ничто не дѣйствуетъ такъ губительно на готовность повиноваться, какъ доказанная на опытѣ возможность неповиновенія, то основнымъ приѣмомъ политики поддержанія власти является неуклонность въ проведеніи разъ предъявленнаго требованія: всякому извѣстны многочисленные акты власти, которые своимъ основнымъ заданіемъ имѣютъ поддержаніе ея престижа.

Во всякой развитой атмосферѣ властвованія протекають многочисленные процессы, изъ которыхъ, для нашихъ цѣлей, важно остановиться (помимо обрисованнаго уже процесса автоматизаціи) на процессахъ объективизаціи и іерархизаціи. Сущность перваго изъ нихъ¹ заключается въ томъ, что въ длительномъ властвованіи понемногу затупевывается лежащій въ его основѣ личный моментъ. Подвластные начинаютъ думать, что они подчиняются не тѣмъ или инымъ лицамъ, выступающимъ въ центрѣ группы, а какому-то стоящему за ними принципу. Но и сами властвующіе понемногу втягиваются въ соответствующіе психическіе процессы и приходятъ къ мысли, что они дѣйствуютъ не какъ индивиды, а какъ представители той или иной идеи. Въ основѣ процесса лежитъ сильно развитая въ нашей психикѣ тенденція къ гипостазированію². Въ силу ея наличности, уже въ отношеніяхъ властвованія между двумя лицами, каждый изъ участвующихъ склоненъ видѣть въ немъ не только себя и другого, но и нѣчто третье — связь между обоими. При столь элементарномъ отношеніи, иллюзія бытія чего-то даннаго сверхъ индивидовъ представляется непрочной, т. к. усилія съ той или иной стороны обыкновенно бываетъ достаточно для того, чтобы разрушить связь, и тѣмъ доказать ея зависимость отъ индивидуальныхъ психикъ. Но, уже при наличности трехъ участниковъ, иллюзія становится болѣе глубокой и прочной: вѣдъ въ этомъ трехстороннемъ отношеніи имѣется три связи, и для каждаго одна изъ нихъ, именно связь между двумя другими участниками, отъ моего воздѣйствія не зависитъ. По мѣрѣ роста числа участниковъ, количество такихъ независящихъ отъ воли даннаго лица связей возрастаетъ съ огромной быстротой. Властвованіе дѣйствительно оказывается объективно-данномъ, независящимъ отъ желаній и переживаній участника. А отъ осознанія этой объективности для него недалеко и до убѣжденія въ абсолютной объективности всего отношенія.

Процессъ объективизаціи властвованія имѣетъ слѣдствіемъ значительное его упроченіе. Для всякаго личнаго властвованія въ высокой степени критическимъ является моментъ смѣны лица или лицъ, образующихъ его активный центръ. При закончившейся объективизаціи, такой моментъ переживается совершенно спокойно, т. к. онъ оказывается лишь смѣной представителя

¹ Дальнѣйшая характеристика процесса объективизаціи примыкаетъ къ труду о власти проф. Саратовскаго Университета П. Франка.

² Весь Олимпъ и аналогичные ему сонмы боговъ — результаты этой тенденціи.

идеи при неизмѣнности самаго отношенія. Далѣе, при личномъ властвованіи пребыть въ активномъ центрѣ сколько-нибудь значительное время можетъ только лицо съ ярко выраженной активной натурой и только при условіи неоявленія на периферіи личности, готовой взяться за власть и располагающей тѣмъ же свойствомъ въ болѣе высокой степени; нѣсколько неудачныхъ шаговъ — и властвованію конецъ. Иное дѣло при обьективированшемся властвованіи: тутъ личныя свойства властвующихъ отсутствуютъ на задній планъ; имъ прощаютъ то, что никогда не простили бы вождю во властвованіи личнаго характера. Въ этомъ и заключается намѣченная выше модификація процесса востанія индивидовъ въ коллективно-психологическія атмосферы.

Вторая тенденція, замѣчаемая въ атмосферѣ властвованія и названная нами тенденціей къ іерархизаціи, заключается въ слѣдующемъ. Въ предѣлахъ человѣческихъ массъ вепыхиваютъ, независимо другъ отъ друга, многочисленные центры властвованія; при расширеніи создаваемыхъ каждымъ вокругъ себя пассивныхъ периферій, эти послѣднія легко могутъ оказаться перекрещивающимися, т. е. захватывающими однихъ и тѣхъ же индивидовъ; это особенно часто имѣетъ мѣсто по отношенію къ властвованіямъ специальнымъ, т. е. касающимся не вѣхъ, а лишь нѣкоторыхъ сторонъ жизни. Такое состояніе перекрещиванія властвованій, при условіи независимости ихъ другъ отъ друга, не можетъ длиться долго, т. к. исходяція изъ разныхъ центровъ властвованія мотивирующія воздѣйствія приводятъ въ психикѣ подвластныхъ къ неразрѣшимымъ конфликтамъ; а конфликты, дѣлая повиновеніе хотя бы одному изъ приказовъ невозможнымъ, имѣютъ слѣдствіемъ распадентіе специфической для периферіи властвованія готовности повиноватся. Поэтому то, путемъ борьбы или добровольныхъ соглашеній, различные властвованія сочетаются другъ съ другомъ и строятся въ іерархическую систему; при этомъ одно изъ нихъ, въ современныхъ условіяхъ — государство, занимаетъ высшее мѣсто и не терпитъ въ данной человѣческой массѣ равноправныхъ себѣ.

Нужно отмѣтить, что такая іерархизація властвованія возникаетъ не только путемъ сочетанія, но и путемъ дифференціаціи первоначально единыхъ атмосферъ властвованія. Опыт¹ показываеъ, что одна воля можетъ непосредственно господствовать только надъ ограниченнымъ числомъ волей. Отсюда, при экстенсивномъ ростѣ атмосферъ властвованія, вытекаетъ необходимость созданія промежуточныхъ властныхъ центровъ. Для становящихся ихъ носителями лицъ характерна двоякая деформация волевой поверхности: пониженная по отношенію къ высшему центру, эта поверхность представляется повышенной, въ типичномъ для властвованія смыслѣ, по отношенію къ центрамъ низшихъ ранговъ или къ пассивной периферіи.

ГЛАВА IV

Сочетаніе этики и властвованія въ право.

Охарактеризованныя выше коллективно-психологическія атмосферы этики и властвованія, сочетаясь между собою, даютъ начало той атмосферѣ, которая именуется правомъ. Это сочетаніе происходитъ такимъ образомъ, что опре-

¹ Подвергаемый научному анализу въ современной стратегіи.

дѣленные группы этическихъ нормъ становятся признанными властью¹.

Той почвой, на которой происходитъ это сочетаніе, является тенденція властвованія къ объективаци, доходящая при этомъ до высшей ступени. Дѣйствительно, т. к. всякая этика есть совокупность нормъ, указывающихъ намъ правильное поведеніе, то власть, признавая тотъ или иной комплексъ этическихъ нормъ, становится какъ бы представительницей абсолютнаго начала добра, которое, согласно широко распространенной среди людей мысли, совпадаетъ съ общимъ благомъ.

На эту высшую ступень объективаци властвованіе наталкивается процессами, текущими какъ въ его активномъ центрѣ, такъ и на периферіи. Въ послѣднемъ отношеніи огромную роль играетъ тотъ коллективно-психологическій процессъ, который именуется „нормативной тенденціей дѣйствительности“, процессъ, въ силу котораго то, что есть, начинаетъ черезъ нѣкоторое время казаться среднимъ людямъ и долженствующимъ быть. Поэтому чисто фактическое состояніе подчиненія, поскольку оно оказывается длительнымъ, предлается въ психикѣ подвластныхъ въ рядъ нормъ, предписывающихъ повиноваться данному активному центру², что имѣетъ дальнѣйшимъ слѣдствіемъ претвореніе въ ихъ психикѣ общихъ велѣній власти въ этическія нормы, охваченныя процессомъ косвеннаго признанія.

Всѣ эти тенденціи легко разсыпались бы при противодействіи имъ власти. Но эта послѣдняя, нормально, не только ихъ не задерживаетъ, но, наоборотъ, примѣняетъ всякіе способы для ихъ развитія и ускоренія. Дѣло въ томъ, что, хотя объективаци на этическомъ принципѣ приносятъ значительное ограниченіе конкретныхъ, открывающихся передъ составяющими власть лицами, возможностей³, но эти стѣсненія сторицею окупаются связанными съ нею выгодами. При сочетаніи власти съ этикой, во-первыхъ, значительно облегчается задача поддержанія ея, т. к. по отношенію къ центростремительнымъ процессамъ вступаетъ въ дѣйствіе новый противовѣсъ, каковымъ является весь механизмъ самоподдержанія этики. Во-вторыхъ, самый фактъ сочетанія съ этикой придаетъ власти тотъ ликъ альтруизма, который такъ важенъ для ея длительного бытія. Въ третьихъ, окончательно затушевываются кризисы, связанные со смѣнами въ личномъ составѣ властвованія — нормы, ихъ регулирующія, получаютъ теперь независимый отъ воли властвующихъ базисъ дѣйствованія. Наконецъ, выключеніе личныхъ желаній и настроеній членовъ активнаго центра властвованія идетъ не такъ далеко, какъ то кажется на первыхъ порахъ, ибо этицировавшаяся власть сама начинаетъ принимать значительное участіе въ формированіи новыхъ нормъ этики (въ ея правовой вѣтви).

Въ силу общности тѣхъ тенденцій, которыя влекутъ къ сочетанію этики и власти, не исключена, какъ будто, возможность возникновенія нѣсколькихъ правовыхъ атмосферъ, не совпадающихъ по содержанію, и въ то же время навязывающихся однимъ и тѣмъ же индивидамъ. Эта опасность оказывается устраненной благодаря тому, что уже знакомая намъ іерархія властвованія

¹ Само собой разумѣется, что имѣется въ виду лишь признаніе нормъ властью, какъ таковой; признаніе тѣхъ или иныхъ нормъ морали или нравовъ властвующими, какъ частными лицами, не претворять ихъ въ правовыя.

² Ибо теперь ея велѣнія по своему содержанію должны укладываться въ установленныя нормами рамки.

означает одновременно и ієрархію признанных ими этических системъ, системъ права. При исторически данномъ безусловномъ преобладаніи государства надъ остальными властвованіями, и право, государствомъ признанное, почти цѣликомъ поглощаетъ право вообще¹. Этимъ устраняются мыслимые конфликты между правовыми системами разныхъ формацій. Что же касается подлинныхъ² конфликтовъ внутри данной системы права, то они представляются исключенными — наличиемъ внутреннихъ противорѣчій дѣйствуетъ на пассивную периферію такъ же разлагающе, какъ одновременныя несомѣстимыя вѣдѣнія, исходящія изъ нѣсколькихъ независимыхъ центровъ; правовая атмосфера, которая не пришла бы съ первыхъ же моментовъ своего бытія къ внутреннему единству, распалась бы, т. к. оказалось бы улетучившимся лежащее въ его основѣ властвованіе.

Сочетаніе этики и властвованія въ право невольно принимаетъ, въ изложеніи, очертаніе какого-то процесса, происходящаго во времени. Такимъ процессомъ это сочетаніе быть можетъ — происхожденіе права есть не что иное, какъ дифференціація изъ первоначально нераздѣльнаго комплекса этическихъ нормъ нѣкоторой группы ихъ, которой заинтересовалась власть. — Но оно можетъ выступать и въ иной формѣ, ибо происшедшая отъ сочетанія коллективно-психологическая атмосфера обладаетъ способностью къ дальнѣйшему развитію. И въ этомъ развитіи нельзя различать раздѣльныхъ процессовъ развитія этики и развитія властвованія — изданіе новаго закона есть обогащеніе новой нормой дѣйствующей этики и, *in o actu*, проявленіе властвованія. Поскольку же смотрѣть на развитіе права, какъ на одну изъ формъ развитія этики³, то тотъ личный моментъ, который присущъ властвованію, и который, вопреки широко распространенному нынѣ мнѣнію (особенно Краббе), не вытравливается безъ остатка даже въ правовомъ государствѣ демократическаго типа, естественно вноситъ въ развитіе крупную пертурбацію — медленный и бессознательный процессъ коллективнаго творчества замѣняется быстрымъ процессомъ сознательнаго цѣлеположенія. И нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что творимыя при такихъ условіяхъ нормы нерѣдко въ значительной степени отступаютъ отъ тѣхъ устремленій къ идеалу, которыя заключаются во внѣвластныхъ видахъ этики: то добро, къ которому направлены нормы признанной властью и развиваемой при ея участіи этики, есть добро въ высокой степени относительное, преломленное сквозь призму специфическихъ интересовъ активнаго центра. И если такимъ образомъ могутъ оказаться включенными въ право нормы, идущія въ разрѣзъ съ вѣдѣніями внѣвластной этики⁴, то еще легче возникаютъ въ немъ нормы, съ ея точки зрѣнія безразличныя: усложненіе структуры властвованія и способовъ его дѣйствія вызываетъ къ жизни цѣлые комплексы регулирующихъ эти вопросы правилъ; и эти правила распространяются не только на компетенцію промежуточныхъ властныхъ центровъ, но и на дѣятельность высшей власти, т. к. только при отлітіи и ея дѣятель-

¹ Хотя ошибочно было бы отрицать наличие права, связаннаго съ другими властными атмосферами.

² Т. е. не могущихъ быть устраненными путемъ толкованія.

³ Что логически вполне допустимо, т. к. выдѣлившаяся въ право часть этики не утрачиваетъ своихъ родовыхъ признаковъ.

⁴ Если невозможны подлинные конфликты внутри права, то конфликты внутри этики, какъ цѣлаго, представляются далеко не исключенными.

ности въ рамки, установленныя нормами, оказывается довершеннымъ процессъ объективации власти на почвѣ этики, процессъ сочетанія этики и власти въ право.

Только что отмѣченное различіе между нормами, т. е. сказ., первичными, обращенными преимущественно къ подвластнымъ, и нормами вторичными, регулирующими дѣятельность власти, имѣеть существенное значеніе для пониманія механизма дѣйствованія права, представляющаго лишь модификацію дѣйствованія этики вообще. Правда, это отличіе не имѣеть такого рѣзкаго характера, какъ можетъ первоначально показаться: ибо между обоими классами имѣются переходныя формы, а, главное, въ силу уже извѣстнаго намъ внутренняго единства права, каждая норма, кромѣ непосредственнаго смысла, имѣеть рядъ отраженныхъ значеній.¹ И эти отраженія не останавливаются передъ границами обоихъ классовъ: такъ напр. нормы, создающія обязанности для подвластныхъ, ставятъ предѣлы для дѣятельности властвующихъ по пресѣченію и преслѣдованію нарушеній такихъ обязанностей, а нормы, устанавливающія обязанности власти, получаютъ отраженное значеніе для подвластныхъ хотя бы въ томъ смыслѣ, что воспрепятствуютъ осуществленію функцій власти или ставятъ себя на ея мѣсто.

Исходя изъ охарактеризованнаго взаимоотношенія нормъ обоихъ классовъ, мы придемъ къ слѣдующимъ положеніямъ по вопросу о дѣйствованіи правовыхъ нормъ. По отношенію къ первичнымъ нормамъ въ признаніи властью выдвигается на первый планъ второе слагаемое такового, т. е. связываніе признанною нормою другихъ, въ данномъ случаѣ подвластныхъ. Это признаніе первичной нормы властью вноситъ значительную модификацію въ ту сторону ея дѣйствованія, которую мы назвали ея обязательностью: признанная властью этическая норма становится одновременно ея общимъ ведѣніемъ. Въ виду этого, по извѣстнымъ уже намъ соображеніямъ для власти возникаетъ необходимость настаивать на непреклонномъ проведеніи такихъ нормъ въ жизнь. Въ результатѣ, то общественное давленіе, которое стоитъ за каждой этической нормой, принимаетъ характеръ воздѣйствія со стороны власти, пользующейся при этомъ всѣми способами, которые находятся въ ея распоряженіи. Такимъ образомъ, признаніе властью первичной нормы неизбѣжно влечетъ за собой специфическую дѣятельность по ея поддержанію². — Но не вполне устранено при этихъ нормахъ и первое слагаемое процесса признанія, самосвязываніе; оно выступаетъ однако лишь по отношенію къ отраженнымъ ихъ значеніямъ.

Что касается вторичныхъ нормъ, то тутъ на первомъ планѣ выступаетъ именно это первое слагаемое. Поддержка нормъ тутъ съ логической неизбѣжностью выливается въ форму фактическаго имъ слѣдованія. Но т. к. и эти нормы, въ своемъ отраженіи, затрагиваютъ подвластныхъ, то и здѣсь второе слагаемое, связываніе другихъ, а, слѣдовательно, и поддержка всею мощью

¹ Изысканіе этихъ отраженій смысла одной нормы на смыслѣ другихъ составляетъ одну изъ главныхъ задачъ толкованія права и догматической юриспруденціи.

² При этомъ представляется предпочтительнымъ отказаться отъ той „поправки“ къ теоріи принужденія, которую предлагаетъ Петражицкій, и считать, что поддержка стоитъ непосредственно за каждой нормой, а не только за тѣми гарантирующими нормами, за которыми никакихъ дальнѣйшихъ гарантирующихъ не имѣется. Ибо поправка Петражицкаго оставляетъ безъ объясненія реальность связи между гарантированными и гарантирующими нормами и фактъ претворенія первичныхъ обязанностей во вторичныя и т. д. въ случаѣ нарушенія.

властного аппарата, оказывается лишь отступающим на задний план, но не отпадающим вовсе.

Охарактеризованное выше сочетание коллективно-психологических атмосфер этики и властвования в право не препятствует сохранению в тех социальных группах, в коих это сочетание произошло, самостоятельных атмосфер этики и властвования¹. То, что остается в составе этики за вычетом из нее права, носить наименование нравственности и правов. Об эти ветви отличаются от права по свойствам стоящего за ними общественного давления: в противоположность давлению, осуществляемому властным центром (конечно при использовании им сил всей группы), здесь имется место лишь неопределенное давление со стороны неорганизованной группы. Поэтому тут до некоторой степени от случайности зависит, будет ли в конкретном случае иметь место реакция против нарушения признаваемой группой нормы, или нет, и если да, то в какую форму она выльется. — Совпадая друг с другом в смысле отсутствия проводимого властью давления, нормы нравственности и правов представляют, однако, одно крупное различие. Норма нравственности требует не только отвѣчающаго ей поведения, но и внутреннего съ собой согласія². При отсутствіи такового, высшее соблюдение не дает индивиду права утверждать, что онъ дѣйствуетъ нравственно: подавшій нищему не потому, что онъ считаетъ должнымъ помогать нуждающимся, а по какимъ-либо житейскимъ соображеніямъ, ничего не заслужилъ съ точки зрѣнія любой моральной системы. — Въ отличіе отъ морали и въ совпаденіе съ правомъ, нормы правовъ не требуютъ этого дополнительнаго момента: надѣвшій на балъ фракъ или вызвавшій оскорбителя на дуэль исполнилъ требованіе нормы правовъ, хотя бы онъ считалъ фракъ совершенно безмысленнымъ одѣваніемъ, а дуэль предосудительнымъ поступкомъ.

Обращаясь теперь къ случаямъ властвования, стоящаго въ сочетаніи съ этикой. Такое властвование можно назвать произвольнымъ. Произвольное властвование можетъ обходиться или индивидуальными приказами, или издавать и общія директивы, которыя однако не признаются властнымъ центромъ въ качествѣ этическихъ нормъ: онѣ считаются имъ обязательными исключительно для подвластныхъ, но не для себя; для подвластныхъ онѣ выступаютъ въ качествѣ техническихъ правилъ, указывающихъ способы снисканія милости и избѣжанія гнѣва властвующихъ³.

Типичнымъ случаемъ произвольнаго властвования представляется отношеніе хозяина къ рабу. Но встрѣчается оно и въ другихъ социальныхъ группахъ, въ частности, въ государствѣ. Ибо широко распространенное мнѣніе, дѣла-

¹ Съ тѣмъ отличіемъ, что сохраненіе въ властной этики кажется намъ само собой разумѣющимся, тогда какъ сохраненіе неэтизированнаго властвования, на данной ступени развитія культуры, представляется аномаліей.

² Въ этой необходимости внутренняго съ собой согласія и заключается та „автономность“, которая почитается специфическимъ признакомъ морали; по своему происхожденію и основамъ своего дѣйствія дѣйствующая мораль гетерономна, какъ и вообще вся этика. — Требованіе согласнаго съ собой настроенія только дополняетъ требованіе согласнаго съ собой поведения; неправильно поступаетъ поэтому Штаммлеръ, устраняя мораль изъ числа формъ высшаго урегулированія общественной жизни (= дѣйствующей этики по нашей терминологіи).

³ Только такую карьеру на право, а не подлинное право рисуютъ тѣ авторы, которые, подобно Шейну и Гумловичу, отрицаютъ этико-нормативный характеръ права или отдѣльных его ветвей.

ющее изъ права и государства соотнoсительныя понятія и признающее за государство лишь такой общественный союзъ, въ которомъ царить право, представляется неправильнымъ. Государство есть только одна изъ формъ властвованія, и, поскольку его власть сочетается съ этикой въ право, правовымъ моментомъ пропитывается и государство. Но государственное властвованіе мыслимо и помимо такого сочетанія. Такимъ, лишеннымъ всякаго отношенія къ этикѣ и праву, государствомъ является деспотія¹.

Историческій процессъ этизированія власти протекаетъ постепенно. Пока онъ не закончился, государство носитъ двоякій характеръ, и наряду съ областями жизни, регулируемыми подлинными правовыми нормами, сохраняются сферы, въ которыхъ господствуетъ произвольное властвованіе. Но и по завершеніи процесса возможны, какъ показываетъ опытъ, вспышки произвола. Господствующее мнѣніе, отрицая правовой характеръ такихъ актовъ, принуждено вмѣстѣ съ тѣмъ отрицать и вмѣнимость ихъ государству. Наша концепція даетъ возможность, отвергая ихъ правомѣрность, все же признавать ихъ актами государственными, что несомнѣнно лучше отвѣчаетъ ихъ сущности².

ГЛАВА V

Сопоставленіе съ другими точками зрѣнія.

Чтобы закончить анализъ, намъ остается сопоставить (по необходимости лишь въ самыхъ общихъ чертахъ) предлагаемое пониманіе права съ другими воззрѣніями. — Изъ обоихъ признаковъ, вводимыхъ нами въ понятіе права, этико-нормативный моментъ является несомнѣнно признаваемымъ и господствующимъ мнѣніемъ — мысль о принадлежности права къ этикѣ или высказывается прямо, или вытекаетъ изъ традиціоннаго сопоставленія или противоположенія права и нравственности — вѣдь даже противоположеніе предполагаетъ у обоихъ членовъ его наличность чего-то общаго, какого-то *tertium comparationis*; и этимъ общимъ моментомъ и является именно то, что какъ право, такъ и нравственность представляютъ собою совокупности этическихъ нормъ.

Введеніемъ же второго признака, момента властности, мы занимаемъ совершенно опредѣленную позицію въ давнишнемъ спорѣ о видовомъ признакѣ права и, при томъ, занимаемъ ее въ ряду теорій, видящихъ это специфическое отличіе въ моментѣ повышенной принудительности правовыхъ нормъ. Ибо, выдвигая моментъ признанія этической нормы властью, мы тѣмъ самымъ подчеркиваемъ усиленную ея обязательность. Думается при этомъ, что предлагаемое пониманіе этой послѣдней устраняетъ тѣ изъ возраженій противъ указаннаго класса теорій, которыя до настоящаго времени не находили надлежащаго отпора.

Противники „теоріи принужденія“ нерѣдко говорятъ, что выдвигаемый ею признакъ въ концѣ концовъ не даетъ никакого специфическаго отличія, т. к. физическое принужденіе стоитъ далеко не за всякой правовой нормой, а

¹ Каковой вовсе не непременно должна быть самодержавная монархія.

² Это особенно важно для юридической квалификаціи тѣхъ юридическихъ нормъ, которыя возникли на основѣ произвольнаго акта власти (напр. законовъ, изданныхъ при участіи 3-й и 4-й госуд. Думъ, избранныхъ на основаніи „произвольнаго“ акта 3-го іюня 1907 г.).

психическое принуждение играет роль санкции и примѣнительно къ нормамъ нравственности и правовъ. — По отношенію къ нашей концепціи это возраженіе утрачиваетъ свою силу — ибо, признавая принудительность (мы предпочитаемъ говорить объ обязательности) всякой этической нормы, мы для повышенной обязательности нормы права выдвигаемъ весьма опредѣленный признакъ: таковымъ является та квалифицированная обязательность, которая вытекаетъ изъ признанія нормы властью.

Противники перѣдко обвиняютъ теорію принужденія въ логическомъ кругѣ: когда она говоритъ о стоящемъ за правомъ принужденіи, то она, очевидно, имѣетъ въ виду не всякое принужденіе, а лишь принужденіе правомѣрное.¹ — Мы вполне согласны съ тѣмъ, что не всякое стоящее за нормой принужденіе дѣлаетъ ее правовой. Но мы указываемъ специфическое отличіе не въ правомѣрности его, а въ его исхожденіи отъ признающей норму власти, т. е. въ признакѣ, несомнѣнно метаюридическомъ.

Но главное возраженіе, которое приходится парировать сторонникамъ теоріи принужденія, заключается повидимому въ томъ, что она не охватываетъ нѣкоторыхъ вѣтвей права, а именно права конституціоннаго и права международнаго.² — Въ первой области затрудненія дѣйствительно неразрѣшими для того, кто гарантирующей моментъ права хочетъ построить, какъ право; тогда въ сложной цѣпи нормъ гдѣ-то наступаетъ конецъ, т. к. находятся нормы, за которыми не стоитъ дальнѣйшихъ, ихъ гарантирующихъ. — Для насъ повышенная обязательность права есть не явленіе специфическое для правовой атмосферы, а лишь нѣчто, притекающее въ нее изъ атмосферы властвованія, которая, какъ логически, такъ и исторически, предшествуетъ праву. Въ частности, мы уже въ гл. 4-ой показали, что охватываемыми нашимъ опредѣленіемъ представляются и тѣ правовыя нормы, которыя формулируютъ обязанности власти. Пока высшая власть признаетъ нѣкоторую норму обязательной для себя и дѣйствуетъ въ соотвѣтствіи съ ней, норма носитъ все признаки правовой. Если же такая власть, (что имѣетъ мѣсто при выпышкахъ произвола), нарушитъ ее, то норма тѣмъ самымъ выбываетъ изъ состава дѣйствующаго права.³ Это, однако, нисколько не мѣшаетъ тому, что отказъ отъ дальнѣйшаго признанія нормъ со стороны власти является правонарушеніемъ, и что, слѣдовательно, продолженіе признанія представляется обязательнымъ.

¹ Такое возраженіе сохраняетъ полную силу и по отношенію къ опредѣленію Михайловскаго, который понимаетъ подъ правомъ совокупность нормъ, гарантированныхъ организованнымъ принужденіемъ: ибо организованность (= упорядоченность) возможна только на почвѣ этическихъ нормъ; если оставить въ сторонѣ нормы нравственности и правовъ (при ихъ привлеченіи специфическій признакъ оказался бы расплывшимся), то остаются только нормы права.

² Во избѣжаніе этой трудности убѣжденнѣйшіи сторонники теоріи принужденія Шершеневичъ исключаетъ названныя вѣтви изъ области права, что, конечно, не является рѣшеніемъ вопроса.

³ Господствующее мнѣніе полагаетъ, наоборотъ, что лишившаяся поддержки высшей власти норма продолжаетъ оставаться въ составѣ дѣйствующаго права. Такое мнѣніе, вполне справедливое для случаевъ нарушенія нормы промежуточными властными центрами, поскольку они могутъ быть исправлены внимательствомъ высшихъ центровъ, для случаевъ деликтовъ со стороны послѣднихъ представляется не характеристикою дѣйствительности, а нѣкоторымъ *pium desiderium*; успѣшно нарушенная высшимъ центромъ норма представляетъ собой *nudum jus* въ объективномъ смыслѣ слова (да будетъ прощено мнѣ такое использованіе термина).

Чтобы установить возможность говорить здѣсь объ обязательности въ правовомъ смыслѣ, мы должны вспомнить сказанное о длительныхъ эффектахъ нашихъ поступковъ. То, что связываетъ власть въ данный моментъ, есть ея предшествующее волеизъявленіе, которое лишаетъ ее, если не силы, то права односторонне отказаться отъ признанія — ибо признаніе этической нормы, отъ кого бы оно ни исходило, означаетъ не подчиненіе ей на данный разъ, а подчиненіе до тѣхъ поръ, пока она будетъ составлять часть данной коллективно-психологической атмосферы. Въ виду этого, вытекающая изъ признанія поддержка есть поддержка не на данный разъ, а поддержка на все время бытія нормы.

Что касается международного права, то, по нашему убѣжденію, объяснить его дѣйствіе въ качествѣ какого-то, стоящаго надъ государствами права, не въ состояніи никакая теорія. Но въ этомъ нѣтъ надобности, т. к. въ дѣйствительности не существуетъ никакого общаго международного права, а есть только международное право, признаваемое Англійей, Франціей, Германіей, Россіей и т. д. Это — та часть права даннаго государства, которая опредѣляетъ обязанности его членовъ (въ томъ числѣ и властвующихъ) по отношенію къ другимъ государствамъ и ихъ подданнымъ. Изъ существа вещей вытекаетъ желательность совпаденія соответствующихъ вѣтвей права разныхъ государствъ, къ которому они и стремятся различными способами. — По отношенію къ такъ понимаемому международному праву наша формула не вызываетъ никакихъ особыхъ затрудненій. Что касается международно-правового деликта, то *mutatis mutandis* къ нему можно примѣнить все сказанное по поводу деликта въ сферѣ конституціоннаго права.

Итакъ, пониманіе права, какъ связанности индивидуальныхъ психикъ опредѣленной коллективно-психологической атмосферой, представляющей собою сочетаніе атмосферъ этики и властвованія, короче говоря, какъ проникнутой властностью этики или, что то же, этизированной власти, давая достаточное освѣщеніе праву, какъ коллективно-психологической реальности, позволяетъ отпарировать важнѣйшія изъ возраженій, выдвигаемыхъ противъ близкихъ по духу воззрѣній. Можно поэтому закончить утверженіемъ, что этичность и властность дѣйствительно суть два нераздѣльные и одинаково важные момента той реальности, которую мы именуемъ правомъ. Для однихъ людей выступаетъ на первый планъ этический моментъ, и они повинуются ему преимущественно „за совѣтъ“; на другихъ оно дѣйствуетъ главнымъ образомъ своей властностью, и они повинуются ему „за страхъ“. И эта принадлежность праву обоихъ моментовъ, управляющихъ поведеніемъ людей, дѣлаетъ изъ него самую мощную изъ дѣйствующихъ въ обществѣ организующихъ силъ.

Расчет листовъ, ослабленныхъ отверстіями

С. П. Тимошенко

При проектированіи металлическихъ конструкцій приходится встрѣчаться съ расчетомъ листовъ, ослабленныхъ различнаго рода отверстіями. Для тѣхъ случаевъ, когда отверстія имѣютъ круговой¹ или эллиптической² контуръ, имѣются достаточно точныя рѣшенія, позволяющія учесть дополнительные напряженія, обусловленные наличиемъ отверстія. При другихъ очертаніяхъ отверстія, а также во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда ослабленный листъ подкрѣпленъ по контуру отверстія жесткимъ кольцомъ, вопросъ о распредѣленіи напряженій до сихъ поръ является не выясненнымъ. Въ настоящей замѣткѣ мы даемъ приближенный способъ для рѣшенія этой задачи. Способъ этотъ можетъ быть примѣненъ къ отверстіямъ различныхъ очертаній и можетъ быть распространенъ на тѣ случаи, когда края отверстія усилены жесткимъ кольцомъ.

Ходъ предлагаемаго расчета выяснимъ на простѣйшемъ примѣрѣ, когда растянутый листъ ослабленъ круглымъ отверстіемъ малаго диаметра (черт. 1) и по контуру отверстія нѣтъ подкрѣпляющаго кольца. Для этого случая имѣется, какъ мы упоминали, точное рѣшеніе, и представляется, слѣдовательно, возможность оцѣнить степень точности предлагаемаго приближеннаго способа расчета. Выдѣлимъ мысленно изъ растягиваемаго листа кольцо, наружный диаметръ котораго D выберемъ достаточно большимъ, чтобы безъ существенныхъ погрѣшностей можно было положить, что по наружному контуру дѣйствуютъ усилія, соответствующія простому растяженію листа, не ослабленнаго отверстіемъ. Въ такомъ случаѣ задача о разысканіи напряженій у краевъ отверстія сведется къ расчету кольца, растягиваемаго вертикальными усиліями, равномерно распредѣленными по горизонтальному направленію (фиг. б). Если бы мы здѣсь воспользовались извѣстнымъ рѣшеніемъ плоской задачи для круглаго кольца,³ то при безпредѣльномъ увеличеніи D пришли бы къ точному рѣшенію задачи.⁴ Приближенный способъ расчета основанъ на примѣненіи къ выдѣленному кольцу извѣстныхъ формулъ, получаемыхъ для кривого бруса элементарнымъ путемъ на основаніи гипотезы „плоскихъ сѣченій“. Эти ф-лы

¹ См. Kirsch, Zeitschr. d. Ver. d. Ing. 1898 г.

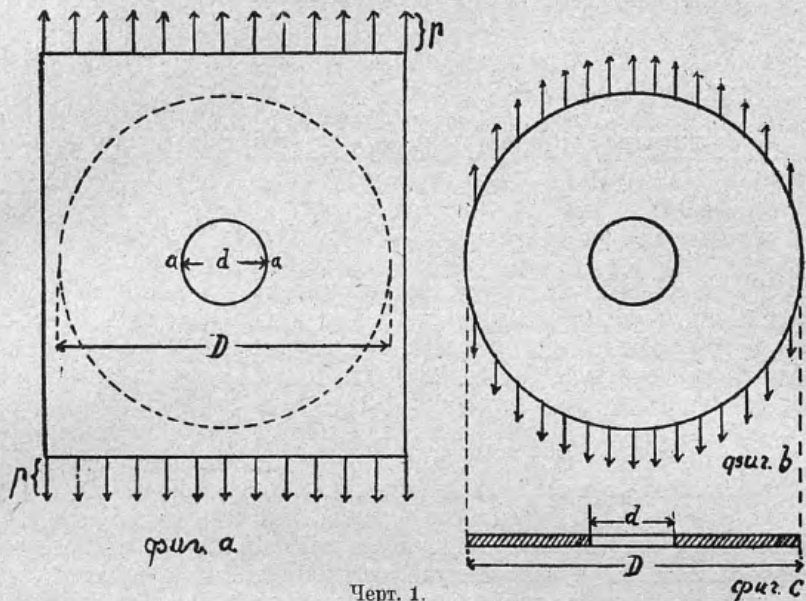
² См. С. Е. Inglis, Engineering 1913 г. стр. 415. Г. Колосовъ, Петроградъ, 1909 г. Диссертация.

³ См. А. Timpe, Zeitschr. f. Math. u. Phys. 1905 г.

⁴ Подобный приемъ рѣшенія данъ нами въ статьѣ „О вліяніи круглыхъ отверстій на распредѣленіе напряженій въ пластинкахъ“, Извѣстія Кіев. Пол. Инст. 1907 г.

могутъ быть примѣнены при любомъ очертаніи кривого бруса, слѣдовательно, при любой формѣ отверстия и при любомъ подкрѣпленіи его краевъ.

Первый вопросъ возникающій при пользованіи приближеннымъ методомъ расчета — это выборъ наружнаго діаметра D для выдѣляемаго кольца. Оче-

Черт. 1.

видно, чѣмъ большимъ будетъ выбранъ этотъ діаметръ, тѣмъ точнѣе будетъ наше предположеніе, что по наружному контуру приложены усилія, соответствующія простому растяженію. Но зато, чѣмъ больше отношеніе $\frac{D}{a}$, тѣмъ большія по-

грѣшности въ наши расчеты вноситъ элементарная теорія изгиба кривыхъ брусъевъ. Чтобы выбрать для отношенія $\frac{D}{a}$ наиболѣе выгодное значеніе, мы произвели вычисленія (Прибавленіе) для различныхъ значеній этого отношенія. Отношенія найденныхъ при этомъ максимальныхъ напряженій p_{\max} къ напряжениямъ p , имѣющимъ мѣсто въ случаѣ не ослабленнаго листа, мы приводимъ въ нижеслѣдующей таблицѣ. Такъ какъ точное рѣшеніе задачи даетъ для

$\frac{D}{a}$	3	4	5	6	8	10
$\frac{p_{\max}}{p} =$	3,83	3,26	3,08	3,03	3,09	3,30

этого случая $p_{\max} = 3 p$, то слѣдовательно приближенный расчетъ, при надлежащемъ выборѣ соотношенія $\frac{D}{a}$, приводитъ насъ къ вполне удовлетворительнымъ результатамъ.

Это заключение дает некоторое основание распространять намеченный здесь способ расчета на те случаи, где не имеется точного решения. Положим, например, что для уменьшения напряжений края круглого отверстия усилены и поперечное сечение выделываемого кольца представляется не вытянутым прямоугольником, как в предыдущем случае (фиг. с), а тавром (фиг. d). Нужно полагать, что такое усиление контура уменьшает область заметного влияния отверстия на распределение напряжений и, следовательно, с большим основанием, чем в предыдущем случае, можно считать, что при достаточно большом D по наружному контуру выделываемого кольца действуют усилия, соответствующия простому растяжению. Выбирая для нашего примерного таврового сечения соотношения $\frac{b}{\delta} = 11$; $\frac{a}{d} = \frac{1}{100}$ (фиг. d) и вычисляя p_{\max} при различных значениях $\frac{D}{d}$, получаем такие результаты:

$\frac{D}{d}$	4	5	6
$\frac{p_{\max}}{p} =$	2,56	2,53	2,56

Мы видим, что максимальное напряжение p_{\max} , получаемое элементарным путем, почти не меняется, при значительных изменениях отношения $\frac{D}{d}$. Этим мы воспользуемся и для дальнейших вычислений примем $\frac{D}{p}$ постоянным, равным 5. Чтобы получить пригодную для практического пользования таблицу значений p_{\max} при различных поперечных размерах подкрепляющего кольца, мы будем исходить из прежнего таврового сечения. Увеличивая ширину тавра b , мы будем получать все более жесткия подкрепляющия кольца и соответственно меньшия значения для p_{\max} . Числовые результаты, полученные для нескольких тавровых сечений приводимъ в нижеслѣдующей таблицѣ.

$\frac{b-\delta}{\delta} =$	10	20	30	40	50
$\frac{p_{\max}}{p} =$	2,53	2,17	1,90	1,69	1,53

Замѣтимъ, что при выбранныхъ соотношеніяхъ между размерами тавра, числа первой строчки таблицы представляютъ процентное отношеніе площади поперечнаго сѣченія подкрепляющаго кольца къ площади ослабленія $\delta \cdot d$. Въ тѣхъ случаяхъ когда размеръ a подкрепляющаго кольца въ радиальномъ направленіи малъ по сравненію съ діаметромъ отверстія d , влияніе подкрепленія на величину p_{\max} опредѣляется главнымъ образомъ площадью поперечнаго сѣченія кольца (Прибавленіе). Это обстоятельство позволяетъ пользоваться числами предыдущей таблицы для приближеннаго вычисленія p_{\max} при формахъ поперечнаго сѣченія подкрепляющаго кольца, отличныхъ отъ тѣхъ, какія мы имѣли выше. Положимъ, напримеръ, что растянутый желѣзный листъ толщиной въ 1 см. ослабленъ круглымъ отверстіемъ діаметромъ $d = 100$ см. Края отверстія окаймлены парой уголковъ $10 \times 10 \times 1$ см. Принимая площадь сѣченія уголковъ приблизительно равной 40 см^2 найдемъ, что она составляетъ 40% отъ площади ослабленія, следовательно, на основаніи преды-

дущей таблицы $\frac{p_{\max}}{p} = 1,69$. Больше подробные расчеты, учитывающие форму поперечного сечения подкрепляющего кольца, дают в данном случае для отношения $\frac{p_{\max}}{p}$ величину примерно на 2% большую только что полученного значения. Разница эта столь мала, что с ней можно не считаться и пользоваться следовательно, числами таблицы, полученной для таврового сечения.

Мы рассмотрели здесь случай простого растяжения ослабленного листа, но предлагаемый прием расчета легко может быть применен и ко всякому

другому напряженному состоянию листа, если только мы имеем возможность найти усилия по наружному контуру выдвляемого кольца. Распространение расчета на случаи отверстий других очертаний также не может встретить принципиальных затруднений. Например, может быть рассмотрено эллиптическое отверстие и на основании сравнения приближенных результатов с точными решениями для этого случая можно установить надлежащие размеры того наружного контура, по которому должно быть очерчено подвергаемое расчету кольцо.

Прибавление.

При расчете выдвляемого кольца воспользуемся условием симметрии и ограничимся рассмотрением одного квадрата (черт. 2). Наибольшие напряжения будут иметь место в точке *n* горизонтального сечения *mn*. Растягивающая сила для этого сечения найдется из условий статики и будет равна $\delta \cdot p \cdot \frac{D}{2}$, где δ — толщина листа. Величина изгибающего момента M_0 для того же сечения найдется из уравнения

$$\int_0^{\frac{\pi}{2}} M d\varphi - \gamma \int_0^{\frac{\pi}{2}} N d\varphi = 0 \quad (a)$$

где

$$N = \frac{\delta p D}{2} \cos^2 \varphi; \quad M = M_0 + \frac{\delta p D}{2} (1 - \cos \varphi) \left[\frac{D}{4} (1 - \cos \varphi) + \frac{h}{2} \cos \varphi \right] - \frac{\delta p D}{2} \varrho (1 - \cos \varphi). \quad (b)$$

ϱ — радиус, соответствующий оси кольца. h — ширина кольца равная $\frac{1}{2}(D - d)$; γ — расстояние центра тяжести поперечного сечения от нейтральной линии в случае изгиба бруска парой сил. Величина γ для прямоугольного сечения определяется ф-ой

$$\gamma = \varrho - \frac{h}{12} \frac{D}{d}$$

Рѣшая ур-іе (а), найдемъ:

$$M_0 = \frac{\delta p D^2}{2\pi} \left[\frac{2p}{D} \left(\frac{\pi}{2} - 1 \right) + \frac{2\gamma}{D} \cdot \frac{\pi}{4} - \frac{h}{D} \left(1 - \frac{\pi}{4} \right) - \frac{3}{8} \pi + 1 \right] \dots \quad (с)$$

Напряженія растяженія p по сѣченію mn опредѣлятся ф-ой

$$p_1 = \frac{pD}{2h}$$

Напряженіе отъ изгиба для точки n будетъ равно

$$p_2 = M_0 \cdot \frac{1 - \frac{2\gamma}{h}}{\gamma d \cdot \delta}$$

Результаты вычисленій для ряда значеній отношенія $\frac{D}{d}$ приводимъ въ ниже-слѣдующей таблицѣ:

$\frac{D}{d}$	3	4	5	6	8	10
$\frac{2\gamma}{h}$	0,1796	0,2238	0,2574	0,2838	0,3239	0,3536
$\frac{p_1}{p}$	1,50	1,33	1,25	1,20	1,14	1,11
$\frac{p_2}{p}$	2,33	1,93	1,83	1,83	1,95	2,19
$\frac{p_{\max}}{p}$	3,83	3,26	3,08	3,03	3,09	3,30

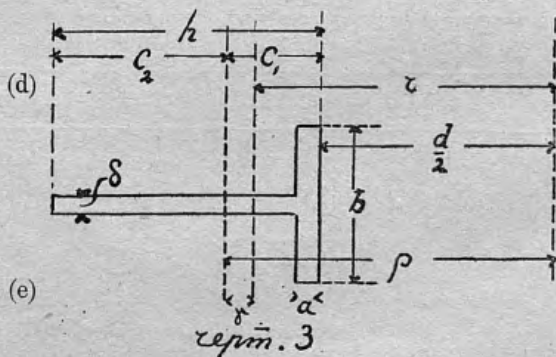
Въ случаѣ тавроваго сѣченія (черт. 3) ур-іе (а) остается въ силѣ. Въ ф-ахъ (b) и (с) нужно вмѣсто $\frac{h}{2}$ поставить величину c_2 , опредѣляющую разстоянія центра тяжести сѣченія отъ наружнаго контура. При $\frac{b}{\delta} = n$; $\frac{a}{d} = m$, получаемъ

$$\frac{c_1}{d} = \frac{h}{2d} \cdot \frac{1 + (n-1) \frac{m^2 d^2}{h^2}}{1 + (n-1) \frac{m d}{h}} \quad (d)$$

$$\frac{\gamma}{d} = \frac{e-r}{d} = \frac{e}{d} -$$

$$(n-1) m + \frac{h}{d}$$

$$\frac{D}{d} \left((n-1) \lg_n (1+2m) + \lg_n \right) \quad (e)$$

Напряженія отъ растяженія и изгиба для точки n сѣченія mn (черт. 2) будутъ

$$p_1 = \frac{\delta p D}{2F},$$

гдѣ F — площадь поперечнаго сѣченія,

$$p_2 = \frac{M_0}{F\gamma} \frac{2(c_1 - \gamma)}{d}.$$

Результаты вычислений для нескольких значений отношения $\frac{D}{d}$ при $n = 11$; $m = 0,01$ приведены в нижеследующей таблице.

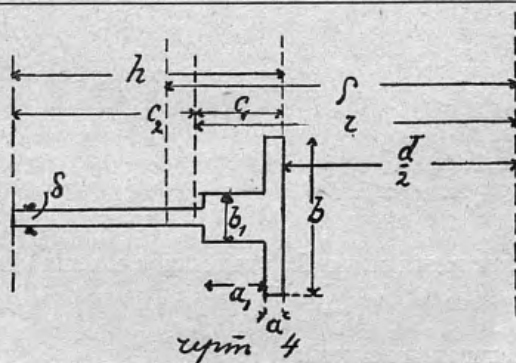
$\frac{D}{d}$	$\frac{c_1}{d}$	$\frac{e}{d}$	$\frac{c_2}{d}$	$\frac{\gamma}{d}$	$\frac{p_1}{p}$	$\frac{p_2}{p}$	$\frac{p_{\max}}{p}$
4	0,703	1,203	0,797	0,1935	1,25	1,31	2,56
5	0,953	1,453	1,047	0,2907	1,19	1,34	2,53
6	1,202	1,702	1,298	0,3956	1,15	1,41	2,56

В тех случаях, когда m — малая величина, мы можем вместо (d) и (e) написать такие приближенные ф-лы

$$\frac{c_1}{d} = \frac{h}{2d} \left[1 + (n-1) \frac{m d}{h} \right]; \quad \frac{\gamma}{d} = \frac{e}{d} - \frac{(n-1)m + \frac{h}{d}}{2m(n-1) + \frac{D}{g_n d}} \quad (f)$$

В эти ф-лы величины m и $(n-1)$ входят лишь в виде произведения, а потому величины напряжений p_{\max} будут зависеть лишь от площади поперечного сечения кольца. Оставляя величину m постоянной и меняя лишь n , получим при $\frac{D}{d} = 5$ такие результаты:

$n-1$	$\frac{c_1}{d}$	$\frac{e}{d}$	$\frac{\gamma}{d}$	$\frac{c_2}{d}$	$\frac{p_1}{p}$	$\frac{p_2}{p}$	$\frac{p_{\max}}{p}$
20	0,9095	1,4095	0,312	1,0905	1,14	1,03	2,17
30	0,8703	1,3702	0,326	1,1297	1,09	0,81	1,90
40	0,8342	1,3342	0,334	1,1658	1,04	0,65	1,69
50	0,8010	1,3010	0,339	1,1990	1,00	0,53	1,53

В случае подкрепления контура отверстия парой уголков, поперечное сечение выдвинутого кольца будет иметь вид, представленный на чертеже (4).

Пользуясь обозначениями $\frac{b}{\delta} = n$; $\frac{a}{d} = m$; $\frac{b_1}{\delta} = n_1$; $\frac{a_1}{d} = m_1$
 получим

$$\frac{c_1}{d} = \frac{h}{2d} \frac{1 + (n-1) \frac{m^2 d^2}{h^2} + (n_1-1) \frac{m_1(m_1+2m)d^2}{h^2}}{1 + m(n-1) \frac{d}{h} + m_1(n_1-1) \frac{d}{h}} \quad (d)^1$$

$$\frac{\gamma}{d} = \frac{q}{d} - \frac{\frac{h}{d} + (n-1)m + (n_1-1)m_1}{(n-1) \lg_n(1+2m) + (n_1-1) \lg_n \frac{1+2m+2m_1}{1+2m} + \lg_n \frac{D}{d}} \quad (e)^1$$

Для $m_1 = 0$ или $n_1 = 1$ ф-лы (d)¹ и (e)¹ совпадают с ф-ами (d) и (e).
 Для частного случая когда $n = 21$; $n_1 = 3$; $m = 0,01$; $m_1 = 0,1$

$$\frac{D}{d} = 5,$$

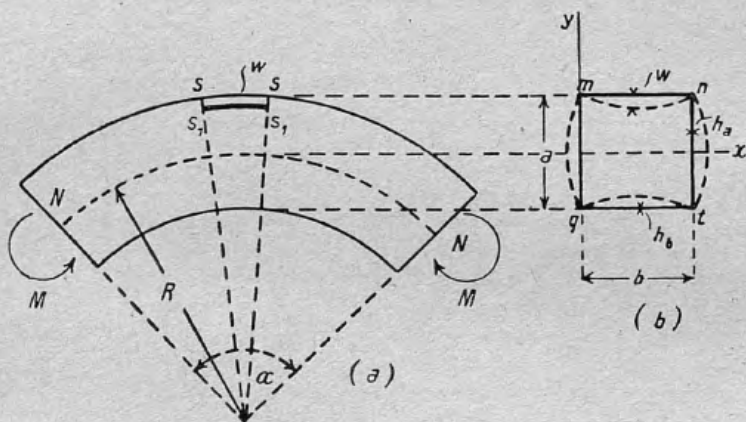
получаем

$$\frac{c_1}{d} = 0,8388; \quad \frac{\gamma}{d} = 0,323; \quad p_1 = 1,04p; \quad p_2 = 0,69p; \quad p_{\max} = 1,73p.$$

Изгибъ кривой трубки прямоугольнаго поперечнаго сѣченія

С. П. Тимошенко

Предположимъ, что тонкостѣнная трубка прямоугольнаго поперечнаго сѣченія $a \times b$ съ круговой осью изгибается парами силъ M [Fig. 1(a)]. Если

Фиг. 1(a).

Фиг. 1(b).

считать поперечные размѣры трубки малыми по сравнению съ радиусомъ оси R и принять линейный законъ распредѣленія напряженій по сѣченію, то для вычисленія $\Delta \alpha$, приращенія угла α , и максимальныхъ напряженій будемъ имѣть извѣстныя ф-лы:

$$(1) \quad M = EJ \frac{\Delta \alpha}{R \alpha}; \quad p_{\min}^{\max} = \pm \frac{a}{2} \frac{M}{J}. \quad (2)$$

Въ дѣйствительности растягивающія напряжения, дѣйствующія со стороны выпуклости, и сжимающія напряжения, со стороны вогнутости, будутъ давать составляющія, направленныя къ нейтральной поверхности NN и вызовутъ искаженіе сѣченія, представленное на Fig. 1(b) пунктиромъ. Прогібы mn и qt оказываютъ весьма существенное вліяніе на распредѣленіе напряженій по поперечному сѣченію. Въ самомъ дѣлѣ, при отсутствіи этихъ прогібовъ удлиненіе элемента SS , соответствующее приращенію угла $\Delta \alpha$ будетъ равно $\frac{a}{2} \cdot \frac{\Delta \alpha}{R \alpha}$. Перемѣщеніе того же элемента въ радіальномъ направленіи въ положеніе $S_1 S_1$, соответствующее прогібу на величину w ,

вызывает, какъ видно изъ чертежа, относительное сжатіе $\frac{W}{R}$. Окончательно для относительнаго удлинёнія волокна SS получаемъ ф-лу

$$e = \frac{a}{2} \frac{\Delta \alpha}{R \alpha} - \frac{W}{R} \quad (3)$$

Мѣняя знаки, получимъ ф-лу для относительнаго сжатія элементовъ, расположенныхъ со стороны вогнутости.

Мы видимъ, что самыя незначительныя прогибы W вызываютъ существенное уменьшеніе деформаций, а слѣдовательно и напряженій въ листахъ mn и qt . Эти листы какъ бы уклоняются отъ усилій, а потому значительно большая доля момента M передается на стѣнки трубки mq и nt . Здѣсь получаютъ напряженія большія, нежели то слѣдуетъ изъ ф-лы (2), и соотвѣтственно большимъ получается и измѣненіе угла $\Delta \alpha$. Трубка становится менѣ жесткой.¹

Оказывается, что для вычисленія деформаций и максимальныхъ напряженій нужно въ ф-лы (1) и (2) вмѣсто момента инерціи поперечнаго сѣченія J ввести меньшую величину

$$J_1 = J \varphi \quad (4)$$

при чемъ коэффициентъ φ зависитъ отъ соотношенія между размѣрами поперечнаго сѣченія и отъ радіуса R . Величина его можетъ быть вычислена по ф-лѣ [см. прибавленіе]

$$\varphi = 1 - 2\lambda \frac{\left[2 + \frac{1}{2} \frac{b}{a} \left(\frac{h_a}{h_b} \right)^3 \right]}{\pi^2 \left(1 + \frac{i_2}{i_1} \right)} \left. \begin{array}{l} \\ \\ \\ \end{array} \right\} (5)$$

$$\frac{1}{12(1-\sigma^2)} \left[\pi^4 + 4\pi^2 \frac{b^2}{a^2} \left(\frac{h_a}{h_b} \right)^6 + \frac{40}{3} \pi^2 \frac{b}{a} \left(\frac{h_a}{h_b} \right)^3 \right] + \lambda \left[1 + \frac{3}{4\pi^2} \frac{b^2}{a^2} \left(\frac{h_a}{h_b} \right)^6 + \frac{16}{3\pi^2} \frac{b}{a} \left(\frac{h_a}{h_b} \right)^3 \right]$$

Здѣсь h_a и h_b — толщины вертикальныхъ и горизонтальныхъ листовъ сѣченія Fig. 1(b).

i_1 — моментъ инерціи сѣченія горизонтальныхъ листовъ mn и qt .

i_2 — моментъ инерціи сѣченія вертикальныхъ листовъ mq и nt .

σ — Пуассоново отношеніе, принятое при вычисленіяхъ равнымъ 0,3.

$$\lambda = \frac{b_4}{R^2 h_b^2} \quad (6)$$

Возьмемъ, напримѣръ, трубку постоянной толщины квадратнаго поперечнаго сѣченія. Тогда

$$a = b; \quad h_a = h_b = h \quad i_2 : i_1 = \frac{h a^3}{6} : \frac{h a^3}{2} = \frac{1}{3}.$$

Формула (5) даетъ намъ

$$\varphi = \frac{49,18 + 1,332 \lambda}{49,18 + 3,232 \lambda} \quad (7)$$

¹ Такое уменьшеніе жесткости влѣдствіе искаженія сѣченія для круглыхъ трубокъ было рассмотрѣно в. Karman' омъ. См. „Über die Formänderung dünnwandiger Rohre... Z. d. Ver. d. Ing. 1911 г. 1889.

Если λ мало, т. е. когда мы имеем толстые стѣнки и радиус трубки относительно большой, величина φ получается близкой къ единицѣ и ф-лы (1) и (2) даютъ удовлетворительные результаты. Если мы возьмемъ другой крайній случай и положимъ $\lambda = \infty$, то получимъ $\varphi = 0,412$. Слѣдовательно, въ случаѣ очень тонкой, сильно искривленной трубки, жесткость ея, благодаря искаженію поперечнаго сѣченія, уменьшается почти въ 2,5 раза. Въ томъ же отношеніи возрастаетъ величина максимальныхъ напряженій. Положимъ, напримеръ,

$$R = 5000 \text{ mm}, \quad a = 500 \text{ mm}, \quad h = 10 \text{ mm},$$

тогда $\lambda = 25$, и ф-ла (7) даетъ намъ $\varphi = 0,513$. Величина p_{\max} будетъ въ 1,95 разъ больше того напряженія, какое получается изъ ф-лы (2).

Въ качествѣ второго примѣра возьмемъ сѣченіе, представленное на Fig. 2. Оно принадлежитъ крану Fairbairn'a для полезной нагрузки 9 tn. Вычисления, произведенныя для данного случая на основаніи гипотезы плоскихъ сѣченій, не принимая во вниманіе искаженія сѣченія, даютъ для наибольшихъ напряженій такія значенія¹:

$$p_{\max} = + 407 \text{ kl/cm}^2; \quad p_{\min} = - 572 \text{ kl/cm}^2$$

Чтобы учесть вліяніе искаженія поперечнаго сѣченія, вычисляемъ φ по ф-мѣ (5).² При этомъ полагаемъ $\frac{h_a}{h_b} = 1$; $\frac{b}{a} = 0,785$; $\lambda = \frac{b^4}{R^2 h^2} \cong 2640$.

Уголки, соединяющіе горизонтальные листы съ вертикальными стѣнками и части горизонтальныхъ листовъ, выходящія за предѣлы mn и qt мало вліяютъ на изгибъ, сопровождающій искаженіе сѣченія. Въ такомъ случаѣ соответствующія площади поперечнаго сѣченія придется присоединить

къ сѣченіямъ стѣнокъ при вычисленіи момента инерціи i_2 . Тогда получимъ

$$i_1 = \cong 319 \cdot 10^3 \text{ cm}^4; \quad i_2 = 307 \cdot 10^3 \text{ cm}^4; \quad i_2 : i_1 = 0,96.$$

Вставляя числовыя величины въ ф-лу (5), получимъ

$$\varphi = \frac{20,6 + 0,878 \lambda}{20,6 + 1,470 \lambda} = 0,60.$$

Слѣдовательно, для вычисленія деформаций и напряженій по ф-амъ (1) и (2), нужно въ нихъ вмѣсто J вставить величину $J_1 = 0,60 J$. При этомъ и напряженія и деформации получатся большими въ отношеніи $1 : 0,60 = 1,67$, чѣмъ то даетъ обычный расчетъ, не принимающій во вниманіе искаженія поперечнаго сѣченія. Уменьшеніе жесткости получается вслѣдствіе малой использованности матеріала листовъ mn и qt , поэтому всякое увеличеніе размѣра b по сравненію съ a будетъ сопровождаться уменьшеніемъ коэффициента φ и не представляется цѣлесообразнымъ съ точки зрѣнія затраты матеріала.

¹ См. Ad. Ernst, die Hebezeuge, I. Bd. стр. 540.

² Получаемый такимъ путемъ результатъ нужно разсматривать, какъ приближенное рѣшеніе, такъ какъ въ настоящемъ случаѣ a не мало по сравненію съ R и распреденіе напряженій отклоняется отъ линейнаго закона, принятаго при выводѣ ф-лы 5.

Прибавленіе.

Для рѣшенія вопроса объ искаженіи поперечнаго сѣченія трубки, мы воспользуемся приближеннымъ способомъ, основаннымъ на разсмотрѣннйи потенциальной энергіи деформированной трубки: При заданномъ значеніи измѣненія угла $\Delta \alpha$ получатся то искаженіе поперечнаго сѣченія, которому соответствуетъ minimum потенциальной энергіи изогнутой трубки. Мы выберемъ подходящую форму для искаженія поперечнаго сѣченія и постоянныя величины, опредѣляющія эту форму, подберемъ такъ, чтобы удовлетворить требованію относительно minimum'a потенциальной энергіи.

Расположимъ координатныя оси какъ то указано на Fig. 1(b) и обозначимъ прогибы mn и qt черезъ w . Очевидно w представляется нѣкоторой ф-іей отъ x . Для приближеннаго рѣшенія задачи выберемъ такую форму искривленія:

$$w = w_0 \sin \frac{\pi x}{b} + w_1 \left(1 - \cos \frac{2\pi x}{b}\right) \quad (8)$$

Здѣсь w_0 и w_1 — нѣкоторыя постоянныя.

При $w_1 = 0$ будемъ имѣть искривленіе по синусидѣ, при чемъ края листовъ mn и qt будутъ свободно поворачиваться. При $w_0 = 0$ края листовъ mn и qt не поворачиваются вовсе. Въ дѣйствительности будетъ имѣть мѣсто нѣкоторый промежуточный случай: и w_0 и w_1 будутъ отличны отъ нуля, края листовъ mn и qt будутъ при изгибѣ нѣсколько поворачиваться и изгибать вертикальныя стѣнки трубки такъ, что прямыя qm и nt искривятся по дугамъ круга. Для установленія зависимости между w_0 и w_1 , выдѣлимъ изъ трубки двумя поперечными сѣченіями элементъ длиною единица, считая по оси трубки. Тогда получимъ двѣ горизонтальныя полоски mn и qt шириною единица¹, соединенныя между собой такой же ширины вертикальными полосками mq и nt . Нужное соотношеніе между w_0 и w_1 найдется изъ того условія, что при искаженіи сѣченія соединенныя между собой концы горизонтальныхъ и вертикальныхъ полосокъ должны поворачиваться на одинъ и тотъ же уголъ. Кроме того, въ мѣстахъ соединенія имѣется одинъ и тотъ же изгибающій моментъ, слѣдовательно, здѣсь кривизны горизонтальной и вертикальной полосокъ должны относиться между собой обратно пропорціонально жесткостямъ, т. е. кубамъ толщинъ. Принимая во вниманіе, что вертикальныя полоски изгибаются парами свѣдъ, приложенными по концамъ, и искривляются, слѣдовательно, по дугѣ круга, можно на основаніи предыдущихъ соображеній написать такое ур-іе

$$\left(\frac{dw}{dx}\right)_{x=0} = \frac{a}{2} \cdot \left(\frac{h_b}{h_a}\right)^3 \left(\frac{d^2w}{dx^2}\right)_{x=0}$$

Вставляя сюда вмѣсто w его значеніе (8), получимъ

$$w_1 = w_0 \cdot \frac{b}{2\pi a} \cdot \left(\frac{h_a}{h_b}\right)^3$$

Послѣ этого выраженіе (8) переписывается такъ

$$w = w_0 \left[\sin \frac{\pi x}{b} + \frac{b}{2\pi a} \left(\frac{h_a}{h_b}\right)^3 \left(1 - \cos \frac{2\pi x}{b}\right) \right] \quad (9)$$

¹ Наклономъ поперечныхъ сѣченій другъ къ другу пренебрегаемъ, считая a малымъ по сравненію съ R .

Обратимся теперь къ вычисленію потенциальной энергии, приходящейся на выдѣленный элементъ трубки. Принимая во вниманіе, что относительное удлиненіе листовъ mn и qt представляется ф-ой (3), а для вертикальных листовъ mq и nt удлиненіе опредѣляется ф-ой

$$e_y = \frac{y \Delta \alpha}{R \alpha},$$

представимъ потенциальную энергию растяженія для выдѣленного элемента такъ

$$A_1 = Eh_b \int_0^b \left(\frac{a}{2} \frac{\Delta \alpha}{R \alpha} - \frac{w}{R} \right)^2 dx + Eh_a \int_{-\frac{a}{2}}^{+\frac{a}{2}} \frac{y \Delta \alpha}{R \alpha} dy.$$

Или вставляя вмѣсто w его значеніе (9), получаемъ

$$A_1 = Eh_b \left\{ \left(\frac{a}{2} \frac{\Delta \alpha}{R \alpha} \right)^2 b - \frac{a \Delta \alpha}{R^2 \alpha} w_0 \left[\frac{2b}{\pi} + \frac{b^2}{2\pi a} \left(\frac{h_a}{h_b} \right)^3 \right] + \frac{w_0^2}{R^2} \left[\frac{b}{2} + \frac{3}{8} \frac{b^3}{a^2 \pi^2} \left(\frac{h_a}{h_b} \right)^6 \right] \right. \\ \left. + \frac{8}{3} \frac{b^3}{a \pi^2} \left(\frac{h_a}{h_b} \right)^3 \right\} + Eh_a \frac{(\Delta \alpha)^2 a^3}{12} \quad (10)$$

Потенциальная энергія изгиба, соответствующая искаженію поперечнаго сѣченія, представится такъ

$$A_2 = \frac{Eh_b^3}{12(1-\sigma^2)} \int_0^b \left(\frac{d^2 w}{dx^2} \right)^2 dx + \frac{Eh_a^3}{12(1-\sigma^2)} \left(\frac{d^2 w}{dx^2} \right)_{x=0}^2 \left(\frac{h_b}{h_a} \right)^6 \alpha.$$

Здѣсь первый членъ представляетъ собою потенциальную энергию для горизонтальныхъ полосокъ mn и qt и второй членъ — энергию вертикальныхъ полосокъ mq и nt , изгибающихся по дугѣ круга. И въ первомъ и во второмъ членѣ въ знаменатель введенъ множитель $(1-\sigma^2)$, чтобы учесть то обстоятельство, что при изгибѣ полосокъ ихъ поперечныя сѣченія не искажаются, благодаря связи этихъ полосокъ съ мысленно отрѣзанными частями листовъ. Вставляя вмѣсто w его выраженіе, получимъ для потенциальной энергии изгиба

$$A_2 = \frac{Eh_b^3 w_0^2}{12(1-\sigma^2)} \left[\frac{\pi^4}{2b^3} + \frac{2\pi^2}{a^2 b} \left(\frac{h_a}{h_b} \right)^6 + \frac{8}{3} \frac{\pi^2}{ab^2} \left(\frac{h_a}{h_b} \right)^3 \right] + \frac{Eh_a^3}{12(1-\sigma^2)} \frac{4\pi^2 a w_0^2}{a^2 b^2}. \quad (11)$$

Суммируя (10) и (11) получаемъ полное выраженіе A для потенциальной энергии выдѣленного нами элемента трубки.

Составляя производную по w_0 отъ выраженія $A = A_1 + A_2$ и приравнивая эту производную нулю, получимъ для опредѣленія w_0 такое ур-іе:

$$w_0 \left\{ \pi^4 + 4\pi^2 \frac{b^2}{a^2} \left(\frac{h_a}{h_b} \right)^6 + \frac{40}{3} \pi^2 \frac{b}{a} \left(\frac{h_a}{h_b} \right)^3 + 12(1-\sigma^2) \frac{b^4}{R^2 h_b^2} \left[1 + \frac{3}{4\pi^2} \frac{b^2}{a^2} \left(\frac{h_a}{h_b} \right)^6 \right] \right. \\ \left. + \frac{16}{3\pi^2} \frac{b}{a} \left(\frac{h_a}{h_b} \right)^3 \right\} = 12(1-\sigma^2) \frac{b^4}{R^2 h_b^2} \frac{a \Delta \alpha}{\alpha} \left[\frac{2}{\pi} + \frac{1}{2\pi} \frac{b}{a} \left(\frac{h_a}{h_b} \right)^3 \right] \quad (12)$$

Вставляя полученное отсюда значеніе w_0 въ выраженіе для Δ , получимъ окончательное выраженіе для потенциальной энергии, приходящееся на единицу длины изогнутой трубки. Съ другой стороны, то же значеніе мы должны

получить, если возьмемъ половину произведенія изгибающаго момента M на измѣненіе угла $\frac{\Delta \alpha}{R \alpha}$ между двумя поперечными сѣченіями, выдѣляющими рассматриваемый элементъ. Такимъ образомъ приходимъ къ уравненію

$$A_1 + A_2 = \frac{1}{2} M \frac{\Delta \alpha}{R \alpha}. \quad (13)$$

Откуда и получаемъ

$$M = EJ \frac{\Delta \alpha}{R \alpha} \cdot \varphi \quad (14)$$

гдѣ φ имѣетъ значеніе (5).

Въ случаѣ трубки квадратнаго поперечнаго сѣченія постоянной толщины ур-іе (12) принимаетъ видъ

$$w_0 \left[\pi^4 + \frac{52}{3} \pi^2 + \lambda \cdot 12 (1 - \sigma^2) \left(1 + \frac{73}{12 \pi^2} \right) \right] = \frac{5 \lambda}{2 \pi} (1 - \sigma^2) \frac{\alpha \Delta \alpha}{\alpha}$$

и мы получаемъ

$$w_0 = \frac{\alpha \Delta \alpha}{\alpha} \frac{0,796 \lambda}{24,6 + 1,62 \lambda}$$

Вставляя это значеніе w_0 въ выраженіе (9), мы при помощи (3) найдемъ удлиненіе въ любой точкѣ горизонтальныхъ листовъ mn и qt . Для середины mn , гдѣ

$$w = w_0 \left(1 + \frac{1}{\pi} \right) = 1,318 w_0,$$

получаемъ

$$p = Ee = E \frac{\alpha}{2} \frac{\Delta \alpha}{R \alpha} \left(1 - \frac{1,592 \cdot 1,318 \lambda}{24,6 + 1,62 \lambda} \right).$$

Мы видимъ, что при большихъ значеніяхъ λ , въ среднихъ частяхъ листовъ mn и qt , вслѣдствіе искаженія сѣченія, можетъ даже измѣниться знакъ напряженія.

Реформа уголовного права и процесса въ королевствѣ Сербовъ, Хорватъ и Словенцевъ

Проф. М. П. Чубинскаго

Послѣднее пятидесятилѣтіе, какъ извѣстно, было отмѣчено громаднымъ оживленіемъ въ наукѣ уголовного права. Появленіе новыхъ школъ и связанная съ ними продолжительная борьба научной мысли дали много новаго матеріала, прочно обоснованнаго и важнаго по существу, и повлекли за собой какъ пересмотръ цѣлаго ряда основныхъ проблемъ нашей науки, такъ и появленіе многихъ новыхъ ученій и институтовъ¹.

Успѣхи науки не могли не отразиться на положительномъ законодательствѣ. Подобно тому, какъ мощное научное движеніе конца XVIII и начала XIX вв. повело къ капитальной перестройкѣ стараго уголовного законодательства, связаннаго со всѣмъ тѣмъ, что французы кратко и выразительно характеризуютъ словами „ancien régime“, мы видимъ, что и новѣйшее мощное движеніе научной мысли повлекло за собой энергичный подъемъ законодательнаго творчества, выразившійся въ созданіи цѣлаго ряда проектовъ уголовныхъ кодексовъ, часть которыхъ уже утверждена и вступила въ дѣйствіе².

Міровая война принесла съ собой замедленіе этого процесса но все же его не уничтожила: послѣдній швейцарскій проектъ, подлежащій нынѣ разсмотрѣнію народнаго представительства и въ общемъ сохранившій основы составленнаго Stoss'омъ проекта 1894 года (который нѣсколько разъ перерабатывался), вышелъ въ свѣтъ въ 1918 г. Въ Швеціи къ 1916 г. законченъ проектъ новаго уголовного уложенія, составленный Thyren'омъ. Въ Даніи, кромѣ выработаннаго въ 1912 г. проекта новаго уголовного уложенія, составленъ извѣстнымъ датскимъ юристомъ Torp'омъ второй проектъ, законченный въ 1917 г. и уже внесенный на разсмотрѣніе особой комиссіи. Въ Бразиліи идетъ разсмотрѣніе послѣдняго изъ ряда послѣдовательно разработанныхъ проектовъ, составленнаго Siqueira въ 1913 г., а въ Австріи мы видимъ тоже самое въ отношеніи уже седьмого по счету (начиная съ 1867 г.) проекта 1912 г. Въ Германіи, послѣ правительственнаго проекта 1909 г., т. наз. контръ-про-

¹ См. подробнѣе — Чубинскій: „Общая характеристика новыхъ ученій въ уголовномъ правѣ“ 1898 г. и „Курсъ уголовной политики“, ч. III, 2е изд.

² Подробн. см. — Чубинскій „Проблемъ изъединченія права у Края С.-Х.-С. и основне одредбе проекта српскої казниной законика“, Београд, 1921 г. Въ дальнѣйшемъ цитир. кратко: Чубински, Проблем.

екта, составленного въ порядкѣ частной инициативы профессорами Листомъ, Диллентаемъ, Калемъ и Гольдшмидтомъ, и переработаннаго правительственнаго проекта 1913 года, уже во время войны была въ 1918 г. назначена небольшая правительственная коммиссія, которой дана была задача возможно скорѣе подготовить и опубликовать подлежащій внесенію въ рейхстагъ окончательный текстъ правительственнаго проекта, и это задание коммиссіей въ настоящее время уже выполнено.¹

Наконецъ, и въ нашемъ отечествѣ вплоть до большевистской катастрофы шла въ теченіе 1917 года интенсивная работа двухъ коммиссій, изъ которыхъ первая закончила пересмотръ общей части и дѣйствующихъ отдѣловъ новаго уголовного уложенія, а вторая далеко подвинула впередъ дѣло пересмотра нашихъ судебныхъ уставовъ, особенно же учрежденія судебныхъ установленій и устава уголовного судопроизводства.²

II

Не осталась въ сторонѣ отъ намѣченнаго реформаторскаго движенія и Сербія, превратившаяся послѣ войны въ новую большую державу, — объединенное королевство Сербовъ, Хорватъ и Словенцевъ.

Уже до войны въ маленькой тогда Сербіи настоятельно назрѣла потребность коренной реформы всего дѣла уголовного правосудія. Ея безконечно устарѣвшее процессуальное право, проникнутое инквизиціоннымъ началомъ, во многомъ сохранившее систему формальныхъ доказательствъ и не знающее института прокуратуры и независимаго суда присяжныхъ, находилось въ вопіющемъ противорѣчій какъ съ назрѣвшими правовыми потребностями, такъ и съ новыми свободными конституціонными началами государственнаго строя.

Ея уголовное уложеніе („Казени законик“) 1860 г., несмотря на многочисленные частичныя измѣненія и дополненія, также глубоко устарѣло и по существу своему являлось совершенно неудовлетворительнымъ. Какъ справедливо отмѣтилъ сербскій официальный источникъ, „развитіе и усовершенствованіе социальныхъ отношеній, прогрессъ общественныхъ наукъ и культуры вообще, не могутъ не привести насъ къ увѣренности, что постановленія нашего уголовного уложенія . . . не являются достаточными для того, чтобы въ полной мѣрѣ защитить общественный порядокъ отъ посягательствъ испорченныхъ, злыхъ и опасныхъ людей. Сверхъ того, въ наукѣ уголовного права за послѣдніи десятилѣтія произошло такое движеніе впередъ въ дѣлѣ пони-

¹ См. Liszt, „Lehrbuch“, изд. 21—22, 1919 г. s. 73—76. Изъ литературы, относящейся къ данному вопросу см. особенно Aschrott u. v. Liszt „Die Reform des Strafgesetzbuchs“, Bd. I—II, 1910; Birkmeyer und Nagler „Kritische Beiträge zur Strafrechtsreform“, H. I—XVI, 1908—1914 и напечатанное на правахъ рукописи, официальное изд. „Zusammenstellung der gutachtlichen Äusserungen über d. Vorentw.“

² Сохранившіеся у нѣкоторыхъ изъ участниковъ работы указанныхъ коммиссій матеріалы, по нашему глубокому убѣжденію, окажутся очень важными въ будущемъ для дѣла воссозданія права и правосудія въ нашемъ отечествѣ. Съ этой точки зрѣнія намъ представляются совершенно непонятными тѣ выпадъ противъ отдѣльныхъ членовъ коммиссій по пересмотру судебныхъ уставовъ и противъ работы ея вообще, которые сдѣланы г. Карабчевскимъ въ его новой книгѣ „Что глаза мои видѣли“, ч. 2. Г. Карабчевскій самъ былъ членомъ этой коммиссій, хотя и участвовалъ въ ея работахъ такъ мало, что въ данномъ случаѣ говорить о дѣлѣ, которое глаза его почти не видѣли. Разработанный же при дѣятельномъ участіи г. Карабчевскаго проектъ реорганизации адвокатуры вызвалъ въ коммиссії многочисленныя возраженія, которыя показали, какъ внимательно и серьезно коммиссія относилась къ своей задачѣ.

манія и оцѣнки индивидуальности преступника и его уголовной отвѣтственности, что является положительно необходимымъ подвергнуть научной провѣркѣ и критикѣ постановленія нашего уголовного уложенія, и оцѣнить, допустимы ли они въ связи съ результатами, добытыми на поприщѣ науки уголовного права“.¹

Признавая такимъ образомъ необходимость обновить, какъ процессуальное, такъ и матерьяльное право, въ качествѣ первой и очередной задачи сербское министерство юстиціи поставило выработку проекта новаго уголовного уложенія и для этой цѣли 27 марта 1908 г. назначило особую комиссію подъ предсѣдательствомъ Марка Джуричича, члена кассационнаго суда (позже предсѣдателя Государственнаго Совѣта, нѣсколько разъ бывшаго и министромъ юстиціи). Въ составъ комиссіи вошли: одинъ изъ наиболѣе видныхъ сербскихъ криминалистовъ, профессоръ Вѣлградскаго университета д-ръ Вожа Мирковичъ, членъ суда (нынѣ профессоръ университета въ Суботицѣ), д-ръ М. Мильковичъ и представитель министерства юстиціи (нынѣ членъ кассационнаго суда), одинъ изъ энергичнѣйшихъ инициаторовъ предпринятой реформы, д-ръ Дуселень Суботичъ.

Комиссія распредѣлила между собою матерьялъ, причѣмъ изготвление проекта общей части было ею возложено на проф. Мирковича. Свою работу комиссія повела столь энергичнымъ темпомъ, что уже 27 Марта 1910 г., т. е. ровно черезъ два года послѣ открытія комиссіи, она представила министру юстиціи совершенно законченный проектъ новаго уголовного уложенія съ обязательной къ нему запиской.

Для обсужденія этого проекта и установленія окончательной редакціи статей, была приглашена болѣе обширная комиссія, куда, кромѣ авторовъ проекта, вошли многіе видные государственные дѣятели и спеціалисты. Для облегченія труда этой комиссіи первоначальный текстъ проекта и его мотивы были отпечатаны по распоряженію министра юстиціи К. Тимотіевича, который имѣлъ при этомъ въ виду открыть въ этомъ дѣлѣ, имѣющемъ по его справедливому замѣчанію особую важность, свободный доступъ критикѣ со стороны всѣхъ лицъ, интересующихся данной реформой вообще, и юристовъ — въ особенности.

Къ сожалѣнію, хотя комиссія болѣе широкаго состава закончила почти въ полномъ объемѣ свою задачу и внесла въ текстъ проекта (преимущественно въ особенную его часть), если и немногочисленныя, то порою существенныя измѣненія, но предпринятая реформа не получила полнаго завершенія: труды второй комиссіи остались ненапечатанными, въ сербской печати не появилось почти никакихъ критическихъ замѣчаній на первоначальный текстъ проекта и на сдѣланныя измѣненія и вообще цѣлое десятилѣтіе проектъ оставался безъ движенія.

Причины этого понятны. На долю Сербіи за эти годы выпали особо тяжкія испытанія. Вынеся на своихъ плечахъ тяготы войны съ Турціей, въ составѣ Балканскаго союза, она была немедленно вовлечена въ войну съ Болгаріей, а затѣмъ разразилась міровая война, принесшая съ собой невѣ-

¹ См. „Проектъ казеннаго законника“, предговор, с. III—IV. Приведенное мѣсто находится въ запискѣ д-ра Душана Суботича, составленной по порученію тогдашняго министра юстиціи М. Трифховича и подписанной этимъ послѣднимъ. См. также Суботичъ „Наше ново казенно право“ (Правни Преглед, I, 1921), с. 87—88; Чубински „Проблем“ с. 7. Здѣсь и дальше для удобства русскаго читателя сербскія слова приводятся нами въ русской транскрипціи.

роютное количество бѣдствій и потребовавшая для спасенія родины невѣроятнаго напряженія всѣхъ національныхъ силъ. Этимъ великимъ цѣлямъ приносилось въ жертву все. Даже самая необходимая работа во всѣхъ областяхъ государственнаго творчества частью замедлилась, частью замерла; даже послѣ побѣды и возвращенія на жестоко разоренную и опустошенную врагами свою государственную территорію пришлось прежде всего заняться не проведеніемъ въ жизнь новаго уголовного уложенія, а другими еще болѣе неотложными и существенными государственными задачами. Наконецъ, по окончаніи войны маленькая Сербія превратилась въ обширную державу и должна была сосредоточить всѣ силы на собственномъ конституированіи.

И тѣмъ не менѣе уже въ 1919 году вопросъ о реформѣ всего дѣла уголовного правосудія снова былъ выдвинутъ на первый планъ. Кромѣ уже упомянутой нами устарѣлости сербскихъ законовъ, реформы настойчиво требовали и другія важныя обстоятельства. Во вновь возникшей державѣ С.-Х.-С. оказалась необычайная по пестротѣ картина дѣйствующаго законодательства какъ матеріальнаго, такъ и процессуальнаго. Не считая небольшихъ территорій, гдѣ сохранилось примѣненіе венгерскихъ законовъ или остатковъ турецкихъ законовъ, въ разныхъ мѣстахъ оказались дѣйствующими сербское уголовное уложеніе, новое (1906 г.) черногорское уложеніе, австрійское уложеніе (въ Словеніи) и хорватское, почти тождественное съ австрійскимъ, и сербскіе процессуальные порядки встрѣтились съ гораздо болѣе совершенными порядками вновь присоединенныхъ бывшихъ австрійскихъ земель.

Поэтому совершенно понятнымъ явилось рѣшеніе министерства юстиціи повести въ спѣшномъ порядкѣ работы по объединенію какъ процессуальнаго, такъ и матеріальнаго уголовного права и покончить такимъ образомъ съ пестротой и хаосомъ.¹ Эта важная и сложная задача была возложена на особую комиссію изъ членовъ уголовного отдѣленія законодательнаго совѣта, существующаго при министерствѣ юстиціи; кромѣ авторовъ сербскаго проекта уголовного уложенія (вышеназванныхъ гг. Джуричича, Мирковича, Суботича и Мильковича) сюда вошли: предсѣдатель бѣлградскаго кассационнаго суда М. Ювановичъ, бывший предсѣдатель кассационнаго суда въ Загребѣ д-ръ С. Посяловичъ, профессоръ университета въ Загребѣ д-ръ І. Шиловичъ, извѣстѣйшій изъ тюрьмовѣдцовъ Сербіи и Хорватіи д-ръ Н. Огорелица, профессоръ университета въ Люблянахъ д-ръ М. Доленць и проф. университета въ Бѣлградѣ д-ръ Т. Живановичъ. Нѣсколько позже въ составъ комиссіи былъ назначенъ и авторъ этого очерка.

Уже 30 іюля 1920 г. комиссія (въ составѣ своихъ бѣлградскихъ членовъ), обсудивъ вопросъ объ основѣ и направленіи своихъ работъ и признавая, что важнѣе всего является возможно болѣе быстрое объединеніе въ королевствѣ матеріальнаго и процессуальнаго уголовного права, намѣтила спѣшный пересмотръ дѣйствующаго сербскаго уголовного уложенія и дѣйствующаго хорватскаго (въ основныхъ чертахъ — австрійскаго) уголовного процесса съ тѣмъ, чтобы, послѣ самыхъ лишь неотложныхъ измѣненій и исправленій, ввести ихъ въ дѣйствіе на всей территоріи королевства.

¹ Одновременно была назначена и комиссія для объединенія матеріальныхъ и процессуальныхъ законовъ въ области гражданскаго права, которая приступила къ своей работѣ въ августѣ 1920 года.

Необходимость быстроты въ дѣлѣ реформы вообще ни съ чьей стороны не могла быть оспариваема. Мы знаемъ, что уголовно-правовое объединеніе поставила своей задачей и очень быстро послѣ своего объединенія осуществила Германія, хотя она и сложилась по типу союзнаго государства, сохранившаго отдѣльныя королевства и земли и въ томъ числѣ полу-суверенную Баварію. Широкую автономію нѣкоторыхъ областей (Галиція) соединяла съ единствомъ права и процесса Австрія. Швейцарія, являющаяся союзомъ кантоновъ, очень ревниво отстаивающихъ традиціи своей внутренней независимости, усиленно стремится къ уголовно-правовому единству и уже стоитъ на порогѣ осуществленія этой задачи.

Новое королевство С.-Х.-С., сложившееся по типу унитарнаго государства и допустившее лишь весьма ограниченную областную автономію, при наличности племеннаго единства подавляющаго большинства населенія, естественно еще больше, чѣмъ вышеназванныя державы, нуждалось въ быстромъ правовомъ объединеніи.

Въ области уголовно-процессуальной это дѣло никакихъ препятствій не встрѣчало: хорватскій уголовный процессъ, почти полный сколокъ съ австрійскаго уголовного процесса, является сравнительно новымъ продуктомъ законодательнаго творчества, построены на началахъ публичности, устности и состязательности, болѣе рѣшительно, чѣмъ даже, напримѣръ, наши Судебные Уставы, отдалается отъ т. наз. инквизиціоннаго порядка даже въ стадіи предварительнаго слѣдствія и вообще, по существу, является однимъ изъ лучшихъ современныхъ образцовъ законодательства. Поэтому быстрый пересмотръ его, внесеніе въ него сравнительно небольшого количества необходимыхъ по условіямъ времени и мѣста новеллъ и распространеніе его на всю территорію королевства С.-Х.-С., въ бывшихъ австрійскихъ земляхъ прошло бы очень легко, и на всей остальной территоріи явилось бы реформой, которая неизмѣримо измѣнила бы къ лучшему дѣйствующіе весьма несовершенные процессуальные порядки и на ближайшіе годы не потребовала бы быстрой ломки, и потому могла бы оказаться устойчивой.

Не совсѣмъ такъ обстояло дѣло съ реформой матерьяльнаго уголовного права. Здѣсь, вызванный стремленіемъ какъ можно скорѣе достигнуть правового объединенія, планъ комиссіи распространить на всю территорію королевства дѣйствующее сербское уголовное уложеніе, внеся въ него лишь небольшія поправки и на скорую руку его нѣсколко, т. сказать, модернизировавъ, — вызывалъ и долженъ былъ вызвать весьма серьезныя возраженія, ибо единственному плюсу — быстрому правовому объединенію — соотвѣтствовали бы при проведеніи этого плана большіе и очень важные минусы.

Прежде всего, быстрый и поверхностный ремонтъ зданія, именуемаго сербскимъ уголовнымъ уложеніемъ, очевидно не могъ бы исправить многихъ существенныхъ его недостатковъ; сербское уложеніе уже имѣетъ почтенный шестидесятилѣтній возрастъ, и за это время жизнь, наука и законодательство на столько ушли впередъ, что нормы этого уложенія, какъ мы выше видѣли, даже официально признаны безнадежно устарѣвшими и недостаточными. При небольшомъ ремонтѣ, будущее единое уголовное правосудіе сохранило бы многіе дефекты дѣйствующаго права и, очевидно, не оказалось бы на должной и желательной высотѣ; едва ли стоило бы замѣнить устарѣвшее австрійское уголовно-матерьяльное право въ Хорватіи и Словеніи столь же по

существо устарѣвшимъ правомъ Сербіи; едва ли было бы удобно замѣнить этимъ же правомъ новый уголовный кодексъ 1906 г. въ Черногоріи. Произошла бы такимъ образомъ правовая ломка, послѣ которой чуть ни на слѣдующій день пришлось бы взяться за работу дѣйствительнаго правового обновленія и для его достиженія быстро произвести новую ломку, необходимую по существу, но вредную съ точки зрѣнія опредѣленности и устойчивости правовыхъ нормъ. Если бы даже, чего мы отнюдь не предполагаемъ, положеніе правосудія въ странѣ, получившей слегка подправленный старый кодексъ, оказалось сноснымъ, то все же этого было бы мало; уголовные законы охраняютъ наиболѣе дорогіе, существенные и чувствительные интересы, какъ отдѣльныхъ гражданъ, такъ и цѣлаго государства; каждый ихъ дефектъ является очень чувствительнымъ для населенія и можетъ неблагоприятно отражаться не только на его безопасности, но и на его правахъ и понятіяхъ¹. Поэтому требуется не сносное, а возможно лучшее уголовное законодательство, и едва ли можетъ быть признанъ правильнымъ путь, при которомъ дается нѣчто въ лучшемъ случаѣ только сносное съ тѣмъ, чтобы немедленно готовиться къ новой ломкѣ права для полученія тогда уже возможно лучшаго.

Но было еще одно важное обстоятельство, которое дѣлало особо неприемлемымъ планъ распространенія дѣйствія сербскаго уголовного уложенія на всю новую государственную территорію, — это наличность новаго совершенно законченнаго и, какъ мы видѣли, отпечатаннаго для свѣдѣнія специалистовъ и общества новаго сербскаго проекта уголовного уложенія 1910 г. Мы далѣе увидимъ, что проектъ этотъ въ общемъ отличается серьезными достоинствами и стоять на высотѣ новыхъ требованій, предъявляемыхъ законодателю наукой и жизнью.

При такихъ условіяхъ взять въ основу реформы не новый проектъ, а старый кодексъ, было бы большою ошибкой. Въ другихъ государствахъ, которыя имѣютъ лучшіе и менѣе устарѣлые законы, чѣмъ дѣйствующій сербскій кодексъ, усиленно вырабатываютъ новые проекты и стараются, какъ мы знаемъ, возможно скорѣе ввести ихъ въ дѣйствіе; но мы не знаемъ примѣра, чтобы какая либо страна, имѣя готовый новый проектъ, соответствующій современнымъ потребностямъ, занималась бы поправками стараго закона съ цѣлью расширенія сферы его дѣйствія.

Нѣчто подобное (но лишь частично подобное, а отнюдь не тождественное) сдѣлала въ 1903 г. Россія, которая ввела въ дѣйствіе лишь отдѣльныя части своего новаго уложенія, сохранивъ для большинства преступленій дѣйствіе своего стараго уложенія о наказаніяхъ, подвергавшагося за послѣдніе годы лишь небольшимъ поправкамъ. Но этотъ опытъ создалъ на практикѣ много путаницы и противорѣчій и вызвалъ справедливый протестъ представителей науки, а потому, если и можетъ служить прецедентомъ, то лишь отрицательнымъ и безусловно нежелательнымъ.

Да и вообще для правосудія примѣненіе старыхъ нормъ при наличности

¹ Русская литература дала особенно много матеріала, доказывающаго вліяніе правовыхъ нормъ на правовую мотивацию и права гражданъ. Кромѣ тѣхъ мѣстъ въ трудахъ проф. Петражицкаго, гдѣ подробно выясняется этотъ процессъ, относительно роли специально уголовно-правовыхъ нормъ дають многое книги проф. Владимірова: „Уголовный законодатель, какъ воспитатель народа“. См. также М. Чубинскій, „Курсъ уголовной политики“ изд. 2, III, отдѣлъ „Политика уголовного законодательства вообще“.

новаго проекта, реформирующаго эти нормы, является тѣмъ болѣе вреднымъ, чѣмъ болѣе затягивается дѣло проведенія въ жизнь этого проекта. Прежде всего важно, чтобы судебные дѣятели творили свою работу по призванію и примѣняли дѣйствующее право съ убѣжденіемъ въ правильности и полезности своей работы и съ вѣрой въ законъ, какъ воплощеніе возможной для даннаго времени юридической правды. А гдѣ же будетъ это убѣжденіе и эта вѣра, если судья знаетъ, что примѣняемыя имъ нормы являются во многихъ отношеніяхъ устарѣлыми и нецѣлесообразными и признаны таковыми официально и въ наукѣ, и что именно въ виду этого на смѣну имъ для улучшенія правосудія выработаны инныя новыя нормы.

Вредно это и для научной работы, и для преподаванія права. Уголовно-догматическая работа замедляется и даже замираетъ, ибо трудно вдохновляться на разработку и освѣщеніе матерьяла, который уже обреченъ на сломку; уголовно-политическая работа затрудняется, ибо дѣлать построенія для будущаго нужно не внѣ времени и пространства, а исходя отъ опредѣленныхъ существующихъ въ данной странѣ и въ данное время юридическихъ нормъ, а эти нормы оказываются двойственными и различными въ старомъ кодексѣ и въ грядущемъ ему на смѣну проектѣ. Что же касается преподаванія, то оказывается необходимымъ вести въ немъ параллельное изученіе дѣйствующаго кодекса и проекта, что несомнѣнно осложняетъ работу и едва ли способствуетъ выработкѣ отчетливости юридическаго мышленія.

Да и для народнаго правосознанія, которое законодатель долженъ вести впередъ и воспитывать на опредѣленныхъ образцахъ, возможно болѣе совершенныхъ, а не устарѣлыхъ и завѣдомо имѣющихъ серьезные дефекты, — описанное положеніе никакъ не можетъ явиться благоприятнымъ. Прибавимъ, что проектъ сербскаго уголовного уложенія послѣ его отпечатанія сдѣлался достояніемъ общественнаго мнѣнія не только дома, но и за границей, гдѣ появился его нѣмецкій переводъ. При такихъ условіяхъ объединеніе уголовного законодательства въ королевствѣ С.-Х.-С. путемъ повсемѣстнаго распространенія не новаго проекта, а стараго сербскаго кодекса, конечно, вызвало бы справедливое удивленіе вездѣ, гдѣ стало извѣстнымъ существованіе и содержаніе проекта, и при такихъ условіяхъ во вновь присоединенныхъ территоріяхъ намѣченная реформа легко могла вызвать неудовольствіе.

Думаемъ, что, въ силу приведенныхъ соображеній, критикуемая нами идея едва ли была бы благоприятно встрѣчена со стороны юридическихъ круговъ и со стороны народнаго представительства.

Наконецъ, что касается практическихъ возраженій противъ быстраго проведенія въ жизнь новаго проекта съ распространеніемъ его на всю государственную территорію, то эти возраженія главнымъ образомъ могутъ быть направлены на финансовую сторону и сведены къ указанію на то, что проведеніе новой удовлетворяющей современнымъ условіямъ карательной системы требуетъ громадныхъ затратъ и является невозможнымъ, пока не построены новыя карательныя учрежденія.

Но, если принимать такія возраженія, то дѣло всякой серьезной реформы уголовного правосудія придется затормозить на многіе годы. Какъ это мы и видѣли въ Россіи, гдѣ, благодаря подобнымъ соображеніямъ, ко вреду для правосудія, затормозила полное введеніе въ жизнь новаго уложенія. Гораздо правильнѣе посчитаться съ этими возраженіями въ законѣ о введеніи въ

дѣйствіе новаго кодекса: именно тамъ, не задерживая необходимой реформы и въ то же время проводя единство права, можно дать временныя правила, опредѣляющія соотношенія старыхъ и новыхъ карательныхъ мѣръ и указывающія судьямъ, какъ производить замѣну такихъ родовъ лишенія свободы, для которыхъ еще не готовы или не приспособлены карательныя учрежденія. Признаніе же бытія этихъ учрежденій въ новомъ кодексѣ можетъ лишь способствовать тому, чтобы о нихъ помнили и возможно скорѣе ихъ устраивали.

Итакъ, было необходимо отказаться отъ идеи распространенія стараго (хотя бы частично и подчиненнаго) сербскаго уголовного уложенія на всю территорію королевства С.-Х.-С.¹

На эту точку зрѣнія сталъ и министръ юстиціи М. Трифковичъ, склонившійся къ тому, что дѣло объединенія уголовного правосудія нужно связать въ области процесса съ хорватскимъ кодексомъ, а въ области матеріальнаго права — съ новымъ сербскимъ проектомъ. Но и тотъ и другой должны были быть положены въ основу работы для составленія новаго проекта устава уголовного судопроизводства и новаго проекта уголовного уложенія.

Такое рѣшеніе было понятно и правильно. Удовлетворяя по возможности важной задачѣ быстрого правового объединенія королевства С.-Х.-С., необходимо было въ то же время въ области процесса учесть потребности и особенности тѣхъ земель, гдѣ до сихъ поръ не примѣнялся хорватскій кодексъ, и особенно старой Сербіи; въ области матеріальнаго уголовного права нужно было посчитаться съ тѣмъ, что сербскій проектъ былъ законченъ 10 лѣтъ тому назадъ и во время его составленія предназначался только для старой маленькой Сербіи, съ правовыми институціями и потребностями которой онъ исключительно соображался.

Новая коммиссія, выполняя порученную ей задачу, поручила составленіе проекта устава уголовного судопроизводства проф. Марковичу и д-ру Огореличъ, проекта общей части уголовного уложенія проф. Живановичу и Чубинскому и проекта особенной части — Джуриичу, Јовановичу и Суботичу. Въ сознаніи необходимости возможно быстрого объединенія права въ Королевствѣ, новая коммиссія старалась работать интенсивно. Сперва они обсудили принципиальные и важнѣйшіе вопросы, связанные съ реформой, а затѣмъ въ своихъ пленарныхъ засѣданіяхъ рассматривали, обсуждали и окончательно устанавли-

¹ Всѣ приведенныя возраженія были подробно изложены авторомъ этихъ строкъ какъ въ докладѣ министру юстиціи М. Трифковичу, такъ и въ печати (см. „Архив за правне и друштво науке“, 1920 г., бр. 3, а также „Проблем“, с. 16—22). Оправдались и предсказанія автора о той неблагоприятной встрѣчѣ, которая выпадетъ на долю критикуемому имъ плану введенія въ дѣйствіе повсемѣстно стараго сербскаго уложенія. Въ частности въ Словеніи въ юридической прессѣ соображенія и возраженія автора были признаны совершенно правильными, а экстренно собраный съѣздъ словенскихъ юристовъ единогласно сталъ на ту же точку зрѣнія и представилъ докладъ министру юстиціи, настаивая на необходимости въ основу работъ по обновленію матеріальнаго уголовного права положить не сербскій кодексъ, а новый сербскій проектъ (особ. см. горячо написанную статью люблянскаго профессора М. Доленцы „Къ впрашнью изеначenja kazenskih zakonov za celo ozemlje Kraljevine С.-Х.-С.“, „Slovenski Pravniki“, 1920, в. 9—12, с. 264—279, особ. с. 267—268 и 270). Послѣ доклада словенскихъ юристовъ, составъ коммиссіи, работающей надъ реформой уголовного права и процесса, былъ пополненъ раиѣ названными представителями Хорватіи — Посиловичемъ и Шиловичемъ и представителемъ Словеніи — Доленцомъ. Затѣмъ въ составъ коммиссіи былъ приглашенъ и авторъ этихъ строкъ, раиѣ имѣвшій отъ министерства юстиціи порученіе изучить и критически рассмотреть новый сербскій проектъ.

вали редакцію текста, по представленію членами-докладчиками соответствующаго матерьяла. Предсѣдательствовали въ комиссіи М. Джуричичъ, продолжавшій руководить ея работами до конца, несмотря на послѣдовавшее занятіе имъ поста министра юстиціи.

Въ виду спѣшности работы не было составлено объяснительныхъ записокъ къ проектамъ, но этотъ дефектъ отчасти искупался тѣмъ, что, на ряду съ законченнымъ и представленнымъ министерству юстиціи 28 декабря 1921 года текстомъ обоихъ проектовъ, имѣлись протоколы комиссіи, гдѣ отмѣчались не только особая мнѣнія отдѣльныхъ членовъ, но и разногласія по отдѣльнымъ вопросамъ; затѣмъ имѣлась объяснительная записка къ первому проекту, во многомъ (въ частныхъ случаяхъ сходства стараго текста съ новымъ) сохранившая свое значеніе, и, наконецъ, явился рядъ изданій и статей, принадлежащихъ участникамъ реформы, въ которыхъ изложеніе предложенныхъ измѣненій нормъ матеріальнаго и процессуальнаго права сопровождалось болѣе или менѣе подробной мотиваціей.¹

Выработанный текстъ обоихъ проектовъ, отпечатанный на пишущихъ машинахъ, въ настоящее время разсылается министерствомъ юстиціи судамъ и отдѣльнымъ специалистамъ. Ихъ отзывы и замѣчанія должны быть представлены въ точно назначенный краткій срокъ. Затѣмъ весь этотъ матерьялъ будетъ рассмотрѣнъ, будетъ установленъ въ связи съ нимъ и отпечатанъ окончательный текстъ обоихъ проектовъ и такимъ образомъ не позже осени текущаго года вся работа будетъ завершена и проекты поступятъ на разсмотрѣніе „законодывног-одбора скупштинѣ“ (парламентской комиссіи).

III

Переходя теперь отъ исторіи реформы къ изложенію ея существа и ея оцѣнкѣ, мы начнемъ съ процесса. Мы уже отмѣчали, что въ основу новаго устава уголовного судопроизводства легъ соответствующій хорватскій уставъ, почти совпадающій съ австрійскимъ уставомъ; теперь мы отмѣтимъ болѣе оригинальныя черты новаго устава, который для старой Сербіи является переворотомъ въ области судебныхъ порядковъ, разрушая ея старый инквизиціонный процессъ и вводя новый состязательный. Новый уставъ уголовного судопроизводства состоитъ изъ 26 главъ и раздѣленъ на 499 параграфовъ. Положивъ, согласно указанія министерства юстиціи въ основу своей работы хорватскій уставъ, редакторы проекта новаго устава отнюдь не занимались механическимъ воспроизведеніемъ постановленій вышеназваннаго устава. Во-первыхъ, они старались изъ дѣйствующаго устарѣвшаго сербскаго процесса сохранить то немногое, что по существу является удачнымъ, и этимъ хотя бы въ очень слабой мѣрѣ связать будущее съ прошлымъ. Во-вторыхъ, хотя хорватскій процессъ 1875 года въ общемъ, какъ мы уже указывали, относится къ

¹ Кромѣ уже цитированной работы автора „Проблем“, гдѣ подробно мотивированы его предложенія, значительная часть которыхъ принята комиссіей, о реформѣ матеріальнаго права имѣется небольшая статья Д. Суботича „Наше ново казнено право“ („Правни Преглед“, 1921, кн. 1, с. 87—99). О реформѣ процесса, кромѣ статьи Н. Огорейнца „О припреманам реформама у кривичномъ судскомъ поступку“ („Архив за правне и друштвене науке“, 1921, бр. 5, с. 366—385) имѣется коллективный трудъ, составленный всеми участниками реформы, изданный бѣлградскимъ юридическимъ обществомъ и комментирующій текстъ новаго проекта: „Нови кривични судски поступакъ“ (редакторъ Д. Суботинъ). см. „Правни Преглед“ 1922, кн. II, с. 3—158.

лучшимъ образцамъ уголовно-процессуальнаго законодательства, тѣмъ не менѣе его нужно было серьезно переработать, считаясь съ духомъ и требованіями времени, успѣхами науки и культуры и новыми обстоятельствами вообще, а въ частности съ правовыми потребностями не только старой Сербіи, но и другихъ земель объединеннаго королевства. Особенно же слѣдуетъ отмѣтить, что, стремясь къ возможной простотѣ и быстротѣ процесса, столь необходимой для успѣшнаго обличенія виновныхъ, и давая все возможное для этого обличенія, необходимаго для охраны и безопасности общества, редакторы проекта съ особымъ вниманіемъ относятся къ вопросу о гарантіяхъ личности обвиняемаго, справедливо замѣчал, что надлежащая постановка этихъ гарантій необходима вовсе не для „выгоды злодѣевъ“, какъ ошибочно утверждали и утверждаютъ многіе, а для защиты гражданской свободы и интересовъ невинныхъ людей, которые благодаря несчастному стеченію обстоятельствъ или людской злобы могутъ быть привлечены къ уголовному суду.¹

Исходя изъ этихъ предпосылокъ, редакторы отвергли, какъ институтъ чрезвычайныхъ судилищъ, извѣстный австрійскому и хорватскому процессамъ, такъ и институтъ заочныхъ приговоровъ по отношенію къ недопрошеннымъ лицамъ; не приняли они и института т. наз. судебныхъ приказовъ („мандатный процессъ“), несмотря на его признаніе многими новыми кодексами, находя, что этотъ институтъ идетъ въ разрѣзъ съ принципіальными основами современнаго процесса, ими усвоенными.

Въ интересахъ простоты, быстроты и дешевизны процесса ослабленъ принципъ коллегіальности; редакторы не отрицаютъ извѣстныхъ доводовъ въ пользу коллегіальности суда, но не придаютъ имъ рѣшающаго значенія и подчеркиваютъ, что единоличный судья вынужденъ полагаться только на самого себя и у него неизбежно гораздо выше стоитъ чувство ответственности. Единоличныхъ судей редакторы допустили не только въ низшихъ („ерескихъ“), но и въ окружныхъ судахъ и установили для нихъ упрощенныя формы процесса; но въ интересахъ гарантій и личности и интересовъ правосудія, все болѣе важныя дѣла не включены въ компетенцію единоличныхъ судей; далѣе допущено болѣе широкое обжалованіе приговоровъ этихъ судей въ апелляціонномъ порядкѣ, чѣмъ это допущено въ отношеніи коллегіальнаго суда и сохранено обжалованіе высшему суду — въ кассационномъ.

Затѣмъ, исключительное вниманіе обращено на организацію и процедуру особаго суда для малолѣтнихъ. Проектъ новаго уложенія, устанавливая до 14 лѣтъ признаніе абсолютной невмѣняемости, сдѣлалъ рѣшительный шагъ въ томъ отношеніи, что не допустилъ обычныхъ (хотя бы и смилченныхъ) наказаній для малолѣтнихъ отъ 14 до 18 лѣтъ. Ихъ дѣла разсматриваются судебнымъ порядкомъ, но они могутъ быть подвергнуты (за исключеніемъ рецидивистовъ) лишь той или иной формѣ принудительнаго перевоспитанія.

Въ связи съ этимъ новая и уже успѣшно осуществленная въ нѣкоторыхъ странахъ идея особыхъ дѣтскихъ судовъ получила въ проектѣ устава широкое примѣненіе. Болѣе тяжкія дѣянія малолѣтнихъ разсматриваются особымъ судьей при окружномъ судѣ, менѣе тяжкія — такимъ же судьей при „ерескомъ“ (низшемъ) судѣ. Въ процессѣ обязательно участіе особаго представителя прокуратуры и защитника, но самъ процессъ лишень строго-формальнаго ха-

¹ См. вышеуказ. прекрасную статью Н. Огорелица, стр. 368.

рактора и дѣлю его является нахождение той мѣры, которая наиболѣе успѣшно помѣшала бы виновному малолѣтнему вернуться на преступный путь, перевоспитавъ его волю и приучивъ его къ серьезному труду. Менѣе испорченные и опасные для этого направляются въ воспитательныя заведенія не менѣе, чѣмъ на годъ, и не болѣе, чѣмъ до достиженія ими 21 года; прочіе помѣщаются въ исправительныя заведенія на срокъ отъ 3 до 10 лѣтъ, причемъ допущено и условное досрочное освобожденіе.

Судъ, разсмотрѣвъ дѣло, этимъ не прерываетъ своей связи съ малолѣтнимъ: на ряду съ заведующими заведеніями для малолѣтнихъ, и судъ долженъ по возможности слѣдить за ними и заботиться о нихъ, особенно въ періодъ условнаго досрочнаго освобожденія, и, что особенно важно, здѣсь власть суда и начальства заведеній для малолѣтнихъ исключаетъ власть родителей и попечителей малолѣтняго, которые не исполняли лежащихъ на нихъ обязанностей; этимъ рѣшительно пресѣкается рядъ злоупотребленій и случаевъ самой гнусной эксплуатаціи, хорошо извѣстныхъ практикѣ другихъ странъ.

Обращаясь къ принятымъ въ проектѣ основнымъ началамъ процесса, мы видимъ, что здѣсь весьма послѣдовательно проведены всѣ начала современнаго процесса; устность, публичность, непосредственность и состязательность. Стремясь къ возможно полному достиженію матеріальной истины, проектъ въ связи съ этимъ проводитъ идею свободнаго судейскаго убѣжденія; сближаясь съ англійскимъ (и отчасти съ современнымъ сербскимъ) процессомъ въ дѣлѣ установленія правилъ о допустимости доказательствъ, въ дѣлѣ оцѣнки доказательствъ проектъ не связываетъ судью ничѣмъ и не допускаетъ здѣсь никакихъ установленныхъ закономъ презумпцій; даже т. наз. преюдиціальныя вопросы здѣсь сведены почти на нѣтъ, ибо уголовный судъ долженъ принять въ основу своего сужденія рѣшеніе гражданскаго или духовнаго суда и ждать такового рѣшенія, если оно еще не вынесено, исключительно по вопросу о томъ, имѣетъ ли силу бракъ.

Обращаясь къ организаціи обвиненія и защиты, мы видимъ, что представительницей государственнаго обвиненія является прокуратура (которой въ старой Сербіи до сихъ поръ не было), на которую возложены и функціи блюстительницы закона. Въ этой послѣдней роли представители прокуратуры могутъ приносить въ высшія инстанціи протесты противъ рѣшенія низшихъ инстанцій не только противъ оправданія или слабаго наказанія, но и въ интересѣ осужденныхъ, а также могутъ черезъ главнаго прокурора кассационнаго суда („Генерални Прокуратор“) входить въ этотъ судъ (въ случаѣ нарушенія судомъ закона въ рѣшеніи, уже вступившемъ въ законную силу) съ представленіемъ о расчлененіи, необходимомъ для правильнаго и единообразнаго примѣненія закона. При низшихъ („срескихъ“) судахъ, въ интересахъ экономіи и въ виду какъ маловажности подсудныхъ имъ дѣлъ, такъ и недостаточнаго еще въ королевствѣ числа подготовленныхъ юристовъ, прокуратуры нѣтъ. Это нарушеніе обвинительнаго начала отчасти компенсируется тѣмъ, что прокуроръ окружнаго суда, если найдетъ, что этого требуютъ публичные интересы, можетъ лично или черезъ своего товарища вступить въ дѣло или можетъ на это уполномочить какое либо другое лицо, состоящее на государственной службѣ въ мѣстѣ нахождения суда, гдѣ слушается дѣло. Это — дополненіе, котораго не знаетъ хорватскій процессъ.

По принципу въ рукахъ прокуратуры находится монополія обвиненія, но

отсюда допущены рядъ изъятій. Кромѣ обычныхъ дѣлъ частнаго обвиненія (оскорбленіе чести и т. д.), въ рядѣ случаевъ процессъ можетъ быть начать лишь по частной жалобѣ потерпѣвшаго, который послѣ подачи жалобы уже не можетъ покончить дѣла примиреніемъ, или лишь съ согласія уполномоченнаго въ данныхъ случаяхъ представителя власти (т. напр. требуется согласіе министра внутреннихъ дѣлъ въ дѣлахъ объ оскорбленіи короля или члена королевскаго дома). Такимъ образомъ различаются „приватна тужба“, „предлог“ и „одобренье“. Но проектъ стремится дать и гарантіи противъ возможныхъ злоупотребленій или увлеченій со стороны прокуратуры. Въ отличіе отъ австрійскаго и хорватскаго процесса, усвоившаго начало цѣлесообразности, въ силу котораго прокураторъ и при наличности достаточныхъ для обвиненія данныхъ возбуждаетъ преслѣдованіе лишь въ томъ случаѣ, если находитъ, что этого требуютъ публичные интересы, новый проектъ категорически выдвигаетъ начало легальности. Съ другой стороны проектъ въ опредѣленныхъ случаяхъ допускаетъ и институтъ субсидіарнаго обвиненія; право такого обвиненія, при нежеланіи прокурора начать или продолжить обвиненіе, проектъ даетъ потерпѣвшему, но во избѣжаніе неосновательныхъ или явно недобросовѣстныхъ обвиненій, ставить это право подъ контрольъ апелляціоннаго суда.

Очень широко ставитъ проектъ и институтъ защиты, допуская ее уже при предварительномъ разслѣдованіи дѣла съ момента перваго допроса привлеченнаго лица, причемъ о правѣ имѣть защитника судья обязанъ сообщить обвиняемому при первомъ же допросѣ, а также при сообщеніи ему постановленія о взятіи его подъ стражу. Немущему подсудимому судъ назначаетъ защитника по его просьбѣ; если же подсудимый обвиняется въ преступленіи, за которое законъ грозитъ лишеніемъ свободы болѣе, чѣмъ на два года, а также въ случаяхъ, когда подсудимый малолѣтенъ, глухъ или вообще вслѣдствіе болѣзненнаго состоянія неспособенъ къ защитѣ, судъ обязанъ назначить защитника, буде подсудимый самъ не пригласилъ его.

Въ теченіе всего процесса, какъ обвиненіе, такъ и защита, пользуются самыми широкими правами, соответствующими природѣ состязательнаго процесса; но, ставя идею полученія матерьяльной истины выше всего, проектъ не обрекаетъ судью на роль пассивнаго зрителя состязанія сторонъ, а потому судѣ предоставлено право и помимо предложенія сторонъ изыскивать доказательства и выяснять факты, которые по его убѣжденію являются важными для уясненія истины.

Въ интересахъ быстроты процесса проектъ даетъ рядъ правилъ, имѣющихъ въ виду какъ эту быстроту, такъ и вообще упрощеніе судебной процедуры. Нормальнымъ видомъ подготовкы процесса является не предварительное слѣдствіе, а дознаніе, на основаніи котораго прокуроръ долженъ немедленно составить обвинительный актъ. Предварительное слѣдствіе („дистрага“) является безусловно обязательнымъ лишь по преступленіямъ, за которыя законъ угрожаетъ смертной казнью или безсрочнымъ лишеніемъ свободы; въ случаяхъ же, когда законъ грозитъ лишеніемъ свободы на срокъ выше пяти лѣтъ, предварительное слѣдствіе устраняется лишь при согласіи на это обвиняемаго. Кромѣ того, если прокуроръ въ началѣ не требовалъ предварительнаго заключенія обвиняемаго, а послѣ возбужденія обвиненія находитъ это необходимымъ, онъ можетъ требовать производства предварительнаго слѣдствія.

Сокращены также случаи, соответствующие нашему обряду предания суду; как и у нас, компетентной инстанцией здесь является апелляционный судъ, но онъ проверяет обвинительные акты только по жалобѣ обвиняемаго, который находит обвиненіе неправильнымъ. Тотъ же судъ разсматриваетъ и жалобу на примѣненіе предварительнаго заключенія.

Разъ указанныхъ жалобъ нѣтъ, или они отклонены, немедленно начинаются приготовительныя къ суду распоряженія, и дѣло назначается къ слушанію. Здесь всѣ сроки (возможнаго отложенія судебного слѣдствія и засѣданія вообще, объявленія приговора и пр.) отличаются чрезвычайной краткостью.

Кромѣ приговора обвинительнаго и оправдательнаго, допущенъ и приговоръ, отклоняющій обвиненіе. Этотъ приговоръ, являющійся новшествомъ въ области процесса, не имѣетъ ничего общаго со старымъ институтомъ *absolutio ab instantia*, въ видѣ нашего дореформеннаго „оставленія въ подозрѣніи“; онъ примѣняется въ тѣхъ случаяхъ, когда лицо не имѣется тѣхъ или иныхъ процессуальныхъ предпосылокъ для произнесенія приговора по существу: нѣтъ, на примѣръ, требуемой закономъ частной жалобы, не является компетентнымъ данный судъ, не рѣшенъ преюдициальный вопросъ о дѣйствительности или наличности брака и т. п. Въ действительности этотъ видъ приговора является лишь рѣшеніемъ суда о невозможности въ данный моментъ поставить приговоръ по существу не въ виду наличности недостатка уликъ или другихъ соображеній, относящихся къ существу дѣла, а исключительно въ виду законныхъ препятствій процессуальнаго характера. Правильнѣе было бы не называть „приговоромъ“ („пресуда“) такихъ рѣшеній суда, но по существу, конечно, такого рода рѣшенія являются необходимыми въ извѣстныхъ случаяхъ, и едва ли правильно и соответственно интересамъ правосудія произносить при отсутствіи, на примѣръ, частной жалобы оправдательный приговоръ вмѣсто особаго рѣшенія, предусмотрѣннаго новымъ проектомъ.

Особое вниманіе обращено въ проектѣ и на назначеніе мѣръ безопасности, предусмотрѣнныхъ новыми проектами уголовного уложенія. Если подсудимый осужденъ, и судъ признаетъ необходимымъ назначеніе мѣры безопасности, онъ о ней постановляетъ въ своемъ приговорѣ по дѣлу; если же мѣра безопасности назначается въ отношеніи лица, оправданнаго въ виду его невмѣняемости, судъ это дѣлаетъ въ особомъ опредѣленіи, выслушавъ предварительно заключеніе прокурора. Всякій необжалованный приговоръ вступаетъ въ законную силу, но за однимъ исключеніемъ: приужденіе къ смертной казни всегда *ex officio* поступаетъ на ревизію высшей судебной инстанціи.

Въ организацію обжалованія вообще внесены весьма серьезныя измѣненія.

То теченіе въ нашей наукѣ, которое скептически относится къ пересмотру уголовныхъ дѣлъ второй инстанціей по существу, а потому стремится, если не къ уничтоженію, то ко всеобщему сокращенію права апелляціоннаго обжалованія, нашло широкое отраженіе въ новомъ проектѣ. Его авторы, выдвигая рядъ извѣстныхъ возраженій противъ „*revisio in facto*“ (ослабленіе началъ устности и непосредственности, картины частой коллизіи рѣшеній вышшаго и низшаго суда, основанныхъ на одномъ и томъ же матеріалѣ, замедленія и затяжки въ окончательномъ рѣшеніи дѣлъ и проч.), развиваютъ и дополняютъ ихъ, подчеркивая главнымъ образомъ то, что, если вторая инстанція будетъ судить лишь на основаніи письменныхъ матеріаловъ производства дѣла въ первой инстанціи, то жестоко будутъ страдать важныя и необходи-

мше для вѣрнаго и полнаго сужденія о фактахъ начала устности и непосредственности, и блѣдное отраженіе на бумагѣ доказательныхъ данныхъ, которыя были яркими въ непосредственномъ воспріятіи, можетъ легко привести вторую инстанцію къ рѣшенію, по существу и справедливости менѣе правильному, чѣмъ рѣшеніе первой инстанціи. Если же допустить во второй инстанціи новый полный пересмотръ, съ новымъ вызовомъ свидѣтелей и т. п., то, учитывая психологію свидѣтельскихъ показаній, впечатлѣнія свидѣтелей отъ преній сторонъ въ первой инстанціи и отъ перваго приговора и тотъ фактъ, что, чѣмъ дальше отъ времени событія, тѣмъ блѣднѣе и неправильнѣе всегда оказывается его воспроизведеніе, еще менѣе можно стремиться къ широкой постановкѣ апелляціоннаго обжалованія¹.

Несомнѣнно, въ приведенныхъ указаніяхъ есть немало вѣрнаго и важнаго, но также несомнѣнно, что пересмотръ дѣла высшей инстанціей, состоящей изъ болѣе опытныхъ и авторитетныхъ судей, во многихъ случаяхъ можетъ способствовать охранѣ не только интересовъ личности обвиняемаго, но и интересовъ правосудія. Поэтому едва ли можно было бы приветствовать здѣсь радикальное рѣшеніе въ видѣ полной отмѣны апелляціоннаго обжалованія.

Редакторы проекта и не стали на этотъ путь; они остановились на компромиссѣ, правда, съ большимъ уклономъ въ сторону домогательства противниковъ института апелляціи, но все же не чуждомъ извѣстной осторожности и осмотрительности. Прежде всего апелляціонное обжалованіе допущено въ полномъ объемѣ противъ всѣхъ приговоровъ единоличныхъ судей; но затѣмъ, въ отношеніи приговоровъ коллегіальныхъ судовъ, новый проектъ суживаетъ право апелляціи до *minimum'a*; полный пересмотръ дѣла по существу здѣсь абсолютно недопущенъ и жаловаться въ апелляціонную инстанцію можно только относительно рода и размѣра присужденнаго первой инстанціей наказанія, относительно примѣненія мѣръ безопасности, по поводу требованій, въ порядкѣ гражданскаго иска заявленныхъ въ уголовномъ процессѣ, и по поводу уплаты судебныхъ расходовъ (конечно, помимо обжалованія частныхъ опредѣленій суда, которое допущено весьма широко).

Обращаясь къ обжалованію приговоровъ въ кассационномъ порядкѣ, необходимо отмѣтить слѣдующія усвоенныя проектомъ его особенности. Во-первыхъ, жалобы кассационному суду приносятся на нарушеніе приговоромъ низшей инстанціи матеріальнаго или процессуальнаго закона; если предметомъ жалобы является только такое нарушеніе, то жалоба идетъ прямо въ кассационный судъ, минуя апелляціонную инстанцію; если къ жалобѣ присоединено и указаніе на нарушенія коллегіальнаго суда, подлежація по закону разсмотрѣнію апелляціонной инстанціи, то его также разматриваетъ кассационный судъ. Во-вторыхъ, (отдавая дань излишнему формализму и едва ли къ успѣху правосудія) проектъ (§§ 336 и 337) нечисляетъ тѣ нарушенія, которыя онъ признаетъ существенными и при наличности которыхъ допускаетъ принесеніе кассационной жалобы. Одни изъ этихъ нарушеній имѣютъ абсолютный характеръ, такъ что при наличности ихъ кассационный судъ обязанъ уничтожить приговоръ, другія же — относительный, а потому при ихъ наличности кассационный судъ можетъ отмѣнить приговоръ, если признаетъ,

¹ Огорелца, у. ст., стр. 379—380; ср. ук. „Правни Преглед“, кн. II, стр. 99—101.

что допущенное нарушение было существенным *in concreto* и действительно могло вредным образом отразиться на приговоре и интересах жалобщика.

Но наряду с указанным чрезмерным ригоризмом в постановке кассационного обжалования, здесь допущены и некоторые новые и широкие начала. Без всякой жалобы *ex officio* кассационный суд ревизует всякий приговор к смертной казни, *ex officio* отменяет приговоры, поставленные с нарушением подсудности, хотя бы в поданных жалобах и не содержалось указаний на это нарушение; в жалобах допускается и ссылка на новые факты и т. п. В виде исключения и притом только в пользу осужденного допустить даже полный пересмотр обжалованного приговора по существу, если у кассационного суда явится серьезное сомнение относительно истинности фактов, легших в основу приговора; в этих случаях допускается не только возвращение дела для нового разбирательства, но и постановка нового приговора самим кассационным судом, но для этого последнего требуется единогласие всех судей и благоприятное такому исходу дела заключение генерального прокуратора¹. Словом, как видим, здесь имеется оригинальное сочетание строго поставленного кассационного начала с одной стороны и широкого ревизионного — с другой.

Из дальнейшего следует отметить в проекте заботу об исправлении судебных ошибок и о возможном вознаграждении невинно осужденных. Для борьбы с первыми разработаны (не отличающиеся особой оригинальностью) нормы, регулирующие возобновление уголовных дел; для второго — установлен удобный путь: обращение к министру юстиции и, в случае не получения от него в месячный срок надлежащего удовлетворения, обращение к суду, причем окончательное решение дела в судебном порядке всегда принадлежит кассационному суду. В интересах бережного отношения к еще неустойчивым финансам новой державы, редакторы проекта не приняли идеи вознаграждения за невинно понесенный подследственный арест, хотя принципиально сочувствовали этой идее, усвоенной некоторыми из новейших законодательств и в том числе одной из новелл австрийского процесса, ныне применяемой на территории королевства С.-Х.-С., в Словении и Далмации. В виду этого можно ожидать, что указанный весьма желательный шаг будет сдвиган в недалеком будущем.

Интересно, наконец, разработаны и нормы, регулирующие институт реабилитации, международную взаимопомощь по уголовным делам и выдачу преступников. В интересах личности осужденного строгаише предписано полное исключение публичности в делах этого рода и самое бережное отношение к личности, обратившейся к суду с ходатайством о ее реабилитации. Реабилитированному в судебном порядке предоставляется право перед властями и даже перед судом не признаваться в своей прежней судимости и отбытии наказания, если его спрашивают о деле, по которому последовала его реабилитация; справки же о судимости могут быть выдаваемы только суду и прокуратуре, но с обязательной отметкой о том, что прежний приговор и его последствия аннулированы актом реабилитации.

¹ Но и в других случаях кассационный суд может не возвращать дела в низший суд, а сам вынести приговор: это случай, когда он находит, что фактическая сторона приговора установлена вполне правильно, но суд вышел за пределы предъявленного обвинения или нарушил материальный закон.

Что касается международной взаимопомощи по уголовнымъ дѣламъ и въ частности выдачи преступниковъ, то внимательное и подробное регулированіе въ проектѣ процедуры въ относящихся сюда случаяхъ проникнуто двумя основными идеями: наиболѣе обезпечить въ предѣлахъ возможности правовую помощь чужой державѣ, обратившейся за этой помощью, и въ то же время дать надлежащія гарантіи правъ личности, особенно если требуется ея выдача¹.

Мы знаемъ, что мировая война произвела огромныя перемѣны въ международныхъ отношеніяхъ, поколебала, а частью и уничтожила, не мало нормъ, которыя казались общепризнанными и безусловно необходимыми, и серьезно ослабила чувства международной солидарности. Отразилось это и на практикѣ международной правовой помощи, несмотря на то, что отъ соціального зла, называемаго преступностью, страдаютъ не только интересы отдѣльныхъ державъ, но и общіе ихъ интересы. Но, конечно, въ будущемъ мы снова придемъ къ росту идеи международной солидарности, будетъ расти правовая международная взаимопомощь, а потому внимательное отношеніе проекта къ этимъ вопросамъ можно только привѣтствовать.

Этимъ мы могли бы закончить свой очеркъ процессуальной реформы, но мы должны сказать еще нѣсколько словъ о судѣ присяжныхъ; о немъ не упоминается ни въ законахъ о судоустройствѣ, ни въ новомъ проектѣ: а раньше въ Сербіи организація и функціи присяжныхъ („порота“) опредѣлялись отдѣльнымъ закономъ, и теперь при объединеніи права въ королевствѣ С.-Х.-С. пошли по тому же пути.

Необходимо отмѣтить, что вообще идея участія народнаго элемента въ судѣ уголовномъ въ юридическихъ кругахъ Сербіи не пользовалась популярностью и раньше, а теперь это замѣчается и въ Хорватіи. Института присяжныхъ въ его чистомъ видѣ, принятомъ почти повсемѣстно, Сербія не знала совсѣмъ; ея „короткіи судъ“ (съ болѣе чѣмъ ограниченной компетенціей) въ сущности вовсе не судъ присяжныхъ, а судъ шеффеновъ, ибо это маленькая коллегія смѣшаннаго состава (коронные судьи и присяжные), причѣмъ число присяжныхъ въ этой коллегіи двумя послѣдовательными новеллами дважды уменьшалось, такъ что въ настоящее время число судей превышаетъ число присяжныхъ. Сейчасъ положеніе осложнилось еще и тѣмъ, что учредительная скупщина внесла въ конституцію постановленіе, исключающее присяжныхъ отъ разсмотрѣнія преступленій печати и политическихъ, т. е. въ той области, гдѣ до сихъ поръ считали присяжныхъ необходимыми даже такіе принципиальные враги суда присяжныхъ, какъ, напримѣръ, Энрико Ферри.

Выработанный по порученію комиссіи проектъ новаго закона о присяжныхъ, написанный д-ромъ Огорелицей, при участіи М. Ювановича и М. Доленца, въ ближайшіе дни подлежитъ разсмотрѣнію комиссіи въ ея пленумѣ, но и сейчасъ съ полной увѣренностью можно сказать, что проектъ далъ максимумъ того, что приемлемо для комиссіи. Нельзя ожидать и какихъ либо радикальныхъ измѣненій въ этомъ дѣлѣ со стороны парламента. Здѣсь, кромѣ внутреннихъ политическихъ условий (слабое развитіе правового чувства въ народныхъ массахъ, проявленія внутренней розни между сербами и хорватами, наличность въ новоприсоединенныхъ областяхъ значительнаго числа довольно

¹ См. подробнѣе Чубинскій (стр. 136—156) въ вышеуп. коллективномъ комментаріи „Новыи кривични судски поступакъ“.

враждебныхъ новой державѣ элементовъ, какъ нѣмцы, венгры, болгаре и т. д., и привычка къ суду присяжныхъ своего образца, т. е. къ смѣшанной коллегіи, въ которой народный элементъ не имѣетъ ни значительной, ни самостоятельной роли) и кромѣ вліянія сербской научной литературы¹, нельзя не усмотрѣть и вліянія пережитой войны: въ числѣ другихъ „старыхъ идей“ тускнѣетъ и идея максимальной гарантіи правъ личности, хотя бы и преступной, паденіе нравовъ и ростъ преступности толкаютъ въ сторону болѣе старой и неуклюжей репрессіи, которую не всегда даетъ судъ присяжныхъ.

Но все же важно и то, что, согласно новому проекту, во-первыхъ, присяжные при рѣшеніи вопроса о виновности составляютъ отдѣльную отъ судей коллегію, и для рѣшенія вопроса о наказаніи делегируютъ двухъ изъ своей среды въ составъ суда; во-вторыхъ, суду присяжныхъ будутъ подлежать всѣ наиболѣе тяжкія преступленія (квалифицированное убійство, разбой, поджогъ и т. д.). Въ проектѣ имѣются двѣ оригинальныхъ особенности. Во-первыхъ, онъ требуетъ, чтобы въ каждомъ составѣ присяжныхъ не менѣе 2-хъ изъ семичленного состава составляли т. наз. квалифицированные присяжные (съ высшимъ образовательнымъ цензомъ), и во-вторыхъ, при разногласіи во мнѣніи коронныхъ судей и присяжныхъ онъ устанавливаетъ такой коррективъ: если первые находятъ, что вердиктомъ, который вынесли присяжные, осужденъ невинный или оправданъ виновный, то дѣло подлежитъ пересмотру; въ послѣднемъ случаѣ, т. е. для отмѣны оправдательнаго вердикта, необходимо, единогласіе судей.

Хотя предполагается, что и коронные судьи здѣсь будутъ рѣшать не по формальнымъ критеріямъ виновности, а по свободному внутреннему убѣжденію, но мы думаемъ, что дѣйствительность легко можетъ дать и обратную картину, и считаемъ приведенный коррективъ (который находитъ нѣсколько схожій прецедентъ лишь въ испанскомъ процессѣ) весьма опаснымъ для устойчивости рѣшеній принятой своеобразной формы присяжнаго суда и особенно вреднымъ для правъ какъ участвующаго въ дѣлѣ народнаго элемента, такъ и подсудимаго.

Подводя же итоги и всей намѣченной реформы уголовного процесса, мы должны признать, что она является серьезнымъ шагомъ впередъ даже для тѣхъ частей королевства, гдѣ до сихъ поръ дѣйствовали цѣликомъ или съ нѣкоторыми измѣненіями австрійскіе законы. Для Сербіи же въ ея старыхъ границахъ новый уставъ, пересоздающій процессъ на совершенно новыхъ и современныхъ началахъ, открываетъ новую эру, погребая ея старыя порядки правосудія, во многомъ близко родственные порядкамъ дореформенной уголовной юстиціи въ Россіи.

IV

Переходимъ къ реформамъ матерьяльнаго уголовного права. Здѣсь мы будемъ разсматривать главнымъ образомъ новый проектъ уголовного уложенія, составленный для всего королевства, и лишь кратко будемъ отличать тѣ осо-

¹ См. особ. проф. В. Марковичъ, „Расправе изъ кривичногъ поступка“ („Очерки уголовного процесса“, статья „Треба ли порату укинути или реформисати“, стр. 81—147. Здѣсь авторъ, пользующійся большимъ авторитетомъ, выступаетъ энергичнымъ, иногда оригинальнымъ по аргументаціи и горячо убѣжденнымъ противникомъ суда присяжныхъ, особенно для своего отечества.

бенности первого, составленного для Сербии, проекта 1910 г., который новым проектом отклонены или модифицированы.

Осталавливаясь прежде всего на заключающей в себя 85 параграфов общей части проекта и изъ нея на тѣх нормахъ, которыя регулируютъ вопросы, связанныя съ учениемъ о преступленіи, мы видимъ здѣсь стремленіе избѣгать казуистичности, неясности и противорѣчивости правовыхъ дефиницій и стараніе влить въ эти дефиниціи возможно новое съ точки зрѣнія науки и возможно болѣе удовлетворяющее потребностямъ жизни содержаніе. При составленіи первого проекта редакторы особенно внимательно отнеслись къ норвежскому уложенію съ его мотивами (весь этотъ матерьялъ именно въ это время былъ переведенъ на сербскій языкъ и отпечатанъ на средства министерства юстиціи), къ обще-швейцарскому проекту въ его послѣдовательныхъ редакціяхъ (съ учетомъ не только мотивовъ, но и преній въ комиссіяхъ), а также къ германскому проекту и т. наз. контръ-проекту новаго уложенія и къ выходившему одновременно съ ними капитальному труду нѣмецкой науки „Vergleichende Darstellung“.

Въ значительно меньшей степени отразились на первомъ проектѣ другіе новые кодексы и проекты и почти внѣ его поля зрѣнія осталось наше уголовное уложеніе и капитальная объяснительная къ нему записка, что объясняется тѣмъ, что вообще юридическіе круги Сербіи, за рѣдчайшими исключениями, не знаютъ русскаго языка и далеко стоятъ отъ русской правовой науки и русскаго законодательства. Во второмъ проектѣ этотъ проблѣмъ отчасти былъ пополненъ, но именно лишь отчасти¹. — Что касается классификаціи преступленій, то первый проектъ провелъ т. наз. дихотомію, отказавшись отъ трихотоміи дѣйствующаго сербскаго уложенія; въ одну группу отнесены всѣ маловажныя дѣянія („преступія“), а въ другую всѣ остальные, какъ болѣе такъ и менѣе тяжкія („злочини“). Въ виду возраженій относительно крайней нежелательности такого объединенія, охватывающаго однимъ и тѣмъ же терминомъ столь различныя и по существу и въ народной психологіи дѣянія, какъ корыстное убійство съ одной стороны и мелкая кража или оскорбленіе — съ другой, комиссія создала компромиссъ: въ новый проектъ она ввела дѣленіе на злочини и преступія; къ первымъ отнесены болѣе тяжкія дѣянія, ко вторымъ — менѣе тяжкія въ томъ числѣ и сравнительно маловажныя; наиболѣе же маловажныя и нарушенія формальнаго характера они совсѣмъ исключили изъ уголовного кодекса, а этимъ самымъ и изъ судебной компетенціи, признавъ, что они должны войти въ особый кодексъ полицейскихъ проступковъ.

Намъ этотъ компромиссъ представляется рѣшительно неудачнымъ: 1) онъ для категоріи мелкихъ дѣлъ освящаетъ судебную власть полиціи, что и принципиально нежелательно, а особенно въ Сербіи, гдѣ полицейская власть далеко не стоитъ на высотѣ и 2) онъ базируется на понятіи особой „полицейской неправды“, о которой говорилось уже въ мотивахъ первого проекта, гдѣ редакторы проводили принципиальную разницу между настоящими преступленіями („права кривични дела“), повреждающими правовыя блага, и полицейской неправдой („полицијско неправо“), заключающей въ себѣ лишь угрозу пра-

¹ Еще менѣе, къ сожалѣнію, нашъ отечественный законодательный матерьялъ и работа русской научной мысли отразились на рассмотрѣнномъ нами выше новомъ проектѣ устава уголовного судопроизводства.

вовымъ благамъ; между тѣмъ по мнѣнію громаднаго большинства современныхъ ученыхъ, и притомъ мнѣнію подробно обоснованному, ни одинъ изъ критеріевъ, предложенныхъ для различенія полицейской неправды отъ уголовной, не является состоятельнымъ, такъ что по существу эти два вида неправды раздѣлять нельзя!; 3) составленіе новаго кодекса полицейскихъ проступковъ, которымъ должно заняться министерство внутреннихъ дѣлъ, еще не началось и можетъ задержать всю уже готовую реформу матерьяльнаго уголовного права. По вопросу о дѣйствіи уголовного закона во времени первый проектъ (видимо, не безъ вліянія теоріи Биндинга) ограничивалъ обратную силу болѣе мягкаго закона, не допуская, напримѣръ, ея примѣненія въ кассационной инстанціи. Новый проектъ даетъ категорическую формулу: „если по совершеніи преступнаго дѣянія измѣненъ законъ, то примѣняется болѣе мягкой законъ (§ 3). По нашему мнѣнію, эта формула охватила и т. наз. промежуточные законы, хотя это и не входило въ намѣренія громаднаго большинства комиссіи. Изъятіе сдѣлано лишь одно: мѣры безопасности, безотносительно отъ вопроса объ ихъ строгости, всегда примѣняются по новому закону, хотя бы виновный и не былъ по этому закону приговоренъ къ наказанію.

Изъ нормъ, регулирующихъ дѣйствіе уголовного закона по мѣсту и выдачу преступниковъ, заслуживаютъ упоминанія три: 1) новый проектъ, какъ и первый проектъ, внимательно исчисляетъ тѣ условія, при наличности которыхъ виновный по отбытіи за-границей наказанія за учиненное имъ дѣяніе, уже не можетъ быть подвергнутъ наказанію въ Королевствѣ, и рядомъ съ этимъ устанавливаетъ принципъ обязательнаго учета судомъ того наказанія, которое виновный полностью или частично отбылъ за-границей (§§ 9 и 10); 2) взявъ въ основу принципъ территоріальности, пополненный принципомъ персональнымъ, и отмѣнивъ согласно съ этими принципами дѣла, которыя безусловно должны быть судимы въ Королевствѣ и по его законамъ, проектъ далѣе отмѣчаетъ три категоріи совершенныхъ въ Королевствѣ дѣлъ, когда отвѣтственность по законамъ Королевства субсидіарно является желательной и необходимой; здѣсь уже примѣняются принципы реальный и универсальный, причемъ при проведеніи послѣдняго, иногда почти безбрежно расширяемаго (напримѣръ, въ венгерскомъ уложеніи), а иногда, наоборотъ, почти игнорируемаго (напримѣръ, въ нашемъ уложеніи о наказаніяхъ и въ швейцарскомъ проектѣ), редакторы проекта, по нашему мнѣнію, нашли ту разумную мѣру, которая, не превращая положительный законъ въ отвлеченное теоретизированье, въ то же время вполнѣ удовлетворяетъ интересамъ правосудія и требованіямъ международной солидарности; 3) относительно выдачи преступниковъ первый проектъ шелъ очень далеко и, въ разрѣзъ съ новой международной практикой, не допускалъ ея даже за дѣянія, находящіеся въ связи съ политическими; новый проектъ (§ 11) ограничился болѣе осторожной формулой: онъ не допускаетъ выдачи иностранцевъ (свои подданные никогда не выдаются) лишь при т. наз. чисто политическихъ преступленіяхъ; такимъ образомъ вопросъ о выдачѣ въ случаѣ упомянутыхъ въ первомъ проектѣ т. наз. коннексныхъ преступленій, а также въ случаѣ т. наз. смѣшанныхъ политическихъ преступленій (общее преступленіе, совершенное по политическимъ

¹ См. Таганцевъ „Лекціи“ т. I. 1902 г., с. 110—113. Ср. обзоръ постановки этого вопроса у Binding'a „Normen § 48“ и Живановича „Основы кривичнаго права“, I, с. 94—97.

мотивамъ) остался совершенно открытымъ. Можетъ быть, лучше было прямо помѣстить въ текстъ указаніе, что вопросъ о выдачѣ по дѣламъ этого рода рѣшается по духу заключенныхъ съ другими державами договоровъ, ибо въ международную жизнь все болѣе и болѣе проникаетъ тенденція (которая скоро можетъ отразиться и въ договорахъ, заключаемыхъ королевствомъ С.-Х.-С.), направленная въ сторону ограниченія круга дѣяній, не допускающихъ выдачи, и изъятія отсюда въ первую очередь тѣхъ дѣяній, которыя направлены не столько противъ того или иного политическаго строя данного государства, сколько противъ основъ всего соціальнаго бытія современнаго человечества и общепризнанныхъ началъ гуманности и морали. Таковы дѣянія анархистовъ, многія дѣянія современныхъ коммунистовъ и т. п. Въ этомъ направленіи имѣется уже немало резолюцій, вынесенныхъ на международныхъ конференціяхъ и на засѣданіяхъ Института Международнаго Права, встрѣченныхъ сочувственно многими представителями науки и уже отразившихся на международной практикѣ¹. —

Во второй своей главѣ новый проектъ говоритъ „о дѣяніи и его совершителѣ“ и въ первую очередь „объ условіяхъ наказуемости“ („погоубе какинвости“); это названіе, сохраненное изъ перваго проекта, является неудачнымъ и совершенно неточнымъ, ибо здѣсь имъ объясняется цѣлый рядъ вопросовъ конструктивнаго характера, относящихся къ преступленію, а не къ наказанію, какъ, напримѣръ, о вѣняемости, о видахъ субъективной виновности, о юридической и фактической ошибкѣ, и т. п.

Что касается вѣняемости, то, какъ извѣстно, въ старомъ правѣ господствовала тенденція къ перечисленію въ законѣ состояній, исключającychъ способность ко вѣненію. Теперь эта тенденція держится лишь въ кодексахъ, близкихъ къ французскому образцу, и постепенно вымираетъ. Долгій опытъ показалъ, что всякое перечисленіе здѣсь будетъ неполнымъ и неправильнымъ, ибо сложна душевная жизнь человѣка, а идущая впередъ наука то и дѣло бросаетъ совершенно новый свѣтъ на явленія этой жизни и производитъ здѣсь переоцѣнку цѣнностей. Поэтому судебная практика, при наличности перечневой системы, бываетъ вынуждена или дѣлать ошибки, тяжкія съ точки зрѣнія наукъ, изучающихъ природу человѣка и его духовную жизнь, или дѣлать надъ закономъ не вытекающія изъ него надстройки, какъ это, напримѣръ, дѣлаетъ французскій кассационный судъ при толкованіи термина „démence“.

Въ виду изложеннаго современные кодексы, отказавшись отъ перечневой системы, стремятся указать лишь родовыя формы состояній, исключającychъ вѣняемость и при этомъ даютъ критерій, который могъ бы послужить руководствомъ въ самыхъ разнообразныхъ случаяхъ для проведенія границъ между вѣняемымъ и невѣняемымъ.

Въ отношеніи даннаго критерія всѣ новые уголовные кодексы и проекты могутъ быть раздѣлены на двѣ группы: одна, какъ, напримѣръ, германское и итальянское уложеніе, указываетъ какъ на основной критерій на наличность или отсутствіе „свободнаго опредѣленія воли“, иногда соединяя его съ дру-

¹ См. подробн. Таганцевъ „Лекціи“, I, с. 356—362; Liszt „Völkerrecht“ 33; Martitz „Internationale Rechtshilfe“, т. 2. 1897. с. 200—226 и др.; Schildmacher „Das Auslieferungsverfahren“, 1911; Renault „Des crimes politiques en matière d'extradition“, с. 31 ff.; Живановичъ „Основы“, I, с. 44—49, 134—135.

гими дополнительными критеріями; другіе, какъ, напримѣръ, норвежское уложение и австрійскіе проекты, предпочитаютъ совершенно не упоминать въ своихъ опредѣленіяхъ о свободѣ воли, а потому даютъ другіе критеріи. Последнимъ путемъ пошелъ и новый проектъ Королевства; онъ дополнилъ формулу, данную первымъ проектомъ (которая не охватывала прямо даже тяжчайшихъ болѣзней воли), и такимъ образомъ пришелъ къ постановленіямъ, почти тождественнымъ съ постановленіями нашего новаго уголовного уложения, о свободѣ воли не упоминающимъ. Невмѣняемымъ является тотъ, кто, вслѣдствіе „болесногъ душевногъ растроства“, „умне (умственной) неразвѣжености“ или „бесвескости“ (безсознательнаго состоянія), не могъ во время совершенія дѣянія „схватити природу и значаі својегъ дела или према томе схватаңу радити“ (поступать) (§ 19).

Намъ кажется, что въ данномъ случаѣ рѣшеніе вопроса было вполнѣ удачно: во-первыхъ, всякое упоминаніе въ законѣ о свободѣ воли, какими бы ограниченіями, дополненіями или разъясненіями ни сопровождали мы это упоминаніе, неизбѣжно связываетъ вопросъ о вмѣняемости съ многовѣковымъ и до сихъ поръ неразрѣшеннымъ споромъ между детерминистами и индетерминистами, съ понятіемъ, объемомъ и содержаніемъ котораго толкуются весьма различно, и такимъ образомъ ставитъ судебную практику на неустойчивый и противорѣчивый путь; во-вторыхъ, взятая за образецъ русская формула является одной изъ наилучшихъ въ мировомъ законодательствѣ и въ свое время была встрѣчена горячимъ пріветствіемъ науки и у насъ, и на западѣ.

Рядомъ со вмѣняемостью новый проектъ (какъ и первый) говоритъ объ уменьшенной вмѣняемости, допуская здѣсь какъ примѣненіе мѣръ безопасности, такъ и смягченіе наказанія по свободной оцѣнкѣ суда. Извѣстно, что противъ этого понятія имѣются горячія возраженія, преимущественно формально-юридическаго характера. Не вдаваясь въ подробности существующаго спора, мы отмѣтимъ, что въ сферѣ душевныхъ состояній между полнымъ здоровьемъ и явной болѣзью имѣется цѣлый рядъ переходныхъ состояній, съ которыми необходимо считаться. Въ старой наукѣ вопросъ рѣшался просто: считали, что человекъ или способенъ къ уголовной отвѣтственности, или не способенъ, средняго же состоянія нѣтъ и быть не можетъ; при господствѣ въ наказаніи цѣли возмездія, признанный вмѣняемымъ подвергался въ той или иной мѣрѣ этому возмездію, признанный же невмѣняемымъ не считался преступникомъ и выпадалъ изъ сферы уголовного права: правосудію больше не было до него дѣла.

Но съ тѣхъ поръ, какъ въ дѣлѣ уголовного правосудія выдвинулась на первый планъ идея защиты общества отъ вредныхъ и антисоціальныхъ дѣяній, наряду съ наказаніемъ стали разрабатывать и вводить въ уголовные кодексы мѣры безопасности, а въ самомъ наказаніи идея возмездія стала отступать передъ идеей цѣлесообразнаго воздѣйствія на преступника; пришлось, не ограничиваясь формальной антитезой давать указанія и относительно того, что дѣлать съ людьми, совершившими преступленіе и въ то же время по своему душевному состоянію не подходящими къ полюсамъ антитезы, ибо они воплощаютъ въ себѣ переходныя формы и не столь ярко выраженныя состоянія. И здѣсь торжествуетъ теперь принципъ цѣлесообразности, связанный съ принципомъ индивидуализаціи; къ лицамъ данной категоріи, именуемымъ уменьшенно-вмѣняемыми, примѣняется репрессія, поскольку она можетъ оказать по-

лезное воздействие, но репрессия видоизменная, наряду же с репрессией и взаимно с ней там, где это необходимо, применяются меры безопасности и лечения¹.

Поэтому нормы, установленные проектом по данному вопросу мы считаем правильными и приемлемыми.

Обращаясь теперь к мерам относительно малолетних, нельзя прежде всего не отметить, что в старой Сербии до повелы 1918 года (еще очень слабо проведенной в жизнь) мы видим ужасающую картину, вполне подтвержденную в „Мотивах“ авторами первого проекта: почти полное молчание о них уголовного закона (за исключением установления сроков невменяемости и условной вменяемости для действовавших „с разбором“ (с разумием) и т. п.; ни одного специального исправительного заведения для малолетних преступников; отбытие наказания малолетними вместе со взрослыми, а отсюда систематическое их возвращение, громадный процент рецидивистов и частое участие малолетних в таких тяжелых преступлениях, как убийство, разбой и т. п.

Понятно, поэтому, что уже первый проект категорически порвал с этим прошлым и создал совершенно новую систему, основанную на идее принудительного воспитания в одних случаях и смягченной и индивидуализированной репрессии в других. Второй проект пошел еще дальше первого, но, по нашему мнению, в одних случаях слишком далеко, а в других, наоборот, без достаточного учета тех необходимых специальных институций, без которых самая лучшая постановка могут остаться мертвой буквой и не дать ожидаемых результатов. Во-первых, принятый проектом срок абсолютной невменяемости малолетних (до 14 лет) мы считаем чрезмерно высоким, для южного народа, где подростки от 12 до 14 лет нередко так зрелы физически, что совершают изнасилования; едва ли признание наперед абсолютной безответственности будет здесь гармонировать с народной совестью и здоровым правосознанием. Во-вторых, во отличие от первого проекта, новый проект категорически оставил лишь принудительное перевоспитание и исключил возможность применения обычных смягченных карательных мер даже для тех малолетних от 14 до 18 лет, которых суд признает зрелыми и сознательными. Если бы не поправка, изъясняющая отсюда рецидивистов, то данная постановка вопроса неизбежно создала бы громадную угрозу общественной безопасности и при данной поправке далеко не вполне устраненную.

И наоборот, поставив так широко плац перевоспитания малолетних, проект не создал для них специальных органов надзора; надзор за выходящими на свободу малолетними поручается начальству выпускавшего их заведения и полицейской власти. Но первое будет настолько за-

¹ Более подробно см. наш „Проблем“, стр. 72—74. Contra Таганцев „Лекции“, I, стр. 412—414, а в сербской литературе Милькович (в „Мотивах“ первого проекта); в своем особом мнении (стр. 720—723) он даже утверждает, что с точки зрения правовой логики уменьшенная вменяемость — это „абсурдный поjam“ (понятие). Однако же мы видим, что оспариваемое понятие приняли такие интересные и лучшие образцы нового законодательного творчества, как норвежский кодекс и проекты швейцарский, германский и австрийский, а в науке за принятие уменьшенной вменяемости высказался не только ряд авторитетных лиц, но и ряд съездов и собраний, из которых необходимо отметить подробно остановившийся на данном вопросе X конгресс международного союза криминалистов в Гамбурге.

нято своей сложной работой внутри заведения, что ему будет трудно, и иногда (особенно если малолѣтній будет жить внѣ района заведения) даже невозможно слѣдить за нимъ, органы же общей полиціи, также вездѣ перегруженные своей прямой работой, сверхъ того, очевидно, не подходят для данной задачи, требующей и опыта, и сердечности, и педагогическаго такта, и специальныхъ знаній. Опытъ другихъ странъ съ неопровержимой наглядностью доказываетъ намъ, что здѣсь необходимы специальные органы надзора (особые попечители, инспектора, педеля и т. п.), которые, особенно въ Англіи и Америкѣ, подняли на высоту то дѣло, которое до этого никакъ не удавалось хорошо поставить.

Прибавимъ отсутствіе въ Сербіи обществъ патроната надъ преступниками, и намъ придется серьезно призадуматься надъ возможностью успѣха намѣченной широкой реформы, хотя въ Сербіи имѣется специальное министерство социальной политики, которое должно бы обратить вниманіе на открывающуюся здѣсь для него широкую и благодарную задачу, и хотя новый уставъ уголовного судопроизводства рекомендуетъ дѣтскимъ судьямъ подыскивать для попеченія о малолѣтнихъ подходящихъ лицъ: при отсутствіи здѣсь до сихъ поръ общественной инициативы и при отсутствіи кредита для органовъ надзора ясно, что эти органы появятся не скоро.

Обратимся теперь къ формамъ субъективной виновности, степенямъ осуществленія преступной воли въ дѣйствіи и соучастію. Основнымъ здѣсь является вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли вносить въ текстъ закона дефиниціи относящихся сюда понятій, или отказаться отъ этого по примѣру хотя бы норвежскаго кодекса, не дающаго опредѣленія умысла, формы соучастія и т. п.

Если мы вспомнимъ, какъ горячо привѣтствовалъ Листъ инициативу русскаго проекта въ дѣлѣ введенія въ законъ опредѣленія умысла и неосторожности, если прибавимъ, что обычное утвержденіе сторонниковъ обратнаго метода дѣйствій, будто бы никакая законодательная дефиниція не можетъ въ конкретныхъ случаяхъ помочь практикѣ въ дѣлѣ разграниченія разныхъ формъ, категорически опровергается справедливымъ замѣчаніемъ того же Листа, что, наоборотъ „ни наука, ни судебная практика не даютъ и не могутъ самостоятельно измышлять юридическія понятія, когда въ законѣ не дано элементовъ, изъ которыхъ можно исходить“¹, то мы должны будемъ призвать, что проектъ сталъ на правильный путь, стремясь дать ясныя и точныя опредѣленія и этимъ положить конецъ частой противорѣчивой казуистикѣ стараго сербскаго права.

Окончательно установленныя проектомъ дефиниціи умысла и неосторожности наиболѣе близко подходят къ дефиниціямъ русскаго уголовного уложенія и отражаютъ въ себѣ т. наз. теорію воли, а не теорію представленія; она охватываетъ и *dolus eventualis*, ибо, рядомъ со случаями прямого желанія совершить извѣстное дѣяніе, ставить случаи, когда виновный, предвидя, что изъ его дѣянія можетъ произойти противозаконное послѣдствіе, соизволилъ („усвојно је“) на это послѣдствіе, безразлично, желалъ ли онъ прямо или не желалъ наступленія этого послѣдствія (§ 14). Мы полагаемъ, что лучше бы было ввести сюда дополнительный объективный критерій и говорить не о предвидѣніи возможнаго послѣдствія вообще (ибо мыслимыми и слѣдовательно воз-

¹ Liszt, см. „Сводъ замѣчаній“ на проектъ русскаго угол. улож., III, стр. 265.

возможными являются и послѣдствія исключительныя и маловѣроятныя), а послѣдствія, которое должно было бы наступить по обычному естественному порядку вещей и ходу событій, ибо иначе у суда не будетъ критерія при рѣшеніи вопроса о томъ, вѣрить ли обвиняемому, который, конечно, обычно будетъ утверждать, что онъ отнюдь не соизволялъ на наступленіе даннаго послѣдствія.

Дефиниція неосторожности является даже болѣе полной, чѣмъ послужившая для нея образцомъ русская дефиниція. Проектъ не ограничивается указаніемъ на результатъ, который виновный могъ или долженъ былъ предвидѣть, но указываетъ и на объективныя условія, т. е. на то, что самое предвидѣніе могло или должно было имѣть мѣсто „по обстоятельствамъ даннаго случая и по особенностямъ личности виновнаго.“ Практика такимъ образомъ получаетъ въ законѣ подлежащій критерій для отдѣленія неоспоримой вины отъ случая.

Что же касается того элемента субъективной виновности, который называется мотивомъ преступленія, то здѣсь редакторы проекта заняли, т. сказ., среднюю позицію. Этотъ элементъ какъ въ современной наукѣ, такъ и въ новѣйшихъ законодательныхъ работахъ, все болѣе и болѣе выдвигается на первый планъ и получаетъ значеніе, далеко выходящее за предѣлы прошлаго, когда на мотивъ смотрѣли какъ на второстепенный элементъ, который можетъ имѣть вліяніе лишь на мѣру наказанія. Редакторы далеко ушли впередъ отъ этого взгляда и подчеркнули принципиальное значеніе мотива преступленія въ дѣлѣ отвѣтственности, но, какъ увидимъ далѣе, они остановились на полъ-пути, говоря о мотивѣ въ отдѣлѣ „одмѣриванье казни“, а въ особенной части были въ этомъ отношеніи еще менѣе послѣдовательны.

Обратимся къ степенямъ осуществленія преступной воли въ дѣйствиіи. Здѣсь, какъ извѣстно, главная трудность заключается въ нахожденіи для понятія „покушеніе“ такого опредѣленія, которое давало бы суду критерій въ конкретныхъ случаяхъ для ограниченія этого понятія отъ понятія совершенія преступленія съ одной стороны и приготовленія — съ другой. Проектъ и здѣсь не пошелъ по пути отказа дать въ законѣ дефиницію покушенія; онъ присоединился къ группѣ тѣхъ кодексовъ и проектовъ, которые даютъ такую дефиницію, и далъ ее въ духѣ т. наз. объективной теоріи („кто началъ совершеніе какого либо умышленнаго преступнаго дѣянія, но его не докончилъ, наказуется за покушеніе“).

Давая такую формулу, въ вопросѣ о наказуемости покушенія проектъ пошелъ навстрѣчу теоріямъ крайнихъ субъективистовъ, оставивъ на волю суда смягчать наказаніе при покушеніи, или назначать его какъ за совершенное дѣяніе. Редакторы говорятъ, что „съ субъективной точки зрѣнія обязательное смягченіе наказанія при покушеніи не можетъ быть оправдано“. Но въѣ въ каждомъ дѣлѣ имѣется не только субъективная, но и объективная сторона, съ которой такъ же слѣдуетъ считаться. Сами редакторы должны были признать, что при т. наз. абсолютныхъ казняхъ (смертная казнь, вѣчное заключеніе, лишеніе всѣхъ правъ) „покушеніе можетъ быть и таково, что ни въ какомъ случаѣ не могло бы быть оправдано примѣненіемъ здѣсь того наказанія, которое предвидѣно за оконченное преступленіе“.¹

Но и въ другихъ случаяхъ не слѣдуетъ забывать, что отнюдь не безразличны ни для правосудія, ни для народной совѣсти, ни для потерпѣвшаго,

¹ См. „Мотивы“ отд. „Покушої“, с. 189 и слд.

то количество зла и страданія, которое приноситъ въ міръ преступное дѣяніе и которое при покушеніи всегда меньше, чѣмъ при совершеніи. Да и возможно ли, что съ субъективной точки зрѣнія покушеніе равно совершенію? Мы думаемъ наоборотъ, что очень часто результатъ не наступаетъ именно потому, что воля преступника не достигаетъ той степени энергіи, которая была необходима для довершенія преступления. Мы поэтому не согласны въ этомъ пунктѣ съ проектомъ и считаемъ правильной обязательно меньшую наказуемость покушенія сравнительно съ совершеніемъ.¹

За то мы вполне привѣтствуемъ постановленіе проекта относительно покушенія съ негодными средствами и надъ негоднымъ объектомъ. Въ то время какъ большинство законодательствъ оставляетъ рѣшеніе этого вопроса судебной практикѣ, а въ наукѣ продолжаютъ въ отношеніи этого вопроса споры, имѣющіе большую примѣсь схоластики, проектъ призналъ, что сюда относятся тѣ случаи, когда средство, при помощи коего кто либо покушался совершить преступленіе, или объектъ, на который было направлено покушеніе, таковы, что „ни въ какомъ случаѣ ни такими средствами, ни въ отношеніи такого объекта совершеніе преступленія не было возможнымъ“ (§ 28). Въ этихъ случаяхъ проектъ даетъ суду полномочіе смягчить наказаніе по своей свободной оцѣнкѣ, а въ болѣе легкихъ случаяхъ и совсѣмъ освобождать отъ наказанія. — Что касается соучастія, то извѣстно, что въ новѣйшей наукѣ была выставлена теорія, по существу уничтожающая это понятіе. Было предложено разсматривать всякаго участника, какъ самостоятельнаго виновника и возлагать на него отвѣтственность лишь за то, что онъ персонально учинилъ. *Quot delinquentes — tot delicta*. Всякое участіе есть извѣстный самостоятельный вкладъ въ преступное дѣло и не можетъ быть отвѣтственности одного за дѣйствія другого.

Эту теорію наиболѣе ярко намѣтили и наиболѣе послѣдовательно провели Фойницкій, Николадони и Гетцъ. Подъ влияніемъ послѣдняго норвежскій кодексъ въ общей своей части даже совсѣмъ не говоритъ о соучастіи (хотя все же косвенно въ особенной части возвращается къ понятіямъ сюда относящимся, напримѣръ, говоря не только о томъ, кто что либо „учинить“, но и о томъ, кто въ этомъ „содѣйствуетъ“)².

Мы думаемъ, что спорный и давно уже запутанный вопросъ о соучастіи новая теорія не рѣшаетъ. Соучастіе имѣетъ свою особую природу и въ сферѣ преступнаго является примѣненіемъ общаго принципа соединенія труда. Благодаря такому соединенію дѣлаются возможными многія преступленія, которыя иначе были бы невозможными, а кромѣ того, какъ въ сферѣ экономической соединеніе труда приноситъ съ собой особое развитіе энергіи, которая можетъ превосходить сумму энергіи отдѣльныхъ соединившихся силъ, такъ и въ области преступнаго соучастія создаетъ особую и весьма опасную преступную энергію.

¹ Таковъ взглядъ и большинства русскихъ, французскихъ и нѣмецкихъ криминалистовъ. *Contra Liszt „Lehrbuch“ с. 197 и особ. Bier „Handbuch“ с. 569. См. подробнѣе наши „Проблемы“ с. 79—82. Ср. Seuffert въ „Mitteil. d. intern. Krim. Verein“, B. IX, S. 108.*

² Getz „Versuch und Teilnahme“ (*Mitteil. d. int. crim. Ver. B. V, S. 347—363*); Nikoladoni, *ibid.*, S. 330 ff.; Фойницкій, „О соучастіи“ (*Юр. В., 1891, N. 1*); „Мотивы норвежскаго проекта“ с. 177—185. Ср. Birkmayer „Teilnahme“ (*Vergl. Darst. Allg. Th., II.*); Таганцевъ „Лекціи“, I с. 734—739.

Если мы имѣемъ предшествовавшій договоръ, который позже осуществился въ преступленіи, то передъ нами общая объединенная преступная воля и общее дѣло, и не отвѣчало бы реальной дѣйствительности, если бы мы признавали здѣсь наличность нѣсколькихъ отдѣльныхъ волей и отдѣльныхъ дѣяній; это была бы такая же фикція, какой въ старой доктринѣ являлась фикція единства воли при преступленіяхъ массы, совершенныхъ безъ предварительнаго уговора. Затѣмъ, съ абстрактно-философской точки зрѣнія можно признавать эквивалентнымъ всѣ условія, повлекшія за собой извѣстный результатъ, если бы при отсутствіи какого либо изъ нихъ результатъ не наступилъ бы или наступилъ бы въ иномъ видѣ, но остается огромная разница по существу дѣла, при которой одинаковая оцѣнка всѣхъ условій, вызвавшихъ извѣстный результатъ не соответствовала бы ни реальнымъ потребностямъ жизни, ни здоровому правосознанію и моральному чувству. Нельзя признавать равноцѣннымъ и равноважнымъ трудъ художника-архитектора, составившаго планъ и руководившаго постройкой, и трудъ участвовавшего въ ней простаго каменщика, трудъ даровитаго писателя и трудъ набирающаго его рукопись наборщика и т. п., хотя бы съ точки зрѣнія причинной связи трудъ каждаго изъ названныхъ лицъ одинаково былъ необходимъ для полученія даннаго результата. Точно также недопустимо и неправильно цѣнить одинаково и того, кто нанесъ жервѣ смертоносный ударъ, и того, кто въ какой либо несущественной (хотя бы въ данномъ случаѣ и необходимой) формѣ содѣйствовалъ совершенію убійства. Наконецъ, въ случаяхъ подстрекательства несомнѣнно имѣется причинная связь между волей подстрекателя и волей исполнителя; не будь дѣятельности перваго, могло не быть преступной энергіи у втораго, такъ что при совершеніи преступленія мы здѣсь, очевидно, имѣемъ общее дѣло обоихъ, а не отдѣльное дѣло перваго и отдѣльное втораго.

Поэтому, если бы редакторы новаго проекта съ полной послѣдовательностью провели ученіе о самостоятельной виновности и отвѣтственности при соучастіи, мы отнюдь не признали бы это удачнымъ шагомъ впередъ въ области законодательства. Но такой послѣдовательности редакторы не проявили; хотя въ объясненіяхъ къ первому проекту, сохранившихъ свою силу и для втораго проекта въ виду крайней близости относящихся сюда статей, они и утверждаютъ, что ихъ конструкція соучастія является „логическимъ послѣдствіемъ той основной точки зрѣнія, на которую ставъ проектъ“ (т. е. теоріи, которая совершенно отвергаетъ аксессуарную природу отвѣтственности соучастниковъ и дѣйствія каждаго изъ нихъ разсматриваетъ какъ самостоятельную)¹, но въ дѣйствительности они не порвали съ теоріей аксессуарности и допустили компромиссъ: они сохранили въ общемъ части понятія соучастія и понятія подстрекательства и пособничества; они частично установили зависимость отвѣтственности подстрекателя и пособника отъ отвѣтственности совершителя дѣянія, признавъ, что первый обычно долженъ быть наказуемъ одинаково съ совершителемъ, а второй — болѣе легко.

При такихъ условіяхъ много неизбежныхъ возраженій отпадаетъ, и мы можемъ ограничиться слѣдующими частными замѣчаніями. Подстрекательство проектъ опредѣляетъ словами (§ 30) „кто другого умышленно наведетъ или подстрекнетъ“; мы считаемъ, во-первыхъ, что терминъ „подстрекнетъ“ являет-

¹ Проектъ, Мотивы, с. 204—214.

ся выраженіемъ технически-юридическимъ, а потому не долженъ быть по-мѣщаемъ въ законъ безъ объясненій; ставя этотъ терминъ рядомъ съ терминомъ „наведеть“, проектъ, очевидно, усматриваетъ между наведеніемъ и подстрекательствомъ въ тѣсномъ смыслѣ какое то различіе, а характеръ этого различія остается совершенно неяснымъ. Во-вторыхъ, во избѣжаніе недоразумѣній, слѣдовало бы, не прибѣгая къ перечневой системѣ, справедливо отвергнутой редакторами, все же отмѣтить, что пригоднымъ является всякое средство подстрекательства. Поэтому мы предпочли бы формулу: „кто какими бы то ни было средствами умышленно наведеть или побудитъ другого совершить преступленіе.“

Совершеннымъ молчаніемъ пройдены въ общей части проекта т. наз. преступленія толпы. Если въ порядкѣ толкованія закона при преступленіяхъ толпы, въ случаяхъ отсутствія предварительнаго соглашенія, руководителей можно будетъ карать, какъ подстрекателей, которые „навели“ толпу на совершеніе преступленія, то характеръ ответственности участниковъ толпы, въ случаяхъ, когда не установлено, кто именно изъ ея состава учинилъ конкретныя преступныя дѣйствія, остается совершенно неопредѣленнымъ, тѣмъ болѣе, что и въ особенной части при отдѣльныхъ преступленіяхъ мы далеко не всегда находимъ соотвѣтствующія прямыя указанія. А между тѣмъ преступленія толпы, привлекая къ себѣ серьезное вниманіе въ новой литературѣ, требуютъ извѣстныхъ общихъ руководящихъ нормъ, отсутствіе которыхъ является весьма нежелательнымъ, ибо мы встрѣчаемся здѣсь съ данными о возникающемъ въ толпѣ особомъ коллективномъ психозѣ, съ утверженіями относительно обратной пропорціональности виновности коллективной и виновности индивидуальной, съ указаніями, что въ толпѣ проявляется коллективная душа, въ результатѣ чего возникаютъ такія дѣйствія, мысли и чувства, которыя не являлись бы у каждаго отдѣльнаго участника и т. д., и т. д.¹

Обращаясь теперь къ опредѣленіямъ проекта о заблужденіи и ошибкѣ, мы видимъ, что принципъ „ignorantia juris semper nocet“ проводится редакторами безъ чрезмѣрнаго ригоризма: они допустили здѣсь обычное смягченіе наказанія. Намъ кажется, что желателенъ еще шагъ впередъ: прежде всего, желательно полное устраненіе наказанія въ тѣхъ исключительныхъ случаяхъ, когда виновный докажетъ, что въ силу особыхъ обстоятельствъ онъ не только не зналъ, но и не могъ знать закона, который онъ нарушилъ, а затѣмъ въ остальныхъ случаяхъ желательно не обычное, а самое широкое право суда на смягченіе наказанія; жизнь часто даетъ здѣсь тяжелые и грустные примѣры и, желая, какъ это желаютъ редакторы проекта, укрѣпить въ народѣ чувство законности и сознаніе нравственныхъ и правовыхъ обязанностей,² необходимо рядомъ съ этимъ помнить, какъ мало еще массы знакомы съ закономъ и какъ часты случаи глубокаго расхожденія между закономъ и народнымъ правосознаніемъ.

Заканчивается данный отдѣлъ проекта статьями о необходимой оборонѣ и крайней необходимости, которыя въ общемъ являются ясными и полными и сходны съ соотвѣтствующими статьями въ другихъ новыхъ кодексахъ и проектахъ. Проектъ ничего не говоритъ въ общей части о такихъ обстоя-

¹ Tarde „Les crimes des foules“ и „Essai“, 1895, p. 95 ff. Sighele, „La foule criminelle“, 1901, особ. p. 60 ff. Ср. Таганцевъ „Лекціи“ стр. 742—743.

² Проектъ, Мотивы, стр. 163.

ствахъ, какъ согласіе потерпѣвшаго, физическое и психическое принужденіе, исполненіе приказа и т. п.

Первый дефектъ восполняется тѣмъ, что согласіе потерпѣвшаго учитывается въ особенной части при преступленіяхъ противъ жизни. Физическое и психическое принужденіе могли быть подведены подъ нормы проекта, говоряція о субъективной виновности и крайней необходимости. Исполненіе законнаго приказа и безъ спеціального о немъ упоминанія въ законѣ будетъ устранять отвѣтственность дѣятели въ силу отсутствія здѣсь элемента противоположности. Такимъ образомъ, если и можно въ интересахъ максимальной полноты и ясности уголовного закона желать внесенія въ него указанныхъ моментовъ, то необходимости въ этомъ нѣтъ.

Совсѣмъ не то приходится сказать объ исполненіи незаконнаго приказа, которое безъ особаго указанія въ законѣ будетъ влечь за собою обычную отвѣтственность. А между тѣмъ учетъ въ этихъ случаяхъ особаго положенія лица подчиненнаго является весьма важнымъ.

Осѣнка этихъ случаевъ можетъ быть крайне разнообразной. Старая доктрина, въ лицѣ Карминьяни, Гейера и др., подводила этотъ случай подъ понятіе психическаго принужденія, а потому считала, что исполнитель отвѣтственности не подлежитъ. Въ наши дни безотвѣтственность въ этихъ случаяхъ подчиненнаго защищаютъ (правда, лишь въ отношеніи военной среды) нѣкоторые изъ военныхъ писателей и, утверждая, что повиновеніе подчиненнаго приказамъ начальника должно быть безусловнымъ.

Съ этой доктриной, очевидно, согласиться нельзя: подчиненный не рабъ и не бездушная машина, а теорія слѣпнаго повиновенія даже незаконнымъ приказамъ начальства грозитъ серьезной опасностью гражданской свободѣ и недопустима въ правовомъ государствѣ, покоящемся на идеяхъ строгой законности и гарантіяхъ правъ гражданъ.

Но нежелательна и противоположная крайность, особенно тамъ, гдѣ законъ не ограждаетъ въ достаточной мѣрѣ прочности служебнаго положенія и правъ лица, состоящаго на службѣ. Когда получившій незаконный приказъ знаетъ, какія тяжелыя для него послѣдствія можетъ повлечь за собою отказъ въ его исполненіи, онъ, конечно, не можетъ быть оправданъ, если исполнить приказъ, но законъ долженъ учесть тѣ особыя условія, въ которыхъ онъ находился. Выходъ здѣсь по нашему мнѣнію тотъ, чтобы судъ въ этихъ случаяхъ имѣлъ право смягчать виновному наказаніе по своему свободному усмотрѣнію, какъ это предвидѣно для другихъ случаевъ въ § 59 проекта.

V

Въ своей пятой главѣ проектъ говорить о наказаніяхъ; въ шестой — о мѣрахъ безопасности.

Система наказаній, намѣченная въ первомъ проектѣ для маленькой тогда Сербіи и рассчитанная только на эту послѣднюю, естественно претерпѣла серьезные измѣненія, когда пришлось создавать проектъ для всего королевства С.-Х.-С. Во главѣ наказаній стоитъ смертная казнь. Для всѣхъ земель Королевства, кромѣ Черногоріи, это — сохраненіе существующаго порядка; для Черногоріи — это возстановленіе смертной казни, ибо въ ея кодексѣ 1906 г. смертная казнь была отмѣнена. Смертная казнь сохранена для посягательствъ

на короля, за квалифицированныя формы убійства и за тягчайшія общеопасныя преступленія, соединенныя съ гибелью людей, причемъ такія послѣдствія виновный могъ или долженъ былъ предвидѣть.

Если одной изъ причинъ сохраненія смертной казни послужилъ тотъ фактъ, что при посягательствахъ на короля она предписана новой конституціей королевства, то другой причиной была вѣра въ спасительность суровыхъ наказаній; и до новой конституціи смертная казнь была въ первомъ проектѣ, и лица, тогда противъ нея возражавшія, при составленіи новаго проекта своей позиціи не отстаивали. Учитывая создавшуюся послѣ войны психологію, можно сказать съ увѣренностью, что въ скупщинѣ вышеуказанныя нормы пройдутъ безъ измѣненій.

Въ области наказаній лишеніемъ свободы новый проектъ стоитъ по срединѣ между кодексами, въ полной мѣрѣ упрощающими систему этихъ наказаній, и кодексами, создающими систему очень сложную.

Первый проектъ зналъ только „робижу“ (каторгу) и „затвор“ (тюрьму); изъ затвора проектъ хотѣлъ сдѣлать нѣчто въ родѣ custodia honesta, наказаніе за дѣянія, не пріостекающія изъ низкихъ мотивовъ и не указывающія на злой характеръ преступника; изъ этихъ благихъ намѣреній вышло очень мало, ибо въ особенной части затворъ оказался обычнымъ наказаніемъ и за такія гнусныя дѣла, какъ завѣдомо ложный доносъ, сводничество и т. п.

Новый проектъ возстановилъ и реформировалъ заточеніе теперешняго сербскаго права, и кромѣ обычнаго затвора ввелъ строгій затворъ. Такимъ образомъ получилась возможность осуществить нѣкоторый параллелизмъ наказаній, и въ общей части предписывается суду для случаяевъ, когда въ особенной части допущенъ выборъ между двумя видами лишенія свободы, назначить заточеніе вмѣсто „роби“ и затворъ вмѣсто строгаго затвора, когда имѣются на лицо благоприятныя данныя о мотивѣ дѣянія и характерѣ виновнаго.

Къ сожалѣнію, случаи, когда суду предоставленъ упомянутый выборъ, сравнительно очень рѣдки, а потому и необходимый для надлежащей индивидуализаціи наказанія параллелизмъ наказаній оказался очень ограниченнымъ. Въ этомъ отношеніи швейцарскій, напримѣръ, проектъ оказался гораздо болѣе рѣшительнымъ и послѣдовательнымъ.

Вообще же новый проектъ имѣетъ въ виду не только классификацію преступленій, но и классификацію преступниковъ. Это сказалось въ постановленіяхъ объ уменьшенно-вмѣняемыхъ, о размѣщеніи преступниковъ и въ частности рецидивистовъ въ тюрьмахъ, объ учетѣ индивидуальности преступника при выборѣ рода и размѣровъ наказанія и т. п. Въ частности серьезное вниманіе обращено и на различеніе сельской и городской преступности, которое такъ давно уже подчеркнул извѣстный французскій криминалистъ-соціологъ Габріэль Тардь.

Правда, проектъ не принялъ предложенія о введеніи особыхъ земледѣльческихъ колоній для преступниковъ-селяковъ (на которое обратили уже серьезное вниманіе нѣкоторые кантоны Швейцаріи и Венгріи), такъ что это явится дѣломъ будущаго и по введеніи въ дѣйствіе новаго проекта. Однако и въ первомъ проектѣ, предназначенномъ для части земледѣльческой Сербіи, была подчеркнута особая важность заведенія земледѣльческихъ работъ, а новый проектъ, считаясь съ тѣмъ, что и въ объединенномъ Королевствѣ преобладаетъ земледѣліе, ссылается по вопросу объ организаціи работъ для заключенныхъ

на новый специально выработанный законъ „объ отбываніи наказанія“, въ которомъ особое вниманіе обращено на организацию въ карательныхъ учрежденіяхъ земледѣльческаго труда для преступниковъ сельсково. ¹

Современное состояніе сербскихъ карательныхъ учреждений (именно сербскихъ, ибо въ Хорватіи, Словеніи и Воеводинѣ дѣло обстоитъ гораздо лучше) является очень печальнымъ благодаря системѣ совмѣстнаго заключенія и весьма плохой организационной работѣ. Понятно, что новый проектъ постарался провести здѣсь коренную реформу и уничтожить картину существующихъ порядковъ, полно и правдиво обрисованную въ мотивахъ перваго проекта.

Предписывая между прочимъ и одиночное заключеніе, проектъ не впадаетъ въ крайности, свойственныя фанатикамъ этой системы и отразившіяся на законодательствѣ нѣкоторыхъ державъ (особенно Бельгіи). Заключеніе въ келью является обязательнымъ лишь при краткосрочныхъ наказаніяхъ, не имѣющихъ характера *custodiae honestae*, вообще же проводить такъ наз. прогрессивную систему по ирландскому образцу, т. е. не только съ допущеніемъ условнаго досрочнаго освобожденія, но и съ обязательнымъ помѣщеніемъ въ концѣ отбытія наказанія въ т. наз. переходную тюрьму ². Этимъ путемъ редакторы желали съ одной стороны избѣгнуть тѣхъ вредныхъ физическихъ и моральныхъ результатовъ, которые всегда влечетъ за собой продолжительное одиночное заключеніе, а съ другой — использовать то благотворное вліяніе трехъ послѣдовательныхъ улучшающихъ положеніе заключеннаго періодовъ, которое по справедливому замѣчанію, сдѣланному еще въ мотивахъ перваго проекта, „укрѣпляетъ волю преступника и будитъ надежду на лучшее будущее даже у того, кто очень низко палъ“.

Въ связи съ этимъ въ репрессивную систему проекта введены всѣ тѣ новые институты, которые рекомендованы современной наукой и оправданы опытомъ другихъ народовъ, какъ то условное осужденіе, условное досрочное освобожденіе и реабилитація. Путемъ введенія этихъ институтовъ проектъ стремится къ тому, чтобы репрессія была поставлена по возможности наиболее дѣлесообразно и находилась бы въ надлежащей гармоніи, какъ съ идеей широкой индивидуализаціи наказанія, такъ и съ высокимъ принципомъ экономіи карательныхъ средствъ, въ силу котораго наказаніе не должно ни примѣняться, ни продолжаться, если это не является необходимымъ для защиты важныхъ общественныхъ и индивидуальныхъ интересовъ.

Во имя того же принципа индивидуализаціи въ проектѣ широко поставлено право суда на смягченіе наказанія; въ специально отмѣченныхъ въ особенной части проекта случаяхъ допущено даже право суда смягчить наказаніе по своей свободной оцѣнкѣ, не стѣняясь ни его родомъ, ни мѣрою. Но, чтобы это опредѣленіе, являющееся одной изъ лучшихъ особенностей новаго проекта, было жизненнымъ, нужно было широко и съ особымъ вниманіемъ отмѣтить въ особенной части всѣ относящіеся сюда случаи. Къ сожалѣнію, въ этомъ направленіи сдѣлано очень мало. Даже тамъ, гдѣ въ силу налич-

¹ См. „Проектъ закона о извѣриваніи казни“ въ „Архив за правне и друштвене науке“ кн. II, 1921 г. Этотъ обстоятельно разработанный и весьма интересный проектъ составилъ при участіи др-а М. Костица одинъ изъ лучшихъ юристовъ и тюремновѣдѣвъ Королевства др. Н. Огорелица. При проектѣ взаимно мотивовъ напечатана вводная статья др-а Костица.

² Проектъ указываетъ лишь на самый принципъ прогрессивности; все остальное разработано въ уже цитированномъ нами законѣ объ отбытіи наказанія.

ности особыхъ социальныхъ и психологическихъ причинъ, вызывающихъ извѣстные преступления, въ нашей наукѣ опредѣленно подчеркнута необходимость допущенія самой широкой индивидуализаціи наказанія (возьмемъ хотя бы случаи дѣтубійства, аборта, исполненія подъ давленіемъ начальника его незаконнаго приказа, мелкой кражи, совершенной изъ нужды, похищеніе деревьевъ, плодовъ и т. д., на которое народная совѣсть смотритъ снисходительно и которое у насъ весьма разумно отнесено не къ кражѣ, а къ самовольному пользованію), — проектъ молчитъ о правѣ суда смягчить наказаніе по своей свободной оцѣнкѣ. Это очень прискорбная непослѣдовательность, и остается лишь надѣяться, что она будетъ хотя бы частично исправлена при пересмотрѣ проекта въ скупщинѣ.

Для успѣшной борьбы съ наиболее тяжкими и опасными преступниками проектъ принялъ систему неопредѣленныхъ приговоровъ, допускающую продленіе назначеннаго судомъ наказанія въ тѣхъ случаяхъ, когда является очевиднымъ, что преступникъ не исправился и остается весьма опаснымъ для общества.

Первый проектъ никакихъ границъ здѣсь не ставилъ. Новый проектъ, принявъ во вниманіе возраженія, сдѣланныя противъ допущенныхъ такимъ образомъ абсолютно-неопредѣленныхъ приговоровъ, опредѣлитъ, что задержаніе послѣ срока не можетъ превышать 20 лѣтъ, т. е. перешелъ къ системѣ относительно-неопредѣленныхъ приговоровъ, которые вызываютъ меньше возраженій со стороны представителей науки и уже приняты нѣкоторыми новыми кодексами, напримѣръ, норвежскимъ.

При этомъ новый проектъ (какъ и первый) установилъ рядъ специальныхъ дополнительныхъ условій и гарантій; задержаніе послѣ срока можетъ быть примѣнено лишь къ рецидивистамъ, не ранѣе, чѣмъ при третьемъ осужденіи на робію, только въ теченіе 6 лѣтъ послѣ отбытія послѣдняго наказанія и только въ случаяхъ повторенія преступления, за которое законъ грозитъ робіей или смертной казнью.

Эту мѣру, примѣняемую исключительно въ виду личныхъ особенностей преступника, являющагося особенно опаснымъ для общества, проектъ правильно помѣстилъ не въ отдѣлъ наказаній, а въ отдѣлъ мѣръ безопасности. Въ томъ же отдѣлѣ мы видимъ цѣлый рядъ другихъ мѣръ, примѣняемыхъ къ невмѣняемымъ, уменьшенно-вмѣняемымъ, бродягамъ, профессиональнымъ нищимъ, привычнымъ алкоголикамъ и т. д. Тутъ и особыя учрежденія для изоляціи и лѣченія, и дома принудительнаго труда, и спеціальныя заведенія для алкоголиковъ и т. п.

Болѣе подробныя правила относительно организаціи и режима мѣръ безопасности законъ предоставляетъ будущему наказу на этотъ предметъ министерства юстиціи, но и сейчасъ соответствующая особая глава новаго проекта разработала эти мѣры съ достаточной полнотой и послѣдовательностью, иногда даже большей, чѣмъ въ другихъ новыхъ кодексахъ и проектахъ.

Изъ дальнѣйшихъ особенностей проекта слѣдуетъ отмѣтить широко и цѣлесообразно поставленную систему денежныхъ наказаній, которая еще въ одной части перваго проекта была детально разработана ея редакторомъ проф. Б. Марковичемъ. Послѣдній еще раньше выдвинулъ въ сербской наукѣ вопросъ о денежныхъ наказаніяхъ, какъ участникъ борьбы съ тѣмъ безбрежно широкимъ примѣненіемъ краткосрочнаго лишенія свободы, на которое совре-

менная наука давно и справедливо указывает, как на один из крупнейших дефектов современной карательной системы. Сверх того, в новом проекте денежные наказания широко применяются и как дополнительные наказания к лишению свободы при преступлениях, происходящих из корыстолюбия; здесь максимум доходит до 250 тыс. динаров. Вообще же можно сказать, что применение денежных наказаний поставлено в проекте шире, чем в каком бы то ни было другом новом уложении или проекте.

Что касается предписаний об определении судом меры наказания, то еще первый проект, не связывая суд перечнем отягчающих и смягчающих обстоятельств, давал ему ряд руководящих указаний общего характера. Но в первом проекте эти указания относились главным образом к субъективной стороне преступления (мотивы, цель, наличие раскаяния, личные обстоятельства виновника и т. д.); новый проект наряду с этим подчеркнул и объективную сторону (количество причиненного зла, страданий или имущественных потерь) и тем самым направил судью в сторону всесторонней оценки совершенного преступления в интересах наиболее широкой и справедливой индивидуализации наказания.

В частности спорный вопрос о размере наказуемости при покушении проект решил в том смысле, что суду предоставляется на выбор, наказать ли за покушение также, как за совершение, или легче. Мы полагаем, что здесь проект, давший определение покушения в духе объективной теории, в ущерб последовательности и неосновательно по существу, пошел навстречу крайней субъективной теории наказуемости покушения. Правда, еще в мотивах первого проекта редакторы его указали, что с субъективной точки зрения обязательное смягчение наказания при покушении не может быть оправдано. Но, во-первых, во всяком деле нельзя забывать и о значении объективного момента, учитывая который, нельзя карать одинаково совершенное и недовшенное преступление, каково бы оно ни было. Нельзя не считаться с тем, были или не были в полной мере причинены те последствия деяния, с которыми законодатель соображался, устанавливая максимум наказания за известное преступление, и давно уже было указано, что и народная совесть всегда отличает тот, например, случай, когда жертва посягательства лежит в гробу, от случая, когда она является на судь дать свидетельское показание о покушении ее убить и т. п.

Прибавим лишь, что нормы французского кодекса, соответствующую нормам, принятым в проекте, всегда вызывали и теперь вызывают возражения со стороны виднейших французских криминалистов, а сами редакторы в мотивах первого проекта принуждены были признать, что, поскольку идет речь о применении абсолютных наказаний (смертной казни, пожизненного лишения свободы), „покушение может быть таково, что ни в каком случае нельзя было бы оправдать применение наказания, которое предвидено в законе за совершение этого деяния“.¹ Да и с субъективной стороны не всегда правильно ставить покушение на одно доску с совершением, ибо часто мы

¹ Там же, например, высказываются против одинаковой наказуемости покушения и совершения в старой французской литературе Rossi, Hélie, а в новой — Garraud, Laborde и др. Также смотреть на вопрос огромное большинство русских и немецких криминалистов. Contra редакторы проекта, „Мотивы“, стр. 189 сл.

имѣемъ именно покушеніе, а не совершеніе, вслѣдствіе меньшей интенсивности преступной энергіи у виновника.

Поэтому мы предпочли бы старую формулу, гласящую, что покушеніе должно караться мягче, чѣмъ совершеніе.

VI

Необходимо отмѣтить еще нѣкоторыя особенности проекта, проявившіяся главнымъ образомъ въ его особенной части.

Первая особенность — это стремленіе по возможности оградить права лицъ, являющихся болѣе слабыми въ социальномъ и экономическомъ отношеніи. Отсюда — постановленіе, что бѣдный преступникъ можетъ уплатить въ разсрочку или отработать опредѣленное ему судомъ денежное наказаніе; отсюда же назначеніе въ особенной части наказанія за эксплуатацію слабыхъ въ формѣ чрезмѣрнаго напряженія, физическаго или умственнаго, силъ малолѣтнихъ или лицъ женскаго пола со стороны хозяина, опекуна и т. п.; отсюда, наконецъ, очень строгое наказаніе за всякій произволъ и злоупотребленіе властью со стороны должностныхъ лицъ и вообще лицъ, облеченныхъ властью.

Тутъ явно звучать „аккорды музыки будущаго“ и можно лишь пожелать, чтобы они звучали еще сильнѣе, т. е. чтобы идея борьбы съ эксплуатаціей была проведена въ уголовномъ законѣ значительно шире и глубже¹. Работа въ этомъ направленіи явится особо полезной для дѣла социальнаго мира и смягченія экспрессовъ классовой борьбы, этого великаго и тяжкаго зла современной столь неспокойной дѣйствительности.

Вторая особенность проекта заключается въ томъ, что въ немъ обращено особое вниманіе на права и интересы потерпѣвшаго, на которые въ XIX вѣкѣ уголовное законодательство обращало слабое вниманіе, иногда граничащее съ полнымъ забвеніемъ.

Мы имѣемъ здѣсь, конечно, въ виду не то, что рядъ преступленій преслѣдуется лишь по жалобѣ или заявленію потерпѣвшаго, — это далеко не ново. Важно то, что проектъ очень серьезно считается съ тѣмъ, вознаградилъ ли виновный потерпѣвшаго за причиненный ему вредъ и убытки въ той мѣрѣ, въ какой это было для него возможно по его средствамъ. Въ зависимость отъ этого проектъ ставитъ возможность примѣненія къ виновному реабилитаціи, условнаго осужденія и т. д.; съ этимъ же долженъ считаться судья, при опредѣленіи мѣры наказанія. Мы здѣсь усматриваемъ очень важный и серьезный шагъ впередъ въ смыслѣ болѣе справедливой и цѣлесообразной постановки всего дѣла уголовного правосудія.

Затѣмъ, что касается системы изложенія матерьяла, то система особенной части новаго проекта (гл. XIV—XXI) сходна съ системами другихъ современныхъ новыхъ кодексовъ и проектовъ. Здѣсь можно лишь отмѣтить, что проектъ внесъ въ особыя главы преступленія противъ общаго мира (гл. XVI) и преступленія общеопасныя (гл. XIX), между тѣмъ какъ въ нѣкоторыхъ кодексахъ преступленія первой категоріи смѣшиваются съ преступленіями противъ личной безопасности, а преступленія второй — разсматриваются какъ

¹ См. подробнѣе Чубинскій, — „Курсъ уголовной политики“, ч. III, отд. „Политика уголовного законодательства.“

квалифицированная форма поврежденія чужого имущества. Мы находимъ болѣе правильной систему, принятую проектомъ, ибо такимъ образомъ, во-первыхъ, учитывается болѣе сложная внутренняя природа нѣкоторыхъ категорій деликтовъ, и, во-вторыхъ, по существу имѣется такая громадная разница между, напимѣръ, поджогомъ, который имѣлъ тяжкія послѣдствія, и уничтоженіемъ при помощи огня чужой движимой вещи, что неестественно и нефлесообразно усматривать въ обоихъ случаяхъ одно и то же преступленіе съ той лишь разницей, что въ первомъ случаѣ имѣемъ квалифицированный его видъ, а во-второмъ — простой. Мы полагаемъ, что при подобной систематизаціи юридическая схоластика получаетъ перевѣсъ надъ существомъ дѣла и реальными потребностями жизни.

Затѣмъ въ особенной части проекта мы видимъ болѣе точныя и послѣдовательныя опредѣленія состава отдѣльныхъ преступныхъ дѣяній и ихъ видовъ, чѣмъ это было до сихъ поръ, какъ въ сербскомъ уголовномъ кодексѣ, такъ отчасти и въ другихъ кодексахъ, еще дѣйствующихъ на территоріи королевства С.-Х.-С. Исчезли многія мелкія подраздѣленія и нѣкоторыя формы квалифицированныхъ и привилегированныхъ деликтовъ, не являющіяся уже нужными вслѣдствіе расширенія правъ суда и предоставленія ему большей свободы въ оцѣнкѣ значенія того или иного преступленія и всѣхъ связанныхъ съ нимъ обстоятельствъ.

Наконецъ, что касается наказуемости отдѣльныхъ преступленій, то новый проектъ въ очень многихъ случаяхъ значительно повсиль эту наказуемость по сравненію съ первымъ сербскимъ проектомъ: часто къ главному наказанію прибавляется дополнительное, часто указывается болѣе высокой максимумъ наказанія, часто вмѣсто затвора назначается робія.

Нѣкоторыя основанія для этого заключались въ томъ, во-первыхъ, что расширение правъ суда на смягченіе наказанія, при доказанномъ опытѣ другихъ странъ стремленія судовъ избѣгать указанныхъ въ законѣ максимумовъ, диктуетъ, чтобы эти максимумы были достаточно высоки, дабы репрессія въ болѣе тяжкихъ случаяхъ не оказалась ослабленной; во-вторыхъ, паденіе и порча нравовъ, ростъ рецидива, ростъ преступности и въ особенности тяжелой преступности, — все это обычныя послѣдствія войнъ, и особенно столь продолжительныхъ и тяжкихъ, какъ были войны, выпавшія въ наши дни на долю Сербіи. Эти соображенія и побудили редакторовъ проекта повсиль репрессію.

Но съ другой стороны мы знаемъ, что въ исторіи человѣчества примѣненіе самой суровой репрессіи обычно не давало прочнаго успѣха въ борьбѣ съ преступностью, а иногда даже приносило обратные результаты. Да и вообще здѣсь передъ нами не столько правовой вопросъ, сколько вопросъ народной совѣсти и жизненныхъ условій даннаго періода. Здѣсь рѣшающимъ будетъ и должно быть мнѣніе народныхъ представителей, которое будетъ высказано въ скупщинѣ при разсмотрѣніи проекта.

Все же въ одномъ отношеніи проектъ понизилъ репрессію. Онъ ограничилъ примѣненіе института лишенія правъ, а также самое понятіе и объемъ праволишенія, и такимъ образомъ облегчилъ положеніе преступника по отбытіи имъ наказанія. Извѣстно, сколь тяжелымъ является положеніе преступника, выходящаго изъ заключенія на свободу въ дѣлѣ присканія себѣ заработка и вообще для созданія себѣ сноснаго соціального положенія. По правильному замѣчанію Жоли, преступникъ является деклассированнымъ

и процесс реклассации является для него тем более трудным, чем более ограничен по суду объем его прав. Поэтому в новом проекте упомянутый объем сведен к границам строгой необходимости, диктуемым интересами защиты общества. Поэтому же в проект широко разработаны институты реабилитации.

VII

Наш очерк закончен. Поскольку было возможно в пределах ограниченной объемом (по условиям печатания в сборник) статьи, мы старались возможно полно очертить характер и содержание законченной в настоящее время в Королевств С.-Х.-С. работы по обновлению и объединению как материального, так и процессуального права. Мы убеждены, что, когда новые проекты превратятся в законы, королевство сможет получить уголовное правосудие, построенное на, в общем, удачных, современных и внимательно, как мы видели, разработанных началах. Если иногда здесь реформаторские стремления как бы останавливаются на полпути, то не следует забывать, что, по сравнению с действующими на территории королевства законами, и в этих случаях все же делается громадный шаг вперед.

Но для успеха предпринимаемой реформы необходимо, чтобы, наряду с официальной инициативой явилась широкая общественная инициатива, которой до сих пор здесь было мало, поскольку речь идет о борьбе с преступностью. Необходимо создание общества патроната для помощи лицам, отбывающим и особенно уже отбывшим наказание; необходимы специальные общества помощи заброшенным и испорченным детям, и в особенности детям преступным, и т. п. Только при наличии энергичной поддержки со стороны общества можно поставить на высоту тяжкую и сложную борьбу с тем извечным социальным злом, которое называется преступностью; ни побороть, ни уменьшить это зло, как свидетельствует мировая история, невозможно без объединения в этом деле сил общества и власти.

Если эта необходимая общественная сила явится и разовьется, то можно надеяться, что предпринятая реформа даст удачные и прочные результаты. Тогда эта реформа сможет послужить и одним из краеугольных камней не только для успеха правосудия, но и вообще для расцвета объединенного нынче Королевства С.-Х.-С.

Исходная задача математической теории приемов статистического исследования связи между двумя случайными переменными

А. А. Чупрова

§ I

Переменную величину u , могущую принимать k разных значений u_1, u_2, \dots, u_k с вероятностями p_1, p_2, \dots, p_k , условимся называть случайной переменной k -ого порядка; совокупность же значений u_1, u_2, \dots, u_k и сопряженных им вероятностей p_1, p_2, \dots, p_k будем называть законом распределения значений случайной переменной u или, сокращенно, законом распределения u .

Сходным образом, в случае двух случайных переменных — u , могущей принимать значения u_1, u_2, \dots, u_k с вероятностями $p_{11}, p_{21}, \dots, p_{k1}$, и w , могущей принимать значения w_1, w_2, \dots, w_l с вероятностями $p_{12}, p_{22}, \dots, p_{l2}$, — обозначим через p_{ij} , вероятность, что одновременно u получает значение u_i , а w — значение w_j , и будем называть законом связи переменных u и w совокупность величин $u_1, u_2, \dots, u_k, w_1, w_2, \dots, w_l$ и $p_{11}, p_{12}, \dots, p_{kl}$.

Целью исследования, имющего дело с одной случайной переменной, является: составить возможно более законченное представление о законе распределения ее значений по имеющемуся в распоряжении материалу. Материал может быть двоякого рода: 1) случайные эмпирические значения переменной в большем или меньшем числе; 2) „априорные“ данные, характеризующие закон распределения более или менее полно. Поскольку априорные данные представляют вполне достаточными для установления закона распределения, проблема является чисто математической. Статистической ее делает необходимость привлечения случайных эмпирических значений переменной.

Основная задача математической теории приемов статистического исследования одной случайной переменной заключается в указании способов наилучшего использования имеющихся эмпирических данных — в сочетании с априорными, если исследователь располагает и таковыми, — для возможно более полной и более точной характеристики закона распределения значений переменной.

Пути подхода к делу мыслимы при этом различные. Можно стремиться к тому, чтобы непосредственно установить более или менее точные значения

величин u_1, u_2, \dots, u_k и сопряженных им вероятностей. В большинстве случаев этот путь представляется, однако, мало практичным в виду чрезмерных размеров погрешности определения искомым величин по эмпирическим данным. Лишь при очень большом числе наблюдений, их высокой точности и сравнительно простом законе распределения путь этот способен приводить к сколько нибудь удовлетворительным результатам.

Обычно приходится идти обходным путем, останавливаясь и при этом, как правило, на пол-дороге, и довольствоваться более или менее точным измерением некоторых сводных характеристик закона распределения. В своей основе такие окольные подходы к делу исходят из того, что закон распределения может почитаться установленным, если известны значения ряда целесообразно подобранных параметров, однозначно его определяющих. Обозначая через m_h математическое ожидание h -ой степени переменной u , не трудно, например, показать что для однозначного определения закона распределения случайной переменной k -ого порядка u достаточно располагать значениями $m_1, m_2, \dots, m_{2k-1}$. Сходным образом, обозначая математическое ожидание знаком E и полагая $E[u - m_1]^k = \mu_k$, находим, что для однозначного определения закона распределения u достаточно располагать значениями $m_1, \mu_2, \mu_3, \dots, \mu_{2k-1}$.¹

Таким образом, знание численных значений величин m и μ в потребном количестве равнозначно знанию закона распределения. Непосредственной задачей обработки имеющегося материала может быть, следовательно, поставлено измерение величин m и μ . В случае, если окажется возможным установить с достаточной точностью численные значения достаточного числа их, будет иметься возможность найти и закон распределения. В случае же, если имеющиеся данные не позволяют решить задачу во всей полноте, исследователь, идущий этим путем, получает известное представление о ряде сводных характеристик закона распределения, позволяющих судить о многом из того, что, собственно, интересует его в исследуемой проблеме, — средняя арифметическая (m_1), средняя квадратическая ошибка (μ_2) и т. д.

Задача теории таких обходных приемов исследования одной случайной переменной двоякая: 1) построение рядов параметров, которые давали бы наиболее удобный подход к искомому закону распределения, представляя в то же время, сами по себе, наибольший познавательный интерес, как сводные характеристики закона распределения; 2) указание способов оценки численных значений параметров на основе тех данных, какие могут иметься в распоряжении исследователя.

Первая из этих задач не представляет особой сложности в случае, когда исследователь имеет дело с одной случайной переменной. Традиционно подвергаемые изучению параметры m и μ представляют здесь такие удобства,

¹ В случае конечного k обе теоремы доказываются весьма просто. Переход к бесконечно большому k и анализ случая, когда переменная может принимать непрерывно изменяющиеся значения (так наз. *problème des moments Stieltjes' a*) представляют значительные математические трудности, — наиболее общий вывод предложен G. Polya (*Über den zentralen Grenzwertsatz der Wahrscheinlichkeitsrechnung und das Momentenproblem*, — *Math. Zeitschr.*, Bd. VIII, Berlin, 1920.) В статье Polya имеются указания на новейшую литературу вопроса; ср. также R. Mises, *Das Problem der Iterationen*, § 6 (*Zeitschr. f. angew. Math. u. Technik*, Bd. I, 1921).

что на них обычно и сосредоточивается изслѣдованіе. Наряду съ ними могутъ быть, однако, конструированы и инныя системы параметровъ, имѣющія свои выгоды: таковы, напримѣръ, „полу-инварианты“ Тиле.¹

Что касается второй задачи, то здѣсь дѣло складывается по разному, въ зависимости отъ характера матеріала, какимъ располагаетъ изслѣдователь, — отъ того, имѣются ли въ распоряженіи какія либо апріорныя данныя или приходится основываться исключительно на эмпирическихъ случайныхъ значеніяхъ переменнѣй, и отъ условій, въ какихъ производятся наблюденія, поставляющія эмпирическія данныя.

Особенно существенное значеніе имѣютъ условія полученія эмпирическихъ данныхъ. Здѣсь, въ свою очередь, могутъ быть выдѣлены три основныхъ типа постановки задачи:

1) Наиболее просто складывается дѣло, если переменная величина, рядомъ эмпирическихъ значеній которой располагаетъ изслѣдователь, при всѣхъ испытаніяхъ завѣдомо слѣдуетъ одному и тому же закону распределенія, а послѣдовательныя испытанія всѣ взаимно независимы;

2) Задача существенно усложняется, если наблюденія взаимно независимы, но законъ распределенія значеній переменнѣй не остается неизмѣннымъ;

3) Наиболее общій случай, когда законъ распределенія значеній не остается неизмѣннымъ, а послѣдовательныя испытанія не являются взаимно независимыми, представляетъ, естественно, и наибольшую сложность.

Тѣ же задачи въ той же послѣдовательности возникаютъ примѣнительно къ изслѣдованію связи между двумя и болѣе переменными. Но здѣсь представляеть не малую сложность уже начальная изъ нихъ: построеніе системы „апріорныхъ“ характеристикъ закона связи, численныя значенія которыхъ подлежатъ измѣренію на основѣ имѣющихся въ распоряженіи данныхъ. Этой проблемѣ и посвящена настоящая статья. Тѣ характеристики связи, сводъ которыхъ дается ниже, явственно намѣчены въ работахъ англійской школы. Но обычное для этихъ работъ переплетеніе разнотипныхъ задачъ, въ связи съ не всегда достаточно четкимъ расчлененіемъ апріорныхъ и эмпирическихъ элементовъ въ заданіяхъ и въ рѣшеніяхъ, дѣлаеть постановку проблемъ въ англійскихъ и въ примыкающихъ къ нимъ специальныхъ изслѣдованіяхъ настолько запутанною, что истинный характеръ конструируемыхъ приѣмовъ и мѣсто ихъ въ общей системѣ теоріи статистики остаются подѣ часъ не вполне внятными для самихъ ихъ творцовъ. Систематическій обзоръ тѣхъ элементовъ, которые являются искомыми при обработкѣ эмпирическихъ данныхъ, направленной на уловленіе закона связи, и сводъ существующихъ между ними „сил-лентическихъ“ (см. L. Bortkiewicz, Die Iterationen, S. IX—X; Berlin 1917) соотношеній и образуютъ тотъ фундаментъ, закладка котораго составляетъ исходную задачу математической теоріи приѣмовъ статистическаго изученія связи между двумя случайными переменными.

¹ Ср. мою статью „О математическомъ ожиданіи частнаго двухъ взаимно зависимыхъ случайныхъ переменныхъ“, стр. 241, прим. 1. (Труды русскихъ ученыхъ за-границей, т. 1. Берлинъ 1922.)

§ II

1) Законъ связи между двумя случайными переменными вполне определяет законы распределения значений каждой из переменных въ отдельности:

$$\sum_{j=1}^l p_{i|j} = p_{i\cdot}, \quad \sum_{i=1}^k p_{i|j} = p_{\cdot j}.$$

Но законы распределения значений переменных отнюдь не определяют закона связи. Лишь въ случаѣ взаимной независимости переменных значения $p_{i|j}$ могутъ быть найдены по значениямъ $p_{i\cdot}$ и $p_{\cdot j}$ (см. ниже § III, 1.)

2) Положимъ

$$E u^{h_1} w^{h_2} = m_{h_1|h_2}, \quad E [u - m_{1|0}]^{h_1} [w - m_{0|1}]^{h_2} = \mu_{h_1|h_2}.$$

Согласно опредѣлениямъ имѣемъ:

$$m_{h_1|h_2} = \sum_{i=1}^k \sum_{j=1}^l p_{i|j} u_i^{h_1} w_j^{h_2}, \quad \mu_{h_1|h_2} = \sum_{i=1}^k \sum_{j=1}^l p_{i|j} [u_i - m_{1|0}]^{h_1} [w_j - m_{0|1}]^{h_2}.$$

Законъ связи между переменными u и w вполне опредѣляетъ значения $m_{h_1|h_2}$ и $\mu_{h_1|h_2}$ при любыхъ h_1 и h_2 .

Обратно: $kl + k + l - 1$ цѣлесообразно избранныхъ значений величинъ m опредѣляютъ однозначно законъ связи между u и w . Если, $m_{h_1|h_2} \neq m_{h_1|0} m_{0|h_2}$, то могутъ быть, напримѣръ взяты значения $m_{0|1}, m_{0|2}, \dots, m_{0|l}, m_{1|0}, m_{1|1}, \dots, m_{1|l}, \dots, m_{k-1|0}, m_{k-1|1}, \dots, m_{k-1|l}, m_{k|0}, m_{k|1}, \dots, m_{k|l-1}$. Можно также остановить выборъ на $m_{0|1}, m_{0|2}, \dots, m_{0|l-1}, m_{1|0}, m_{2|0}, \dots, m_{k-1|0}$ и $(k-1)(l-1)$ величинахъ $m_{h_1|h_2}$ для $h_1 \neq 0$ и $h_2 \neq 0$. Значения $m_{1|0}, m_{0|1}$ и $kl + k + l - 3$ цѣлесообразно избранныхъ значений величинъ μ могутъ, равнымъ образомъ, служить для опредѣленія закона связи между u и w .

3) Обозначимъ через $p_{i|j}^{(j)}$ условную вѣроятность значения u_i переменной u въ предположеніи, что переменная w получаетъ значение w_j , и через $p_{i|j}^{(i)}$ — условную вѣроятность значения w_j переменной w въ предположеніи, что переменная u получаетъ значение u_i . Обозначимъ черезъ $m_{i|j}^{(j)}$ и $m_{i|j}^{(i)}$ соответственные условныя математическія ожиданія h -ой степени переменныхъ u и w . Законъ распределения значений u , совпадающихъ со значениемъ w_j переменной w , будемъ называть условнымъ закономъ распределения u въ предположеніи, что переменная w получаетъ значение w_j . Сходнымъ образомъ будемъ называть условнымъ закономъ распределения w совокупность значений, которыя можетъ принимать переменная w , если переменная u получаетъ значение u_i , и сопряженныхъ имъ условныхъ вѣроятностей. Допуская, что нѣкоторыя изъ условныхъ вѣроятностей $p_{1|1}^{(j)}, p_{2|1}^{(j)}, \dots; p_{1|2}^{(j)}, p_{2|2}^{(j)}, \dots$ могутъ равняться нулю, мы можемъ для всѣхъ условныхъ законовъ распределения удерживать одну и ту же систему значений $u_1, u_2, \dots, u_k; w_1, w_2, \dots, w_r$.

Согласно опредѣлениямъ

$$p_{i|j} = p_{\cdot j} p_{i|j}^{(j)} = p_{i\cdot} p_{i|j}^{(i)} \quad p_{i|j}^{(j)} = \frac{p_{i|j}}{p_{\cdot j}} \quad p_{i|j}^{(i)} = \frac{p_{i|j}}{p_{i\cdot}}$$

$$m_{h1}^{(j)} = \sum_{i=1}^k p_{i1}^{(j)} u_i^h = \frac{1}{p_{1j}} \sum_{i=1}^k p_{i1j} u_i^h \quad m_{1h}^{(j)} = \sum_{j=1}^l p_{1j}^{(j)} w_j^h = \frac{1}{p_{11}} \sum_{j=1}^l p_{11j} w_j^h$$

$$\sum_{i=1}^k p_{i1} p_{1j}^{(i)} = \sum_{i=1}^k p_{i1j} = p_{1j} \quad \sum_{j=1}^l p_{1j} p_{1j}^{(i)} = \sum_{j=1}^l p_{i1j} = p_{i1}$$

$$m_{h10} = E u^h = \sum_{j=1}^l p_{1j} m_{h1}^{(j)} \quad m_{01h} = E w^h = \sum_{i=1}^k p_{i1} m_{1h}^{(i)}$$

$$m_{h_1 h_2} = E u^{h_1} w^{h_2} = \sum_{i=1}^k \sum_{j=1}^l p_{i1j} u_i^{h_1} w_j^{h_2} = \sum_{i=1}^k p_{i1} u_i^{h_1} m_{1h_2}^{(i)} = \sum_{j=1}^l p_{1j} w_j^{h_2} m_{h_1}^{(j)}$$

4) Обозначим через $\mu_{h1}^{(j)}$ условное математическое ожидание величины $[u - m_{11}^{(j)}]^h$ в предположении, что переменная w принимает значение w_j ; через $\bar{\mu}_{h1}^{(j)}$ — условное математическое ожидание величины $[u - m_{110}]^h$ в том же предположении; через $\mu_{1h}^{(i)}$ — условное математическое ожидание величины $[w - m_{11}^{(i)}]^h$ в предположении, что переменная u принимает значение u_i ; через $\bar{\mu}_{1h}^{(i)}$ — условное математическое ожидание величины $[w - m_{011}]^h$ в том же предположении.

Согласно определениям

$$\mu_{h1}^{(j)} = \sum_{i=1}^k p_{i1}^{(j)} [u_i - m_{11}^{(j)}]^h = \sum_{f=0}^h (-1)^f C_h^f [m_{11}^{(j)}]^f m_{h-f}^{(j)}$$

$$\bar{\mu}_{h1}^{(j)} = \sum_{i=1}^k p_{i1}^{(j)} [u_i - m_{110}]^h = \sum_{f=0}^h (-1)^f C_h^f [m_{110}]^f m_{h-f}^{(j)}$$

$$\mu_{1h}^{(i)} = \sum_{j=1}^l p_{1j}^{(i)} [w_j - m_{11}^{(i)}]^h = \sum_{f=0}^h (-1)^f C_h^f [m_{11}^{(i)}]^f m_{1-h}^{(i)}$$

$$\bar{\mu}_{1h}^{(i)} = \sum_{j=1}^l p_{1j}^{(i)} [w_j - m_{011}]^h = \sum_{f=0}^h (-1)^f C_h^f [m_{011}]^f m_{1-h}^{(i)}$$

В частности

$$\mu_{11}^{(j)} = \mu_{11}^{(i)} = 0$$

$$\bar{\mu}_{11}^{(j)} = m_{11}^{(j)} - m_{110} \quad \bar{\mu}_{11}^{(i)} = m_{11}^{(i)} - m_{011}$$

$$\mu_{21}^{(j)} = m_{21}^{(j)} - [m_{11}^{(j)}]^2 \quad \mu_{12}^{(i)} = m_{12}^{(i)} - [m_{11}^{(i)}]^2$$

$$\bar{\mu}_{21}^{(j)} = m_{21}^{(j)} - 2 m_{110} m_{11}^{(j)} + [m_{110}]^2 = \mu_{21}^{(j)} + [m_{11}^{(j)} - m_{110}]^2$$

$$\bar{\mu}_{12}^{(i)} = \mu_{12}^{(i)} + [m_{11}^{(i)} - m_{011}]^2.$$

Последнія соотношения могут быть также получены из болѣе общихъ:

$$\bar{\mu}_{h1}^{(j)} = \sum_{i=1}^k p_{i1}^{(j)} [u_i - m_{1,0}]^h = \sum_{i=1}^k p_{i1}^{(j)} [u_i - m_{11}^{(j)} + m_{11}^{(j)} - m_{1,0}]^h = \sum_{f=0}^h C_h^f [m_{11}^{(j)} - m_{1,0}]^f \mu_{h-f}^{(j)}$$

$$\bar{\mu}_{1h}^{(i)} = \sum_{f=0}^h C_h^f [m_{11}^{(i)} - m_{0,1}]^f \mu_{|h-f}^{(i)}$$

Замѣчая, что

$$\mu_{h,0} = \sum_{i=1}^k p_{i1} [u_i - m_{1,0}]^h,$$

находимъ

$$\sum_{j=1}^l p_{1j} \bar{\mu}_{h1}^{(j)} = \sum_{j=1}^l \sum_{i=1}^k p_{1j} p_{i1}^{(j)} [u_i - m_{1,0}]^h = \sum_{j=1}^l \sum_{i=1}^k p_{i1j} [u_i - m_{1,0}]^h = \sum_{i=1}^k p_{i1} [u_i - m_{1,0}]^h = \mu_{h,0}$$

или

$$\mu_{h,0} = \sum_{f=0}^h C_h^f \sum_{j=1}^l p_{1j} [m_{11}^{(j)} - m_{1,0}]^f \mu_{h-f}^{(j)}.$$

Сходнымъ путемъ получаемъ

$$\mu_{0,1} = \sum_{i=1}^k p_{i1} \bar{\mu}_{1h}^{(i)} = \sum_{f=0}^h C_h^f \sum_{i=1}^k p_{i1} [m_{11}^{(i)} - m_{0,1}]^f \mu_{h-f}^{(i)}$$

Отсюда

$$\mu_{2,0} = \sum_{j=1}^l p_{1j} \bar{\mu}_{21}^{(j)} = \sum_{j=1}^l p_{1j} \mu_{21}^{(j)} + \sum_{j=1}^l p_{1j} [m_{11}^{(j)} - m_{1,0}]^2$$

$$\mu_{0,2} = \sum_{i=1}^k p_{i1} \bar{\mu}_{12}^{(i)} = \sum_{i=1}^k p_{i1} \mu_{12}^{(i)} + \sum_{i=1}^k p_{i1} [m_{11}^{(i)} - m_{0,1}]^2.$$

Въ общемъ случаѣ, замѣчая, что

$$\begin{aligned} \mu_{h_1, h_2} &= \sum_{i=1}^k \sum_{j=1}^l p_{i,j} [u_i - m_{1,0}]^{h_1} [w_j - m_{0,1}]^{h_2} = \sum_{i=1}^k \sum_{j=1}^l p_{i1} p_{1j}^{(i)} [u_i - m_{1,0}]^{h_1} [w_j - m_{1,0}]^{h_2} \\ &= \sum_{i=1}^k p_{i1} [u_i - m_{1,0}]^{h_1} \sum_{j=1}^l p_{1j}^{(i)} [w_j - m_{0,1}]^{h_2} = \sum_{i=1}^k p_{i1} [u_i - m_{1,0}]^{h_1} \bar{\mu}_{|h_2}^{(i)} \end{aligned}$$

или, съ другой стороны,

$$\mu_{h_1, h_2} = \sum_{j=1}^l p_{1j} [w_j - m_{0,1}]^{h_2} \bar{\mu}_{h_1}^{(j)},$$

находимъ:

$$\begin{aligned} \mu_{h_1, h_2} &= \sum_{j=1}^l \sum_{f=0}^{h_1} C_{h_1}^f p_{1j} [w_j - m_{0,1}]^{h_2} [m_{11}^{(j)} - m_{1,0}]^f \mu_{h_1-f}^{(j)} \\ &= \sum_{f=0}^{h_1} C_{h_1}^f \sum_{j=1}^l p_{1j} [w_j - m_{0,1}]^{h_2} [m_{11}^{(j)} - m_{1,0}]^f \mu_{h_1-f}^{(j)} \end{aligned}$$

и

$$\mu_{h_1, h_2} = \sum_{f=0}^{h_2} C_{h_2}^f \sum_{i=1}^k p_{i1} [u_i - m_{1,0}]^{h_1} [m_{11}^{(i)} - m_{0,1}]^f \mu_{h_2-f}^{(i)}$$

Отсюда:

$$\mu_{1,1} = \sum_{j=1}^l p_{1j} [w_j - m_{0,1}] [m_{1,1}^{(j)} - m_{1,0}] = \sum_{i=1}^k p_{i1} [u_i - m_{1,0}] [m_{1,1}^{(i)} - m_{0,1}]$$

$$\mu_{h,1} = \sum_{i=1}^k p_{i1} [u_i - m_{1,0}]^h [m_{1,1}^{(i)} - m_{0,1}]$$

$$\mu_{1,h} = \sum_{j=1}^l p_{1j} [w_j - m_{0,1}]^h [m_{1,1}^{(j)} - m_{1,0}].$$

Величины $m_{h,1}^{(j)}$, $\mu_{h,1}^{(j)}$, характеризующія условный закон распределе́ния значений u , отвечающих значению w_j переменной w , и величины $m_{1,h}^{(i)}$, $\mu_{1,h}^{(i)}$, характеризующія условный закон распределе́ния значений w , отвечающих значению u_i переменной u , представляют самостоятельный научный интерес.¹ Величины $\bar{\mu}_{h,1}^{(j)}$, $\bar{\mu}_{1,h}^{(i)}$ представляют меньший непосредственный интерес, но имѣют существенное вспомогательное значе́ние. Слѣдует замѣтить легко упускаемое из виду различіе въ формулахъ, связывающихъ $\mu_{h,10}$ и $\mu_{0,1h}$ съ $\bar{\mu}_{h,1}^{(j)}$ и $\bar{\mu}_{1,h}^{(i)}$, съ одной стороны, и съ $\mu_{h,1}^{(j)}$ и $\mu_{1,h}^{(i)}$, съ другой: лишь въ случаѣ, если $m_{1,1}^{(j)} = m_{1,10}$ при $j = 1, 2, \dots, l$ формула, связывающая $\mu_{h,10}$ съ $\mu_{h,1}^{(j)}$ имѣетъ тотъ же простой видъ, какъ формула, связывающая $\mu_{h,10}$ съ $\bar{\mu}_{h,1}^{(j)}$.

§ III

1. Переменную u мы будемъ называть независимой отъ переменной w , если законъ распределе́ния значений u сохраняется вполне неизмѣннымъ, какое бы изъ числа своихъ возможныхъ значений ни принимала переменная w . Если законъ распределе́ния значений u не остается вполне неизмѣннымъ при всѣхъ значеніяхъ w , мы будемъ называть переменную u зависимою отъ переменной w .

Изъ опредѣленій слѣдуетъ, что въ случаѣ независимости u отъ w

$$p_{i1}^{(j)} = p_{i1} \quad \text{при } j = 1, 2, \dots, l \quad \text{для } i = 1, 2, \dots, k.$$

Обратно: если $p_{i1}^{(j)} = p_{i1}$ при $j = 1, 2, \dots, l$ для $i = 1, 2, \dots, k$, то переменная u независима отъ переменной w .

Замѣчая (см. выше § II, 3), что

$$p_{ij} = p_{1j} p_{i1}^{(j)} = p_{i1} p_{1j}^{(i)},$$

находимъ, полагая $p_{i1}^{(j)} = p_{i1}$, $p_{1j}^{(i)} = p_{1j}$.

¹ Формулы, лежащія въ основѣ оцѣнки численныхъ значений величинъ $m_{h,1}^{(j)}$, $\mu_{h,1}^{(j)}$, $m_{1,h}^{(i)}$, $\mu_{1,h}^{(i)}$, по случайнымъ эмпирическимъ значеніямъ переменныхъ, выведенныя въ предположеніи независимаго закона связи и взаимной независимости испытаній, — см. А. Чупровъ, О математическомъ ожиданіи частнаго, стр. 244—245, 262. (Труды русскихъ ученыхъ за-границей, т. 1.) Ошибки, допущенныя К. Пирсономъ при выводѣ нѣкоторыхъ изъ этихъ формулъ въ статьѣ On the application of „goodness of fit“ tables to test regression curves and theoretical curves used to describe observational and experimental data (Biometrika, vol. XI), исправлены въ вызванной моими указаніями редакціонной статьѣ Recavimus! въ Biometrika, vol. XII.

При независимости u отъ w не зависеть, слѣдовательно, и w отъ u : переменныя взаимно независимы.¹

$$\text{Изъ соотношеній} \quad p_{i|j} = p_{|j} p_{i|}^{(j)} = p_{i|} p_{|j}^{(i)}$$

слѣдуетъ, далѣе, что въ случаѣ взаимной независимости переменныхъ

$$p_{i|j} = p_{i|} p_{|j} \quad \text{при} \quad i = 1, 2, \dots, k \quad \text{и} \quad j = 1, 2, \dots, l.$$

Обратно: если

$$p_{i|j} = p_{i|} p_{|j} \quad \text{при} \quad i = 1, 2, \dots, k \quad \text{и} \quad j = 1, 2, \dots, l,$$

то переменныя взаимно независимы.

2. Изъ опредѣлений слѣдуетъ, что, въ случаѣ взаимной независимости u и w , при любомъ h

$$\begin{aligned} m_{h|}^{(j)} &= m_{h|0} & \text{при} \quad j = 1, 2, \dots, l \\ m_{|h}^{(i)} &= m_{0|h} & \text{при} \quad i = 1, 2, \dots, k \end{aligned}$$

и

$$\left. \begin{aligned} m_{h_1|h_2} &= m_{h_1|0} m_{0|h_2} \\ \mu_{h_1|h_2} &= \mu_{h_1|0} \mu_{0|h_2} \end{aligned} \right\} \text{при всякихъ значеніяхъ } h_1 \text{ и } h_2.$$

Обратно: если

$$m_{h|}^{(j)} = m_{h|0} \quad \text{при} \quad j = 1, 2, \dots, l-1 \quad \text{и} \quad h = 1, 2, \dots, k-1$$

(или $m_{|h}^{(i)} = m_{0|h}$ при $i = 1, 2, \dots, k-1$ и $h = 1, 2, \dots, l-1$),

то переменныя u и w взаимно независимы, такъ какъ условный законъ распредѣленія значеній переменнѣй u (или w) сохраняется неизмѣннымъ, какія бы значенія ни принимала переменная w (или u): если

$$m_{h|}^{(j)} = \sum_{i=1}^k p_{i|}^{(j)} u_i^h = m_{h|0} \quad \text{и} \quad m_{h|}^{(f)} = \sum_{i=1}^k p_{i|}^{(f)} u_i^h = m_{h|0}$$

при $h = 1, 2, \dots, k-1$ (и тождественно при $h = 0$), то $p_{i|}^{(j)} = p_{i|}^{(f)}$ для $i = 1, 2, \dots, k$.

Сходнымъ образомъ, если $m_{h_1|h_2} = m_{h_1|0} m_{0|h_2}$ при всякихъ, или хотя бы лишь при всѣхъ цѣлыхъ положительныхъ значеніяхъ h_1 и h_2 , то переменныя u и w взаимно независимы. Замѣчая, что

$$m_{h_1|h_2} = \sum_{i=1}^k \sum_{j=1}^l p_{i|j} u_i^{h_1} w_j^{h_2}, \quad m_{h_1|0} m_{0|h_2} = \sum_{i=1}^k \sum_{j=1}^l p_{i|} p_{|j} u_i^{h_1} w_j^{h_2},$$

находимъ

$$\sum_{i=1}^k \sum_{j=1}^l [p_{i|j} - p_{i|} p_{|j}] u_i^{h_1} w_j^{h_2} = m_{h_1|h_2} - m_{h_1|0} m_{0|h_2}.$$

¹ При томъ опредѣленіи понятія независимости, которое дано выше, понятія „независимости одной переменнѣй отъ другой“ и „взаимной независимости переменныхъ“ совпадаютъ. При иныхъ опредѣленіяхъ понятія независимости этого можетъ и не быть: возможно, что переменная u „независима“ отъ w , тогда какъ w зависитъ отъ u (см. А. Чупровъ, О мал. ожиданіи частнаго, стр. 241, прим. 2).

Отсюда, въ случаѣ, если $m_{h_1|h_2} - m_{h_1|0} m_{0|h_2} = 0$, получаемъ

$$\sum_{i=1}^k \sum_{j=1}^l [p_{i|j} - p_{i|} p_{|j}] u_i^{h_1} w_j^{h_2} = 0.$$

Соотношеніе это можетъ имѣть силу при всякихъ цѣлыхъ положительныхъ h_1 и h_2 лишь, если

$$p_{i|j} - p_{i|} p_{|j} = 0 \quad \text{при} \quad i = 1, 2, \dots, k \quad \text{и} \quad j = 1, 2, \dots, l.$$

Въ случаѣ, если порядокъ какъ переменнѣй u , такъ и переменнѣй w можетъ почитаться извѣстнымъ, нѣтъ необходимости и въ условіи: $m_{h_1|h_2} = m_{h_1|0} m_{0|h_2}$ при всякихъ цѣлыхъ положительныхъ h_1 и h_2 . Достаточно, чтобъ это равенство имѣло мѣсто при $h_1 = 1, 2, 3, \dots, k-1$ и $h_2 = 1, 2, \dots, l-1$. Въ самомъ дѣлѣ, замѣчая, что

$$m_{h_1|h_2} = \sum_{i=1}^k p_{i|} u_i^{h_1} m_{|h_2}^{(i)}, \quad m_{h_1|0} = \sum_{i=1}^k p_{i|} u_i^{h_1},$$

находимъ:

$$m_{h_1|h_2} - m_{h_1|0} m_{0|h_2} = \sum_{i=1}^k p_{i|} u_i^{h_1} [m_{|h_2}^{(i)} - m_{0|h_2}].$$

Если

$$\sum_{i=1}^k p_{i|} u_i^{h_1} [m_{|h_2}^{(i)} - m_{0|h_2}] = 0 \quad \text{при} \quad h_1 = 1, 2, \dots, k-1,$$

то, какъ не трудно убѣдиться,

$$m_{1|h_2}^{(i)} - m_{0|h_2} = 0 \quad \text{при} \quad i = 1, 2, \dots, k,$$

т. е. величина условнаго математическаго ожиданія w^{h_2} не зависитъ отъ значенія, какое принимаетъ u . Если, далѣе, это имѣть мѣсто при $h_2 = 1, 2, \dots, l-1$, то условный законъ распредѣленія w оказывается независимымъ отъ i и, слѣдовательно, переменныя u и w взаимно независимы.

§ IV

Въ случаѣ взаимной независимости переменныхъ u и w , $p_{i|j} = p_{i|} p_{|j}$ при всѣхъ возможныхъ значеніяхъ i и j . Зависимость между u и w находитъ себѣ, слѣдовательно, выраженіе въ томъ, что не всѣ разности $p_{i|j} - p_{i|} p_{|j}$ равняются нулю. Изученіе системы разностей $p_{i|j} - p_{i|} p_{|j}$ является, въ силу этого, однимъ изъ основныхъ приемовъ изслѣдованія взаимной зависимости между переменными.

Въ случаѣ, если обѣ переменныя способны принимать лишь по два разныхъ значенія, имѣемъ тождественно:

$$\begin{aligned} p_{1|1} - p_{1|} p_{|1} &= p_{2|2} - p_{2|} p_{|2} = -[p_{1|2} - p_{2|} p_{|1}] = -[p_{2|1} - p_{2|} p_{|1}] = \\ &= -p_{1|1} p_{2|2} - p_{1|2} p_{2|1} = \delta \end{aligned}$$

и величина δ представляется весьма показательною характеристикою связи между переменными. Разсмотрѣніе любой изъ разностей вида $p_{i|j} - p_{i|} p_{|j}$ представляеть въ этомъ случаѣ крупный познавательный интересъ, и приемъ этотъ пользуется заслуженнымъ расположеніемъ изслѣдователей.

Въ общемъ случаѣ переменныхъ любого порядка изслѣдованіе связи, описанное на разсмотрѣніе разностей $p_{i,j} - p_i p_j$, ставить задачей не оцѣнку единичной разности, а вычисленіе той или иной сводной характеристики всего ряда разностей. Такъ какъ сумма разностей тождественно равна нулю, ибо

$$\sum_{i=1}^k \sum_{j=1}^l p_{i,j} = 1 \quad \text{и} \quad \sum_{i=1}^k \sum_{j=1}^l p_i p_j = \left[\sum_{i=1}^k p_i \right] \left[\sum_{j=1}^l p_j \right] = 1,$$

то наиболее естественнымъ является положить въ основу построенной суммы квадратовъ разностей. Наибольшее значеніе имѣетъ сконструированный Пирсономъ коэффициентъ

$$\varphi^2 = \sum_{i=1}^k \sum_{j=1}^l \frac{[p_{i,j} - p_i p_j]^2}{p_i p_j},$$

именуемый имъ mean square contingency, — терминъ, который я передаю черезъ показатель взаимной сопряженности переменныхъ u и w .

Въ случаѣ взаимной независимости переменныхъ u и w , показатель ихъ взаимной сопряженности обращается въ нуль. Обратное: φ^2 можетъ равняться нулю лишь, если $p_{i,j} = p_i p_j$ при всѣхъ возможныхъ значеніяхъ i и j . Равенство показателя взаимной сопряженности нулю есть, слѣдовательно, необходимое и достаточное условіе взаимной независимости переменныхъ. Съ другой стороны, въ случаѣ, если между переменными u и w существуетъ связь однозначно функциональная, то опредѣленнымъ значеніямъ одной изъ переменныхъ соответствуютъ опредѣленные значенія другой и $p_{i,j} = 0$ при $j \neq i$, а $p_{i,i} = p_i = p_{i,i}$. Въ такихъ условіяхъ: $\varphi^2 = k - 1$.

Въ величинѣ $\frac{1}{k-1} \varphi^2$ мы имѣемъ, слѣдовательно, мѣру тѣсноты связи между переменными, обращающуюся въ нуль въ случаѣ взаимной независимости переменныхъ — и только въ этомъ случаѣ — и принимающую значеніе 1 при однозначно функциональной связи между ними. Къ сожалѣнію, этимъ ея выгодамъ противостоятъ существенное неудобство: къ φ^2 нѣтъ прямого подхода отъ эмпирическихъ значеній переменныхъ, нѣтъ возможности построить такую функцію эмпирическихъ значеній переменныхъ, чтобъ ея математическое ожиданіе точно равнялось теоретической величинѣ показателя взаимной сопряженности для закона связи, лежащаго въ основѣ случайныхъ эмпирическихъ значеній переменныхъ. Тѣ выраженія, которыя обычно подвергаются вычисленію, даютъ въ математическомъ ожиданіи значенія, отличныя отъ φ^2 и лишь стремящіяся къ φ^2 съ ростомъ числа испытаній.¹ Такимъ образомъ, большое число испытаній имѣетъ при вычисленіи показателя взаимной сопряженности двойное значеніе: не только степень точности оцѣнки численной величины математическаго ожиданія того эмпирическаго выраженія, которое вычисляется на практикѣ, тѣмъ выше, чѣмъ

¹ Формулы, лежащія въ основѣ теоріи показателя взаимной сопряженности — въ предположеніи неизмѣннаго закона связи и взаимной независимости испытаній — приведены въ моей статьѣ „О мат. ожиданіи частнаго“, стр. 257—261, гдѣ указана и основная литература вопроса. Погрѣшности, вкрапившіяся въ выкладки Пирсона и Юнга въ статьѣ On the probable error of a coefficient of contingency without approximation (Biometrika, vol. XI) исправлены въ редакціонной статьѣ Pessavimus! (Biometrika, vol. XII).

больше число испытаний, но, сверх того, само оцениваемое приближенно по эмпирическим значениям переменных математическое ожидание тем ближе к искомой величине φ^2 , чем больше число испытаний.

§ V

1. Зависимость между переменными находит себя выражение в том, что параметры m и μ , характеризующие условные законы распределения значений одной из переменных при разных значениях другой, не остаются неизменными при всех значениях второй переменной. Изучение связи между переменными может, в силу этого, направляться на рассмотрение значений $m_{h1}^{(j)}$ и $\mu_{h1}^{(j)}$ при разных j (или значений $m_{ih}^{(j)}$ и $\mu_{ih}^{(j)}$ при разных i).

2. А. В первую очередь, внимание сосредоточивается при этом, естественно, на величинах $m_{11}^{(j)}$ и $m_{11}^{(i)}$. Выраженную в аналитической форме зависимость между значениями одной из переменных и соответствующими им условными математическими ожиданиями другой принято называть уравнением линии регрессии второй переменной по первой: $m_{11}^{(j)} = f(u_i)$ — уравнение линии регрессии w по u ; $m_{11}^{(i)} = F(w_j)$ — уравнение линии регрессии u по w .

Предположим, что уравнение линии регрессии w по u имеет вид

$$m_{11}^{(j)} = a_{10} + a_{11} u_i + a_{12} u_i^2 + \dots + a_{1f} u_i^f.$$

Умножая обе стороны на $p_{i1} u_i^g$ и суммируя по i от $i = 1$ до $i = k$, находим:

$$m_{g11} = a_{10} m_{g10} + a_{11} m_{g+110} + a_{12} m_{g+210} + \dots + a_{1f} m_{g+f10}.$$

Отсюда, полагая

$$\begin{vmatrix} 1 & m_{110} & m_{210} \dots m_{f10} \\ m_{110} & m_{210} & m_{310} \dots m_{f+110} \\ \dots & \dots & \dots \\ m_{f-110} & m_{f10} & m_{f+110} \dots m_{2f-110} \\ m_{f10} & m_{f+110} & m_{f+210} \dots m_{2f10} \end{vmatrix} = \Delta_{f1}^{(m)}$$

$$\begin{vmatrix} 1 & m_{110} \dots m_{d-110} & m_{011} & m_{d+110} \dots m_{f10} \\ m_{110} & m_{210} \dots m_{d10} & m_{111} & m_{d+210} \dots m_{f+110} \\ \dots & \dots & \dots & \dots \\ m_{f-110} & m_{f10} \dots m_{d+f-210} & m_{f-111} & m_{d+f10} \dots m_{2f-110} \\ m_{f10} & m_{f+110} \dots m_{d+f-110} & m_{f11} & m_{d+f+110} \dots m_{2f10} \end{vmatrix} = D_{f,d}^{(m)}$$

получаемь

$$a_{1d} = \frac{D_{f,d}^{(m)}}{\Delta_{f1}^{(m)}}.$$

Въ случаѣ линейной регрессіи съ уравненіемъ

$$m_{11}^{(i)} = a_{10} + a_{11} u_i$$

находимъ

$$a_{11} = \frac{m_{111} - m_{110} m_{011}}{m_{210} - [m_{110}]^2} = \frac{\mu_{111}}{\mu_{210}}$$

$$a_{10} = \frac{m_{210} m_{011} - m_{111} m_{110}}{m_{210} - [m_{110}]^2} = m_{011} - \frac{\mu_{111}}{\mu_{210}} m_{110} = m_{011} - a_{11} m_{110}.$$

При этомъ $D_{f,a}^{(m)} = 0$ для $d = 2, 3, 4, \dots$. Обратное: если $D_{f,a}^{(m)} = 0$ при $d = 2, 3, 4, \dots$, то коэффициенты a_{12}, a_{13}, \dots обращаются въ нуль, и регрессія w по u носитъ характеръ линейной.

Облекая, съ другой стороны, уравненіе линіи регрессіи w по u въ форму $m_{11}^{(i)} - m_{011} = b_{10} + b_{11} [u_i - m_{110}] + b_{12} [u_i - m_{110}]^2 + \dots + b_{1f} [u_i - m_{110}]^f$, откуда

$$\mu_{g11} = b_{10} \mu_{g10} + b_{11} \mu_{g+110} + b_{12} \mu_{g+210} + \dots + b_{1f} \mu_{g+f10},$$

находимъ

$$b_{1d} = \frac{D_{f,d}^{(\mu)}}{\Delta_{f1}^{(\mu)}},$$

гдѣ $D_{f,d}^{(\mu)}$ и $\Delta_{f1}^{(\mu)}$ обозначаютъ детерминанты, получаемые изъ $D_{d,f1}^{(m)}$ и $\Delta_{f1}^{(m)}$ путемъ замѣны въ нихъ величинъ m соответственными величинами μ , причемъ $\mu_{110} = \mu_{011} = 0$. Въ случаѣ линейной регрессіи

$$b_{11} = \frac{\mu_{111}}{\mu_{210}} = a_{11}, \quad b_{10} = 0.$$

При этомъ $D_{f,a}^{(\mu)} = 0$ при $d = 2, 3, 4, \dots$. Обратное: если $D_{f,a}^{(\mu)} = 0$ при $d = 2, 3, 4, \dots$, то коэффициенты b_{12}, b_{13}, \dots обращаются въ нуль и регрессія w по u носитъ характеръ линейной.

Въ случаѣ, если уравненіе линіи регрессіи w по u сводится къ

$$m_{11}^{(i)} - m_{011} = b_{10} + b_{11} [u_i - m_{110}] + b_{12} [u_i - m_{110}]^2,$$

находимъ:

$$b_{10} = \frac{\mu_{210} [\mu_{211} \mu_{210} - \mu_{111} \mu_{310}]}{\Delta_{21}^{(\mu)}}, \quad b_{11} = \frac{\mu_{410} \mu_{111} - \mu_{310} \mu_{211} - [\mu_{210}]^2 \mu_{111}}{\Delta_2^{(\mu)}},$$

$$b_{12} = \frac{\mu_{210} \mu_{211} - \mu_{310} \mu_{111}}{\Delta_2^{(\mu)}}.$$

Сходнымъ образомъ, предполагая, что уравненіе линіи регрессіи u по w можетъ быть представлено въ видѣ

$$m_{11}^{(j)} = a_{01} + a_{11} w_j + a_{21} w_j^2 + \dots + a_{f1} w_j^f$$

или въ видѣ

$$m_{11}^{(j)} - m_{110} = b_{01} + b_{11} [w_j - m_{011}] + b_{21} [w_j - m_{011}]^2 + \dots + b_{f1} [w_j - m_{011}]^f,$$

находимъ:

$$a_{d1} = \frac{D_{f,d}^{(m)}}{\Delta_{f1}^{(m)}}, \quad b_{d1} = \frac{D_{f,d}^{(\mu)}}{\Delta_{f1}^{(\mu)}},$$

гдѣ $D_{|f,d}^{(m)}$, $\Delta_{|f}^{(m)}$, $D_{|f,d}^{(u)}$, $\Delta_{|f}^{(u)}$ обозначаютъ детерминанты, получаемые изъ $D_{f,d}^{(m)}$, $\Delta_f^{(m)}$, $D_{f,d}^{(u)}$, $\Delta_f^{(u)}$ путемъ замѣны въ нихъ величинъ вида $m_{d,0}$ черезъ $m_{0|d}$, величинъ вида $m_{d,1}$ черезъ $m_{1|d}$, величинъ вида $\mu_{d,0}$ черезъ $\mu_{0|d}$ и величинъ вида $\mu_{d,1}$ черезъ $\mu_{1|d}$.

В. Въ случаѣ, если регрессія w по u линейная, имѣемъ:

$$m_{1,1}^{(i)} = [m_{0,1} - a_{1,1} m_{1,0}] + a_{1,1} u_i.$$

Умножая на $p_{i,1} u_i^s$ и суммируя по i отъ $i = 1$ до $i = k$, находимъ:

$$m_{s,1} = [m_{0,1} - a_{1,1} m_{1,0}] m_{s,0} + a_{1,1} m_{s+1,0}$$

или

$$m_{s,1} - m_{s,0} m_{0,1} = a_{1,1} [m_{s+1,0} - m_{s,0} m_{1,0}].$$

Отсюда:

$$\frac{m_{s,1} - m_{s,0} m_{0,1}}{m_{s+1,0} - m_{s,0} m_{1,0}} = a_{1,1} = \frac{m_{1,1} - m_{1,0} m_{0,1}}{m_{2,0} - [m_{1,0}]^2} = \frac{\mu_{1,1}}{\mu_{2,0}}.$$

Такимъ образомъ, въ случаѣ линейной регрессіи w по u , отношеніе

$\frac{m_{s,1} - m_{s,0} m_{0,1}}{m_{s+1,0} - m_{s,0} m_{1,0}}$ не зависитъ отъ s .

Обратно: если

$$m_{s,1} = [m_{0,1} - \frac{\mu_{1,1}}{\mu_{2,0}} m_{1,0}] m_{s,0} + \frac{\mu_{1,1}}{\mu_{2,0}} m_{s+1,0} \quad \text{при } s = 2, 3, 4, \dots,$$

то $D_{f,d}^{(m)} = 0$ при $d = 2, 3, 4, \dots$

и регрессія w по u линейная.

Сходнымъ образомъ, въ случаѣ, если регрессія w по u линейна, изъ соотношенія

$$m_{1,1}^{(i)} - m_{0,1} = b_{1,1} [u_i - m_{1,0}] = \frac{\mu_{1,1}}{\mu_{2,0}} [u_i - m_{1,0}]$$

находимъ, умножая обѣ стороны на $p_{i,1} [u_i - m_{1,0}]^s$ и суммируя по i отъ $i = 1$ до $i = k$,

$$\mu_{s,1} = \frac{\mu_{1,1}}{\mu_{2,0}} \mu_{s+1,0}$$

или¹

$$\frac{\mu_{s,1}}{\mu_{s+1,0}} = \frac{\mu_{1,1}}{\mu_{2,0}} \quad \text{при } s = 2, 3, 4, \dots$$

Замѣчая, что $D_{f,d}^{(u)}$ обращается въ нуль для $d = 2, 3, 4, \dots$, если

$\mu_{s,1} = \frac{\mu_{1,1}}{\mu_{2,0}} \mu_{s+1,0}$ при $s = 2, 3, 4, \dots$, убѣждаемся, что соотношеніе

$$\frac{\mu_{s,1}}{\mu_{s+1,0}} = \frac{\mu_{1,1}}{\mu_{2,0}} \quad \text{при } s = 2, 3, 4, \dots$$

представляется не только необходимымъ, но и достаточнымъ условіемъ линейности регрессіи.

С. Въ случаѣ, если математическое ожиданіе переменнѣй u мѣняетъ свою

¹ Cp. S. D. Wicksell, The application of solid hypergeometrical series to frequency distributions in space (Phil. Mag., Series 6, vol. 33. London, 1917), p. 392.

величину при разных значениях переменной w , Пирсонъ называетъ переменную u коррелированную съ переменной w ; если же $m_{11}^{(j)}$ остается неизмѣннымъ при всѣхъ значенияхъ j , то переменная u представляется, согласно Пирсоновской терминологіи, не-коррелированную съ переменной w .

Если переменная w не коррелирована, въ этомъ смыслѣ термина, съ переменной u , то уравненіе линіи регрессіи w по u сводится къ: $m_{11}^{(j)} = a_{10} = m_{011}$. При этомъ $m_{s11} = m_{s10} m_{011}$ при $s = 1, 2, 3, \dots$

Обратно: если $m_{s11} = m_{s10} m_{011}$ при всякомъ цѣломъ положительномъ s , то всѣ $D_{f,d}^{(m)}$ обращаются въ нуль, кромѣ $D_{f,01}^{(m)}$, обращающагося въ $m_{011} A_f^{(m)}$. Равенство

$$m_{s11} = m_{s10} m_{011} \quad \text{при} \quad s = 1, 2, 3, \dots$$

представляется, слѣдовательно, не только необходимымъ, но и достаточнымъ условіемъ для того, чтобы переменная w не была коррелирована съ u .

Равнымъ образомъ, равенство

$$m_{11s} = m_{01s} m_{110} \quad \text{при} \quad s = 1, 2, 3, \dots$$

представляется необходимымъ и достаточнымъ условіемъ, чтобы переменная u не была коррелирована съ w .

Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ имѣетъ силу равенство: $m_{111} = m_{110} m_{011}$. Но равенство $m_{111} = m_{110} m_{011}$ не гарантируетъ само по себѣ отсутствія коррелированности между переменными. Лишь, если регрессія w по u завѣдомо линейная, изъ равенства $m_{111} = m_{110} m_{011}$ слѣдуетъ, что $a_{11} = \frac{m_{111} - m_{110} m_{011}}{m_{210} - |m_{110}|^2} = 0$ и что w не коррелировано съ u . Равнымъ образомъ, если регрессія u по w завѣдомо линейная, условія $m_{111} = m_{110} m_{011}$ достаточно, дабы переменная u не была коррелирована съ w . Въ случаѣ же, если регрессія w по u не линейная, $m_{11}^{(i)}$ можетъ зависѣть отъ i , хотя бы m_{111} и равнялось $m_{110} m_{011}$.

Изъ соотношенія
$$m_{11}^{(i)} - m_{011} = 0$$

получаемъ, умножая на $p_{i1} [u_i - m_{110}]^s$ и суммируя по i отъ $i = 1$ до $i = k$:

$$\mu_{s11} = 0.$$

Такимъ образомъ, въ случаѣ, если переменная w не коррелирована съ переменной u ,

$$\mu_{s11} = 0 \quad \text{при} \quad s = 1, 2, 3, \dots$$

Обратно: если

$$\mu_{s11} = 0 \quad \text{при} \quad s = 1, 2, 3, \dots$$

то $D_{f,d}^{(u)} = 0$ при $d = 0, 1, 2, \dots$ и $m_{11}^{(i)} - m_{011} = 0$. Равенство $\mu_{s11} = 0$ при $s = 1, 2, 3, \dots$ представляется, слѣдовательно не только необходимымъ, но и достаточнымъ условіемъ для того, чтобы переменная w не была коррелирована съ u .

Замѣчая, что

$$\mu_{s11} = E [u - m_{110}]^s [w - m_{011}],$$

не трудно непосредственно убедиться, что обѣ системы условий

$$m_{s11} - m_{s10} m_{011} = 0 \quad \text{при } s = 1, 2, 3, \dots$$

и

$$\mu_{s11} = 0 \quad \text{при } s = 1, 2, 3, \dots$$

взаимно обуславливаютъ другъ друга.

Весьма существеннымъ представляется то обстоятельство, что отсутствіе коррелированности w съ u не предполагаетъ отсутствія коррелированности u съ w : $m_{11}^{(i)}$ можетъ оставаться неизмѣннымъ при всѣхъ значеніяхъ i въ то время, какъ $m_{11}^{(j)}$ не остается неизмѣннымъ при разныхъ значеніяхъ j . Лишь въ предположеніи, что регрессія u по w линейна, отсутствіе коррелированности w съ u гарантируетъ отсутствіе коррелированности u съ w .

3. Предположимъ, что регрессія w по u не линейна и что уравненіе линіи регрессіи w по u имѣетъ видъ:

$$m_{11}^{(i)} = a_{10} + a_{11} u_i + a_{12} u_i^2 + \dots + a_{1f} u_i^f.$$

Изображая черезъ

$$M_{11}^{(i)} = A_{10} + A_{11} u_i$$

уравненіе прямой, всего ближе подходящей къ дѣйствительной линіи регрессіи w по u , опредѣлимъ значенія коэффициентовъ A_{10} и A_{11} такъ, чтобы

$$\sum_{i=1}^k p_{i1} [m_{11}^{(i)} - M_{11}^{(i)}]^2 = \sum_{i=1}^k p_{i1} [m_{11}^{(i)} - A_{10} - A_{11} u_i]^2$$

получала наименьшее возможное значеніе.

Замѣчая, что $\sum_{i=1}^k p_{i1} = 1$, $\sum_{i=1}^k p_{i1} u_i = m_{110}$ и т. д., находимъ:

$$\frac{\partial \sum_{i=1}^k p_{i1} [m_{11}^{(i)} - A_{10} - A_{11} u_i]^2}{\partial A_{10}} = -2 [m_{011} - A_{10} - A_{11} m_{110}] = 0$$

$$\frac{\partial \sum_{i=1}^k p_{i1} [m_{11}^{(i)} - A_{10} - A_{11} u_i]^2}{\partial A_{11}} = -2 [m_{111} - A_{10} m_{110} - A_{11} m_{210}] = 0$$

или

$$A_{10} + m_{110} A_{11} = m_{011}$$

$$m_{110} A_{10} + m_{210} A_{11} = m_{111}.$$

Отсюда:

$$A_{10} = \frac{m_{210} m_{011} - m_{111} m_{110}}{m_{210} - [m_{110}]^2}, \quad A_{11} = \frac{m_{111} - m_{110} m_{011}}{m_{210} - [m_{110}]^2} = \frac{\mu_{111}}{\mu_{210}}.$$

Сходнымъ образомъ, облакая уравненіе линіи регрессіи u по w въ форму

$$m_{11}^{(j)} = a_{01} + a_{11} w_j + a_{21} w_j^2 + \dots + a_{f1} w_j^f,$$

а уравненіе подгоняемой къ ней прямой въ форму

$$M_{11}^{(j)} = A_{01} + A_{11} w_j,$$

находимъ:

$$A_{01} = \frac{m_{012} m_{110} - m_{111} m_{011}}{m_{012} - [m_{011}]^2}, \quad A_{11} = \frac{m_{111} - m_{011} m_{110}}{m_{012} - [m_{011}]^2} = \frac{\mu_{111}}{\mu_{012}}.$$

Сопоставляя значения $A_{10}, A_{11}, A_{01}, A_{11}$ съ тѣми, какія получаются для $a_{10}, a_{11}, a_{01}, a_{11}$ въ случаѣ, если регрессія, дѣйствительно, линейная (см. выше § V, 2) А.), убѣждаемся, что, какой бы видъ ни имѣла дѣйствительная линия регрессіи, коэффициенты уравненія наиболѣе близко подходящей къ ней прямой выражаются черезъ величины m и μ такъ, какъ если бы линия регрессіи была въ дѣйствительности прямая.

Вмѣсто того, чтобъ задаваться цѣлью подогнать прямую, наиболѣе близко подходящую къ дѣйствительной линіи регрессіи w по u , можно исходить и непосредственно изъ разсмотрѣнія всей совокупности значеній w , отвѣчающихъ разнымъ значеніямъ u . Вообразимъ значенія u отложенными на оси абсциссъ, а отвѣчающія каждому изъ нихъ значенія w , нанесенными въ видѣ ряда точекъ на соответственной ординатѣ, и поставимъ задачу провести прямую такъ, чтобъ сумма квадратовъ разстояній отъ нея всѣхъ точекъ, взятыхъ со своимъ вѣсомъ, — вѣсъ p_{ij} для точки, опредѣляемой абсциссою u_i и ординатою w_j , — была наименьшею. Не представляетъ труда убѣдиться, что и въ этомъ случаѣ мы приходимъ къ тѣмъ же уравненіямъ для опредѣленія коэффициентовъ A_{10} и A_{11} .

4. Сходнымъ путемъ могутъ быть изучаемы величины $m_{1h}^{(i)}$ и $m_{1h}^{(j)}$ при $h = 2, 3, 4, \dots$. Предположимъ, что связь $m_{1h}^{(i)}$ съ u_i можетъ быть выражена въ формѣ:

$$m_{1h}^{(i)} = a_{10}^{(h)} + a_{11}^{(h)} u_i + a_{12}^{(h)} u_i^2 + \dots + a_{1f}^{(h)} u_i^f.$$

Умножая обѣ стороны на $p_{i1} u_i^g$ и суммируя по i отъ $i = 1$ до $i = k$, находимъ:

$$m_{g1h} = a_{10}^{(h)} m_{g10} + a_{11}^{(h)} m_{g+110} + a_{12}^{(h)} m_{g+210} + \dots + a_{1f}^{(h)} m_{g+f10}.$$

Отсюда, придавая g значенія $0, 1, 2, \dots, f$ и полагая

$$\begin{vmatrix} 1 & m_{110} \dots m_{d-110} & m_{01h} & m_{d+110} \dots m_{f10} \\ m_{110} & m_{210} \dots m_{d10} & m_{11h} & m_{d+210} \dots m_{f+110} \\ \dots & \dots & \dots & \dots \\ m_{f10} & m_{f+110} \dots m_{d+f-110} & m_{f1h} & m_{d+f+110} \dots m_{2f10} \end{vmatrix} = D_{f,d}^{(m,h)},$$

получаемъ

$$a_{1d}^{(h)} = \frac{D_{f,d}^{(m,h)}}{\Delta_f^{(m)}}.$$

Въ случаѣ линейной зависимости $m_{1h}^{(i)}$ отъ u_i съ уравненіемъ

$$m_{1h}^{(i)} = a_{10}^{(h)} + a_{11}^{(h)} u_i$$

находимъ:

$$a_{11}^{(h)} = \frac{m_{11h} - m_{110} m_{01h}}{m_{210} - [m_{110}]^2}, \quad a_{10}^{(h)} = \frac{m_{210} m_{01h} - m_{11h} m_{110}}{m_{210} - [m_{110}]^2} = m_{01h} - a_{11}^{(h)} m_{110}.$$

При этомъ $D_{f,d}^{(m,h)} = 0$ для $d = 2, 3, 4, \dots$

Обратно: если $D_{f,d}^{(m,h)} = 0$ для $d = 2, 3, 4, \dots$, то коэффициенты $a_{12}^{(h)}, a_{13}^{(h)}, \dots$ обращаются в нуль и зависимость $m_{1h}^{(i)}$ от u_i линейная.

Замечая, далее, что в случае линейной зависимости $m_{1h}^{(i)}$ от u_i

$$m_{1h}^{(i)} = [m_{0,1h} - a_{11}^{(h)} m_{1,10}] + a_{11}^{(h)} u_i,$$

находим, как ранее (см. выше § V, 2) B):

$$m_{s,1h} = [m_{0,1h} - a_{11}^{(h)} m_{1,10}] m_{s,10} + a_{11}^{(h)} m_{s+1,10} \quad \text{при } s = 1, 2, 3, \dots$$

$$\frac{m_{s,1h} - m_{s,10} m_{0,1h}}{m_{s+1,10} - m_{s,10} m_{1,10}} = a_{11}^{(h)} = \frac{m_{1,1h} - m_{1,10} m_{0,1h}}{m_{2,10} - [m_{1,10}]^2}.$$

Таким образом, в случае линейной зависимости $m_{1h}^{(i)}$ от u_i отношение $\frac{m_{s,1h} - m_{s,10} m_{0,1h}}{m_{s+1,10} - m_{s,10} m_{1,10}}$ не зависит от s .

Обратно: если

$$m_{s,1h} = \left[m_{0,1h} - \frac{m_{1,1h} - m_{1,10} m_{0,1h}}{m_{2,10} - [m_{1,10}]^2} m_{1,10} \right] m_{s,10} + \frac{m_{1,1h} - m_{1,10} m_{0,1h}}{m_{2,10} - [m_{1,10}]^2} m_{s+1,10}$$

при $s = 2, 3, 4, \dots$

$$\text{то } D_{f,d}^{(m,h)} = 0 \quad \text{при } d = 2, 3, 4, \dots$$

и зависимость $m_{1h}^{(i)}$ от u_i линейная.

Не трудно, далее, убедиться, что вообще в случае, если

$m_{s,1h} = k_0 m_{s,10} + k_1 m_{s+1,10} + k_2 m_{s+2,10} + \dots + k_f m_{s+f,10}$ при $s = 0, 1, 2, \dots$ где $k_0, k_1, k_2, \dots, k_f$ — постоянные величины, не зависящие от s , то

$$D_{f,d}^{(m,h)} = 0 \quad \text{при } d = f + 1, f + 2, \dots$$

и зависимость $m_{1h}^{(i)}$ от u_i выражается в виде

$$m_{1h}^{(i)} = a_{10}^{(h)} + a_{11}^{(h)} u_i + \dots + a_{1f}^{(h)} u_i^f.$$

5. А. В случае, если переменная w не коррелирована с переменной u (см. выше § V, 2, С), тем же путем можно идти к изучению величин $\mu_{1h}^{(i)}$ при $h = 2, 3, 4, \dots$. Если $m_{11}^{(i)} = m_{0,11}$, то $\mu_{1h}^{(i)} = \bar{\mu}_{1h}^{(i)}$. Представляя зависимость $\mu_{1h}^{(i)}$ от u_i в форме

$$\mu_{1h}^{(i)} = \bar{\mu}_{1h}^{(i)} = \sum_{j=1}^i p_{1j}^{(i)} [w_j - m_{0,11}]^h = \beta_{10}^{(h)} + \beta_{11}^{(h)} [u_i - m_{0,11}] + \beta_{12}^{(h)} [u_i - m_{0,11}]^2 + \dots + \beta_{1f}^{(h)} [u_i - m_{0,11}]^f,$$

умножая обе стороны на $p_{i1} [u_i - m_{0,11}]^g$ и суммируя по i от $i = 1$ до $i = h$, находим:

$$\mu_{g,1h} = \beta_{10}^{(h)} \mu_{g,10} + \beta_{11}^{(h)} \mu_{g+1,10} + \beta_{12}^{(h)} \mu_{g+2,10} + \dots + \beta_{1f}^{(h)} \mu_{g+f,10}.$$

Отсюда:

$$\beta_{1d}^{(h)} = \frac{D_{f,d}^{(u,h)}}{A_{1d}^{(u)}},$$

гдѣ $D_{f,a}^{(\mu,h)}$ обозначаетъ детерминантъ, получаемый изъ $D_{f,a}^{(m,h)}$ путемъ замѣны величинъ m соответственными величинами μ .

В. Въ общемъ случаѣ нельзя, однако, идти этимъ путемъ къ изслѣдованію величинъ $\mu_{1,h}^{(i)}$ и $\mu_{h,1}^{(j)}$. Требуется болѣе сложныя выкладки для того, чтобъ выразить черезъ параметры m коэффициенты уравненія, связывающаго величины $\mu_{1,h}^{(i)}$ съ u_i (или величины $\mu_{h,1}^{(j)}$ съ w_j). Не приводя громоздкихъ общихъ формулъ, выводъ, которыхъ не представляетъ особаго труда, я ограничусь рассмотрѣніемъ величины $\mu_{1,2}^{(i)}$.

Замѣчая, что

$$\mu_{1,2}^{(i)} = m_{1,2}^{(i)} - [m_{1,1}^{(i)}]^2$$

и представляя $m_{1,1}^{(i)}$ и $m_{1,2}^{(i)}$ въ видѣ

$$m_{1,1}^{(i)} = a_{1,0}^{(1)} + a_{1,1}^{(1)} u_i + a_{1,2}^{(1)} u_i^2 + \dots + a_{1,f}^{(1)} u_i^f$$

$$m_{1,2}^{(i)} = a_{1,0}^{(2)} + a_{1,1}^{(2)} u_i + a_{1,2}^{(2)} u_i^2 + \dots + a_{1,g}^{(2)} u_i^g,$$

находимъ

$$\mu_{1,2}^{(i)} = \{a_{1,0}^{(2)} - [a_{1,0}^{(1)}]^2\} + \{a_{1,1}^{(2)} - 2 a_{1,0}^{(1)} a_{1,1}^{(1)}\} u_i + \{a_{1,2}^{(2)} - [a_{1,1}^{(1)}]^2 - 2 a_{1,0}^{(1)} a_{1,2}^{(1)}\} u_i^2 + \dots$$

Полагая

$$\mu_{1,2}^{(i)} = \alpha_{1,0}^{(2)} + \alpha_{1,1}^{(2)} u_i + \alpha_{1,2}^{(2)} u_i^2 + \dots$$

находимъ отсюда:

$$\alpha_{1,0}^{(2)} = \frac{D_{g,0}^{(m,2)}}{\Delta_g^{(m)}} - \left[\frac{D_{f,0}^{(m,1)}}{\Delta_f^{(m)}} \right]^2$$

$$\alpha_{1,1}^{(2)} = \frac{D_{g,1}^{(m,2)}}{\Delta_g^{(m)}} - \frac{2 D_{f,0}^{(m,1)} D_{f,1}^{(m,1)}}{[\Delta_f^{(m)}]^2} \text{ и т. д.}$$

С. Связь, характеризуемую независимостью величины $\mu_{1,2}^{(i)}$ отъ u_i , Пирсонъ называетъ связью гомоскедастичною (homoscedastic). Замѣчая, что

$$\mu_{0,1,2} = \sum_{i=1}^k p_i [m_{1,1}^{(i)} - m_{0,1,1}]^2 + \sum_{i=1}^k p_i \mu_{1,2}^{(i)}$$

находимъ въ случаѣ гомоскедастичной связи w съ u :

$$\mu_{1,2}^{(i)} = \mu_{0,1,2} - \sum_{i=1}^k p_i [m_{1,1}^{(i)} - m_{0,1,1}]^2.$$

Если регрессія w по u линейна, находимъ изъ того же соотношенія:

$$\mu_{0,1,2} = [a_{1,1}^{(1)}]^2 \mu_{2,1,0} + \sum_{i=1}^k p_i \mu_{1,2}^{(i)} = \frac{[\mu_{1,1}]^2}{\mu_{2,1,0}} + \sum_{i=1}^k p_i \mu_{1,2}^{(i)}$$

или

$$\sum_{i=1}^k p_i \mu_{1,2}^{(i)} = \frac{\mu_{2,1,0} \mu_{0,1,2} - [\mu_{1,1}]^2}{\mu_{2,1,0}}.$$

Въ случаѣ, если и регрессія w по u линейна, и связь w съ u гомоскедастична, получаемъ

$$\mu_{12}^{(i)} = \frac{\mu_{210} \mu_{012} - [\mu_{111}]^2}{\mu_{210}} = \mu_{012} \left\{ 1 - \frac{[\mu_{111}]^2}{\mu_{210} \mu_{012}} \right\}.$$

Сходнымъ образомъ, въ случаѣ, если линейна регрессія u по w и связь u съ w гомоскедастична, имѣемъ:

$$\mu_{21}^{(j)} = \frac{\mu_{210} \mu_{012} - [\mu_{111}]^2}{\mu_{012}} = \mu_{210} \left\{ 1 - \frac{[\mu_{111}]^2}{\mu_{210} \mu_{012}} \right\}.$$

Наконецъ, въ случаѣ, если линейна регрессія какъ w по u , такъ и u по w , а вмѣстѣ съ тѣмъ, гомоскедастична связь w съ u и связь u съ w , получаемъ:

или

$$\mu_{210} \mu_{12}^{(i)} = \mu_{012} \mu_{21}^{(j)}$$

$$\frac{\mu_{12}^{(i)}}{\mu_{012}} = \frac{\mu_{21}^{(j)}}{\mu_{210}}.$$

§ VI

1. Среди системъ параметровъ, могущихъ служить для характеристики закона связи между двумя переменными, особо видное мѣсто принадлежитъ, наряду съ величинами m и μ , параметрамъ $r_{h_1 h_2}$, опредѣляемымъ изъ соотношенія:

$$r_{h_1 h_2} = \frac{\mu_{h_1 h_2}}{[\mu_{210}]^{\frac{1}{2} h_1} [\mu_{012}]^{\frac{1}{2} h_2}}.$$

Согласно опредѣленію, имѣемъ тождественно:

$$r_{010} = 1, \quad r_{110} = r_{011} = 0, \quad r_{210} = r_{012} = 1.$$

Условіе взаимной независимости переменныхъ (см. выше § III, 2) облекается въ системѣ параметровъ r въ форму

$$r_{h_1 h_2} = r_{h_1 0} r_{0 h_2} \quad \text{при} \quad h_1 = 1, 2, 3, \dots \quad \text{и} \quad h_2 = 1, 2, 3, \dots$$

Условіе линейности регрессіи w по u (см. выше § V, 2, В.) сводится¹ къ

$$r_{h11} = r_{111} r_{h+110} \quad \text{при} \quad h = 2, 3, 4, \dots$$

Условіе отсутствія коррелированности w съ u (см. выше § V, 2, С.) выражается¹ въ видѣ

$$r_{h11} = 0 \quad \text{при} \quad h = 1, 2, 3, \dots$$

Если регрессія w по u линейная, то

$$m_{11}^{(i)} = m_{011} + b_{11} [u_i - m_{110}], \quad \text{гдѣ} \quad b_{11} = \frac{\mu_{111}}{\mu_{210}} = r_{111} \left[\frac{\mu_{012}}{\mu_{210}} \right]^{\frac{1}{2}}.$$

Если линейна регрессія u по w , то

$$m_{11}^{(j)} = m_{110} + b_{11} [w_j - m_{011}], \quad \text{гдѣ} \quad b_{11} = \frac{\mu_{111}}{\mu_{012}} = r_{111} \left[\frac{\mu_{210}}{\mu_{012}} \right]^{\frac{1}{2}}.$$

¹ Ср. S. D. Wicksell, The application of solid hypergeometrical Series to frequency distributions in space, p. 394. Виксель вводитъ здѣсь особую систему параметровъ и выражаетъ условія линейности регрессіи и отсутствія коррелированности черезъ ихъ посредство. Существенныхъ выгодъ пользованіе этими параметрами не представляетъ.

Отсюда въ случаѣ, если линейна регрессія какъ w по u , такъ и u по w , находимъ:

$$b_{11}, b_{11} = r_{11}^2.$$

Если связь w съ u гомоскедастична, а регрессія w по u линейна, то (см. выше § V, 5, С.)

$$\mu_{12}^{(i)} = \mu_{0,2} [1 - r_{11}^2].$$

2. А. Замѣчая, что $\sum_{i=1}^k p_{i1} = 1$ и что

$$\begin{aligned} \mu_{2,0} &= \sum_{i=1}^k p_{i1} u_i^2 - \left[\sum_{i=1}^k p_{i1} u_i \right]^2 = \left[\sum_{i=1}^k p_{i1} \right] \left[\sum_{i=1}^k p_{i1} u_i^2 \right] - \left[\sum_{i=1}^k p_{i1} u_i \right]^2 = \\ &= \sum_{i=1}^{k-1} \sum_{g=i+1}^k p_{i1} p_{g1} [u_i - u_g]^2 \end{aligned}$$

$$\mu_{0,2} = \sum_{i=1}^k p_{i1} \mu_{12}^{(i)} + \sum_{i=1}^{k-1} \sum_{g=i+1}^k p_{i1} p_{g1} [m_{11}^{(i)} - m_{11}^{(g)}]^2$$

$$\begin{aligned} \mu_{1,1} &= E u w - E u E w = \left[\sum_{i=1}^k p_{i1} u_i m_{11}^{(i)} \right] \left[\sum_{i=1}^k p_{i1} \right] - \left[\sum_{i=1}^k p_{i1} u_i \right] \left[\sum_{i=1}^k p_{i1} m_{11}^{(i)} \right] = \\ &= \sum_{i=1}^{k-1} \sum_{g=i+1}^k p_{i1} p_{g1} [u_i - u_g] [m_{11}^{(i)} - m_{11}^{(g)}], \end{aligned}$$

находимъ:

$$\begin{aligned} \mu_{2,0} \mu_{0,2} - [\mu_{1,1}]^2 &= \mu_{2,0} \sum_{i=1}^k p_{i1} \mu_{12}^{(i)} + \\ &+ \sum_i \sum_f \sum_h p_{i1}^2 p_{f1} p_{h1} \{ [u_i - u_f] [m_{11}^{(i)} - m_{11}^{(f)}] - [u_i - u_h] [m_{11}^{(i)} - m_{11}^{(h)}] \}^2 + \\ &+ \sum_i \sum_g \sum_f \sum_h p_{i1} p_{g1} p_{f1} p_{h1} \{ [u_i - u_g] [m_{11}^{(i)} - m_{11}^{(g)}] - [u_f - u_h] [m_{11}^{(f)} - m_{11}^{(h)}] \}^2. \end{aligned}$$

и убѣждаемся, что

$$\mu_{2,0} \mu_{0,2} - [\mu_{1,1}]^2 \geq 0.$$

Отсюда:

$$r_{11}^2 - 1 \leq 0 \quad \text{или} \quad r_{11}^2 \leq 1.$$

В. Сходнымъ путемъ находимъ

$$\begin{aligned} [\mu_{4,0} - (\mu_{2,0})^2] [\mu_{0,4} - (\mu_{0,2})^2] - [\mu_{2,2} - \mu_{2,0} \mu_{0,2}]^2 &= \\ &= [\mu_{4,0} - (\mu_{2,0})^2] \left\{ \sum_{i=1}^k p_{i1} [\bar{\mu}_{14}^{(i)} - (\bar{\mu}_{12}^{(i)})^2] \right\} + \\ &+ \sum_i \sum_f \sum_h p_{i1}^2 p_{f1} p_{h1} \{ [(u_i - m_{1,0})^2 - (u_f - m_{1,0})^2] [\bar{\mu}_{12}^{(i)} - \bar{\mu}_{12}^{(h)}] - \\ &- [(u_i - m_{1,0})^2 - (u_h - m_{1,0})^2] [\bar{\mu}_{12}^{(i)} - \bar{\mu}_{12}^{(f)}] \}^2 + \\ &+ \sum_i \sum_g \sum_f \sum_h p_{i1} p_{g1} p_{f1} p_{h1} \{ [(u_i - m_{1,0})^2 - (u_g - m_{1,0})^2] [\bar{\mu}_{12}^{(f)} - \bar{\mu}_{12}^{(h)}] - \\ &- [(u_f - m_{1,0})^2 - (u_h - m_{1,0})^2] [\bar{\mu}_{12}^{(i)} - \bar{\mu}_{12}^{(g)}] \}^2 \end{aligned}$$

и убеждаемся, что

$$[\mu_{2,2} - \mu_{2,0} \mu_{0,2}]^2 \leq [\mu_{2,0} - (\mu_{2,0})^2] [\mu_{0,4} - (\mu_{0,2})^2]$$

или

$$[r_{2,2} - 1]^2 \leq [r_{4,0} - 1] [r_{0,4} - 1].$$

С. Въ общемъ случаѣ тѣмъ же путемъ находимъ

$$[\mu_{h_1, h_2} - \mu_{h_1, 0} \mu_{0, h_2}]^2 \leq [\mu_{2, h_1, 0} - (\mu_{h_1, 0})^2] [\mu_{0, 2, h_2} - (\mu_{0, h_2})^2]$$

и отсюда

$$[r_{h_1, h_2} - r_{h_1, 0} r_{0, h_2}]^2 \leq [r_{2, h_1, 0} - r_{h_1, 0}^2] [r_{0, 2, h_2} - r_{0, h_2}^2].$$

3. Умножая обѣ стороны неравенства

$$[\mu_{h_1, h_2} - \mu_{h_1, 0} \mu_{0, h_2}]^2 \leq [\mu_{2, h_1, 0} - (\mu_{h_1, 0})^2] [\mu_{0, 2, h_2} - (\mu_{0, h_2})^2]$$

на $\frac{N^2}{N^{h_1+h_2} [\mu_{2,0}]^{h_1} [\mu_{0,2}]^{h_2}}$, находимъ:

$$\left[\frac{N \mu_{h_1, h_2}}{[N \mu_{2,0}]^{\frac{1}{2} h_1} [N \mu_{0,2}]^{\frac{1}{2} h_2}} - \frac{1}{N} \frac{N \mu_{h_1, 0}}{[N \mu_{2,0}]^{\frac{1}{2} h_1}} \frac{N \mu_{0, h_2}}{[N \mu_{0,2}]^{\frac{1}{2} h_2}} \right] \leq \\ \leq \left[\frac{N \mu_{2, h_1, 0}}{[N \mu_{2,0}]^{h_1}} - \frac{1}{N} \left(\frac{N \mu_{h_1, 0}}{[N \mu_{2,0}]^{\frac{1}{2} h_1}} \right)^2 \right] \left[\frac{N \mu_{0, 2, h_2}}{[N \mu_{0,2}]^{h_2}} - \frac{1}{N} \left(\frac{N \mu_{0, h_2}}{[N \mu_{0,2}]^{\frac{1}{2} h_2}} \right)^2 \right].$$

Такимъ образомъ, въ случаѣ, если законы распредѣленія значеній переменныхъ u и w удовлетворяютъ условіямъ:

$\frac{N \mu_{h, 0}}{[N \mu_{2,0}]^{\frac{1}{2} h}}$ стремится съ ростомъ N къ предѣлу 0 при $h = 3, 4, 5, \dots, 2 i_1$,

$\frac{N \mu_{0, h}}{[N \mu_{0,2}]^{\frac{1}{2} h}}$ стремится съ ростомъ N къ предѣлу 0 при $h = 3, 4, 5, \dots, 2 i_2$,

то величина $\frac{N \mu_{h_1, h_2}}{[N \mu_{2,0}]^{\frac{1}{2} h_1} [N \mu_{0,2}]^{\frac{1}{2} h_2}} = \frac{N r_{h_1, h_2}}{N^{\frac{1}{2}(h_1+h_2)}}$ стремится съ ростомъ N также къ предѣлу 0 при $h_1 + h_2 > 2$ и $h_1 = 1, 2, 3, \dots, i_1$; $h_2 = 1, 2, 3, \dots, i_2$.

§ VII

1. А. Среди параметровъ r наибольшій интересъ сосредоточивается на начальномъ членѣ ихъ ряда — $r_{1,1}$ —, который принято называть коэффициентомъ корреляціи.

Согласно опредѣленію

$$r_{1,1} = \frac{\mu_{1,1}}{\sqrt{\mu_{2,0} \mu_{0,2}}}.$$

Какъ показано выше (см. § VI, 2, А.), коэффициентъ корреляціи не можетъ, по абсолютной своей величинѣ, превышать 1:

$$r_{1,1}^2 \leq 1.$$

Въ случаѣ взаимной независимости переменныхъ $\mu_{1,1} = 0$, и коэффициентъ корреляціи между ними обращается въ нуль. Но равенство $r_{1,1} = 0$ отноду еще не свидѣтельствуетъ о взаимной независимости переменныхъ: $\mu_{1,1} = m_{1,1} - m_{1,0} m_{0,1}$ можетъ равняться нулю, а m_{h_1, h_2} не быть равнымъ $m_{h_1, 0} m_{0, h_2}$ при иныхъ значеніяхъ h_1 и h_2 , кромѣ $h_1 = h_2 = 1$ (см. выше § III, 2). Равенство $r_{1,1} = 0$ не является даже достаточнымъ для того, чтобъ переменныя были не коррелированы въ выше отмѣченномъ смыслѣ (см. § V, 2, С.).

В. Коэффициентъ корреляціи равняется 1, по абсолютной своей величинѣ, если (см. выше § VI, 2, А.).

1°) $\mu_{1,2}^{(i)} = 0$ при всякомъ i
и одновременно

2°) отношеніе $\frac{m_{1,1}^{(i)} - m_{1,0}^{(i)} m_{0,1}^{(i)}}{u_i - u_f}$ остается неизмѣннымъ при всякихъ значеніяхъ i и f . Для того, чтобъ $r_{1,1}^2$ равнялся 1, связь между u и w должна быть, слѣдовательно, 1°) однозначно функциональною, такъ, чтобы каждому значенію u отвѣчало лишь одно опредѣленное значеніе w , и 2°) регрессія w по u должна быть линейною. Коэффициентъ корреляціи между u и w равняется, по абсолютной величинѣ, 1 лишь, если $w = cu + c'$, гдѣ c и c' постоянныя величины.

Если соблюдено условіе 2°), но не соблюдено условіе 1°), т. е. если регрессія w по u линейная, но связь w съ u не функциональная, то $r_{1,1}^2 < 1$.

Предположимъ, что зависимость w отъ u выражается уравненіемъ

$$w = cu + \varphi(z),$$

гдѣ c — постоянная величина, z — случайная переменная, не зависящая отъ u , а $\varphi(z)$ — произвольная функція z . Обозначая, согласно установившемуся обычаю, через σ_x квадратическую ошибку переменной x , т. е. полагая

$$\sigma_x^2 = E[x - Ex]^2 = Ex^2 - [Ex]^2,$$

находимъ:

$$\begin{aligned} \mu_{0,2} &= \sigma_w^2 = c^2 \sigma_u^2 + \sigma_{\varphi(z)}^2 \\ r_{1,1}^2 &= \frac{c^2 \sigma_u^2}{c^2 \sigma_u^2 + \sigma_{\varphi(z)}^2} = 1 - \frac{\sigma_{\varphi(z)}^2}{\sigma_w^2} = \frac{1}{1 + \frac{\sigma_{\varphi(z)}^2}{c^2 \sigma_u^2}}. \end{aligned}$$

Численное значеніе $r_{1,1}$ опредѣляется, такимъ образомъ, въ этомъ случаѣ относительнымъ вѣсомъ квадратическихъ ошибокъ той части переменной w , которая зависитъ отъ u , и той, которая отъ u не зависитъ. Въ подобныхъ условіяхъ мы располагаемъ въ коэффициентѣ корреляціи $r_{1,1}$ мѣрою тѣсноты связи между переменными, имѣющею вполне опредѣленный и наглядный смыслъ.

Разсмотримъ такой примѣръ. Выбрасывается m бѣлыхъ и n красныхъ игральныхъ костей и сосчитываются сумма очковъ на бѣлыхъ костяхъ — x —, сумма очковъ на красныхъ костяхъ — y — и общая сумма — $w = x + y$. Бѣлая кости оставляются лежать, какъ выпали, а красныя кости подбираются, встряхиваются и вновь выбрасываются, послѣ чего сосчитываются сумма очковъ на нихъ — z — и общая сумма очковъ на бѣлыхъ и на красныхъ

костяхъ — $w = x + z$. Обозначая черезъ $r_{1,1}$ коэффициентъ корреляціи между w и u и замѣчая, что

$$\begin{aligned} Ex &= m \frac{7}{2} & Ey &= Ez = n \frac{7}{2}, \\ \sigma_x^2 &= m \frac{35}{12} & \sigma_y^2 &= \sigma_z^2 = n \frac{35}{12}, \\ \sigma_w^2 &= \sigma_x^2 + \sigma_y^2 = (m+n) \frac{35}{12} & \sigma_u^2 &= \sigma_x^2 + \sigma_z^2 = (m+n) \frac{35}{12}, \end{aligned}$$

находимъ:

$$r_{1,1} = \frac{\sigma_x^2}{\sigma_w \sigma_u} = \frac{m}{m+n}.$$

Коэффициентъ корреляціи между суммами w и u равняется, слѣдовательно, долѣ общихъ обѣимъ суммамъ слагаемыхъ.

Не всегда, однако, даже въ случаѣ линейной регрессіи численное значеніе коэффициента корреляціи допускаетъ столь ясную объективную интерпретацію. Пусть, напримѣръ, $w = xu + z$, гдѣ x и z — случайныя переменныя, взаимно независимыя и независимыя отъ u . Регрессія w по u имѣетъ характеръ линейной, такъ какъ $m_{11}^{(w)} = [Ex] u + Ez$. Обозначая черезъ $r_{1,1}$ коэффициентъ корреляціи между w и u , находимъ

$$r_{1,1}^2 = \frac{[Ex]^2 \sigma_u^2}{[Ex]^2 [Eu]^2 - [Ex]^2 [Eu]^2 + \sigma_z^2} = \frac{[Ex]^2 \sigma_u^2}{\sigma_{xu}^2 + \sigma_z^2}.$$

не смотря на линейность регрессіи, не представляется въ этихъ условіяхъ возможнымъ дать численному значенію коэффициента корреляціи такое объективное истолкованіе, какъ въ ранѣе рассмотрѣнномъ случаѣ: коэффициентъ корреляціи, какъ характеристика связи между переменными, приобретаетъ отвлеченно-условный смыслъ.

Если соблюдено условіе 1⁰), но не соблюдено условіе 2⁰), т. е. если связь w съ u однозначно функциональная, но не линейная, коэффициентъ корреляціи также, по своей абсолютной величинѣ, меньше 1, и численное значеніе его опредѣляется видомъ функциональной зависимости w отъ u : если $w = f(u)$, то

$$r_{1,1}^2 = \frac{[Eu f(u) - Eu E f(u)]^2}{\sigma_u^2 \sigma_{f(u)}^2}.$$

Пусть, напримѣръ, $w = u^2$, причеь черезъ u обозначается число очковъ на выбрасываемой игральной кости; тогда

$$r_{1,1}^2 = \frac{[m_{3,10} - m_{1,10} m_{2,10}]^2}{[m_{2,10} - (m_{1,10})^2][m_{4,10} - (m_{2,10})^2]} = 0,958.$$

Пусть, съ другой стороны, $w = u^3$, и u имѣетъ то же значеніе; въ такомъ случаѣ

$$r_{1,1}^2 = \frac{[m_{4,10} - m_{1,10} m_{3,10}]^2}{[m_{2,10} - (m_{1,10})^2][m_{6,10} - (m_{3,10})^2]} = 0,88.$$

2. А. Предположимъ, что не соблюдено ни то, ни другое изъ указанныхъ выше условій, при которыхъ коэффициентъ корреляціи принимаетъ значеніе 1, но что зависимость между w и u можетъ быть приведена къ виду $w = f(u) + z$, гдѣ z — случайная переменная, независимая отъ u , а $f(u)$ — произвольнаго вида функція u , т. е. что переменная w можетъ быть разбита

на два слагаемых, изъ которыхъ одно зависитъ только отъ u , а другое отъ w не зависитъ. Въ такомъ случаѣ

$$r_{111}^2 = \frac{[Euf(u) - EuEf(u)]^2}{\sigma_u^2[\sigma_{f(u)}^2 + \sigma_w^2]}$$

и численное значеніе коэффициента корреляціи лишено яснаго объективнаго смысла.

Положимъ

$$\eta_{w|u}^2 = 1 - \frac{\sigma_w^2}{\sigma_w^2} = \frac{\sigma_{f(u)}^2}{\sigma_w^2}$$

и будемъ называть величину $\eta_{w|u}$ корреляціоннымъ отношеніемъ w къ u (терминъ Пирсона correlation ratio). Корреляціонное отношеніе имѣть въ разсматриваемыхъ условіяхъ при наличіи регрессіи не линейной тотъ же объективный смыслъ, какъ коэффициентъ корреляціи при регрессіи линейной и того же типа зависимости между w и u (см. выше § VII, 1, В.): если переменная w можетъ быть разбита на два слагаемыхъ, изъ которыхъ одно зависитъ только отъ u , а другое отъ u не зависитъ, то численное значеніе корреляціоннаго отношенія w къ u опредѣляется сравнительнымъ вѣсомъ квадратическихъ ошибокъ этихъ двухъ составныхъ частей w .

Между корреляціоннымъ отношеніемъ $\eta_{w|u}$ и коэффициентомъ корреляціи r_{111} существуетъ при этомъ простое соотношеніе: обозначая черезъ $r_{(u),u}$ коэффициентъ корреляціи между переменной $y = f(u)$ и переменной u , находимъ:

$$r_{f(u),u} = \frac{Euf(u) - EuEf(u)}{\sigma_u \sigma_{f(u)}}$$

и отсюда

$$\eta_{w|u}^2 = \frac{\sigma_{f(u)}^2}{\sigma_w^2} = \frac{r_{111}^2}{r_{f(u),u}^2}$$

Такъ какъ $r_{f(u),u}^2 \leq 1$, то $\eta_{w|u}^2 \geq r_{111}^2$.

Корреляціонное отношеніе w къ u можетъ быть, по своей абсолютной величинѣ, равно коэффициенту корреляціи лишь, если $r_{f(u),u}^2 = 1$, т. е., если регрессія w по u линейная. Если же регрессія w по u не линейная, то $\eta_{w|u}^2 > r_{111}^2$. При нелинейной регрессіи, въ разсматриваемыхъ условіяхъ численное значеніе коэффициента корреляціи опредѣляется не исключительно характеромъ вѣроятностной зависимости между переменными w и u , но также и видомъ функціи $f(u)$; въ силу этого, оно не точно характеризуетъ тѣсноту связи между переменными, а болѣе или менѣе преуменьшаетъ ее.

Замѣчая, съ другой стороны, что

$$\eta_{w|u}^2 = \frac{\sigma_{f(u)}^2}{\sigma_{f(u)}^2 + \sigma_w^2},$$

убѣждаемся, что $\eta_{w|u}^2 \leq 1$. Такимъ образомъ,

$$r_{111}^2 \leq \eta_{w|u}^2 \leq 1.$$

Замѣчая, далѣе, что

$$\sigma_{f(u)}^2 = \sum_{i=1}^k p_i [f(u_i)]^2 - \left[\sum_{i=1}^k p_i f(u_i) \right]^2,$$

а $m_{11}^{(i)} = f(u_i) + Ez$, откуда $f(u_i) = m_{11}^{(i)} - Ez$, находимъ

$$\sum_{i=1}^k p_i f(u_i) = m_{0,1} - Ez \quad \sum_{i=1}^k p_i [f(u_i)]^2 = \sum_{i=1}^k p_i [m_{11}^{(i)}]^2 - 2 m_{0,1} Ez + [Ez]^2$$

$$\sigma_{f(u)}^2 = \sum_{i=1}^k p_i [m_{11}^{(i)}]^2 - [m_{0,1}]^2 = \sum_{i=1}^k p_i [m_{11}^{(i)} - m_{0,1}]^2$$

и отсюда

$$\eta_{w|u}^2 = \frac{\sum_{i=1}^k p_i [m_{11}^{(i)} - m_{0,1}]^2}{\mu_{0,2}}.$$

В. Опредѣляя корреляціонное отношеніе w къ u непосредственно, какъ

$$\eta_{w|u}^2 = \frac{\sum_{i=1}^k p_i [m_{11}^{(i)} - m_{0,1}]^2}{\mu_{0,2}},$$

можемъ распространить конструкцію и на тотъ случай, когда зависимость между w и u не допускаетъ разложенія w на слагаемое, зависящее только отъ u , и слагаемая, отъ u не зависящая. Численное значеніе корреляціоннаго отношенія утрачиваетъ въ общемъ случаѣ тотъ простой наглядный смыслъ, какой присущъ ему при ранѣе разсмотрѣнныхъ условіяхъ, но установленныя ранѣе неравенства сохраняютъ силу.

Замѣчая, что (см. выше § II, 4)

$$\mu_{0,2} = \sum_{i=1}^k p_i \mu_{12}^{(i)} + \sum_{i=1}^k p_i [m_{11}^{(i)} - m_{0,1}]^2,$$

убѣждаемся, что

$$\eta_{w|u}^2 \leq 1,$$

причемъ $\eta_{w|u}^2$ можетъ равняться 1 лишь, если $\sum_{i=1}^k p_i \mu_{12}^{(i)} = 0$, т. е. если связь между w и u строго функціональная.

Съ другой стороны, $\eta_{w|u}^2 = 0$, если w не коррелировано съ u (см. выше § V, 2, С.) и только въ этомъ случаѣ: если $m_{11}^{(i)}$ не остается неизмѣннымъ при всѣхъ i , равняясь $m_{0,1}$, то $\eta_{w|u}^2 > 0$.

Подставляя значеніе $\sum_{i=1}^k p_i [m_{11}^{(i)} - m_{0,1}]^2$ въ формулу, служащую для опредѣленія $\eta_{w|u}^2$, находимъ:

$$\eta_{w|u}^2 = 1 - \frac{\sum_{i=1}^k p_i \mu_{12}^{(i)}}{\mu_{0,2}}.$$

Въ случаѣ связи гомоскедастичной получаемъ отсюда (ср. выше § VI, 1):

$$\mu_{12}^{(i)} = \mu_{012} [1 - \eta_{w|u}^2].$$

Въ случаѣ линейной регрессии w по u находимъ (см. § V, 5, С.):

$$\mu_{012} [1 - \eta_{111}^2] = \sum_{i=1}^k p_{i1} \mu_{12}^{(i)} = \mu_{012} [1 - \eta_{w|u}^2]$$

и

$$\eta_{w|u}^2 = \eta_{111}^2.$$

Замѣчая, съ другой стороны, что (см. выше § VI, 2, А.)

$$1 - \eta_{111}^2 \geq \frac{\sum_{i=1}^k p_{i1} \mu_{12}^{(i)}}{\mu_{012}},$$

причемъ $1 - \eta_{111}^2$ можетъ равняться $\frac{\sum_{i=1}^k p_{i1} \mu_{12}^{(i)}}{\mu_{012}}$ лишь въ случаѣ, если регрессія w по u линейная, находимъ:

$$\eta_{111}^2 \leq \eta_{w|u}^2,$$

причемъ η_{111}^2 можетъ равняться $\eta_{w|u}^2$ лишь въ случаѣ линейной регрессии w по u .

Полагая

$$\xi_{w|u}^2 = \eta_{w|u}^2 - \eta_{111}^2,$$

находимъ, такимъ образомъ, въ величинѣ $\xi_{w|u}^2$ критерій линейности регрессии w по u ; $\xi_{w|u}^2 = 0$ — условіе линейности регрессии w по u необходимое и достаточное: если $\xi_{w|u}^2$ отлична отъ нуля, регрессія w по u не можетъ быть линейною; если $\xi_{w|u}^2$ равняется нулю, регрессія w по u не можетъ быть нелинейною.

§ VIII

Та роль, какую въ теоріи приѣмовъ изученія законовъ распредѣленія значеній одной переменнѣной играетъ „кривая ошибокъ“ (такъ наз. законъ Лапласа-Гаусса), выпадаетъ въ теоріи приѣмовъ изученія законовъ связи между двумя переменными на долю „поверхности нормальной корреляціи“. Обозначая черезъ φ и ψ отклоненія переменныхъ u и w отъ ихъ математическихъ ожиданій ($\varphi = u - m_{110}$, $\psi = w - m_{011}$), а черезъ $p_{\varphi\psi} d\varphi d\psi$ вѣроятность совпаденія отклоненія u отъ m_{110} , лежащаго въ предѣлахъ φ и $\varphi + d\varphi$, и отклоненія w отъ m_{011} , лежащаго въ предѣлахъ ψ и $\psi + d\psi$, можно представить уравненіе „поверхности нормальной корреляціи“ въ видѣ

$$p_{\varphi\psi} = \frac{1}{2\pi\sqrt{\mu_{210}\mu_{012} - [\mu_{111}]^2}} e^{-\frac{\mu_{012}\varphi^2 - 2\mu_{111}\varphi\psi + \mu_{210}\psi^2}{2(\mu_{210}\mu_{012} - [\mu_{111}]^2)}}.$$

Въ случаѣ „нормальной корреляціи“ мы имѣемъ, слѣдовательно,

$$\mu_{h_1 h_2} = \frac{1}{2\pi\sqrt{\mu_{210}\mu_{012} - [\mu_{111}]^2}} \int_{-\infty}^{+\infty} \int_{-\infty}^{+\infty} \varphi^{h_1} \psi^{h_2} e^{-\frac{\mu_{012}\varphi^2 - 2\mu_{111}\varphi\psi + \mu_{210}\psi^2}{2(\mu_{210}\mu_{012} - [\mu_{111}]^2)}} d\varphi d\psi.$$

Отсюда, замѣчая, что

$$\int_0^{\infty} t^{2s} e^{-at} dt = \frac{1 \cdot 3 \cdot 5 \dots (2s-1)}{2^{s+1}} \sqrt{\frac{\pi}{a^{2s+1}}},$$

находимъ

$$\mu_{f|2h+1-f} = 0$$

$$\mu_{f|2h-f} = [\mu_{2|0}]^{\frac{1}{2}f} [\mu_{0|2}]^{h-\frac{1}{2}f} \sum_{d=0}^{Ent. \frac{1}{2}f} C_f^{2d} 1 \cdot 3 \cdot 5 \dots (2d-1) \cdot 1 \cdot 3 \cdot 5 \dots$$

$$(2h-2d-1) r_{1|1}^{-2d} [1 - r_{1|1}^2]^d$$

или¹

$$r_{f|2h+1-f} = 0$$

$$r_{f|2h-f} = \sum_{d=0}^{Ent. \frac{1}{2}f} C_f^{2d} 1 \cdot 3 \cdot 5 \dots (2d-1) \cdot 1 \cdot 3 \cdot 5 \dots (2h-2d-1) r_{1|1}^{f-2d} [1 - r_{1|1}^2]^d.$$

Отсюда

$$r_{3|1} = r_{1|3} = 3 r_{1|1}$$

$$r_{2|2} = 1 + 2 r_{1|1}^2$$

$$r_{4|0} = r_{0|4} = 3$$

$$r_{5|1} = r_{1|5} = 15 r_{1|1}$$

$$r_{4|2} = r_{2|4} = 3 [1 + 4 r_{1|1}^2]$$

$$r_{3|3} = 3 r_{1|1} [3 + 2 r_{1|1}^2]$$

$$r_{6|0} = r_{0|6} = 15 \text{ и т. д.}$$

Подобно тому, какъ въ случаѣ закона Лапласа-Гаусса величины m_1 и μ_2 опредѣляютъ собою значенія всѣхъ m_h для $h = 2, 3, \dots$ и μ_h для $h = 3, 4, \dots$, такъ что изученіе распредѣленія сводится къ разсмотрѣнію этихъ двухъ параметровъ, такъ же въ случаѣ „нормальной корреляціи“ коэффициенты корреляціи $r_{1|1}$ — вкупѣ съ величинами $m_{1|0}$, $\mu_{2|0}$ и $m_{0|1}$, $\mu_{0|2}$, характеризующими законы распредѣленія обѣихъ переменныхъ въ отдѣльности, — всецѣло опредѣляетъ значенія параметровъ $r_{h_1|h_2}$ для $h_1 + h_2 > 2$ и $h_1 = 1, 2, 3, \dots$, $h_2 = 1, 2, 3, \dots$ и законъ связи между переменными. Изученіе закона связи, какъ задача самостоятельная отъ изученія законовъ распредѣленія обѣихъ переменныхъ въ отдѣльности, сводится, слѣдовательно, въ случаѣ „нормальной корреляціи“ къ разсмотрѣнію величины коэффициента корреляціи, который въ этихъ условіяхъ пріобрѣтаетъ несвойственное ему въ общемъ случаѣ значеніе исчерпывающей характеристики связи.

¹ Cp. K. Pearson and A. Young, On the product moments of various orders of the normal correlation surface of two variables (Biometrika, vol. XII), p. 86, гдѣ параметры r для „поверхности нормальной корреляціи“ даются въ видѣ

$$r_{2s|2t} = \frac{(2s)!(2t)!}{2^{s+t}} \sum_{x=0}^t \frac{[2r_{1|1}]^{2x}}{(s-x)!(t-x)!(2x)!}$$

$$r_{2s+1|2t+1} = \frac{r_{1|1}(2s+1)!(2t+1)!}{2^{s+t}} \sum_{x=0}^t \frac{[2r_{1|1}]^{2x}}{(s-x)!(t-x)!(2x+1)!}.$$

2) Замѣчая, что

$$r_{2h10} = 1 \cdot 3 \cdot 5 \dots (2h-1) = r_{012h}, \quad r_{2h+110} = 0 = r_{012h+1}$$

находимъ:

$$r_{112h-1} = 1 \cdot 3 \cdot 5 \dots (2h-1) r_{111} = r_{111} r_{012h}, \quad r_{112h} = 0 = r_{111} r_{012h+1}$$

$$r_{2h-111} = r_{111} r_{2h10}, \quad r_{2h11} = r_{111} r_{2h+110}.$$

Мы убѣждаемся, такимъ образомъ (см. выше § VI, 1)), что въ случаѣ „нормальной корреляціи“ регрессія w по u и регрессія u по w линейны. Уравненія линий регрессіи могутъ быть при этомъ представлены въ видѣ (см. выше § VI, 1))

$$m_{11}^{(j)} - m_{011} = \frac{\mu_{111}}{\mu_{210}} [u_j - m_{110}] \quad m_{11}^{(j)} - m_{110} = \frac{\mu_{111}}{\mu_{012}} [w_j - m_{011}].$$

Замѣчая, что

$$\mu_{2h+110} = 0, \quad \mu_{2h10} = 1 \cdot 3 \cdot 5 \dots (2h-1) [\mu_{210}]^h$$

$$\mu_{012h+1} = 0, \quad \mu_{012h} = 1 \cdot 3 \cdot 5 \dots (2h-1) [\mu_{012}]^h,$$

убѣждаемся, что законы распределенія значений переменныхъ u и w въ случаѣ, если корреляція между u и w носить характеръ „нормальной“, имѣютъ форму закона Лапласа-Гаусса. Съ другой стороны, придавая переменной ψ определенное значение ψ_j , отвѣчающее значенію w_j переменной w ($\psi_j = w_j - m_{011}$), находимъ для вѣроятности отклоненія $\varphi = u - m_{110}$ переменной u отъ m_{110} при данномъ значеніи w_j переменной w выраженіе

$$\frac{1}{2\pi\sqrt{\mu_{210}\mu_{012} - [\mu_{111}]^2}} e^{-\frac{\mu_{012}\varphi^2 - 2\mu_{111}\varphi\psi_j + \mu_{210}\psi_j^2}{2\{\mu_{210}\mu_{012} - [\mu_{111}]^2\}}}.$$

Отсюда находимъ:

$$\mu_{2h+11}^{(j)} = 0$$

$$\mu_{2h1}^{(j)} = 1 \cdot 3 \cdot 5 \dots (2h-1) [1 - r_{111}^2]^h [\mu_{210}]^h$$

$$\mu_{21}^{(j)} = [1 - r_{111}^2]^h \mu_{210}.$$

Сходнымъ путемъ получаемъ:

$$\mu_{2h+1}^{(i)} = 0$$

$$\mu_{2h}^{(i)} = 1 \cdot 3 \cdot 5 \dots (2h-1) [1 - r_{111}^2]^h [\mu_{012}]^h$$

$$\mu_{12}^{(i)} = [1 - r_{111}^2]^h \mu_{012}.$$

Мы убѣждаемся, такимъ образомъ, что въ случаѣ, если корреляція между переменными „нормальная“, связь w съ u и связь u съ w гомоскедастичны, а распределенія значений каждой изъ переменныхъ, отвѣчающихъ определеннымъ значеніямъ другой переменной, слѣдуютъ закону Лапласа-Гаусса.

§ IX

1. Рассмотрѣнные выше построенія не исчерпываютъ, разумѣется, всего мыслимаго разнообразія характеристикъ закона связи между двумя переменными. Изъ безчисленнаго множества коэффициентовъ, показателей и т. д., какіе предла-

гались въ литературѣ и какіе могли бы быть еще предложены, я остановился лишь на основныхъ. Попытка включить также построенія, стремящіяся примѣниться къ своеобразію постановки проблемы въ тѣхъ или иныхъ специальныхъ условияхъ задачи, заставила бы чрезмѣрно увеличить объемъ настоящей статьи.

Какъ и въ случаѣ одной переменнѣй, передъ статистикомъ, установившимъ систему „априорныхъ“ характеристикъ закона связи между двумя переменными, возникаетъ, дальнѣйшая задача: указать пути подхода къ опѣнкѣ численныхъ значеній априорныхъ характеристикъ на основѣ эмпирическихъ данныхъ. Примѣнительно къ случаю одной переменнѣй задача эта была подвергнута мною систематическому разсмотрѣнію въ статьѣ *On the mathematical expectation of the moments of frequency distributions*. Въ первой части этой статьи (*Biometrika*, vol. XII, pp. 140—169, 185—210) дана система формулъ, связывающихъ априорныя „искомыя“ съ эмпирическими „данными“ въ предположеніи, что испытанія взаимно независимы, а законъ распредѣленія значеній переменнѣй остается при всѣхъ испытаніяхъ неизмѣннымъ. Вторая часть (*Biometrika*, vol. XIII, p. 283—296; cf. A. Tschuprow, *Über den mittleren Fehler der „wesentlichen Schwankungskomponente“*, — *Skandinavisk Aktuarietidskrift*, 1919, S. 80—133) разсматриваетъ случай взаимно независимыхъ испытаній и произвольно мѣняющихся законовъ распредѣленія. Третья часть, имѣющая быть предположительно напечатанною въ журналѣ *Metron* подъ заглавіемъ *On the mathematical expectation of the moments of frequency distributions in the case of correlated observations*, подвергаетъ изученію общій случай произвольно мѣняющихся законовъ распредѣленія и произвольно связанныхъ испытаній. Та же схема постепеннаго усложненія предпосылокъ можетъ быть съ удобствомъ примѣнена къ построению пріемовъ изученія законовъ связи между переменными. Въ статьѣ моей „О математическомъ ожиданіи частнаго двухъ взаимно зависимыхъ случайныхъ переменныхъ“ (Труды русскихъ ученыхъ за-границей, т. 1) приведенъ, въ видѣ иллюстрацій, рядъ формулъ, связывающихъ априорныя характеристики закона связи съ эмпирическими данными въ предположеніи взаимной независимости испытаній и неизмѣннаго закона связи: такъ, на стр. 246—249, 250—251, 253—256, 267—269 указаны способы подхода къ опѣнкѣ численнаго значенія коэффициента корреляціи по эмпирическимъ даннымъ; на стр. 257—261 разсмотрѣнъ показатель взаимной сопряженности переменныхъ; на стр. 244—245, 262 даны формулы, относящіяся къ изслѣдованію величинъ $m_{h_1}^{(j)}$ и $\mu_{h_1}^{(j)}$. Въ дополненіе къ приведеннымъ ранѣе примѣрамъ я позволю себѣ привести здѣсь лишь основныя формулы теоріи коэффициента корреляціи для случая взаимно зависимыхъ испытаній, имѣющаго большое значеніе въ теоріи выборочнаго изслѣдованія.

2. Предположимъ, что въ закрытой урнѣ находится A билетовъ, на каждомъ изъ которыхъ имѣется по двѣ помѣтки: одна даетъ значеніе переменнѣй u , другая — значеніе переменнѣй w . Предположимъ, что билетовъ, помѣченныхъ значеніемъ u_i первой изъ переменныхъ и значеніемъ w_j второй изъ нихъ, имѣется въ урнѣ $A_{i,j}$, и что $\frac{A_{i,j}}{A} = p_{i,j}$. Изъ урны вынимается одинъ за другимъ N билетовъ. Обозначимъ черезъ u'_f значеніе переменнѣй u , помѣченное на f — омъ изъ вынувшихся при этомъ билетовъ, и черезъ w'_f значеніе переменнѣй w , помѣченное на томъ же билетѣ. Положимъ:

$$u_{(N)} = \frac{1}{N} \sum_{f=1}^N u'_f \quad w_{(N)} = \frac{1}{N} \sum_{f=1}^N w'_f$$

$$\rho = \frac{\sum_{f=1}^N [u'_f - u_{(N)}] [w'_f - w_{(N)}]}{\sqrt{\sum_{f=1}^N [u'_f - u_{(N)}]^2 \sum_{f=1}^N [w'_f - w_{(N)}]^2}}$$

Въ случаѣ, если вынутый изъ урны билетъ возвращается въ урну обратно передъ извлеченіемъ слѣдующаго билета, мы имѣемъ (см. мою статью „О мат. ожиданіи частнаго, стр. 267, 269):

$$E\rho = r_{1,1} + \frac{1}{N} \left\{ \frac{1}{4} r_{2,2} r_{1,1} + \frac{3}{8} r_{1,1} [r_{4,0} + r_{0,4}] - \frac{1}{2} [r_{3,1} + r_{1,3}] \right\}$$

+ члены порядка $\frac{1}{N^2}$ и выше

$$E[\rho - r]^2 = \frac{1}{N} \left\{ r_{2,2} \left[1 + \frac{1}{2} r_{1,1}^2 \right] + \frac{1}{4} r_{1,1}^2 [r_{4,0} + r_{0,4}] - r_{1,1} [r_{3,1} + r_{1,3}] \right\}$$

+ члены порядка $\frac{1}{N^3}$ и выше.

Въ случаѣ, если вынутый билетъ не возвращается въ урну, находимъ при помощи сходныхъ приемовъ вычисления:

$$E\rho = r_{1,1} + \frac{A-N}{A-1} \frac{1}{N} \left\{ \frac{1}{4} r_{2,2} r_{1,1} + \frac{3}{8} r_{1,1} [r_{4,0} + r_{0,4}] - \frac{1}{2} [r_{3,1} + r_{1,3}] \right\}$$

+ члены порядка $\frac{1}{N^2}$ и выше

$$E[\rho - r]^2 = \frac{A-N}{A-1} \frac{1}{N} \left\{ r_{2,2} \left[1 + \frac{1}{2} r_{1,1}^2 \right] + \frac{1}{4} r_{1,1}^2 [r_{4,0} + r_{0,4}] - r_{1,1} [r_{3,1} + r_{1,3}] \right\} + \text{члены порядка } \frac{1}{N^2} \text{ и выше}$$

$$\sigma_\rho^2 = E[\rho - E\rho]^2 = \frac{A-N}{A-1} \frac{1}{N} \left\{ r_{2,2} \left[1 + \frac{1}{2} r_{1,1}^2 \right] + \frac{1}{4} r_{1,1}^2 [r_{4,0} + r_{0,4}] - r_{1,1} [r_{3,1} + r_{1,3}] \right\} + \text{члены порядка } \frac{1}{N^2} \text{ и выше.}$$

Такимъ образомъ, при схемѣ невозвращаемаго билета математическое ожиданіе эмпирическаго коэффиціента ρ ближе подходит къ искомой „априорной“ величинѣ $r_{1,1}$, нежели въ случаѣ схемы билета возвращаемаго, и ошибка оцѣнки $E\rho$ и $r_{1,1}$ по эмпирическому значенію ρ также оказывается меньшею въ первомъ случаѣ: схема невозвращаемаго билета съ большей точностью нацѣливаетъ ρ въ точку, ближе лежащую къ той, куда желательно попасть. Степень, съ какою повышается точность оцѣнки $E\rho$ и $r_{1,1}$ по эмпирическому значенію ρ совпадаетъ при этомъ, въ первомъ приближеніи, съ тою, въ какой возрастаетъ степень точности оцѣнки математическаго ожиданія средней арифметической по ея эмпирическому значенію при переходѣ отъ схемы возвращаемаго билета къ схемѣ билета невозвращаемаго.¹

¹ См. А. Tschuprow, Über den mittleren Fehler des Durchschnittes von gegenseitig nicht unabhängigen Größen, S. 219 (Skandinavisk Aktuarietidskrift, 1918).

Натуральное хозяйство

(Изъ очерковъ по социальной и экономической исторіи ранняго средневѣковья)

С. И. Штейнъ

Григорій Турскій въ книгѣ третьей (С. 34) своей исторіи франковъ описываетъ какъ Дезидератъ, епископъ верденскій, печаловался о бѣдности и безпомощности жителей Вердена. «И такъ какъ онъ самъ происками короля Теодориха былъ лишень своего имущества и не могъ имъ помочь, то онъ отправилъ пословъ къ королю Теодоберту со словами: „молва о благодати твоей наполняетъ весь міръ, ибо щедрость твоя такъ велика, что одаряешь ты и не просящихъ о томъ. Я прошу тебя, если есть у тебя немного денегъ, ссудить намъ ихъ, ибо мы желаемъ помочь встать на ноги гражданамъ нашимъ; и когда они, возобновивъ дѣла, доведутъ торговлю свою до такого же состоянія, какъ въ другихъ городахъ, то мы вернемъ тебѣ деньги съ законными процентами.“ Тогда Теодобертъ, движимый благочестіемъ, далъ ему 7000 золотыхъ, а епископъ роздалъ ихъ гражданамъ. И тѣ, занявшись дѣлами, стали богатѣть, и съ тѣхъ поръ, и понынѣ жители Вердена не послѣдніе люди. А когда названный епископъ принесъ королю деньги, король отвѣтилъ: „не нужны мнѣ эти деньги; достаточно съ меня того, что заботами твоими люди бѣдные, изнуряемые нищетой, по мысли твоей и щедротами моими встали на ноги“. И, ничего не взявъ, названныхъ гражданъ сдѣлалъ богатыми».

Въ другомъ мѣстѣ своей исторіи (X, 3) тотъ же Григорій Турскій описываетъ, какъ, возвращаясь послѣ неудачнаго итальянскаго похода 590 года войско такъ голодало, что прежде чѣмъ оно добралось до домовъ своихъ, оно „распродало оружіе и одежду для покупки продовольствія“.

Описывая голодъ 585 года, Григорій Турскій горько жалуется на купцовъ, грабящихъ народъ, „Купцы, пишетъ онъ, продавали модій пшеницы или польмодія вина за триантъ“.

Въ другомъ своемъ произведеніи (*In Gloria Confessorum* I, 5) все тотъ же Григорій Турскій описываетъ, какъ у священника Эдація, устривавшаго трапезу вдовамъ и нищимъ, не хватило хорошаго вина; какъ ему явилось въ видѣніи блаженная Виталина, какъ она приказала ему пойти въ опредѣленное мѣсто, гдѣ онъ найдетъ триантъ, на который сможетъ купить вино. „А онъ, никому не сказавши про то, что видѣлъ, пошелъ и нашелъ, и, купивши вино, угостилъ Христовыхъ нищихъ.“ —

На всякаго непредубѣжденнаго читателя эти цитаты должны произвести впечатлѣніе, что обмѣнъ является въ ту эпоху явленіемъ обычнымъ и повседневымъ, и однако, искупенный въ экономической исторіи, не задумываясь, скажетъ, что какъ ни интересны сами по себѣ эти цитаты, онѣ, тѣмъ не

менше, не могут поколебать твердаго убѣжденія, что въ VI вѣкѣ господствуетъ натуральное хозяйство. Его мнѣніе не измѣнится, если даже число этихъ цитатъ значительно увеличить. Отъ каждой изъ нихъ онъ окажется забронированнымъ.

При такомъ положеніи естественно оставить на время источники и обратиться къ анализу тѣхъ основоположеній, которыя даютъ современной экономической исторіи возможность безапелляціонно опредѣлять господствующій экономической типъ той или иной эпохи. Эти основоположенія — схемы экономического развитія.

* * *

И едва ли ошибусь, если скажу, что изъ всѣхъ схемъ экономического развитія наибольшее впечатлѣніе на занимающихся экономической исторіей произвела схема Бюхера. Не онъ является создателемъ основныхъ элементовъ защищаемой имъ теоріи, но онъ придавъ имъ наиболѣе убѣдительную форму и въ настоящее время, несмотря на цѣлый рядъ отдѣльныхъ критическихъ замѣчаній, выставленныхъ противъ его теорій, она несомнѣнно представляетъ *opinio communis doctorum*. Для занимающихся экономической исторіей поэтому прежде всего необходимо опредѣленно высказаться по поводу этой теоріи. —

Въ схемѣ Бюхера есть двѣ стороны: теоретическая и историческая; логическое оправданіе основъ схемы и примѣненіе ея къ періодизации экономической исторіи. При этомъ важно отмѣтить, что ошибочность одной стороны схемы не порочитъ, сама по себѣ, вторую ея сторону. Историческій матеріалъ ежегодно растетъ, и ошибочность представленія о той или иной исторической эпохѣ, ошибочность примѣненія логически правильно продуманной схемы не влечетъ за собой отверженія самой схемы. Такъ, безукоризненно работающій микроскопъ можетъ дать невѣрную картину, если въ него вставленъ плохо препарированный матеріалъ.

Возможно, хотя и нѣсколько труднѣе представить себѣ и обратный случай. Можетъ случиться, что авторъ исторической схемы интуитивно хорошо отмежевалъ эпохи, но далъ ихъ противопоставленію не выдерживающее строгой критики обоснованіе. Такъ, художникъ, остро чувствующій разницу стилей, часто бываетъ плохимъ теоретикомъ и историкомъ искусства.

* * *

Теоретической части своей схемы Бюхеръ удѣляетъ немного вниманія и мѣста, но даетъ вполне законченную ея формулировку. Существеннымъ критеріемъ для характеристики отдѣльныхъ эпохъ экономической исторіи является нить, связующая отдѣльныя хозяйства, длина пути, проходимаго товаромъ (или благомъ) отъ производителя къ потребителю. Если эта длина пути равняется нулю, если благо потребляется въ томъ же хозяйствѣ, въ которомъ оно производится, мы имѣемъ дѣло со стадіей замкнутаго домашняго хозяйства, незнакомаго съ обменомъ. Если этотъ путь сложенъ, длиненъ, если онъ многообразно связываетъ отдѣльныя хозяйства въ единое цѣлое, передъ нами современное „народное“ хозяйство. Менше сложенъ и запутанъ этотъ путь, переходятъ товары изъ хозяйства производителя непосредственно въ хозяйство потребителя — вотъ промежуточная стадія — хозяйство „городское“. И вся

схема, строящаяся на основаніи единаго критерія принимаетъ видъ: домашнее — городское — народное хозяйство.

Нельзя отрицать, что первое впечатлѣніе отъ схемы — это впечатлѣніе подкупающей логичности. Но это первое впечатлѣніе скоро уступаетъ мѣсто ряду сомнѣній. Прежде всего: примененъ ли избранный авторомъ критерій? Длина пути такъ подкупающе звучитъ, допускаетъ, какъ кажется, столько градаций, что она, какъ атомный вѣсъ въ системѣ химическихъ элементовъ, должна легко схватывать самые тонкіе нюансы различія экономическихъ эпохъ. А на самомъ дѣлѣ — всего три стадіи. И не случайно три. Стоитъ продумать мысленно критерій до конца, заставить товаръ проходить отъ потребителя къ производителю два, три и т. д. хозяйства, чтобы сразу убѣдиться, что никакихъ новыхъ „химическихъ элементовъ“, никакихъ стадій хозяйственнаго развитія не получится.

Мало того, Бюхеръ вводитъ своего читателя въ заблужденіе, когда онъ говоритъ, что у него три стадіи экономического развитія. На самомъ дѣлѣ у него лишь двѣ. Его городское хозяйство никакъ не можетъ иллюстрировать стадіи непосредственнаго обмѣна. Все, что онъ пишетъ объ этомъ хозяйствѣ, рядъ несомнѣнно тонкихъ замѣчаній — все это относится не къ хозяйственной дѣйствительности, но къ хозяйственной политикѣ города; а рядъ мѣръ принимаемыхъ городомъ противъ посреднической торговли доказываетъ ея существованіе, а не отсутствіе.

Съ другой стороны, при болѣе внимательномъ разсмотрѣніи не можетъ не броситься въ глаза что стадія городского хозяйства у Бюхера конструктивно отличается отъ первой и третьей. Въ первой и третьей стадіи мы имѣемъ дѣло съ совокупностью однородныхъ — съ точки зрѣнія теоретическаго мѣрила Бюхера — хозяйствъ. Въ первой стадіи хозяйство не знаетъ обмѣна, въ третьей — многообразный обмѣнъ является жизненнымъ нервомъ всякаго хозяйства. Не то во второй стадіи. Вторая стадія теоретически конструируется, какъ совокупность разнородныхъ хозяйствъ. Хозяйство горожанина принципиально иное, чѣмъ хозяйство крестьянина. И вся эта стадія характеризуется соединеніемъ разнородныхъ единицъ, изъ которыхъ однѣ приближаются къ типу первой стадіи, а другія — третьей.

Это обстоятельство лишаетъ среднюю стадію всякаго самостоятельнаго теоретическаго значенія и обращаетъ ее въ типично-переходную, а всю схему изъ тройной обращаетъ въ двойную съ промежуточнымъ, переходнымъ звеномъ.

Если это такъ, то это вмѣстѣ съ тѣмъ значитъ и то, что теоретическій критерій (длина пути) употребляется лишь въ своемъ минимальномъ (нулевомъ) и максимальномъ значеніи, т. е. какъ разъ въ тѣхъ случаяхъ, которые теоретически хорошо схватываются и безъ этого критерія (натуральное хозяйство — мѣновое хозяйство) и не употребляется тамъ, гдѣ онъ долженъ былъ бы дать возможность теоретически схватить градацию переходныхъ стадій.

Таковъ итогъ разсмотрѣнія теоретической стороны схемы Бюхера. Основной критерій не выдержанъ, а въ корнѣ схемы лежитъ стародавнее противопоставленіе натурального и мѣноваго хозяйства.

* * *

Я сказалъ выше, что схема Бюхера имѣетъ двѣ стороны — теоретическую и историческую.

Нельзя однако сомнѣваться, что и по замыслу Бюхера и фактически теоретическая сторона ярко преобладаетъ надъ исторической. Самый трудный вопросъ — вопросъ о приуроченіи абстрактно продуманной схемы къ исторической дѣйствительности рѣшается столь лапидарно, что ни о какомъ интуитивномъ схватываніи особенностей историческихъ эпохъ не можетъ быть и рѣчи. Сваливъ въ одну кучу всю такъ наз. древнюю исторію, присовокупивъ къ ней еще добрую половину средневѣковья, Бюхеръ тѣмъ самымъ лишилъ критику его историческихъ воззрѣній всякаго интереса.

Тѣмъ не менѣе, и особенно въ виду того, что эта эквилибристика между исторической теоріей и теоретической исторіей пользуется значительной популярностью, знакомство съ подходомъ Бюхера къ исторіи для всесторонней оцѣнки его теоріи совершенно необходимо.

— На многочисленныя возраженія со стороны историковъ Бюхеръ отвѣчалъ, что направленная противъ него критика бьетъ мимо цѣли; онъ отмѣтилъ при этомъ, чѣмъ его задачи отличаются отъ задачъ историка. По его словамъ, „историкъ не можетъ пропустить чего бы то ни было случившагося въ ту или иную эпоху“, тогда какъ „хозяйственныя ступени, устанавливаемыя теоретикомъ, должны считаться только съ нормальными явленіями, спокойно опуская все случайное“.¹ Такова формулировка второго изданія „Происхожденіе народнаго хозяйства“. Въ послѣдующихъ изданіяхъ Бюхеръ ее нѣсколько смягчилъ: историки, пишетъ онъ, не могутъ пропустить ничего „важнаго“, теоретики ограничиваются „нормальнымъ“. Нельзя сказать, что новая формулировка выиграла въ ясности, тѣмъ болѣе, что Бюхеръ нигдѣ не указываетъ тѣхъ способовъ, при помощи которыхъ историкъ опредѣляетъ важное, а теоретикъ нормальное. Съ другой стороны, и практика Бюхера не внушаетъ особаго довѣрія къ продуманности его критерія; такъ, если взять наиболѣе вопіющій примѣръ, все римское гражданское право, въ которомъ купля-продажа играетъ далеко не послѣднюю роль, повидимому, зачисляется Бюхеромъ въ явленія ненормальныя и случайныя.

И въ этомъ точномъ знаніи, что нормально для этой или другой эпохи явно проглядываетъ то превосходство, которое чувствуетъ Бюхеръ, какъ теоретикъ, надъ историкомъ. Историки могутъ изучать всякія случайности, отклоненія отъ нормальнаго процесса, онъ знаетъ глубинный ходъ исторіи, ея законы.

Неудивительно поэтому, что если источники для историка являются фундаментомъ построенія, то для Бюхера они случайныя иллюстраціи. Онъ даже не особенно внимательно слѣдитъ, удачно ли онѣ выбраны. Что нужды въ томъ, что иллюстраціи неудачны; для человѣка, передъ которымъ сияетъ свѣтъ вѣчной истины, иллюстрація является эмпирически несовершеннымъ намекомъ, который долженъ лишь дать толчекъ для направленія мысли. Этихъ иллюстрацій для всего обнимающаго нѣсколько тысячелѣтій періода замкнутаго хозяйства очень немного, но онѣ очень интересны для анализа работы Бюхера. Вотъ самыя характерныя изъ нихъ.

¹ Цитирую по „Probleme der Wirtschaftsgeschichte“, Below'a (1920, стр. 172), справедливо отмѣчающаго, что „выполненіе такой страшной задачи, къ счастью, не лежитъ на обязанности историка“.

Для доказательства нормальности замкнутого хозяйства в эпоху римской империи Бюхеръ приводитъ слова Плинія Старшаго: „добрый крестьянинъ не покупаетъ того, что можетъ произвести у себя въ хозяйствѣ“. Прежде всего это слова не Плинія, а древняя римская сакральная поговорка.¹ Она приводится у Плинія рядомъ съ другими, какъ напр.: „не дѣлай того днемъ, что можешь сдѣлать ночью“ и т. п. И что же она доказываетъ? Во всякомъ случаѣ не то, чего хочетъ Бюхеръ. Уже не говоря о томъ, что запрещеніе покупать тѣсно ограничено указаціями, что не слѣдуетъ покупать лишь того, что можно производить въ собственномъ хозяйствѣ, самое существованіе этого запрещенія указываетъ, что и въ крестьянскомъ хозяйствѣ покупалось даже то, отъ покупки чего можно было и отказаться. Но допустимъ даже, что Бюхеръ въ этомъ случаѣ правъ, что дѣйствительно римскій крестьянинъ не любитъ покупать, развѣ и въ этомъ случаѣ эта его цитата что нибудь доказываетъ. Вѣдь самъ Бюхеръ за нѣсколько страницъ до этого, не смущаясь, указалъ, что существованіе у современныхъ крестьянъ отдѣльныхъ производствъ, рассчитанныхъ на ихъ собственное потребленіе — т. е. какъ разъ эта же черта — покупать только въ случаѣ необходимости, отнюдь не измѣняетъ общей картины преобладанія мѣноваго хозяйства. Почему римскій крестьянинъ въ этомъ отношеніи болѣе доказателенъ, чѣмъ современный?

Другой примѣръ еще болѣе показателенъ. Въ доказательство своей теоріи Бюхеръ приводитъ цитату изъ „Сатирикона“ Петронія, именно, слова одного изъ гостей Трималхіона, который говоритъ: „вѣрь мнѣ, онъ ничего не покупаетъ, все произрастаетъ въ его помѣстьяхъ“. Можно только удивляться, какъ это Бюхеръ рѣшился опереться на „Сатириконъ“ Петронія. Этотъ романъ такъ противорѣчитъ всему тому, что пишетъ Бюхеръ, что Бюхеръ не только не долженъ былъ приводить изъ него цитату, но сказать, что какъ разъ картина, даваемая Петроніемъ, не типична. Для такого утвержденія можно было бы привести кое какія основанія, существеннѣйшее изъ которыхъ заключалось бы въ томъ, что это — сатирическое произведеніе, въ которомъ описаніе явно прикрашено и окаррикуровано.

Но если Бюхеръ опирается на авторитетъ Петронія, то мы охотно последуемъ за нимъ. Кто такой хозяинъ дома, чье хозяйство характеризуется? — Это разбогатѣвшій вольноотпущенникъ. По его собственнымъ словамъ, принципъ, благодаря которому онъ добился богатства — слѣдующій: „хорошо покупать и хорошо продавать“. Его біографическія черты тоже весьма любопытны. Завладѣвъ частью имущества своего господина, онъ воспыпалъ „страстью къ торговлѣ“. „Построилъ пять кораблей, нагрузилъ ихъ виномъ, а вино тогда цѣнилось на вѣсь золота (contra aurum) и отправилъ въ Римъ... Всѣ корабли погибли... Въ одинъ день Нештунъ поглотилъ 30 милліоновъ... Это меня не испугало... Я построилъ еще больше, нагрузилъ ихъ виномъ, свинымъ жиромъ, благовоніемъ и рабами. Въ эти дни Фортуната доказала мнѣ свою привязанность: она продала всѣ свои золотыя украшенія, всѣ свои платья и вручила мнѣ сто золотыхъ. Это было завкаской моего состоянія. — Угодное богамъ быстро свершается. За одну поѣздку я сколотилъ десять милліоновъ сестерцій. Сейчасъ же откупилъ всѣ имѣнія моего патрона, построилъ домъ, накупилъ повозокъ и лошадей; все къ чему я ни притрагиваюсь растетъ, какъ

¹ См. Ed. Meyer, Die wirtschaftliche Entwicklung des Altertums, Jena 1896.

на дрожжахъ. Когда мое состояніе сдѣлалось больше состоянія моего родного города (*patria mea*), я поставилъ крестъ, бросилъ торговлю и занялся ростовщичествомъ черезъ вольноотпущенниковъ . . .“

Эту цитату можно было бы значительно продолжить, но уже приведеннаго кажется достаточно, чтобы судить, сколь удачно выбранъ Бюхеромъ его примѣръ руководителя „замкнутого хозяйства.“

Не будемъ, однако, настаивать на всѣхъ тѣхъ чертахъ, которыя можно собрать для характеристики хозяйственной дѣятельности Тримальхіона. Забудемъ о томъ, что передъ нами отнюдь не представитель патриархальнаго натурального хозяйства, а прошедшій сквозь огонь и мѣдныя трубы спекуляціи „*ragu-venu*“; забудемъ о томъ, что къ тому времени, къ которому относится избранная Бюхеромъ цитата, ежедневные доходы Тримальхіона не только исчисляются, но и заключаются въ милліонахъ. Забудемъ обо всемъ этомъ и возьмемъ цитату такъ, какъ она есть: *nec est quod putes illum quicquam emere, omnia domi nascuntur: lana, credrae, piper, lacte gallinaceum.*

Бюхеръ довелъ цитату только до двоеточія, благоразумно не сообщивъ своимъ читателямъ, что въ хозяйствѣ Тримальхіона можно найти и птичье молоко. А это обстоятельство придаетъ всей цитатѣ именно тотъ характеръ преувеличенности и каррикатурности, который заставляетъ совершенно иначе отнестись къ ней въ цѣломъ.

Но можно и на этомъ не настаивать, можно взять слова Тримальхіона всерьезъ. „Да, дѣйствительно, вотъ какое странное хозяйство у Тримальхіона: онъ ничего не покупаетъ“. Все дѣло, однако, въ томъ, что удивляться этому хозяйству должны не только Бюхеръ и его читатели, но и современникъ Тримальхіона, его собутыльникъ. Вѣдь выдѣляетъ онъ эту черту Тримальхіонова богатства, какъ нѣчто поразительное, изъ ряда вонъ выходящее. И никакъ нельзя этихъ словъ проинтерпретировать: „повѣришь ли? Тримальхіонъ, какъ и всѣ (или какъ большинство), ничего не покупаетъ“. А вѣдь именно такъ хочется проинтерпретировать ихъ Бюхеръ.

Я привелъ эти два примѣра обращенія Бюхера съ источниками не для того, чтобы шагъ за шагомъ опровергать утвержденія Бюхера. Я считалъ бы такой методъ нецѣлесообразнымъ. Не въ историческихъ иллюстраціяхъ сила Бюхера и объясненіе его вліянія. Эти примѣры приведены мною исключительно для того, чтобы выяснитъ самыя основы теоріи Бюхера, подойти къ самому уязвимому ея мѣсту.

И въ интерпретаціи Петронія, и въ интерпретаціи Плинія дѣло идетъ о сравнительно простыхъ вещахъ. Если при этомъ совершаются такія совершенно явныя ошибки, то объясненія имъ можно найти только въ томъ, что источники играютъ въ построеніи Бюхера совершенно второстепенную роль. Это впечатлѣніе еще усилится, если мы обратимъ вниманіе на то, въ какомъ причудливомъ безпорядкѣ приводятся Бюхеромъ ссылки. Россія середины XIX вѣка, Австрія, Африка, Корея, Древняя Греція и Римъ, Франція XI вѣка, Цейлонъ, Индія, все это сплетается въ одну нераздѣльную массу. Выяснить историческую філіацію формъ на такомъ многообразномъ матеріалѣ почти невозможно, тѣмъ болѣе, что никогда даже и не ставится вопросъ, въ какомъ отношеніи и почему Россія XIX вѣка, напримѣръ, можетъ соотвѣтствовать эпохѣ Петронія.

Это разнообразіе матеріала можетъ быть вызвано только однимъ основ-

нымъ представлѣнiемъ: ткань историческаго процесса чрезвычайно проста и однообразна. Надо только сумѣть увидѣть за кажущейся сложностью и путанностью видимыхъ явленiй ихъ существенную простоту и несложность.

Такой подходъ къ исторiи можно было бы назвать исторической алхимiей. Въ многообразiи исторiи всѣхъ племенъ и народовъ Бюхеръ нашелъ философскiй камень. Вотъ почему онъ такъ мало внимателенъ къ тому, что говорить ему его источники. Вотъ почему онъ такъ увѣренно отдѣляетъ нормальное отъ ненормальнаго, существенное отъ несущественнаго.

* * *

Не конкретный историческiй материалъ, но отвлеченныя размышленiя составляютъ основу исторической алхимiи; не то, что было, но то, что должно было быть. При этомъ она руководится увѣжденiемъ въ возможности реконструировать исторiю умозрительно. Все существенное въ историческомъ процессѣ должно уложиться въ опредѣленную умозрительную схему. То, что въ эту схему не укладывается, то является исключенiемъ, случайнымъ отклоненiемъ, которымъ можно интересоваться, но которое отнюдь не можетъ поколебать истинности умозрительной схемы.

Методъ употребляемый при этомъ чрезвычайно простъ. Если надо выяснитъ исторiю какого либо сложнаго содержанiя современной культуры, то въ начальную стадiю этой исторiи полагаютъ состоянiе, въ которомъ отрицаются всѣ элементы конечнаго содержанiя, а промежуточнымъ стадiямъ приписываютъ приобрѣтенiе одного или нѣсколькихъ отдѣльных, получааемыхъ путемъ логическаго анализа, элементовъ того же конечнаго содержанiя.

Такъ, вся исторiя обращается въ опредѣленное логическое искусство интерполяцiи промежуточныхъ звеньевъ. Начальная и конечная стадiя историческаго процесса не вызываютъ сомнѣнiй. А если возможны ошибки въ хронологiи промежуточныхъ стадiй, то особаго вниманiя они не возбуждаютъ: къ нимъ относятся примѣрно такъ же, какъ къ ошибкамъ, происходящимъ при вычисленiяхъ съ помощью *partes proportionales* логарифмовъ для чиселъ, не умѣщающихся въ логарифмическихъ таблицахъ. Такъ вычисленные логарифмы всегда бывають ошибочны. Но эти ошибки, заключенныя въ узкiе предѣлы, лишены практическаго влiянiя.

При такомъ подходѣ къ исторiи понятно пренебрежительное отношенiе къ источникамъ; не вызываетъ недоумѣнiя и то, что послѣдующая стадiя оказывается въ источникахъ зафиксированной раньше предыдущей, какъ это случилось съ Бюхеромъ въ его схемѣ исторiи ремесла.¹ Все вниманiе направляется исключительно на продуманность схемы, она не выдастъ.

Если мы теперь, съ этой точки зрѣнiя, попытаемся дать себѣ отчетъ, какаю же схема лежитъ въ самой основѣ теорiи Бюхера, то отвѣтъ на это не можетъ быть сомнительнымъ. Это — схема, по которой мѣновое хозяйство произошло изъ натурального. А эта схема въ свою очередь является неизбѣжнымъ отвѣтомъ на вопросъ, какъ произошло мѣновое хозяйство. Очевидно, что мѣновое хозяйство не могло произойти не изъ чего другаго, какъ изъ немѣноваго, натурального.

¹ См. Vierteljahrsschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte, Bd. V. — Статя G. Below'a.

Можно спорить о томъ, правильно ли приурочивать всю древнюю исторію къ эпохѣ натурального хозяйства, хорошо ли выбраны промежуточные стадіи, но что схема: „натуральное хозяйство—мѣновое“ — истинна, — это, повидимому, не возбуждаетъ сомнѣній. И, однако, я позволю себѣ въ этомъ усомниться, правда, не столько въ истинности самой схемы, сколько въ томъ содержаніи, которое въ эту схему вкладывается.

Постараюсь разъяснить свои сомнѣнія на примѣрѣ.

Можно ли отвѣтить на вопросъ о происхожденіи кровообращенія у человека такъ: раньше кровообращенія не было, и отдѣльные органы вели самостоятельное существованіе (такъ сказать, жили въ натуральномъ хозяйствѣ), а потомъ мало по малу связались кровообращеніемъ.

Несмотря на всю каррикатурность этого примѣра на немъ стоитъ остановиться. Въ чемъ тутъ ошибка? Логически онъ построенъ совершенно такъ же, какъ схема натуральное хозяйство — мѣновое, а вмѣстѣ съ тѣмъ ошибку выяснитъ не трудно. Въ немъ логически расчленяется реально связанное. Нельзя строить схему развитія кровообращенія, предполагая неизмѣнными органы, реально связанные съ этимъ кровообращеніемъ. Можно себѣ представить организмъ, въ которомъ слабо развито кровообращеніе, но этотъ организмъ не будетъ человѣческимъ.

Естественно сомнѣніе, не совершается ли эта же ошибка въ схемѣ натуральное хозяйство—мѣновое. Въ самомъ дѣлѣ, такъ ли легко себѣ представить совокупность рядомъ стоящихъ хозяйствъ, ничѣмъ не связанныхъ другъ съ другомъ. Не предполагаетъ ли само понятіе хозяйство, т. е. понятіе плана, расчета и сравнительной оцѣнки благъ, психологическую естественность ихъ обмѣна. Иными словами, мы можемъ себѣ представить примитивное нерасчлененное социальное цѣлое, гдѣ нѣтъ отдѣльныхъ хозяйственныхъ субъектовъ и гдѣ поэтому нѣтъ связующаго ихъ обмѣна, но реальное представленіе о системѣ отдѣльныхъ, рядомъ стоящихъ хозяйствъ включаетъ и представленіе о ихъ связи путемъ обмѣна; это значитъ, что совокупность отдѣльныхъ хозяйствъ рождается изъ нерасчлененнаго социальнаго цѣлага вмѣстѣ со связующими ихъ нитями. Вотъ какое историческое толкованіе должно быть дано формулѣ происхожденія мѣноваго хозяйства изъ натурального. Натуральное хозяйство не совокупность рядомъ стоящихъ не знающихъ обмѣна хозяйствъ, а добываніе средствъ къ существованію первобытнаго нерасчлененнаго социальнаго цѣлага.

И напрасно думаютъ защитники схемы натуральное хозяйство—мѣновое, что эта схема основана на чистой логикѣ. Отъ чистой логики нѣтъ перехода къ исторической дѣйствительности. И эта кажущаяся несомнѣнной схема на самомъ дѣлѣ основана на опредѣленной социологической концепціи, которую не такъ трудно обнаружить.

Въ самомъ дѣлѣ, картина сосуществующихъ рядомъ другъ съ другомъ отдѣльныхъ хозяйствъ, которыя на опредѣленной ступени своего развитія начинаютъ производить избытки и которымъ приходитъ счастливая мысль обмѣнять эти избытки, не напоминаетъ ли эта картина другую, хорошо извѣстную о бродящихъ въ одиночку по первобытнымъ лѣсамъ людямъ, которымъ приходитъ удачная мысль заключить договоръ союзности и основать государство. Сходство между этими двумя картинами столь разительно, что можно не колеблясь сказать, что теорія натурального хозяйства вышла изъ того же круга

идей и представлений, что и теория договорного происхождения государства. Одиночный „натуральный хозяин“ и одиночный „естественный человек“ — это родные братья. Вот основы той исторической алхимии, которая самодержавно править экономической историей.

* * *

Я пытался выше выяснить неудовлетворительность схемы натуральное хозяйство-мѣновое. При этом я пытался установить, что эта схема является лишь кажущимся неизбежнымъ отвѣтомъ на вопросъ, какъ произошло мѣновое хозяйство. Постараюсь подойти къ этому вопросу еще съ одной стороны.

Признавать ли мнѣние, что на вопросъ, какъ произошло мѣновое хозяйство можно отвѣтить лишь однимъ отвѣтомъ: изъ натурального, — или не признавать, во всякомъ случаѣ, съ точки зрѣнія проблемъ, изученію которыхъ посвящены послѣдующіе очерки, какъ и вообще для историка, этотъ вопросъ играетъ совершенно второстепенную роль, ибо въ корнѣ своемъ онъ относится къ пренсторіи. Съ точки зрѣнія историка важно установить, что какъ бы далеко мы не заходили въ исторически доступное прошлое, мы всегда наталкиваемся на явленія обмѣна, мало того, на явленія денежнаго обмѣна.

Съ другой стороны, существенно отмѣтить, что и самый вопросъ можно поставить иначе. Можно спросить, какъ произошло натуральное хозяйство. И однимъ изъ возможныхъ отвѣтовъ на этотъ вопросъ будетъ: изъ мѣнового; хозяйства, связанныя другъ съ другомъ обмѣномъ, разрываютъ связующія ихъ нити и становятся самостоятельными.

Логически — схемы: натуральное хозяйство-мѣновое и мѣновое хозяйство-натуральное, совершенно равноправны, исторически — вторая во всякомъ случаѣ не менѣ цѣнна, чѣмъ первая.

Въ самомъ дѣлѣ, нельзя сомнѣваться, что большинство примѣровъ, характеризующихъ натуральное хозяйство — помѣстья римскаго магната, дворъ средневѣковаго феодала, — никакъ нельзя признать первичными хозяйственными образованиями, пронесшими черезъ все превратности исторіи древнѣйшую хозяйственную конструкцию; нельзя признать хотя бы потому, что все эти „натуральныя хозяйства“ образуются на глазахъ исторіи и что въ процессѣ ихъ образованія попытка играла не послѣднюю роль.

Мало того, какой бы изъ примѣровъ натурального хозяйства мы не взяли, самой характерной чертой его будетъ не натурально хозяйственная дѣйствительность, но натурально хозяйственныя цѣли хозяйствующаго субъекта. Натуральное хозяйство это хозяйственная программа, которая становится понятной только, какъ стремленіе преодолѣть неудобства мѣнового хозяйства.

И наконецъ, еще одно соображеніе. Даже защитники схемы натурального хозяйства-мѣновое не будутъ отрицать, что съ ихъ точки зрѣнія эта схема изображаетъ опредѣленное движеніе впередъ, развитіе, прогрессъ. Но каковы бы ни были ихъ философскія историческія предпосылки, должны же они считаться съ тѣмъ, что въ исторіи происходитъ не только поступательное движеніе, случается и движеніе назадъ. А по сему и съ ихъ точки зрѣнія рядомъ со схемой натуральное хозяйство-мѣновое, надо поставить схему мѣновое хозяйство-натуральное или, вѣрнѣе, слить двѣ эти схемы въ одну: натуральное-мѣновое-натуральное, и эту схему, естественно, произвольно можно продолжить въ любую сторону.

Получаемый бесконечный ряд по своей формальной конструкции представляет некоторый интерес. Прежде всего в нем нет начального члена. Ряд идет из бесконечности и уходит в бесконечность. Это значит, что снимается вопрос о начале истории, о том, какое хозяйство было на самой заре человеческой культуры. Видеть с тем, всякое натуральное хозяйство является промежуточным звеном между двумя мѣновыми, что дает возможность хорошо объяснить, почему при всѣхъ известныхъ намъ случаяхъ „натурального хозяйства“ всегда существуютъ явленія хозяйства мѣнового.

Самое цѣнное, что есть в этой схемѣ, это то, что в своей относительности она измѣняетъ самыя основы понятія натурального хозяйства. Натуральное хозяйство, будучи заключено между двумя мѣновыми, явно выдѣляется, какъ упадочное.

* * *

Намъ нужно сдѣлать еще одинъ шагъ. В рядѣ . . . натуральное хозяйство-мѣновое-натуральное . . . , образующемъ опредѣленную волнистую линію съ повышениями и пониженіями, никакъ нельзя предполагать абсолютнаго тождества отдѣльных членовъ. Съ другой стороны, — в этомъ рядѣ отдѣльные члены существуютъ не какъ характеристика опредѣленнаго состоянія, но какъ характеристика опредѣленной тенденціи развитія. Это заставляетъ измѣнить термны этого ряда. Мы не можемъ говорить, какъ о чемъ то опредѣленномъ ни о натуральномъ хозяйствѣ, ни о мѣновомъ, но можемъ говорить о тенденціи, о натурализаціи или индустриализаціи хозяйства, и наша волнистая черта приобретаетъ видъ, при которомъ не будетъ возникать даже сомнѣнія, что степень и форма паденій и подъемовъ отнюдь не предрѣшаются и не могутъ быть предрѣшены абстрактной схемой.

* * *

Устанавливаемое различіе можетъ показаться несущественнымъ, а между тѣмъ есть серьезнѣйшія основанія у историка для ея поддержанія. Изъ нихъ важнѣйшее заключается в томъ, что лишь только экономической историкъ доходитъ до понятія натурального хозяйства, какъ ему кажется, что онъ нашелъ формулу, которая все объясняетъ. Устанавливается „естественная“ форма хозяйственныхъ отношеній, снимается и исчезаетъ все искусственное. Самымъ гибельнымъ при этомъ является представленіе, что самый процессъ установленія натурального хозяйства не требуетъ дальнѣйшихъ объясненій. А между тѣмъ процессъ натурализаціи, какъ и процессъ индустриализаціи, есть очень сложный процессъ, который требуетъ самаго тщательнаго изученія. Люди, занятые в промышленности и торговлѣ не могутъ автоматически „сѣсть на землю“ и заняться земледѣіемъ, не можетъ и земледѣіе безъ болѣзненныхъ явленій хозяйственнаго хирѣнія порвать связующія его нити обмѣна. Хозяйственный организмъ борется съ разрывомъ хозяйственныхъ нитей, ибо натурализація — это смерть, а не первобытное благосостояніе, смерть не только в метафорическомъ смыслѣ, смерть организма, распадающагося на свои составныя части, но и в буквальномъ смыслѣ — смерть всѣхъ хозяйствъ, игравшихъ роль хозяйствъ связи.

Бібліографія

А. Н. Закъ. Разверстка государственныхъ долговъ

[Труды русскихъ ученыхъ за границей, издаваемые при русской академической группѣ въ Берлинѣ, подъ редакціей проф. А. И. Каминга: Томъ III. Книгоиздательство „Слово“ Берлинъ 1923 г. Стр. 160.]

Сочиненіе А. Н. Зака посвящено темѣ, которая представляется на первый взглядъ простой и ясной, на самомъ дѣлѣ является весьма сложной и соприкасается съ нѣкоторыми весьма трудными общими вопросами какъ междуна-роднаго права, такъ и политической экономіи и финансовой политики. Обработка этой темы могла быть произведена различными путями, въ различныхъ направленіяхъ и съ разнымъ захватомъ проблемъ, въ нее входящихъ. По характеру обработки трудъ г. Зака является произведеніемъ, всецѣло относящимся къ области финансовой политики и притомъ, главнѣйше, въ одномъ ея аспектѣ, — финансово-технической цѣлесообразности. Главы, трактующія проблему съ точки зрѣнія началъ международнаго права и между-народно-правовой практики, имѣютъ чисто вступительный характеръ и, очевидно, задачей ихъ является лишь установить основныя предпосылки финансово-технической проблемы. Въ этихъ главахъ, озаглавленныхъ „Проблема госу-дарственнаго преемства“ и „Международная практика въ области разверстки государственныхъ долговъ“, авторъ обнаруживаетъ достаточное, на мой взглядъ, для финансиста знакомство съ соответствующей литературой и, главное, съ источниками международнаго права. Частичныя замѣчанія по этой части работы, а также характеристику общихъ приѣмовъ изложенія и въ частности пользования источниками, я дамъ ниже, а сейчасъ перейду къ основной части работы г. Зака, финансово-технической. Финансово-техническая проблема раз-верстки ставится г. Закомъ примѣнительно къ Россіи, какъ она вышла, или выходитъ, или выйдетъ изъ процесса революціи. Необходимо при этомъ под-черкнуть, что авторъ ставитъ и рассматриваетъ эту проблему чисто технически, не разбирая ни политической, ни государственно-правовой ея стороны. Т. е. онъ не задается вопросами ни о предѣлахъ фактической дезинтеграціи Россіи, ни о томъ, въ какой мѣрѣ эта дезинтеграція принимается и можетъ быть принимаема русскимъ правосознаніемъ. Государственное хозяйство Россіи является для автора какъ бы парадигмой возможной технически-раціональной разверстки государственныхъ долговъ. Такую ограниченную постановку во-проса я считаю правильной и не могу не привѣтствовать. Къ сожалѣнію, въ фактахъ совершившейся дезинтеграціи Россіи заключается достаточный

поводъ и обильный матеріалъ для обсужденія проблемы развертки государственныхъ долговъ, но очертить политическіе предѣлы и указать правовой объемъ этихъ процессовъ въ настоящее время было бы и невозможно, и неумѣстно въ научной работѣ. Проблема эта въ виду неустановившагося политическаго status'a какъ Россіи, такъ и большинства тѣхъ политическихъ новообразованій, которыя возникли и существуютъ въ результатъ отнюдь не законченнаго политическаго процесса, можетъ быть плодотворно обсуждаема только подъ финансово-техническимъ угломъ зрѣнія.

Къ финансово-технической проблемѣ развертки авторъ подходитъ послѣ краткаго, но интереснаго и содержательнаго обсуждения „финансоваго значенія отошедшихъ отъ Россіи территорій“. Глава эта устанавливаетъ въ общихъ чертахъ финансовое значеніе тѣхъ областей, которыя отдѣлились отъ Россіи, давая для разъясненія этого вопроса производящія впечатлѣніе иллюстраціи и справедливо указывая на полную невозможность точнаго опредѣленія въ этомъ отношеніи status'a 1922 г.

Главы IV, V, VI всѣ посвящены основной темѣ работы—финансово-технической проблемѣ развертки на примѣрѣ Россіи. Проблема субъектовъ развертки обсуждается весьма бѣгло и это вполне правильно въ работѣ, которая оставлять въ сторонѣ политической и государственно-правовой ея аспектъ. Темъ не менѣе, авторъ совершенно правильно, вслѣдъ за С. Ф. Веберомъ, отмѣчаетъ и устанавливаетъ, что своеобразный формальный характеръ финансовыхъ отношеній между Имперіей и Финляндіей отнюдь не исключаетъ необходимость признанія Финляндіи участницей русскаго государственнаго долга въ долѣ, опредѣляемой тратами на нужды государственной обороны. По вопросу объ объектѣ развертки авторъ даетъ собственную конструкцію, вытекающуюся въ цѣлую классификацію ихъ.

Основнымъ дѣленіемъ ихъ является дѣленіе на долги во 1-хъ финансовые и во 2-хъ административные. Дѣленіе это можетъ, на мой взглядъ, вызывать серьезныя возраженія съ точки зрѣнія государственнаго и административнаго права¹, но съ точки зрѣнія финансовой техники его нельзя не признать удачнымъ и плодотворнымъ. Какъ правильно указываетъ авторъ, „раздѣленіе всѣхъ долговъ Россіи на финансовые и административные практически имѣетъ значеніе, прежде всего, въ томъ отношеніи, что, въ противоположность административнымъ долгамъ, совершенно (совершенно-ли? П. С.) не опредѣленнымъ въ своихъ размѣрахъ и содержаніи, долги финансовые учтены сравнительно болѣе или менѣе точно“. Далѣе авторъ правильно полагаетъ, что среди финансовыхъ долговъ подлежатъ особому трактованію долги, обладающіе, кромѣ общаго обезпеченія веѣмъ государственнымъ достояніемъ, также особымъ специальнымъ обезпеченіемъ, и потому возражаетъ противъ объединенія въ общую группу специальныхъ займовъ, по признаку назначенія, обязательствъ, имѣющихъ специальное обезпеченіе и не имѣющихъ такового. Разсужденія, посвященныя этому пункту, весьма интересны и практически важны. Установивъ это общее положеніе, авторъ переходитъ къ разсмотрѣнію вопроса о разверткѣ государственныхъ долговъ со специальнымъ обезпеченіемъ, устанавливая, что въ частности развертка ипотечныхъ государственныхъ дол-

¹ Въ административномъ правѣ, впрочемъ, этому дѣленію соответствуетъ раздѣленіе *res-publicae* на *Finanzvermögen* и *Verwaltungsvermögen*. Ср. Herrnritt, *Grundlehren des Verwaltungsrechtes*. Tübingen 1921, S. 377—379.

говъ несамостоятельна, или производна (derivativna): она зависитъ отъ наличия на территоріи новаго государства земель и имущества, ипотечно обеспечивающихъ соответственныя долги; лишь гдѣ и поскольку имѣются такія земли и имущества, лишь тамъ и постольку новыя государства участвуютъ въ несеніи соответствующей части долга. Вслѣдъ за этимъ авторъ останавливается на вопросахъ о „разверсткѣ бумажныхъ денегъ“, схемѣ разверстки долговъ по государственному банку и по государственнымъ сберегательнымъ кассамъ и долговъ по гарантіямъ. По вопросу о разверсткѣ бумажныхъ денегъ авторъ приводитъ интересную историческую справку, свидѣтельствующую объ его начитанности. Нельзя не отмѣтить, что технически и практически можетъ существовать проблема „разверстки бумажныхъ денегъ“, но теоретически, ни съ точки зрѣнія политической экономіи, ни съ точки зрѣнія публичнаго права, „бумажныя деньги“ не могутъ быть трактуемы какъ государственный долгъ. И именно на примѣрѣ бумажныхъ денегъ можно и необходимо было иллюстрировать технической характеръ самой проблемы „разверстки“, чего авторъ, къ сожалѣнію, не сдѣлалъ.

Глава V-я посвящена разсмотрѣнію вопроса о масштабѣ разверстки. Авторъ тутъ разбираетъ прежде всего разверстку на основаніи учета, во 1-хъ, цѣнности и доходности отходящей территоріи и, во 2-хъ, расходовъ (капитальныхъ тратъ и текущихъ расходовъ) на отходящую территорію, разсматривая эти масштабы подъ сокращенными наименованіями, ненужнымъ образомъ заимствуемыми изъ цивилистической терминологіи: *lucrum cessans* и *damnum emergens*. Употребленіе этихъ цивильно-правовыхъ терминовъ имѣетъ въ данномъ случаѣ чисто словесное значеніе и по существу, конечно, не выясняетъ проблемы. Масштабъ *damnum emergens* въ этомъ условномъ смыслѣ авторъ справедливо отвергаетъ. Противъ масштаба *lucrum cessans* онъ не имѣетъ принципиальныхъ возраженій, но не считаетъ его практически удовлетворительнымъ. Нельзя не признать соображеній автора и его выводы правильными. Но выводъ не доказанъ. Между тѣмъ этотъ пунктъ съ точки зрѣнія финансовой науки заслуживалъ бы большаго развитія и долженъ былъ бы быть поставленъ въ связь съ соображеніями не только чисто технического, но и финансово-экономическаго свойства. Явленіе переложенія налоговъ вообще лишаетъ критерій налоговой доходности территоріи той соблазнительной экономической ясности и обоснованности, которую онъ представляетъ на первый взглядъ. Кромѣ того, критическое сопоставленіе „масштабовъ“ населенія и налоговой доходности могло бы дать интересные выводы. Отмѣчая критерій расходнаго начала и критерій цѣнности-доходности и отвергая въ немногихъ словахъ критерій территоріально-геометрической, авторъ переходитъ къ критерию населенія и высказывается за него. Мнѣ представляется этотъ выводъ не только правильнымъ, но и единственно логичнымъ. При этомъ авторъ приводитъ и разбираетъ чудовищныя домогательства независимой (Германской) Украины, адресованныя Сов. Россіи, курьезный примѣръ нелѣпости, не лишенный извѣстнаго показательнаго значенія. Далѣе авторъ занимается вопросомъ о масштабѣ разверстки долговъ, имѣющихъ специальное обезпеченіе.

При разсмотрѣніи административныхъ долговъ авторъ всецѣло слѣдуетъ С. Ф. Веберу (ср., однако, любопытное примѣчаніе на стр. 111). Такое воспроизведеніе выводовъ Вебера, конечно, недостаточно. Автору слѣдовало бы привлечь другой имѣющийся и достаточно обильный матеріалъ. Послѣд-

няя глава (VI-ая) рассматривает способы разверстки, устанавливая четыре их основных типа: во 1-хъ, реальную систему; во 2-хъ, контрибутивную систему; въ 3-хъ, систему эквализационныхъ займовъ; въ 4-хъ, систему единого долга. Охарактеризовавъ въ общей формѣ эти системы, авторъ останавливается на ограниченіи отвѣтственности по разверстанному долгу, справедливо (и по юридическимъ, и по практическимъ основаніямъ) отвергая такое ограниченіе, и засимъ переходитъ къ болѣе подробному разсмотрѣнію, съ технической точки зрѣнія, контрибутивной и реальной системы въ ея сочетаніи съ системой эквализационныхъ займовъ. Эти страницы являются одними изъ наиболее насыщенныхъ содержаніемъ и обильными интересными критическими замѣчаніями, при чемъ, однако, приходится пожалѣть, что методъ изложенія автора обнаруживаетъ и тутъ тѣ крупные пороки и недостатки, на которыхъ я остановлюсь дальше. Разсмотрѣніе контрибутивной системы начинается съ интересной исторической справки, которая, однако, къ существу вопроса о разверсткѣ долговъ не имѣетъ отношенія (уплата Голландіей и Англіей части русскаго голландскаго долга). Тутъ поучительна только форма; существо же дѣла къ проблемѣ разверстки долговъ не имѣетъ никакого отношенія. Другіе примѣры, приводимые авторомъ, имѣютъ отношеніе къ существу дѣла. Авторъ правильно считаетъ контрибутивную систему нецѣлесообразной и нежелательной.

Разборъ реальной системы ведется на примѣръ Сень-Жерменскаго договора, въ которомъ эта система сочетается съ системой эквализационныхъ займовъ. Авторъ находитъ методъ Сень-Жерменскаго и Трианонскаго договоровъ неудовлетворительнымъ и трудно проводимымъ въ жизнь. Къ критикѣ разверстки долговъ присоединяется критика разверстки бумажныхъ денегъ. Система эквализационныхъ облигационныхъ займовъ освѣщается на основѣ „репараціонныхъ“ постановленій Лондонскаго протокола 6-го мая 1921 г. Формальная аналогія эта правильна, но авторъ недостаточно подчеркиваетъ, что облигации, о которыхъ идетъ рѣчь въ протоколѣ, для своего реального бытія въ качествѣ облигаций, предполагаютъ — съ точки зрѣнія государствъ-кредиторовъ, заключеніе займа Германіей, т. е. предоставленіе ей какихъ-то суммъ какими-то заимодавцами; „созданіе облигаций“ Германскимъ правительствомъ на основаніи Лондонскаго протокола не есть выпускъ займа, а лишь обязательство заключить заемъ. Теоретически это есть „мобилизація контрибуціоннаго долга Германіи“, но только — теоретически. Замѣчанія эти, впрочемъ, имѣютъ значеніе съ точки зрѣнія реальной обстановки германскихъ репарацій, а не съ точки зрѣнія формы, которая только одна интересуетъ автора. Но авторъ долженъ былъ самъ указать это, иначе читатель, неосвѣдомленный о реальномъ смыслѣ Лондонскаго протокола, можетъ впасть въ недоразумѣніе.

Въ заключеніе авторъ дѣлаетъ замѣчанія о проблемѣ отвѣтственности по долгу, замѣчанія правильныя, но слишкомъ сжато изложенныя, и въ табличной формѣ резюмируетъ всѣ свои разсужденія о проблемѣ разверстки долговъ Россіи.

Въ общемъ, книга написана небрежно. Это сказывается на каждомъ шагу. Небрежности автора могутъ быть сведены къ слѣдующимъ основнымъ чертамъ:

Во 1-хъ онъ злоупотребляетъ дословнымъ цитированіемъ кусковъ или отрывковъ изъ первоисточниковъ и даже пособій. Отсюда получается вѣрнымъ образомъ невозведеніе къ общимъ положеніямъ богатаго матеріала, которымъ располагаетъ авторъ.

Во 2-хъ, цитируя дословно первоисточники, онъ дѣлаетъ это весьма небрежно.

Въ 3-хъ нѣкоторыя мысли и положенія формулированы весьма неясно.

Въ 4-хъ, въ изложеніи автора недостаточно подчеркнута, и онъ, повидимому, самъ недостаточно сознаетъ, что его сочиненіе есть работа лишь по финансовой политикѣ и, что чисто юридическое содержаніе ея, какъ таковое, недостаточно.

Все это тѣмъ болѣе досадно, что несмотря на указанные недостатки работы г. Зака, я не могу не подчеркнуть, что это — недостатки небрежности, а не незнанія или недостаточной научной квалификаціи. Читая книгу г. Зака, я испытывалъ досаду именно въ силу этого сознанія. У автора много знаній и есть непосредственная интуиція финансовыхъ отношеній и проблемъ. Какъ финансистъ, онъ владѣетъ тѣмъ финансово-политическимъ матеріаломъ, который былъ въ его рукахъ и который онъ легко могъ бы и долженъ былъ бы расширить въ разныхъ направленіяхъ.

Такимъ образомъ, несмотря на несомнѣнно присущіе работѣ г. Зака существенные недостатки исполненія, авторъ обнаруживаетъ въ ней знаніе источниковъ, самостоятельную работу мысли и даль трудъ, хотя и неполный и во многомъ несовершенный, но весьма содержательный, съ матеріаломъ и выводами котораго должны будутъ такъ или иначе считаться будущіе авторы какъ монографическихъ, такъ и сводныхъ трудовъ.

Петръ Струве.

Отчетъ о первомъ Създѣ Академическихъ Организаций въ Прагѣ

(10—17 Октября 1921 года)

И

замѣтка о дѣятельности Правленія Създа

(по 1-ое іюня 1922 года)

I. Историческая справка о созывѣ Създа

„Никогда, ни при какомъ режимѣ, ни въ другой какой-либо странѣ, ни въ самой Россіи люди умственного труда вообще и академическіе ученые въ частности, не были поставлены въ такое матеріально тяжелое и морально невыносимое положеніе, какъ при совѣтскомъ режимѣ.“ Въ этихъ словахъ Създъ Русскихъ Академическихъ Организаций за-границей охарактеризовалъ въ особомъ обращеніи „къ ученымъ всѣхъ странъ и ко всему цивилизованному міру“ положеніе русскихъ ученыхъ въ Совѣтской Россіи. Именно это, невиданное въ исторіи положеніе заставило и до сихъ поръ заставляеть дѣятелей русской науки оставлять Родину и искать внѣ ея предѣловъ возможности продолжать свою работу въ достойныхъ человѣческихъ условияхъ. Пройдя невѣроятныя лишенія и потерявъ рѣшительно все, русскіе ученые осѣли во всѣхъ странахъ міра. Очень скоро въ разныхъ центрахъ возникли Академическія Группы, поставившія своею цѣлью моральную и матеріальную взаимопомощь, содѣйствіе развитію русской науки за-границей и помощь русской учащейся молодежи, дѣлившей съ учеными всѣ невзгоды эмиграціи. Раньше всего возникли и проявили наиболѣе активную дѣятельность Академическія группы въ Великобританіи, во Франціи и Общество Русскихъ Ученыхъ въ Королевствѣ С. Х. С. Созданіе Группъ вызывалось самой жизнью, и независимо другъ отъ друга группы создавались вездѣ, гдѣ была наличность извѣстнаго количества русскихъ ученыхъ. Такъ, кромѣ упомянутыхъ, группы возникли: въ Германіи, Турціи, Эстоніи, Польшѣ, Латвіи, Финляндіи, Швеціи, Швейцаріи и Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ. Отдѣльныя Группы вступали между собой въ общеніе по разнообразнымъ вопросамъ, и вскорѣ жизнь выдвинула необходимость организованнаго общенія отдѣльныхъ группъ и единаго представительства русской науки за-границей. Такъ возникла идея Създа.

Уже въ началѣ іюня 1921 года оказавшіеся въ Парижѣ представители Великобританской Группы, въ средѣ которой ранѣе всего возникла идея

съезда, и Общество Русских Ученыхъ въ Королевствѣ С. Х. С. совмѣстно съ членами бюро Парижской Группы образовали особую Комиссію по вопросу о созывѣ съезда и приняли въ ней рядъ рѣшеній, послужившихъ основаніемъ для всей дальнѣйшей работы по организациіи съезда. Въ засѣданіи Парижской Группы, 11-го іюня, было признано необходимымъ созвать въ ближайшее время Съездъ, при чемъ задачи его были опредѣлены слѣдующимъ образомъ: „Задачами Съезда признать обезужденіе вопросовъ жизни и дѣятельности русскихъ академическихъ группъ за-границей, касающихся сторонъ научной и педагогической, а также связанныхъ съ организацией группъ.“ Въ томъ же засѣданіи была избрана Организационная Комиссія по проведенію въ жизнь идеи Съезда, въ составѣ профессоръ А. Н. Андиферова, Ю. В. Ключникова и Н. М. Могиланскаго. Мѣстомъ Съезда было рѣшено избрать городъ Прагу. Воспользовавшись присутствіемъ въ Парижѣ Министра Иностранныхъ Дѣлъ Чехословацкой Республики Д-ра Бенеша, организационная Комиссія обратилась къ нему съ личнымъ ходатайствомъ о разрѣшеніи перваго Съезда въ Прагѣ. Это ходатайство было встрѣчено Министромъ весьма благосклонно. Принимая представителей Комитета, профессоръ А. Н. Андиферова и Н. М. Могиланскаго, Министръ подчеркнул „что онъ не только въ качествѣ лица, облеченнаго властью, но и какъ лицо, принадлежащее къ академической средѣ, привѣтствуетъ идею Съезда и считаетъ его осуществленіе важнымъ элементомъ для духовнаго сближенія обоихъ славянскихъ народовъ и ихъ культуръ“. Въ связи съ избраннымъ мѣстомъ для Съезда, Комитетъ обратился къ живущимъ въ Прагѣ заслуженнымъ дѣятелямъ русской науки, проф. А. С. Ломшакову и проф. Н. В. Ястребову, съ просьбою принять участіе въ подготовкѣ Съезда. По полученіи ихъ согласія они были избраны членами организационнаго Комитета. Осенью членъ Комитета проф. А. Н. Андиферовъ былъ командированъ въ Прагу и съ 13-го сентября организационный Комитетъ въ составѣ проф. А. Н. Андиферова, А. С. Ломшакова и Н. В. Ястребова открылъ свою дѣятельность въ Прагѣ. Въ повседневной работѣ Комитета весьма дѣятельную и существенную помощь оказали проф. В. А. Францевъ, проф. Е. В. Спекторскій, проф. В. Д. Вареновъ и А. И. Глазуновъ, которые и были включены Комитетомъ въ его составъ на правахъ членовъ.

Мысль о созывѣ Съезда встрѣтила живѣйшее сочувствіе среди дѣятелей науки въ Чехословакии, и уже къ началу дѣятельности организационнаго Комитета выяснилось, что Пражскій Карловъ Университетъ принимаетъ съездъ подъ свое покровительство, о чемъ и состоялось специальное постановленіе Университетскаго Сената. Съ чувствомъ глубокой признательности было принято это почетное для русскихъ академическихъ дѣятелей покровительство, и въ связи съ этимъ организационный Комитетъ совмѣстно съ Ректоратомъ Карлова университета образовалъ почетный Комитетъ Съезда, въ который были приглашены, кромѣ сената университета, рядъ чешскихъ ученыхъ и видныхъ общественныхъ дѣятелей. Со стороны правительственныхъ круговъ, Пражскаго городского управленія и ряда общественныхъ учреждений Комитетъ встрѣтилъ вполне благожелательное отношеніе, значительно облегчившее его работы. Организационный Комитетъ успѣшно выполнилъ свою задачу и въ результатъ своихъ работъ представилъ на одобреніе Съезда „Наказъ Съезду Русскихъ Академическихъ группъ въ Прагѣ“ и „Программу Съезда“. Днемъ открытія Съезда было назначено 10-ое октября 1921 года.

II. Замѣтка о работахъ Съѣзда

На Съѣздъ прислали своихъ представителей почти всѣ академическія организациі, образовавшіяся къ тому времени. Были представлены: академическія группы Великобританіи, Болгаріи, Германіи, Латвіи, Королевства С. Х. С. (Общество Русскихъ Ученыхъ въ Королевствѣ С. Х. С.), Польши, Турціи, Франціи и Эстоніи. Въ Чехословацкой Республикѣ академическая группа не оформила своего существованія и представители русской науки въ Чехіи приняли участіе на Съѣздѣ въ качествѣ членовъ организационнаго Комитета. Не могли прислать своихъ представителей академическія группы Северо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, Финляндіи, Швейцаріи, Швеціи и вторая академическая группа въ Бѣлградѣ. Составъ Съѣзда въ окончательномъ видѣ опредѣлился слѣдующій: В. И. Исаевъ, В. Г. Коренчевскій (Великобританія), кн. Н. С. Трубецкой (Болгарія), А. И. Каминка, П. И. Новгородцевъ (Германія; третій делегатъ проф. А. С. Яценко не прибылъ), Д. Н. Вергунъ (Латвія), Ал. Д. Билимовичъ, Анг. Д. Билимовичъ, А. П. Доброклонскій, Т. В. Локоть, В. Н. Сиротининъ, Е. В. Спекторскій, В. В. Фармаковскій, М. Н. Ясинскій (Общество Русскихъ Ученыхъ въ Королевствѣ С. Х. С.), А. Л. Бемъ (Польша), А. И. Глазуновъ (Турція; Н. Н. Алексѣевъ, С. К. Гогель и А. А. Кошоловъ не могли прибыть изъ Константинополя къ Съѣзду вслѣдствіе желѣзнодорожной забастовки), П. П. Гронскій, Ю. В. Ключниковъ, С. И. Метальниковъ, Н. М. Могиланскій (Франція), А. Я. Поппень (Эстонія), А. Н. Анциферовъ, В. Д. Вареновъ, А. С. Ломпаковъ, В. А. Францевъ, Н. В. Ястребовъ (члены организационнаго Комитета), Е. В. Аничковъ и академикъ П. Б. Струве (по особому постановленію Съѣзда). Кромѣ того, съ правомъ совѣтательнаго голоса въ Съѣздѣ приняли участіе А. Т. Васильевъ, А. А. Вилковъ, У. Д. Жилиевъ, Л. И. Кениновъ, К. Г. Шиндлеръ и Ф. А. Щербина. Съѣздъ представлялъ собою свыше 400 русскихъ ученыхъ, разбросанныхъ въ цѣломъ мірѣ.

Открытіе Съѣзда состоялось при торжественной обстановкѣ 10-го октября, въ присутствіи представителей Правительства Чехословацкой Республики въ лицѣ Министра Иностранныхъ Дѣлъ Д-ра Гирса, многочисленныхъ представителей чешской науки и общественныхъ учреждений и приглашенныхъ гостей. Съѣздъ былъ открытъ привѣтственнымъ словомъ Ректора Карлова Университета, проф. Немець. Послѣ избранія президіума въ составѣ: Предсѣдателя проф. А. С. Ломпакова, товарищей предсѣдателя проф. А. Н. Сиротинина и Н. В. Ястребова и секретаря В. И. Исаева, былъ заслушанъ рядъ чрезвычайно задумчивыхъ привѣтствій отъ имени чешскихъ и русскихъ научныхъ и общественныхъ учреждений и организацій.

На первомъ засѣданіи было послано привѣтствіе и признательность правительствамъ и университетамъ тѣхъ странъ, гдѣ русскіе ученые и студенты встрѣтили радушный пріемъ и помощь, а именно Королевству С. Х. С., Болгаріи и Франціи. Въ особомъ обращеніи Съѣздъ послалъ „черезъ большевистскій кордонъ свой горячій привѣтъ труженикамъ русской науки и борцамъ за лучшее будущее Россіи“. Этимъ актомъ русскіе ученые въ эмиграціи подчеркнули свою связь съ оставшимися въ Россіи русскими учеными и въ слѣдующихъ словахъ выявили свое отношеніе къ ихъ положенію: „Ученые и преподаватели русской высшей школы, рискуя жизнью, хранятъ священный огонь истиннаго научнаго изслѣдованія и научнаго творчества, и придетъ тотъ

день, когда Россія, разорвавъ цѣпи большевистскаго рабства, вернется къ нормальнымъ условіямъ культурной жизни и обезпечитъ свободу академическаго преподаванія и научнаго творчества“. Въ концѣ перваго засѣданія собравшіеся почтили вставаніемъ память погибшихъ русскихъ ученыхъ, послѣ чего состоялась панихида по всѣмъ погибшимъ, въ церкви Св. Николая. Въ дѣлахъ Съѣзда сохранился списокъ погибшихъ 84-хъ дѣятелей русской науки.

Президіумъ Съѣзда, въ связи съ измѣненіемъ состава участниковъ вслѣдствіе прибитія новыхъ членовъ, былъ переизбранъ во второмъ засѣданіи и окончательно опредѣлился въ слѣдующемъ составѣ: председатель проф. А. С. Ломшаковъ, товарищи председателя: проф. А. Н. Анциферовъ, В. А. Сиротининъ и Н. В. Ястребовъ, секретари В. И. Исаевъ и А. Л. Бемъ.

Дѣловая работа Съѣзда въ подготовительной стадіи протекала въ Комиссіяхъ, и ея результаты послѣ тщательнаго разсмотрѣнія и переработки вылились въ рядъ существенныхъ для русской науки за-границей постановленій Съѣзда.

Исходя изъ программы, были образованы слѣдующія комиссіи: 1) по организаціоннымъ вопросамъ (п. п. 2—6 и 13 Программы) подъ предѣлительствомъ проф. А. И. Каминки, 2) по вопросамъ о положеніи русской науки и ученыхъ за-границей (п. п. 5 первая половина, 7 и 8 Программы) подъ предѣлительствомъ академика П. Б. Струве. 3) по вопросамъ о положеніи науки и ученыхъ въ Россіи (п. п. 10—12) подъ предѣлительствомъ проф. С. И. Металликова и 4) по вопросу о положеніи русской учащейся молодежи за-границей (п. п. 9 и 14) подъ предѣлительствомъ проф. Ал. Д. Билимовича. Результаты этихъ работъ послѣ разсмотрѣнія проектовъ Комиссіи общими собраніями выразились въ главныхъ чертахъ въ слѣдующемъ.

1) По организаціоннымъ вопросамъ.

Выработанъ уставъ Союза Русскихъ Академическихъ Организаций за-границей, на основаніи котораго нынѣ дѣйствуетъ центральный органъ Академическихъ Организаций въ Прагѣ (см. прил. № 2). Принятіемъ этого устава Съѣздъ создалъ единое представительство русскихъ ученыхъ за-границей съ его верховнымъ органомъ Съѣздомъ, созываемымъ разъ въ годъ, и исполнительнымъ органомъ — Правленіемъ, избираемымъ на годъ Съѣздомъ.

2) По вопросамъ о положеніи русской науки и русскихъ ученыхъ за-границей.

Выработаны общія положенія объ испытаніяхъ на степень магистра и защиты диссертаций на степень магистра и доктора. Въ основу этихъ положеній положено присвоеніе отдѣльнымъ академическимъ группамъ, имѣющимъ достаточно квалифицированный составъ, правъ факультетовъ въ отношеніи къ производству магистерскихъ экзаменовъ и допущенія аспирантовъ къ защитѣ магистерскихъ и докторскихъ диссертаций. Защита диссертаций приурочивается къ Съѣзду Академическихъ Организаций и производится публично при участіи лицъ, на основаніи отзыва которыхъ диссертация была допущена къ защитѣ.

Принятіемъ этихъ основныхъ положеній, Съѣздъ обезпечилъ преемственную связь однихъ ученыхъ поколѣній съ другими и намѣтилъ практическій путь пополненія молодыми силами все рѣдѣющую русскую ученую среду, блюды при этомъ русскія академическія традиціи.

3) По вопросу о положеніи науки и ученыхъ въ Россіи.

Съѣздъ заслушалъ подробный докладъ проф. А. Я. Поппена, на основаніи личныхъ впечатлѣній: „О состояніи высшей школы въ Россіи (къ марту мѣсяцу 1921 года)“.

По предложенію комиссіи было постановлено содѣйствовать организаціи, при посредствѣ мѣстныхъ академическихъ группъ, обществъ помощи русскимъ ученымъ во всѣхъ европейскихъ центрахъ, обратиться къ Лигѣ Націй и Комитету Гувера съ запиской о предоставленіи средствъ и кредитовъ на дѣло помощи русскимъ ученымъ, отправить особую делегацію въ Америку для пропаганды идеи помощи русскимъ ученымъ и высшимъ учебнымъ заведеніямъ и цѣлый рядъ другихъ мѣръ. Представителемъ Съѣзда, по организаціи въ Америкѣ дѣла помощи русскимъ ученымъ въ Россіи, былъ избранъ проф. А. С. Ломшаковъ.

4) По вопросу о положеніи русской учащейся молодежи за границей.

Въ связи съ работами Комиссіи по этому вопросу, Съѣздомъ былъ заслушанъ докладъ проф. А. С. Ломшакова: „О русскомъ студенчествѣ, оказавшемся за-границей“. Уже ко времени открытія Съѣзда, вопросъ о помощи студентамъ въ Чехословацкой Республикѣ принялъ вполне конкретныя формы.

Острѣе всего вопросъ о судьбѣ студентовъ стоялъ въ Константинополѣ. Мѣстный студенческий союзъ обратился за содѣйствіемъ къ русскимъ общественнымъ и академическимъ кругамъ, прося о матеріальной поддержкѣ студентамъ и о содѣйствіи въ удовлетвореніи ихъ духовныхъ нуждъ.

Такая поддержка была студентамъ оказана при дѣятельномъ участіи Главнаго Комитета В. Союза Городовъ въ лицѣ его Предсѣдателя П. П. Юренина и заслуженной дѣятельницы русскаго просвѣщенія А. В. Жекулиной, а также члена Главнаго Комитета В. Земскаго Союза Г. П. Шпилевого. Подъ предсѣдательствомъ послѣдняго была образована особая Комиссія, на которую было возложено общее попеченіе о студенческомъ дѣлѣ. Въ Константинополѣ для студентовъ было устроено общежитіе и въ широкомъ масштабѣ налажено питаніе, при содѣйствіи американскихъ общественныхъ учреждений. А. В. Жекулина, со свойственной ей энергіей, приняла мѣры къ тому, чтобы обратить вниманіе широкихъ общественныхъ круговъ на положеніе русскихъ студентовъ въ Турціи и на важность задачи сохраненія въ ихъ лицѣ будущихъ культурныхъ дѣятелей Россіи. Академическіе дѣятели также приняли близко къ сердцу интересы русскаго студенчества и дѣятельно участвовали въ организаціи ряда лекцій по общественно-экономическимъ наукамъ. Въ вышеназванной Комиссіи обсуждался вопросъ объ учрежденіи въ Константинополѣ русскаго Университета съ факультетами юридическимъ и экономическимъ. Что касается отдѣленій техническихъ, агрономическихъ и т. д., то векорѣ выяснилась полнѣйшая невозможность устройства въ Константинополѣ, не говоря уже объ общихъ условіяхъ жизни въ немъ, мало мальски удовлетворительныхъ занятій со студентами этихъ специальностей. Проф. А. А. Копыловъ, на котораго было возложено ближайшее попеченіе объ этихъ студентахъ, выдвинулъ вопросъ о размѣщеніи русскихъ студентовъ въ высшія заграничныя школы, по преимуществу въ славянскихъ странахъ, и о содѣйствіи въ этомъ отношеніи студентамъ, путемъ обращенія къ заграничнымъ общественнымъ кругамъ черезъ посредство русскихъ академическихъ дѣятелей. Во исполненіе этой мысли, проф. А. А. Копыловъ обратился къ цѣлому ряду лицъ съ

соображеніями о необходимости добиваться пріема русскихъ студентовъ техникувъ въ высшія техническія школы. Въ Чехословацкой Республикѣ мысль эта была встрѣчена благопріятно и благодаря энергіи проф. А. С. Ломшакова, поддержанной Союзомъ русскихъ инженеровъ, а также академическими дѣятелями, жившими въ то время въ Прагѣ, судьбой русскаго студенчества, очутившагося въ Турціи, удалось заинтересовать чешскіе академическіе, общественные и промышленные круги. Чехословацкое Правительство и въ этомъ вопросѣ проявило чрезвычайную отзывчивость, и вскорѣ выяснилась возможность размѣщенія въ Чехіи около тысячи русскихъ студентовъ, притомъ не только въ техническія школы, но и въ университеты. Для проведенія въ жизнь этого плана, по мысли проф. А. С. Ломшакова, былъ образованъ спеціальный „Комитетъ по обезпеченію образованія русскихъ студентовъ въ Ч. С. Р.“, въ составъ котораго вошли, по преимуществу, чешскіе политическіе, общественные и промышленные дѣятели. Правительствомъ же Республики были ассигнованы значительныя денежныя средства для выдачи студентамъ стипендій. При Комитетѣ была образована „Автономная Учебная Коллегія“, на которую было возложено „попеченіе объ образовательныхъ нуждахъ русскихъ студентовъ“. Учебная Коллегія составила изъ русскихъ профессоровъ и молодыхъ ученыхъ, на основаніи „Положенія объ оказаніи помощи русскимъ ученымъ“, избираемыхъ на такъ называемыя „вольныя вакансіи“, предоставляемыя Чехословацкимъ Правительствомъ русскимъ академическимъ дѣятелямъ для продолженія ихъ научной и учебной дѣятельности. Въ Константинополѣ тѣмъ временемъ Академическая Группа, во главѣ съ проф. В. А. Юревичемъ, повела энергичную работу по провѣркѣ академическихъ правъ студентовъ и отправкѣ ихъ въ Чехословакію.

Такимъ образомъ, Комиссія имѣла передъ собою уже вполне оформившееся дѣло реальной помощи болѣе, чѣмъ тысячѣ русскихъ студентовъ, и вопросъ о сохраненіи въ лицѣ студенчества будущихъ культурныхъ дѣятелей Россіи былъ поставленъ на широкое и прочное основаніе. Русскіе Академическіе круги въ эмиграціи могутъ съ гордостью констатировать, что дѣло это сдѣлано по ихъ почину и при ихъ ближайшемъ участіи, наряду съ другими общественными учрежденіями, какъ русскими, такъ и иностранными, въ особенности американскими.

Должно отмѣтить выдающіяся заслуги въ этомъ направленіи организованнаго студенчества, въ частности Константинопольскаго Союза русскихъ студентовъ, сумѣвшаго, при самыхъ тяжелыхъ матеріальныхъ и моральныхъ условіяхъ, объединить вокругъ себя студентовъ и выдвинуть при этихъ условіяхъ мысль о необходимости, во чтобы то ни стало, добиваться завершения своего образованія. Организанія студенчества въ союзы широко уже охватила ряды студентовъ, и въ Прагѣ по окончаніи академическаго Съѣзда имѣлъ мѣсто первый Съѣздъ Русскаго эмигрантскаго студенчества, которому Съѣздъ профессоровъ послалъ свое привѣтствіе.

По предложенію Комиссіи Съѣздъ принялъ рядъ рѣшеній, касающихся высшей, средней и низшей школы: о порядкѣ регистраціи русскихъ студентовъ за-границей, о провѣркѣ правъ на поступленіе въ высшія учебныя заведенія, объ установленіи подлинности документовъ, о расширеніи помощи студентамъ

и въ другихъ странахъ. Особенное вниманіе было Съездомъ удѣлено вопросу о желательности учрежденія Педагогическаго Института въ Прагѣ, необходимость котораго была признана крайне настоятельной. Съездъ заслушалъ по этому вопросу докладную записку С. И. Маракуева, представленную черезъ Парижскую группу, и поручилъ Правленію изыскать пути къ проведенію въ жизнь учрежденія Института. По вопросу о русской школѣ Съездъ призналъ „желательнымъ, въ цѣляхъ сохраненія русской культуры и русскаго просвѣщенія, въ государствахъ, возникшихъ на территоріи б. Россійской Имперіи, созданіе особыхъ школьныхъ организацій, способствующихъ открытію на территоріи названныхъ государствъ низшихъ и среднихъ школъ для русскаго населенія“.

Въ общихъ собраніяхъ Съезда были заслушаны подробные доклады делегатовъ о положеніи русскихъ ученыхъ и учащихся на мѣстахъ и, такимъ образомъ, была возможность получить полную картину жизни русскихъ ученыхъ и студентовъ въ эмиграціи. Кроме того были заслушаны доклады: Н. М. Могилянскаго „Интернаціональныя учрежденія въ Бельгій“ и „Международный Конгрессъ Труда въ Брюсселѣ“, и докладъ проф. Е. В. Аничкова „О Библиографическомъ Институтѣ при Palais Mondial въ Брюсселѣ“. Въ связи съ этими докладами, была избрана комиссія для постоянныхъ сношеній съ Бельгійскимъ Международнымъ Институтомъ, Университетомъ и Библиографическимъ Институтомъ, для представительства въ этихъ учрежденіяхъ, устройства лекцій русскими лекторами, организаціи русскихъ отдѣловъ въ Музеѣ и Институтѣ и т. п. Въ Комиссію вошли академикъ П. Б. Струве, проф. А. Н. Андиферовъ, Н. М. Могилянской и кандидатомъ къ нимъ проф. Е. В. Аничковъ.

Дѣловая часть Съезда закончилась избраніемъ центрального органа русскихъ Академическихъ Организацій — Правленія Союза. Составъ его опредѣлился, на ближайшій годъ, слѣдующій: Предсѣдатель—проф. А. С. Ломшаковъ, товарищи Предсѣдателя—проф. В. А. Францевъ и проф. А. А. Кошпыловъ, секретарь—проф. В. Д. Вареновъ, казначей проф. А. А. Вилковъ. Мѣстомъ постоянного пребыванія единогласно избрана Прага.

Заключительное собраніе Съезда, 17-го октября, состоялось въ присутствіи Предсѣдателя Совѣта Министровъ Чехословацкой Республики Доктора Бенеша, Министра Народнаго Просвѣщенія Д-ра Шробаръ и представителей чешскихъ и русскихъ научныхъ и общественныхъ учрежденій. Въ краткихъ рѣчахъ Предсѣдателя отдѣльныхъ комиссій были подведены итоги работъ Съезда и оглашены резолюціи, принятія общимъ собраніемъ по вопросамъ объ организаціи Союза Русскихъ Академическихъ Организацій за-границей, о подготовкѣ молодыхъ ученыхъ, о помощи русскимъ студентамъ и учебному дѣлу за-границей и о созданіи русскаго Педагогическаго Института, а также о помощи ученымъ и студентамъ въ Россіи. Затѣмъ было оглашено протестъ — обращеніе „къ ученымъ всѣхъ странъ и ко всему цивилизованному міру“ по поводу тяжкаго положенія науки и ея представителей въ Россіи подъ совѣтскимъ режимомъ. Память погибшихъ была почтена вставаніемъ. Заключительная часть собранія прошла подъ почетнымъ предсѣдательствомъ ректора Карлова Университета Доктора Немець. Проф. А. С. Ломшаковъ произнесъ слово благодарности Правительству и всѣмъ учрежденіямъ и лицамъ, содѣйствовавшимъ успѣху русскаго культурнаго дѣла. Закрывая Съездъ, проф. Немець привѣтствовалъ образованіе Союза и выборъ Праги, какъ мѣста Съезда.

Онъ выразилъ убѣжденіе, что лучшимъ средствомъ для славянскаго объединенія явится возможность русскимъ ученымъ продолжать свою научную дѣятельность въ чешскихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

III. Дѣятельность Правленія Союза

Правленію Союза предстояло провести въ жизнь рядъ постановленій Съѣзда и окончательно оформить основныя предположенія, Съѣздомъ намѣченныя, по вопросамъ помощи молодымъ ученымъ и студентамъ.

На первыхъ порахъ необходимо было оформить существованіе Союза съ мѣстомъ пребыванія его Правленія въ Прагѣ. Министерству Иностраннхъ Дѣлъ Чехословакіи былъ представленъ на утвержденіе Уставъ Союза, принятый на Съѣздѣ. Въ засѣданіи 19-го ноября 1921 г. Правленіе заслушало официальный отвѣтъ Министерства, въ которомъ принимался къ свѣдѣнію Уставъ Союза и разрѣшалось Правленію находиться въ Прагѣ. Этимъ было положено юридическое основаніе дѣятельности Правленія.

Къ сожалѣнію, значительно хуже обстояло дѣло съ вопросомъ о матеріальномъ положеніи Правленія. Несмотря на обращенія къ различнымъ иностраннымъ и русскимъ организациямъ, за все время Правленіемъ было получено всего лишь 1000 долларовъ черезъ русскаго посла въ Вашингтонѣ. Недостатокъ въ средствахъ тяжело отзывался на дѣятельности Правленія.

Работа Правленія протекала въ тѣсной связи съ дѣятельностью Учебной Коллегіи при Комитетѣ по обезпеченію образованія русскимъ студентамъ въ Чехословакіи и съ самимъ Комитетомъ, такъ какъ забота о предоставленіи возможности студентамъ продолжать прерванное образованіе являлась одной изъ его существенныхъ задачъ. Въ этомъ направленіи общими усиліями удалось достигнуть значительныхъ результатовъ. Первоначально предполагалось принять въ высшія учебныя заведенія Чехословакіи на полное иждивеніе до 1000 студентовъ. Это количество мѣстъ и было предоставлено въ первую очередь студентамъ изъ района Константинополя и Галлиполи. Правленіе совместно съ Комитетомъ и Учебной Коллегіей прилагали всевозможныя усилія къ увеличенію этого числа и, благодаря внимательному отношенію Чехословацкаго Правительства, къ 1-му апрѣля число студентовъ, зачисленныхъ на иждивеніе Комитета, возросло почти до 1.800 человекъ. Въ это число вошли и студенты, прибывшіе въ Прагу по одиночкѣ, и группа студентовъ изъ Финляндіи и Туниса, по спеціальному разрѣшенію Министерства Иностраннхъ Дѣлъ.

Правленіе поставило на очередь вопросъ объ оказаніи въ широкомъ масштабѣ помощи русскимъ студентамъ, находящимся за-границей, общее количество которыхъ, по даннымъ центральнаго студенческаго органа въ Прагѣ (ОРЭСО) доходить до 12.000 человекъ. Съ этой цѣлью Правленіе, черезъ проф. А. С. Ломшакова, ѣздившаго въ Женеву, вошло съ докладомъ въ Лигу Націй, указавъ, что въ случаѣ изысканія необходимыхъ средствъ, имѣется полная возможность вернуть русскую учащуюся молодежь къ прерванной работѣ въ школахъ роднаго Чехословацкаго народа и тѣмъ самымъ обезпечить для Россіи столь необходимый ей кадръ культурныхъ работниковъ. Въ виду выяснившейся необходимости располагать точными цифровыми данными о

составъ и положеніи студенчества въ эмиграціи, Правленіе, совмѣстно съ объединеніемъ Русскихъ Эмигрантскихъ Студенческихъ Организаций, выдѣлило центральную анкетную Комиссію подъ предѣлательствомъ проф. В. А. Косинскаго; Комиссія эта выработала анкетный бланкъ и инструкцію и приступила къ ихъ разсылкѣ по студенческимъ организациямъ.

Имѣя крайне ограниченныя средства, Правленіе, въ случаяхъ острой нужды, приходило, по возможности, на помощь отдѣльнымъ ученымъ и цѣлымъ академическимъ группамъ. Но въ дѣлѣ помощи ученымъ главная забота падала на мѣстныя академическія группы. Находясь въ постоянной связи съ Учебной Коллегіей, насчитывающей въ настоящее время до 70 человекъ, Правленіе, по мѣрѣ возможности, и въ этомъ дѣлѣ содѣйствовало укрѣпленію дѣла помощи русскимъ ученымъ. При его содѣйствіи и частичной поддержкѣ ряду ученыхъ былъ облегченъ пріѣздъ въ Чехію на каникулярное время для научныхъ занятій въ мѣстныхъ книгохранилищахъ и научно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ. Своимъ участіемъ въ Съѣздѣ преподавателей высшихъ учебныхъ заведеній Чехословацкой Республики, имѣвшимъ мѣсто въ серединѣ мая сего года, Правленіе подчеркнуло тѣсную связь русскихъ и чешскихъ ученыхъ на почвѣ общихъ научныхъ интересовъ. Исполняя порученіе Съѣзда, Правленіе, совмѣстно съ Учебной Коллегіей, выработало проектъ Положенія о государственныхъ испытаніяхъ и представило на разсмотрѣніе Совѣта Съѣзда правила объ испытаніяхъ на званіе магистра и о защитѣ магистерскихъ и докторскихъ диссертаций.

Одной изъ существенныхъ заботъ Правленія былъ вопросъ о созданіи самостоятельныхъ русскихъ учебныхъ заведеній за-границей. И въ этомъ направленіи достигнуты были извѣстные результаты. Самымъ существеннымъ достиженіемъ въ этой области нужно считать открытіе въ Прагѣ Русскаго Юридическаго Факультета. Нельзя не отмѣтить крупнаго культурно-историческаго значенія этого событія. Усиліями русскихъ ученыхъ создано первое Юридическое высшее учебное заведеніе въ тотъ моментъ, когда въ Россіи юридическое образованіе въ корнѣ убито распоряженіями совѣтской власти. Энергія проф. П. И. Новгородцева, нынѣ декана Юридическаго Факультета, и безкорыстное участіе въ этомъ дѣлѣ всего состава русскаго Юридическаго Факультета въ Прагѣ дали возможность провести въ жизнь это начинаніе. По предложенію Учебной Коллегіи Правленіе Союза приняло Русскій Юридическій Факультетъ въ свое вѣдѣніе и взяло на себя обязательство всемѣрно содѣйствовать его процвѣтанію. На очередь поставленъ и вопросъ о созданіи Русскаго Педагогическаго Института, но осуществленіе разработаннаго и намѣченнаго плана его организациі встрѣчаетъ матеріальныя трудности. Въ настоящее время, надъ изысканіемъ практическихъ путей къ скорѣйшему созданію Института работаетъ специальная Комиссія. Выработано и принято Учебной Коллегіей и Правленіемъ Союза также и Положеніе о Русскомъ Институтѣ, учрежденіи, долженствующемъ содѣйствовать ознакомленію Чехословакии съ русской культурой. Открытіе Института намѣчено въ скоромъ времени.

Правленіе поддерживало все время общеніе съ отдѣльными академическими группами и къ 25-му апрѣлю назначило первую сессію Совѣта, предусмотрѣнную Уставомъ Союза.

IV. Совѣтъ Союза

26-го апрѣля 1922 года состоялась, созванная по инициативѣ Правленія, первая сессія Совѣта.

Въ Совѣтѣ были представлены слѣдующія группы: Великобританіи, въ лицѣ проф. В. И. Исаева, Германіи — проф. П. И. Новгородцева, Латвіи — проф. Д. М. Вергуна, Югославіи (Русская Академическая Группа въ Королевствѣ С. Х. С.) — проф. А. В. Маклецова, Польши — А. Л. Бема, Франціи — Н. М. Могилянскаго, Турціи — проф. В. А. Юревича. Не были представлены: Общество русскихъ ученыхъ въ Королевствѣ С. Х. С. и группы Болгаріи и Эстоніи (изъ бывшихъ на Съѣздѣ). Отъ Правленія участвовали въ Совѣтѣ — проф. А. С. Ломшаковъ, А. А. Кошловъ, А. А. Вилковъ и В. Д. Вареновъ. Въ работахъ Съѣзда приняли также участіе академикъ П. Б. Струве и завѣдующій дѣлами Правленія У. Д. Жилиевъ. Предсѣдателемъ былъ избранъ проф. П. И. Новгородцевъ, секретаремъ проф. В. И. Исаевъ.

Совѣтъ Съѣзда заслушалъ докладъ Правленія о его дѣятельности по 1-ое апрѣля 1922 года и одобрилъ его.

Постановленіемъ Совѣта включены въ составъ Союза Русская Академическая Группа въ Бельгіи и вторая Академическая Группа въ Болгаріи (находящаяся въ Тырновѣ).

По докладу проф. П. И. Новгородцева, принятъ въ вѣдѣніе Союза Русскихъ Академическихъ Организаций Русскій Юридическій Факультетъ въ Прагѣ и выработаны основы ихъ взаимоотношеній. Уставъ Союза Русскихъ Академическихъ Организаций дополненъ нѣкоторыми пунктами, согласно предложенію Министерства Иностранныхъ дѣлъ Чехословацкой Республики. Затѣмъ были рассмотрѣны и утверждены: Положеніе о сдачѣ при Академическихъ Группахъ государственныхъ испытаній (см. прил. № 3) и „Положеніе о сдачѣ магистерскихъ экзаменовъ и о защитѣ магистерскихъ и докторскихъ диссертаций“ (см. прил. № 4), представленныя Правленіемъ. Совѣтъ намѣтилъ время созыва Второго Съѣзда Русскихъ Академическихъ Организаций на половину Октября 1922 года и высказался за устройство Съѣзда въ Прагѣ.

ПРИЛОЖЕНІЕ 1.

ПРОГРАММА СЪѢЗДА ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РУССКИХЪ АКАДЕМИЧЕСКИХЪ ГРУППЪ ВЪ ПРАГѢ 1921 г.

- 1) Сообщенія о дѣятельности Русскихъ Академическихъ Группъ.
- 2) О формахъ и способахъ объединенія дѣятельности Русскихъ Академическихъ Группъ за-границей.
- 3) О согласованіи уставовъ Русскихъ Академическихъ Группъ.
О представительствѣ и защитѣ интересовъ Русскихъ Академическихъ Группъ и ихъ членовъ передъ правительственными органами и общественными учрежденіями разныхъ странъ.
- 4) О совмѣстномъ представительствѣ Русскихъ Академическихъ Группъ въ различныхъ иностранныхъ и международныхъ организаціяхъ академическаго характера.
- 5) О завѣдываніи русскими учеными и учебными учрежденіями за-границей.
- 6) О формахъ взаимопомощи Русскихъ Академическихъ Группъ вообще. О пріисканіи постоянного заработка членамъ Академическихъ Группъ и обезпеченіи условий для продолженія ихъ научной работы и о распредѣленіи въ порядкѣ заимѣнія вакансій, открывающихся для членовъ Группъ.
- 7) О печатаніи трудовъ Группъ.
- 8) О подготовкѣ молодыхъ ученыхъ.

9) О русском студенчестве, оказавшемся за-границей, и об условиях продолжения его образования.

10) О восстановлении Высшей школы в России.

11) О возбуждении интереса к русской культуре и знанию русского языка среди иностранцев.

12) О помощи учебными пособиями России и о помощи ученым в России.

13) Об организации последующих Съездов.

14) О средней школе, в частности о согласовании деятельности экзаменационных Комиссий и установлении единообразного значения дипломов и свидетельств.

Кроме того имеются доклады:

1) В. Г. Коренчевский. Об изменении плана работы для помощи русским ученым.

2) Н. М. Могилянский. О Международном Съезде интеллигентного труда. О Международных учреждениях в Бельгии: Мировом Музее и Международном Университете.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2.

УСТАВЪ СОЮЗА РУССКИХЪ АКАДЕМИЧЕСКИХЪ ОРГАНИЗАЦІЙ ЗА-ГРАНИЦЕЙ

(Принятый Съездомъ и дополненный Совѣтомъ Союза 26 апр. 22 г. согласно указанія Министерства Иностр. Дѣлъ Ч. С. Р. Находится въ стадіи разсмотрѣнія въ Земской Справѣ Политической, куда представленъ на утверждение.)

1. Всѣ академическія организаціи пребывающихъ и работающихъ за-границей русскихъ ученыхъ объединяются въ Союзъ Русскихъ Академическихъ Организацій (за-границей).

2. Учредителями Союза являются уже существующія 0-во Русскихъ Ученыхъ въ Королевствѣ С. Х. С., Русскія Академическія Группы въ Берлинѣ, Болгаріи, Великобританіи, Италіи, Константинополѣ, Парижѣ, Ригѣ, Польшѣ, Швеціи, Швейцаріи, Финляндіи, Эстоніи, Чехо-Словакии. Дальнѣйшій пріемъ въ Союзъ вновь возникающихъ или не вступившихъ еще въ Союзъ академическихъ организацій производится постановленіемъ Съезда или Правленіемъ Союза Русскихъ Академическихъ Организацій за-границей.

2а. Каждая Академическая Группа, входящая въ составъ Союза, имѣетъ право на оказаніе ей содѣйствія въ осуществленіи задачъ, перечисленныхъ въ пунктѣ 3-мъ, и въ свою очередь обязуется содѣйствовать выполненію вышеозначенныхъ задачъ.

3. Союзъ имѣетъ цѣлью:

А) Согласованіе дѣятельности отдѣльныхъ Академическихъ Группъ и обществъ русскихъ за-границей.

Б) Установленіе связи съ иностранными учеными обществами и учрежденіями.

В) Представительство передъ правительственными, общественными и научными установленіями отъ имени всѣхъ русскихъ академическихъ организацій за-границей.

Г) Всестороннее содѣйствіе къ предоставленію членамъ Союза возможности научно работать, печатанію научныхъ работъ, подысканію мѣстъ по специальности и облегченіе ихъ матеріальнаго положенія.

Д) Забота объ охранѣ, дальнѣйшемъ существованіи и развитіи русскихъ высшихъ учебныхъ и ученыхъ учреждений за-границей.

Е) Забота о русскихъ студентахъ за-границей.

Ж) Помощь ученымъ, а также студентамъ, оставшимся въ Россіи.

З) Забота о воспитаніи дѣтей русскихъ бѣженцевъ.

4. Средства Союза составляютъ изъ субсидій, пожертвованій и другихъ поступленій.

5. Дѣтельность Союза регулируется и направляется Създами членовъ Союза, создаваемыми не менѣе одного раза въ годъ, и избираемыми Създомъ органами Союза; органами Союза являются Общій Създъ Академическихъ Группъ, Правленіе Союза, Совѣтъ Союза, Комиссія и другіе органы, которые Създъ найдетъ нужнымъ избрать для осуществленія поставленныхъ задачъ.

6. На обязанности Създа лежить:

А) Выборы Правленія Союза и Комиссій.

Б) Выборы представителей Союза въ международныя и иностранныя организаціи.

Примѣчаніе. Вопросъ о таковомъ представительствѣ рѣшается большинствомъ 3/4 голосовъ присутствующихъ на засѣданіи. Кандидатъ избирается простымъ большинствомъ голосовъ.

В) Разсмотрѣніе и утвержденіе отчетовъ дѣтельности Правленія и другихъ органовъ Союза, а также рѣшеніе текущихъ дѣлъ.

Г) Изысканіе способовъ для осуществленія задачъ, указанныхъ въ п. 3-мъ.

Д) Разрѣшеніе споровъ, возникающихъ внутри Союза.

7. При Създѣ, на основаніи особо установленныхъ правилъ, производится публичная защита диссертаций на степень магистра и доктора, а также на званіе адъюнкта.

8. Създы Союза созываются Правленіемъ Союза по мѣрѣ надобности, но не менѣе одного раза въ годъ.

9. Създъ изъ своей среды закрытой баллотировкой выбираетъ Президіумъ.

10. Академическія Группы и Организаціи представляются на Създѣ делегатами съ правомъ рѣшающаго голоса по расчету одного делегата на каждыя 10 членовъ группы и на остатовъ большій 5. Группы, имѣющія число членовъ меньшее 10, пользуются правомъ послыки одного делегата.

Примѣчаніе: Выборы въ делегаты производятся тѣми членами академическихъ группъ, которые пользуются правомъ голоса по всѣмъ вопросамъ.

11. Въ случаѣ, если какая-либо академическая группа или организація не можетъ послать своихъ делегатовъ на Създъ, она можетъ прислать въ письменной формѣ свое постановленіе по отдѣльнымъ вопросамъ программы Създа, причемъ это мнѣніе принимается во вниманіе при подсчетѣ голосовъ.

11а. Създъ считается состоявшимся при наличіи представителей болѣе чѣмъ половины Академическихъ Группъ, входящихъ въ составъ Союза.

12. Създъ рѣшаетъ вопросы большинствомъ голосовъ открытой баллотировкой, въ случаѣ отсутствія требованія закрытаго голосованія.

13. Създъ Союза можетъ избрать почетныхъ членовъ Създа и Союза.

14. Для рѣшенія общихъ и возбуждающихъ сомнѣніе вопросовъ учреждается Совѣтъ Союза Академическихъ Организацій, создаваемый Правленіемъ по мѣрѣ надобности или по требованію не менѣе, чѣмъ 5 Академическихъ Группъ. Въ составъ Совѣта входятъ члены Правленія Союза и представители отдѣльныхъ группъ по одному отъ каждой. Для дѣтельности Совѣта необходимо присутствіе делегатовъ не менѣе чѣмъ отъ 3 группъ. Совѣтъ Союза рѣшаетъ по большинству голосовъ.

Примѣчаніе: Академическія группы, лишеныя возможности прислать своихъ делегатовъ на засѣданіе Совѣта, могутъ прислать свои мотивированныя мнѣнія по возбуждаемымъ вопросамъ. Эти мнѣнія обязательно заслушиваются Совѣтомъ.

15. На обязанности Правленія Союза Русскихъ Академическихъ Организацій за-границей лежить:

А) Веденіе всѣхъ текущихъ дѣлъ Союза и необходимыхъ сношеній.

а) Представительство Союза въ сношеніяхъ съ другими учрежденіями и лицамъ.

б) Подписаніе всѣхъ бумагъ, исходящихъ отъ Союза.

- в) Извѣщеніе членовъ о постановленіяхъ Съѣзда и опубликованіе ихъ въ издаваемыхъ періодически Правленіемъ бюллетеняхъ Союза.
- Б) Ознакомленіе отдѣльныхъ Академическихъ Группъ и организацій въ теченіе періода между съѣздами (а) съ дѣятельностью Правленія, (б) съ дѣятельностью другихъ группъ и организацій и (в) съ дѣятельностью избранныхъ Съѣздомъ органовъ и Комиссій.
- В) Учетъ всѣхъ русскихъ ученыхъ и преподавателей высшихъ учебныхъ заведеній за-границей и въ частности нуждающихся въ различнаго рода помощи.
- Г) Подготовка матеріаловъ къ Съѣздамъ и созывъ ихъ.
- Д) Делегированіе представителей отъ Союза въ періодъ между Съѣздами во временныя и постоянныя международнаго характера организаціи на основаніи письменнаго утвержденія представленнаго Правленіемъ или группами кандидатовъ въ делегаты не менѣе, чѣмъ половиной всѣхъ русскихъ Академическихъ Организацій за-границей.
- Е) Регистрація студентовъ, собраніе свѣдѣній о возможности размѣщенія студентовъ по заграничнымъ высшимъ учебнымъ заведеніямъ, осуществленіе общаго порядка провѣрки правъ русскихъ студентовъ на поступленіе въ высшія учебныя заведенія, выработка и проведеніе общаго плана размѣщенія русскихъ студентовъ по отдѣльнымъ странамъ, оказаніе помощи студентамъ въ отдѣльныхъ странахъ по поступленію въ высшія учебныя заведенія, по прохожденію курса и по матеріальному обезпеченію ихъ.

Примѣчаніе: Для осуществленія этихъ цѣлей, правленію Союза предоставляется право создавать необходимыя органы, созывать Комиссіи и совѣщанія.

16. Правленіе Союза избирается Съѣздомъ Академическихъ Группъ и Организацій срокомъ на одинъ годъ въ составѣ Предсѣдателя Правленія, 2-хъ товарищей Предсѣдателя, Секретаря и Казначая.

17. Мѣстопробываніе Правленія и мѣсто созыва слѣдующаго Съѣзда опредѣляется Съѣздомъ Академическихъ Организацій.

18. Ревизіонная Комиссія въ составѣ 3-хъ членовъ избирается Съѣздомъ для разсмотрѣнія денежной отчетности Союза.

19. Для производства измѣненій въ настоящемъ Уставѣ устанавливается слѣдующій порядокъ: А) инициатива въ дѣлѣ измѣненія Устава предоставляется Правленію Союза или Академическимъ Группамъ, Б) постановленіе объ измѣненіи Устава рѣшается большинствомъ 3/4 присутствующихъ на Съѣздѣ делегатовъ.

20. Въ случаѣ ликвидаціи Союза денежные средства и прочее имущество его передается въ какую-либо русскую просвѣтительную организацію по постановленію ликвидационнаго Съѣзда Союза.

21. Правленіе Союза имѣть круглую печать съ обозначеніемъ на чешскомъ языкѣ. „Правленіе Союза Русскихъ Академическихъ Организацій за-границей“.

Примѣчаніе: Засѣданіе Правленія считается законнымъ при наличіи не менѣе трехъ членовъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ 3.

ПРАВИЛА О ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ИСПЫТАТЕЛЬНЫХЪ КОМИССИЯХЪ

(Утверждены совѣтомъ Союза 26. IV. 1922 г.)

І. Составъ испытательныхъ комиссій

1. Испытательныя Комиссіи образуются при Русскихъ Академическихъ Группахъ за-границей изъ членовъ этихъ Группъ. Для образованія таковыхъ Комиссій необходимо, чтобы въ соответствующей Группѣ было не менѣе 5 ординарныхъ или экстраординарныхъ профессоровъ соответствующихъ специальностей. Въ томъ случаѣ, если такового количества профессоровъ

не имѣется, Академическая Группа можетъ пополнить Комиссію путемъ приглашенія членовъ другихъ Академическихъ Группъ или, въ случаѣ необходимости, путемъ приглашенія профессоровъ мѣстныхъ университетовъ. При отсутствіи таковой возможности Комиссія образована быть не можетъ.

Составъ испытательной Комиссіи утверждается Правленіемъ Союза.

2. Предсѣдатель Испытательной Комиссіи избирается Академической Группой изъ числа членовъ Испытательной Комиссіи, обладающихъ ученой степенью.

3. Въ составъ Испытательныхъ Комиссій, въ качествѣ ихъ членовъ, могутъ быть привлекаемы доценты соответствующихъ специальностей, не обладающіе учеными степенями доктора или магистра. Оставленные для подготовленія къ профессорскому званію въ случаѣ необходимости могутъ приглашаться только въ качествѣ экзаменаторовъ и обладаютъ въ Комиссіи только совѣщательнымъ голосомъ.

II. О лицахъ, допускаемыхъ къ испытаніямъ въ комиссіяхъ

4. Къ испытаніямъ въ Испытательныхъ Комиссіяхъ могутъ быть допущены слѣдующія лица: а) прослушавшіе полный курсъ наукъ на соответственныхъ факультетахъ россійскихъ университетовъ и представившіе выпускныя свидѣтельства, а въ случаѣ ихъ утраты и другія соответствующія удостовѣренія; б) лица, прослушавшія Русскіе Высшіе Дополнительные Курсы въ Прагѣ; в) лица, представившія удостовѣренія о прослушаніи какихъ-либо другихъ, учрежденныхъ за-границей, высшихъ курсовъ въ томъ случаѣ, если программы этихъ курсовъ будутъ признаны Правленіемъ Союза Русскихъ Академическихъ Организаций за-границей удовлетворяющими требованіямъ россійскихъ университетовъ.

5. Лица, не прослушавшія полного курса наукъ въ Россійскихъ университетахъ, могутъ быть допускаемы къ испытаніямъ съ особаго разрѣшенія Правленія Союза Русскихъ Академическихъ Организаций за-границей по представленіи соответствующихъ Комиссій.

6. Лица, окончившія курсъ наукъ въ заграничныхъ университетахъ допускаются къ испытаніямъ въ порядкѣ, указанномъ въ § 5.

III. Программа испытаній и порядокъ ихъ производства

7. Крутъ предметовъ, по которымъ производится испытанія, опредѣляется примѣнительно къ практикѣ Россійскихъ Испытательныхъ Комиссій за послѣдніе годы ихъ дѣйствія.

Сверхъ того, Комиссія, въ случаѣ необходимости, производитъ экзамены и по предметамъ, входящимъ въ составъ полукурсовыхъ испытаній.

8. Испытанія производятся въ присутствіи предсѣдателя, профессора соответствующей специальности или лица, его замѣняющаго, и экзаменаторовъ.

9. Отвѣты производятся по выработаннымъ Группами и утвержденнымъ Правленіемъ Союза Академическихъ Организаций за-границей программамъ. Экзаменуемый отвѣчаетъ по взятому имъ билету, а также и по другимъ вопросамъ, предлагаемымъ ему въ объемѣ программы.

10. Отвѣтъ экзаменующагося оцѣнивается отмѣтками: 1) весьма удовлетворительно, 2) удовлетворительно, 3) неудовлетворительно. Отмѣтки ставятся всѣми членами Комиссіи и на основаніи ихъ высказывается общій баллъ. Въ случаяхъ разногласія при опредѣленіи общаго балла, вопросъ рѣшается голосованіемъ.

IV. О дипломахъ, выдаваемыхъ комиссіями

11. Лица, успѣшно выдержавшія испытанія, получаютъ на бланкахъ Союза Академическихъ Организаций дипломы 1-ой и 2-ой ст., снабженные печатью Правленія Союза Русскихъ Академическихъ Организаций за-границей и за подписью Предсѣдателя Правленія Союза, Пред-

сѣдателя Комиссiи и всѣхъ ея членовъ. Дипломы 1-ой и 2-ой ст. выдаются на условiяхъ, принятыхъ въ руссiйскихъ университетахъ.

12. Лица, получившiя дипломы 2-ой степени или невыдержавшiя испытанiй, могутъ быть допускаемы къ новымъ испытанiямъ въ слѣдующiя сессiи.

V. Объ испытанiяхъ для лицъ, обучавшихся на экономическомъ и техническихъ отдѣленiяхъ политехническихъ и коммерческихъ институтовъ

13. Лица, прошедшiя курсъ по экономическому и техническимъ отдѣленiямъ Политехническихъ и Коммерческихъ Институтовъ въ Россiи и за-границей, подвергаются окончательнымъ испытанiямъ на основанiи правилъ, изложенныхъ въ раздѣлахъ I—IV съ тѣмъ лишь отсутствiемъ, что отъ членовъ Испытательной Комиссiи можетъ требоваться или обладанiе ученой степенью или обладанiе званiемъ профессора въ одномъ изъ русскихъ высшихъ учебныхъ заведенiй, приобретенными въ соответствiи съ требованiями научнаго ценза.

VI. О средствахъ комиссiй

14. Средства Испытательныхъ Комиссiй состояются изъ: а) платы за экзамены, назначаемой сообразно съ мѣстными условiями и б) изъ иныхъ поступлений.

ПРИЛОЖЕНИЕ 4.

ПОЛОЖЕНИЕ О ПРОИЗВОДСТВѢ ИСПЫТАНІЙ НА СТЕПЕНЬ МАГИСТРА, СТЕПЕНЬ ДОКТОРА МЕДИЦИНЫ И ЗВАНІЕ АДЪЮНКТА И О ЗАЩИТѢ МАГИСТЕРСКИХЪ, ДОКТОРСКИХЪ И АДЪЮНКТСКИХЪ ДИССЕРТАЦІЙ

(На основанiи постановленiя Съезда Русскихъ Академическихъ Организаций за-границей на засѣданiи отъ 15-го октября 1921 г. Утверждено Совѣтомъ Союза 26. IV. 1922 г.)

I Условiя производства испытанiй на степень магистра

§ 1. Къ магистерскому испытанiю допускаются лица, имѣющiя дипломъ объ окончанiи русскихъ или заграничныхъ университетовъ, а равно иныхъ русскихъ и заграничныхъ высшихъ учебныхъ заведенiй, по своимъ программамъ соответствующимъ русскимъ университетамъ.

§ 2. Испытанiя производятся въ особыхъ Комиссiяхъ, образуемыхъ при Академическихъ Группкахъ.

Въ отношенiи къ производству означенныхъ испытанiй и къ разсмотрѣнiю диссертаций, представляемыхъ на соисканiе степени магистра или доктора, означеннымъ Комиссiямъ присваиваются права факультетскихъ собранiй.

§ 3. Въ составъ Испытательныхъ Комиссiй входитъ не менѣе пяти лицъ, изъ которыхъ четыре должны обладать ученой степенью магистра или доктора, полученной на соответствующемъ факультетѣ Русскаго Университета, и пятый можетъ быть лицомъ, хотя и не имѣющимъ степени, но читавшимъ въ какой-либо русской полнoprавной высшей школѣ обязательный курсъ по своему предмету. Въ случаѣ отсутствiя въ данной Академической Группѣ указаннаго числа лицъ, обладающихъ учеными степенями, или въ виду другихъ основанiй, они могутъ быть замѣняемы лишь лицами, принадлежащими къ другимъ Академическимъ Группамъ и имѣющими ученую степень. Въ составѣ Испытательной Комиссiи долженъ быть специалистъ по той научной отрасли, которая является главнымъ предметомъ испытанiя.

§ 4. Порядокъ производства магистерскихъ испытанiй опредѣляется въ полномъ соответствiи съ правилами, примененными въ русскихъ университетахъ, а именно:

- а) Подлежащий испытанию сдать экзамены не менее, как по трем предметам: одному главному и остальным добавочным, ближайшим по разряду наук к главному или составляющим к нему необходимое приготовление или дополнение;
- б) По всем предметам, входящим в круг испытания, подлежащий оному составлять подробная программы по соглашению и под руководством членов Испытательной Комиссии, причем в означенных программах отбъивается как перечень изученных вопросов и объем выполненных требований, так и список основных сочинений и пособий, которыми пользовался подлежащий испытанию;
- в) По одобрении означенных программ в Испытательной Комиссии, испытуемый подвергается соответствующим испытаниям в порядке, определяемом Комиссией.
- г) В случае необходимости Комиссия может разрешить испытание по дополнительному предмету в другой Академической Группе.
- д) По выдержании испытания лицо, подвергавшееся оному, получает удостоверение с перечислением предметов, по коим было произведено испытание, и за подписью всех лиц, участвовавших в Испытательной Комиссии, с точным указанием той специальности, по которой данное лицо ищет ученой степени.

II Правила рассмотрения магистерских и докторских диссертаций и их защиты

§ 1. Рассмотрение диссертаций, представляемых на соискание степени магистра или доктора, производится в Испытательных Комиссиях, образованных на основании правил, изложенных в 2 и 3 пунктах 1-го раздѣла настоящаго Положения.

§ 2. Диссертации подаются в Испытательныя Комиссии, как на русском, так и на иностранном языкѣ, доступном для членов Испытательной Комиссии.

§ 3. Диссертации подаются в печатномъ видѣ. Лишь в видѣ исключения и при полной невозможности напечатать научный трудъ онъ представляется на судъ Испытательной Комиссии в рукописномъ видѣ.

§ 4. В случае одобрения диссертации Испытательной Комиссией и допущения ея къ защитѣ, объ этомъ, не менее какъ за три мѣсяца впередъ, оповѣщаются всѣ Академическія Группы, причемъ, во всѣ Группы, в коихъ имѣются лица, обладающія ученой степенью по данной специальности, для ознакомления съ диссертацией и возможнаго участія в диспутѣ, разсылается соответствующее количество экземпляровъ. Оповѣщение Группъ и разылка диссертаций осуществляется Группами через Правленіе Союза Русскихъ Академическихъ Организаций за-границей.

§ 5. Защита диссертации приурочивается къ Съѣзду представителей Русскихъ Академическихъ Организаций за-границей. Для этой цѣли изъ состава Съѣзда выдѣляются особыя Комиссии по специальностямъ, соответствующія факультетамъ русскихъ университетовъ, причемъ въ составъ означенныхъ Комиссій обязательно привлекается лицо, на основаніи заключенія котораго диссертация была допущена къ диспуту.

Въ составъ сихъ Комиссій входитъ не менее пяти лицъ, изъ нихъ не менее четырехъ, обладающихъ учеными степенями.

Защита диссертаций производится публично съ соблюденіемъ основныхъ формъ, выработанныхъ академической жизнью русскихъ университетовъ. Вопросъ о признаніи диспутанта достойнымъ искомой степени по окончаніи диспута разрешается голосованіемъ всехъ присутствующихъ членовъ Комиссии, коей присваиваются въ данномъ случаѣ права факультетскаго собранія.

Постановленіе Комиссии о признаніи диспутанта, на основаніи успѣшной защиты диссертации, достойнымъ степени докладывается полному собранію Съѣзда, каковому присваивается

въ данномъ случаѣ право Совѣта Университета утверждать диспутанта въ искомой имъ степени.

III

§ 1. Тѣмъ же порядкомъ и при соблюденіи тѣхъ же правилъ, производится испытаніе на степень доктора медицины.

IV

§ 1. Тѣмъ же порядкомъ и при соблюденіи тѣхъ же правилъ производится испытаніе на званіе адъюнкта по техническимъ наукамъ, съ тѣмъ лишь отступленіемъ, что отъ членовъ Испытательной Комиссіи можетъ требоваться или обладаніе ученой степенью, или обладаніе званіемъ профессора въ одномъ изъ русскихъ высшихъ учебныхъ заведеній, приобретеннымъ въ соотвѣстствіи съ требованіями научнаго ценза.

V

§ 1. Тамъ, гдѣ существуютъ правильно организованые Факультеты или отдѣленія, на нихъ распространяются всѣ права, принадлежащія Группамъ и Съѣзду.

ПРИЛОЖЕНИЕ 5.

ОБРАЩЕНИЕ КЪ УЧЕНЫМЪ ВСѢХЪ СТРАНЪ И КО ВСЕМУ ЦИВИЛИЗОВАННОМУ МІРУ

Съѣздъ Русскихъ Академическихъ Организаций за-границей, обращаясь къ ученымъ всѣхъ странъ и ко всему цивилизованному міру отъ лица свыше 400 русскихъ ученыхъ, разбросанныхъ въ 16 государствахъ, возвышаетъ свой голосъ противъ тѣхъ условій существованія и работы, въ которыя поставлены русскіе ученые совѣтскимъ режимомъ полного произвола и попранія всѣхъ самыхъ элементарныхъ человѣческихъ правъ. Никогда, ни при какомъ режимѣ, ни въ другой какой-либо странѣ, ни въ самой Россіи люди умственного труда вообще и академическіе ученые въ частности не были поставлены въ такое матеріально тяжелое и морально невыносимое положеніе. Особенно возмутительно и невыносимо полное отсутствіе личной неприкосновенности, на каждомъ шагѣ приносящее нестерпимыя нравственныя муки и грозящее физической гибелью. Вопіють къ небу казни или, вѣрнѣе, убійства такихъ ученыхъ какъ государствовѣдъ Лазаревскій и химикъ Тихвинскій, разстрѣлянныхъ по мотивировкѣ самой совѣтской власти одинъ за то, что онъ составлялъ проекты реформы мѣстнаго самоуправленія и упорядоченія денежнаго обращенія, другой за то, что онъ сообщалъ на Западъ свѣдѣнія о состояніи русской нефтяной промышленности. Эти ужасныя убійства суть, однако, лишь частные случаи того безчеловѣчнаго, отрицающаго всякое право и всѣ права, политическаго порядка, который царитъ въ Совѣтской Россіи.

Мы бы не исполнили своего священнаго, національнаго и общечеловѣческаго долга, если бы не заявили всѣмъ нашимъ коллегамъ и всему цивилизованному міру громогласнаго протеста противъ этого человѣкоубійственнаго и постыднаго режима.

ПРИЛОЖЕНИЕ 6.

ОТКРЫТИЕ РУССКАГО ЮРИДИЧЕСКАГО ФАКУЛЬТЕТА ВЪ ПРАГѢ

18-го мая въ большой аудиторіи Математическаго факультета Карлова Университета состоялось торжественное открытіе Русскаго Юридическаго Факультета.

Передъ актомъ, въ церкви св. Николая, былъ отслуженъ епископомъ Сергіемъ молебенъ.

Большая аудиторія была переполнена студентами. Въ большомъ числѣ была представлена профессура, какъ русская, такъ и чешская.

Президіумъ состоялъ изъ членовъ Правленія Союза Русскихъ Академическихъ Органи-

зацій за-границей проф. А. С. Ломшакова, проф. А. А. Копылова и проф. А. А. Вилкова, декана Русскаго Юридическаго Факультета проф. П. И. Новгородцева и секретаря факультета проф. Н. Н. Алексѣва.

Среди гостей были и представители чешской общественности и министерствъ народного просвѣщенія и иностранныхъ дѣлъ.

Торжество открылъ Предсѣдатель Союза Русскихъ Академическихъ Организаций за-границей — проф. А. С. Ломшаковъ, произнесшій, приблизительно, слѣдующую рѣчь:

Рѣчь проф. А. С. Ломшакова.

Объявляю Русскій Юридическій Факультетъ въ Прагѣ открытымъ.

Сегодня, открытиемъ Русскаго Юридическаго Факультета, совместно Учебной Коллегией и Союзомъ Русскихъ Академическихъ организаций за-границей, прерванное русское юридическое образование дѣлаетъ первый шагъ къ своему возстановленію.

Юридическое преподаваніе совершенно прекращено въ Совѣтской Россіи, юридическіе факультеты закрыты и бывшіе студенты этихъ факультетовъ, оставшіеся въ Россіи, до сихъ поръ не только не получили возможности закончить прерванное образованіе, но и, за закрытіемъ соответственныхъ факультетовъ, эта возможность для нихъ закрыта совѣмъ. Прекращеніемъ внутри Россіи преподаванія на юридическихъ факультетахъ прервана подготовка лицъ съ юридическимъ образованіемъ, долженствовавшихъ вносить въ страну идеи права и справедливости, устанавливать и укрѣплять ихъ традиціи и сохранять ихъ отъ покушеній всякаго произвола.

Какъ ни тяжки въ настоящій моментъ всѣ условія учебной жизни въ Россіи, въ высшей степени понизившія степень подготовки учащихся по другимъ отдѣламъ знанія, все же, хотя и въ ограниченныхъ количествахъ и съ пониженнымъ качествомъ воспринятыхъ познаній, выходятъ изъ учебныхъ заведеній техники, агрономы, филологи и иные специалисты; юристы же отсутствуютъ полностью.

И въ то время, какъ специалисты иныхъ категорій, хотя и въ небольшомъ количествѣ, готовятся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Европы и, главнымъ образомъ, здѣсь, въ Прагѣ, въ условіяхъ, дающихъ возможность воспринять полныя знанія и необходимые технические и иные навыки подъ руководствомъ высокоавторитетныхъ европейскихъ научныхъ силъ, русскіе студенты—юристы лишены этой возможности, такъ какъ надо признать, что юридическая наука только лишь въ части является международной, въ главной же своей части — національной и, такимъ образомъ, пребываніе и изученіе на юридическихъ факультетахъ иныхъ странъ, хотя бы и подъ руководствомъ выдающихся ученыхъ юридическихъ силъ, можетъ лишь восполнять и расширять кругозоръ, но не можетъ замѣнить собой, какъ то имѣть мѣсто въ иныхъ специальностяхъ, бывшаго преподаванія на русскихъ юридическихъ факультетахъ.

Вотъ та причина, по которой Союзъ Русскихъ Академическихъ Организаций за-границей и Учебная Коллегія считали своимъ долгомъ передъ родиной и наукой употребить всѣ усилія для созданія Русскаго Юридическаго Факультета въ Прагѣ, гдѣ сложившаяся обстановка оказалась въ высшей степени благоприятной для этого.

Въ числѣ лицъ русскаго профессорскаго персонала, коимъ была предоставлена возможность Правительствомъ Чехословацкой Республики продолжать свою учебную и научную дѣятельность здѣсь, въ Чехіи, оказался полный составъ высокоавторитетныхъ ученыхъ, необходимый для преподаванія на всѣхъ курсахъ юридическаго факультета.

Изъ отчета секретаря факультета, вы увидите, что въ составъ его вошли наиболѣе цѣнные представители юридическихъ факультетовъ: Московскаго, Петроградскаго, Харьковскаго, Кіевскаго и Ростовскаго, обеспечивающіе вполне высокій уровень преподаванія.

Только высокому гостеприимству и особой заботѣ чешскаго народа въ лицѣ его Правительства, представителей науки чешскихъ университетовъ и ученыхъ чешскихъ организацій, мы обязаны сегодняшнему торжеству.

И мы почитаемъ, что сегодняшній день явится новымъ дополнительнымъ и еще болѣе связующимъ звеномъ въ культурномъ сближеніи и самомъ тѣсномъ укрѣпленіи братскихъ взаимоотношеній народа чешскаго съ народомъ русскимъ.

Высказываю нашу глубокую сердечную признательность Народу Чешскому, главѣ его Господину Президенту Д-ру Масарику, Правительству его въ лицѣ Министра Президента и Министровъ Иностранныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія, принявшихъ близко и сердечно наши начинанія, Университету Карлову и Университету въ Братиславѣ въ лицѣ ихъ Ректоровъ и Декановъ Юридическихъ Факультетовъ, а также Министерскому Совѣтнику Мичоку.

Рѣчь декана юридическаго факультета П. П. Новгородцева

Мы испытываемъ великую радость, но вмѣстѣ съ тѣмъ и сознаемъ великую національную и патриотическую ответственность, залагая сегодня основы Русскаго Юридическаго Факультета. Среди неясныхъ обстоятельствъ, предъ лицомъ невѣдомаго будущаго начинаемъ мы дѣло, которое прежде всего требуетъ твердаго, спокойнаго и увѣреннаго руководства, большого напряженія силъ и большой вѣры въ Россію.

Одинъ изъ студентовъ, поступающихъ къ намъ, на мой вопросъ, почему онъ избираетъ юридическій факультетъ, сказалъ мнѣ: я дѣлаю ставку на Россію. И это дѣйствительно такъ, — открытіе Русскаго Юридическаго Факультета есть ставка на Россію, ставка на ея будущее и, наконецъ, ставка на право. Учреждая нашъ факультетъ, мы твердо вѣримъ, что приближается время, когда Россія съ стихійной и неудержимой силой обратится къ правовымъ началамъ, когда, истомленная и изстрадавшаяся, она придетъ къ необходимости строить свое государственное и общественное бытіе на строгихъ и точныхъ началахъ права.

Вотъ какое предвидѣніе, вотъ какое ожиданіе, заставляетъ насъ уже теперь готовиться самимъ и готовить нашихъ молодыхъ людей къ ясному пониманію творческой силы идеи права и правового порядка. Мы хотимъ, чтобы наши молодые люди, эти будущіе строители Россіи, твердо усвоили ту мысль, что среди тысячи путей разрушенныхъ и заброшенныхъ въ разоренной Россіи, въ ней долженъ быть прежде всего восстановленъ такой важный и необходимый путь, какъ путь права, путь спокойнаго развитія на основахъ свободы, законности и справедливости.

Я знаю, что найдутся скептики, которые скажутъ, какимъ же образомъ профессора, воспитанные и учившіе въ старыхъ русскихъ университетахъ, научатъ новымъ путямъ жизни и новымъ путямъ права. Вѣдь надъ ними тяготѣютъ традиціи стараго права и старыхъ началъ. И, конечно, найдутся ревнители новизны, которые заподозрятъ нашу юридическую школу въ уклонахъ къ контръ-революціоннымъ принципамъ. Всѣ эти сомнѣнія и подозрѣнія я долженъ съ самаго начала категорически и рѣшительно отвергнуть. Я могъ бы повторить здѣсь слова, сказанныя Альбертомъ Вандалемъ при открытіи въ Парижѣ ряда курсовъ по исторіи французской революціи. Наши лекціи, говорилъ Вандаль, не представляютъ собою ни курсовъ революціи, ни курсовъ контръ-революціи, они будутъ держаться на почвѣ исторіи, на почвѣ науки. Вотъ точка зрѣнія, которой и мы хотимъ и будемъ держаться въ нашей высшей школѣ. Это точка зрѣнія науки, которая стоитъ выше самыхъ великихъ политическихъ событій, какъ бы ни казались они грандіозными, потрясающими, которая, не увлекаясь политической страстью, все изучаетъ въ свѣтѣ критическаго и безпристрастнаго анализа.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, я долженъ отклонить и другое сомнѣніе, которое также можетъ возникнуть сейчасъ противъ русской юридической школы. Каждое національное юридическое препода-

давание — а юридическое преподавание не может не быть национальным, — отправляется от изучения своего действующего права. Между тем, в России старое право отвергнуто, нового не создано, так как из той массы декретов и распоряжений власти, которые изданы в России за последнее время, можно извлечь скорее намеки на какой-то новый порядок, чем тверды и прочны его основы. И особенно в области гражданских-общественных и частных отношений все находится в расплавленном хаотическом состоянии. Что же здесь изучать? На что направить свое главное внимание? У русских юристов как будто бы вырвана почва из-под ног, и нет самого основного предмета изучения — т. е. своего действующего права. Положение наше может казаться безвыходным, но на самом деле оно ставит нам лишь более сложные и ответственные задачи. У нас нет сейчас действующего права, но мы находимся накануне его создания, оно должно создаться и притом в особых условиях русской жизни. Оно должно отразить на себе ее исторические, национальные, хозяйственные, бытовые особенности. Вот здесь то мы и находим настоящий предмет нашего изучения: задача русских юристов заключается в настоящее время в том, чтобы внимательным изучением истории своего права, сравнением его основ с иностранными образцами, углублением его возможностей и перспектив воспитать юридическую мысль к новому творчеству и созданию на родной русской почве. Благодаря составу наших преподавателей мы имеем счастливую возможность усилить и углубить исторические, экономические и философские предпосылки юридического преподавания, и это послужит прочным залогом лучшего осуществления наших целей.

Вот в каком духе будем мы вести наше преподавание, вот какие задачи мы будем себе ставить. Мы потребуем от нашей молодежи значительного труда, но мы твердо верим, что она поймет и оценит и наши усилия, и наши требования. Мы хотим, чтобы каждый, кто пройдет через нашу школу, мог потом с гордостью говорить о себе, что он прошел суровую школу Русского Юридического Факультета в Праге. И то обстоятельство, что наш Русский Юридический Факультет учреждается в прекрасной столице Чехословацкой Республики, обильной вековыми университетскими традициями, пусть послужит нам счастливым предзнаменованием. Строгой дисциплиной, упорным трудом, глубоким и горячим патристическим чувством создали чехи свое государство и свою культуру, и в этой атмосфере дисциплины, труда и патристизма пусть вырастет и наша новая школа, пусть и наш дух закалится и воспитается.

И когда потом, ослепленные любовью к родине и жаждой отдать все свои силы для возрождающейся России, мы вернемся к себе домой, пусть в наших сердцах останется навсегда неизгладимая благодарность к тому народу, который в тяжелую пору для России помог нам не только найти приют в наших многоликих скитаниях, но и создать здесь свою специальную высшую школу. Пусть же эта школа живет, растет и процветает на славу Чехии и на пользу России.

Секретарь факультета — проф. Н. Н. Алексеев, сдал следующий доклад: В столице Чехо-Словацкой республики, в Золотой Праге, основан Русский Юридический факультет.

Событие это имеет огромное значение, которое должно быть особенно отмеченным всеми, кому дороги интересы русской культуры.

Особо благоприятная судьба собрала в Праге значительное количество русских профессоров — юристов, воспользовавшихся братской помощью и гостеприимством Чехо-Словацкого народа.

В настоящий момент в Праге находится 13 русских профессоров-юристов и два доцента, в ближайшее время ожидается один профессор и один доцент. Такого коли-

чества преподавательских сил вполне достаточно для организации нормального юридического факультета по уставу Российских Университетов.

На юридическом факультете Российских Университетов числилось по уставу 12 кафедр. Большинство представителей различных юридических специальностей, имевших право занять эти кафедры, съехалось в Прагу, и это не только дало мысль, но и доставило почву для учреждения русского юридического факультета с соблюдением всех норм устава Российских Университетов.

Юридический факультет основан, как частное высшее учебное заведение в Чехословакии. Учредителем его является Союз Русских Академических Организаций. Уставом факультета является переработанный устав Русских Университетов. Устав этот находится ныне на утверждении Министерства Народного Просвещения Чехословацкой Республики, которое, в согласии с Министерством Иностранных Дел, разрешило открыть Юридический факультет до окончательного проведения его устава в общем административном порядке.

Не безынтересно остановиться на том, с какими русскими университетами были связаны собравшиеся в Праге русские профессора по своей прошлой деятельности. Всего более представлен в Праге Петроград, именно: шесть лиц из состава русского юридического факультета в Праге были связаны ранее с высшими учебными заведениями Русской столицы. Старейший из русских университетов, университет Московский, представлен четырьмя лицами. Даже идут: Харьковский университет (три профессора), Киевский университет (два профессора) и Донской (один профессор). Отсюда видно, что Русский Юридический факультет в Праге собрал научные силы из всех наиболее известных Российских Университетов.

Деканом Русского Юридического Факультета состоит бывший профессор Московского университета и директор Московского Коммерческого Института (позднее профессор Таврического университета), П. И. Новгородцев, секретарем факультета — бывший профессор Московского Коммерческого Института (позднее профессор Таврического университета) Н. Н. Алексеев.

В состав факультета входят (по алфавиту): профессор А. А. Вилков, проф. П. И. Георгиевский, проф. С. К. Гогель, проф. Д. Д. Гримм, доц. Г. Д. Гурвич, проф. С. В. Завадский, доц. У. Д. Жилаев, проф. М. М. Катков, проф. В. А. Косинский, проф. А. В. Маелецов, доц. А. В. Позняков, проф. П. Б. Струве, проф. В. Ф. Тотомлянц, проф. А. И. Фатеев.

Весьма существенной задачей каждого высшего учебного заведения является подготовка будущих научных и преподавательских сил. При Русском Юридическом Факультете насчитывается в настоящий момент восемь лиц, подготовляющихся к профессорскому званию, из них четыре по кафедрам Политической экономии, два по кафедрам Международного права, один по кафедрам Истории Русского права и один по кафедрам Финансового права.

При поддержке Французского Института в Праге и представителей местного отдела Союза Христианской Молодежи при факультете удалось собрать небольшую юридическую библиотеку. Помощью Союза Христианской Молодежи обеспечено также и издание литографированных курсов лекций, читаемых на Юридическом факультете. Ряд научных трудов задуман русскими профессорами-юристами, получившими возможность начать прерванную работу, благодаря помощи Чехословацкого народа.

Наличное число принятых студентов-юристов не будет превышать 250 человек. В число студентов юридического факультета прежде всего зачислено около ста человек студентов юридического факультета Карлова университета в Праге, из которых некоторые не покинули чешского университета и будут совмещать обучение в нем с обучением на русском факультете. Кроме того, на юридический факультет переведены некоторые русские студенты из Чешского Коммерческого Института с тем расчетом, что перевод их не только не продлит, но и может сократить срок их пребывания в высшем учебном за-

веденіи. Наконецъ, принято значительное количество абитуриентовъ и лицъ вновь прибывшихъ въ Прагу и не числящихся въ учебныхъ заведеніяхъ Чехословацкой Республики.

Что касается до основной группы студентовъ юристовъ, то по своей прошлой принадлежности къ русскимъ учебнымъ заведеніямъ, они распадаются слѣдующимъ образомъ: болѣе всего представлены столичные университеты (Москвы и Петрограда), значительное количество падаетъ на Кіевскій и Харьковскій университеты, затѣмъ на Донской и Новороссійскій. Но имѣются отдѣльные студенты и Юрьевского, и Казанскаго, и Таврическаго университетовъ, и Демидовскаго Лицея въ Ярославлѣ, и Московскаго Лицея, и Севастопольскаго Юридическаго Института.

Однимъ словомъ, на Юридическомъ факультетѣ въ Прагѣ представлено сейчасъ студенчество всей Русской Земли.

Затѣмъ съ привѣтствіями и рѣчами выступили: представитель Министерства Народнаго Просвѣщенія д-ръ Мчлокъ, проф. Карлова Университета д-ръ Кадецъ, Ректоръ Полит. Инст. въ Прагѣ проф. д-ръ Фельберъ, Проректоръ Карлова Университета, деканъ юрид. факультета въ Брно проф. Энглишъ, академикъ П. Б. Струве, представитель Союза русскихъ чеховъ инж. Вондракъ, инж. Васильевъ — отъ пражскаго отдѣленія Земгора, Директоръ Франц. Института въ Прагѣ проф. Тибаль, Директоръ Русской гимназій г. Петровъ, А. В. Жекулина — отъ имени Союза Городовъ, ген. Леонтьевъ, представитель О. Р. Э. С. О. — П. В. Влезковъ и др.

Почти во всѣхъ рѣчахъ указывалось на ту огромную роль, какую долженъ сыграть Русскій Юридич. Факультетъ, теперь единственный въ мірѣ, въ жизни Россіи.

Напечатано и издано
Издательствомъ
«СЛОВО», Берлинъ